U 142/92

2007044030

И 142/92

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1723

ОЧЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

МИХАИЛА СЕМЕВСКАГО

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
Ф. 81. 28614

ПЕТЕРБУРГЪ

1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 19 апрѣля 1861 года

Цензоръ *Е. Волковъ*

Оттиски изъ журнала «Время».

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

(РОД. 12 ОКТЯБРЯ 1664, УМ. 13 ОКТЯБРЯ 1723)

ОЧЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

I

БРАКЪ.

По мѣрѣ того какъ росъ и мужалъ великій Петръ, Софья Алексѣевна яснѣе и яснѣе видѣла непрочность своего положенія; въ тайныхъ совѣтахъ съ Василіемъ Голицынымъ она тщательно обдумывала планъ удержанія за собою господства надъ братьями и власти надъ Россіей.

Мысль объ удаленіи Петра отъ престола, даже объ убіеніи царственнаго юноши рано стала туманить голову сестры; не разъ сообщала она объ этомъ своему фавориту, но князь Василій Васильевичъ благоразумно удерживалъ ее отъ преступленія, а для упроченія на ея главѣ короны предложилъ женить Ивана Алексѣевича. Царь Иванъ былъ отъ природы *скорбенъ* главою (т. е. глупъ), косноязыченъ, страдалъ цынгой, плохо видѣлъ, и на восьмнадцатомъ году отъ рожденія, разслабленный, обремененный немощью духа и тѣла, служилъ предметомъ сожалѣнія и даже насмѣшекъ бояръ, его окружавшихъ... Женихъ онъ былъ плохой, но, весь во власти Софьи, онъ не противился ея желанію.

Правительница была увѣрена, что Иванъ явится неспособнымъ къ брачной жизни; тогда она принудитъ невѣстку вступить съ кѣмъ-нибудь «въ тайную связь» и подаритъ такимъ образомъ супруга дѣтьми. Предполагалось, что съ появленіемъ ихъ Петръ бу-

детъ совершенно устраненъ отъ престола, Софья навсегда овладѣетъ и Иваномъ, и Россіей; а если впослѣдствіи со стороны дѣтей больного явится желаніе властвовать именемъ отца, то правительница не затруднится доказать поступокъ царицы, заточить ее въ монастырь, объявить дѣтей незаконными, а *скорбнаго* отца женить на другой, которая своимъ безплодіемъ покажетъ немощь вѣнценосца и справедливость заточенія первой супруги. Желая имѣть всему дѣлу поддержку въ духовенствѣ, Софья рѣшилась возвесть на патріаршій престолъ архимандрита Сильвестра Медвѣдева, своего умнаго и дѣятельнаго пособника.

На сколько достовѣренъ этотъ обширный замыселъ, переданный греческимъ историкомъ Ѳеодози (¹) и нѣкоторыми другими писателями, рѣшить трудно; но нѣтъ сомнѣнія, что свадьба Ивана была задумана Софьей и болѣе или менѣе входила въ черту ея дѣйствій противъ Петра.

Женихъ былъ готовъ, дѣло было за невѣстой. По обычаю священной старины, въ царскіе терема свезли дочерей высшей московской аристократіи. Засуетились ихъ родители, закипѣли страсти придворныхъ честолюбцевъ, немощи и скорбь главы Ивана были забыты; всѣ ждали его выбора. Былъ ли онъ заранѣе рѣшенъ Софьей или представлялся на произволъ жениха, — неизвѣстно; какъ бы то ни было, но въ толпѣ юныхъ боярышень подслѣповатыя очи Ивана остановились на круглолицой, полной Прасковьѣ Салтыковой.

Подобные выборы невѣстъ, по разсказамъ иноземцевъ, бывали прежде гораздо сложнѣе: боярышнямъ, свезеннымъ на выборку, отводили покои, каждой отдѣльно; угощали всѣхъ за однимъ столомъ, увеселяли разными забавами. Царь присматривался къ нимъ, прислушивался къ ихъ бесѣдамъ, заговаривалъ самъ, осматривалъ по ночамъ, кто какъ спитъ — спокойно или безпокойно, и наконецъ, *воспылавъ страстію*, отдавалъ избранной платокъ и перстень, а остальныхъ щедро одаривалъ платьями и разными вещами, затѣмъ распускалъ по домамъ. На этотъ разъ воля Софьи и немощь Ивана упростили дѣло, и двадцатилѣтняя Прасковья безъ дальнѣйшихъ испытаній наречена невѣстой восьмнадцатилѣтняго царя Ивана (онъ род. 28 августа 1666 г.).

Впрочемъ, если вѣрить портрету, «скомпонованному» по портрету, хранящемуся въ московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, то невѣста Ивана была высока, стройна, полна; длинные волосы

(¹) *Ѳеодози*, Житіе Петра Великаго. Переводъ съ греческаго. Москва. 1788 г. с. 48, 64, 68.

густыми косами ниспадали на круглыя плечи; круглый подбородокъ, ямки на щекахъ, косички, красиво завитыя на невысокомъ лбу, — все это представляло личность интересную, веселую и очень миловидную.

Свадьба совершена была со всѣми церемоніями, которыми обыкновенно сопровождались подобныя торжества.

8 января 1684 года, наканунѣ вѣнчанія, былъ у царя столъ для бояръ, боярынь, родственниковъ и свойственниковъ отца и невѣсты. Иванъ съ Прасковьей сидѣли за особымъ столомъ. Царскій духовникъ, протопопъ, благословивъ жениха и невѣсту, велѣлъ имъ поцѣловаться, а бояре и боярыни поднялись съ поздравленіями; послѣ стола невѣста отпущена домой, и гости разъѣхались.

9 Января 1684 года, въ среду, Иванъ провелъ все утро въ соборахъ: отслужилъ молебенъ; на гробахъ державныхъ предковъ отправилъ пѣнье, приложился къ святынямъ и просилъ у Патріарха благословенья на брачную жизнь.

Между тѣмъ кончились приготовленія: уборка палатъ, свадебныхъ столовъ, разставленіе яствъ и проч. и проч., и торжество началось съ выполненіемъ тѣхъ мельчайшихъ обычаевъ, которые освящены были въ глазахъ дѣйствующихъ лицъ давностью лѣтъ и вѣковымъ употребленіемъ.

Многіе изъ этихъ обычаевъ, по отношенію къ настоящей свадьбѣ, были ничто иное, какъ выполненіе пустой формальности; такъ напримѣръ, Прасковья равнодушно могла слушать поученіе вѣнчавшаго ихъ патріарха: «. . . . у мужа будь въ послушаніи, другъ на друга не гнѣвайтесь, покорно выноси гнѣвъ супруга, если онъ за какую нибудь вину поучитъ тебя слегка жезломъ, такъ какъ онъ глава въ домѣ, и проч.» Прасковья не могла не знать, въ какомъ положеніи эта глава, на сколько она въ состояніи была думать, не только управлять ею, и отдавала свою руку не изъ любви и уваженія къ жениху, а потому, что ей и въ голову не должна была придти мысль объ отказѣ: этотъ бракъ возвышалъ ея родителей, родныхъ и наконецъ высоко ставилъ ее самое надъ остальными боярынями и боярышнями.

Обрядъ вѣнчанія въ соборной церкви совершалъ патріархъ Іоакимъ съ ключаремъ и тремя діаконами. Звонъ былъ въ большой новый колоколъ, а съ пришествія государя въ соборъ во всѣ колокола, и не умолкалъ до молебна (¹).

Послѣ вѣнчанія и свадебнаго стола, именитые гости, проведя царя и царицу въ опочивальню, усѣлись за столъ, выжидая часъ

(¹) Древн. Рос. Вивл. изд. второе, т. XI, с. 196, 197.

боевой, когда дружка принесетъ вѣсть, что у царя доброе совершилось...

«А на утро слѣдующаго дня, какъ велось это обыкновенно, царю и царицѣ готовили мыльни разныя, и ходилъ царь въ мыльню, и по выходѣ изъ нея возлагали на него сорочку и порты, и платье иное, а прежнюю сорочку велѣно было сохранять постельничему... А какъ царица пошла въ мыльню и съ нею ближнія жоны, и осматривали ея сорочку, а осмотря сорочку, показали сродственнымъ жонамъ немногимъ для того, что ея дѣвство въ цѣлости совершилось, и тѣ сорочки, царскую и царицину, и простыни, собравъ вмѣстѣ, сохранили въ тайное мѣсто» и проч.

Нѣтъ причинъ думать, чтобъ всѣ эти формальности не были выполнены, притомъ выполнены удовлетворительно; брачное торжество, по крайней мѣрѣ по наружности, было «въ добромъ совершеніи» и вся родня новой царицы ликовали въ царскихъ теремахъ за свадебными столами; на дворѣ и по сѣнямъ музыканты играли въ трубы, били въ литавры, и пылали разложенные въ различныхъ мѣстахъ на улицахъ и на дворахъ костры: то была иллюминація.

Родня царицы была обширная: Салтыковы принадлежатъ къ древнѣйшимъ и именитѣйшимъ фамиліямъ. Происхожденіе Салтыковыхъ восходитъ къ XIII вѣку. Предокъ ихъ Михайло Прушанинъ выѣхалъ изъ Пруссіи въ Новгородъ; отъ него пошли въ пятомъ колѣнѣ Морозовы, Чоглоковы, Шестовы и друг.; а въ восьмомъ колѣнѣ отъ Морозова-Салтыка потянулись Салтыковы. Они рано стали играть весьма важныя роли на политическомъ, военномъ и гражданскомъ поприщахъ; многіе изъ нихъ были самыми довѣренными и приближонными лицами московскихъ государей. Такъ мы видимъ Андрея Салтыкова оружейничимъ и любимцемъ великаго князя Василья Ивановича; братъ его, Василій Салтыковъ оборонилъ Опочку отъ Константина Острожскаго. Двое Салтыковыхъ пали въ Ливонскихъ походахъ; двое были именитыми боярами при дворѣ Грознаго; племянникъ ихъ — окольничимъ и любимцемъ Годунова; Борисъ Михайловичъ Салтыковъ весьма важнымъ лицомъ при царѣ Михаилѣ, а братъ его, Михаилъ — кравчимъ, окольничимъ и любимцемъ царя Алексѣя, при дворѣ котораго четверо Салтыковыхъ были боярами.

Одинъ изъ Салтыковыхъ, бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ, по прозванью Кривой, принималъ значительное участіе въ смутахъ при Лжедмитріѣ, былъ главнымъ подвижникомъ польской партіи и въ 1612 году уѣхалъ съ сыновьями въ Польшу, гдѣ былъ щедро одаренъ королемъ Сигизмундомъ. Сынъ его, Ѳедоръ Михайловичъ, выстроилъ въ отцовскихъ жалованныхъ помѣстьяхъ, близъ Доро-

гобужа, православный монастырь и, принявъ санъ инока съ именемъ Сергія, сдѣлался самымъ дѣятельнымъ распространителемъ раскола (ум. въ 1655 году); братъ его Петръ былъ дѣдомъ царицы Прасковьи, отецъ которой *Александръ* при царѣ Алексѣѣ, съ завоеваніемъ Смоленска, принялъ русское подданство. На основаніи нѣкоторыхъ извѣстій, онъ былъ въ Енисейскѣ комендантомъ, откуда вызванъ Софьей Алексѣевной.

Не смотря на то, что непосредственные родоначальники Прасковьи, ея прадѣдъ и дѣдъ были измѣнники отечества, все-таки фамилія Салтыковыхъ была славна заслугами многихъ изъ своихъ представителей; ни въ одной изъ фамилій не было столько бояръ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что правительница одобрила выборъ брата, а можетъ быть и сама сдѣлала его. А. Салтыковъ незадолго до свадьбы сдѣланъ правителемъ и воеводою города Кіева (¹). Счастливый родитель тогда же былъ возведенъ въ санъ боярина, съ повелѣніемъ перемѣнить имя: вмѣсто Александра онъ наименованъ Ѳедоромъ (²), вѣроятно въ честь имени покойнаго государя. Переименованный Салтыковъ былъ два раза женатъ: отъ перваго брака съ какой-то Катериной Ѳедоровной родился сынъ Василій Ѳедоровичъ и двѣ дочери — Прасковья и Настасья Ѳедоровны. Второю женою ихъ родителя была — Анна Михайловна Татищева (ум. 1702 года) (³). Шесть Салтыковыхъ были боярами и занимали важныя должности при дворѣ царей Ивана и Петра; одинъ изъ нихъ убитъ, по ошибкѣ, стрѣльцами 15 мая 1682 года, и пятнадцать изъ членовъ этой фамиліи владѣли въ то время въ Россіи большими населенными имѣніями.

Семейныя связи новой царицы были весьма значительны: такъ при посредствѣ браковъ своихъ дядей, также роднаго и двоюродныхъ братьевъ, она была въ родствѣ съ Трубецкими, Прозоровскими, Стрѣшневыми, Куракиными, Долгорукими и друг. Родная сестра ея Настасья вышла впослѣдствіи за-мужъ за знаменитаго князя-кесаря Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго.

Всѣ эти связи чрезвычайно важны въ біографіи Прасковьи: онѣ служатъ разъясненіемъ того значенія и почета, какими зачастую, если не всегда, пользовалась Прасковья при дворѣ Петра; ея же родствомъ объяснятся многія событія, съ которыми мы не разъ встрѣтимся въ нашемъ разсказѣ.

(¹) *П. Закревскій*: Лѣт. и оп. гор. Кіева. Чт. Об. Ист. 1858, т. II, с. 245.
(²) Дневникъ *Гордона*.
(³) *Кн. П. В. Долгорукій*; Рос. Род. кн. 1855, ч. II, с. 68—83.

Много говорить о воспитаніи Прасковьи намъ не приходится; то не было воспитаніе, а питаніе: ее выкормили полною, статною, съ высокою грудью, открытымъ лицомъ и длинною косою; затѣмъ выучили довольно плохо русской грамотѣ (она и впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, не была мастерица писать); остальное же довершили семейныя преданія и обычаи. Она выросла въ предразсудкахъ и суевѣріи; вѣрила колдунамъ, чудесамъ, вѣщунамъ, и строго выполняла пустые обряды, не вникая въ ихъ сущность и значеніе.

Идя по стопамъ своихъ предковъ и многочисленной родни, царица старательно выполняла обрядовую сторону религіи: нѣкоторые изъ ея родныхъ постригались въ монахи, умирали схимниками, — и вотъ Прасковья очень чтила духовенство, дружилась съ монахами, вела переписку съ нѣкоторыми митрополитами, ѣздила къ нимъ и разсылала подарки. Съ выходомъ за-мужъ жизнь ея пошла обычной колеей: вмѣстѣ съ державнымъ супругомъ она выполняла церковныя требы, не пропускала ни одной службы, посѣщала монастыри, дѣлала вклады, участвовала въ крестныхъ ходахъ, раздавала милостыню нищей братьи и колодникамъ (¹).

Жила она съ мужемъ, по обычаю, въ разныхъ покояхъ, гдѣ посѣщали ее время отъ времени боярыни, ближніе люди и многочисленная родня.

«И на праздники господскіе, и въ воскресные дни, и въ посты, повѣствуетъ Котошихинъ, царь и царица опочиваютъ въ покояхъ порознь; а когда случится быти опочивать имъ вмѣстѣ, и въ то время царь посылаетъ по царицу, велитъ быть къ себѣ спать или самъ къ ней похочетъ быть. А которую ночь опочиваютъ вмѣстѣ, и на утро ходятъ въ мыльню порознь, и ко кресту не приходятъ, понеже поставлено то въ нечистоту и въ грѣхъ...»

Нѣтъ сомнѣнія, что все это выполняли царь и царица, — но дѣтей, какъ и ожидала Софья, не было... Прошло пять лѣтъ брачной жизни, и во все это время только разъ мелькнула у Прасковьи мысль, что она беременна; сама она потомъ разсказывала: «при царѣ-де Иванѣ пучило у меня животъ съ годъ и я чаяла себя весь годъ брюхата, да такъ и изошло...» (²).

Однакожъ въ концѣ 1688 года для всего двора сдѣлалось извѣстно, что царица Прасковья «очреватѣла». Немощный царь былъ счастливъ, довольна была Софья; негодовали одни родные и мать Петра, видѣвшіе въ этой беременности слѣдствіе интригъ и козней прави-

---

(¹) Др. Рос. Вивліоф. изд. 2, т. XI, с. 177, 178, 179, 331, 332. — Дворц. разряды т. IV, с. 842 и друг.

(²) Госуд. Арх. карт. 7, писм. ц. Прасковьи 1719 г., л. 12.

тельницы. Проникая въ ея замыслы (1), Наталья Кириловна убѣдила сына вступить въ бракъ; 27 января 1689 года Петръ обвѣнчался съ А. Ѳ. Лопухиной. — 21-го марта того же года, въ четвергъ ночью, ц. Прасковья разрѣшилась отъ бремени — дочерью. Рано утромъ благовѣстъ Успенскаго колокола возвѣстилъ Москвѣ о приращеніи царственнаго семейства; власти съѣхались, пришолъ царь — и патріархъ отслужилъ молебенъ.

Въ понедѣльникъ, 25 марта, новорожденная окрещена въ Чудовѣ монастырѣ именемъ *Марьи;* службу совершалъ Патріархъ; воспріемниками были — царь Петръ и тетка его, Татьяна Михайловна.

Послѣдній фактъ, какъ повидимому ни незначителенъ онъ, однако возбуждаетъ вопросъ: почему воспріемницей не была Софья Алексѣевна? Была ли она недовольна рожденіемъ племянницы вмѣсто племянника, или Прасковья, не лишенная природнаго ума и прозорливости, провидѣвъ будущую участь правительницы, заискивала въ Петрѣ и въ уважаемой имъ теткѣ?

Впрочемъ за столомъ, ради рожденія Марьи, въ четвергъ 18 апрѣля, въ Грановитой палатѣ вмѣстѣ съ Патріархомъ, царемъ Иваномъ и другими была Софья; сидѣли по чину, слушали чтеніе патріаршаго канархиста, а послѣ стола, «отдѣйствовавъ Пречистую, пили заздравныя чаши» (2).

Съ этого времени не проходило почти года, чтобъ царица Прасковья не радовала мужа рожденіемъ дочери. Такимъ образомъ, 4 іюня 1690 года родилась царевна, 20 числа ее крестилъ именемъ Ѳедосьи архимандритъ Чудова монастыря; воспріемниками были Петръ и ц. Татьяна, но на обѣденномъ кушаньи ради рожденія, 4 іюля, былъ только одинъ царь Иванъ и пилъ заздравную чашу съ духовенствомъ (3).

29 октября 1692 года рано по утру Прасковья родила новую царевну; съ радостною вѣстью поспѣшилъ къ патріарху болярнъ Ѳедоръ Петровичъ Салтыковъ; святѣйшій послѣ благовѣсту служилъ литургію и дарилъ посланнаго. Во второмъ часу по-полудни пріѣхалъ изъ Преображенскаго Петръ, и государи многолѣтіе пѣли и знаменовались. 8 ноября прежніе воспріемники были при крещеніи царевны *Катерины* въ Чудовомъ монастырѣ, а два дня спустя былъ по этому случаю радостный столъ (4).

---

(1) *Голиковъ*, изд. 2, т. I, с. 49. — *Ѳеодозія* с. 66, 71.
(2) Др. Рос. Вивліоѳ. изд. второе, ч. II, с. 182—183.
(3) Др. Рос. Вивліоѳ. изд. второе, т. XI, с. 186—187.
(4) Тамъ же с. 188—189.

28 янв. 1693 года родилась царевна *Анна;* въ слѣдующемъ 1694 году 24 сентября царица разрѣшилась послѣдней дочерью: то была царевна *Прасковья*.

Такая плодовитость благовѣрной супруги радовала Ивана Алексѣевича; но родительское сердце больного претерпѣвало также и утраты: изъ пяти дочерей онъ скоро лишился двухъ старшихъ, Марьи и Ѳедосьи (скончч. 13 февр. 1690 г. и 12 мая 1691 г.). При совершеніи погребальныхъ обрядовъ въ Вознесенскомъ монастырѣ присутствовали отецъ и мать (1).

Супруги и послѣ паденія Софьи не играли никакой роли въ управленіи Россіей: Иванъ по скорби главы, Прасковья по ежегодной беременности ни мало не мѣшались въ дѣла, которыми управляли отъ имени юнаго еще Петра его родственники и совѣтники, какъ Русскіе, такъ и иноземцы. За Иваномъ оставался только одинъ титулъ; имя его упоминалось во всѣхъ актахъ государственныхъ; онъ имѣлъ свой дворъ, своихъ царедворцевъ, являлся народу въ торжественныхъ случаяхъ въ полномъ царскомъ облаченіи, наконецъ участвовалъ въ торжественныхъ пріемахъ пословъ, либо въ церковныхъ празднествахъ. Нельзя согласиться съ г. Устряловымъ въ томъ, что Петръ нѣжно любилъ и глубоко уважалъ своего брата (2). По крайней мѣрѣ письма Петра къ Ивану ничего не заключаютъ въ себѣ особенно-нѣжнаго: эти письма не болѣе, какъ обыкновенныя родственныя посланія, кромѣ впрочемъ одного, въ которомъ Петръ требуетъ устранить отъ правленія «зазорное лицо» — Софью (3).

Что Петръ не заявлялъ брату глубокаго уваженія, видно ужь изъ того, что при крещеніи обоихъ сыновей его, Алексѣя Петровича 23 февр. 1690 г. и Александра Петровича 1 ноября 1692 г., Иванъ Алексѣевичь не былъ приглашонъ въ воспріемники. Въ первый разъ былъ воспреемникомъ Патріархъ Іоакимъ съ царицей Татьяной Михайловной, а во второй — келарь Троицкій съ царевной Натальей (4).

Между тѣмъ ежегодное рожденіе дочерей у ц. Прасковьи вовсе не доказывало, что здоровье ея мужа оправилось; напротивъ, въ 1696 году царь Иванъ, достигая тридцатилѣтняго возраста, хотя не обнаруживалъ признаковъ смертельной болѣзни, но уже

---

(1) Тамъ же с. 203—204, 210—211, 236, 240.

(2) Истор. Петр. Вел. 1858, т II, с. 264, 265.

(3) Тамъ же — 77, 408. — У Голикова см. разглагольствованія «о нѣжной любви, взаимной снисходительности и чувствительности двухъ братьевъ», т. I. с. 92—93, 255.

(4) Др. Рос. Вивл. изд. второе, т. XI, с. 184 и 188.

таилъ ее въ своей груди. 6 января онъ ходилъ въ торжественномъ облаченіи за крестами изъ Успенскаго собора на іордань, устроенную на Москвѣ рѣкѣ; день былъ чрезвычайно теплый, совершенно весенній, былъ дождь и молнія (¹); царь былъ съ непокрытой головой, промочилъ ноги и сильно простудился. 21 января Иванъ былъ въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ на панихидѣ по царицѣ Натальѣ Кириловнѣ; 26 января въ день имянинъ сестры своей, царевны Маріи Алексѣевны, слушалъ обѣдню въ дворцовой церкви Іоанна Предтечи; по окончаніи службы принималъ въ передней палатѣ обычныя поздравленія, жаловалъ ближнихъ людей фряжскими винами, а стрѣлецкихъ полковниковъ и гостей водкою, а чрезъ три дня его ужь не стало: онъ умеръ скоропостижно (²) 29 января 1696 года, въ-третьемъ часу по-полудни.

Послѣ обычной торжественной церемоніи, на другой же день тѣло Ивана Алексѣевича было отнесено въ соборъ Михаила Архангела; въ теченіе шести недѣль каждый день по десяти царедворцевъ охраняли гробницу. Ивана похоронили подлѣ царя Ѳедора, позади перваго столба на лѣвой сторонѣ.

Въ скоромъ времени новый ударъ поразилъ Прасковью: потерявъ мужа, она лишилась и отца. Ѳедоръ Салтыковъ скончался 2 февраля 1697 года.

II

ЖИЗНЬ ВЪ МОСКВѢ И ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ

Прасковья осталась съ тремя малютками, но печалей и заботъ ей не предстояло много. Петръ оказывалъ невѣсткѣ уваженіе, выполнялъ ея просьбы; для управленія хозяйствомъ и для удовлетворенія ея нуждъ отдалъ въ полное распоряженіе В. А. Юшкова и предоставилъ выбрать мѣсто жительства. Невѣстка, какъ владѣтельница села Измайлова, выбрала его своею резиденціею.

Эта старинная подмосковная вотчина дома Романовыхъ состояла изъ села, дворцовыхъ зданій съ двумя церквами и звѣринца съ садами, прудами и мельницами.

Царица-помѣщица занимала громадный, по тому времени, дворецъ; онъ былъ на острову, окружонный прудами и рѣчкой Сереб-

---

(¹) Желябужскій, с. 61.

(²) *Туманскій*, Рос. Магаз. III, с. 77—89 дворц. записки. Дневн. *Гордона*. — *Желябужскій*, изд. 1840, с. 63—279. *Др. Р. Вивл.* ч. 11, стр. 228.

ровкою; въ длину дворецъ вытягивался на 122 саж., въ ширину на 84 саж., съ двухъ сторонъ готическія башни служили воротами на широкій дворъ; голландскіе часы съ курантами украшали одинъ изъ въѣздовъ. Покои были въ одно жилье, маленькіе, низменные, со сводами и съ толстыми рѣшотками въ окнахъ. Въ нихъ размѣщались сотни челядинцевъ, составлявшихъ дворъ и свиту царицы; тутъ же были кладовыя, поварни, медоварни и винные погреба. На южной сторонѣ дворца надстроены были огромныя брусчатыя хоромы съ теремами. Онѣ примыкали къ двухъэтажной дворцовой церкви, въ которой на хорахъ обыкновенно стаивала царица и царевны.

У дворца, на холмѣ, подымался памятникъ благочестія царя Алексѣя, величественный каменный соборъ о пяти главахъ, крытый гонтомъ, съ высокими крыльцами и окнами съ слюдяными оконницами; у подошвы холма колокольня или вѣрнѣе башня съ подъѣздными воротами и тутъ же на Серебровскомъ пруду была каменная мельница Серебриха; башня славна была тѣмъ, что въ ея средней палатѣ нѣкогда съѣзжалась царская дума; здѣсь былъ судъ и расправа, и неподалеку, близъ стараго звѣринца, у съѣзжей избы стояла висѣлица; нечего и говорить, что при новой помѣщицѣ великій Петръ часто посѣщалъ Измайлово и висѣлица не была праздна...

Вся обстановка Измайлова была чисто царская, со всѣми возможными удобствами, даже роскошью. Кромѣ названнаго дворца, на берегу Серебровки были еще деревянныя хоромы; подлѣ нихъ разбиты были регулярный и виноградный сады; кромѣ того, въ звѣринцѣ были сады съ прудомъ, на которомъ водились царскія птицы — лебеди.

Сады были богаты всякаго рода растеніями: фруктовыми деревьями, цѣлебными травами и кореньями. На птичьемъ дворѣ, кромѣ лебедей, водились павлины, китайскіе гуси, англійскія куры, утки; на скотномъ дворѣ насчитывались сотни головъ домашняго скота. Въ старомъ дворцовомъ звѣринцѣ были олени, кабаны, дикобразы, ослы, лошаки и проч.

Было гдѣ погулять, побѣгать и поиграть подроставшимъ царевнамъ: всюду онѣ встрѣчали просторъ, раздолье, полное удовлетвореніе своимъ желаніямъ. Маменька жила зажиточною помѣщицей: у нея подъ рукой было все, что нужно для самаго обширнаго хозяйства: всевозможные ремесленники, мастера, повара, громадный штатъ прислуги были къ ихъ услугамъ. Царица правила, распоряжалась, судила и рядила, миловала и карала, принимала гостей, угощала ихъ, и жизнь текла въ довольствѣ, сытно и тепло,

вполнѣ соотвѣтственно развитію и потребностямъ измайловскихъ обитательницъ.

За царевнами укаживало множество мамушекъ и нянекъ; онѣ гуляли съ ними въ тѣнистыхъ садахъ, посѣщали хозяйственныя заведенія, стеклянный заводъ, славный своими издѣліями; молились по церквамъ, забавлялись на прудахъ, которыхъ насчитывалось до двадцати. Царевны пускали туда щукъ и стерлядей съ золотыми сережками и сзывали рыбъ на кормъ по колокольчику. Подростая, онѣ привыкали въ теремахъ своихъ къ шитью и вышиванью шолкомъ и золотомъ, но рукодѣлье не далось имъ; покрайней мѣрѣ нѣтъ извѣстій, чтобъ какая-нибудь изъ трехъ сестеръ сдѣлалась искусницей въ этомъ дѣлѣ.

Церковный праздникъ и царскій день ознаменовывался сгономъ крестьянъ и крестьянокъ на широкій дворъ для собственнаго веселья и для забавы помѣщицы съ ея чадами: выставлялось пиво, вино, заводились хороводы, сбѣгались толпы мальчишекъ — и царевны раздавали имъ пряники, куски избойны маковой, денежки и полушки (¹)...

Свѣтлая сторона жизни матери-помѣщицы ярко рисуется передъ нами; но она не помѣшаетъ намъ перевернуть медаль — заглянуть и на чорную сторону того же патріархальнаго быта, гдѣ самоуправство и жестокость клали столь густыя тѣни и не на такія лица, какова была Прасковья...

Но эту сторону ея характера мы еще увидимъ, а теперь нельзя не отдать справедливости особенному такту царицы принаравливаться къ обстоятельствамъ. Являя приверженность къ старинѣ, она въ то же время умѣла угодить Петру. Она не входила въ сношенія съ нелюбезными ему сестрами, неосторожно судившими и осуждавшими Петра и его сторонниковъ. Имѣя возможность часто навѣщать заключенную царевну Софью, Прасковья уклонялась отъ этихъ свиданій и не входила ни въ какія козни (²).

Казни стрѣльцовъ и грозная опала, поразившая царскихъ сестеръ въ октябрѣ 1698 года, еще болѣе сдѣлали царицу осторожною въ отношеніи къ петровскимъ реформамъ; не отрѣшаясь вполнѣ отъ святой для нея старины, она въ тоже время дѣлала рядъ уступокъ требованіямъ новаго времени, и дѣлала это не по принужденію, а единственно изъ желанія сохранить расположеніе мо-

---

(¹) Воспоминанія о подмосковномъ селѣ Измайловѣ. М. 1837 г. — О хозяйственныхъ заведеніяхъ въ с. Измайловѣ, ст. *А. Малиновскаго* въ Землед. Журналѣ. М. 1824, №II. — Также Русс. Старина, М. ч. 4.

(²) Устр. т. III, с. 156.

нарха. Такъ, дѣло первой важности — воспитаніе дѣтей своихъ она поручила иноземцамъ: при дочеряхъ ея въ качествѣ учителя нѣмецкаго языка и гувернера рано является заѣзжій нѣмецъ, Іоганъ-Христофоръ-Дитрихъ Остерманъ, старшій братъ знаменитаго впослѣдствіи кабинетъ-министра (¹) Но это близкое родство съ человѣкомъ замѣчательнымъ не отразилось на умѣ Іогана Христофора. Это былъ нѣмецъ бездарный, ни къ чему неспособный (²). Петръ не употребилъ его къ какому-либо важному дѣлу, и даже Андрей Остерманъ, при всемъ своемъ значеніи, не находилъ возможнымъ дать ходъ Іогану. «Старшій Остерманъ, такъ отзывались люди, близко его знавшіе, былъ величайшій глупецъ, что не мѣшало ему однако считать себя человѣкомъ съ большими способностями, вслѣдствіе чего онъ всегда говорилъ загадками. Жилъ онъ очень уединенно и не пользовался уваженіемъ (³).»

Но онъ былъ нѣмецъ, нѣмецъ молчаливый, важный, преисполненный сознаніемъ собственнаго достоинства; нѣмцы были въ ходу, нѣмцы были въ силѣ, нѣмцы считались воспитателями наслѣдника престола, и всего этого было достаточно для Прасковьи, чтобъ вручить воспитаніе дочерей Іогану. На сколько въ немъ было педагогическихъ способностей, Прасковья не могла знать, а Петръ, не успѣвавшій приглядѣть за обученіемъ собственнаго сына, не имѣлъ времени полюбопытствовать о воспитаніи племянницъ. При нихъ былъ нѣмецъ: мать и дядя, а болѣе всего самъ наставникъ, были спокойны и довольны.

Но кромѣ нѣмца, для полнаго развитія дочерей необходимъ былъ французъ, и царица позаботилась принять въ 1703 году француза Стефана Рамбурха.

Рамбурху обѣщано 300 руб. въ годъ съ тѣмъ, что бы онъ всѣхъ трехъ царевенъ «танцу училъ и показывалъ зачало и основаніе языка французскаго». За аккуратное вознагражденіе учителя поручился Остерманъ.

Новый наставникъ, какъ видно изъ собственноручныхъ его писемъ, зналъ французскій языкъ довольно плохо, но это не мѣшало ему обучать царевенъ втеченіе пяти лѣтъ, до 1708 года. «Зачало и

(¹) Генрихъ-Іоганъ-Фридрихъ Остерманъ былъ представленъ царицѣ своимъ братомъ педагогомъ. — Какъ тебя зовутъ? спросила Прасковья. — Генрихъ, отвѣчалъ нѣмецъ, сынъ Ивана. — И такъ, продолжала Прасковья, ты долженъ называться Андреемъ Иванычемъ.

(²) Russische Günstlinge. Тюбингенъ, 1809 г., стр. 83—85.

(³) Mémoires du duc de Lihria et de Berwick, écrits par lui-même. Paris, 1788.

основаніе французскаго языка» не привились царевнамъ: ни одна изъ нихъ не овладѣла языкомъ на столько, чтобъ писать, даже и объяснялись на немъ плохо. Что же касается до танцевъ, то къ нимъ онѣ оказались положительно неспособными, въ особенности царевна Прасковья, съ малолѣтства дѣвушка слабая и болѣзненная; живѣе и подвижнѣе была Катерина.

Кто былъ виноватъ въ неуспѣхахъ царевенъ — онѣ ли сами, попечительная ли мамаша, или учителя, — неизвѣстно; извѣстно только то, что учителямъ стараться было не изъ чего. Рамбурхъ втеченіе пяти лѣтъ ни разу не получилъ слѣдуемаго жалованья, не увидѣлъ его и потомъ послѣ «долголѣтнихъ докукъ царицѣ, царевнамъ и государю» (1).

Бѣдному французу было трудно что-нибудь получить отъ бережливой царицы; только одна ревность къ церкви и ея служителямъ вызывали Прасковью на подарки духовенству и церковные вклады. Такимъ образомъ спальникъ царицы, Юшковъ, лицо близкое, выбранное царевной Софьей, по порученью госпожи, развозилъ дары святителямъ Димитрію Ростовскому (2), митрополитамъ, Илларіону Суздальскому, епископу Ростовскому Досифею и другимъ.

«Великой государынѣ, благовѣрной царицѣ и великой княгинѣ, Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, вашъ государскій богомолецъ, смиренный Дмитрій, митрополитъ Ростовскій, всесвятаго Бога моля, челомъ бьетъ (3).

«Во извѣстіе тебѣ, великая государыня, благовѣрная царица и великая княгиня, Параскева Ѳедоровна, доношу, что октября 18 дня отъ вашей государской пресвѣтлости спальникъ Василій Алексѣевичъ Юшковъ въ Ростовѣ вашу государскую милость мнѣ возвѣстилъ, и жалованье: преизрядныя водки въ четырехъ сосудцахъ стеклянныхъ, именуемыхъ бутылкахъ, и капусту красную три кочана объявилъ и вручилъ. Азъ же, смиренный, таковую вашу государскую къ себѣ милость и выше именованное жалованье пріяхъ, благодарственно и смиренно челомъ бью. И кушаю въ здравіе, про ваше государское здравіе. И за сіе ваше государское милостивое ко мнѣ, богомольцу вашему, жалованье долженствую азъ о вашемъ го-

---

(1) Его жалобы и челобитныя въ Госуд. Арх. при Мин. Ин. Дѣлъ. Каб. II, пол., к. 65, л. 726; к. 69, л. 118 и 119.

(2) Древн. Росс. Вивліоф., изданіе 2, т. XVII, с. 67. Въ запискахъ Димитрія Ростовскаго между прочимъ отмѣчено: «20 января 1708 г. въ Ростовѣ была благовѣрная государыня, царица Прасковья Ѳедоровна, а съ ней была Ирина Володиміровна Курбатова съ Имеретинскимъ царевичемъ» и проч.

(3) Годъ и число неизвѣстны. Др. Рос. Вивл. XVII. с. 69.

сударскомъ многолѣтномъ здравіи премилостиваго Господа Бога молити всегда.»

Вообще надо сказать, что царица обмѣнивалась письмами со многими представителями именитѣйшаго духовенства; но эти письма ограничивались увѣдомленіемъ о посылкѣ того или другого гостинца и просьбой благословенія и молитвъ. Іерархи за первое благодарили, благословляли — и обѣщали молиться... Впрочемъ попадаются и въ этой корреспонденціи письма довольно интересныя. Такъ напр. въ 1708 г. царица ходатайствовала у Дмитрія Ростовскаго за одного попа, пособника раскола. Вотъ что отвѣчалъ святитель 9 ноября того же года.

«Изволила ты, государыня, по милости своей милосердствовати о отставномъ вдовомъ попѣ, Давидѣ, села Курбы, дѣлъ его не вѣдая, чтобъ ему прощену быть и на своемъ мѣстѣ жить попрежнему. И я, богомолецъ вашъ, вашему царскому величеству о томъ попѣ творю извѣстно, что тотъ попъ, уже тому назадъ прошло годовъ два, какъ онъ отъ курбовской церкви отставленъ, а священства не отлученъ, аще и достоинъ былъ отлученія, и велѣно ему постричься, въ коемъ себѣ изберетъ монастырѣ, понеже грамота государская у насъ есть, чтобъ вдовыхъ поповъ постригать; и по той грамотѣ постриженся ему велѣли. А на его мѣсто того жъ часа поставихомъ попа иного, иже и до нынѣ тамо священнодѣйствуетъ безъ порока. А вдовый попъ отставленъ по правиламъ за его неистовство и раскольническое противленіе церкви нашей православной, и за хуленіе книгъ новоисправныхъ, и развращеніе людей простыхъ въ прелесть раскольническую, и за лживыя его чудеса, и хуленіе на чудотворную икону Пресвятыя Богородицы Тольской, о чемъ все подробно розыскивали. Былъ въ то время въ Ярославлѣ болярпнъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, и былъ при немъ тотъ розыскъ; самъ розыскивалъ, и обрѣлася того попа во всемъ винность; и велѣлъ болярпнъ не держать таковаго развратника, и святотатца, и хульника. Судивше убо, отставихомъ его отъ церкви; обаче милосердствуя о немъ, аще и мнѣ много было отъ него досады: предъ многими бо люди хуля мое смиренное имя, нарицалъ меня еретикомъ, и римлянпномъ, и невѣрнымъ, и многими браньми лаятельствуя, обаче все то ему прощая Христа ради моего: *иже укаряемый противу неукаряше, и стражда не прещаше.* Взирая на незлобіе Спаса моего, тому попу простихъ и священство не запретихъ, и далъ ему волю избрати себѣ гдѣ мѣсто въ монастырѣ, въ коемъ либо постриженся. А нынѣ, государыня, когда его паки на прежнее мѣсто въ село Курбу пустить, то гдѣ сего, который нынѣ тамо служитъ попъ, опредѣлить? Какъ его отставить безвинно?

Однако утѣшити виноватаго, а неповиннаго плакать заставить праведно ли будетъ? А къ тому и гнѣва Божія на себѣ боюся, егда волка, въ одеждѣ овчей суща, пущу въ стадо Христово погубляти души людскія раскольническими ученьми. Еще же и государева гнѣва опасаюся, аще грамотѣ его, государевой, вдовыхъ поповъ постригать повелѣвающей, ослушенъ буду. Молю убо, ваше царское благородіе, не положите гнѣва на мя, богомольца своего, что не могу содѣлати вещи невозможной. Азъ же, грѣшный, на того попа гнѣва не держу и не ищу его, и запрещенія ему отъ меня нѣтъ; а принужденія къ иночеству нѣтъ же, какъ онъ себѣ хочетъ. Овца, не слушающая пастыря, волку корысть, а я чистъ отъ погибели его. Вашему же царскому величеству низко кланяются» (¹).

Весьма вѣроятно, что царица ходатайствовала за этого человѣка подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ покровителей раскола. Извѣстно, что двоюродный дѣдъ ея, бояринъ Салтыковъ, монахъ Сергій (ум. 1655 г.), былъ ярый расколоучитель и оставилъ учениковъ (²). Дворецкій и служитель этого боярина, Исаія, былъ поборникъ раскола, совращалъ многихъ, былъ любимецъ и полновласный распорядитель имѣній господина. По словамъ своихъ поклонниковъ, Исаія «за множество разума и за доброе ревности дворомъ всѣмъ не только былъ любимецъ и присный совѣтникъ господина, но и самому царскому величеству за благоразуміе познаваемъ бяше...»

Не менѣе глубокое уваженіе питала Прасковья къ Іову митрополиту Новгородскому: «Всеблаженнѣйшій и всепреподобнѣйшій архипастырь, писала къ нему царица, въ дусѣ же свѣтелъ любезнѣйшій нашъ отецъ и сладчайшій учитель преосвященнѣйшій-киръ-Іовъ митрополитъ великаго Новаграда и Великихъ Лукъ. Желаю отъ души моея да всемогущая и вседержавная триипостасная благость Божія сохранитъ ваше преосвященство благополучно, мирно, здраво, душеспасительно и многолѣтно!

«При семъ возвѣствую вашему архипастырству, по обѣщанію моему, посланная къ вашей святынѣ съ Аарономъ епископомъ 100 руб. денегъ на строеніе пятибратскаго Созоневскаго монастыря благоволи принять во удобное строеніе того монастыря, по своему разсмотрѣнію, то наше подаяніе истощити и въ умедленіи сея при-

---

(¹) Др. Рос. Вивл. 1791 г. XVII. Дневныя записки св. Дмитрія, митрополита Ростовскаго, с. 66—68. М. 1791 г.

(²) Онъ былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ заводчиковъ раскола. «Сиглитикъ царя Алексѣя (такъ повѣствуетъ исторіографъ раскола Денисовъ) Салтыковъ столько былъ смѣлъ, что даже въ присутствіи самого царя торжественно защищалъ двуперстный крестъ.»

сыяки не позазри, понеже вѣстно вашему преосвященству, что уже не нынѣ и не столько, но сугубо обѣщала дати и умедлила, надежду имѣя на вице-губернатора Корсакова и объ отдачѣ къ нему и писала, но онъ сего не учинилъ не вѣдаю для чего; и сугубое достальное то самое жъ желаю прислати или съ собою привезу, аще Богъ изволитъ и жива буду въ грядущее лѣто.

«Прошу вашего преосвященства, да не оставлена буду я и дщери моя въ вашихъ архипастырскихъ молитвахъ.

«Еще прошу, надѣяся на вашу архипастырско-духовную любовь, пожалуй батюшка, не прогнѣвайся на Аарона-епископа за укоснеціе ѣзды его изъ Москвы; — истинно неоднократно мы его удерживали; но онъ еще и немало печаленъ былъ о разлученіи вашего архипастырства; но исполняя наше повелѣніе, не дерзнулъ чрезъ наше слово отъѣхать. Паки просимъ, по своему благому состоянію, отпусти ему сей долгъ. Многогрѣшная припадая къ стопамъ твоимъ святыхъ и молитвахъ прошу. Царица Прасковья изъ Измайлова. 14 февр. 1714 г.» (¹).

Одно ужь это письмо показываетъ, въ какихъ близкихъ и дружественныхъ сношеніяхъ находилась Прасковья съ представителями именитаго духовенства.

Пересылалась она съ нимъ письмами, посылала подарки, ходатайствовала о епископахъ, попахъ да діаконахъ, наконецъ ѣздила къ нимъ сама на поклонъ — молить о благословеніи да внимать ихъ вѣщему слову.

Между прочимъ царица зачастую посѣщала уважаемаго ею митрополита Илларіона Суздальскаго; ѣздила къ нему въ сопровожденіи малютокъ-лѣтокъ, съ дарами и поклономъ, въ Спасокукоцкую и Золотиловскую обители. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ царица долго бесѣдовала съ уважаемымъ старцемъ, обнаруживала безпокойство о будущей участи своихъ царевенъ и просила за нихъ молиться.

Въ отвѣтъ на это преосвященный, въ прозорливость и пророчества котораго вѣрила паства, вѣрила и Прасковья, предсказалъ царевнѣ Аннѣ высокую участь: власть и корону.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Прасковья, съ малолѣтства обыкшая видѣть среди своихъ родственниковъ фанатиковъ, зачастую прибѣгавшихъ къ чудесамъ и чародѣйству для распространенія своего ученія, невольно сохранила слѣпую вѣру въ предсказанія и во все чудесное. Въ низенькихъ покояхъ ея обширнаго дома, въ

(¹) Свидѣтельствуемъ нашу признательность М. П. Погодину за сообщеніе этого документа.

толпѣ челядинцевъ, особливо первое время, по словамъ Татищева, не только были терпимы ханжи, пустосвяты и всякіе уроды физическіе и нравственные, но нѣкоторые изъ нихъ почитались чуть-чуть не за святыхъ; въ штатѣ благовѣрной государыни были гадальщицы и пророки. Въ послѣднемъ званіи состоялъ между прочими отставной подъячій Архипъ Тимофѣичъ: у него цѣловали руки, просили благословенія, ждали вѣщаго слова и каждому безсмысленному изреченію придавали какое-то таинственное, во всякомъ случаѣ священное значеніе (1). При посѣщеніяхъ Петра, мнимыхъ пророковъ убирали въ дальніе чуланы; но всѣхъ скрыть было нельзя, и они давали поводъ монарху къ частымъ насмѣшкамъ. «Дворъ моей невѣстки, говаривалъ Петръ, госпиталь уродовъ, ханжей и пустосвятовъ.»

Но царица умѣла ему угодить въ другомъ, была къ нему предупредительна, во многомъ дѣлала уступки, и Петръ снисходилъ къ ея предразсудкамъ.

Такъ напримѣръ царица частію изъ угожденія государю рѣшилась промѣнять свое привольное Измайлово (2) на неизвѣстный и едва ли любезный для нея Петербургъ. Она не могла не знать тѣхъ неудобствъ и лишеній, съ которыми неминуемо сопряжена была столь дальняя поѣздка по сквернѣйшей дорогѣ въ страну болотную, полудикую, бѣдную, въ конецъ опустошонную продолжительной войной; но толковая женщина не могла не видѣть, что городокъ, возникающій изъ этихъ болотъ, есть любимое созданье Петра, и она торопилась выполнить указъ, неоднократно повелѣвающій именитымъ москвичамъ переселяться на берега Невы (3).

24 августа 1706 года происходило погребеніе любимой тетки государя, царевны Татьяны Михайловны; между прочими членами царскаго семейства шла Прасковья съ старшей дочерью Катериной; вся процессія была «въ печальномъ, смирномъ платьѣ, со свѣщами» (4).

---

(1) Насъ увѣряли,— не знаемъ, на сколько это справедливо,— что въ одномъ аристократическомъ семействѣ въ Москвѣ сохраняется изъ рода въ родъ борода Тимофѣича, штатнаго пророка царицы Прасковьи.

(2) Кстати замѣтить, что Прасковья была очень встревожена 25 февраля 1700 года. «Часу въ третьемъ случился пожаръ, загорѣлись ея хоромы, — пожаръ съ нуждой удержанъ.» Письмо Ѳ. А. Головина къ Петру I. Госуд. Арх. Собраніе Петровскихъ рескриптовъ.

(3) 1708 года марта въ день, по указу государеву, была на постельномъ крыльцѣ сказка: велѣно ѣхать царедворцамъ по домамъ съ Москвы, а первой статьѣ велѣно быть на Москвѣ. *Желябужскій*, с. 240.

(4) Чинъ погребенія цар. Татьяны Михайловны въ Др. Рос. Вивліоѳикѣ, изд. 1, ч. 4, стр. 352—367.

Послѣ печальной церемоніи, сборы въ дорогу усилились; но они не могли быть скоро конченными, такъ какъ все почти царское семейство разомъ подымалось на переселеніе. Только 22 марта 1708 года безконечныя вереницы колымагъ, повозокъ и подводъ съ царицами, царевнами, боярами и боярынями, съ громадной прислугой и обозами съ вещами, потянулись въ Петербургъ, по дорогѣ, едва проложенной.

При всѣхъ неудобствахъ дальней поѣздки, она не могла быть особенно скучна ни для царицы, ни для царевенъ; онѣ ѣхали въ большой компаніи; тутъ была царица Марѳа Матвѣевна, супруга царя Ѳедора, сестры Петра: царевны Наталья, Марья и Ѳедосья, князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ и множество именитѣйшихъ сановниковъ.

Конецъ путешествія совершонъ былъ водою въ угожденія царю, страстному любителю путешествій водою.

20 апрѣля, въ Шлиссельбургѣ, безконечная флотилія встрѣчена была державнымъ хозяиномъ. «Я пріучаю мою семью къ водѣ, говорилъ Петръ Апраксину, чтобъ не боялись впредь моря, и чтобъ понравилось имъ положеніе Петербурга, окруженнаго водой. Кто хочетъ жить со мною, тотъ долженъ бывать часто на водѣ.»

Въ Шлиссельбургѣ государь пробылъ съ гостями пять дней, показывая имъ все достойное вниманія и заботясь объ устройствѣ торжественной встрѣчи. Флотилія съ царицами и царевнами, вновь встрѣченная государемъ, приплыла къ столицѣ 25 апрѣля 1708 г. Дорогія гостьи приглашены были въ губернаторскія старыя хоромы, бывшія при въѣздѣ въ городъ. Лишь только пріѣзжіе стали подыматься изъ буеровъ, въ городѣ грянулъ залпъ, другой, третій, загремѣла пальба: то Петербургъ ликовалъ, принимая царственное семейство. Въ губернаторскомъ домѣ загорѣлся пиръ горой, веселились довольно, и только за-полночь разъѣхались по домамъ пьяные гости и гостьи. Царица съ дочерьми осталась ночевать въ губернаторскомъ домѣ. Путешественницы, утомленныя и дорогой и пиромъ, крѣпко и долго спали. Въ десятомъ часу утра ихъ разбудилъ крикъ: пожаръ, пожаръ! Губернаторскій домъ, довольно ветхой и деревянной постройки, былъ охваченъ пламенемъ. Всѣ, бывшія въ домѣ, спаслись, но большая половина верхняго жилья сгорѣла со многими вещами и пожитками (¹).

Государь поспѣшилъ познакомить гостей съ своимъ обширнымъ хозяйствомъ; онъ водилъ и возилъ ихъ по *городу*, обращалъ вни-

---

(¹) Журналъ 1708 г. Достопам. повѣствов. о Петрѣ I *Партова* (Москвит. 1842 г. ч. VI, № 11.) Журн. Петра I, изд. 1770 г., ч. I-я, с. 150, 151, 154.

маніе на всѣ постройки, на новыя и проэктированныя улицы, площади, каналы. Отрекомендовавъ столицу, Петръ плавалъ съ гостями въ Кронштадтъ; наконецъ изъявилъ желаніе, чтобъ они проводили его въ Нарву, откуда онъ долженъ былъ ѣхать для военныхъ операцій въ Смоленскъ. Царская фамилія выѣхала 25 іюня; монархъ знакомилъ ихъ съ мѣстностью (отраднаго въ ней было мало), хвалился новосозданными крѣпостцами, Копорьемъ да Ямбургомъ; въ Нарвѣ отпраздновали пріѣзжіе день ангела государя. Молебны, пушечная пальба, пиръ, огненныя потѣхи — все было, какъ слѣдуетъ. На другой день государь поѣхалъ далѣе, а царицы и царевны вернулись въ Петербургъ, въ то время не укрѣпленный еще за нами полтавскимъ боемъ.

Прасковьѣ съ дочерьми отведенъ былъ домъ въ полную ея собственность, едва ли не ея же людьми выстроенный на Петербургской сторонѣ, недалеко отъ крѣпости, вверхъ по Невѣ, близь Петровскаго домика. На этомъ берегу жилъ государь; недалеко былъ деревянный домъ князя Меньшикова, съ виду похожій на церковь, мазанковые дома канцлера Г. И. Головкина, вице-канцлера Остермана, барона Шафирова и другихъ знатныхъ лицъ русскихъ и иноземцевъ (¹).

Петербургъ представилъ новопріѣзжимъ непривлекательное, но любопытное и оригинальное зрѣлище. На обоихъ берегахъ красавицы Невы ежедневно выростали изъ болотъ деревянные, мазанковые, а мало-по-малу и каменные домики; вытягивались амбары, госпитали; разбивались лавочки, образовывались гостинные дворики, возникала торговля. На одномъ изъ подобныхъ дворовъ, на мѣстѣ нынѣшней Троицкой площади, царица и ея дочери могли видѣть самыя разнохарактерныя и разноязычныя толпы народа. Предъ окнами ея дома текла роскошная Нева, покрытая тысячью струговъ изъ Ладоги, Новгорода и другихъ городовъ, съ товарами и съѣстными припасами.

Если быстро возникали домики да лавки, то частенько и исчезали они въ пожарахъ. Такъ напр. въ 1710 году Прасковья была свидѣтельницею сильнаго пожара, до тла уничтожившаго сосѣдній гостинный дворъ. Пожаръ не обошолся безъ грабежа, вслѣдствіе чего пепелище скоро украсилось четырьмя висѣлицами. На нихъ, по жребію, изъ 12-ти человѣкъ осужденныхъ вздернули четверыхъ.

Невеселое и недешевое житье было въ Петербургѣ, особливо первые годы по переселеніи. Городъ и его жалкія окрестности были

(¹) Описаніе С. Петербурга въ 1710—1711 г. Спб. 1860 г. с. 15—17, 56—58.

опустошаемы пожарами, моровою язвою, наконецъ голодомъ, такъ-какъ за неустройствомъ путей сообщенія подвозъ провіанта былъ крайне затруднителенъ и цѣны на все стояли непомѣрныя. Волки забѣгали въ дома, скотъ падалъ, люди, опухшіе отъ голода и холода, мерли до такой степени, что въ городскихъ домахъ да въ окрестныхъ деревняхъ оставалось въ живыхъ не болѣе трехъ-четырехъ душъ....

Прасковьѣ нелегко было содержать большую дворню трудно подвозимыми припасами; пожары да наводненія пугали ее немало, и нѣтъ сомнѣнія, воспоминаніе о дорогомъ Измайловѣ не разъ отравляло для нея петербургскія удовольствія. Тѣмъ не менѣе надо было покориться необходимости: царица находилась въ прямой зависимости отъ государя; ей дорога была его милость — и тѣмъ дороже, что надо было пристраивать подроставшихъ дочерей.

Судьбу своихъ царевенъ Прасковья благоразумно предоставила Петру, а тотъ распоряжался племянницами сообразно съ планами своей политики. Желанія и нежеланія царевенъ не могли входить въ разсчетъ ни матушки, ни дядюшки: первая взросла въ сознаніи необходимости невольнаго брака, а послѣдній хотя и освободилъ царевенъ отъ теремнаго заточенья, но на столько, чтобъ онѣ не выходили изъ-подъ его власти и предоставляли ему распоряжаться ихъ жизнью.

III

ЦАРЕВНА АННА ИВАНОВНА

Первый женихъ сыскался для царевны Анны Ивановны въ лицѣ молодаго герцога Курляндскаго Фридриха Вильгельма, племянника короля Прусскаго.

Объ этомъ бракѣ говорено было еще въ октябрѣ 1709 г. на свиданіи Петра съ королемъ Прусскимъ въ Маріенвердерѣ. Дѣло было тутъ же улажено, оставалось герцогу посвататься. Дорожа могучимъ сосѣдомъ, герцогъ не заставилъ себя долго ждать, и въ іюлѣ 1710 г. его уполномоченные заключили супружескій договоръ. Послѣ ратификаціи договора герцогъ получилъ приглашеніе пріѣхать въ столицу, куда и прибылъ въ сопровожденіи фельдмаршала Шереметьева въ августѣ 1710 г.

Государь принялъ его съ необыкновеннымъ радушіемъ; царевна Анна, по убѣжденію матери, написала къ нему любезное письмецо на нѣмецкомъ языкѣ, чѣмъ заявляла успѣхи своего обученья у

Остермана-старшаго; наконецъ Прасковья Ѳедоровна угостила на славу дорогого гостя. Женихъ довольно близко сошолся съ членами царскаго семейства; вмѣстѣ съ ними принималъ онъ участіе во всѣхъ пирахъ, церемоніяхъ и празднествахъ. Въ сентябрѣ въ честь герцога произведены были всѣмъ флотомъ манёвры. Государь развлекалъ Фридриха то фейерверками, то пальбой, то катаньями въ обществѣ дамъ, то гулянками въ средѣ другихъ собутыльниковъ. Между ними герцогъ явилъ несомнѣнный талантъ — пить до невозможности; чуть не заливался онъ русскимъ пѣнникомъ, а 10 декабря 1710 г. едва не погибъ, но не отъ пѣнника, а отъ невской воды: въ ночь, при сильномъ морскомъ вѣтрѣ, поднялась страшная буря; вода выступила изъ береговъ, и между прочими строеніями едва не унесла тотъ домъ, гдѣ мирно почивалъ женихъ изъ Курляндіи (¹).

Мы не имѣемъ вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ, по которымъ могли бы объяснить, почему выборъ герцога упалъ не на пухлую, бойкую, румяную царевну Катерину, а на смуглую, угрюмую и рябоватую Анну. Позволяемъ себѣ только догадываться на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, что со стороны герцога выборъ не былъ произволенъ. Въ немъ не было ничего такого, что могло бы вызвать большую симпатію Прасковьи. Царевна Катерина была любимицею матери, снискала особенное расположеніе дядюшки, — и вотъ царица и царь рѣшились обождать для нея новаго и можетъ быть болѣе удачнаго жениха.

Впрочемъ и настоящая свадьба послужила достаточнымъ предлогомъ для нескончаемаго ряда празднествъ и денныхъ, и ночныхъ, и на землѣ, и на водѣ. По свидѣтельству современника, невѣроятное число пороха растрачено было при этомъ, такъ какъ каждый тостъ, — а имъ не было числа, — сопровождался 11-ю пушечными выстрѣлами.

Свадьба назначена была 31 октября 1710 г. За нѣсколько дней о ней оповѣстили съ большими церемоніями. Въ день свадьбы, въ девять часовъ утра, самъ государь, въ качествѣ оберъ-маршала, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ кавалеровъ, на шлюпкахъ отправился къ Прасковьѣ. Впереди гремѣлъ хоръ нѣмецкихъ музыкантовъ, на средней баржѣ красовался царь — въ аломъ кафтанѣ, съ собольими отворотами, серебряной шпагой на серебряной портупеѣ и орденомъ св. Андрея на голубой лентѣ. На головѣ вмѣсто шляпы былъ напудренный парикъ, а въ рукѣ большой маршальскій жезлъ, у ко-

---

(¹) О наводненіи см. Журналъ 1710 г.

тораго на пестрыхъ лентахъ висѣла кисть, украшенная золотомъ и серебромъ.

А между тѣмъ въ домѣ царицы все уже было готово: невѣсту окружали мать, сестры, царевны-тетки и знатнѣйшія русскія дамы, всѣ въ нарядномъ нѣмецкомъ платьѣ.

По прибытіи государя, послѣ обычныхъ церемоній, присутствовавшіе особой процессіей отправились къ шлюпкамъ, гдѣ и размѣстились по церемоніалу. Здѣсь дамы оставались, пока расторопный оберъ-маршалъ не привелъ къ шлюпкамъ жениха и его свиту. Всѣ усѣлись. Музыка гремѣла по прежнему, и флотилія изъ 50-ти разукрашенныхъ судовъ поплыла внизъ по рѣкѣ къ палатамъ князя Меншикова.

И плыла флотилія, и шли высадившіяся лица на берегу не иначе, какъ по особому установленному церемоніалу. Невѣста была въ бѣлой бархатной робѣ, съ золотыми городками и длинной мантіей изъ краснаго бархата, подбитой горностаемъ; на головѣ красовалась богатая королевская корона. Герцогъ былъ въ бѣломъ, затканномъ золотомъ кафтанѣ.

При входѣ во дворъ дома рота Преображенцевъ отдала честь при звукахъ музыки. Обрядъ вѣнчанія совершонъ былъ архимандритомъ Ѳеодосіемъ Яновскимъ въ полотняной походной церкви, поставленной въ хоромахъ Меншикова. Архимандритъ объяснилъ по-латыни жениху сущность обряда, но при совершеніи его нашолъ нужнымъ опустить нѣкоторыя церемоніи...

Послѣ вѣнчанія всѣ отправились обѣдать. Столы были накрыты въ двухъ великолѣпно-убранныхъ залахъ. Въ первой залѣ, гдѣ нынѣ церковь Перваго Кадетскаго Корпуса, за свадебнымъ столомъ сидѣли новобрачные подъ лавровыми вѣнками; напротивъ сидѣли сестры невѣсты, мать-царица, сестры царя и нѣсколько дамъ; остальные гости — а ихъ было не мало — размѣстились также по чинамъ да разрядамъ, и пиръ, искусно управляемый неутомимымъ оберъ-маршаломъ, пошолъ обычной чередой. Царь былъ очень веселъ; тостъ смѣнялся тостомъ, и каждый разъ заздравное питье было сигналомъ залпа изъ 41 пушки, размѣщенныхъ на плацу (плацъ 1-го Корпуса) и на яхтѣ Лизетѣ, которая красовалась на Невѣ.

Обѣдъ смѣнился танцами; открылся балъ во вкусѣ того времени, съ трубками, пивомъ, водкой, штрафными кубками, которые, придавая развязность гостямъ, заставляли ихъ смѣлѣй да смѣлѣй выдѣлывать всѣ антраша нѣмецкихъ да французскихъ танцевъ.

Дамы и кавалеры были неутомимы; только въ третьемъ часу утра прекратился балъ. Новобрачные сѣли за столъ, уставленный

конфектами и винами; послѣ чего царица Прасковья отвела Анну въ спальню, куда вскорѣ самъ государь проводилъ молодого.

На другой день — другой пиръ. Передъ обѣдомъ государь сорвалъ вѣнокъ, висѣвшій надъ герцогомъ; послѣдній долженъ былъ сдѣлать тоже самое съ вѣнкомъ молодой, но никакъ не могъ сладить: руки ли отказывались ему служить послѣ тостовъ, или вѣнокъ въ самомъ дѣлѣ былъ крѣпко связанъ,—какъ бы то ни было, но герцогъ нашолъ нужнымъ разрѣзать его ножомъ...

При украшеніи столовъ Петръ явилъ обычный ему юморъ: такъ на главныхъ столахъ возвышались два громаднѣйшіе пирога, четвертей въ пять. Когда прочее кушанье было снято, великій Петръ вскрылъ пироги, и къ всеобщему восторгу и изумленію изъ нихъ выскочили двѣ разряженныя карлицы. Петръ отнесъ ихъ на свадебный столъ, и здѣсь, по его приказу, карлицы исполнили минуэтъ. Между тѣмъ тосты продолжались, пальба гремѣла чаще и чаще; затѣмъ начались танцы; а съ наступленіемъ вечера сожжонъ былъ на Невѣ фейерверкъ съ разными аллегорическими фигурами. Огненной потѣхой распоряжался самъ Петръ, на этотъ разъ впрочемъ несовсѣмъ удачно: онъ едва не поплатился за неосторожное обращеніе съ огнемъ.

По домамъ разъѣхались ранѣе вчерашняго, и герцогъ съ молодой опочили не въ палатахъ Меншикова, а въ своемъ домѣ.

2 ноября 1710 года пасторъ герцога благословилъ бракъ проповѣдью, а въ слѣдующее воскресенье молодой угостилъ пиромъ оберъ-маршала, маршаловъ, родню жены и всѣхъ именитыхъ лицъ ([1]).

Но этимъ не кончились пиры да забавы, вызванные свадьбой царской племянницы. Великій Петръ хотѣлъ до сыта распотѣшить герцога Курляндскаго съ его свитой, да потѣшиться и самому съ приближенными.

Потѣха дѣйствительно была курьёзна; она являетъ грубость и невѣжество тогдашнихъ нравовъ и довольно сбивчивое понятіе о человѣческомъ достоинствѣ. Несчастный, обиженный природою нравственно и физически, вызываетъ невольное состраданіе, участіе и осторожное съ нимъ обращеніе, чтобы даже словомъ, либо

([1]) Юрналы 1710 г. Подробности брачной церемоніи Анны Ивановны см. въ современномъ и правдивомъ описаніи С. п. бурга. Описаніе это, относящееся къ 1710—1711 году, напечатано въ Лейпцигѣ въ 1713 г. и нынѣ прекрасно издано въ переводѣ начальствомъ Публичной Библіотеки: Описаніе Спб. и Кроншлота въ 1710—1711 г. переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями. Спб. 1860 г.

взглядомъ не напомнить ему его уродства. Въ то же время, когда царилъ полный произволъ одной личности, всѣ остальныя стирались предъ нимъ. Нравственные и физическіе уроды служили средствомъ къ забавамъ и развлеченіямъ: надъ ними острилъ великій Петръ, изъ нихъ сочинялъ для своей утѣхи зрѣлища невиданныя...

Такова была и новая его затѣя, публичная свадьба карлика Екима Волкова. На эту свадьбу свезли изъ Москвы и другихъ мѣстъ, за нѣсколько сотъ верстъ, 72 карлы и карлицы, отобрали ихъ отъ дворовъ и дворниковъ царицы Прасковьи, царевенъ, бояръ и боярынь, которыя вслѣдъ за высочайшимъ дворомъ имѣли обыкновеніе держать шутихъ, дураковъ, дуръ, карловъ и карлицъ.

14 ноября 1710 года, при всемъ царскомъ семействѣ и большомъ стеченіи публики, въ крѣпостной церкви совершено было бракосочетаніе карлы и карлицы. Всѣ мелкіе обряды, весь порядокъ процессіи до вѣнца, самое вѣнчаніе и послѣ него всѣ чины свадебные были исполнены надлежащимъ образомъ.

Въ церкви женихъ на вопросъ священника: хочетъ ли онъ жениться на своей невѣстѣ? громко отвѣчалъ: «На ней и ни на какой другой». Невѣста на вопросъ: хочетъ ли она выйдти за своего жениха и не обѣщала ли уже руки другому? отвѣчала: «Вотъ была бы штука!» Ея «да» чуть можно было разслышать, что возбудило всеобщій хохотъ. Великій монархъ, въ знакъ особенной милости, держалъ вѣнецъ надъ карлицой-невѣстой. Послѣ вѣнчанья, всѣ отправились на шлюбкахъ къ дому князя Меншикова, и въ той же залѣ (нынѣшняя церковь Перваго корпуса), съ тѣми же церемоніями, при той же обстановкѣ пировали маленькіе уродцы; герцогъ и герцогиня были въ числѣ именитыхъ зрителей.

Впрочемъ и зрители были не безъ дѣла: усѣвшись вокругъ столовъ, такъ разставленныхъ, чтобъ отовсюду видны были карлики и карлицы, гости ѣли, пили, шумно говорили и хохотали, съ любопытствомъ слѣдя за суетней уродцевъ. Ихъ угощалъ, какъ и на свадьбѣ племянницы, самъ государь.

Тосты провозглашались въ обычномъ порядкѣ и шутовское собраніе осушало громадные кубки до дна, не уступая въ этомъ самымъ великорослымъ людямъ.

Глядя на эту странную шутку, дѣйствительно нельзя было не найдти въ ней, какъ находитъ это Крузе, историкъ Курляндіи, родъ сарказма на бракъ незначительнаго принца съ принцессой могучаго государя. Но проникнуть въ тайныя мысли Петра нѣтъ возможности, и мы, не имѣя ключа къ нимъ, должны остановиться на томъ, что преобразователь потѣшался просто изъ страсти къ потѣхамъ,

«искусство для искусства», не придавая шутовской свадьбѣ никакого серьёзнаго значенія...

Послѣ обѣда карлики очень весело танцовали по-русски до одиннадцати часовъ ночи; карлицы были въ нѣмецкихъ платьяхъ и своими прыжками и кривляньями вдоволь натѣшили именитыхъ зрителей. Общій восторгъ овладѣлъ даже нѣмцемъ I. G., который и сохранилъ для насъ эти интересныя подробности; впадая въ какой-то лирическій пафосъ, заѣзжій нѣмецъ восклицаетъ: «Трудно представить себѣ, какіе тутъ были прыжки, кривлянья и гримасы! Всѣ гости, въ особенности же царь, были въ восторгѣ, не могли навеселиться, и смотря на коверканье и ужимки 72 уродцевъ, хохотали до упада». Въ самомъ дѣлѣ, сколько было тутъ забавнаго, въ высшей степени комичнаго?!.. «У иного были коротенькія ножки и высокій горбъ, у другого — большое брюхо, у третьяго — ноги кривыя и вывернутыя, какъ у барсуковой собаки, или огромная голова, или кривой ротъ и длинныя уши, или маленькіе глазки и расплывшееся отъ жира лицо!..» и т. д. Боже мой, сколько смѣшного!

Постель новобрачныхъ была устроена въ опочивальнѣ его царскаго величества. Великій государь кажется до конца хотѣлъ прослѣдить всѣ явленія интереснаго зрѣлища...

Какъ ни интересно оно было для любознательнаго монарха, считавшаго себя знатокомъ въ изученіи человѣческаго естества, но результатъ первой ночи молодыхъ былъ довольно плачевный (по крайней мѣрѣ для нихъ): молодая умерла осенью 1711 года въ страшнѣйшихъ мученіяхъ отъ родовъ, а мужъ впалъ въ распутство и умеръ позже своей невольной супруги.

Столь же несчастливъ былъ и другой бракъ, бракъ не карловъ по росту, а карловъ по значенію: брачная жизнь Анны Ивановны продолжалась съ небольшимъ два мѣсяца. Въ январѣ 1711 года она отправилась съ мужемъ въ Митаву, но 9 числа, почти тотчасъ за воротами Петербурга, на мызѣ Кипень, молодой герцогъ скончался. На основаніи нѣкоторыхъ извѣстій, онъ умеръ отъ непомѣрнаго потребленія крѣпкихъ напитковъ, которыми такъ заботливо угощалъ его самъ Петръ и всѣ петербургскіе сановники.

Смерть мужа, по изволенію Петра, не должна была перемѣнить мѣсто жительства Анны. Волею-неволею, но для политическихъ видовъ дяди, племянница должна была поселиться въ Митавѣ и окружить себя нѣмцами: не напрасно же она училась у Дитриха Остермана. Впрочемъ Митава предназначалась не для одной Анны; изъ письма Петра сенату отъ 16 апрѣля 1712 года видно, что онъ думалъ водворить тамъ все семейство покойнаго брата,

«Понеже невѣстка наша, писалъ Петръ, царица Прасковья Ѳедоровна съ дѣтьми своими въ скоромъ времени поѣдетъ отселѣ въ Курляндію и будетъ тамъ жить; а понеже у нихъ людей мало, для того отпустите къ нимъ Михайлу Салтыкова съ женою, и чтобъ онъ ѣхалъ съ Москвы прямо въ Ригу, немѣшкавъ...»

Царица Прасковья съ семьей довольно долго гостила въ Ригѣ; пріѣзжала къ ней и гостила по нѣсколько времени царевна Анна. Въ 1714 году мы ее видимъ гостьей въ селѣ Измайловѣ, куда часто наѣзжала ея маменька изъ немилаго Петербурга. Но этотъ пріѣздъ былъ несчастливъ для царевны; она долго и сильно хворала, такъ что задерживала возвратъ царицы въ Петербургъ. Страшась, дабы не прогнѣвались государь съ государыней за невольную просрочку, Прасковья спѣшила попросить кабинетъ-секретаря Макарова замолвить за нее слово: «Алексѣй Васильевичъ, писала мать Анны, здравствуй на множество лѣтъ. Пожалуй донеси невѣстушкѣ, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, ежели мой походъ замѣшкается до февраля или до марта, чтобъ на меня какова гнѣва не было отъ царскаго величества; во истинно, за великими моими печалями. А печаль моя та, что неможетъ у меня дочь, царевна Анна. Прежде немогла 13 недѣль каменною болѣзнью, о томъ и ты извѣстенъ. А нынѣ лежитъ тяжкою болѣзнью горячкою, — а ежели имъ угодно скоро быть и я, хотя больную повезу; и ты пожалуй, отпиши ко мнѣ, какъ ихъ воля мнѣ быть; чтобъ мнѣ ихъ не прогнѣвать. Да еще прошу, пожалуй моему человѣку Андрею Семенову денегъ на что понадобится къ моему дѣлу; при семъ остаюсь царица Прасковья. Измайлово. 15 декабря 1714 года (¹).»

Судьба Анны и въ разлукѣ постоянно озабочивала мать. Старушкѣ многое не нравилось при дворѣ царевны; во многомъ желалось перемѣны, и она смѣло обращалась къ царю съ различными просьбами. Вотъ одна изъ нихъ неизвѣстнаго года и мѣста подачи, но прямо относящаяся до дѣлъ царевны Анны:

«1. Правительствующій сенатъ, не получа указу именнаго изъ походу, никакого денежнаго вспоможенія на пути моей царевны учинить не хочетъ, о чемъ прошу указу къ тому сенату.

2. Изъ моей опредѣленной дачи, какъ вамъ извѣстно, бывшую мою царевну отпуская, всячески ее снабдѣвала, и посуду серебряную съ нею отпустила; а нынѣ мнѣ того учинить мочи нѣтъ.

3. Соизволили писать ко мнѣ, что въ Курляндіи все ей, царевнѣ моей, опредѣлено; а чѣмъ ей тамъ жить и по обыкновенію кня-

(¹) Каб. дѣл. II пол. кн. XXI, л. 1037.

жескому порядочно себя содержать, о томъ именно не означено. Прошу о подлинномъ того всего себѣ увѣдомленіи: изъ вашей-ли казны, или съ подданныхъ того княжества назначенные денежные доходы впредь имать ей?

4. Извольте меня подлинно увѣдомить, чтобъ мнѣ и моей царевнѣ впредь изъ какого недознанія, какой неугодности вамъ не учинить; что ей, царевнѣ, будучи въ томъ княжествѣ, по примѣру ли прежнихъ княженъ вести себя и чиновно дворство содержать, или просто?

5. Чтобъ мнѣ дозволено было самой проводить царевну мою до мѣста на время, и потомъ въ нужные случаи ѣздить къ ней и видѣться, чтобъ при такой ея новости тамъ во всемъ отпасть и управить.

6. Каретъ и лошадей мы беремъ на долговныхъ людей, по тамошнему чиновному порядку; также ей, царевнѣ моей, безъ особой дачи исправить нечѣмъ. Прошу на то объ указѣ.

7. Повелите-ли отчины дать царевнѣ моей по тамошнему старому обыкновенію имать изъ тамошняго жъ шляхетства, по пристойности дѣла.

8. Прошу вседокучно, по своей крайней милости и по своему слову, перемѣнить оттуда прежняго гофмейстера, бывшаго прежде при царевнѣ моей, который тамъ весьма несносенъ, и тѣмъ насъ не опечалить; а быть на его мѣсто впредь иному, кому вы соизволите.

На сіе всепокорно прошу о милостивомъ вашемъ рѣшеніи и объ отповѣди къ себѣ, чего я и моя царевна здѣсь ожидать будемъ, и для того нарочный съ тѣмъ въ походъ до васъ отъ меня посланъ (¹).»

Гофмейстръ, возбудившій неудовольствіе царицы, *несносный* для нея, былъ Петръ Михайловичъ Бестужевъ. Государь самъ назначилъ Бестужева къ курляндскому двору, какъ человѣка расторопнаго и весьма дѣятельнаго исполнителя его распоряженій. Герцогиня, столь рано потерявши мужа, оказывала къ Бестужеву самое теплое расположеніе. «Не можно оправдать Анну Ивановну въ любострастіи, пишетъ Щербатовъ, ибо подлинно, что бывшій у ней гофмейстеръ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ ...» (²) Но если Щербатовъ, вообще снисходительный къ Аннѣ Ивановнѣ, не рѣшался оправдывать ея связи, то эта связь дѣлалась преступленіемъ въ глазахъ матери. Пра-

---

(¹) Госуд. Арх. Каб. дѣл. II полов. кн. 92, л. 428—429.

(²) О поврежденіи нравовъ, стр. 47.

сковью прежде всего поражала въ этомъ дѣлѣ своеволіе дочерняго выбора, и она преслѣдовала ее упреками, а вѣнценоснаго свояка постоянными просьбами удалить Бестужева.

Просьбы эти большею частью шли чрезъ руки Катерины Алексѣевны. На счетъ ея въ народѣ и промежъ солдатства ходили разные толки. «Не подобаетъ какъ монаху, такъ и ей, говорили нѣкоторые, — на царствѣ быть: она неприродная и нерусская, и вѣдаемъ мы, какъ она въ полонъ взята, и приведена подъ знамя въ одной рубахѣ и отдана была подъ караулъ, а караульный нашъ офицеръ надѣлъ на нее кафтанъ; она съ княземъ Меньшиковымъ его величество коревьемъ обвела» и проч. (¹) Не одинъ народъ, первое время многіе бояре и боярыни, наконецъ сестры государя съ недоброжелательствомъ смотрѣли на возвышеніе безвѣстной нѣмки: но наша старушка въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ держала себя весьма осторожно: судить да рядить о фавориткѣ не бралась и рано догадалась, какъ надо себя держать. Какъ сама, такъ и чрезъ дочерей своихъ царица рано начала заявлять полное уваженіе къ Катеринѣ: поздравляла ее съ торжественными днями и событіями, молила о милостивомъ словѣ, искала милостиваго расположенія. Подобное обращеніе, особенно въ первое время по возвышеніи Катерины, не могло не нравиться послѣдней, и она постоянно благоволила къ умной царицѣ. Это благоволеніе выражается во многихъ письмахъ къ Прасковьѣ, писанныхъ отъ лица неумѣвшей писать Катерины. Вотъ напримѣръ отвѣтное отъ ея имени письмо на извѣстную уже намъ просьбу:

«Государыня моя, невѣстушка, царица Прасковья Ѳедоровна, здравствуй на множество лѣтъ купно и съ любезными дѣтками своими!

Пи́сьма вашего величества чрезъ присланнаго вашего Никиту Іевлева исправно дошли, на которыя доношу. Объ отправленіи въ Курляндію дочери вашей, ея высочества царевны Анны Ивановны, отъ его царскаго величества уже довольно писано къ свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу; и надѣюсь я, что онъ для того пути деньгами и сервизомъ конечно снабдитъ, ибо его свѣтлости о томъ указъ посланъ. А когда Богъ дастъ, ея высочество въ Курляндію прибудетъ, тогда ненадобно вашему величеству о томъ мыслить, чтобъ на вашемъ коштѣ ея высочеству, дочери вашей, тамъ себя содержать; ибо уже заранѣе все то опредѣлено, чѣмъ ея домъ со-

---

(¹) Доношеніе дьячка Ѳедорова на отставнаго капрала и волоколамскаго помѣщика Кобылина. Чтеніе въ общ. исторіи. М. 1860, к. II. Смѣсь, с. 21,

держать, для чего тамъ Петръ Бестужевъ оставленъ, которому въ лучшихъ городахъ, а именно: въ Либавѣ, Виндавѣ и Митавѣ всякіе денежные поборы для того нарочно велѣно собирать. Что же в. в. упоминаете, чтобъ для того всю опредѣленную сумму на ваши комнаты на будущій на весь годъ взять и на расходы употребить въ Курляндіи для тамошняго житья, что я за благо не почитаю, ибо я надѣюсь, что и безъ такого великаго убытку ея высочество, дочь ваша, можетъ тамъ прожить, а къ тому же я надѣюсь, что, при помощи Божіей, и ея высочество, царевна Анна Ивановна, скоро жениха сыщетъ, и тогда уже меньше в. в. будетъ печали. Что же о Бестужевѣ, дабы ему не быть, а понеже оный не для одного только дѣла въ Курляндію опредѣленъ, чтобъ ему быть только при дворѣ вашей дочери, царевны Анны Ивановны, но для другихъ многихъ его царскаго величества нужнѣйшихъ дѣлъ, которыя гораздо того нужнѣе, и ежели его изъ Курляндіи отлучить для одного только вашего дѣла, то другія всѣ дѣла станутъ, и то его величеству зѣло будетъ противно. И зѣло я тому удивляюсь, что в. в. такъ долго гнѣвство на немъ имѣете, ибо онъ зѣло о томъ печалится, но оправданіе себѣ приноситъ, что онъ конечно учинилъ то не съ умыслу, но остерегая честь дѣтей вашихъ, въ чемъ на него гнѣвъ имѣете (?) Что же изволите упоминать, чтобы быть при царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ Андрею Артамоновичу (Матвѣеву) или Львову, и тѣ обязаны его величества нужными и великими дѣлами. А что изволите приказывать о пажахъ, чтобъ взять изъ школьниковъ русскихъ, и я совѣтую лучше изволите приказать взять изъ курляндцевъ, ибо которые и при царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ русскіе, Чемесовъ и прочіе, и тѣ гораздо плохи. О деревнѣ въ Рижскомъ уѣздѣ для тамошняго бытія вашего величества со временемъ у его царскаго величества просить я буду, и о томъ не оставлю вашему величеству доносить впредь, ибо еще время на то будетъ; однакожь и нынѣ писала я отъ себя къ губернатору рижскому, чтобъ вашему величеству въ раціонахъ на вашу конюшню чинить всякое вспоможеніе. О прочемъ довольно писали мы съ Авдотьей Воейковой, также и словесно приказывали съ Васильемъ Ѳедоровичемъ (Салтыковымъ).» (¹)

Царицѣ непремѣнно хотѣлось окружить Анну лицами, выбранными ею самой, болѣе или менѣе близкими, въ родѣ А. А. Матвѣева или Львова; но устроить паденіе Бестужева было дѣломъ невозможнымъ: государь привыкъ къ его расторопности и управлялъ черезъ него всѣми дѣлами Курляндіи. Царевна Анна была герцо-

---

¹) Госуд. Арх. Каб. I пот. кн. 64, л. 736—737.

гиней только по имени, а отнюдь не по власти; самыя мелкія потребности не только герцогства, но и владѣтельницы его удовлетворялись неиначе, какъ съ разрѣшенія государя: такъ напримѣръ доставка Аннѣ нѣкоторыхъ припасовъ, содержаніе ея двора, содержаніе войска, устройство ея дома, оранжерей, даже часть туалетная, мелкіе долги и проч., — обо всемъ этомъ Бестужевъ долженъ былъ относиться къ Петру и ждать его повелѣній (¹).

Поселеніе царицы въ Митавѣ при дочери не состоялось. Надо думать, что содержаніе такой большой семьи, какова была у Прасковьи, съ ея дворомъ, показалось бы очень обременительнымъ для курляндскихъ чиновъ, либо, — и послѣднее вѣрнѣе, — сама Прасковья не пожелала перебираться на житье въ нѣмечину, притомъ къ дочери, которую она, какъ оказывается изъ нѣкоторыхъ фактовъ, любила менѣе другихъ. Тѣмъ не менѣе нелюбимая дочь, съ позволенія дяди, довольно часто навѣщала мать. Такимъ образомъ 1714—1715 г., герцогиня Курляндская гостила у матери, и только въ мартѣ 1716 г. должна была, по приказанію государя, вернуться въ свою резиденцію. Въ это время Петръ, въ бытность свою въ Курляндіи, устроилъ ея дѣла, заставилъ курляндскихъ оберъ-ратовъ утвердить за герцогиней назначенныя ей деревни и *желать*, чтобъ она поскорѣй къ нимъ пріѣхала (²). Не устраняя нужнаго ему Бестужева, государь сдѣлалъ однако уступку своей невѣсткѣ, назначивъ къ Аннѣ гофмейстериною — госпожу Матвѣеву (³).

(¹) Голиковъ, т. VI, с. 339; т. VII, с 196. До какой степени государь принималъ на себя трудъ управлять дѣлами и хозяйствомъ племянницы, можно видѣть изъ того, что съ его утвержденія отправлялась даже водка по особенной росписи. Вотъ напр. одна изъ нихъ: «Роспись, какихъ водокъ надлежитъ ко двору ея высочества государыни царевны и герцогини Курляндской Анны Ивановны: Ангеликовой одно ведро, лимонной одно ведро, анисовой одно ведро, простаго вина 5 ведеръ. Изъ Гдатскихъ водокъ: цитронной, померанцовой, персиковой, коричневой — по 1-му ведру.» Водку приказано было отпускать по кабачной цѣнѣ. Госуд. Арх. Каб. II полов. л. 435.

(²) Впрочемъ русская партія въ Курляндіи была довольно значительная, по-крайней-мѣрѣ были курляндцы, которые считали долгомъ, во время отлучекъ герцогини то въ Лифляндію, то въ Петербургъ, заявлять офиціальную свою скорбь. Тогда они получали столь же офиціальное утѣшеніе: «Къ Петру Бестужеву. Письмо ваше до его царскаго величества сентября отъ 11-го числа дошло, по которому его царское величество о конфузіи, учинившейся въ Курляндіи отъ отъѣзда въ Ригу ея высочества государыни царевны Анны Ивановны извѣстенъ, и указалъ къ вамъ отписать, чтобы вы доброжелательныхъ курляндцевъ обнадежили въ томъ, что ея высочество имѣетъ возвратиться паки въ Курляндію и жить тамъ, и что отъѣздъ ея случился только на время, пока посолъ польскій чрезъ Курляндію проѣдетъ, и болѣе въ Ригѣ не будетъ мѣшкать, какъ окончится въ Польшѣ сеймъ.» Госуд. Арх. Каб. I пол. кн. 64, л. 162.

(³) Письмо Петра отъ 22 марта 1716 г.

Великій государь распоряжался иногда очень круто относительно своей племянницы: въ 1718 году, она вновь гостила въ Петербургѣ; Петръ нашолъ нужнымъ ея пребываніе въ Митавѣ, и письмомъ изъ Москвы отъ 26 февраля 1718 г., повелѣлъ Меншикову *немедленно отправить Анну* въ Курляндію.

Гораздо мягче распоряжался онъ чрезъ жену относительно Прасковьи. Царица, живя первое время по вдовствѣ Анны въ Ригѣ, скучала, желала вернуться въ родимое Измайлово и просила на то разрѣшенія. Просьба пошла на имя Катерины Алексѣевны, и отъ имени послѣдней, не безъ вѣдома царя, присланъ былъ довольно деликатный отказъ. Для видовъ государя нужно еще было пребываніе Прасковьи въ Ригѣ, и вотъ секретарь его жены пишетъ:

«Милостивая государыня, моя невѣстушка, Прасковья Ѳедоровна, здравствуй на множество лѣтъ купно и съ дѣтками своими, моими дорогими племянницами, царевнами Екатериною Ивановною, Анною Ивановною, Прасковьею Ивановною.

«Письмо вашего величества я получила, за которое благодарствую и доношу, что по тому письму о отбытіи вашемъ изъ Риги я просила, на что получила отвѣтъ, что то исполнится. — Однакоже нынѣ еще нѣкоторое время извольте тамъ побыть, и хотя я вѣрю, что тамошнее житье вашему величеству есть не безскучно, паче же убыточно, однако уже малое время тамъ извольте пожить, и прошу ваше величество, чтобъ не имѣли въ томъ прискорбности. Также извѣстилась я, что ваше величество имѣете нужду въ деньгахъ, того для доношу: извольте ваше величество на тамошніе свои домовные расходы деньги брать у Бестужева, коликое число потребно.

«Письма твои ровно три до меня дошли, за которыя вамъ благодарствую, и объявляю вамъ, что хотя я довольно о томъ просила, о чемъ вы ко мнѣ писали, но не могла на то рѣшенія получить; однако не извольте о томъ быть печальны, но нѣкоторое время обождите, ибо нынѣшнее время до того не допуститъ, а послѣ, когда Богъ дастъ добрый случай, потщуся то вамъ исполнить» (1).

Заботливый монархъ, повелѣвая невѣсткѣ быть тамъ, гдѣ онъ находитъ нужнымъ, не находилъ нужнымъ спрашиваться ея касательно предположеній о новомъ бракѣ Анны. Бракъ этотъ входилъ въ политическіе планы государя на счетъ ближайшаго подчиненія Курляндіи Россіи, а въ эти планы (2) не могла да и не дерзала вмѣшиваться старушка. Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, планы

---

(1) Госуд. Арх. Каб. I полов. кн. 64, л. 131.

(2) Разборъ ихъ, какъ не имѣющій отношенія къ настоящей статьѣ, мы опускаемъ.

разстроивались; разстроивались и предположенія и даже «концепты» новаго супружества. Такъ не исполнились переговоры о бракѣ Анны съ Іоанномъ Адольфомъ, герцогомъ Саксенвейсенфальскимъ (¹), а вслѣдъ за тѣмъ не состоялся договоръ и двѣ ратификаціи о супружествѣ племянника короля Прусскаго, Фридриха Вильгельма, маркграфа Бранденбургъ-Шведскаго.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ царевна Анна, любя обязательнаго Бестужева, сама бы не желала законнаго брака. Напротивъ, въ письмахъ своихъ то къ Катеринѣ, то къ Петру, она не разъ заявляла желаніе отдать руку тому, кого благоволитъ назначить дядюшка. Причина такой покорности для насъ дѣлается совершенно понятною, когда мы начинаемъ ближе присматриваться къ жизни царевны. Эта жизнь мало представляла для нея отраднаго. Съ одной стороны полнѣйшая зависимость отъ суроваго дяди, невозможность куда-нибудь выѣхать и что-либо сдѣлать безъ его разрѣшенія; съ другой — недостаточность содержанія, — его не хватало при ея неумѣньи вести хозяйство; наконецъ безпрестанная воркотня, упреки да брань матушки, какъ въ письмахъ, при разлукѣ, такъ въ устныхъ бесѣдахъ, при свиданіяхъ, — все это преслѣдовало, все тяготило, все отравляло жизнь царевны Анны.

Въ ея митавскомъ дворцѣ, среди нѣмецкаго и довольно безобразнаго двора, зачастую являлся то надсмотрщикъ царскій, то пріѣзжала свойственница, другъ, либо родственникъ царицы Прасковьи; шпіонъ слѣдилъ за жизнью герцогини и нерѣдко хулилъ ее потомъ при дворѣ ворчливой старухи.

Нѣкоторыя изъ этихъ надсмотрщиковъ и хулителей весьма интересны, и мы считаемъ не лишнимъ познакомиться съ главнѣйшимъ изъ нихъ.

IV

НѢЖНЫЙ БРАТЕЦЪ

«Жену свою до смерти я убить не хотѣлъ, а билъ ее своеручно не мучительски за вины ея, за что надлежало.»

В. Ѳ. Салтыковъ.
(Письмо 1720 г. въ Юстицъ-Коллегію)

Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, братъ царицы Прасковьи, былъ однимъ изъ именитѣйшихъ бояръ стараго покроя. Въ 1690 году

(¹) Смотр. объ этомъ договорѣ въ письмѣ Петра къ П. М. Бестужеву, 1717 г. *Голиковъ*, VI, с. 271—273; VII, с. 353.

государь сдѣлалъ его кравчимъ при дворѣ невѣстки (¹); Прасковья вполнѣ довѣряла брату и уважала его, часто гостила у него въ Москвѣ и совѣтовалась съ нимъ о всѣхъ домашнихъ дѣлахъ. Схоронивъ первую жену, княжну Аграфену Петровну Прозоровскую, въ 1707 г., кравчій женился на княжнѣ Александрѣ Григорьевнѣ Долгоруковой, единственной дочери младшаго брата знаменитаго князя Якова.

Новый бракъ, удовлетворявшій аристократическимъ стремленіямъ Салтыкова, былъ однако несчастливъ. Отношенія мужа къ женѣ вполнѣ рисуютъ передъ нами характеръ нѣжнаго братца Прасковьи. Въ 1718—1719 годахъ мы видимъ брачную чету въ Митавѣ. Зачѣмъ были они здѣсь — неизвѣстно; извѣстно только изъ жалобы герцогини, что любезный дядюшка велъ себя относительно ея крайне непочтительно, даже дерзко; колкими замѣчаніями да грубымъ вмѣшательствомъ во все, нерѣдко до него не касающееся, дядюшка глубоко оскорблялъ племянницу, не стѣсняясь тѣмъ, было-ли то въ семейномъ кружкѣ, либо въ публикѣ, такъ что Анна частенько проливала горькія слезы... Салтыковъ частію по порученію сестры, частію изъ личныхъ разсчетовъ, всячески преслѣдовалъ оберъ-гофмейстера Бестужева, требовалъ у Анны просьбы объ его удаленіи, а между тѣмъ самъ своею семейною жизнью являлъ соблазнъ *«на всю Курляндію и Польшу»*.

Не взлюбивъ жену, онъ преслѣдовалъ ее попреками, бранью, побоями; когда Александра Григорьевна жаловалась царевнѣ, либо рѣшалась письменно просить защиты у государыни, Василій Ѳедоровичъ снова давалъ разгулъ своему гнѣву и билъ княжну не на животъ, а на смерть. Не желая раздѣлять съ ней брачнаго ложа, братецъ царицы завелъ связь съ служанкою, держалъ ее въ «фаворѣ» публично, слушалъ наговоры людей своихъ на жену и дозволялъ имъ относиться къ ней съ неуваженіемъ. Загнанная, забитая, Александра Григорьевна, если вѣрить ея отцу (²), зачастую мучилась голодомъ, и зачастую падала безъ чувствъ отъ кулачныхъ поученій супруга.

Жена надоѣдала своеобычному мужу ревностью, слезливостью и

(¹) *П. В. Долгоруковъ*, Росс. Род. Книга, ч. II, с. 72—73. *Голиковъ* XIII, с. 206. *Бантышъ-Каменскій* въ Словарѣ достопамятныхъ людей 1836 г. ч. V, с. 4—6, и *Долгоруковъ* въ сказаніяхъ о своемъ родѣ 1840 г. с. 87, смѣшали кравчаго Василья Ѳедоровича съ другимъ Василемъ Ѳедоровичемъ Салтыковымъ. Первый умеръ графомъ, дѣйств. тайн. сов. и орд. св. Андрея кавалеромъ въ 1730 году 5 октября, а послѣдній, племянникъ кравчаго, умеръ въ 1755 году генер.-аншефомъ и св. Андрея кавалеромъ.

(²) Госуд. Арх. Каб. от. II кн. 44, л. 133; кн. XLVI л. 89—92; LIII л. 244—246; Письма Ан. Ив. 1719, л. 1—2.

постоянными жалобами; сильное желаніе какимъ бы то ни было образомъ развязаться съ ней привело однажды супруга къ столь жаркому объясненію, что Александра Григорьевна, покрытая синяками и ранами, замертво упала на землю. Супругу было нѣкогда возиться съ ней: онъ торопился въ Петербургъ, по призыву Прасковьи, къ ней подъ крылышко. Василій Ѳедоровичъ бросилъ жену и ускакалъ изъ Митавы, пылая гнѣвомъ и противъ жены и противъ ея заступницы, Анны Ивановны.

Дѣйствительно племянница взяла подъ свой покровъ забитую тетку; перевела ее въ свои хоромы и поручила придворному доктору осмотрѣть тетенькины раны.

Леченіе пошло успѣшно; княжна стала оправляться, — какъ вдругъ нѣжный братецъ Прасковьи прислалъ женѣ строгій приказъ — немедленно ѣхать въ Петербургъ. Какъ ни боялась Александра Григорьевна бѣшенаго мужа, но, ободряемая племянницею, она рѣшилась скрыться въ Варшаву, къ отцу, дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру, бывшему тамъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ. Затаивъ намѣреніе отъ многочисленной дворни, княжна со слезами простилась съ царевной, шепнула ей, что непремѣнно поѣдетъ въ Варшаву, и въ сопровожденіи челяди отправилась въ путь.

Князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ зналъ и скорбѣлъ о страдальческой жизни дочери; предувѣдомленный ею, онъ выслалъ на встрѣчу ей князя *Шейдякова* (¹). Посланный встрѣтилъ страдалицу въ жидовской корчмѣ, близъ Митавы, на Двинѣ. Онъ немедленно распорядился, чтобъ обозъ съ вещами и дворнею проѣхалъ далѣе въ Ригу, а барыню съ двумя горничными пересадилъ въ почтовую коляску, заранѣе приготовленную, сѣлъ въ нее самъ и велѣлъ ѣхать назадъ. То былъ обманъ. Отъѣхавъ нѣсколько, Александра Григорьевна, все еще страшась тирана-мужа, написала къ нему письмецо. Запуганная и забитая, она и тутъ не смѣла заявить свою самостоятельность, и причину своего побѣга сваливала на отца. «При отъѣздѣ моемъ въ Ригу, писала она между прочимъ, получила я отъ отца своего присланныхъ людей; приказалъ онъ видѣться съ собой. Не смѣла воли его преслушать; а когда изволите мнѣ приказать быть — я готова. Не надѣюсь я вашего за то гнѣву, понеже имѣла давно отъ васъ позволеніе. А что мое платье и другое осталось по отъѣздѣ вашемъ изъ Митавы, и я ничего не взяла.» Вручивъ Марьѣ Волковой, одной изъ своихъ служанокъ, письмо къ мужу, Александра Григорьевна приказала ей ѣхать въ Петербургъ, а

(¹) Госуд. Арх. Каб. II пол. кн. LVI л. 195—200.

сама безпрепятственно продолжала путь въ Варшаву, куда и прибыла еле-еле живая отъ физическихъ и душевныхъ страданій.

Видъ дочери жестоко огорчилъ старика-отца. Пылая местью за оскорбленіе чести дочери, за оскорбленіе въ лицѣ ея всей именитой фамиліи, маститый старецъ, министръ и воинъ, искалъ правды и суда у великаго государя.

«Высоколержавный царь и всемилостивѣйшій государь, писалъ Григорій Ѳедоровичъ, ваше величество, милосердуя о народѣ своего государства, изволите непрестанно безпокойно трудиться, чтобъ оной изъ прежнихъ азіятскихъ обычаевъ вывесть и обучить какъ всѣ народы христіанскіе въ Европѣ обходятся. Того ради изволили высокимъ своимъ указомъ всѣмъ милостиво воспретить, чтобъ никто, не зная жениховъ, какъ прежде было, не хотили за-мужъ. Зная это, зять мой Василій Салтыковъ, зная дочь мою, своею волею женился и оную немалое время имѣлъ, какъ и прочіе мужья, въ своей любви, и потомъ ни за что, токмо по наговору своихъ людей, которые и съ прежнею его женою, такожъ для своего интересу, чтобъ онымъ всѣмъ его владѣть, ссорили. Для чего какою немилостію обратился, и въ такой немилости и въ руганіи отъ людей своихъ оную содержалъ, и безвинно билъ, и голодомъ морилъ, и такое бѣдное мученіе и гоненіе терпѣла, чего и описать невозможно, что̀ не токмо женѣ, ни послѣдней подданной спротѣ снесть было не мочно; однако оная, привращая его къ прежней милости, все то чрезъ натуру терпѣла, и тѣмъ пуще сердце его ожесточила, такъ что не боясь Бога и всенароднаго стыда, въ Митавѣ хотѣлъ убить до смерти, и такъ мучительски билъ, что замертвую кинулъ, и притомъ токмо напамятовалъ, для чего о несчастливомъ своемъ житьѣ доносила всемилостивѣйшей государынѣ, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и для чего отъ него прочь пойдетъ. А потомъ, что было ее — все ограбилъ. И такъ тѣми своими барбарскими поступками не токмо Курляндію и Польшу безчестно наслушилъ, и въ Петербургъ отъѣхалъ; а какъ потомъ увѣдалъ, что еще жена его въ кровавыхъ ранахъ съ живыми обрѣтается, то велѣлъ людямъ своимъ изъ Митавы больную къ себѣ везть, что уже была и повезена. — И видя оная послѣднее свое житье, принуждена была съ дороги изъ Риги ко мнѣ въ Варшаву уходить и свой несчастливый животъ спасать. Того ради, упадая до ногъ вашего величества, рабски слезно прошу сотворить со мною милость, чтобъ мнѣ отъ него, Василья Салтыкова, не быть въ поруганіи, и чтобъ несчастливая собственная моя дочь не была отдана ему въ прежнее мученіе, и жить бы оной въ моемъ домѣ. Тако жъ за ее помянутое терпѣнье не токмо ее сущее приданое возвратить, но и изъ

его недвижимаго оную милостиво повелѣли наградить, дабы она, несчастная дочь моя, въ вѣчныхъ слезахъ имѣла себѣ пропитаніе, понеже мужъ ее не токмо хуже вдовы, но и послѣдней сироты учинилъ, ибо отъ нея не токмо счастіе, радость, здравіе, но и честь навѣки отнялъ. Вашего величества нижайшій рабъ, князь Григорій Долгоруковъ» (¹).

Нельзя не замѣтить, что челобитная написана искусно: въ ней видна рука опытнаго старца-дипломата; особенно мастерски написано вступленіе, въ которомъ министръ ловко льститъ одной изъ слабѣйшихъ струнъ Петра, его страсти къ преобразованіямъ.

Старый придворный, пославъ челобитную къ своему повелителю, въ тоже время спѣшилъ побить челомъ и государынѣ: Екатерина обыкновенно была посредницею въ семейныхъ распряхъ тогдашней аристократіи. Отецъ просилъ у нея дозволенія оставить при себѣ дочь; — монархиня, не безъ вѣдома мужа, соизволила разрѣшить, и князь разсыпался въ благодарностяхъ.

«15 сентября 1719 года. Варшава. Премилостивая, великая государыня, царица Екатерина Алексѣевна! писалъ Долгоруковъ. — Вашего величества ко мнѣ отправленное изъ С. Петербурга высокомилостивое писаніе отъ 10 іюля, я здѣсь чрезъ почту всеподданнѣйше получилъ, изъ котораго съ великою радостію усмотрѣлъ, что ваше величество не токмо ко мнѣ недостойному, и къ послѣдней своей рабѣ, къ бѣдственной дочери моей, свою высокую милость не по заслугѣ простирать изволите, и быть оной несчастливой при мнѣ соизволяете, за которую милость навѣки ничѣмъ заслужить невозможно, и не смѣлъ бы повторительно симъ моимъ дерзновенно трудить ваше величество. Токмо обнадеживаетъ и придаетъ мнѣ смѣлость ваша высокая милость къ бѣдственной дочери моей, которою милостію не токмо во всѣхъ бѣдахъ своихъ всегда радовалась и отъ немилости и мученія безсовѣстнаго мужа своего защищалась. Къ тому жъ усильно принуждаетъ меня натуральная отеческая нетерпѣливость, смотря на сиротство и непрестанныя слезы, и на тиранскія раны и увѣчье несчастливой бѣдной моей дочери, которую безсовѣстный мужъ ея непрестанно не токмо лаялъ и билъ, и людемъ своимъ ругать велѣлъ и голодомъ морилъ...» Далѣе сановникъ, все болѣе и болѣе раздражаясь при воспоминаніи объ обидахъ дочери, повторяетъ извѣстныя намъ подробности о поведеніи Салтыкова, о заботахъ царевны, наконецъ о бѣгствѣ дочери въ Варшаву... «Упадая подъ ноги вашего величества, заключалъ князь челобитье, слезно прошу сотворить со мною высокую свою ми-

(¹) Гос. Арх. Каб. II пол. XLIV, л. 133.

лость, дабы несчастливую дочь мою на прежнее мученіе и убивство и мнѣ на поруганіе и безчестіе къ безсовѣстному мужу ея не отдавать. А что оная принесла за собою въ приданое, не токмо то ея сущее возвратить, но и изъ его недвижимаго, за ея напрасное мученіе и терпѣніе, для оной пропитанія милостиво приказать наградить, чтобъ оная въ вѣчныхъ своихъ слезахъ голодомъ не умерла, понеже мужъ ея не токмо оную всю ограбилъ, и счастіе, радость, здоровье, но и честь отъ оной безвинно навѣки отнялъ и сдѣлалъ не токмо хуже вдовы, но и послѣдней сироты. О чемъ я рабски чрезъ свою нижайшую суплику и у его царскаго величества слезно милости просилъ. Въ чемъ на высокую вашего величества милость, какъ на Бога, надежду имѣю, что по своему ко всѣмъ сирымъ милосердію, бѣдственную дочь мою въ высокой своей милости, для сего рабскаго слезнаго прошенія оставить не изволите. Вашего величества нижайшій рабъ, князь Григорій Долгорукій» (¹).

Между тѣмъ нѣжный братецъ успѣлъ уже «намутить» предъ Прасковьей на счетъ царевны Анны, ея домашняго быта, двора и ненавистнаго ему и царицѣ П. Бестужева. Прасковья стала гнѣваться на дочь, не отвѣчала на ея письма, либо отвѣчала упреками, писала сухо... Анна Ивановна огорчалась гнѣвомъ матери; кромѣ того ее смущала мысль: можетъ быть гнѣвается по наговорамъ и державный дядюшка съ государыней. Она трепетала за себя, трепетала еще больше за то, что у нея, чего добраго, отнимутъ наконецъ гофмаршала. Въ минуты тяжкаго раздумья царевна была неожиданно обрадована письмомъ отъ государыни (т. е. отъ ея секретаря). Катерина Алексѣевна спрашивала царевну о житьѣ-бытьѣ, предлагала свое пособіе, наконецъ просила сообщить подробности о поведеніи Салтыкова въ Митавѣ. Какъ велика была радость Анны Ивановны, можно заключить изъ ея длиннаго посланія. Оно выведено собственноручными каракульками на большомъ листу сѣрой бумаги порыжѣлыми чернилами.

«Митава, 4 іюля 1719 года. Государыня моя матушка тетушка царица Екатерина Алексѣевна здравствуй государыня моя на многия лета вкупе съ государемъ нашимъ батюшкомъ, дядюшкой и государынями нашими сестрицами.

«Благодарствую, матушка моя, за милость вашу, што пожаловала ізволила вспомнить меня. Незнаю матушка мая, какъ мнѣ благодарить за высокую вашу миласть, какъ я обрадовалась Богъ васъ свѣтъ моі самае такъ порадуетъ, еі еі дарагая мая тетушка я на свете ничему такъ нерадовалась, какъ нынче радуюсь о миласти ва-

(¹) Госуд. Арх. Каб. II полов. кн. LIII л. 244—246.

шей ксебѣ і прашу, матушка мая, впредь меня содержать всвоеі неотменоі миласти, еі еі у меня крамѣ тебя свѣтъ моі нетъ никакоі надѣжды; і вручаю я себя вмиласть тваю матеренскую; і надѣюсь, радость мая, тетушка што не оставишь меня всвоеі миласти і до маеі смерти; изволили вы свѣтъ мой ка мнѣ приказовать, штобъ я отписала про Василия Ѳедоровича, і я донашу. Котороі здѣся бытностію сваею многіе мнѣ противнасти дѣлалъ, какъ славами, такъ и публичными поступками, противъ маеі чести; между которыми раза три со слезами отъ него отошла; а жену онъ сваю безо всякоі здешнаі причины, толка прежния упоминалъ, каторыми здешными сваіми худыми паступками здешныхъ людеі весма удивилъ. — Онъ же сердился на меня за Бестужева, показовая себя, штобъ онъ былъ, іли кто другоі, ево руки, на Бестужева места. И прошу свѣтъ моі до таво недопустить: я отъ Бестужева во всемъ даволна, и въ моихъ здешнихъ делахъ, очинь харашо поступаетъ,—І о всѣхъ Василья Ѳедоровича поступкахъ писать я немогу; і приказала вамъ, матушка моя, славами о всемъ донесть Маврину. І поѣхалъ Василій Ѳедоровичъ отъ меня серцамъ; можна было видѣть, што онъ спадеждоі поѣхалъ, штобъ матушкѣ на меня мутить. Іавесна свѣтъ мой вамъ, какъ оне намутили на сестрицу (Катерину Ивановну); і какъ онъ пріѣхалъ впитербурхъ, і матушка изволитъ ка мнѣ писать не такъ милостива, какъ прежде исволила писавать; а нынче ісволитъ писать, штобъ я не печалилась: «я де не сердита,» ая своеі вины еі, еі не знаю; а можна видѣть по письмамъ, што гнева на меня; і мне, свѣтъ мой, печальна, што насъ мутятъ; также какъ праважалъ сестрицу Катерину). Окуневъ до Мемля (ее провожалъ) і былъ здесь, і приѣхалъ отселя въ Питербургъ, і онъ не мала напрасна на меня намутилъ матушке; і чаю, вы свѣтъ мой, таго Окунева ізволите знать; і ни чимъ не магу радоваца; толка радуюсь, матушка моя, тваею миластію ксебѣ.—И кнежна (Александра Григорьевна) поехала отъ меня, и мне сказала тихонка, што поедетъ перити вваршаву кацу.

«При семъ прошу, матушка моя, какъ у самаго Бога, у васъ, дарагая моя тетушка, покажи надо мною материнскую миласть: попраси, свет моі, миласти у дарагова государя нашева, батюшка дядюшка, оба мне, штобъ показалъ миласть: мое супружественнае дела каокончанію привесть, дабы я болше всокрушении і терпени от моіхъ зладеевъ, ссораю кматушке не была; істенна, матушка моя, донашу несносна какъ нами ругаюца; еслибы я таперь была при матушке, чаю бы чуть была жива отъ іхъ смутакъ; я думаю, і сестрица отъ нихъ, чаю сокрушилась; неоставъ моі свѣтъ сіе всвоеі миласте.

«Также ізволили вы, свѣтъ моі, приказовать камне: нетли нужды мне вчомъ? здесь вамъ, матушка мая, ізвесна, што у меня ничево нетъ, краме што своли вашей выписаны штофы; а ежелі кчему случаі позаветъ, і я не имѣю нарочитыхъ алмазовъ, ни кружевъ, ни полотенъ, ни платья нарочетава; і втомъ ка мне ізвольте учинить, матушка моя, по высокаі своеі милости, і здешныхъ пошлепыхъ денекъ; а деревенскими доходами насилу я магу домъ і столъ своі вгодъ содержать; также определенъ, по вашему указу, Бестужева сынъ ка мне оберъ-камарамъ юнкерамъ; і живетъ другой годъ безжалованья; і проситъ у меня жалованья; і вы, светъ моі, какъ ізволите; і прашу матушка моя не прагневаца на меня, што утрудила своимъ письмомъ, надеючи на милость вашу ксебѣ; еще прашу светъ моі, штобъ матушка не вѣдала ничево; і кладусь волю вашу, какъ матушка моя ізволишь самною. При семъ племянница ваша Анна кланеюсь» (¹).

Приведенное нами посланіе, безъ всякихъ коментаріевъ, довольно ярко обрисовываетъ личность царевны. Мы узнаемъ отношенія царевны къ матери, къ Салтыкову, о которомъ она *боится* много писать, къ Катеринѣ и Петру, своимъ милостивцамъ; наконецъ изъ того же письма ясно видны старанія царевны снять всякое сомнѣніе съ Бестужева, чтобъ отнюдь де не вызвали его изъ Митавы (²).

Нѣжная заботливость двадцатипятилѣтней царевны о 54-хъ лѣтнемъ любимцѣ и его семействѣ проглядываетъ въ нѣсколькихъ письмахъ. Вотъ одно изъ нихъ:

«Митава, 1719 года ноября 1-го. Государыня моя тетушка і матушка царица Екатерина Алексѣевна, здравствуй государыня моя на многия лета вкупе згосударемъ нашимъ дядюшкомъ и батюшкомъ ізгосударынеми нашеми сестрицами.

«Прашу, свѣтъ моі тетушка, содержать меня ввашей высокой милости, вкотораі моі и животъ, и всю маю надежду, і отъ всехъ пративпастей защищение имею; еще прашу вашеі высокоі милости

(¹) Госуд. Арх. Письм. Выс. особъ. Ан. Ив. 1719 г. л. 1—2.

(²) Громадная разность лѣтъ — 25 и 54 невольно заставляетъ сомнѣваться въ предположеніи Щербатова на счетъ особеннаго расположенія царевны къ ея гофмейстеру. Законы любви непостижимы! Впрочемъ Петръ Михайловичъ имѣлъ двухъ взрослыхъ сыновей, почти однолѣтокъ съ царевной. Самъ онъ родился въ 1664 г., умеръ въ 1743 г. Отъ жены Авдотьи Ивановны Талызиной Петръ Михайловичъ имѣлъ дочь Аграфену Петровну, вышедшую за князя П. Ѳ. Волконскаго, и двухъ сыновей: Михаила Петровича, р. 1688—1760, извѣстнаго волокиту и льва своего времени, и Алексѣя Петровича, р. 1693—1766, впослѣдствіи знаменитаго канцлера.

кБестужеваі дочери, кнегіне Валконскаі, каторая ныне отселя поехала не оставить сіе ввашеі высокоі миласти.

«При семъ, матушка моя дарагая, посылаю вашему величеству досканъ енътарноі, о каторамъ, светъ моі, прашу миластива принять.

«При семъ племянница ваша Анна кланяеца» (¹).

Пока билъ челомъ Долгоруковъ да писала свою іеремиаду герцогиня Курляндская, нѣжный братецъ Прасковьи не оставался въ бездѣйствіи. Встрѣчая аттаку обороной, Салтыковъ притворился, будто ничего не знаетъ, куда и отъ чего скрылась его жена, и въ мнимомъ невѣдѣніи 7 февраля 1720 года подалъ на высочайшее имя объявленіе.

Въ немъ Василій Ѳедоровичъ обстоятельно разсказываетъ о томъ, какъ послалъ его государь въ Митаву состоять при герцогинѣ и какъ оставилъ онъ ее по указу царицы Прасковьи. «При этомъ отъѣздѣ, я приказалъ женѣ своей Александрѣ, такъ объявлялъ супругъ, ѣхать за мной въ Петербургъ, какъ можно скорѣй. Для проводовъ оставлены были дворовые люди — Третьяковъ, Гавриловъ, Васильевъ, Веревкинъ, жонка Яковлева да дѣвица Аграфена Іевлева. Всѣ названные служителя, кромѣ жены моей да служанки, явились ко мнѣ въ Петербургъ. Ни жены, ни дѣвки, ни животовъ моихъ, что при нихъ осталось, не оказалось. А куда всѣ они скрылись — про то я не свѣдалъ; вѣдомо же только то, что жена приказу моего не послушала, учинила противное и не хочетъ со мной въ законѣ жить.»

Салтыковъ просилъ въ заключеніе о снятіи допросовъ съ своихъ людей: куда и зачѣмъ скрылась жена его, куда дѣла его пожитки и проч. Достойно замѣчанія, что въ числѣ представленныхъ имъ служителей не было Васильева: онъ умеръ вскорѣ по пріѣздѣ. Зная тогдашніе нравы и характеръ братца царицы, невольно останавливаешься на мысли — не испустилъ ли духъ безвѣстный челядинецъ подъ барскими батогами? Не *погнѣвался* ли на него бояринъ за недосмотръ за бѣглянкой-княгиней?

Но одинъ не въ счетъ, — на смерть Васильева никто не обратилъ вниманія; за то княжескія жалобы не остались втунѣ. На одной изъ нихъ Петръ положилъ резолюцію: «о семъ розыскать и обиженной сторонѣ полную сатисфакцію учинить въ Юстицъ-Коллегіи. А буде за чѣмъ рѣшать будетъ неможно — учинить намъ доношеніе.» И вотъ дѣло потянулось обычнымъ чередомъ. Однимъ изъ первенствующихъ членовъ коллегіи былъ Андрей Матвѣевъ, другъ

(¹) Госуд. Арх. письма А. И. 1719 г.

и свойственникъ царицы Прасковьи, слѣдовательно на безпристрастіе разсчитывать было трудно.

8 февраля опросили людей; они разсказали извѣстныя намъ обстоятельства, сопровождавшія побѣгъ ихъ госпожи; сняли допросъ съ Шейдякова. Тотъ сознался въ принятой имъ на себя командировкѣ отъ начальника, показалъ и то, какимъ образомъ выполнилъ онъ данное ему порученіе.

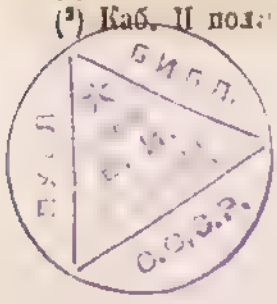
«А тебѣ, Шейдякову, уличалъ Салтыковъ, безъ мужниннаго позволенія ни увозить жены, ни ѣхать съ ней въ одной коляскѣ не надлежало. По уложенію да по артикулу: кто честную жену, либо вдову, либо дѣвку увезетъ, тотъ подлежитъ смертной казни; командирскаго же приказанія въ столь партикулярномъ дѣлѣ слушать не надлежало» (¹).

Между тѣмъ князь Долгоруковъ присылалъ письмо за письмомъ: въ каждомъ изъ нихъ онъ повторялъ горькія жалобы на безчеловѣчное обращеніе зятя съ женой, требовалъ дочерняго развода и возврата ея приданаго. Всѣ обвиненія тестя Салтыковъ совершенно отвергалъ, увѣряя устно и письменно, «что жену безвинно мучительски не билъ, *немилостиво съ ней не обращался*, голодомъ ея не морилъ, убить до смерти не желалъ и пожитки ея не грабилъ.» Впрочемъ скромный супругъ тутъ же не безъ наивности, сознавался: «только за непослушаніе билъ я жену самъ своеручно, да и нельзя было не бить: она меня не слушала, противность всякую чинила, къ милости меня не привращала и противъ меня невѣжила многими досадными словами и ничего чрезъ натуру не терпѣла! Бѣжать же ей въ Варшаву было не изъ чего, а жалобы князя писаны были, безъ сомнѣнія, безъ ея согласія» (²).

Послѣднее предположеніе Салтыковъ основывалъ на письмѣ, присланномъ къ нему женой съ дороги; письмо это, какъ мы видѣли, мало говорило въ пользу ея дѣла и давало надежное оружіе находчивому боярину.

Въ отвѣтъ на показанія зятя, Долгоруковъ отвѣчалъ, что «явную его неправду онъ, за далекимъ своимъ отлученіемъ, нынѣ обличить не имѣетъ возможности. Ходатая не имѣю: одинъ былъ братъ, и тѣмъ меня Богъ за грѣхи «ограбилъ.» Старый князь пока просилъ государя только объ одномъ: развести его «бѣдственную дочь, чтобъ она на вѣки во слезахъ и въ животѣ своемъ была отъ мужа безопасна, а мнѣ, видя ея непрестанные слезы, съ печали здѣсь (въ

(¹) Каб. дѣл. II пол. т. LVIII, л. 138—139.
(²) Каб. II пол. т. XLVI л. 89—92, т. LVI л. 195—200.



Варшавѣ) не укоснѣть, а отъ его, Василья, поруганія и безчестія безпремѣнно не умереть.»

Сила и связи нѣжнаго братца были до такой степени надежны, что онъ сталъ смотрѣть на возникшее дѣло совершенно покойно и даже отшучивался въ отвѣтахъ на обвиненія тестя: «что въ челобитьѣ его написано, говорилъ обвиняемый, что иныхъ поступковъ моихъ будто и написать невозможно, въ томъ не отвѣчать мнѣ, на то что въ челобитьѣ не написано невозможно...» «Истецъ же мой, будучи въ Варшавѣ, не вѣдалъ подлинно, какъ жилъ я съ женой въ Митавѣ: видѣть и слышать ему изъ Варшавы въ Митаву далеко и невозможно, а невидавъ да неслыхавъ, и челобитной писать не надлежало! Что же до того, чтобъ возвратить женѣ ея приданое изъ недвижимаго имѣнія, то ни изъ какихъ указовъ, ни изъ пунктовъ уложенія не видно, чтобъ мужья награждали женъ за уходъ...»

Вообще Василій Ѳедоровичъ велъ дѣло такъ смѣло, ловко и обстоятельно, что Юстицъ-Коллегія единогласно положила: обиженной стороны нѣтъ, такъ какъ взаимно жалуются другъ на друга тесть и зять; обѣ стороны были истцами. Обвиненія князя Долгорукова не доказаны; Салтыковъ же основательно привелъ въ оправданіе собственноручное письмо жены съ дороги въ Варшаву; изъ него видно, что она отъ мужа не отрицается, уѣхала безъ его позволенія, по приказу отцовскому, а пожитки свои добровольно оставила въ Митавѣ. Вслѣдствіе всего этого, заключала Юстицъ-Коллегія, сего дѣла безъ подлиннаго отвѣта жены Салтыкова «розпять» невозможно; нужны ея собственныя показанія и ея свидѣтелей, а челобитная отца послѣ ея собственноручнаго письма къ мужу — недѣйствительна; что же касается до развода, того духовнаго дѣла Коллегія судить не можетъ. Подписали: Андрей Матвѣевъ. Brewern. Вольфъ. Іаковъ Масальскій. Стрикъ и Егоръ Кушелевъ.

За уклончивымъ рѣшеніемъ Юстицъ-Коллегіи, дѣло перешло въ Сунодъ; но и въ немъ были либо ставленники, либо угодники царицы Прасковьи и ея именитаго братца. Какъ ни торопилъ Долгоруковъ, что ни писалъ онъ то къ государю, то къ его кабинетъ-секретарю, ничто не помогало. Самое заступничество царевны Анны за его дочь не помогло разводу, а только усилило злобу Салтыкова: его рѣзкія замѣчанія о дворѣ герцогини Курляндской, найдя опору въ царицѣ Прасковьѣ, вызвали государя на строгое замѣчаніе ея гофмаршалу: «Понеже *слышу*, писалъ Петръ 22 мая 1721 года къ Бестужеву, что при дворѣ моей племянницы люди не всѣ потребные, и есть и такіе, отъ которыхъ стыдъ только; также порядку нѣтъ при дворѣ, какъ въ лишнемъ жалованьѣ, такъ и въ

расправѣ между людьми, на которое симъ накрѣпко вамъ приказываемъ, чтобъ сей дворъ въ добромъ смотрѣніи и порядкѣ имѣли;... людей непотребныхъ отпусти и впредь не принимай; винныхъ наказывай, понеже неисправленіе взыщется на васъ.»

Съ 1722 годомъ пришло время персидскаго похода: милостивцы князя уѣзжали; Сунодъ въ это время могъ рѣшить дѣло не въ его пользу — и вотъ Григорій Ѳедоровичъ спѣшитъ побить челомъ новой челобитной:

«Премилосердая императрица и всѣмъ обидимымъ милостивая мать и государыня! Не смѣлъ моимъ рабскимъ прошеніемъ часто трудить его императорское величество, чтобъ извѣстное продолжительное дѣло въ Сунодѣ бѣдственной дочери моей окончилось при вашемъ величествѣ. А нынѣ сомнѣваюсь, дабы то дѣло, по отшествіи вашего величества, по волѣ государыни царицы Прасковьи Ѳедоровны, въ пользу Василья Салтыкова не вершили, что уже у дочери моей изъ Сунода на допросъ мужа ея нынѣ здѣсь и узника взята; и ежели ваше величество отымите отъ меня руку своей милости и не изволите архіереямъ милостиво то дѣло безъ себя приказать по правиламъ св. отецъ окончить, а паче докторскою сказкою, который дочь мою отъ бою мужа ея въ Митавѣ лечилъ, которая взята у онаго подъ присягою, не по моему прошенію токмо, но именному его величества указу для истиннаго въ томъ дѣлѣ свидѣтельства, то оное дѣло и паки безконечно будетъ продолжаться.

«О семъ припадая къ ногамъ вашего величества, слезно рабски прошу сотворить свою высокую милость, чтобы то дѣло изволили Суноду нынѣ приказать окончить, дабы бѣдственная дочь моя отъ немилости сильныхъ на вѣки изобижена не была. Вашего величества нижайшій рабъ, князь Григорій Долгоруковъ (1).

Чѣмъ же наконецъ кончилась эта семейная драма? Кончилась она не скоро. Въ 1730 году, семь лѣтъ спустя послѣ смерти отца, Александра Григорьевна, разведенная наконецъ съ мужемъ, пострижена по повелѣнію Анны Ивановны (?) въ Нижегородскій дѣвичій монастырь, и въ тотъ же годъ схоронила мужа. Дѣйствительно ли это постриженіе было дѣломъ невольнымъ, поступила ли она въ монастырь прежде или послѣ смерти мужа, — неизвѣстно (2).

Вообще вся тяжба изъ-за развода для насъ важна не столько сама по себѣ, сколько потому, что ея подробности освѣщаютъ личность единственнаго брата Прасковьи. Самоуправство, хитрость,

---

(1) Каб. II пол. т. LVIII л. 750.

(2) Единственнымъ плодомъ несчастнаго брака была дочь Аграфена Васильевна Салтыкова, вышедшая за-мужъ за кн. А. Д. Голицына,

*

пропырливость, грубость обращенія, доходящая до жестокости, — вотъ главнѣйшія черты, рѣзко выдающіяся въ характерѣ Василья. Въ немъ, какъ мы увидимъ, много общаго съ характеромъ царицы Прасковьи; одна личность дѣйствовала на другую: характеръ Прасковьи округлялся и дополнялся свойствами ея нѣжнаго братца; нѣжный братецъ, на-оборотъ, много заимствовалъ у сестрицы. А оба вмѣстѣ—они не могли не дѣйствовать на развитіе умственныхъ и душевныхъ свойствъ будущей императрицы Анны Ивановны и герцогини мекленбургской Катерины Ивановны. Познакомясь съ Анной, мы не можемъ оставить безъ вниманія Катерины.

V

ЦАРЕВНА КАТЕРИНА.

«Катюшка свѣтъ моі здравствуі... прибуди на табою миласть божия и пресветые Богородицы миласердие... А бальшая мне печаль а тебѣ... письмы твои Катюшка чту и всегда плачу на ихъ смотря... При семъ буть натобою мае и отцово благословение писавый мать ваша царица Прасковья.»

«Свѣтъ-Катюшка» была любимицей, баловницей — была отрадой и утѣшеніемъ Прасковьи. Она была старшей ея дочерью и съ малыхъ лѣтъ, въ ущербъ сестрамъ, пользовалась материнскими ласками и самой теплой привязанностью. Катерина не была особенно образована; какъ ученица Остермана старшаго, т. е. Остермана «неудобнаго» ни къ какому роду службы и занятіямъ — она не сдѣлала, да и не могла сдѣлать какихъ либо успѣховъ. Довольно сказать, что окружонная нѣмцами гувернерами, она не выучилась даже свободно говорить по нѣмецки и впослѣдствіи только понимала этотъ языкъ, но изъяснялась на немъ и не охотно, и не хорошо. И такъ ни успѣхи ея привлекли особую любовь матери, ни красота — и въ ней судьба ее обидила, — но рѣзкое отличіе ея характера отъ характеровъ младшихъ сестеръ. Въ самомъ дѣлѣ: сосредоточенная, угрюмая, не сообщительная Анна, а также вѣчно больная, уродливая и туная отъ рожденія младшая Прасковья, и та, и другая рѣзко отличались отъ старшей сестры.

Благодаря описаніямъ современниковъ, мы ясно видимъ предъ собой «свѣтъ-Катюшку».

Маленькая, преждевременно располнѣвшая до чрезмѣрности, черноглазая, съ черною косою, бѣлолицая — она не была красавицей. Но за то обращала на себя всеобщее вниманіе непомѣрною болтливостью, громкимъ смѣхомъ, беззаботностью и особенною способностью говорить все, что только взбредетъ въ ея вѣтреную голову.

Она рано стала отличать въ окружающихъ ее придворныхъ — среди пажей, деньщиковъ, секретарей и др. героевъ — красавцевъ, была къ нимъ особенно внимательна, словоохотлива и зачастую отпускала остроты — на столько остроумныя, что Лэди Рондо, ни слова непонимавшая по-русски, серьёзно находила въ ней «сатирическій взглядъ» на вещи.

На ассамблеяхъ и всякаго рода пиршествахъ «свѣтъ-Катюшка» танцовала гораздо больше, нежели ея хворыя и скучныя сестры; — вертѣлась, хохотала, вызывала и отвѣчала на шутки впопадъ и невпопадъ — и звонкій смѣхъ ея постоянно оглашалъ низенькіе, прокопченые табакомъ и провонявшіе пивомъ и водкой, танцовальные покои общественныхъ собраній.

«Катерина Ивановна», отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, «женщина чрезвычайно веселая. Она постоянно говоритъ все, что только прійдетъ ей въ голову и потому зачастую выходятъ преуморительныя вещи. «Если я буду предъ вами бранить Берхгольца, сказала она мнѣ однажды черезъ переводчика, — стану называть Берхгольца дезертиромъ и измѣнникомъ, — то вы не принимайте этого на свой счетъ. Я браню не васъ, а вашего двоюроднаго брата оберъ-егермейстера, за то что онъ состоитъ въ шведской службѣ». — Любопытно, замѣчаетъ при этомъ составитель дневника, что Катерина Ивановна хотѣла сказать этимъ комплиментъ, но онъ вышелъ какъ-то особенно страненъ (¹).

А всѣ эти странности нравились многимъ невзыскательнымъ представителямъ тогдашней аристократіи и приводили въ восторгъ нѣжную маменьку. — Она положительно не слышала души въ ненаглядной свѣтъ-Катюшкѣ — берегла и лелѣяла ее пуще всего на свѣтѣ...

Этою любовью объясняется и то обстоятельство, что желая по дольше удержать при себѣ старшую дочь, Прасковья охотно отдала прежде за мужъ среднюю.

(¹) *Берхгольцъ*, ч. II стр. 300. *Де-Лірія*, стр. 116. *Рондо* 45. Портреты дочерей ц. Прасковьи, см. въ императ. Романовской галлереѣ.

Катерина была утѣхой, другомъ, повѣреннымъ всѣхъ тайнъ старушки матери. Царица нерѣдко черезъ нее обращалась съ своими просьбами къ государю, черезъ нее заискивала въ новой государынѣ... Эта новая государыня съ каждымъ годомъ получала все больше и больше значенія, больше и больше вліянія на частныя дѣла тогдашней аристократіи — и старушка всячески торопилась ее задобрить. Такимъ образомъ, выполняя желаніе матери, царевна Катерина писала къ супругѣ Петра грамотки, преисполненныя самыхъ нѣжныхъ эпитетовъ: «предражайшая, прелюбезнѣйшая невѣстушка, — голубушка, свѣтъ-царица», поздравляла съ праздниками и всякаго рода торжественными случаями.

Родилась у государыни дочь Марія — и царевна спѣшитъ засвидѣтельствовать свои радостныя чувства, вызванныя этимъ случаемъ: За него, увѣряла Катерина, «мы всемилостиваго Бога благодаримъ, что слышемъ про ваше здравіе, что васъ Господь Богъ въ добромъ здравіи распросталъ чрезъ такой вашъ дальній путь...» «А въ новой годъ (1714-й), продолжала царевна, подай Господи царевича и чего отъ всего сердца желаемъ (¹)...»

И желаніе, какъ надо думать, было самое чистосердечное: государыня вскорѣ (29 окт. 1715 г.) родила Петра Петровича. Его появленіе въ свѣтъ — послужило только къ гибели первенца сына. Царевичемъ Петромъ Преобразователь рѣшился замѣстить убылое мѣсто, но законы Провидѣнія неисповѣдимы и десять мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Алексѣя, умеръ Петръ Петровичъ...

Старшая дочь Прасковьи давно была въ лѣтахъ. Ей минуло 24 года, когда вѣнценосный дядюшка рѣшился наконецъ пристроить племянницу. За женихами дѣло не стало. Въ январѣ 1716 года явился къ Петру посолъ герцога мекленбургскаго совѣтникъ Габихталь. Посолъ явилъ грамоту, въ которой герцогъ въ самыхъ выспренныхъ выраженіяхъ просилъ руки царевны Катерины. Государь охотно согласился, тѣмъ болѣе, что бракъ этотъ входилъ въ черту его политическихъ плановъ и соображеній (²).

Въ день аудіенціи посла приступлено было къ заключенію свадебнаго контракта. На основаніи его, герцогъ обязывался, по заключеніи сговора, — вступить въ бракъ немедленно, съ подобающимъ торжествомъ, въ томъ мѣстѣ, какое будетъ назначено по взаимному соглашенію. Ея высочество останется православною, равно какъ и весь ея русскій штатъ; причемъ въ резиденціи своей она будетъ имѣть православную церковь. Герцогъ обязывался опре-

---

(¹) См. въ приложеніяхъ. № 1.

(²) *Голиковъ* VI, стр. 374, 408—410. 416—417.

дѣлить на содержаніе жены и ея штата надлежащее жалованье; всѣ придворные чины должны были получать приличное содержаніе и столъ для ея высочества — долженъ былъ приготовляться въ надлежащіе дни постный. — На случай своей смерти, герцогъ обязывался закрѣпить за женою замокъ Гистровъ съ двадцатью-пятью тысячами ефимковъ ежегоднаго содержанія.

Что же касается до русскаго государя, то въ силу свадебнаго договора, онъ обязывался снабдить племянницу экипажами, гардеробомъ и проч., да кромѣ того дать въ приданое двѣсти тысячъ рублей, буде неудастся силою оружья отнять у шведовъ городъ Висмаръ съ Барнеминдомъ, отошедшими отъ Мекленбурга по вестфальскому миру.

Висмаръ, лежащій въ семи миляхъ отъ Балтійскаго моря, нѣкогда принадлежалъ къ славному ганзейскому союзу и вообще былъ весьма выгоднымъ постомъ для морской торговли. Вотъ почему, имѣя въ виду усиленіе и упроченіе своихъ торговыхъ сношеній съ Европою, Петръ непремѣнно хотѣлъ имѣть въ сильной крѣпости Висмаръ надежное складочное мѣсто для русскихъ товаровъ, на что и могъ разсчитывать при закрѣпленіи Висмара съ его пригородами за первоначальными владѣльцами, настоящій представитель которыхъ дѣлался его зятемъ.

Но нельзя сказать, чтобъ новый свойственникъ царской фамиліи былъ человѣкъ симпатичный, достойный родства съ могущественнымъ домомъ. Нѣтъ, Карлъ-Леопольдъ — былъ типъ грубаго, необразованнаго, своевольнаго, въ высшей степени взбалмошнаго владѣльца клочка Германіи.

Начиная съ того, что онъ вступалъ въ бракъ съ русской царевной, въ то время, когда еще жива была его первая супруга, нѣмка, Софія-Гедвига, урожденная принцесса нассау-фрисландская, — но онъ съ ней рѣшительно не уживался, точно также какъ не могъ ужиться съ подданными, въ которыхъ видѣлъ постоянныхъ заговорщиковъ на свое имущество, свободу, даже на жизнь. Вслѣдствіе этого онъ ихъ преслѣдовалъ самымъ деспотическимъ образомъ; хваталъ недовольныхъ, бросалъ въ тюрьмы, чинилъ самъ судъ и расправу, и попирая всякій законъ, посылалъ на эшафотъ...

Зналъ ли Петръ о дѣяніяхъ будущаго зятя? Нѣтъ сомнѣнія, что зналъ какъ нельзя лучше; но едвали смотрѣлъ на это строго, а главное эти *неудобства* были ничтожны въ его глазахъ, предъ несомнѣнными выгодами брачнаго союза. — Свадебный договоръ былъ подписанъ обоими представителями своихъ государей; вице-канцлеромъ Шафировымъ и совѣтникомъ Габихталемъ. — Послѣдній въ особомъ сепаратномъ артикулѣ обязывался до совершенія брака

предъявить точное доказательство о разводѣ герцога съ первой женой.

По совершеніи обрученія и сговора — весьма довольный Габихталь имѣлъ отпускныя аудіенціи — у всѣхъ членовъ царской фамиліи; причемъ царица Прасковья, какъ хлѣбосольная хозяйка и мать высокой невѣсты — всячески старалась его угостить. Была ли она довольна брачнымъ договоромъ? Неизвѣстно, но хочешь или не хочешь, а покориться было надо; она знала крутой нравъ Петра: противиться ему было дѣломъ не легкимъ. — Впрочемъ, государь какъ всегда былъ ласковъ и внимателенъ къ невѣсткѣ и еще незадолго до пріема мекленбургскаго посла, провелъ у нее нѣсколько часовъ въ толкахъ и бесѣдѣ о предстоящемъ сватовствѣ нѣмецкой владѣтельной персоны.

Прасковья убѣдительно просила государя выдать ея Катюшку замужъ не иначе, какъ въ своемъ высокомъ присутствіи; причемъ просила строго на строго наказать ея мужу, чтобъ онъ берегъ жену... Старушка скорбѣла, что за тяжкими недугами не могла сама быть на торжествѣ, столь близкомъ ея родительскому сердцу.

27 января 1716 года она проводила свою любимицу въ дальную дорогу. Государь съ государыней, съ племянницей-невѣстой и съ необходимою свитою — выѣхалъ изъ Петербурга въ Данцигъ (¹). Женихъ явился въ Данцигъ 8-го марта и здѣсь впервые увидѣлъ свою веселую, бойкую, хохотунью невѣсту. Первый день ихъ знакомства заключился торжественной ассамблеей у епископа вармиискаго князя Потоцкаго; — за тѣмъ послѣдующіе дни, вплоть до свадьбы, прошли въ осмотрѣ достопамятныхъ замковъ, мѣстностей, церквей, въ посѣщеніи музеевъ; вечера — въ театрахъ и ассамблеяхъ. Нельзя не пожалѣть, что до насъ не дошли (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ бумагахъ, которыя мы пересматривали) письма Катерины къ ея матушкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ нихъ мы бы узнали какое впечатлѣніе произвелъ на нее Карлъ-Леопольдъ, на сколько полюбилась ей его бесѣда, его наружность, его придворные... Въ офиціальныхъ же источникахъ мы ничего не находимъ, кромѣ сухого, безжизненнаго перечня празднествъ и торжествъ, въ которыя погрузилась брачная чета. Празднества были тѣмъ великолѣпнѣе, что въ Данцигъ съѣхались не только уполномоченные, но и сами вѣнценосные владѣтели Даніи, Пруссіи, Ганновера, наконецъ королевства Польскаго. Всѣ они поспѣшили къ Петру, подъ его знамя, для составленія грознаго союза противъ Швеціи... И тутъ, среди политическихъ толковъ, пересудовъ и разсужденій, въ которыхъ иногда до-

---

(¹) *Поддѣнная записка.* 1772 т. II, стр. 14. *Голиковъ.* VI, 98—109. 473—479.

вольно безплодно пропадало время, они всячески старались щегольнуть передъ русскимъ царемъ великолѣпными празднествами и пирами.

Достойна замѣчанія слѣдующая случайность: наканунѣ свиданія Карла-Леопольда съ Катериной Ивановной было видно на небѣ громадное сѣверное сіяніе: превеликій былъ свѣтъ съ бѣлымъ огнемъ отъ горизонта до самаго зенита. «Правда, писалъ Петръ въ Россію, хотя натуральное (то было) дѣло; однако зѣло было ужасно видѣть.» Небесное знаменіе было видимо и въ Россіи; и если Петръ находилъ его ужаснымъ, то какъ должна была объяснять его суевѣрная толпа, да и не менѣе ее суевѣрное большинство русской аристократіи? Всѣ они считали воздушное явленіе чудомъ, грознымъ предзнаменованіемъ страшныхъ несчастій... Такъ что Меншиковъ находилъ нужнымъ объяснять во многихъ знатныхъ домахъ, между прочимъ князю Черкаскому «что знаменіе, еже недавно на воздухѣ видимо было, не чрезнатуральное, но обычайное есть; еже по универсальному разсужденью философовъ, изъ сѣрныхъ и селитреныхъ выхожденій происходитъ, и таковыя сіянія въ сихъ нордскихъ странахъ часто видятъ».

Впрочемъ ученыя объясненія Меншикова не успокоивали простодушныхъ истолкователей казуснаго явленія. Мы можемъ представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе произвело оно на царицу Прасковью, какъ пытливо распрашивала она о его значеніи у своихъ доморощенныхъ пророковъ и кудесниковъ, и съ какою теплою мольбой спѣшила въ монастыри да Божьи храмы — къ чудотворной иконѣ, къ истлѣннымъ мощамъ... ея мольба была за здоровье и счастье ненаглядной «Катюшки».

А «Катюшка» тѣмъ временемъ веселилась; безъ сомнѣнія, довольная и счастливая. Такъ по крайней мѣрѣ мы имѣемъ право думать, зная ея вѣтренный, легкомысленный характеръ. Ее радовали праздники, поражали новые предметы, новыя лица, незнакомый ей бытъ... А будущее? Кчему въ него было заглядывать?

Не такъ думалъ Петръ. Еще наканунѣ свадьбы, 7 апрѣля 1716, онъ обязалъ герцога выдавать женѣ ежегодно на карманные расходы по 6000 рейхсталеровъ. А за тѣмъ, въ особомъ трактатѣ, въ девяти пунктахъ, изложилъ условія и цѣль, для которыхъ заключается родственный союзъ. Карлъ-Леопольдъ герцогъ мекленбургскій, князь венденскій, шверинскій и рацебургскій, ростокскихъ и старгардскихъ земель государь, взаимно съ русскимъ царемъ обязывались: быть вѣрными другъ другу союзниками и пособниками, во всякомъ, какъ наступательномъ, такъ и оборонительномъ дѣйствіи. Петръ обѣщалъ помощь слабому союзнику и войскомъ и деньгами въ сѣвер-

ной войнѣ, для отнятія у шведовъ Висмара съ пригородами; но за то герцогъ долженъ былъ давать все что нужно и что было въ его власти, для успѣшнаго дѣйствія русско-вспомогательнаго корпуса. Въ случаяхъ какихъ либо непріятныхъ столкновеній мекленбургскаго герцога съ цезарскимъ величествомъ, Петръ бралъ на себя ходатайствовать за него чрезъ своихъ уполномоченныхъ при вѣнскомъ дворѣ.

Всѣ эти условія были крайне выгодны для небольшого германскаго владѣтеля, но трактатъ былъ далеко невыгоденъ и для русскаго государя. Не говоря уже о томъ, что въ этомъ покровительствѣ Петръ являлъ свою силу и вліяніе на дѣла европейской политики; но кромѣ того, на основаніи седьмой статьи трактата, онъ получалъ право свободно и невозбранно присылать свои суда торговыя и военныя въ мекленбургскія пристани; русскіе купцы могли жить, складывать свои товары, имѣть свою церковь, заключать разныя торговыя операціи, подъ особымъ покровительствомъ герцога. Карлъ-Леопольдъ обязывался всегда чинить свободный пропускъ войскамъ Петра чрезъ свои земли, устраивать для нихъ запасные магазины и проч.

8 апрѣля была свадьба. Польскій король, не ладившій съ конфедератами и искавшій помощи Петра, разсыпался предъ нимъ во всевозможныхъ пирахъ, ассамблеяхъ и всякаго рода увеселеніяхъ. Тщеславный, сластолюбивый, расточительный и ничтожный по характеру, Августъ II умѣлъ блеснуть роскошью своего двора и находчивостью въ изобрѣтеніи всякаго рода удовольствій.

На другой день послѣ свадьбы онъ далъ новобрачнымъ, ихъ дядѣ, теткѣ и всему двору пиръ на славу, съ разными потѣхами. При сочиненіи ихъ, Августъ искусно подобралъ такія именно забавы, какія должны были понравиться его могучему сосѣду. И дѣйствительно: примѣрныя битвы саксонцевъ съ городскимъ войскомъ, всякаго рода огненныя потѣхи, игры, какъ нельзя больше понравились Петру.

«Извѣствую вамъ, писалъ государь къ Апраксину, что вчерашняго дня племянницы нашей бракъ съ герцогомъ мекленбургскимъ, при присутствіи короля польскаго, и при многихъ знатныхъ особахъ, съ стрѣльбою пушечною и фейерверкомъ торжественно совершился, и съ сею новиною вамъ поздравляю».

Прислушиваясь къ поздравленіямъ и приглядываясь къ празднествамъ и забавамъ, можно подумать, что брачный союзъ заключенъ былъ безъ всякихъ помѣхъ, не вызвалъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій. Противниковъ дѣйствительно было немного, но они были. Во главѣ ихъ стоялъ ганноверскій министръ Бернсдорфъ, родомъ

мекленбургецъ. Онъ всячески интриговалъ противъ брака Карла Леопольда, и когда интриги его не разстроили свадьбу, онъ много повредилъ въ общемъ дѣлѣ сѣверныхъ союзниковъ. Беренсдорфъ чинилъ всякаго рода проволочки въ дѣйствіяхъ войскъ, и вообще «непрестанно злодѣйствовалъ. И какую напрасную ссору между Россіею и Англіею произвелъ сей злодѣйственный и безсовѣстный человѣкъ, восклицаетъ Петръ, ради своего партикулярнаго дѣла, свѣту есть извѣстно! А понеже онъ въ своемъ принципалѣ такую силу имѣлъ, что все по волѣ его оный дѣлалъ; къ тому же сей Беренсдорфъ имѣлъ своихъ земляковъ (и согласниковъ) при датскомъ дворѣ большую часть, какъ въ министрахъ, такъ и въ генералахъ... къ тому же склонялъ другихъ деньгами... того ради, по злобѣ своей, чрезъ оныхъ вымыслами потѣшалъ, дабы препараціи умедлить; и когда опоздаютъ, то самая невозможность будетъ... Здѣсь всякъ непристрастный и разумный разсуди, ни для чего иного сіе учинено, только дабы не зимовать въ Мекленбургіи!» (¹)...

По этимъ словамъ можно видѣть, что въ противникѣ брачнаго договора племянницы, Петръ нашолъ интригана искуснаго, опытнаго, надѣлавшаго ему не мало хлопотъ, а главное разстроившаго многіе его планы. Но молодые, хотя и близко были заинтересованы въ планахъ Петра, весело провели медовый мѣсяцъ, за тѣмъ уѣхали въ свои владѣнія и здѣсь, въ городѣ Шверинѣ, Карлъ-Леопольдъ имѣлъ честь принимать (мая 12) своего именитаго тестя. Герцогъ провожалъ государя отъ города въ городъ въ предѣлахъ своихъ владѣній, но не видно чтобы Петръ совѣщался съ нимъ, либо звалъ его на съѣзды для переговоровъ съ остальными союзниками... Годовщина полтавской битвы была отпразднована въ Ростокѣ, въ домѣ герцога, съ подобающимъ торжествомъ. Предпріимчивый и неутомимый Петръ не оставался долго на одномъ мѣстѣ: онъ ѣздилъ, писалъ приказанія, толковалъ съ министрами, одушевлялъ одного союзника, торопилъ другого и т. д. Такимъ образомъ

(¹) Журналъ или поддельная записка Петра, т. II. стр. 20—24. 43—44. 398. 421. Судя по энергическому слогу, можно смѣло сказать, что выписанныя нами въ извлеченіи строки, принадлежатъ ни кому другому, какъ самому Петру. Государь, какъ извѣстно нѣсколько разъ выправлялъ, и вписывалъ цѣлыя страницы въ составляющуюся, по его приказанію, поддельную записку. Нельзя не порадоваться, что этотъ драгоцѣннѣйшій источникъ исторіи царствованія Петра когда-нибудь явится въ свѣтъ, въ возможно полномъ изданіи, съ примѣчаніями, съ обозначеніемъ собственноручныхъ строкъ Петра, указаніями на его помарки и проч. и проч. Этотъ громадный трудъ принялъ на себя В. Ѳ. Ратчъ, извѣстный своими изслѣдованіями и розысканіями по части исторіи русской артиллеріи. Правительство назначило ему на изданіе 5000 руб. *Авт.*

во время своихъ заѣздовъ въ Шверинъ или Ростокъ, онъ проводилъ въ семьѣ герцога только нѣсколько сутокъ и спѣшилъ далѣе; за то государыня гостила у нихъ и по часту, и по долгу, такъ какъ она не хотѣла задерживать Петра ни собой, ни своимъ штатомъ.

Самымъ интереснымъ визитомъ Петра къ Карлу-Леопольду, былъ безспорно пріѣздъ его въ Магдебургъ 6 сентября 1717 года.

Государь, какъ кратко значится въ журналѣ, пріѣхалъ сюда въ 8 часовъ утра. Его встрѣтили герцогъ мекленбургскій съ герцогинею, генералъ-фельдмаршалъ прусской службы князь Дангалтъ и другіе.

Государь предъ обѣдомъ ходилъ въ церковь, въ которой осматривалъ разныя достопамятности, между прочимъ камень, на которомъ отсѣкли голову епископу Удону и, переночевавъ въ квартирѣ герцога, выѣхалъ въ Бранденбургъ.

Поденная записка умалчиваетъ о нѣкоторыхъ частныхъ подробностяхъ, сопровождавшихъ встрѣчи Петра съ зятемъ; тѣмъ не менѣе онѣ интересны, если только справедливы. Такъ напр. объ одной изъ нихъ (едва ли не въ Магдебургѣ) вотъ что разсказываетъ камергеръ Пельницъ: (¹)

«Г. Соссеji, братъ канцлера, въ главѣ правительственныхъ лицъ явился къ Петру съ привѣтствіемъ и поздравленіемъ съ благополучнымъ прибытіемъ. Онъ засталъ гостя съ двумя русскими барышнями. Петръ нѣжно обнималъ своихъ собесѣдницъ, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока его не отвлекли привѣтственною рѣчью». Какъ ни странно было для нѣмцевъ подобное безцеремонное обращеніе въ ихъ присутствіи, но все это было ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, что они увидѣли на другой день. Герцогиня мекленбургская съ мужемъ, прибывши изъ Шверина, чтобъ повидаться съ тестемъ и проводить его въ Берлинъ, сдѣлали государю ранній визитъ. Петръ выбѣжалъ къ племянницѣ на встрѣчу, нѣжно ее обнялъ и повелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ заботливо посадилъ ее на диванъ, оставилъ герцога и его свиту изъ передней слѣдить за его ласками въ растворенную дверь...

7 декабря 1718 года Катерина Ивановна родила дочь Анну. Съ легкой руки Тимоѳея Мальгина, автора «Зерцала россійскихъ государей» принцесса эта доселѣ именуется русскими историками Анной *Леопольдовной*, вмѣсто Анны *Карловны*.

Невзгоды семейной жизни рано начали огорчать герцогиню. Безпокойный, жесткій нравъ мужа скоро обнаружился во всей своей

(¹) Mémoires pour servir à l'histoire etc. II p. 65. Anna Ioannovna, Dargestellt von F. W. *Barthold* p. 22—23.

прелести. Карлъ-Леопольдъ присвоивалъ движимое и недвижимое имѣніе своихъ подданныхъ, безтолково противодѣйствовалъ австрійскому императору, не выполнялъ условій свадебнаго контракта, не снабжалъ жену ни деньгами, ни достаточнымъ содержаніемъ, такъ что она часто обращалась съ сѣтованіями и просьбами о помощи къ матушкѣ, которая всѣми силами хлопотала за нее у Петра. Безпутный мужъ шолъ прямо къ своей погибели, не внимая предостереженіямъ и совѣтамъ тестя... (¹)

Посѣщенія сестры Анны въ Митавѣ, гдѣ Катерина видѣлась однажды съ матерью; переписка съ ней при разлукѣ и вниманіе государя, должны были не мало утѣшать и ободрять герцогиню, если только эта толстая, румяная русская барыня, затянутая въ нѣмецкій корсетъ, могла когда нибудь слишкомъ печалиться.

Въ апрѣлѣ 1719 года она гостила у сестры — и государь былъ столь милостивъ, что повелѣлъ выдать ей изъ *курляндскихъ доходовъ* 1000 червонныхъ... Впрочемъ, содержаніе ея было плохо, далеко не герцогское; штатъ состоялъ изъ русскихъ школьниковъ Чемесова и другихъ, которые по словамъ самой государыни, были «гораздо плохи» (²).

Катерина просила, чрезъ посредство матери, въ Августѣ 1719 г. о пополненіи ея штата, о присылкѣ церковнаго причта. Старушка немѣшкатно препроводила письмо въ Петергофъ, къ государынѣ.

«Государыня, моя невѣстушка, царица Прасковья Ѳедоровна, отвѣчала Екатерина, здравствуй на множество лѣтъ купно съ дочкою! Объявляемъ вамъ, государыня, что письмо, до васъ писанное, отъ любезнѣйшей вашей дочери, а нашей племянницы, царевны Катерины Ивановны, его царское величество изволилъ все вычесть и о священникѣ самъ изволилъ приказать новгородскому архіерею Ѳеодосію; чтобъ немедленно, по желанію ея величества, отправить попа наискорѣе...»

Государыня заканчивала объявленіе, просьбой, чтобъ «невѣстка не печалилась и увѣдомила бы о своемъ здоровьи: естли въ болѣзни ей облегченіе?» (³)

Дорогая царица-невѣстушка дѣйствительно очень хворала; недугъ еще болѣе усиливался печалью въ разлукѣ съ любимой дочерью, несогласіями съ средней и болѣзнью младшей; но собственная болѣзнь

(¹) Карлъ-Леопольдъ, лишенный престола (въ 1736 году), пережилъ жену и дочь и скончался въ заточеніи, въ крѣпости Демницъ 28 ноября 1747 года.

(²) *Каб.* I пол. кн. 64 л. 736 письмо отъ имени Ек. Алек.

(³) *Каб.* дѣл. I. пол. т. 64 л. 668.

не мѣшала ей выполнять самымъ тщательнымъ образомъ всѣ просьбы «свѣтъ Катюшки».

Такъ въ отвѣтъ на просьбу о присылкѣ церковнаго причта, она извѣщала дочь: «Поѣхали къ тебѣ священникъ, да съ нимъ діаконъ Филиппъ и пѣвчій Филька, кажется люди нарочиты, а буде плохъ, я по зимѣ другого пришлю; и чаю, сама поѣду къ Москвѣ зимою и тамъ выберу добрыхъ...» (1)

«А что пишешь, замѣчаетъ въ другомъ письмѣ заботливая матушка, чтобъ не присылать женскаго роду (т. е. прислугу), въ Ригу, и я вѣдь пришлю не на твоемъ коштѣ, хотя негодны будутъ вамъ и онѣ назадъ пріѣдутъ; и о томъ отпиши, присылать или нѣтъ?..» (2)

Прасковья переписывалась очень усердно; но не довольствуясь письмами, зачастую посылала къ дочери, въ особенности въ то время, какъ она гостила у Анны въ Митавѣ, близкихъ ей людей. Мы видѣли, какъ не нравились подобные надсмотрщики царевнѣ Аннѣ, не могли нравиться они и сестрѣ ея Катеринѣ; но прекословить матери она не рѣшалась и держала при себѣ этихъ пословъ, которые писали о всѣхъ порядкахъ въ ея жизни къ безпокойной старушкѣ. Въ такихъ посылкахъ, какъ это видно изъ писемъ, особенно часто бывалъ Окуневъ.

«А Окунева, Катюшка, пишетъ Прасковья, буде те надобно держи; буде есть нужда какая приказать и ты ко мнѣ его пришли, а я тотчасъ (его) къ вамъ назадъ пошлю...» «Изволь ты его держать долго, наказываетъ старушка, чтобы мнѣ побольше про васъ сказывалъ...» (3)

Роды были не совсѣмъ счастливы для Катерины Ивановны; первые годы послѣ нихъ она иногда хворала, и вѣсти о ея болѣзни сильно тревожили мать. У Катерины дуло животъ, дѣлались судороги и старушка въ интимныхъ письмахъ всячески старалась ее успокоить: «что пишешь про свое брюхо, говоритъ старушка въ одной изъ грамотокъ, и я, по письму вашему не чаю, что ты брюхата. Живутъ съ такіе случаи, что непознаетце; и я при отцѣ такъ была годъ; чаяла брюхата, да такъ изошло. Отпиши еще поподлиннѣе про свою болѣзнь и могутъ ли дохтуры вылечить?» (4)

Но успокоивая дочь, старушка сама безпокоилась какъ нельзя больше и какъ для свиданія съ собой, такъ еще больше для излѣченія дочериныхъ недуговъ, звала «Катюшку», на олонецкія воды...

---

(1) *Прилож.* № 3.
(2) *Прилож.* № 6.
(3) *Прилож.* №№ 4, 6 и др.
(4) *Прилож.* № 5.

«буде мнѣ (лишь) возможно будетъ ѣхать, пишетъ Прасковья въ той же грамоткѣ, и я съ Москвы прямо къ водамъ проѣду. Да отпиши пожалуй подлинно, поѣдетель вы въ Ригу или нѣтъ? И ежели тебѣ возможно отъ него (т. е. отъ мужа), буде не брюхата *по прежнему*, у насъ побывать, какъ вылечися, для моей старости и для моей болѣзни. И ежели не брюхата, и тебѣ все конечно надобно быть на Олонцѣ, у Марціальныхъ водъ для этакой болѣзни, что пишешь — есть опухоль. И отъ такихъ болѣзней и поврежденія женскихъ немощей вода зѣло пользуетъ и вылечиваетъ. Сестра княгиня Настасья (¹) у водъ вылечилась отъ такихъ болѣзней. И не пухнетъ и бокъ не болитъ, и немощи уставились помѣсячно, порядкомъ. Если не послужатъ докторскія лекарства, всеконечно надобно тебѣ къ водамъ ѣхать на Олонецъ...» (²)

Находя свои слова недовольно убѣдительными, старушка ссылалась въ доводахъ на авторитетъ государя. Что Прасковья положительно преклонялась предъ своимъ «архангеломъ», такъ она называла Петра, уважала и боялась его (боязнь и уваженіе сливались, какъ всегда, въ одно чувство), это неудивительно; но то интересно, что она даже слѣпо вѣровала въ его медицинскія познанія. Какъ извѣстно, Петръ любилъ анатомію, медицину, самъ выколачивалъ и выдергивалъ зубы, выпускалъ изъ больныхъ водяною — воду, причемъ наивно удивлялся, отчего больные умирали, бросалъ кровь, отрѣзывалъ заражонные члены, наконецъ, какъ мы видѣли при казни фрейлины Гамильтонъ, съ видомъ знатока, съ любопытствомъ разсматривалъ, ради анатоміи, срубленныя головы несчастныхъ...

Всѣ эти обстоятельства не могли не убѣдить его придворныхъ, а съ ними и старушку, что Петръ дѣйствительно близко знакомъ съ медициной и на его слова можно положиться.

...«О болѣзни своей Катюшки, что ты ко мнѣ писала, пишетъ Прасковья, я удивляюсь тому, что какое твое брюхо? Надобно гораздо пользоватся и зѣло (я) сокрушаюсь. Ежели бы были вмѣстѣ, могли бъ всякую пользу сдѣлать. По письму вашему, всеконечно будутъ вамъ дѣйствовать (въ) вашей болѣзни воды; *также и дядюшка изволилъ разсуждать про болѣзнь твою*, какъ челъ письмо то, которое ко мнѣ пишешь, *чтобъ конечно вамъ ѣхать къ водамъ*, какъ въ Ригѣ будете, для того, что отъ Риги не далеко. Сестра моя, княгиня Настасья, больше пятнадцати лѣтъ все чаяла брюхата и великую скорбь имѣла, пожелтѣла и распухла, и (отъ) болѣзни ея и док-

---

(¹) Настасья Ѳедоровна Салтыкова, умершая 2 сент. 1736 г. была за дѣйств. тайн. совѣт. княземъ кесаремъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Ромодановскимъ.

(²) *Приложе.* № 5.

тора всѣ отказались. И ее *государь изволилъ послать къ водамъ*, и она отъ тѣхъ водъ выздоровѣла, какъ не бывало болѣзни, и все стало быть временно (¹)!»

Для насъ эти строки важны не только потому, что они показываютъ любовь и нѣжную заботливость матери о своей дочкѣ, но еще и потому, что какъ нельзя лучше обнаруживаютъ то безусловное вѣрованіе въ авторитетъ государя, которое безспорно всегда имѣла Прасковья. Мудрено ли, что за это уваженіе, за эту покорность, за это вѣрованіе въ справедливость каждаго изрѣченія Петра, тотъ платилъ ей взаимно любовью, большимъ или меньшимъ участіемъ къ ея интересамъ, а главное снисхожденіемъ къ ея, довольно крупнымъ слабостямъ, которыя не прощалъ однако своимъ теткамъ, сестрамъ и другимъ свойственницамъ...

Впрочемъ, говоря о той пользѣ, какую принесли минеральныя воды сестрѣ Настасьѣ, Прасковья не могла сослаться на себя, не смотря на то, что она посѣщала ихъ часто, воды ей не помогали. По примѣру и совѣту Петра, она была на кончезерскихъ водахъ въ 1719 году (²), ѣздила въ Олонецъ на «марціальныя воды» въ началѣ 1721 года, причемъ ее провожала довольно большая свита, на шестидесяти подводахъ (³). Царица пробыла здѣсь до 15 марта; была она и въ началѣ 1723 года, но воды не помогали: она постоянно страдала разными недугами. Какъ видно изъ ея писемъ, болѣзни были у нея великія: «мокротная, каменная, подагра и ея натурѣ такихъ болѣзней не снесть...» Ноги ей рано отказались служить, она обрюзгла, опустилась, сдѣлалась непомѣрно раздражительна и подъ вліяніемъ этихъ болѣзней, являла иногда характеръ, какъ увидимъ ниже, въ высшей степени звѣрскій... Надо думать, что кромѣ преклонныхъ лѣтъ, болѣзнь ея развилась и отъ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ. Кто бы ни пріѣзжалъ въ привольное село Измайлово, либо въ ея домъ въ Петербургѣ; кто бы ни являлся къ хлѣбосольной хозяйкѣ, онъ рѣдко уходилъ не осушивъ нѣсколькихъ стакановъ крѣпчайшаго вина, наливки или водки. Царица всегда была такъ милостива, что сама подавала завѣтный напитокъ, сама же и опорожняла стаканъ, ради добраго гостя.

Даже выѣзжая куда нибудь, царица приказывала брать съ собой

(¹) *Прилож.* № 6.

(²) *Голиковъ VII.* 455.

(³) Вѣдѣніе служителя ея Петрова въ камеръ-коллегію 8 февр. 1721 г. о дачѣ подводъ на обратный проѣздъ царицы въ Спб. «и тѣ подводы въ пристойныхъ мѣстахъ поставить безъ замедленія, дабы за тѣми подводами, въ пути ея величеству остановки не было.» *Каб. дѣлъ* II полов. т. LIV ст. 1407.

нѣсколько бутылокъ вина... Нельзя слишкомъ обвинять въ этой слабости старушку; она пила также, какъ пили всѣ, или почти всѣ русскія аристократки Петровскаго двора. Кто читалъ дневникъ Берхгольца, тотъ безъ сомнѣнія помнитъ опаиванья въ царскіе дни петербургскихъ и московскихъ барынь; помнитъ и маленькія непріятности для дамъ, неминуемыя послѣдствія подобныхъ попоекъ. Горькая чаша зачастую не обходила и «ангелоподобныхъ цесаревенъ», какъ называетъ почтительный камеръ-юнкеръ, дочерей великаго монарха...

Больная старушка, убѣждая дочь посѣтить ее, да хорошенько полечиться, послала ей, также герцогу и ихъ дочери, въ знакъ особенной своей любви и привязанности, разные подарки. То были большею частью дорогіе мѣха лисьи, собольи, горностаевы, грецкое мыло, дорогіе камни, внучкѣ игрушечки и всякаго рода гостинцы (1).

По просьбѣ царицы, самъ государь дѣлалъ иногда подобные подарки, но разумѣется, чаще доводилось ему дарить деньгами, что̀ было для герцогини гораздо важнѣе, всѣхъ бочечекъ да мазниковъ, которыя не скупилась присылать Прасковья для передачи «крошечкѣ-малюточкѣ внученкѣ своей Аннушкѣ».

Такъ напр. въ бытность Катерины Ивановны съ мужемъ въ Вѣнѣ (въ 1720 году), государь послалъ на ея нужды переводъ на банкирскій домъ въ 5,000 ефимковъ (2), вообще былъ къ ней какъ нельзя болѣе внимателенъ, извѣщалъ о своихъ радостяхъ, обнадеживалъ своей помощью въ ея нуждахъ и проч.

Рескрипты по большей части писались секретарской рукой, но иногда начало и конецъ, въ особенности въ P. S. Петръ писалъ самъ.

Въ томъ же 1720 году, 8 августа, государь сообщилъ любезной государынѣ-племянницѣ «зѣло радостную вѣдомость о побѣдѣ, одержанной княземъ Голицынымъ, 6 числа, надъ шведскою эскадрою въ Ламеланской гавани, причемъ взяты были русскими четыре фрегата. «И съ сею нечаянною викторіею вамъ поздравляемъ, а какимъ порядкомъ то дѣлалось и что чего взято, тому прилагается печатная вѣдомость». «А что требовали вы о своей нуждѣ, приписывалъ Петръ собственноручно, то исполнимъ вскорѣ; такожъ не извольте думать, чтобы мы васъ позабыли; но летать не умѣемъ, а идемъ хотя тихоховько, но слава Богу не отчаемся; а когда въ на-

(1) *Прилож.* № 3.
(2) *Голиковъ, VIII,* 431.

шихъ дѣлахъ добро совершится, то и вамъ безъ труда добро дѣлать будемъ» (1).

Катерина неоднократно писала къ дядюшкѣ и тотъ постоянно отвѣчалъ ей въ самомъ дружелюбномъ тонѣ; вотъ напр. образчикъ этой полуофиціальной, полуродственной кореспонденціи:

«Пресвѣтлѣйшая герцогиня, дружебно-любезная племянница! Мы благодарствуемъ вашему царскому высочеству и любви за учиненное по отправленной къ намъ вашей пріятной грамотѣ, отъ 10 декабря минувшаго года поздравленіе (съ) новымъ годомъ. И яко мы, во всемъ томъ, что вашему царскому высочеству пріятное и пожеланное приключится можетъ, особливое радостное участіе пріемлемъ такого взаимно желаемъ мы вашему ц. высочеству; и любви отъ Всевышняго, такъ въ наступившемъ новомъ году, какъ на многія слѣдующія лѣта всякой счастливости, постояннаго здравія и саможелаемаго благоповеденія и пребываемъ навсегда вашего царского высочества дружебно-охотный дядя Петръ» (2).

Не желая ограничиваться однимъ обмѣномъ поздравительныхъ рескриптовъ, Петръ душевно бы желалъ помочь, ради герцогини, ея мужу. Дѣла послѣдняго были крайне плохи. Онъ ни съ кѣмъ не уживался, никого не слушалъ: на него негодовалъ австрійскій императоръ, негодовали союзники и сосѣди, а болѣе всего жаловались, и не безъ основанія, его подданные.

— «Просишь ты, писалъ государь къ племянницѣ (3), о прежнихъ вамъ и нынѣ предстоящихся обидахъ, чтобъ вамъ вспомочь, но и мы часто досады терпимъ и сколько мочно при дворѣ цесарскомъ трудимся о вашей пользѣ». Государь совѣтовалъ имъ пока обождать, быть возможно уступчивѣе и «склоннѣе», что было по его мнѣнію, необходимо «по нынѣшнимъ пазитурамъ», а главное напоминалъ племянницѣ, чтобъ она убѣдила своего благовѣрнаго супруга, чтобъ, онъ не *все такъ дѣлалъ чего хочетъ, но смотря по времени и случаю».*

Не тутъ-то было. Благовѣрный Карлъ-Леопольдъ не унимался, не смотрѣлъ ни на время, ни на случай и дождался грозы со стороны цесаря. Въ его владѣнія, какъ онъ жаловался, неправеднымъ поступкомъ прислали «экзекуцію» (т. е. войско), герцогиня спѣшила послать жалобу къ Петру.

---

(1) Подлинныя письма *Петра* 1720 г. л. 1.

(2) *Каб.* дѣл. I пис. т. *LXIV*, л. 715.

(3) Письмо Петра 1720. л. 2 собственноручный отвѣтъ изъ Спб. 14 дек. 1720 г. на письмо герцогини отъ 23 ноября изъ Динаминда.

...«Сердечно (объ этомъ) соболѣзную, отвѣчалъ государь, но не знаю, чѣмъ помочь? *Ибо ежели бы мужъ вашъ слушался моего совѣта*, ничего бъ сего не было; а нынѣ допустилъ до такой крайности, что уже дѣлать стало нечего. Однакожъ прошу не печалься; по времени Богъ исправитъ и мы будемъ дѣлать сколько возможно» (¹).

Съ заключеніемъ ништатскаго мира эта возможность представилась очевиднѣе, и Петръ на офиціальномъ поздравленіи племянницы «съ благимъ и пожелаемымъ миромъ», собственноручно приписывалъ: «и нынѣ свободнѣе можемъ въ вашемъ дѣлѣ вамъ вспомогать, лишь бы супругъ вашъ *помягче поступалъ*» (²).

Достаточно послѣднихъ словъ, чтобъ представить себѣ, каково было поведеніе Карла-Леопольда, герцога мекленбургскаго, если даже самъ суровый и грозный Петръ вынужденъ былъ напоминать ему о *мягкихъ поступкахъ*.

А вѣсти объ этихъ не мягкихъ поступкахъ, болѣе и болѣе отравляли царицѣ Прасковьи и безъ того горькую разлуку съ любимицей Катюшкой; больная, она по цѣлымъ мѣсяцамъ (съ 1720 года) лежала въ постели, владѣя только руками; къ ея же горести, младшая дочь, бывшая при ней неотлучно, безпрестанно недомогала (³). И душевныя и тѣлесныя скорби вызывали со стороны старушки безпрестанныя просьбы къ «свѣтъ-Катюшкѣ», чтобъ она писала сколь возможно чаще и чаще:

«Пиши ты ко мнѣ царевна Екатерина Ивановна, безпрестанно напоминаетъ царица, пиши ко мнѣ про свое здоровье и про мужнее, и про дочкино почаще...» «Пиши ты ко мнѣ почаще, не крушите меня...» «Отпиши противъ сего письма, какъ можно поскорѣе... а письма твои Катюшка чту, и всегда плачу на ихъ смотря» и т. д. (⁴).

Что это были за грамотки, которыя обливала слезами Прасковья, мы не знаемъ; мы не нашли ни одной изъ нихъ въ просмотрѣнныхъ нами подлинныхъ бумагахъ; вѣроятно онѣ сохраняются въ одномъ изъ московскихъ архивовъ и когда-нибудь явятся въ свѣтъ... Что они должны быть любопытны для характеристики царевны, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, точно также, какъ не безинтересны письма ея маменьки, помѣщаемыя нами въ приложеніяхъ.

(¹) *Каб.* дѣл. I пол. т. *LXV* и 260. письмо изъ Спб. отъ 16 марта, какъ кажется 1721 года.

(²) Подлинныя письма Петра. л. 3. 1721 г. 8 сент. Спб.

(³) *Прилож.* № 5.

(⁴) *Прилож.* №№ 3, 4, 6 и друг.

Въ этихъ письмахъ какъ нельзя лучше высказывается самая нѣжная материнская привязанность и заботливость старушки о «Катюшкѣ»; съ какою любовью распрашиваетъ она о ея дѣлахъ, какъ искренно груститъ о ея печаляхъ, какъ заботливо распрашиваетъ про болѣзни и какъ неутомимо исписываетъ грамотки совѣтами лечиться сколь возможно скорѣе и старательнѣе; часто напоминаетъ о наблюденіи супружескаго закона, молитъ не забывать Господа Бога; шлетъ подарки, удовлетворяетъ ея просьбамъ, наконецъ распрашиваетъ о новыхъ нуждахъ, съ полной готовностью выполнить малѣйшую просьбу. Нельзя не замѣтить при этомъ, что ни въ одной строкѣ Прасковьи не прорывается упрека герцогу, котораго она имѣла бы полное право упрекать во многомъ. Если большая часть его поступковъ могла быть скрываема отъ старушки, то все-таки трудно предположить, чтобъ она ничего не знала и ни въ чемъ бы его не винила; но какъ женщина съ большимъ природнымъ умомъ, она не хотѣла упреками посѣвать раздоръ между супругами; она благоразумно находила, что упреки ни чему не помогутъ, а пожалуй вынудятъ капризнаго и своевольнаго Карла-Леопольда на какой-нибудь дерзкій поступокъ.

Прочитывая самыя нѣжныя, полныя материнской страсти письма Прасковьи къ Катюшкѣ и къ внучкѣ Анпушкѣ, невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели въ этой любящей душѣ, на ряду съ столь прекраснымъ и сильнымъ чувствомъ, могли быть другія страсти?.. А между-тѣмъ, въ этой же душѣ, какъ мы увидимъ, гнѣздилась злоба непомѣрная, жестокость и звѣрство, превышающія всякое вѣроятіе, по видимому совершенно не мыслимыя въ женской натурѣ... Но это было такъ... объ этомъ свидѣтельствуютъ подлинныя бумаги...

Пока однако дойдемъ до этихъ фактовъ, послушаемъ горячія просьбы, гнѣвъ и заклятія, съ какими убѣждаетъ старушка ненаглядную Катюшку пріѣхать къ ней на житье; она съ замѣчательною постепенностью и искусствомъ подбираетъ самые сильные доводы о необходимости этого пріѣзда:

...«О васъ государь соболѣзнуетъ очень и всѣмъ хочетъ помочь, только не видавшись съ вами, нельзя сего дѣла дѣлать; всеконечно надобно вамъ быть въ Ригу»... Царица жалуется на болѣзни, увѣряетъ, что отъ великихъ скорбей и несносныхъ печалей, не чаетъ себѣ долгаго житія и проситъ простить ея грѣхи, буде что Господь сотворитъ... И все это пишетъ къ тому, чтобъ Катюшка «буде не брюхата, побывала бы у насъ, какъ вылечася для моей старости и для моей болѣзни»...

И тутъ, расчитывая на авторитетъ государя и на его значеніе

относительно герцога, Прасковья настаиваетъ, чтобъ дочь просила его ѣхать къ ней въ Россію, а буде отправитесь «не покидайте дочки (Аннушки), не надсадите меня при моей старости». Самымъ сильнымъ доводомъ Прасковьи было желаніе *дядюшки*, т. е. государя; его именемъ обнадеживала она дочь, что ихъ дѣло лучше устроится въ Россіи... «всеконечно, Катюшка, пишетъ царица, дядюшка говорилъ, что какъ пріѣдутъ, всеконечно дѣло ихъ управлю; *я не пишу никогда ложно*»... (1)

«Что до меня, пишетъ Прасковья въ другомъ письмѣ, то я всеконечно больна и лежу въ разслабленіи, и тебѣ, Катюшка, всеконечно надобно ко мнѣ пріѣхать для благословенія и для утѣшенія мнѣ; также чтобъ мнѣ видѣть твою дочку (того) безмѣрно желаю, тобъ я утѣшилась (еслибъ ее увидѣла)»... Затѣмъ опять тѣже обѣщанія, что дѣло герцога устроится тотчасъ же, лишь только онъ, либо Катюшка, пріѣдутъ въ Россію; новыя ссылки на дядюшку, на его желаніе видѣть при себѣ племянницу; а буде это желаніе не исполнится, то вы его тѣмъ «на крѣпко раскручините и у дядюшки всю свою пользу потерпете»... Но изъ слѣдующихъ же за тѣмъ строкъ ясно видно, что дѣло идетъ не столько о *пользѣ герцога*, сколько о сильномъ желаніи старушки «для самаго Бога и Пресвятой Богородицы дочку и внучку увидѣть, хоть на одинъ часъ».

Наконецъ видя, что ея желаніе по разнымъ причинамъ все еще не выполняется, Прасковья въ новомъ письмѣ начинаетъ грозить «Катюшкѣ» гнѣвомъ Божіимъ, даже проклятіемъ, буде та не пріѣдетъ къ ней (2)...

Интересно, что для большей убѣдительности просьбъ, Прасковья не разъ писала шутливыя и въ то же время нѣжныя посланія къ малюткѣ внучкѣ своей Аннушкѣ.

Мы уже видѣли, съ какой заботливостью послала она къ ней игрушечки и гостинцы; попеченія о единственной внучкѣ никогда не покидали бабушку: «которая у меня дѣвушка грамотѣ умѣетъ, пишетъ она между прочимъ къ «Катюшкѣ», и она посылаетъ къ вамъ тетрадку; а я ее держу у себя, чтобъ внучку учить Русской грамотѣ» (3).

Какъ простъ и какъ наивенъ взглядъ на образованіе своихъ птенцовъ у царицы-помѣщицы. Она приказала обучить грамотѣ одну изъ своихъ холопокъ, для того, чтобъ та въ свою очередь, когда придетъ пора, по ея велѣнью, открыла бы свѣтъ науки «не-

---

(1) *Прилож.* №№ 3, 6, 2 и друг.
(2) *Прилож.* тѣже.
(3) *Прилож.* № 3.

наглядной Аннушкѣ», дочери герцогини мекленбургской. Планъ старушки однако, сколько намъ извѣстно, не исполнился: въ числѣ наставниковъ и наставницъ будущей правительницы всероссійской имперіи, мы не видимъ крѣпостную дѣвицу царицы Прасковьи.

Старушка въ особыхъ грамоткахъ просила «махоточку внучку» утѣшать батюшку и матушку, не давать имъ кручиниться. Смотрите напр. сколько нѣжности и любви въ этихъ посланіяхъ, писанныхъ Прасковьей къ внучкѣ самыми тщательными каракульками, уставцемъ, на маленькихъ листочкахъ, бережно и красиво обрѣзанныхъ:

«Другъ мой сердечный внучка, здравствуй съ батюшкомъ и съ матушкой! Пиши ко мнѣ о своемъ здоровьи, и про батюшкино, и про матушкино здоровье своею ручкою. Да поцѣлуй за меня батюшку и матушку: батюшку въ правый глазокъ, а матушку въ лѣвый. . . . . Да посылаю я тебѣ свои глаза ⊙ ⊙ старые, и уже чуть видять свѣтъ; бабушка твоя старенькая хочетъ тебя внучку малешенькую видѣть».

«Внучка, свѣтъ мой! пишетъ бабушка въ другой грамоткѣ, желаю я тебѣ, другъ мой сердечный, всякаго блага отъ всего моего сердца; да хочетца, хочетца, хочетца тебя, другъ мой внучка, мнѣ, бабушкѣ старенькой, видѣть тебя маленькую и подружиться съ тобой. Старая съ малой очень живутъ дружно . . . . . а мнѣ съ тобой о нѣкихъ нуждахъ, самыхъ тайныхъ, подумать и переговорить (нужно)» (¹).

Надежды старушки свидѣться съ Катюшой и внучкой начали осуществляться. Еще въ январѣ 1722 года при дворѣ Петра стали поговаривать о скоромъ пріѣздѣ въ Россію герцога мекленбургскаго. 18 января сего года прибылъ отъ него въ Москву курьеромъ полковникъ Тилье. Пріѣздъ его не обратилъ бы на себя большого вниманія, еслибъ онъ не сопровождался слѣдующимъ приключеніемъ. Между Москвой и ближайшей отъ нея станціей, на мекленбургскаго полковника напали разбойники и самымъ неучтивымъ образомъ обобрали и его, и сопровождавшаго его егеря до послѣдней нитки, такъ что нѣмецъ курьеръ явился въ русскую столицу въ крестьянскомъ полушубкѣ... Вѣсть о такомъ грабежѣ вызвала разные толки, между прочимъ о порученіи, съ какимъ явился полковникъ. Оно было секретомъ для двора, но поговаривали, что Тилье присланъ въ Москву вслѣдствіе заговора противъ герцога мекленбургскаго, за который тайный совѣтникъ Вольфратъ съ женою и многія другія

(¹) *Прилож.* №№ 5, 10 и 11.

знатныя лица, подверглись жестокому аресту; говорили между прочимъ и о томъ, что скоро пріѣдетъ въ Россію самъ герцогъ... (1).

Петръ дѣйствительно былъ не прочь видѣть его у себя, частью въ надеждѣ направить Карла-Леопольда совѣтами и личными убѣжденіями на настоящую дорогу, частью и потому, что хотѣлъ угодить невѣсткѣ, которая не переставала его осаждать просьбами вытребовать Катюшку въ Россію.

Вслѣдствіе всего этого, отъѣзжая въ персидскій походъ, государь 8 и 11 мая 1722 года отправилъ двѣ зазывныя грамотки къ любезнѣйшей племянницѣ:

«... Обнадеживаемъ васъ, пишетъ онъ въ первой, что мы его свѣтлости герцогу, супругу вашему, въ дѣлѣ его вспоможеніе чинить не оставимъ, но понеже потребно о такомъ важномъ дѣлѣ намъ съ его свѣтлостью самимъ разсужденіе имѣть и о мѣрахъ къ отправленію того согласиться, того ради, мы къ нему нынѣ... отправили... капитана Бибикова съ грамотою нашею, требуя, дабы его свѣтлость купно съ вами въ Ригу пріѣхали. И уповаемъ, что его свѣтлость, ради своей собственной пользы учинить не отречется. А ежели, паче чаянія, его свѣтлость для какихъ причинъ въ Ригу не поѣдетъ, то въ такомъ случаѣ желаемъ мы, (понеже невѣстка наша, а ваша мать, въ болѣзни обрѣтается и васъ видѣть желаетъ), дабы вы для посѣщенія оной пріѣхали сюда. Гдѣ мы съ вами и о дѣлахъ его свѣтлости переговорить и потребное объ оныхъ опредѣлить можемъ».

Вслѣдъ за этимъ рескриптомъ, писаннымъ рукой секретаря, государь подтверждалъ тоже приказаніе въ собственноручной припискѣ: «паки подтверждаемъ, чтобы вы пріѣхали, понеже мать того необходимо желаетъ для своей великой болѣзни.»

Курьеру, капитану Бибикову, императоръ, по убѣдительной просьбѣ невѣстки, вручилъ незапечатанную, собственноручную записку, въ которой просилъ любезную племянницу вѣрить тому, что будетъ говорить предъявитель записки, помнить, что «мать зѣло ее видѣть въ своей болѣзни желаетъ» и чтобы Катюшка всячески спѣшила пріѣздомъ (2).

Что касается до самой Прасковьи, то она написала при этомъ случаѣ длинное посланіе (отъ 15 мая) (3); главное содержаніе его состояло въ повтореніяхъ просьбъ пріѣхать поскорѣй; старушка не только утверждала, что отъ этого зависитъ вся польза ихъ собствен-

(1) *Бергольцъ* ч. II, с. 47.
(2) Подлинныя письма Петра, л. 4 и 5.
(3) *Прилож.* № 6.

наго дѣла, но даже нужнымъ сочла замѣтить, что при житьѣ въ Россіи «убытку имъ никакого не будетъ, — весь коштъ будетъ государевъ».

Пришла наконецъ вѣсть, что дорогая гостья подвилась въ путь-дороженьку: свѣтъ Катюшка — безъ мужа, но съ четырехъ лѣтней дочкой ѣдетъ въ Москву... То-то радость, то-то веселье въ родимомъ Измайловѣ! Старушка засуетилась: она то заботливо отдаетъ приказанія о чисткѣ хоромъ, о приготовленіяхъ къ пріему своей любимицы, то посылаетъ къ ней на встрѣчу, пишетъ письма, — дни для нея тянутся недѣлями, она считаетъ каждый часъ и ждетъ не дождется давножеланныхъ гостей.

Посмотрите, какъ суетится, какъ тревожится царица; время для нея такъ тянется долго, что она рѣшительно теряетъ надежду обнять дочку съ внучкой...

«Катюшка, свѣтъ мой здравствуй! послала я къ тебѣ Алексѣя Татищева... я думаю, что вы долго не будете? Пришлите вѣдомость, гдѣ вы теперь? чтобы вѣдать мнѣ... Пуще прежняго, ждемъ да не дождемся... Внучка моя здравствуй! пріѣзжай поскорѣй, не могу я васъ дождаться и, Богъ вѣсть, дождусь ли я или нѣтъ, по своей болѣзни...

За первымъ встрѣчникомъ посылаются новые; царица отправляетъ «Татьяну съ товарищи», за ними царевну Прасковью... Онѣ везутъ грамотки съ новыми сѣтованьями на медленность въ пути: «... Я васъ, свѣтовъ своихъ, пишетъ старушка, дожидаю въ радости; а больше вѣры нейму, что будете! Кажется, не будете! Ежели можно, поспѣшите поскорѣе, для того, что дитяти долго въ дорогѣ быть трудно и для моей болѣзни... Ежели мнѣ будетъ возможно, я сама выѣду васъ встрѣтить... у меня, свѣтъ мой, вамъ и хоромы вычищены для вашего покою... Чаю вамъ ѣхать трудно въ дорогѣ, а больше того дитяти великой трудъ. А думаю, я никакъ васъ не дождусь, по своей болѣзни... Хотя бы взглянуть (мнѣ) на внучку... У меня въ домѣ, свѣтъ мой, всѣ радуются твоему пріѣзду, а наипаче дочкѣ вашей»...

Отъ радости Прасковья стала болѣе, поправилась, прошолъ ломъ въ костяхъ, чѣмъ она много страдала; но ходить все не могла, и потому, какъ узнала что Катюшка близко, выслала ей на встрѣчу Василья Алексѣевича Юшкова, своего интимнаго, горячо любимаго фаворита. Царица посылала его вмѣсто себя, «впрочемъ тутъ же просила отнюдь не держать его при себѣ болѣе сутокъ»; пришли его ко мнѣ скорѣй, «а я тебя, писала царица, не могу дождаться» (1).

(1) *Прилож.* №№ 7, 8 и 9.

Представляемъ читателямъ самимъ вообразить картину встрѣчи Прасковьи съ любимой дочерью, послѣ пятилѣтней разлуки.

Катерина Ивановна пріѣхала въ Москву въ довольно скучную пору. Государь 13 мая, вслѣдъ за нимъ императрица (14-го ч.) и многіе изъ придворныхъ отправились въ Астрахань, въ персидскій походъ. Недѣли двѣ спустя выѣхали въ Петербургъ цесаревны Анна и Елисавета Петровны, также въ сопровожденіи большой свиты (1). Герцогиня Анна Ивановна жила въ Митавѣ, такимъ образомъ изъ имѣнитѣйшихъ лицъ въ Москвѣ, оставался только герцогъ голштинскій съ своимъ штатомъ, добросовѣстно опорожнявшимъ съ своимъ господиномъ кубки съ виномъ въ засѣданіяхъ пьяной компаніи, основанной герцогомъ, подъ названіемъ: «тостъ коллегіи».

«Свѣтъ-Катюшка» заняла въ Измайловѣ отведенныя ей хоромы подлѣ матушки; въ большихъ флигеляхъ размѣстилась ея свита, между которыми были и мекленбургцы, такъ напр. капитанъ Бергеръ и друг. (2)

При дешевизнѣ тогдашней жизни и богатству запасовъ, получаемыхъ съ большихъ вотчинъ, измайловскія обитательницы жили въ достаткѣ, сытно, тепло, уютно; но, платя дань вѣку и собственному необразованію, жили довольно грязно; проводили время въ ѣдѣ, въ спаньѣ, въ исполненіи церковныхъ требъ и въ безцеремонномъ приниманіи и угощеніи гостей до отвалу и опьянѣнія.

Если бы вы вслѣдъ за камеръ-юнкеромъ Берхгольцомъ (3) который, какъ статный парень — скоро полюбился толстенькой герцогинѣ, зашли бы къ ней въ измайловскій дворецъ, вамъ бы вѣроятно попалась на встрѣчу царевна Прасковья — блѣдная, растрепанная, съ выдавшимися скулами, осунувшимся лицомъ; она по обыкновенію въ дезабилье, но это не помѣшало бы ей сунуть вамъ для поцѣлуя свою костлявую руку. Вы цѣлуете и проходите въ комнаты

---

(1) Онѣ выѣхали вмѣстѣ съ Меншиковымъ 5-го іюня 1722 г. Князь часто извѣщалъ государя съ государыней о здоровьи и занятіяхъ цесаревенъ *Каб. дѣла*, II полов. т. LX л. 559—579. См. также Діаріушъ *Ханенки* въ чт. Общ. Ист. 1858 г. Смѣсь кн. I с. 68.

(2) Не родственникъ ли извѣстному впослѣдствіи доносщику Бергеру, виновнику лютыхъ казней, постигшихъ Латухиныхъ въ 1743 году?

(3) Онъ сдѣлалъ первый визитъ въ Измайлово въ свитѣ своего герцога 5 сентября 1722 г. Голштинцы отправились въ четырехъ каретахъ, каждая въ шесть лошадей, парадными цугами. Гостей встрѣчали и провожали въ Измайловѣ кавалеры герцогини и царицы. — Бесѣда тянулась съ часъ и какъ ни коротко было это время, но всѣ успѣли опорожнить по нѣсколько стакановъ венгерскаго вина, поднесеннаго гостепріимными хозяйками.

герцогини не иначе, какъ чрезъ спальню больной царевны... а вотъ и Катерина Ивановна. Послушайте, какія она отпускаетъ уморительныя вещи, какъ весело болтаетъ, какимъ звонкимъ смѣхомъ заливается на весь домъ при каждомъ словѣ, по ея мнѣнію, остроумномъ.... Хотите или не хотите, а вы должны выпить вина; вамъ его поднесутъ либо сама герцогиня, либо ея малютка дочь, либо подастъ больная Прасковья. — Предваряю, что отказываться неучтиво, да и неприлично; пейте и спѣшите за статнымъ камеръ-юнкеромъ... Хохотушка Катерина ведетъ его въ спальню, устланную краснымъ сукномъ, довольно еще чистымъ; герцогиня показываетъ свою кровать, Богъ знаетъ чѣмъ заслуживающую осмотра, и рядомъ съ ней въ альковѣ вы можете видѣть постель маленькой принцессы. Вообще убранство этой комнаты лучше остальныхъ, которыя меблированы крайне плохо.

Тише... что это за писк и вой? Оглядываетесь: предъ вами полуслѣпой, грязный и страшно провонявшій чеснокомъ и потомъ бандурщикъ, гнусливо затянулъ пѣсню, за ней другую, третью... Катерина Ивановна вообще любительница музыки и всякаго рода эстетическихъ наслажденій; она съ довольной улыбкой слушаетъ пѣнье; Берхгольцъ съ нѣмцами товарищами ничего не понимаетъ, а пѣсни всѣ сальны, не даромъ же царевна Прасковья, въ качествѣ дѣвицы, считаетъ неприличнымъ оставаться въ комнатѣ, когда поютъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Кромѣ пѣсень бандурщика, герцогиня находитъ не мало удовольствія въ шуткахъ и скоморошничествѣ грязной, слѣпой и безобразной старухи, которая босикомъ, въ какомъ-то рубищѣ, смѣло и свободно разгуливаетъ въ ея комнатахъ. Особенный эфектъ постоянно производитъ слѣдующій фарсъ шутихи: по первому слову матушки Катерины Ивановны, старуха пускается въ плясъ, причемъ съ неподражаемымъ искусствомъ поднимаетъ спереди и сзади свои старыя вонючія лохмотья...

Нѣмцы гости недоумѣвали, какъ герцогиня, столь долго жившая въ Германіи сообразно своему званію, можетъ здѣсь терпѣть такую бабу... Но недоумѣніе ихъ было странно. Катерина Ивановна привыкла къ шутамъ, шутихамъ, карламъ, дурамъ, юродивымъ и т. п. исчадіямъ тогдашней боярской жизни съ малыхъ лѣтъ; вся эта обстановка не поражала, да и не должна была ее поражать; а у такого милаго супруга, какимъ былъ безпутный Карлъ-Леопольдъ мекленбургскій, она едва ли могла заимствовать новыя привычки и усвоить новый образъ жизни... Вотъ почему она и поспѣшила зажить по старому, лишь только попала въ родимое болото...

Въ этомъ болотѣ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ — былъ старый нашъ знакомый В. А. Юшковъ. Возвеличенный въ званіе главнаго управляющаго всѣми вотчинами и домами царицы, фаворитъ ея, онъ хлопоталъ объ интересахъ госпожи далеко не съ надлежащимъ усердіемъ. Хозяйство шло плохо, долговъ на «домѣ государыни царицы» считалось много, уплаты велись неакуратно; а при недосмотрахъ главнаго управляющаго, естественно, что не чинились мелкіе прикащики и тащили господское добро на право и на лѣво. Къ довершенію неурядицы заносчивый и своевольный Юшковъ, гордый связью и довѣріемъ къ нему Прасковьи, велъ себя относительно сослуживцевъ крайне дерзко и распоряжался ими по своему произволу.

Въ числѣ ихъ былъ подъячій Василій Деревнинъ. Сынъ дьяка изъ приказа большого дворца, Ѳедора Петровича Деревнина, и свойственникъ одного изъ шести думныхъ дьяковъ Гаврилы Деревнина, Василій Ѳедоровичъ началъ службу стряпчимъ при отцѣ в съ 1703 по 1714 годъ, состоялъ въ служителяхъ при комнатѣ царицы Прасковьи. Въ 1714 году, по царскому указу, опредѣленъ онъ въ Измайлово коммисаромъ «для отправленія государевыхъ дворцовыхъ волостныхъ дѣлъ». Въ небытность царицы въ Москвѣ съ 1715 по 1719 г. Деревнинъ управлялъ окладною казною царицы.

До сихъ поръ имъ были довольны, онъ исполнялъ свои обязанности спокойно, пользуясь надлежащей довѣренностью. Но въ 1718 году Деревнинъ, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ, навлекъ на себя гнѣвъ Юшкова. Изъ Петербурга пріѣхалъ для его учета дьякъ Степанъ Тихменевъ, преданный слуга Юшкова и личный врагъ Деревнина. Учетъ и сдача казны продолжались довольно долго и только въ 1720 году Василій Ѳедоровичъ, по собственному прошенію, былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности. Сдача должности была неблагополучна для нашего стряпчаго. На него насчитали большіе начеты, онъ не зналъ какъ съ ними быть и дождавшись пріѣзда Юшкова съ царицей въ Москву, сталъ осаждать неотступными просьбами разсчитать его безъ несправедливыхъ, по его увѣренію, начетовъ.

Кто изъ нихъ былъ правъ, изъ дѣлъ не видно; да для насъ рѣшеніе этого вопроса не имѣетъ особенной важности. За то эта распря интересна въ томъ отношеніи, что въ ея послѣдствіяхъ какъ нельзя лучше выразилась личность старушки Прасковьи. Дѣло Василья Деревнина бросаетъ новый свѣтъ на царицу, типичную представительницу аристократокъ петровскаго времени. Эпизодъ этотъ столь важенъ, что мы отводимъ для него слѣдующія главы...

VI

ЦЫФИРНОЕ ПИСЬМО.

«. . . Злымъ, отчаяннымъ, воровскимъ вымысломъ на честь ея величества Параскевіи Ѳеодоровны и къ поношенію ея имени предано то письмо приказной публикѣ!»

(Вѣденіе въ полицію 29 сент. 1722 г.)

5-го января 1722 г. Деревнинъ въ сотый уже разъ пришолъ хлопотать по своему дѣлу къ Юшкову. Василій Алексѣичъ пріѣхалъ въ это время изъ Измайлова въ свитѣ Прасковьи, и царица по обыкновенію остановилась въ домѣ брата своего Василія Ѳедоровича, на Тверской, въ приходѣ Спаса (¹).

Дожидая фаворита, стряпчій стоялъ на дворѣ; вдругъ изъ хоромъ вышелъ Юшковъ; онъ не обратилъ вниманія на Деревнина, куда-то спѣшилъ и, проходя по двору, выронилъ нечаянно изъ кармана какую-то бумагу.

Стряпчій оглянулся, на дворѣ не было ни души; онъ поднялъ бумагу: то было письмо руки царицы къ ея фавориту, писанное уставцемъ, многія слова были означены *литерами* подъ *титлами;* въ первой строкѣ такихъ словъ было три, въ другой — четырнадцать, въ третьей — три. Что это было писано Прасковьей Ѳедоровной, стряпчій не сомнѣвался ни минуты: онъ очень хорошо зналъ ея почеркъ.

Радость и страхъ въ одно и тоже время овладѣли Деревнинымъ. Въ его рукахъ была какая-то тайна; раскрытіе могло дать возможность отомстить ненавистнику его Юшкову, а какъ доносчикъ — онъ получитъ награду.

Но радость смѣнялась страхомъ: находкой онъ вооружалъ противъ себя Прасковью: сила и значеніе ея хорошо были ему извѣстны. Въ царицѣ онъ наживалъ себѣ врага могущественнаго и непримиримаго. Возвратить ли письмо или представить его царю — вотъ вопросъ, который быстро мелькнулъ въ головѣ Деревнина. Не

(¹) Этотъ домъ перешолъ потомъ къ Строганову, а отъ него къ князю Алексѣю Борисовичу Голицыну. *Щербатовъ:* О повр. нр. с. 22. У В. Ѳ. Салтыкова былъ еще дворъ въ Москвѣ за Яузскими воротами, за землянымъ городомъ.

возвратить — подвергнуться преслѣдованіямъ Юшкова и царицы; возвратить — потерять случай къ мщенію и нарушить государевы указы, находя въ нихъ строгое повелѣніе ничего не утаивать «противнаго въ дѣлѣ государевомъ»; онъ находилъ и одобренія и поощренія къ доносу: «ежели бъ кто сумнился о томъ, — гласилъ указъ 1714 года, — что ежели явится какой доносчикъ, тотъ бѣдствовать будетъ, то не истинно, ибо не можетъ никто доказать, которому бы доносителю какое наказаніе или озлобленіе было, а милость многимъ явна показана... Того ради, кто истинный христіанинъ и вѣрный слуга своему государю и отечеству, тотъ безъ всякого сумнѣнія можетъ явно доносить словесно и письменно о нужныхъ и важныхъ дѣлахъ...» (1)

Деревнинъ былъ стряпчій, законникъ, не знать указовъ не могъ; забыть ихъ — также, и слѣдовательно немудрено, что чувство подьячаго, алчущаго мести и выслуги, взяло верхъ. Онъ поспѣшилъ со двора кравчаго съ завѣтнымъ письмомъ.

Въ тотъ же день, въ задушевной бесѣдѣ съ тестемъ своимъ, Терскимъ, подьячимъ по страсти и провинціалъ-фискаломъ по должности, Деревнинъ разсказалъ о находкѣ. Терскій долго разсматривалъ письмо, силился разобрать цыфирь, но «разудить ее, какъ самъ сознавался, не могъ». — Я хочу подать письмо самому государю, — говорилъ зять. Тесть не отговаривалъ, а напротивъ, со взглядомъ знатока замѣтилъ, что письмо дѣйствительно «противное», т. е. важное и заслуживаетъ доноса.

Между-тѣмъ, пока стряпчій нашъ искалъ случая побить челомъ великому монарху, Юшковъ хватился письма, сталъ развѣдывать, разослалъ лазутчиковъ, и черезъ нихъ, при болтливости Деревнина, скоро узналъ въ чьихъ рукахъ письмо. Не долго думая, Василій Алексѣичъ тотчасъ же арестовалъ стряпчаго и заточилъ въ *особую казенку*. При боярскихъ домахъ для заточенья и штрафованія ослушныхъ челядинцевъ не было недостатка въ подобныхъ пріютахъ.

Деревнинъ просидѣлъ подъ самымъ строгимъ карауломъ восемнадцать дней, съ 5 по 23 января; къ нему никого не допускали.

---

(1) Указъ блаженнаго и вѣчно достойнаго памяти императора Петра Великаго 1714 г. янв. 25. Цѣлый рядъ указовъ: ноября 1705 г. 2 марта 1711, август. 25, окт 25 — 1713 г., янв. 25, сент. 26, дек. 24 — 1715 г., апрѣл. 16 и 19 — 1717 г., янв. 19 — 1718 г, 16 апр. 1719 г., 9 февр., 22 іюля 1720 г., февр. 19 пункт. 6 и 7 — 1721 г., янв. 11 — 1722 г., и многіе другіе указы вполнѣ и отчетливо объясняли, кому и какъ доносить, ободряли несмѣлыхъ доносчиковъ, возбуждали честолюбивыхъ обѣщаніями, грозили трусливымъ наказаніемъ и проч. Рядъ этихъ указовъ далъ прочное развитіе на Руси цѣлой кастѣ доносчиковъ и шпіоновъ.

Юшковъ требовалъ выдачи письма, Деревнинъ увѣрялъ, что его не имѣлъ и не имѣетъ. Для провѣрки сего показанія, фаворитъ царицы наложилъ на заключеннаго «чепь пудовъ въ пять». Пытка была слаба въ сравненіи съ сильнымъ желаніемъ Деревнина выслужиться и отомстить противнику. Отъ продолжительнаго и *тяжкаго* заточенія стряпчій заболѣлъ весьма опасно; но чѣмъ больше страдалъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что письмо должно быть важное, если Юшковъ такъ настойчиво силится его вымучить.

23 января пришолъ къ Юшкову, какъ къ управляющему, конюхъ отъ двора его величества изъ Преображенскаго, съ требованіемъ выслать немедля четырехъ бывшихъ прикащиковъ Измайлова, въ томъ числѣ и Деревнина, для нѣкоторыхъ справокъ, по повѣркѣ жалобъ царицы на безпорядочное ихъ управленіе.

Но Юшковъ, отославъ двухъ прикащиковъ, не нашолъ совмѣстнымъ съ своимъ дѣломъ исполнять приказъ вполнѣ, и не только не выпустилъ Деревнина, но усилилъ надзоръ за арестантомъ, приставивъ къ нему на конюшнѣ въ караульнѣ трехъ солдатъ. Дѣло принимало размѣры болѣе серьёзные, и въ тотъ же день къ заточенному явился, по приказу Прасковьи, служитель ея Андрей Кривскій. Ему поручено было снять полнѣйшій допросъ.

Кривскій началъ съ того, что выслалъ вонъ караульныхъ. «Зачѣмъ тебя спрашиваетъ его императорское величество и чрезъ кого ты хлопоталъ, чтобъ тебя потребовали къ государю?»

— Я не хлопоталъ и не просилъ объ этомъ, отвѣчалъ Деревнинъ. (¹)

Кривскій записалъ это показаніе, и записалъ съ слѣдующей уловкой, вмѣсто «спрашивалъ стряпчаго Деревнина его императорское величество» — «спрашивалъ Матвѣй Олсуфьевъ»; къ этой бумагѣ заставилъ Деревнина приложить руку и отнесъ допросъ къ царицѣ.

Съ 23 января заточеніе стряпчаго ухудшилось до такой степени, что отъ «жестокаго держанія онъ заскорбѣлъ и едва былъ живъ». Юшковъ струсилъ; государь былъ въ Москвѣ; государь могъ провѣдать про его самоуправство, и бѣда, если стряпчій умретъ подъ арестомъ. 30 января Деревнина выпустили, причемъ подъ великимъ страхомъ запрещено было ему отъ Юшкова съ чѣмъ бы то не было являться къ государю.

Надо думать, что пятипудовая цѣпочка невполнѣ выдавила изъ

(¹) Его требовали съ другими стряпчими царицы, Аргамаковымъ и Татищевымъ, для повѣрки счетныхъ книгъ, въ которыхъ были неправильно выведены приходъ и расходъ денегъ, выданныхъ изъ кабинета государева. *Каб.* II пол. кн. 65 *л.* 478 и кн. 68 *л.* 589—590.

нашего героя желаніе заявить Петру цыфирное посланіе царственной старушки; онъ не угомонился, сталъ болтать о своемъ намѣреніи — и вотъ, не далѣе какъ двѣ недѣли спустя, отъ Юшкова явились новые сыщики, съ приказомъ схватить Деревнина. Но стряпчій былъ на этотъ разъ осторожнѣе; находя домъ тестя (¹) невполнѣ надежнымъ убѣжищемъ, онъ поспѣшно собрался въ дорогу, обложился подушками, и вмѣстѣ съ женой уѣхалъ въ деревню свояка своего, ревельскаго школьника Петра Иванова Юрьева. (²) Юрьевъ зная, что свояка ищутъ, боялся долго его укрывать, и своякъ до сентября мѣсяца переѣзжалъ изъ деревни въ деревню своихъ родственниковъ въ Московскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ.

Надоѣла ему наконецъ жизнь бродяги. Разсчитывая на то, что государь скоро вернется изъ Астрахани, а царица запамятовала о немъ и о таинственномъ письмѣ, Деревнинъ вернулся 11 сентября въ Москву и остановился попрежнему въ домѣ своего тестя. Если вѣрить Терскому, то онъ держалъ зятя не скрытно, думая, что никто уже его не потревожитъ.

Но тревожился Юшковъ, тревожилась и царица. Петра не было, руки были развязаны, и они начали дѣйствовать смѣлѣе и свободнѣе, съ полной увѣренностью, что съ поимкой Деревнина, вымучатъ отъ него письмо. Юшковъ повелѣлъ служителямъ именемъ царицы отыскать стряпчаго и за доставку его въ Измайлово, посулилъ 100 рублей. Награда была заманчива; начались поиски; но у Деревнина были друзья. Александръ Барнавалоковъ и Ѳедоръ Балуевъ, служители царицы, посѣтили его въ домѣ Терскаго и объявили о поискахъ. «Обѣщано за тебя 100 рублей и больше, и ужь многіе де тебя ищутъ» — говорили друзья и говорили совершенно справедливо.

29 сентября, у Покровскихъ воротъ, за землянымъ городомъ, Деревнинъ наткнулся на царицына конюха Евтихія Соловцова.

— Стой, братъ! закричалъ Соловцовъ,—всѣмъ намъ приказано, поймавъ тебя, привесть, и обѣщана за то великая награда, ступай за мной.

Страхъ придалъ силы, и Деревнину удалось отбиться отъ Соловцова; за то съ этого времени онъ сталъ такъ бдительно хорониться то у тестя, то у свояка, то у другихъ родственниковъ, что Юшковъ

(¹) Въ Огородной слободѣ, въ приходѣ церкви Харитонія Исповѣдника, за Мясницкими воротами.

(²) Жены Юрьева и Деревнина были родныя сестры, дочери Григорья Терскаго.

потерялъ наконецъ надежду поймать его своими людьми и обратился къ пособію оберъ-полиціймейстера.

Полковникъ Максимъ Петровичъ Грековъ былъ еще новичекъ въ своемъ дѣлѣ; званіе московскаго оберъ-полиціймейстера только еще было учреждено (ук. 19 января 1722 г.), и онъ всячески старался угодить сильнымъ міра сего; на его усердіе и Юшковъ и царица смѣло могли положиться.

Такимъ образомъ, 24 сентября отъ двора царицы представлено было къ нему вѣденіе. Въ немъ стремянный Никита Іевлевъ объявлялъ, что дому его государыни служитель Деревнинъ, находившійся у ея казны, похитилъ знатную сумму денегъ, нѣсколько тысячъ рублей, бѣжалъ съ женой, дѣтьми и съ пожитками, скрывается въ Москвѣ, а гдѣ — то можетъ указать посланный служитель. Нечего и говорить, что мнимая (какъ ниже увидимъ) кража Деревнина была только офиціальной причиной его сыска.

Грековъ немедля послалъ капитана Пазухина и каптенармуса Лодыженскаго арестовать бѣглеца съ его семействомъ и служителями, а пожитки, какія сыщутся, описать, запечатать и приставить къ нимъ караулъ. Буде же Деревнина не сыщутъ въ домахъ, указанныхъ служителемъ, и тѣхъ домовъ хозяевъ, жильцовъ и прислугу привесть въ полицмейстерскую канцелярію, домы опечатать и приставить къ нимъ караулъ.

Оберъ секретарь Тихменевъ, повѣренный царицы и самъ судья, привелъ капитанъ-поручика съ его свитой въ домъ фискала Терскаго. Команда была съ заряженными ружьями, и придя на мѣсто, поспѣшила оцѣпить домъ съ улицы и переулка. Въ верхнихъ палатахъ былъ Деревнинъ; услыхавъ шумъ и, догадавшись кто были гости, онъ бросился черезъ калитку на смежный дворъ; полиція не нашла его, не нашла и хозяина дома: по какому-то сутяжническому дѣлу онъ былъ подъ арестомъ при военной коллегіи, у прокурора Пашкова; — Терскаго отправился выручать въ тотъ день на поруки Юрьевъ, а къ послѣднему уѣхала въ гости жена Деревнина.

Полиція нашла въ домѣ Терскаго его племянницъ, Катерину Игнатьеву и Афимью Еремѣеву; слугу Деревнина — Харитона Иванова, слугъ Юрьева — Ивана Петрова, Евстафія Спиридонова, наконецъ шведа Егора Яковлева, купленнаго Терскимъ на улицѣ по весьма сходной цѣнѣ, всего за 2 руб. 50 коп. мѣди. Всѣ они «избитые мучительно», такъ по крайней мѣрѣ писалъ впослѣдствіи Терскій, со связанными руками назадъ, были отправлены къ оберъ-полиціймейстеру; даже баба изъ сосѣдняго дома, Марья Назарова, пришедшая посудачить къ служанкамъ Терскаго, и та была схвачена усердными полицейскими. Они обшарили весь домъ, перепор-

тили мебель, вещи, переломали замки, перетрясли пуховики да перины, но ничего *подозрительнаго* не нашли, кромѣ двухъ бумажекъ: то были заздравныя памяти. Ихъ почему-то Пазухинъ счелъ нужнымъ представить начальству, вмѣстѣ съ чернильницей, палачнымъ кнутомъ и сѣрой лошадью съ нѣмецкимъ сѣдломъ. Въ какой степени эта лошадь нужна была для допросовъ, неизвѣстно. Совершивъ такимъ образомъ набѣгъ на домъ мирнаго гражданина, полиція оставила все его имущество подъ печатью и карауломъ.

Приведенная партія арестантовъ тотчасъ подверглась самымъ обстоятельнымъ и подробнымъ до нелѣпости опросамъ. Грекову и повѣренному отъ царицы нужно было только знать: куда скрылся Деревнинъ, а между тѣмъ, слѣдуя правиламъ тогдашняго (да и нынѣшняго) дѣлопроизводства, они должны были интересоваться вопросами и отвѣтами, нимало не идущими къ дѣлу, т. е. какого вѣроисповѣданія, происхожденія, гдѣ родился, чѣмъ занимается, былъ ли наказанъ — такой или такая-то отвѣтчикъ и отвѣтчица?

И вотъ, вслѣдъ за любопытнымъ полковникомъ, мы узнали, что отцы приведенныхъ дѣвицъ, братья Терскіе, были: одинъ — вольноотпущенный князя Сергія Долгорукова, а другой — крестьянинъ боярина Сверчкова, отданный имъ въ солдаты; что дядюшка ихъ, провинціалъ-фискалъ, въ благопріобрѣтенномъ домѣ котораго онѣ живутъ, имѣетъ большую прислугу, а для острастки ее держитъ кнутъ. Харитонъ Ивановъ генеалогію свою помнилъ гораздо хуже: онъ не зналъ напр.. сколько ему лѣтъ, какое его прозвище, крѣпостной ли онъ по рожденію или купленный, и если купленный, то какъ была велика его стоимость; впрочемъ сообщилъ нѣсколько извѣстныхъ уже намъ свѣдѣній о переѣздахъ его барина, Деревнина, изъ деревни въ деревню. Если память измѣнила Харитону Иванову, за то Иванъ Петровъ очень хорошо помнилъ, что отецъ его былъ кузнецъ, что онъ родился въ Суздальскомъ уѣздѣ, причемъ Петровъ не преминулъ назвать село, ознаменованное его рожденіемъ, замѣтилъ, что ему 35 лѣтъ отъ роду и третій годъ пошолъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ взятъ своимъ бариномъ Юрьевымъ въ Москву и живетъ въ его домѣ, въ Китай городѣ, у Ильинскихъ воротъ. Что касается до шведа Егора Яковлева, по прозвищу Боровкова, столь сходно купленнаго Терскимъ, то мѣста своей родины онъ не помнилъ, крѣпостной или нѣтъ — того обстоятельно не зналъ; зналъ одно — огородъ да капусту, ввѣренную его храненію, и то зналъ только потому, что за недосмотръ, какъ и явилось по осмотру его спины, Егоръ «весьма знатно битъ кнутомъ».

— Нѣтъ, не кнутомъ меня били, говорилъ Боровковъ, меня били батогами да плетьми.

Впрочемъ, полиціймейстеръ не съ разу повѣрилъ, ибо и здѣсь память Егора могла ему измѣнить. Измѣнила она и шестнадцатилѣтнему крѣпостному мальчику г. Юрьева, Остафію Спиридонову. «По осмотру его спины явилось, что онъ битъ кнутомъ»; но юноша стоялъ на томъ, что баринъ соизволилъ бить его за домашнія вины ничѣмъ инымъ, какъ только плетьми да батогами.

Приведенныя нами показанія отобраны были далеко не простымъ спросомъ. Кулаки и батоги, какъ неизмѣнное условіе тогдашняго полицейскаго опроса (нынѣ они забыты?), были пущены въ дѣло [1]. Если вѣрить Терскому, то Грековъ, и еще болѣе Тихменевъ, пристрастный судья, человѣкъ заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, бранили допрашиваемыхъ самыми скаредными словами, били нѣкоторыхъ по щекамъ собственноручно, наконецъ раздѣвали и пороли плетьми и батогами.

Марья Назарьевна сообщила, что мужъ ея, Ѳедоръ Даниловичъ Валяевъ, служитель царицы Прасковьи; что она зашла нынѣ въ домъ Терскаго по сосѣдству, съ намѣреніемъ довольно мирнымъ — заказать его служанкамъ шесть рубахъ. Такъ какъ болѣе интереснаго Марья ничего не сказала, то ее въ тотъ же день и освободили, но не иначе, какъ на поруки, подъ росписку мужа, съ тѣмъ, чтобы явилась въ полицію по первому востребованію.

Всѣ эти показанія, представя намъ двѣ-три черты не безинтересныя для знакомства съ нравами того времени, ничего однако не разъяснили Грекову. Было уже исписано листовъ десять первыми допросами и било десять часовъ ночи, когда Грековъ нашолъ нужнымъ поручить тому же капитану Пазухину отправиться въ домъ Юрьева, поискать тамъ Деревнина, а въ случаѣ неудачи, арестовать какъ водится всѣхъ жильцовъ, хозяекъ и хозяина дома.

Новый набѣгъ полицейскаго партизана и на этотъ разъ не вполнѣ удался: Деревнинъ вновь ускользнулъ изъ его рукъ. Но домъ былъ оцѣпленъ вооруженными солдатами; полицейскіе рыскали по комнатамъ вездѣ и все перешарили; Пазухинъ ругался, «чинилъ разныя обиды», а когда Петръ Ивановичъ Юрьевъ, хотя и ревельскій школьникъ, вносившій за себя ежегодный выкупъ двѣсти руб. въ адмиралтейство, но во всякомъ случаѣ баринъ самъ, не лишон-

---

[1] Достойно замѣчанія, что уже много лѣтъ спустя не только послѣ петровской эпохи, но и послѣ знаменитыхъ указовъ, отмѣнявшихъ пытки, нѣкоторые виды ея — разумѣется беззаконно, существовали еще въ разныхъ мѣстахъ необъятной Россіи. Укажу на одинъ видъ подобныхъ секретныхъ истязаній, — на *перчатки*: это ничто иное, какъ особый видъ ручныхъ кандаловъ въ одинъ, два, четыре, шесть и даже болѣе пудовъ вѣса.

ный права драться, вздумалъ останавливать полицейскаго, то вспыльчивый капитанъ-поручикъ отпустилъ ему такого тумака кулакомъ въ голову, что тотъ нашолъ неудобнымъ продолжать дальнѣйшее объясненіе. Съ дамами боецъ отъ полиціи велъ себя не менѣе деликатно. Жена Юрьева, дерзнувшая также что-то сказать, получила ударъ кулакомъ «въ зашей» столь ловкій, что слетѣла съ высокаго крыльца, и непремѣнно бы разшиблась до смерти, — такъ повѣствуетъ въ своей жалобѣ очевидецъ Терскій, — если бы добрые люди не подхватили барыню, бывшую въ это время «чреватою».

Было четыре часа ночи, когда Пазухинъ кончилъ обшаривать да опечатывать имущество въ домѣ Юрьева. Оставивъ здѣсь караулъ, онъ отвелъ въ полицмейстерскую канцелярію Григорія Терскаго, его жену Прасковью Дмитріевну, Петра Юрьева и жену его Анну Григорьевну; что же касается до жены Деревнина, то лишь только она узнала о набѣгѣ полиціи въ домъ ея отца, она тотчасъ ушла изъ дому Юрьева и куда скрылась — неизвѣстно.

Въ полиціи арестантовъ разсажали по казенкамъ; главнѣйшій изъ нихъ, Григорій Терскій, посаженъ былъ въ колодничью палату, въ которой быть было нельзя: въ сырой, тѣсный и душный подвалъ загнаны были 200 человѣкъ; высидѣвъ въ подвалѣ ночь, Терскій, какъ самъ свидѣтельствуетъ, едва живъ остался.

Между-тѣмъ допросы продолжались всю ночь; Тихменевъ, личный врагъ Деревнина, не уставалъ; не утомился и господинъ оберъ-полиціймейстеръ въ увѣренности, что его труды сторицею вознаградятся отъ щедротъ благодушной царицы.

Отъ Юрьева, его жены и тещи слѣдователи ничего особеннаго не узнали; гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе были отвѣты провинціалъ-фискала, составленные съ большимъ искусствомъ человѣка бывалаго, извѣдавшаго всякаго рода сутяжничество.

Да и немудрено, вольноотпущенный князя В. М. Долгорукаго, онъ началъ службу при «*инспекторѣ*» Курбатовѣ въ ратушѣ, съ 1706 г. былъ у кабацкихъ и таможенныхъ дѣлъ надзирателемъ, потомъ инспекторомъ въ московской ратушѣ, былъ отставляемъ отъ одной должности, получалъ другую, и хотя все это доставалось «не изъ дачъ», какъ самъ увѣрялъ, но въ справедливости его показаній мудрено не усумниться. Съ 1721 года, при посредствѣ оберъ-фискала Нестерова (смертью на висѣлицѣ поплатившійся впослѣдствіи за взятки и мошенничество), Терскій сдѣланъ былъ провинціалъ-фискаломъ. Какъ можно видѣть, тесть Деревнина занималъ должности и получалъ мѣста прибыльныя, чисто въ подъяческомъ родѣ, и постоянно пребывалъ въ средѣ сутяжничества да ябедничества; если

ему по должности приходилось составлять ловкія челобитныя и доносы, то не менѣе ловко вывертывался онъ изъ обстоятельствъ самыхъ тѣсныхъ. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ могъ оправдываться съ чистою совѣстью: за нимъ не было никакой вины; онъ только имѣлъ неосторожность найти показанное ему цыфирное письмо бумагою важною, и потомъ держалъ Деревнина у себя, но держалъ не какъ преступника, а какъ близкаго родственника.

— Помилуй, господинъ полковникъ, говорилъ Терскій Грекову при началѣ допроса, — ты велѣлъ меня допрашивать оберъ-секретарю Тихменеву, а Тихменевъ особа подозрительная, и Тихменеву при допросѣ не надлежитъ быть. Я подалъ на него въ надворный судъ по своему дѣлу доношеніе, да и ему, Тихменеву, переданы счетныя книги у казны царицынной послѣ зятя моего Деревнина.

— Нѣтъ, это ничего, пустяки, возразилъ оберъ-полиціймейстеръ: Тихменеву выходить не для чего. Отвѣчай ему.

Нечего дѣлать. Терскій долженъ былъ отвѣчать, и сообщилъ свѣденія о томъ, съ какого и по какое время жилъ у него Деревнинъ, когда съѣхалъ съ Москвы и проч. Куда дѣвался Деревнинъ, того Терскій не вѣдалъ. По разнообразію вопросовъ, разнообразны были и отвѣты. Полюбопытствовали узнать, для чего у него мастерской, т. е. палачный кнутъ? «Для острастки людей моихъ, спокойно отвѣчалъ провинціалъ-фискалъ: купилъ я кнутъ у носящаго человѣка, въ Китай-городѣ, близъ Казанскаго собора; отчего у того кнута конецъ-хвостецъ въ крови, — того я не знаю; купилъ его такъ съ кровью. Изъ людей же билъ только мальчика Спиридонова за воровство и побѣгъ, да Егора Боровкова за домовыя кражи и подводъ ко двору воровскихъ людей; билъ ихъ не я самъ, а мои же люди, и притомъ не этимъ кнутомъ, а кучерскимъ...»

Подѣлившись столь интересными фактами, Терскій заявилъ надежду, что къ 29 сентябрю Деревнинъ явится въ полицію; основываясь на этомъ, Тихменевъ предложилъ ему подписать обязательство: буде не представитъ онъ, Терскій, зятя своего въ теченіи четырехъ дней, то за то взятъ будетъ на немъ показанный отъ царицы Прасковьи недочетъ, виновникомъ котораго находятъ бывшаго казначея.

Отобравши подписку, слѣдователи не нашли однако нужнымъ освободить Терскаго для поисковъ зятя; напротивъ, заковали его въ желѣза, съ строгимъ запрещеніемъ кого бы то ни было подпускать къ нему и говорить съ нимъ.

Обвиненіе на зятя, будто онъ обворовалъ казну царицы, — Терскій положительно отрицалъ; но сказывалъ Грекову, что имѣетъ за собой нѣкоторое государево дѣло, которое надлежитъ объявить въ

сенатѣ, либо въ тайной канцеляріи. Грековъ вынуждалъ сказать ему это дѣло; Терскій долго колебался: ему непремѣнно хотѣлось какъ-нибудь отдѣлаться отъ полиціи, хоть бы съ переломомъ въ тайную канцелярію. Но «по многому принужденію», отозвалъ Грекова въ отдѣльную казенку: «за зятемъ моимъ, объявилъ Терскій, такое государское дѣло, что у него есть нѣкоторое противное письмо руки царицы Прасковьи къ служителю ея Юшкову; а письмо съ литерными словами подъ титлами; въ немъ нѣтъ ничего противъ здоровья его императорскаго величества, ни объ измѣнѣ и бунтѣ, но уразумѣть его я не могъ, понеже оно цыфирное».

Грековъ, можетъ быть и не подозрѣвая, что это письмо и есть главный поводъ ко всему дѣлу, не нашолъ показаніе Терскаго достойнымъ тайны, и выходя изъ казенки, приказалъ то дѣло объявить явно.

— Если я то дѣло объявлю, отговаривался Терскій, то въ страхѣ буду, чтобъ мнѣ то за вину не причлось.

— Объяви не опасаясь, — повторялъ оберъ-полиціймейстеръ: здѣсь у насъ только трехъ словъ судить не велѣно; а оное жъ дѣло не какое важное; а здѣсь такая-жъ канцелярія, какъ и тайная.

Тогда Терскій нашолся вынужденнымъ повторить свое показаніе и оно было записано.

Подозрительность слѣдователя и усердіе Грекова доходили до крайности. Одинъ изъ жильцовъ въ домѣ Юрьева, Скрипицынъ, послалъ къ нему въ полицію кафтанъ, подушку, а слугамъ хлѣбъ на пропитаніе. Посланный схваченъ и немедля подверженъ допросу. Ѳедоръ Даниловъ, такъ звали служителя Скрипицына, весьма обстоятельно разсказалъ, гдѣ и когда онъ родился, какъ прежде былъ въ извощикахъ, кого возилъ и съ кѣмъ ѣздилъ, какъ его прибилъ и ограбилъ въ одной деревнѣ какой-то Никита Грозный, а его по этому дѣлу въ городѣ Пошехонѣ посадили въ тюрьму, наконецъ какъ, освободившись изъ нея, онъ нанялся въ Москвѣ въ услуженіе къ секретарю генерала Чернышева, къ г. Скрипицыну.

Выслушавши, мало того — записавши разсказъ, не имѣвшій ни малѣйшаго отношенія къ производимому слѣдствію, Грековъ полюбопытствовалъ даже осмотрѣть спину Данилова, — и спина, — чему нельзя не подивиться, — оказалась *цѣла*.

26 сентября оберъ-полиціймейстеръ положилъ слѣдующія рѣшенія: 1) Племянницъ Терскаго, Игнатьеву и Еремѣеву, также служителя г. Юрьева, Петрова, освободить подъ росписки знатнымъ московскимъ людямъ, у которыхъ свои дома есть, съ обязательствомъ по первому требованію представить людей въ полицію. 2) Служителя Харитона Иванова разспросить въ застѣнкѣ подъ пыт-

кой (¹), куда скрылся его господинъ Деревнинъ. 3) Шведа Боровкова и мальчика Спиридонова также допросить въ застѣнкѣ подъ пыткой: за что и чѣмъ именно они биты. 4) Петра Юрьева и жену Терскаго освободить для сыску Деревнина, но непначе какъ подъ росписку знатныхъ людей. 5) Фискала Григорья Терскаго «до подлиннаго розыска и до указу» держать особо подъ крѣпкимъ карауломъ, скованнымъ, дабы «онъ утечки не учинилъ и никого къ нему не пропускать, понеже онъ допросомъ своимъ самъ себя приманилъ къ немалой важности о *безчестіи* ея величества великой государыни благовѣрной царицы Прасковьи Ѳедоровны». 6) Пожитки въ домахъ Терскаго и Юрьева *прибрать въ одни* кладовыя подъ печать и караулъ. (Эта уборка производилась полицейскими, и можно себѣ представить, въ какомъ порядкѣ она дѣлалась и въ какой цѣлости были вещи!)

Въ тотъ же день для какой-то справки по недочетамъ казны Прасковьи, оставшимся на Деревнинѣ, сыскали въ Кадашевской слободѣ торговца Курочкина; въ бытность Деревнина казначеемъ, онъ былъ купчиною при дворѣ царицы (вѣроятно поставщикомъ или подрядчикомъ), и потому надѣялись добиться отъ него нѣкоторыхъ объясненій; но кромѣ свѣдѣній о мѣстѣ своего рожденія, родѣ занятій и проч., Курочкинъ не нашолъ что разсказать, и его отпустили подъ росписку.

Любопытно было бы знать, дѣлались ли эти освобожденія послѣ нѣкоторыхъ *решпектовъ* оберъ-полиціймейстеру? Судя по угодливости Грекова Прасковьѣ и ея клевретамъ, трудно допустить, чтобы онъ упускалъ случай поживиться отъ доброхотныхъ дателей, особенно, когда эти датели готовы были на все, чтобъ только вырваться изъ смрадныхъ подваловъ — въ нихъ же быть нельзя?

Не безъ страха ждалъ скованный Терскій 29 сентября: въ этотъ день зять его долженъ былъ явиться въ полицію; буде Деревнинъ не явится — Терскаго предадутъ пыткѣ; а въ присутствіи повѣреннаго царицы и врага его Тихменева — пытка не могла быть снисходительна. Съ нетерпѣніемъ ждали этого дня царица и ея фаворитъ.

Наконецъ настало завѣтное число. Деревнинъ не доставленъ въ

(¹) Право пытать и чинить всякаго рода экзекуціи всемилостивѣйше предоставлено было полицмейстерской канцеляріи 18 января 1721 года. Великій монархъ собственноручно предписалъ: «Полиц. канцеляріи чинить розыскъ и экзекуціи тѣмъ, которые будутъ пойманы въ городѣ и слободахъ въ какомъ воровствѣ (т. е. въ преступленіяхъ низшаго рода), кромѣ разбоя, татьбы и тому подобныхъ дѣлъ». Но для акуратности, о розыскахъ и экзекуціяхъ полиціймейстеръ обязанъ былъ рапортовать юстицъ-коллегіи.

полицію — и стремянный Никита Іевлевъ явился въ канцелярію съ новымъ объявленіемъ либо вѣденіемъ; оно было написано рѣзко, сильно; въ немъ явно выражались досада и гнѣвъ Прасковьи. Царица въ особенности была озлоблена показаніемъ Терскаго о цыфирномъ письмѣ: до него дѣло производилось о *кражѣ* Деревнина; теперь всѣ увидѣли, что это не болѣе какъ маска; главная пружина всего есть таинственное посланіе; извѣстіе о немъ, какъ записано было у Грекова, клонилось *къ безчестію* имени ея величества. Вотъ какъ выразилась злоба госпожи въ объявленіи ея стремяннаго: обвиняя Терскаго въ укрывательствѣ бѣглаго стряпчаго, Іевлевъ писалъ: «Провинціалъ-фискалъ упомянулъ въ допросѣ о какомъ-то письмѣ царицы; но въ немъ, по его жъ словамъ, ни о здоровьи государя, ни объ измѣнѣ, ни о бунтѣ не написано, то и не слѣдовало Терскому упоминать объ этомъ письмѣ, развѣ по злому его умыслу и къ поношенію чести ея величества, понеже онъ Терскій допрашиванъ о укрывательствѣ въ похищеніи казны ея величества зятемъ его Деревнинымъ, а къ этому безъ всякой причины присовокупилъ въ допросѣ злымъ его, Терскаго, воровскимъ, отчаяннымъ вымысломъ о чести ея величества, чего ему, ежели бы не по злобѣ къ поношенію чести ея величества *приказной публикѣ* тѣмъ допросомъ предавать не надлежало. Притомъ, когда не взыскивали на немъ вора Деревнина, тогда онъ ни о какомъ письмѣ не упоминалъ, а когда стали онаго вора на немъ приказнымъ случаемъ взыскивать, и онъ, Терскій, умыслилъ воровски упомянутое оклеветаніе и за злобу началъ чинить. Если же въ письмѣ была какая-нибудь важность, — весьма ловко заключалъ составитель объявленія, — то не отдавая его Деревнину и *не предавая приказной публикѣ*, Терскій долженъ былъ представить его куда слѣдуетъ» (¹).

Обстоятельство это, по мнѣнію составителей объявленія, до такой степени было важно, что они отъ имени царицы просили полицію допросить Терскаго *въ застѣнкѣ и пыткою* принудить его представить Деревнина.

Просьба царицы была бы выполнена непремѣнно въ самомъ скорѣйшемъ времени и съ величайшимъ стараніемъ. Тайный доносчикъ, фискалъ Терскій совершенно случайно сдѣлался бы мученикомъ *приказной публичности*, страдальцемъ за гласность, но его спасла попечительная — не матушка, а тайная канцелярія!

Дѣло въ томъ, что еще за два дня до рокового 29 сентября, сынъ

(¹) Царица съ Юшковымъ не знали еще, что виновникомъ публичности объявленія Терскаго о цыфирномъ письмѣ былъ усердный оберъ-полиціймейстеръ. Это обстоятельство открылось гораздо позже изъ новаго показанія Терскаго 22 октября.

Терскаго, Иванъ, явился туда съ челобитьемъ; въ немъ онъ изложилъ ходъ дѣла и намѣреніе полиціи пытать его отца въ то время, когда за батюшкой есть тайное государственное дѣло. Была ли эта выходка со стороны молодого Терскаго благороднымъ порывомъ какъ-нибудь спасти отца, или старикъ нашолъ возможность передать сыну такое порученіе, — неизвѣстно; какъ бы то ни было, только слово: тайное государственное дѣло — имѣло обычную силу. Въ тотъ же день, 27 сентября, посланъ былъ въ полицію указъ Скорнякова-Писарева, немедленно прислать къ нему въ тайную — Григорья Терскаго.

Непріятно было это повелѣніе ни царицѣ съ Юшковымъ, ни Грекову, отъ котораго съ Терско-Деревнинскимъ дѣломъ ускользалъ изъ рукъ весьма лакомый кусокъ; три дня не высылалъ онъ Терскаго въ надеждѣ повымучить отъ него что-нибудь интересное для царицы; но далѣе мѣшкать было нельзя, ослушаться могущественной тайной канцеляріи — дѣло невозможное, и 30 сентября, не безъ грусти, расторопный оберъ-полиціймейстеръ препроводилъ Терскаго по назначенію. До какой степени ему не хотѣлось съ нимъ разстаться, видно изъ того, что дѣло его не было препровождено въ тайную, а отправлено о немъ доношеніе, въ которомъ тщательно подобраны были самыя грозныя обвиненія и противъ него, и противъ Деревнина.

1 октября члены тайной канцеляріи изъ допроса, снятаго съ Терскаго, узнали, что государственное дѣло, о которомъ писалъ его сынъ, состояло въ вѣденіи за Деревнинымъ цыфирнаго письма царицы къ Юшкову, которое онъ видѣлъ, но разобрать не могъ.

Тотчасъ же поручено молодому Терскому привести Деревнина. Стряпчій на этотъ разъ не скрылся, свѣдавъ, что дѣло перешло въ тайную канцелярію, не столь доступную вліянію и подкупу царицы Прасковьи и ея фаворита; наконецъ въ увѣренности, что новые судьи его, какъ лица посторонніе, будутъ безпристрастнѣе, онъ поспѣшилъ изъ дома Юрьева (гдѣ скрывался) явиться на призывъ.

Въ первомъ же допросѣ обстоятельно познакомивъ членовъ тайной канцеляріи съ своей генеалогіей и подробностями формулярнаго списка, Деревнинъ разсказалъ, какъ и гдѣ нашолъ онъ злополучное письмо, какъ хотѣлъ его предъявить государю императору, разсказалъ о преслѣдованіяхъ Юшкова, и тутъ же представилъ злополучное письмо генералу и гвардіи полковнику И. И. Бутурлину, одному изъ членовъ канцеляріи.

Бутурлинъ поспѣшилъ завернуть письмо въ особый пакетъ и запечаталъ собственной печатью.

Вѣсть о сыскѣ Деревнина быстро прилетѣла къ царицѣ; она по-

ручила оберъ-полиціймейстеру добыть ей «злодѣя стряпчаго», и Грековъ въ тотъ же день представилъ въ тайную канцелярію убѣдительнѣйшую и настоятельнѣйшую просьбу препроводить къ нему Терскаго съ Деревнинымъ для розыску и окончанія начатаго дѣла (¹), ссылался на извѣстный намъ указъ Петра 21 января 1720 г., всемилостивѣйше даровавшаго право полиціи чинить пытки и экзекуціи по всѣмъ «приводнымъ и воровскимъ дѣламъ», ссылался на сенатскую инструкцію,—все было напрасно. Тайная канцелярія очень хорошо знала, что ея собственная колекція всевозможныхъ инструментовъ для пытокъ и казней несравненно богаче подобнаго же музея полицейской канцеляріи, что въ случаѣ нужды она и сама съумѣетъ *разыскать* кого бы то ни было, и потому не обратила вниманія на просьбы Прасковьи и Юшкова, переданныя устами любезнаго оберъ-полиціймейстера.

Гласъ его остался — гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Пылая гнѣвомъ и жаждою мести, царица рѣшилась наконецъ покинуть село Измайлово и самой добыть либо Деревнина, либо свое цыфирное письмо (²).

(¹) Что касается до Юрьева, то онъ освобожденъ 2 октября вмѣстѣ съ тещею подъ росписку. Тогда же крестьянинъ Ѳедоръ Даниловъ, такъ некстати явившійся къ нему съ подушкой и кафтаномъ, посланъ въ дворцовую канцелярію для повѣрки его показаній.

(²) Верш. дѣла. Р. Д. тайн. канцел. картонъ № 15: дѣло стряпчаго Василія Деревнина. Оно состоитъ изъ трехъ частей. I. Дѣло, присланное изъ полиц. канцел. о В. Деревнинѣ 81 л., а въ немъ слѣд. документы: а) Вѣденіе Іевлева въ полицію 24 сент. б) Рѣшеніе Грекова 24 сент. в) Докладъ Пазухина. г) Здравная и заупокойная память Терскаго. д) Росписка въ пріемѣ арестантовъ подъ караулъ. е) Допросъ Игнатьевой. ж) Допр. Еремѣевой. з) Доп. Харитона Иванова. и) Допр. Петрова. і) Боровкова. к) Спиридонова. л) Валяевой. м) Приказъ Грекова о новой арестаціи. н) Допр. Юрьева. о) Юрьевой. п) Григорія Терскаго. р) Терской. с) Обязательство г. Терскаго. т) Допр. Ѳ. Данилова. у) Рѣшеніе Грекова 26 сентября. ф) Допр. Курочкина 27 сентября. х) Росписки поручныя разныхъ лицъ. ц) Указ. т. канц. о присылкѣ Терскаго. ч) 29 сент. вѣденіе под. Іевлевымъ. ш) 1 окт. допош. полиціи въ т. канц. щ) 2 окт. росп. поручителей за Юрьева и др. Опись всему дѣлу и экстрактъ для тайной канцеляріи. Во II ч. дѣл. о стряпч. Деревнинѣ — производ. въ тайн. канцел. 90 листовъ. Смотр. просьбу И. Терскаго — 27 сент., указъ Писарева, доношеніе Грекова о необходимости кончить сіе дѣло въ полиціи, допросы 1 окт. Терскаго и Деревнина.

VII

МЩЕНІЕ СТАРУШКИ.

«Благовѣрная государыня, взмилуйся и «помилуй! Статно ли то, что ты дѣлаешь «и что есть хорошаго?»

(Стремянной Іевлевъ 2-го Окт. 1722 г.)

На другой день, 2 октября, Прасковья отложила поѣзку въ Москву до вечера, можетъ быть потому, что утромъ либо она сама, либо ея приближонные были развлечены любопытной, хотя и обыкновенной въ то время сценой: близь города колесовали трехъ человѣкъ убійцъ и фальшивыхъ монетчиковъ; они получили только по одному удару колесомъ, по каждой рукѣ и ногѣ; колесо изломало руки, перебило ноги, но преступники остались живы, и ихъ крѣпко привязали лицами къ колесамъ (¹). Зрѣлище было отвратительное; одинъ изъ нихъ, старикъ, изнеможенный предварительными пытками, нѣсколько часовъ послѣ казни испустилъ духъ; но остальные, молодые парни, долго еще боролись со смертью; можно было думать, что они проживутъ на колесѣ, какъ это и случалось, двое, трое, даже четверо сутокъ. Молодцы были румяны; равнодушно, чуть не весело поглядывали по сторонамъ, и ни стономъ, ни жалобой не обнаруживали страданій. Одинъ изъ нихъ, къ величайшему изумленію толпящихся зрителей, съ большимъ трудомъ поднялъ размозженную руку, повисшую межъ зубцовъ, отеръ себѣ рукавомъ носъ и опять сунулъ ее на прежнее мѣсто.

Но эффектъ былъ еще поразительнѣе, когда тотъ же страдалецъ, замѣтивъ, что онъ замаралъ колесо нѣсколькими каплями крови, съ страшнымъ усиліемъ вновь вытащилъ изувѣченную руку и бережно обтеръ колесо.

Толпа съ любопытствомъ глядѣла на страшную сцену. Многіе вспоминали при этомъ о недавнихъ казняхъ, разсказывали другъ-другу подобныя интересныя сцены: какъ-де одинъ повѣшенный за ребра въ первую же ночь приподнялся, вытащилъ изъ себя крюкъ и упалъ на землю; несчастный проползъ на четверинькахъ нѣсколько сотъ шаговъ, спрятался, его нашли и повѣсили на тотъ же крюкъ.

(¹) Колеса обыкновенно утверждались горизонтально на толстыхъ столбахъ.

Другіе вспоминали о сожженіи на кострѣ живого раскольника: какъ неустрашимо глядѣлъ онъ на пылающую руку и только тогда отвернулся, когда дымъ сталъ ѣсть глаза и вспыхнули его волосы... (1).

Хорошо было зрѣлище колесованныхъ, хороши были и воспоминанія, вызванныя ихъ предсмертными муками; именитыя лица да любознательные иноземцы разъѣхались по гостямъ, стало темнѣть, разбрелся и народъ, толкуя о видѣнномъ и слышанномъ.

Между-тѣмъ Прасковья Ѳедоровна пообѣдала и собравшись съ силами, «за часъ до отдачи дневныхъ часовъ» приказала позвать главнаго своего стремяннаго, Никиту Ивановича Іевлева.

— Заложи *карету*, — приказывала царица, — созови людей, пусть полячка Михайловна возьметъ водку, да конюхъ Аксенъ захватитъ съ собой кулекъ съ кнутьями (2).

Въ шесть часовъ экипажъ былъ готовъ; закутанная царица взяла трость, и не въ состояніи будучи ходить (Прасковья сильно страдала, если не ошибаюсь, водяной), приказала служителямъ отнесть ее въ карету. Царицу провожали человѣкъ двадцать: здѣсь были Сергѣй Тихменевъ, одинъ изъ враговъ Деревнина, фрейлина или ея служанка, полька Михайловна, стремянной Никита Іевлевъ, братъ его, задворный конюхъ и подклюшникъ Ѳеоктистъ Іевлевъ, пажи Тимофей Павловичъ Воейковъ и братъ его Ѳедоръ Воейковъ, Кондратъ Ивановичъ Маскинъ, братъ его Михаилъ Маскинъ, Василій Маломаховъ, дворцовый сторожъ и истопникъ Степанъ Пятилѣтъ, плѣнный шведъ — служитель Карлусъ-Ѳрихтъ, стряпчій Андрей Седриковъ, конюхъ Аксенъ Синьковъ, приказный избы села Измайлова, подъячій Михайло Крупениковъ, конюхъ Анкудинъ, Степанъ Трофимовъ и нѣкоторые другіе.

Кортежъ тронулся въ путь; погода была ясная: ночью выпало много снѣгу и на дворѣ трещалъ морозъ. Ѣдучи по Мясницкой улицѣ, царица подозвала пажа Тимофея Воейкова: «Поѣзжай къ царевнѣ Катеринѣ Ивановнѣ и доложи ей, чтобъ она немедля ѣхала

---

(1) *Берхгольцъ*, ч. II, с. 282—284.

(2) Всѣ подробности настоящаго разсказа заимствуемъ изъ подлинныхъ показаній восьми служителей царицы и двухъ солдатъ тайной канцеляріи. Каждое показаніе болѣе или менѣе дополняется одно другимъ и объясняетъ сказанное. Мы свели въ одинъ связный разсказъ всѣ мелочи любопытнаго происшествія, что не совсѣмъ было легко, ибо онѣ разсѣяны среди безпрестанныхъ повтореній однихъ и тѣхъ же отвѣтовъ и оправданій, нерѣдко довольно спутанныхъ. Дѣла Р. Д. Т. К. карт. 27. дѣло о стряпчемъ Васильѣ Деревнинѣ, листы 51—91.

къ генералу Ивану Ивановичу Бутурлину и попросила выдать мнѣ Деревнина и письмо, по которому его взяли.»

Тяжолая карета потащилась далѣе по Мясницкой въ тайную канцелярію; она находилась на концѣ Мясницкой, противъ церкви Пресвятыя Богородицы Гребневскія (1). Кстати замѣтимъ, что такъ называемая карета была ничто иное, какъ колымага, сдѣланная снаружи на подобіе фургона; въ колымагѣ, вмѣсто сидѣній, наложены были подушки, а окна и двери завѣшаны кожею, мѣстами золоченой и тисненой (2).

Пробило семь часовъ (3), когда царица, подъѣхавъ къ «тайной» велѣла нести себя въ арестантскія палаты или подвалы, грязные и мрачные, никогда не опорожнявшіеся отъ заключенныхъ. Одни служителя несли царицу на особой скамьѣ, другіе шли впереди и сзади шумною толпою, съ зажженными восковыми свѣчами.

Внесенная въ переднюю палату, Прасковья по старинному обычаю, тщательно выполняемому нѣкогда ею самой, стала раздавать колодникамъ милостыню. На этотъ разъ царица имѣла другую цѣль и раздача милостыни была только однимъ изъ средствъ къ ея достиженію.

— А гдѣ сидить Деревнинъ? — спросила она у провожавшихъ.

— Изволь, государыня, идтить въ другую палату, — молвилъ въ отвѣтъ стремянной.

По указанію Іевлева, царицу провесли далѣе въ палату, наполненную раскольниками. Здѣсь вновь раздавая милостыню, старушка съ участіемъ спросила:

---

(1) Этотъ домъ въ настоящее время по наружности своей не имѣетъ ничего замѣчательнаго, огроменъ, хорошъ, новѣйшей архитектуры. Достойно замѣчанія, что въ царствованіе Александра I-го, которому и принадлежитъ честь уничтоженія всероссійскихъ пытокъ, въ домѣ бывшей тайной канцеляріи помѣщено было библейское общество. Старожилы московскіе еще помнили въ 1830-хъ годахъ желѣзныя ворота тайной *московской* канцеляріи; онѣ выходили на Лубянскую площадь, караулъ стоялъ во внутренности двора; со страхомъ проходили мимо *тайной*, съ ужасомъ поглядывали на желѣзные затворы и рѣшотки... *Путевод. по Москвѣ.* 1831 г. ч. III с. 172.

(2) Такъ описываетъ кареты или колымаги царицъ — *Щербатовъ* (О поврежд. нравовъ, с. 9). Кареты были до такой степени рѣдки, что бояринъ Лыковъ, человѣкъ пребогатый, выписавшій въ это время орѣховую карету, украшенную рѣзбой съ точеными стеклами, нестоившей и 1000 руб., возбудилъ столь сильную зависть князя Меншикова, что тотъ дѣлалъ нападки на Лыкова, чтобъ только получить этотъ экипажъ. Дѣдъ Щербатова, наслѣдовавшій по смерти Лыкова карету, не хотѣлъ ее уступить свѣтлѣйшему князю — и за то лишился всѣхъ недвижимыхъ имѣній.

(3) Село Измайлово лежитъ въ семи или восьми верстахъ отъ Москвы по большой дорогѣ.

— Гдѣ сидитъ мой служитель, Василій Деревнинъ, — я хочу и ему дать милостыньку?

Колодники спѣшили указать милостивой монархинѣ отдѣльную казенку, гдѣ сидѣлъ Деревнинъ.

— Онъ сидитъ здѣсь, благовѣрная государыня, — говорилъ часовой Красновъ, — въ крѣпкомъ мѣстѣ, пускать къ нему никого не вѣлено.

— Какіе вы дураки! кротко замѣтила Прасковья: — вы не пускаете меня, а я хочу ему только милостыньку дать! Несите меня къ казенкѣ!

— Да здѣсь никакого колодника нѣтъ, — говорили часовые, надѣясь хоть обманомъ остановить нежданную гостью. Гостья не слушала; ее несли Пятилѣтъ, Карлусъ, Кондратъ Маскинъ, Ѳ. Воейковъ, Ѳ. Іевлевъ и В. Маломаховъ; а другіе служителя, какъ-то: М. Маскинъ, Тихменевъ — шли впереди и освѣщали путь.

Подъячій государыни постучалъ въ дверь; дверь не отворяли: капралъ Иванъ Красной, надзиравшій за этой тюрьмой, сопротивлялся; его ударили подъ бокъ, двухъ часовыхъ отбросили въ сторону, и кто-то изъ служителей силою отворилъ дверь.

Ярко освѣтилась казенка лишь только внесли въ нее государыню; струсившій Деревнинъ повалился въ землю.

— А, такъ ты вотъ гдѣ гость! заговорила старушка, внезапно измѣняя видъ и голосъ: — тутъ-то ты гость! хотѣла я тебѣ милостыню дать, да не за что: пакости ты много мнѣ надѣлалъ! Какое ты письмо на меня подалъ, гдѣ взялъ, куда дѣвалъ?

— Нашолъ я его, благовѣрная государыня, на дворѣ у Василья Ѳедоровича Салтыкова.

— Куда дѣлъ... подай письмо сюда... говорила старушка; лицо ея загорѣлось гнѣвомъ и удары посыпались на арестанта. — Подай письмо, письмо давай сюда, — твердила она, и снова тяжолая трость опускалась на голову и лицо Деревнина.

Царицу отвлекъ отъ бесѣды съ Деревнинымъ Воейковъ.

— Былъ я у государыни царевны, — доносилъ пажъ, — и царевна Екатерина Ивановна ѣздила по твоему, государыня, приказу къ Бутурлину. Иванъ Ивановичъ обѣщалъ отдать Деревнина.

— Ступай опять къ царевнѣ, слышишь, скажи, чтобъ она сейчасъ же съѣздила въ другой разъ къ Бутурлину: пусть попроситъ отдать мнѣ Деревнина немедля; я буду ждать здѣсь... Деревнина мнѣ подайте!

Воейковъ спѣшилъ выполнить приказъ, а милостивая госуда-

рыня вновь соизволила взяться за трость, и новые удары покрыли «плоть, лицо и спину» бывшаго ея стряпчаго.

— Письмо на меня подалъ, казну покралъ, совсѣмъ обокралъ меня — приговаривала царица, задыхаясь отъ гнѣва.

Въ казенкѣ было тѣсно, смрадно; въ ней набралось много народу; пылающія свѣчи увеличивали жаръ. Усиленныя движенія видимо разстроили старушку: она такъ старательно работала тростью, что забывъ болѣзнь, поднялась на ноги и тѣмъ скорѣе устала; ей нуженъ былъ просторъ — и она велѣла вести заключеннаго въ переднія палаты.

Толпа двинулась. Пятилѣтъ, Кондратъ Маскинъ, И. Іевлевъ, С. Тихменевъ, Михайло Крупенниковъ поволокли за собой Деревнина.

Встревоженный каптенармусъ Бобровскій, дежурный по караулу, думая, что Деревнина хотятъ вовсе увести изъ-подъ ареста, просилъ его не трогать; наконецъ видя, что просьбы не дѣйствуютъ, сталъ въ дверяхъ и силою хотѣлъ удержать исполнительныхъ челядинцевъ.

— Помилуй, благовѣрная государыня, — взмолился каптенармусъ, низко кланяясь царицѣ и закрывая дверь: — мнѣ по артикулу — великій страхъ! Воля твоя, государыня, какъ изволишь, а я изъ-подъ караула его не отдамъ: онъ сидитъ въ государевѣ дѣлѣ.

Нетерпѣливая царица не слушала; она прикрикнула на служителей, тѣ двинулись впередъ, помяли бока Бобровскаго и Деревнина впереди носилокъ Прасковьи провели далѣе.

— Запирай, замыкай дверь на выходъ, не выпускать колодника! закричалъ каптенармусъ солдатамъ. Онъ очень хорошо памятовалъ артикулъ: «Когда-де кого стеречь приказано, а тотъ злодѣй чрезъ небреженіе караульнаго уйдетъ, или отъ караульнаго безъ указа отпустится, тогда виновный въ семъ вмѣсто преступителя надлежащее наказаніе претерпитъ.» (¹)

Старушка впрочемъ не была обязана знать воинскіе артикулы; «уставъ о процессахъ и экзекуціяхъ» не для нея былъ писанъ, и она никакъ не могла себѣ объяснить дерзость Бобровскаго.

— Какъ ты смѣешь не пускать меня? что-жъ ты за карауломъ што-ль держишь царицу?

— Я тебя, благовѣрная государыня, за карауломъ не держу, —

(¹) Книга уставъ воінскій купно при семъ артикулъ воінскій, изд. 1719 г. Спб. Арт. 207.

отвѣчалъ дежурный, — а колодника изъ канцеляріи, какъ изволишь, не отдамъ, потому по артикулу мнѣ страхъ немалый.

Процессія должна была остановиться въ передней или прихожей палатѣ. Въ негодованіи Прасковья опустилась на скамью; къ ней подвели трепещущаго Деревнина.

— Обыщите его хорошенько, — приказывала государыня, собираясь съ силами: обыщите, нѣтъ ли при немъ ножа?

Быстро обшарили арестанта, ножа не нашли; отыскался мѣшочекъ съ деньгами: служителя немедля вытрясли ихъ въ свои карманы.

— Всемилостивѣйшая государыня, взмолился Деревнинъ: — грабятъ меня, деньги у меня выняли, я дѣтище небогатый.

— Это я приказала взять у тебя деньги, — успокоительно отвѣчала старушка: — для чего ты у меня разворовалъ, гдѣ ты письмо взялъ?

Допрашиваемый винился въ томъ, въ чемъ и прежде.

— Держите его хорошенько, крѣпче, — говорила государыня и вновь стала гнѣваться словами, а потомъ, по свидѣтельству служителей, «мало помѣшкавъ, соизволила собственною ручкою и тростью бить стряпчаго по плоти и по лицу многократно.»

Между-тѣмъ Бутурлинъ не пріѣзжалъ.

— Шведъ Карлусъ! поѣзжай ты къ Ивану Ивановичу, — повелѣла Прасковья: — скажи, что я здѣсь — жду, пока выдадутъ мнѣ Деревнина.

Чтобы скорѣй вызвать свою жертву изъ царскихъ подваловъ и привести въ свои измайловскія казенки, Прасковья съ тѣмъ же порученьемъ отправила Никиту Іевлева къ Скорнякову-Писареву (къ нему еще прежде ѣздилъ Карлусъ, но безуспѣшно), члену тайной канцеляріи.

Иванъ Ивановичъ и Григорій Григорьевичъ имѣли полное право отказать Прасковьѣ Ѳедоровнѣ; но, какъ люди, состарѣвшіеся въ дѣлахъ придворныхъ, они вѣдали съ кѣмъ имѣютъ дѣло, вѣдали, что царица пользуется большимъ уваженьемъ монарха — и не дерзнули на прямой отказъ. Съ другой стороны исполнить просьбу было дѣло опасное; они сами еще не знали, въ чемъ состоитъ цыфирное письмо, какъ взглянетъ на все происшествіе суровый господинъ, не потребуетъ ли онъ отъ нихъ отчета, — а что значитъ давать отчетъ Петру и на сколько сподручно оправдываться предъ нимъ — всѣмъ было извѣстно.

Между двухъ огней, Бутурлинъ и Писаревъ прибѣгли къ одной и той же уловкѣ: зная обо всемъ, происходившемъ въ тайной кан-

целяріи изъ донесеній дежурнаго каптенармуса, они приказали часовымъ объявить вѣстовымъ царицы, что господъ нѣтъ дома; Бобровскому же послали тайный приказъ — отнюдь не отпускать Деревнина.

Всѣ эти неудачи еще болѣе раздражили Прасковью; въ жилахъ ея разгоралась кровь деспотки-помѣщицы и властительной особы, не привыкшей къ отказамъ.

А предъ ней плакалъ и молилъ о пощадѣ недостойный служитель, ее огорчившій. Лицо его было покрыто синяками, ссадинами, ранами, по щекамъ струилась кровь, глаза заволакивались опухолью...

Картина эта не смягчила гнѣвную царицу.

— Держите его крѣпче, Пятилѣтъ, да ты, Карлусъ, жгите свѣчами лицо его, носъ, уши, шею, глаза поджигай, да бороду, бороду-то ему выжги!

Стряпчій, поражонный ужасомъ, задулъ одну свѣчку; ее вновь зажгли; онъ старался выбиться изъ рукъ служителей, но К. Маскинъ, Т. Воейковъ, Крупенниковъ, Трофимовъ, Ѳ. Іевлевъ и другіе попеременно крѣпко держали его за руки и за волосы; голову Деревнину загнули назадъ для болѣе удобнаго обжогу. Истопникъ Пятилѣтъ жогъ лицо, а шведъ Карлусъ, замѣтивъ, что носъ уже обожжонъ Васильемъ Моломаховымъ, старательно занялся выжиганіемъ бороды.

— Какое ты письмо на меня подалъ, гдѣ взялъ, куда его дѣлъ? повторяла царица, какъ кажется не столько для допроса, сколько изъ желанья что-нибудь причитывать въ одобренье доморощеннымъ палачамъ.

Деревнинъ мычалъ, стоналъ, тщетно бился: онъ былъ въ крѣпкихъ рукахъ.

— Государыня, смилуйся и помилуй! — взмолился подъячій тайной канцеляріи, Григорій Павловъ, падая въ ноги Прасковьи, — повели не чинить жженіе Деревнина, потому де за нимъ, за Деревнинымъ, дѣло есть государево, мы будемъ за него въ отвѣтѣ.

— Гони его прочь, да снимите съ злодѣя моего рубашку!

Павлова оттолкнули (¹). — Деревнину оголили спину. Конюхъ

(¹) На Павловѣ, какъ на подъячемъ тайной канцеляріи, лежала большая отвѣтственность: въ силу указа 12 апрѣля 1722 года за несохраненіе арестантовъ, какъ-то: выпускъ ихъ изъ тюрьмы и проч., «подъячихъ приказано было розыскивать и пытать вмѣстѣ съ караульщиками, дабы поманки не было. А буде судьи въ томъ подъячимъ поманку учинятъ, то сами подлежатъ, яко разбойники, казни смертной.» Желаніе спасти собственную свою спину отъ непріятностей розыска, должно было вызвать заступничество со стороны Павлова.

Аксенъ, по приказу монархини, явился съ кулькомъ, а въ немъ были кнутья; вынулъ Аксенъ кнутъ попадежнѣе и приготовился работать.

Посреди палаты, для острастки и обыденныхъ пытокъ арестантовъ, стоялъ между прочимъ деревянный козелъ; на него обратила вниманіе царица и приказала взволочить на козелъ обожженнаго Деревнина.

Прасковья Ѳедоровна поразила твердостью приказаній всѣхъ окружающихъ, чуть не съ малолѣтства уже привыкшихъ ко всякаго рода сильнымъ ощущеніямъ, начиная отъ домашняго батога до застѣночнаго кнута.

Бобровскій хлопоталъ не о томъ, чтобы не увезли Деревнина: онъ страшился уже, что отъ арестанта ничего не останется, молилъ о пощадѣ и ежеминутно напоминалъ: «за арестантомъ де есть дѣло государево.» Никита Іевлевъ также не вытерпѣлъ, и пользуясь значеніемъ своимъ при царицѣ, дерзнулъ доложить:

— Умилосердися, благовѣрная государыня, какъ изволишь, а необычно все это: статное ли это дѣло и что есть хорошаго?

Старушка же напротивъ была убѣждена, что въ ея поступкахъ ничего не было дурного. «Я де имѣю полное право, мало того, я должна наказать, какъ хочу, вѣроломнаго служителя»; такъ могла думать царица, и рѣшительно недоумѣвала, съ какой стати являются у Деревнина заступники.

И вотъ приказъ подтверждается, жертву волокутъ на козелъ.

Но распахнулась дверь — и въ палату, въ сопровожденіи пажа Воейкова, вошла герцогиня мекленбургская, царевна Катерина Ивановна. Она не поѣхала вторично къ Бутурлину, вѣроятно убѣдившись изъ перваго свиданія въ безуспѣшности просьбъ отпустить Деревнина, а отправилась къ матери прямо въ тайную канцелярію.

При входѣ въ нее, герцогиня была поражена оригинальнымъ зрѣлищемъ. Среди грязнаго подвала на козлѣ растянутъ за руки и за ноги обнаженный Деревнинъ; онъ стонетъ и вопитъ о пощадѣ; казенки полны народу: здѣсь солдаты, караульные, подъячій, группы молчаливыхъ арестантовъ, раскольниковъ и другихъ колодниковъ, слѣдящихъ не безъ ужаса, какъ изволитъ гнѣваться государыня, царица Параскевія Ѳеодоровна; сама она на скамьѣ, съ тростью въ рукахъ, дрожащая отъ гнѣва, съ побагровѣвшимъ лицомъ и сверкающими глазами; картина освѣщена мрачнымъ, какимъ-то похоронным свѣтомъ восковыхъ свѣчей; воздухъ спертъ, пахнетъ жженымъ человѣческимъ мясомъ, волосомъ, и среди всего ярко выри-

совывается атлетическая фигура Аксена съ кнутомъ въ рукахъ, готоваго по первому слову начать *штрафованье*.

Катерина Ивановна пошептала на ухо царицѣ, вѣроятно просила спустить стряпчаго съ козла. Старушка на этотъ разъ послушалась. Деревнина сняли и надѣли на него кафтанъ.

— Письмо куда дѣлъ, откуда и гдѣ ты его взялъ? — въ сотый разъ спрашивала Прасковья.

— Я его поднялъ на дворѣ кравчаго Василья Ѳедоровича Салтыкова.

И государыня снова взялась за прежнее, снова за трость, била Деревнина по лицу и по головѣ; а уставши, «паки» поручила Пятилѣту да Карлусу пообжечь его лицо и шею; Моломаховъ да Ѳ. Іевлевъ держали допрашиваемаго.

Слабые нервы герцогини не могли вынести сего зрѣлища: она поспѣшила проститься съ матерью и оставила ее одну упражняться въ изобрѣтеніяхъ новыхъ пытокъ.

За ними дѣло не стало. Живая фантазія Прасковьи скоро навела ее на мысль о пыткѣ, если не новой, то по крайней мѣрѣ рѣдко употреблявшейся.

— Полячка Михайлова! — закричала она фрейлинѣ, сходи въ карету, да принеси оттуда бутылку съ водкой.

Водку принесли. Моломаховъ, Крупениковъ и Воейковъ крѣпче взялись за арестанта. Шведу Карлусу повелѣно лить на голову Деревнина. Водка, или лучше сказать спиртъ (вино въ то время не разжижалось еще такъ щедро водой), потекъ по лицу, т. е. по отвратительной язвѣ и разъѣдалъ ее страшно. Какъ ни исполнителенъ былъ шведъ, но онъ лилъ немного, вылилъ не болѣе полубутылки. Жалко ли ему было Деревнина, или желалось сберечь водку для обратнаго пути въ Измайлово, неизвѣстно.

— Зажигай! крикнула царица, обращаясь къ Пятилѣту.

Истопникъ Степанъ Пятилѣтъ, привыкшій жечь дрова, но не людей, страшился исполнить приказъ старушки; но монархиня собственноручно соизволила толкнуть его руку со свѣчею къ головѣ Деревнина — и голова вспыхнула какъ порохъ!

Страшный, не человѣческій вопль огласилъ подвалы и казенки тайной канцеляріи и замеръ подъ ея мрачными сводами. Несчастный судорожно рванулся изъ рукъ рабовъ, метнулся въ одну сторону, бросился въ другую, ударился о печку и въ страшныхъ конвульсіяхъ упалъ на полъ... Голова его пылала... Колодники, сторожа, слуги, палачи — всѣ, кромѣ государыни, были въ оцѣпенѣніи!

А голова все пылала, все пылала и курилась невыносимымъ чадомъ.

Первый очнулся Бобровскій. Мысль, что за этимъ арестантомъ есть государево тайное дѣло, что его непремѣнно нужно сберечь для допросу, а можетъ быть и для пытокъ, какимъ благоволитъ его предать царское величество, мысль эта гвоздемъ засѣла въ голову дежурнаго капитанармуса, и онъ суетливо бросился распоряжаться тушеніемъ курьёзнаго пожара... Кто-то изъ колодниковъ, по его приказу, утушилъ огонь полою своего кафтана.

Прасковья пожелала посмотрѣть на копченаго стряпчаго и казначея. Узнать его не было возможности. Волосы сгорѣли; лицо вздулось, посинѣло, почернѣло, мѣстами вовсе выгорѣло; глаза заплыли опухолью; подбородокъ тщательно обожжонъ, и только сквозь раздутыя, чорныя губы слышались стоны.

Видъ несчастнаго еще болѣе раздувалъ гнѣвъ царицы. Старушка, не чувствуя усталости, крайне занятая и оживленная своимъ дѣломъ, все еще находила, что мщеніе ея неполно, чего-то еще недостаетъ; она жаждала чего-то новаго, и въ ожиданіи его, принялась за старое: ручка монархини и крѣпкая трость вновь загуляли по ли... но нѣтъ, то не было уже лицо, въ громадной язвѣ не было даже и подобія образа человѣческаго.

Если не безъ ужаса и негодованія цѣпенѣемъ мы предъ страшною картиною, существованіе которой не можетъ быть оправдано ничѣмъ (истина всегда истина, въ какой бы вѣкъ она не существовала), то за то и не безъ удовольствія находимъ въ подлинныхъ документахъ указанія на то, что нѣкоторые служителя царицы, какъ напр. Кондратъ Маскинъ, Никита Іевлевъ, Тимофей Воейковъ, Ѳедоръ Воейковъ, Ѳеоктистъ Іевлевъ, были поражены ужасомъ (если не состраданіемъ), и, не вынося страшнаго зрѣлища, «многократно» выходили на чистый воздухъ подышать и освѣжиться...

Бобровскій четыре раза уже посылалъ съ донесеніями о «всѣхъ дѣйствахъ» царицы къ генералъ-маіору Скорнякову Писареву, и всякій разъ получалъ въ отвѣтъ приказаніе — отнюдь не отпускать съ царицей Деревнина. Тоже говорилъ Бутурлинъ. Пожаръ головы арестанта заставилъ дежурнаго просить болѣе подробныхъ инструкцій о томъ, допускать ли дальнѣйшія истязанія? За этими инструкціями онъ послалъ къ генералъ-лейтенанту Ягужинскому.

Ударило десять часовъ вечера. Въ «тайную» пріѣхалъ генералъ-прокуроръ. Всѣ засуетились. У Деревнина, если онъ еще не потерялъ сознаніе, должна была мелькнуть мысль о спасеніи, у царицы же надежда получить наконецъ арестанта. Прасковья ошиблась... Ягужинскій... но позвольте познакомиться съ нимъ поближе.

Павелъ Ивановичъ, по отзывамъ современниковъ лично его знавшихъ, былъ видный мущина, съ лицомъ неправильнымъ, но живымъ и выразительнымъ. Въ обхожденіи онъ былъ очень свободенъ, даже небреженъ; но эта свобода весьма въ немъ естественна и всѣ были ею довольны. Ягужинскій былъ капризенъ, самолюбивъ, но при этомъ уменъ, разсудителенъ, живъ. Онъ въ одинъ день дѣлалъ столько, сколько другой не поспѣвалъ въ недѣлю. Прямодушный, онъ твердо выполнялъ данное слово до такой степени, что готовъ былъ скорѣе умереть, нежели нарушить обѣщаніе. Мысли свои Павелъ Ивановичъ выражалъ безъ лести предъ самыми высшими сановниками. Буде первый сановникъ имперіи поступалъ несправедливо, Ягужинскій порицалъ его также смѣло и свободно, какъ послѣдняго чиновника. Сначала деньщикъ Петра, а потомъ генералъ-прокуроръ правительствующаго сената, онъ былъ однимъ изъ первѣйшихъ любимцевъ преобразователя. Государь обыкновенно называлъ его своимъ глазомъ и зачастую говаривалъ: «если что Павелъ осмотритъ, то это такъ вѣрно, какъ будто я самъ видѣлъ» (1).

Если похвальные отзывы дюка Лирійскаго и лэди Рондо хоть на половину справедливы, то понятно, почему и въ настоящемъ случаѣ Ягужинскій не уклонился, подобно Скорнякову-Писареву и Бутурлину, отъ вмѣшательства въ дѣло Прасковьи, и хоть поздно, но явился на арену не совсѣмъ невинныхъ ея развлеченій.

— Что ты дѣлаешь, государыня? заговорилъ генералъ-прокуроръ, когда приглядѣлся наконецъ къ окружающимъ предметамъ, — что хорошаго, государыня, что изволишь по приказамъ ѣздить ночью (2)?

— Отдайте мнѣ Деревнина, отвѣчала царица: — онъ воръ, воръ, онъ покралъ у меня казну!

— Безъ именного императорскаго величества указу отдать невозможно, твердо отвѣчалъ Ягужинскій, отдалъ приказъ увесть Деревнина къ себѣ на домъ подъ караулъ, и тутъ же предложилъ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ оставить тайную канцелярію.

— Завтра, можетъ быть, я пришлю его къ тебѣ, государыня, — обманчиво увѣрилъ Ягужинскій, когда царица не прекращала упра-

---

(1) Mémoires du duc de Libria et de Berwik, écrits par lui-même. 1788, Paris. Также Lettres d'une dame anglaise. Roterdame, 1776, и *Берхгольцъ* ч. II, стр. 261.

(2) Мы никакъ не думаемъ, чтобы генералъ-прокуроръ, приглядѣвшійся къ пыткамъ и казнямъ, вдругъ восчувствовалъ состраданіе къ Деревнину. Нѣтъ, не ради его спасенія, а во имя порядка, презрѣннаго Прасковьей, онъ явился остановить ея звѣрства.

шивать и умолять объ исполненіи ея просьбы. Наконецъ, огорченная старушка, съ слабой надеждой и немалой грустью, оставила Деревнина и отправилась обратно въ свою резиденцію, въ село Измайлово. Впереди, сзади и по бокамъ ѣхали исполнители ея предначертаній.

Была глубокая полночь, когда вернулась Прасковья въ свои хоромы; нѣжно обняла она ненаглядную свою внучку Аннушку и мирно опочила отъ трудовъ.

Вознаградилъ ли себя за труды водкооблиператель и свѣчеобжигатель Карлусъ оставшейся полбутылкой нѣнника, изъ подлиннаго дѣла не видно (¹).

VIII

ВЪ ОЖИДАНІИ ЦАРСКАГО ПРІѢЗДА.

3-го октября 1722 г. исполнительный каптенармусъ Бобровскій, по долгу службы, вошолъ съ обстоятельнымъ рапортомъ о всемъ случившемся къ начальству тайной канцеляріи (²)

Бобровскій ничего не утаилъ, передалъ всѣ мелочи трагическаго событія, но героиню его, всемилостивѣйшую старушку называлъ въ рапортѣ не иначе, какъ «благовѣрнѣйшей государыней»... Въ тотъ же день, въ полдень, генералъ-прокуроръ прислалъ Деревнина назадъ въ казенки тайной канцеляріи. Попечительное начальство ея, наканунѣ столь любезно предоставившее старушкѣ потѣшиться, нынѣ вступило въ свои обязанности: на Деревнинѣ приказано: «бой и жженіе описать и лечить его изъ аптеки». Опись коротко, но довольно краснорѣчиво повѣствуетъ о томъ, какъ соизволила гнѣваться царственная старушка: «голова Деревнина, такъ оказалось по осмотру: избита во многихъ мѣстахъ и обожжена мѣстами; также и по носу и по лицу, и подъ глазами избито и обожжено, и почернѣло и опухло, за которою опухолью не знать и глазъ. А руки по запястья обожжены же; на груди противъ сердца избито и мѣстами красно».

Результатомъ осмотра было то, что здоровье арестанта найдено

(¹) Вершоныя дѣла Р. Д. Т. К. кар. л. 15, дѣл. о Вас. Дер. ч. II, доп. Бобровскаго л. 14—15, допросы: Деревнину, Бобровскому, Краснову, очныя ставки Маскину и Пятилѣту, допросы имъ, также Моломахову, Воейковымъ, экстрактъ изъ допросовъ Деревнина и другихъ л. 56—81.

(²) В. Д. Р. Д. Т. К., кар. XV, л. 14, 18, 20.

далеко не удовлетворительно; Деревнинъ расхворается, пожалуй помретъ, а вернется царь-государь милостивый, захочетъ имъ «розыскивать въ дѣлѣ государевомъ», не найдетъ его въ живыхъ и спроситъ *на нихъ*, на начальникахъ!.. «Господинъ докторъ! поспѣшилъ отписать Скорняковъ-Писаревъ, — нѣкоторый колодникъ, по тайнымъ дѣламъ содержащійся въ тайной канцеляріи, весьма боленъ; того ради, объявляю его императорскаго величества указомъ, извольте приказать онаго колодника осмотрѣть и приказать лечить, понеже онъ весьма нуженъ».

Въ тоже время канцелярія освободила заарестованныхъ по дѣлу о цыфирномъ письмѣ, внняла мольбамъ ревельскаго школьника Юрьева, сняла печать и запрещеніе съ его дома и пожитковъ, наконецъ приложила къ дѣлу доношеніе Григорія Терскаго. Лишь только послѣдній замѣтилъ, что дѣло обратилось къ исходу болѣе или менѣе благопріятному; что онъ можетъ быть покоенъ: до него не допустятъ ни допрощиковъ царицы, ни обязательнаго оберъ-полиціймейстера, — сообразивъ все это, Терскій постарался заявить все, что только могло служить ему оружіемъ противъ его недруговъ. Такимъ образомъ на другой же день послѣ женія своего зятя Деревнина, онъ смѣло предъявилъ слѣдующее обстоятельство, для дѣла довольно важное: «Увѣдомился я отъ помянутаго Деревнина», писалъ Терскій, «что государыня царица Прасковья Ѳедоровна, просила въ сенатѣ, чтобъ на комнату ея величества съ царевнами учинить окладъ противъ окладу, каковъ учиненъ былъ къ комнатѣ царевны Наталіи Алексѣевны. Въ сенатѣ безъ именного его величества указу, того не учинили. А чрезъ прошеніе ея величества такую, вышеобъявленную дачу учинилъ ей Василій Ершовъ обще съ дьякомъ Тихменевымъ, и за то взялъ себѣ деньгами и протчимъ не меньше 7000 руб. Все это явно, продолжалъ Терскій, по записнымъ книгамъ, которыя оный Тихменевъ взялъ къ себѣ будто для счету, а тѣ книги скрылъ, о чемъ я и доношеніе на него Тихменева въ надворный судъ подалъ и въ ономъ будутъ его, Тихменева, обличать я, Терскій, Деревнинъ, да купчина Антипъ Моисѣевъ»... (¹)

Доношеніе Терскаго немножко освѣщаетъ ту безурядицу, которая царила въ хозяйскихъ дѣлахъ Прасковьи. Чтобъ познакомиться съ ними поближе и тѣмъ получить еще разъ возможность прослѣдить то значеніе, какое старушка имѣла при дворѣ, ея силу, любовь и вниманіе къ ней государя и государыни, позволяемъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе.

Прасковья, какъ мы уже знаемъ, вела себя относительно Петра

(¹) В. Д. Р. Д. Т. К. кар. XV. л. 12—14.

и всѣхъ придворныхъ, по своему времени съ большимъ тактомъ и умѣньемъ. Самые противорѣчащіе другъ другу поступки совершенно спокойно улаживались въ ея поведеніи. Женщина по своему религіозная, преданная старинымъ обычаямъ и обрядности, она въ тоже время, по первому царскому зову, облекалась въ шутовскій костюмъ и выступала съ своими фрейлинами «въ смѣхотворной процессіи свадьбы князь-папы» (1). И нельзя сказать, чтобъ это дѣлала она изъ страха, по принужденію; нѣтъ! по крайней мѣрѣ этого не видно ни въ ея «шутливомъ обхожденіи» съ Петромъ, ни въ ея обращеніи съ толпой его деньщиковъ и временьщиковъ, за которыми она ухаживала, зная ихъ силу и вліяніе на дѣла... Составилась ли какая-нибудь ассамблея, пиръ на чистомъ воздухѣ въ лѣтнемъ саду, попойка, ради какого-нибудь торжества въ правительствующемъ сенатѣ, публичный маскарадъ, свадьба, имянины ли чьи праздновались дворомъ — въ кругу гостей неотмѣнно присутствовала старушка Прасковья. Зная, что присутствіе ея будетъ пріятно Петру, она не обращала вниманія на недуги, плелась въ своей колымагѣ на пирушку и здѣсь съ участіемъ слѣдила за прыганьемъ молодежи и съ большимъ усердіемъ осушала бокалы. Въ черномъ платьи, въ шапкѣ стариннаго русскаго покроя, она рѣзко выдѣлялась въ облакахъ табачнаго дыма, среди пудреной и расфранченной на нѣмецко-голландскій манеръ, толпѣ придворныхъ (2). Ея родная сестра Настасья, княгиня-кесарша Ромодановская, одарена была не меньшею угодливостью: по желанію царскому, она постоянно разыгрывала роль древней русской царицы, облекалась въ костюмъ стариннаго покроя, принимала съ достодолжною важностью всѣ смѣшныя почести ей воздаваемыя и проч. Однимъ словомъ, въ ней олицетворилась довольно злая пародія Петра надъ стариною.

И та и другая сестра — частыя посѣтительницы монастырей, вкладчицы многихъ изъ нихъ, жаркія поклонницы разныхъ митрополитовъ, архіереевъ и другихъ духовныхъ сановниковъ, не только безъ негодованія смотрѣли на пьяный соборъ, учрежденный великимъ Петромъ: «соборъ всешутѣйшій и всепьянѣйшій князь-папы» (3), — но присутствовали и мало того, зачастую принимали участье съ государемъ и дворомъ въ ихъ оргіяхъ.

---

(1) *Голиковъ* VI. 285—286.

(2) *Берхгольцъ* I. 55. 166—176, 195—200, 232—233. II. 69—77. *Хапенко* его діаріушъ. Чтенія. Общ. Истор. 1858 г. кн. I. Смѣсь. стр. 20—23.

(3) Члены его кардиналы, равно и глава собора, какъ извѣстно (по Голикову и друг.), носили костюмы русско-стариннаго духовенства, патріарха, архіереевъ и проч. чиновъ.

Всѣ капризныя требованія Петра на пирахъ, слѣпо выполняемыя дворомъ, выполнялись безусловно и Прасковьей: опоитъ царь государь дорогихъ собутыльниковъ и собутыльницъ, уйдетъ соспуть часа на два и велитъ часовымъ никого не выпускать изъ комнаты. Душно, смрадно, пахнетъ водкой, виномъ, отзывается послѣдствіями излишняго угощенія, по угламъ храпятъ пьяные, а Прасковья сидитъ подлѣ императрицы, ждетъ выхода царскаго и, скучая сама, старается однако занять бесѣдой «дорогую невѣстушку». Пришолъ государь, начались танцы; пожелалъ Петръ, чтобъ танцовала царевна Прасковья и старушка посылаетъ хворую, худую и вѣчно страдающую ногой дочку Парашу протанцовать, потѣшить «дяденьку съ тетенькой».

Было бы странно, еслибъ мы стали идеализировать и увѣрять, что всѣ эти пиры и попойки съ ихъ отвратительною обстановкою (съ нынѣшней точки зрѣнія), производили тяжолое впечатлѣніе на Прасковью и будто бы только нужда заставляла ее угождать требованіямъ и капризамъ Петра... Такъ думать, значило бы находить Прасковью выше своего времени, выше своего общества... Напротивъ! Если кто есть полнѣйшее воспроизведеніе своего времени, типъ петровскаго общества со всѣми его особенностями, такъ это именно Прасковья. Если мы и говоримъ о пирахъ, маскарадахъ и ассамблеяхъ сю посѣщаемыхъ, такъ только для того, чтобъ показать, какъ умѣла она примирить въ себѣ вѣрованіе и предразсудки, завѣщанныя стариной, съ воззрѣніями новой, переходной эпохи...

Теперь вспомнимъ, какъ нелицепріятно вѣровала Прасковья въ авторитетъ свояка государя; его слово — законъ, его мнѣніе — свято. Съ какою довѣренностью предоставила она ему распоряжаться судьбой ея дочерей, и онъ распорядился ими такъ, какъ этого требовали его планы и разсчеты; какъ слѣпо вѣровала она въ спасительность его медицинскихъ совѣтовъ и какъ часто посѣщала его любимыя минеральныя воды, въ наивной увѣренности, что вода можетъ спасти ее отъ водки и вина, повергшихъ ее въ преждевременные и тяжкіе недуги!

Такой преданности, такого уваженія къ своей особѣ, такого послушанія, Петръ находилъ въ весьма немногихъ изъ своихъ тетокъ, сестеръ и другихъ женскихъ лицъ царственной семьи. И такъ мудрено ли, что въ признательность онъ былъ внимателенъ, любилъ и уважалъ Прасковью. Петръ зачастую посѣщалъ невѣстку, отдыхалъ у ней съ своею свитою, пировалъ въ ея теремахъ, шутилъ и балагурилъ (¹)...

(¹) Походный журналъ 1715 г. Спб. 1855 г. *Голиковъ* VII. 633, 635, 369, 444—446, 436 и проч.

Вниманіе, даже уваженіе его къ невѣсткѣ было такъ велико, что сама императрица, иногда прибѣгала къ посредству Прасковьи, чтобъ устроить какое нибудь щекотливое дѣло. Такъ напр. въ извѣстномъ, кровавомъ эпизодѣ фрейлины Гамильтонъ — императрица и министры не успѣвъ въ своихъ просьбахъ о помилованіи несчастной дѣвушки, «разсудили, такъ пишетъ Татищевъ, склонить къ просьбѣ царицу Прасковью Ѳедоровну, вѣдая, что государь ея совѣты почиталъ и ея просьбы не презиралъ». Извѣстно какой отвѣтъ вызвали у Петра «пространное разсужденіе Прасковьи и милости къ винымъ выхваленіе». Онъ предоставилъ судьбу фрейлины всей строгости законовъ, иначе сказать, обрекъ ее на смерть. Увидавъ не успѣхъ своего ходатайства, старушка не потерялась и, «шуточнымъ прикладомъ рѣчь Петра пресѣкла» (¹)...

Такимъ образомъ и тутъ, при ходатайствѣ въ дѣлахъ щекотливыхъ, — царица дѣйствовала осторожно, чтобъ не разсердять державнаго свояка. И своякъ умѣлъ это цѣнить: два-три факта — достаточно знакомятъ съ его отношеніями къ Прасковьѣ. Такъ напр. при отводѣ (въ 1716 г.) въ новой столицѣ мѣстъ подъ дома своимъ приближоннымъ, государь предоставилъ невѣсткѣ самой выбрать мѣсто; за тѣмъ подарилъ ей мызу въ Петергофѣ, оказалъ ей содѣйствіе (въ 1720 г.) при постройкѣ дворца на Васильевскомъ острову, подарилъ Петровскій островъ и проч. (²)

По вѣдомости, напечатанной у Голикова, окладъ содержанія на дворъ ц. Прасковьи и ея дочерей былъ весьма незначительный, но однако не меньше другихъ членовъ царской фамиліи. По Голикову на дворцовые расходы Прасковьи въ 1699 году, отпускалось 4,378 р. $24^1/_4$ коп., между тѣмъ какъ на содержаніе наслѣдника престола шло

(¹) *Татищевъ:* Судебникъ Ивана III изд. 1786 съ примѣчаніями. Стр. 87—88.

(²) *Рубанъ* стр. 61 Домъ Прасковьи на Васильевскомъ острову — отошолъ въ 1725 г. подъ Академію Наукъ. *Голиковъ.* XIII стр. 397. VI стр. 371. 635 и проч. Дома нѣкоторыхъ изъ придворныхъ царицы — были на большой Морской улицѣ, такъ напр. конюшаго Ив. Кормакова и друг. Каб. дѣл. II пол. т. XLVII л. 23—89. Петровскій же островъ не съ разу поступилъ во владѣнье Прасковьи, это видно изъ слѣдующаго письма: «Государыня моя невѣстушка царица Прасковья Ѳедоровна и проч., пишетъ Екатерина, прежде сего писала я къ в. в-ву, чтобъ вы изволили взять себѣ Крестовскій островъ; но понеже я тогда не вѣдала, что оный островъ, еще когда здравствовала ея в-ство блаженныя памяти герцогиня (не принцесса ли Шарлотта?), изволили уступить вмѣсто Петровскаго острова свѣтлѣйшему князю А. Д. Меншикову, на которомъ у него уже многое строеніе заведено. Того для, прошу ваше в-ство, чтобъ вмѣсто онаго Крестовскаго острова, изволили взять себѣ Петровскій островъ», и проч. *Каб. Дѣл.* I пол. LXIV т. 719 л.

только 3,932 руб. Всѣмъ тремъ дочерямъ царицы на дворцовые ихъ расходы шло 2,978 руб. (1)

Въ послѣдующіе годы окладъ и матери и дочкамъ значительно увеличенъ; изъ имѣющагося у насъ «Вѣдѣнія» видно, что всѣмъ имъ денегъ отпускалось 18,000 руб., на починку каретъ 40 р., дровъ 410 саж. Лошадей чрезъ два года вмѣсто упалыхъ стоялыхъ по 12, подъемныхъ — по 28, итого 40 лош. Затѣмъ сѣно, овесъ, солома — въ соразмѣрномъ количествѣ. Винъ краснаго и бѣлаго въ годъ по 14 бочекъ. Все это иногда замѣнялось, по требованію царицы, выдачею денегъ, — по соотвѣтствующимъ цѣнамъ (2). На служителей шла особенная денежная и хлѣбная дача: денегъ 1760 р. да въ соразмѣрномъ количествѣ овесъ и рожь.

Кромѣ окладовъ царскихъ Прасковья получала изрядные доходы съ своихъ вотчинъ. А ихъ было не мало: такъ напр. въ 1721 году въ разныхъ волостяхъ въ Новгородскомъ, Псковскомъ и Копорскомъ уѣздахъ, также въ Старопольской сотнѣ состояло въ ея владѣніи 2,477 посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ (3). Нѣтъ сомнѣнія, что эта цыфра еще не выражаетъ полнаго числа владѣній царицы, владѣла она дворами и душами и въ другихъ уѣздахъ, но только намъ не попадались о нихъ «вѣдѣнія» въ массѣ просмотрѣнныхъ бумагъ. Нельзя между-тѣмъ не замѣтить, что достатокъ старушки иногда увеличивался довольно оригинальными способами; Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, ея нѣжный братецъ (4), и нашъ добрый знакомый, въ 1705 году помѣнялся пустыми помѣстными землями съ жильцомъ Климонтовымъ и вымѣнялъ у него въ Кромскомъ уѣздѣ пустошь Курбакину (5). При отказѣ однако пустоши за Салтыковымъ оказалось, что земля была не пустая, на ней явилось нѣсколько жилыхъ крестьянскихъ дворовъ. Это обстоятельство не согласовалось съ мѣновыми книгами, въ которыхъ было писано, что мѣна происходила пусто на пусто; однако же откащикъ записалъ за Салтыковымъ пустошь Курбакину деревней, а чьи крестьяне и кто ихъ

---

(1) Т. XIII стр. 707—708.

(2) Для любопытныхъ приводимъ тогдашнюю таксу: сажень дровъ обходился, по «Вѣдѣнію», 2 р. 20 алт.; мѣрная копна сѣна 4 р. 16 алт. 4 д.; возъ соломы 2 р. 2 алт. Стоялая лошадь цѣнилась въ 15 р., подъемная 7 р. 16 алт. 4 д. *Каб. дѣла.* II пол. т. XCII л. 430.

(3) Каб. II пол. XCII стр. 431—432.

(4) По свидѣтельству Берхгольца, графъ Салтыковъ не служилъ въ государственной службѣ, но состоялъ въ числѣ кавалеровъ сестры и имѣлъ польскій орденъ. I стр. 195.

(5) Подробности этого интереснаго процесса изложены *Побѣдоносцевымъ* въ Архивѣ историч. и практич. свѣдѣній относ. до Россіи, 1859, кн. IV, смѣсь, стр. 10—15.

на той землѣ поселилъ, того въ отказныхъ книгахъ не означилъ. Съ тѣхъ поръ крестьянами сталъ владѣть Салтыковъ.

Между-тѣмъ сыскался законный владѣлецъ. Салтыковскіе крестьяне — оказались бѣглыми холопями стольника Засѣцкаго. Лѣтъ десять тому назадъ ихъ «завѣдомо бѣглыхъ», принялъ Салтыковъ и поселилъ на новой землѣ своей; а Засѣцкій въ тоже время долженъ былъ за нихъ вносить въ казну подати, по переписнымъ книгамъ.

Въ то время помѣстья и вотчины богатыхъ и знатныхъ людей, зачастую наполнялись бѣглыми крестьянами на счетъ бѣднѣйшихъ владѣльцевъ. Только въ 1712 году собравъ всѣ надлежащія свѣдѣнія объ укрываніи бѣглыхъ Салтыковымъ, Засѣцкій началъ съ нимъ искъ въ московскомъ приказѣ земскихъ дѣлъ. Избѣгая отвѣтственности Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ поспѣшилъ . . . . . возвратить незаконно захваченныхъ холопей? — нѣтъ, ударить челомъ, ихъ дворами и животами, словомъ всѣмъ помѣстьемъ, сестрицѣ своей, царицѣ Прасковьѣ. Водворивъ такимъ образомъ новую владѣлицу «персону знатную и сильную», бояринъ успокоился за ней, какъ за каменной стѣной. Въ самомъ дѣлѣ, Прасковью не осилили двѣнадцатилѣтнія хожденія по судамъ Засѣцкаго. Всѣ его челобитныя жалобы, протесты, волокиты по приказамъ разныхъ вѣдомствъ не привели ни къ чему. Салтыковъ положительно уклонился отъ отвѣтовъ судьямъ; тѣже съ своей стороны вели себя крайне осторожно, страшась озлобить именитаго человѣка. Благодаря ихъ угодливости, просьбы злополучнаго истца повторялись и въ 1725 году, т. е. два года спустя послѣ смерти помѣщицы-царицы, и только смолкли совершенно въ 1730 годахъ, когда на престолъ взошла родная племянница Салтыкова — Анна Ивановна; тогда уже о правомъ рѣшеніи дѣла нечего было и думать.

Старушка Прасковья пеклась, на сколько позволяли ей досугъ и здоровье, о своихъ животахъ и дворахъ, и эти заботы для нея были тѣмъ легче, что она могла постоянно обращаться за покровительствомъ, либо къ дорогой невѣстушкѣ-государынѣ, либо къ разнымъ милостивцамъ второй руки.

Вотъ напр. съ какими грамотками относилась она къ кабинетъ-секретарю Макарову, человѣку мочному при дворѣ Петра:

«11 февраля 1714 г. С. Измайлово. Алексѣю Васильевичу здравія твоего желаю! Прошу у тебя, пожалуй, покажи всякую милость надъ Нефедомъ Кармилицынымъ. А мнѣ есть причина объ немъ просить, что мать его была въ кармилицахъ у государя моего, царя Ивана Алексѣевича. И чтобы ему не быть задержану о вышеписан-

номъ съ прощеніемъ прошу. За симъ остаюся, царица Прасковья, кланяюсь».

«Алексѣй Васильевичъ, здравствуй на множество лѣтъ! Пожалуй, пиши къ намъ о своемъ здоровьѣ, а я жива до воли Божіей и съ дѣтьми. Пожалуй, по твоей ко мнѣ любви, покажи милость о моихъ дѣлахъ, въ которыхъ станетъ доносить человѣкъ мой. И поговори Якову Никитичу, (Шаховскому?) чтобъ изъ моихъ деревень, изъ Осѣчинскихъ волостей (1), также изъ другихъ вывелъ (бы) драгунъ и солдатъ, и лошадей. А ежели онъ въ семъ дѣлѣ милости не покажетъ, и ты, пожалуй, донеси и побей челомъ государынѣ, моей невѣстушкѣ, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ за меня съ прилежаніемъ: чтобъ она въ моихъ дѣлахъ милость показала, также въ мызахъ и мѣстахъ, которыя раздавалъ Шаховской. А я во всемъ на тебя надежна. И мнѣ тѣ мѣста противъ иныхъ не всѣ даны. Пожалуй, Алексѣй Васильевичъ, особо донеси о мызахъ и о мѣстахъ невѣстушкѣ, и побей челомъ; а я на твое жалованье надежна *и буду твоей милости платить*. При семъ писавши, кланяюся царица Прасковья, о вышеписанномъ съ прошеніемъ прошу» (2).

Для Макарова едва ли и нужны были обѣщанія *подарковъ*; для него уже было достаточно знать благосклонность и пріязнь къ Прасковьѣ государя и государыни и онъ спѣшилъ сдѣлать «все отъ него зависящее»... Государыня была особенно любезна къ старушкѣ. Секретарь Екатерины въ отвѣтныхъ рескриптахъ къ Прасковьѣ старательно выводилъ отъ имени государыни самыя родственныя фразы: «Государыня моя невѣстушка, царица Прасковья Ѳедоровна, здравствуй на множество лѣтъ! Письма ваши, моей государыни, я получила, и за оныя зѣло благодарствую... Прошу только, дабы впредь почаще изволили ко мнѣ писать о своемъ здравіи, ибо я того усердно желаю и проч.» (3).

Въ благодарность за ласки и вниманье, Прасковья изливалась предъ государыней въ самыхъ нѣжныхъ эпитетахъ, между прочими именовала ее: «добродѣтельною миротворительницею фамиліи царской и т. п.» (4).

---

(1) Въ Новгородскомъ уѣздѣ.

(2) Каб. II. пол. т. XXI л. 1038—1039. Мы не сохранили орфографію подлинниковъ, такъ какъ изъ писемъ, помѣщаемыхъ въ приложеніяхъ, читатель достаточно познакомиться съ правописаніемъ матушки императрицы Анны Ивановны.

(3) Каб. I. пол. т. LXIV л. 727.

(4) На этомъ эпитетѣ Голиковъ строитъ цѣлое разсужденіе о томъ, что сердце ея величества Екатерины Алексѣевны было не токмо не злобное, но самое добродѣтельное. т. VII с. 16.

Какъ бы то ни было однако, но ни услужливость Макарова, ни покровительство государыни не могло водворить въ административномъ и домашнемъ быту Прасковьи какой либо порядокъ... Удаленіе отъ дѣлъ ея казначея Деревнина, затѣмъ октябрское донесеніе Терскаго, уже указали намъ на безурядицу, царившую въ дѣлахъ старушки.

Былъ ли виновенъ Деревнинъ въ похищеніи ея казны — рѣшить трудно, тѣмъ болѣе, что при дѣлахъ сохранилось «извѣстіе», составленное Терскимъ въ защиту Деревнина.

Въ этомъ извѣстіи, ловко составленномъ, выведена слѣдующая смѣта: «въ приходѣ, взято изъ большой казны окладныхъ на 1715 г. 18,320 руб., на 1716 г. 24, 066 руб. 9 алт. 4 ден. На 1717 г. 12.600 руб. На 1718 г. 32,915 руб. Итого въ приходѣ 95,055 руб. 2 алт. 4 ден. И изъ того числа на разныя дачи въ расходѣ 95,055 руб. 2 алт. 2 ден.» (1).

Такимъ образомъ оказывалось, что Деревнинъ былъ чистъ — едва ли не какъ ангелъ: на немъ оставалось долгу всего 2 деньги! На сколько вѣренъ разсчетъ его тестя, повторяемъ, рѣшить трудно, такъ какъ дѣло, по самой сущности, выходило изъ вѣдомства тайной канцеляріи, и въ картонахъ дѣлъ, ею вѣршонныхъ, мы не находимъ данныхъ ни за, ни противъ Деревнина.

За то несомнѣнно, что воровали другіе ея управляющіе; изъ нихъ мы уже называли Аргамакова. На немъ и его сынѣ лежала обязанность собирать доходы съ нижегородскихъ имѣній царицы и вести приходо-расходныя книги. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ихъ управленія, въ книгахъ замѣчено было до 300 подчистокъ: убавлены въ чистовыхъ книгахъ приходы денегъ и хлѣба, также и въ черновыхъ книгахъ многія статьи вычерпены, денегъ и хлѣба убавлено; въ среднемъ числѣ, какъ каялись сами Аргамаковы, они клали въ свой карманъ изъ сотни — по рублю и болѣе (2).

Не смотря на крупныхъ и мелкихъ воришекъ, въ приходѣ все-таки были большія суммы, и если бы старушка умѣла заправлять хозяйствомъ, оно бы шло прекрасно; а между тѣмъ за ея безпечностью, да за недосмотрами возлюбленнаго Юшкова, на домѣ царицы были постоянные недочеты, такъ что зачастую обращалась Прасковья въ кабинетъ его и ея величествъ, еще чаще занимала у частныхъ лицъ... Кредиторы, не получая уплаты, входили съ просьбами объ удовлетвореніи въ тотъ же государевъ кабинетъ (3).

---

(1) Дѣло л. 12—14, 39—40. Вѣдѣніе о приходѣ и расходѣ подано Терскимъ 22 октября 1722 г.

(2) Каб. дѣла II полов. т. LXV л. 478.

(3) Смотр. въ дѣл. Кабин. II пол. т. LVI л. 454, о выплатѣ Спб. купцамъ

1722 годъ нашолъ Прасковью и ея дочерей въ родимомъ селѣ Измайловѣ. Жизнь ихъ текла обычной колеей; русскіе сановники и иноземцы пріѣзжали сюда съ визитами, развлекали хворую старушку, слушали болтовню царевны Катерины, радовали всѣхъ ихъ вѣстями «съ персидскаго похода», о царѣ-государѣ, государынѣ и ихъ войскѣ, о взятіи ими городовъ да крѣпостей, о покореніи цѣлыхъ племенъ. Царскіе курьеры сообщали интересныя подробности о всѣхъ трудностяхъ похода, о большой смертности, о невыносимой жарѣ, о томъ, что императрица, чтобы хоть нѣсколько облегчить себя, должна была остричь свои волосы, и проч. и проч.

Не малое развлеченіе измайловскимъ обитательницамъ должны были доставлять вѣсти изъ Москвы: о торжественныхъ пирахъ, по случаю радостныхъ извѣстій съ театра войны; не менѣе любопытны были подробности о другихъ московскихъ диковинкахъ, какъ напр. о публичныхъ казняхъ—*политическихъ* и другихъ «злодѣевъ государственныхъ». Нѣкоторыя изъ этихъ казней дѣйствительно были довольно курьезны. Такъ напр. въ августѣ 1722 г. въ Москвѣ, на болотѣ казненъ старецъ безумный Левинъ за то, что находилъ въ Петрѣ олицетвореніе Антихриста. Послѣ длиннаго ряда арестовъ лицъ разныхъ сословій по этому дѣлу, послѣ лютыхъ пытокъ, старецъ Левинъ казненъ по приговору правительствующаго сената: отрубленная голова отправлена въ Пензу, мѣсто его родины, на выставку на столбъ, а тѣло сожжено (¹).

10,000 занятыхъ на *пять дней* ц. Прасковьей, письмо Ю. Иелединскаго 1721 г. Августа 3. т. LXI л. 876—877: письмо Ягужинскаго о удовлетвореніи изъ кабинета кн. Настасьи Голицыной, по указу государя, 2000 руб., занятыя у нея ц. Прасковьей, 12 іюня 1722 г. и проч.

(¹) Государь писалъ, чтобы старца казнить въ Пензѣ; А. И. Ушаковъ нашолъ это неудобнымъ, распорядился казнью въ Москвѣ, послѣ чего оправдывался слѣдующимъ наипочтительнѣйшимъ письмомъ. Москва 2 августа 1722 г... «казнь Левина не учинена въ Пензѣ для того, что помянутый плутъ въ винѣ своей прежде принесъ покаяніе, но потомъ паки на прежнію свою злобу обратился. И при сенаторахъ будучи на спицахъ съ великою жесточью тѣ свои злыя слова говорилъ и объявилъ, что онъ прежде покаянье приносилъ для того, чтобы ему освободиться отъ смерти и отпустили бы его въ монастырь. И ежели бы до оное учинили, то имѣлъ онъ намѣреніе, чтобы въ градѣхъ и на путѣхъ прежнія злыя слова (Петръ де-антихристъ) народу разглашать. А потомъ, хотя онъ и принесъ чистое покаянье, написавъ своеручно, однакожъ опасаясь вышепоказаннаго его къ злобѣ обращенія, чтобъ онъ въ пути какимъ-нибудь образомъ тѣхъ злыхъ словъ народу не разсѣевалъ»... Ушаковъ распорядился его казнью въ Москвѣ, да и тутъ еще, изъ того же опасенья, велѣлъ предварительно, какъ самъ пишетъ, вырѣзать Левину на генеральномъ дворѣ языкъ. Вмѣстѣ съ Левинымъ, по его дѣлу, казнено 6 человѣкъ духовныхъ лицъ. Головы ихъ выставлены были на колахъ. Каб. II пол. т. LXI л. 544—545.

Изъ всѣхъ вѣстниковъ — какъ мѣстныхъ такъ и «изъ походу», для измайловской старушки, безъ сомнѣнія, наиприятнѣйшими были тѣ, которые привозили грамотки отъ царя-батюшки, либо отъ государыни-невѣстушки. Послѣдняя нѣсколько разъ втеченіе похода 1722 г. приказывала писать отъ своего имени къ царицѣ, и чтобъ потѣшить послѣднюю секретарь писалъ о событьяхъ въ шутливой формѣ.

«Государыня моя невѣстушка, царица Прасковья Ѳедоровна, здравствуй на множество лѣтъ! Объявляю вамъ, пишетъ секретарь въ одномъ изъ посланій отъ лица Екатерины, что мы отъ Астрахани шли моремъ до Терека и отъ Терека до Астрахани. А тамъ, выбрався на землю дожидались долго кавалеріи. И потомъ дошли во владѣнье салтана Мамута темышскаго; оный ни чѣмъ къ намъ не отозвался; того ради, августа 19 числа, поутру, послали къ нему съ письмомъ трехъ человѣкъ донскихъ казаковъ. И того жъ дня, въ три часа пополудни, сей господинъ нечаянно нашихъ атаковалъ, которому гости зѣло были рады и, принявъ, проводили его наши до его жилища, отдавая контра-визитъ, и, побывъ тамъ, сдѣлали изо всего его владѣнія фейерверкъ для утѣхи имъ. — Какъ взятые ихъ, такъ и другіе владѣльцы сказываютъ, что ихъ было съ 10.000 человѣкъ, и едва не половина пѣхоты, изъ которой около 600 человѣкъ отъ нашихъ побито, да взято въ полонъ 30 чел. Съ нашей стороны убито 5 драгунъ, да 7 казаковъ. Сего города наинъ (намѣстникъ) встрѣтилъ насъ и ключъ серебряный его величеству поднесъ у воротъ; правда, что люди съ немнемѣрною любовью (насъ) приняли и такъ ради, какъ бы своихъ изъ осады выручили. Сей городъ, Дербень, по всему видно, что старинный и великое каменное зданіе имѣетъ, о которомъ заподлинно повѣствуютъ, что строилъ его Александръ Великій. Маршъ сей, хотя недалекъ, только зѣло труденъ отъ безкормицы лошадямъ и великихъ жаровъ.» (¹)

Подобныя грамотки дороги были Прасковьѣ, онѣ напоминали ей о милости и расположеніи къ ней ея «благодѣтеля и благодѣтельницы.» Онѣ веселили, успокоивали ее... Спокойствіе и веселье было возмущено неудачной прогулкой старушки въ подвалы тайной канцеляріи...

Возвратясь къ этому кровавому эпизоду, мы, — послѣ столь длиннаго отступленія, перейдемъ къ послѣдующимъ событіямъ. Въ ожиданіи царскаго пріѣзда, намъ остается узнать: что сдѣлано было «инквизиторами» — по дѣлу Деревнина, что говорили и какъ вели себя аристократы послѣ *сожженія* стряпчаго, на сколько интересо-

(¹) Письма Екатерины I, 1722 г. авг. 30, Дербентъ.

вались они этимъ эпизодомъ, чѣмъ и какъ развлекались, о чемъ вели бесѣду, наконецъ, что подѣлывали измайловскія обитательницы послѣ ночи 2 октября; измѣнили ли онѣ въ чемъ-нибудь свою жизнь, на сколько безпокоилась старушка поводу своей вспышки? и проч.

На другой же день послѣ освобожденія Деревнина изъ рукъ доморощенныхъ палачей царицы Прасковьи, П. И. Ягужинскій весело проводилъ время у тайнаго совѣтника Бассевича. Здѣсь собралась большая компанія русскихъ и голштинцевъ съ своимъ герцогомъ, послушать музыку; но не она была на первомъ планѣ у веселыхъ собесѣдниковъ: бокалы не выходили изъ рукъ собесѣдниковъ, пили за обѣдомъ, пили во время концерта, пили во весь вечеръ, пили — стоя, сидя, наконецъ на колѣнкахъ. Генералъ-прокуроръ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ *питуховъ* въ водкопитіи: онъ провозглашалъ тостъ за тостомъ и когда поднятъ былъ бокалъ за здоровье сильно подгулявшаго герцога, нѣкоторые изъ его совѣтниковъ — въ избыткѣ преданности, поползли къ нему на колѣнкахъ и съ умиленіемъ лобызали ручку его герцогскаго высочества.

Вельможи вообще продолжали неустанно съѣзжаться на пиры и попойки: каждая вѣсть съ театра войны, мало-мальски пріятная, служила поводомъ къ немедленному сбору на водкопитіе, т. е. оффиціальный, торжественный обѣдъ. За отсутствіемъ государя — обѣдами этими большею частью щеголяли А. Д. Меншиковъ, П. И. Ягужинскій, герцогъ голштинскій, его тайный совѣтникъ Бассевичъ и друг. Съ этихъ пирушекъ, благодаря его высочеству и другимъ питухамъ, которые пили съ замѣчательною энергіею и всячески старались напоить другъ-друга *до нельзя*, многіе сановники, по свидѣтельству одного изъ участниковъ пировъ, рѣдко что довозили до дому изъ того, что съѣдали... Вино занимало сановниковъ, танцы — развлекали дамъ, которыя прыгали тутъ же въ душныхъ и смрадныхъ палатахъ, на мѣстѣ вынесенныхъ столовъ... Особенно нескончаемы были танцы, когда являлся среди танцующихъ подгулявшій генералъ-прокуроръ. Онъ требовалъ, чтобъ танцовали больше и больше, подгонялъ танцовать кавалеровъ, кружился самъ, требовалъ, чтобъ не отпускали дамъ — и балъ тянулся до тѣхъ поръ, пока всѣ не отбивались отъ ногъ. Ягужинскому никто не смѣлъ отказать; и ужь чего онъ хочетъ, замѣчаетъ Берхгольцъ, «то непремѣнно надо исполнить.» Петра не было, меньше въ ходу были штрафные кубки, — было свободнѣе — и веселились на распашку: не только Ягужинскій, свѣтлѣйшій Меншиковъ, канцлеръ Головкинъ и другіе министры, но даже самъ Скорняковъ-Писаревъ, жолчный, злой — членъ страшнаго судилища и тотъ, отуманенный и увлеченный «пьянственнымъ весельемъ» — пускался иногда въ плясъ, вечеромъ, старательно вы-

дѣлывалъ па въ минуэтѣ — выхаживалъ въ польскомъ, а утромъ, шолъ въ застѣнокъ и ставилъ допрашиваемыхъ въ хомутъ, тащилъ на виску, либо укладывалъ «персты» въ тиски, голову въ станокъ...

Герцогинѣ Катеринѣ Ивановнѣ не сидѣлось въ Измайловѣ съ больной маменькой-ворчуньей; ей скучно было слушать ея воркотню, скучно глядѣть на изможденную старуху, перевозимую изъ комнаты въ комнату въ креслѣ на колесахъ, и вотъ она не упускала случая посѣщать пиры и ассамблеи боярскія. Катерину Ивановну не останавливала даже непроѣздная московская мостовая.

Въ концѣ октября 1722 года сдѣлалась оттепель, пошли дожди и чуть не съ первой его капли на улицахъ столицы сдѣлалась такая грязь, что балки деревянныхъ мостовыхъ почти плавали... По этому океану грязи, тѣмъ свободнѣе скоплявшейся на улицахъ, что ее не пускала въ канаву вынутая изъ нихъ земля, — насыпи изъ нее были выше уровня средины улицъ, — по этому океану смѣло плавала въ колымагѣ-коляскѣ царевна Катерина.

Еслибъ мы могли перенестись на то время въ Москву, мы бы увидѣли любимицу царицы Прасковьи и у Меншикова, у Ягужинскаго, у Головкина, у Бассевича, и другихъ вельможъ на свадьбахъ, имянинныхъ пирогахъ, «викторіяльныхъ» пирахъ, танцовальныхъ собраніяхъ и проч. Герцогиня особенно много любезничала съ герцогомъ голштинскимъ и кавалерами его свиты, какъ не было кратковременно ея пребыванье въ Германіи, но этого времени было достаточно, не на столько, чтобъ выучиться говорить, но чтобы полюбить нѣмцевъ... Катерина Ивановна вела себя на ассамблеяхъ совершенно непринужденно, отказывала однимъ, немедленно затѣмъ шла танцовать съ другимъ (¹), болтала со всѣми и убѣдительно просила голштинцевъ навѣщать ее въ Измайловѣ. Въ 9, много въ 10 часовъ вечера, она всегда уже спѣшила туда, къ маменькѣ.

24 ноября 1724 года, день ангела императрицы, также и герцогини Катерины Ивановны, вся знать пировала въ зданіи сената. Между именитыми дамами присутствовала за обѣдомъ сама герцогиня. Временной генералъ-прокуроръ Писаревъ (Ягужинскій уѣзжалъ въ это время, по царскому указу, въ Петербургъ), былъ хозяиномъ пира, и дѣятельно угощалъ рядомъ кушаньевъ, приготовленныхъ въ русскомъ вкусѣ съ лукомъ и чеснокомъ, — для русскихъ прекрасно, для пріѣзжихъ иноземцевъ (шведскаго посланника, его секретаря и другихъ) отвратительно. Пили много, обѣдъ сопровождался обычными явленіями, характеризующими тогдашнее общество:

(¹) Катерина Ивановна больше всего любила польскій; въ минуэтахъ и прочихъ танцахъ она была вообще неискусна.

такъ напр. одинъ весьма сановитый гость, преспокойно перелѣзъ, въ сапогахъ черезъ столъ, причемъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на то, что при этомъ наступилъ прямо въ средину какого-то блюда...

Съ сенатскаго обѣда отправимтесь въ Измайлово. Здѣсь мы найдемъ обычныхъ его посѣтителей—Головкиныхъ и Ромодановскихъ (обѣ родственныя между собой фамиліи, были какъ извѣстно въ родствѣ съ домомъ Салтыковыхъ); Катерина Ивановна также уже здѣсь; она съ нетерпѣніемъ ждетъ герцога голштинскаго, которому обѣщала даже, если онъ ее посѣтитъ, сдѣлать подарокъ.

Герцогъ исполнилъ свое обѣщаніе и радостная Катерина немедленно приказала фрейлинѣ принести изъ спальни прекрасно-сдѣланныя четки, подарокъ дорогому гостю.

Мы уже были въ измайловскихъ комнаткахъ (¹); всѣ онѣ убраны плохо, расположены неудобно, почти всѣ спальни проходныя. Прасковья-старушка больная, лежала въ кровати, тѣмъ не менѣе она приняла гостей. Гости пили и говорили въ ея маленькой спальнѣ, пили и въ спальнѣ герцогини, наконецъ по ея приглашенію, усѣлись ужинать за длинный узкій столъ. Ужинъ былъ приготовленъ наскоро; кавалерамъ герцога ничего не досталось; за то послѣ стола, по желанію Катерины Ивановны, всѣ они должны были танцовать и волею неволею прыгать съ нею; импровизированная вечеринка затуманилась было горячимъ споромъ герцогини съ Бассевичемъ за герцога мекленбургскаго и его дѣло; вѣроятно Бассевичъ обвинялъ его за сумазбродство, а преданная супруга горячо за него заступалась, но послѣ ужина миръ возстановился и гости частью съ пустыми желудками прыгали до 11 часовъ вечера. Пили впрочемъ немало, что видно ужь изъ того, что на другой день у дорогого гостя (герцога голштинскаго) сильно болѣла голова.

Дня три спустя Катерина Ивановна имѣла вновь удовольствіе видѣться съ герцогомъ на званномъ обѣдѣ у своего дядюшки Василія Ѳедоровича Салтыкова. Обѣдъ былъ въ одномъ изъ его домовъ, подлѣ нѣмецкой слободы. Въ деревянномъ, ветхомъ, весьма плохомъ палаццо Василія Ѳедоровича, собралось большое общество, бо́льшею частью либо родственниковъ, либо близкихъ почему бы то ни было къ царицѣ: Ромодановскіе, Головкины, Татищевы, Матвѣевы, молодой Салтыковъ и другіе. Сама старушка по нездоровью быть не могла, да и младшая царевна Прасковья не могла высидѣть за столомъ: у нея разболѣлась нога. Несмотря на постъ, подавались для мущинъ скоромныя блюда; обстоятельство интересное,

(¹) См. главу VI.

если вспомнить, что обѣдъ былъ у родного брата набожной до ханжества Прасковьи.

Въ день рожденія четырехлѣтней малютки Анны, дочери герцогини мекленбургской (7 декабря), тоже общество соединилось въ Измайловѣ. Ветхій, громадный домъ царицы представлялъ какъ бы лазаретъ хворыхъ женщинъ; въ одной спальнѣ сидѣла на постели больная ногой царевна Прасковья, въ другой лежала царица. Впрочемъ, герцогиня была весела и въ 12 часовъ усадила всѣхъ именитыхъ гостей обѣдать. Она хлопотливо всѣхъ угощала, но все приготовлено было плохо, крайне неапетитно, вина скверныя... Всѣ эти мелочныя замѣтки одного изъ гостей (Берхгольца) интересны въ томъ отношеніи, что они показываютъ какъ плохо шло съ болѣзнью Прасковьи ея хозяйство, какъ сальнѣе и грязнѣе дѣлалась съ каждымъ годомъ ея обстановка...

За обѣдомъ неминуемо послѣдовали танцы, герцогиня у себя дома прыгала и вертѣлась гораздо охотнѣе, нежели на ассамблеяхъ; ради дня рожденія ея дочери, танцовали до того, что въ комнатахъ стало такъ жарко, какъ въ банѣ; перешли въ спальню царевны Прасковьи. И здѣсь вертѣлись большую часть вечера, чтобъ повеселить себя, да притомъ разсѣять больную. Катерина была въ восторгѣ отъ герцога, который неустанно танцовалъ съ ней и придворными дамами ея матушки. Четырехлѣтняя Анна Карловна (Леопольдовна) также принимала участье въ танцахъ; малютка такъ растанцовалась, что герцогиня на другой день посылала просить къ себѣ герцогскаго камеръ-юнкера пріѣхать къ ней еще потанцовать...

Старушка Прасковья препятствовала забавляться ненаглядной Катюшкѣ, и Катюшка являлась то развязной, бойкой дамой на вечерахъ, то наѣздницей на затѣваемыхъ ею катаньяхъ съ своими дамами; она смѣло и съ большимъ искусствомъ правила лошадьми...

Затѣмъ ни изъ чего не видно, чтобъ страшная сцена пытки Деревнина, видѣнная ею въ подвалѣ тайной канцеляріи, оставила бы тяжолое впечатлѣніе на Катерину. Легкомысленная, вѣтренная женщина, она, какъ кажется, смотрѣла на это событіе, какъ на нѣчто обыденное, на простую расправу барыни, ея маменьки, съ провинившимся слугой; можетъ быть подобныя сцены видимы были ею и не разъ... Наше предположеніе утверждается еще болѣе тѣмъ, что дня четыре спустя, эта добрая и милостивая женщина, такъ называетъ Берхгольцъ Катерину, посѣтила съ сестрой бывшаго своего наставника Остермана старшаго, и здѣсь, будучи особенно весела, добра и милостива, соизволила изъ своихъ ручекъ такъ напоить (умышленно) стараго своего знакомаго графа Бонде, что тотъ не помнилъ, какъ воротился домой.

Изъ всѣхъ невинныхъ забавъ безцѣнной «Катюшки», самая оригинальная, самая характеристическая была страсть ея къ театру. Нѣтъ сомнѣнія, что эту страсть царевна вывезла изъ Германіи и по своему, какъ умѣла старалась пересадить видѣнное и слышанное въ измайловскія свѣтелки. Актрисы набирались изъ придворныхъ дамъ и фрейлинъ, актеры изъ крѣпостныхъ, доморощенныхъ артистовъ, парики брали у голштинцевъ, костюмы строились домашними средствами. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ что за пьесы разыгрывались на измайловской импровизированной сценѣ; за то, благодаря дневнику наблюдательнаго нѣмца-современника, мы живо можемъ представить всю обстановку, среди которой давались эти своеобразные спектакли.

Отправимтесь на одинъ изъ нихъ. Втеченіи нѣсколькихъ дней до спектакля, герцогиня въ страшныхъ хлопотахъ... Она присутствуетъ на репетиціяхъ, устраиваетъ сцену, прилаживаетъ занавѣсъ, пригоняетъ костюмы актрисамъ, распекаетъ и наказываетъ актеровъ, набранныхъ изъ многочисленнѣйшей ватаги праздныхъ, развратныхъ, вороватыхъ челядинцевъ царицы. Въ самый день спектакля хлопотъ еще больше: Катюшка суетится въ комнатѣ отведенной подъ театръ, а въ спальнѣ, сидитъ въ креслѣ отбившаяся отъ ногъ больная маменька и коратаетъ время въ душеспасительной бесѣдѣ съ архіепископомъ новгородскимъ, епископомъ троицкимъ и другими членами святѣйшаго сунода. Петровскимъ царствованіемъ эти духовные іерархи уже пріучены смотрѣть на театральное позорище самымъ снисходительнымъ образомъ; сама Прасковья не раздѣляетъ уже взгляда своихъ предковъ на эту забаву и не мѣшаетъ тѣшиться милой Катюшкѣ.

Все готово, зрители собрались, пріѣхали между прочимъ два кавалера изъ свиты герцога голштинскаго. Младшая царевна извѣстила маменьку, что представленіе начинается. Толпа горничныхъ и слугъ покатила старушку на креслѣ съ колесами. Въ 5 часовъ поднялся занавѣсъ; устройство сцены поправилось нѣмцамъ, но костюмы актеровъ, по ихъ замѣчанію, не отличались изяществомъ. Не зная русскаго языка, нѣмцы не поняли содержанія разыгрывавшихся фарсовъ, и тѣмъ лишили насъ возможности полнѣе познакомиться съ измайловскимъ театромъ. Впрочемъ, Берхгольцъ заключилъ по догадкѣ, что играли совершенные пустяки, причемъ и поплатился за спектакль табакеркой: кто-то не изъ артистовъ, а изъ зрителей, въ своемъ родѣ артистъ, весьма искусно вытащилъ ее изъ кармана зазѣвавшагося нѣмца. Немудрено послѣ этого, что Берхгольцъ вынесъ о театрѣ самое невыгодное впечатлѣніе (¹).

(¹) Вообще говоря, театръ на Руси въ царствованіе Петра, находился въ са-

Артисты измайловской труппы вообще кажется оказывали болѣе способностей къ разнымъ «художествамъ», къ которымъ прибѣгали для добыванія денегъ на свою нищенствующую братію, нежели къ театру. Накапунѣ второго спектакля главный актеръ, съ другимъ артистомъ, талантъ второстепенный, стали разносить по городу афишки и тѣмъ собирать для себя милостыню. Огорченная герцогиня велѣла дать каждому изъ нихъ около 200 батоговъ; затѣмъ второстепенный актеръ былъ прогнанъ со сцены, а другой на другой же день явился на сценѣ предъ именитой публикой, въ роли короля; роль супруги батигированнаго короля играла дочь маршала царицы Прасковьи.

«Превеселая эта женщина, герцогиня мекленбургская, восклицаетъ по этому поводу Берхгольцъ, у нея никакъ не обойдется дѣло безъ множества презабавныхъ приключеній!» Катерина Ивановна сама разсказала о штрафованіи своего перваго артиста герцогу голштинскому, посѣтившему спектакль. На этотъ разъ нѣкоторые изъ его свиты поплатились шолковыми носовыми платками; ихъ вытащили, съ *искусствомъ*, дѣлавшимъ честь измайловскимъ «художникамъ.»

Въ то время, когда шумно и весело проводили сановники досужее время въ пирахъ и сходкахъ, когда коротала время въ разнообразныхъ развлеченіяхъ царевна Катерина, а охала и стонала отъ недуга ея маменька, — въ какомъ же положеніи находилось забытое нами дѣло Василія Деревнина?

Въ ожиданіи царскаго пріѣзда, оно нисколько не подвинулось впередъ. Арестанта держали въ тюрьмѣ, и худо или хорошо, но какъ важнаго секретнаго преступника, лечили казенными средствами. Между тѣмъ, 8 октября, Скорняковъ-Писаревъ и Бутурлинъ, составили обо всемъ случившемся обстоятельный докладъ и

момъ младенческомъ состояніи. Непонятно, какъ великій монархъ упустилъ изъ виду столь важное средство къ народному просвѣщенію. Къ числу немногихъ извѣстныхъ документовъ, относящихся до исторіи русскаго театра при Петрѣ, укажемъ на челобитную: «всеподданнѣйшаго раба Іоганна Карла Эренберга», изъ Гамбурга, 11 іюля 1721 года. Въ этомъ документѣ челобитчикъ говоритъ, что государь въ прошломъ (1720 году) повелѣлъ привесть въ Россію компанію комедіянтовъ и мастеровъ, которые по «веревкѣ танцуютъ». Эренбергъ повелѣніе исполнилъ, но не нашолъ средствъ для отправленія этихъ людей и ихъ багажа въ Россію, почему и проситъ государя, буде онъ прежнее намѣреніе не измѣнилъ, указалъ бы выдать чрезъ гамбурскаго своего резидента Бетгера ему, Эренбергу, 2,000 талеровъ. «Съ этими деньгами, заключаетъ челобитчикъ, я съ помянутою при мнѣ компаніей и съ тѣми, которыхъ я уже во Гданскъ отправилъ, съ Божіею помощью къ Покрову дню, могъ бы пригнать въ Россію.» Каб. II. пол. т. LIV, л. 1272.

отправили его въ Астрахань, на имя П. А. Толстаго, главы тайной канцеляріи; при докладѣ приложена была копія съ цыфирнаго письма царицы къ Юшкову. Инквизиторы испрашивали разрѣшенія: «слѣдовать ли о пріѣздѣ царицы, о боѣ и о жженіи Деревнина ея служителями? Также брать ли подъ караулъ Юшкова? подвергать ли его и служителей царицы пыткѣ? а безъ указу того чинить не смѣемъ.» (¹)

Въ тотъ же день тайная канцелярія, по доношенію Терскаго на Ершова и Тихменева, въ дѣлѣ о учиненіи царицѣ великаго оклада изъ-за немалой взятки, отнеслась въ правительствующій сенатъ доношеніемъ съ запросомъ, гдѣ о томъ дѣлѣ слѣдовать? А между тѣмъ отъ оберъ-полиціймейстера вытребованы были въ тайную всѣ документы, относящіеся къ первымъ слѣдствіямъ по дѣлу Деревнина (²) и на повторительную просьбу Терскаго о распечатаніи его пожитковъ послѣдовало разрѣшеніе.

Но провинціалъ-фискалъ уже не довольствовался этой уступкой; онъ жаждалъ мщенія, и 22-го октября выступилъ съ рѣзкимъ протестомъ противъ самоуправства главы московской полиціи и ея подвижниковъ. Въ длинномъ доношеніи онъ передалъ членамъ тайной всѣ подробности нашествія полицейскаго партизана Пазухина на домы его и Юрьева; подробности эти изложены нами въ своемъ мѣстѣ. Изъ дѣла не видно, чтобы протестъ Терскаго навлекъ грозу начальства на оберъ-полиціймейстера; его дѣянья какъ явленія, не выходившія изъ обыденной колеи, не вызвали даже ни одного замѣчанія; зато Терскій выигралъ хоть тѣмъ, что въ тотъ же день, по подачѣ доношенія, остальные его люди были освобождены; самъ онъ былъ освобожденъ еще 8 октября, разумѣется на поруки, съ строжайшимъ наказомъ явиться въ судилище по первому востребованію; дворы и пожитки его и Юрьева распечатаны и отданы имъ до указу съ роспискою, впрочемъ не раньше, какъ 5 ноября; при сдачѣ домовъ и пожитковъ сдѣлана была опись всего разбитаго и разломаннаго во время набѣга партизана Пазухина. Послѣднимъ дѣйствіемъ членовъ тайной канцеляріи, по дѣлу Деревнина и Терскаго, въ ожиданіи царскаго

(¹) В. Д. Р. Д. Т. К. карт. XV, л. 23—32. 12 октября отправлены были два курьера съ этими нужнѣйшими о тайныхъ государевыхъ дѣлахъ бумагами. «Тутъ же приложено было письмо Писарева къ А. И. Волынскому, чтобы онъ отнюдь не задержалъ посланныхъ въ Астрахани, а препроводилъ бы ихъ туда, гдѣ обрѣтается государь. Прогоновъ выдано по 1 деньгѣ на версту, на 2050 верстъ — 37 р. 16 ал. 4 д., да на прокормъ — 15 руб. на человѣка — всего 67 руб. двумъ.

(²) 16 октября 1722 г. л. 1—5, 33—38.

пріѣзда, была отписка о вершеніи дѣла провинціалъ-фискала съ Тихменевымъ, въ надворномъ судѣ.

Отвѣта царскаго на доношеніе о жженіи Деревнина, не послѣдовало, и арестантъ былъ пока забытъ съ своими увѣчьями; Писареву, Бутурлину и другимъ сановникамъ въ самомъ дѣлѣ не до того было въ это время, чтобъ интересоваться человѣкомъ, навлекшимъ на себя гнѣвъ Прасковьи: въ средѣ ихъ самихъ совершился скандалъ первостепенной важности, скандалъ, не перестававшій вызывать ежедневные толки вельможъ и большія опасенія о его послѣдствіяхъ: то была крупная ссора въ сенатѣ, Меншикова съ Шафировымъ. Сторону перваго принялъ великій канцлеръ Головкинъ, и оба врага послали курьеровъ съ жалобами къ царю (¹). Всѣ были увѣрены, что по возвращеніи государя, грянетъ надъ обоими гроза неминучая и страшная. Сановники раздѣлились на два лагеря; громадное большинство пристало разумѣется къ сторонѣ Меншикова, въ силу и значеніе котораго было больше вѣры; отъ Шафировыхъ почти все общество отшатнулось. Шафировыхъ не приглашали въ собранія, даже на офиціяльныхъ обѣдахъ ихъ не было видно... Среди встревоженнаго общества ходили разные толки, между прочимъ говорили о объявленіи, прибитомъ на фонарномъ столбѣ, на Красной площади. Въ фонарѣ положено было 10 мѣшковъ, каждый будто бы со 100 рублями, а объявленіе гласило, что въ Кремлѣ найдено весьма важное письмо, и тому, кто назоветъ его составителя, обѣщана выложенная награда... Къ Шафировымъ ѣздили только иностранные послы, изъ русскихъ же весьма немногіе. Такъ напр. на одномъ изъ званыхъ обѣдовъ у вице-канцлера Шафирова, изъ 18 гостей былъ только одинъ русскій — старикъ, князь Долгоруковъ, сынъ котораго женатъ былъ на Шафировой. Старикъ-хозяинъ спрашивалъ гостей: «правда ли что Меншиковъ меня всячески бранитъ и твердитъ, что по пріѣздѣ императора, меня закуютъ въ желѣза? Не знаю, продолжалъ Шафировъ, кто изъ насъ больше заслужилъ оковы? Хотя Меншиковъ и имперскій князь, а коли вздумаетъ государь, такъ и ему срубитъ голову, не ожидая на то позволенія отъ германской имперіи...»

(¹) Каб. II вол. т. LX л. 592, и проч. Мы не приводимъ этихъ жалобъ, такъ какъ онѣ не имѣютъ отношенія къ настоящей статьѣ. Особенно интересна жалоба Меншикова; читая ее, можно подумать, что онъ чистъ, яко агнецъ, во всемъ же виноватъ Шафировъ. Если вѣрить свѣтлѣйшему, вице-канцлеръ безъ всякаго повода бранилъ оберъ-прокурора Скорнякова-Писарева воромъ, объявлялъ съ великимъ крикомъ, что гр. Головкинъ ему главный непріятель, затѣмъ съ такимъ же крикомъ называлъ его самаго, князя Меншикова, великимъ злодѣемъ: «не хочу-де за твои дѣла головы своей потерять, такъ какъ князь Матвѣй Гагаринъ и князь Григорій Волконскій, ты можешь всѣхъ побить» и проч.

Вообще птенцы Петра Перваго смирные, ручные при немъ, съ яростью клевали другъ друга, лишь только орелъ слеталъ съ своего гнѣзда и оставлялъ ихъ, съ общаго согласія, вѣдать и вершить дѣла имперіи. Общаго согласія не было, да и быть не могло. Въ обществѣ грубомъ, чуждомъ всякаго образованія, всѣ пошлыя страсти, сдерживаемыя единымъ страхомъ, быстро развиваются лишь только падаетъ съ нихъ узда; птенцы Петра Великаго какъ бы щеголяли другъ передъ другомъ завистью, тщеславіемъ, властолюбіемъ и искусствомъ вести безконечныя, самыя каверзныя интриги. Это искусство, какъ извѣстно, завѣщано было петровскими птенцами сенатамъ новыхъ поколѣній, новымъ временщикамъ, новымъ придворнымъ и долго, долго еще страдала Русь отъ этихъ страшныхъ враговъ ея силы и могущества.

Петръ, зная слабости «птенцовъ», предъ отъѣздомъ въ персидскій походъ, приставилъ къ нимъ сторожа: то было его «око» Павелъ Ивановичъ Ягужинскій. Государь пожаловалъ его генералъ-прокуроромъ и представляя его сенаторамъ (въ маѣ 1722 г.), сказалъ: «Вотъ мое око, имъ я буду все видѣть. Онъ знаетъ мои намѣренія и желанія, что онъ заблагоразсудитъ, то вы дѣлайте; а хотя бы вамъ *показалось*, что онъ поступаетъ противно моимъ и государственнымъ выгодамъ, вы однакожъ то исполняйте, и увѣдомивъ меня о томъ, ожидайте моего повелѣнія».

Подчинивъ высшее правительственное мѣсто воли одного человѣка, бывшаго своего деньщика, Петръ, возложилъ на этого деньщика должность крайнѣ трудную. Павлу Ивановичу рѣшительно было не по силамъ смирять птенцовъ великаго монарха. Какъ трудна была для него постоянная борьба съ «страстями вельможъ россійскихъ», видно изъ его исповѣди, посланной къ Петру предъ отъѣздомъ въ Петербургъ 16 октября 1722 года. Въ этомъ интересномъ посланіи Ягужинскій сознается: «что сенатское *заобычное* несогласіе не токмо мною мало могло удержано быть, но наипаче нынѣ ссоры и брани стали быть и во истину не мало остановки тѣмъ бываетъ; и нынѣ нѣкоторыя партикулярныя ссоры и брани не токмо словесно, но и письменно произошли между оберъ-прокуроромъ (Писаревымъ) и барономъ Шафировымъ»... Генералъ-прокуроръ въ особенности опасался, что во время его отлучки: «не безопасно, чтобы тѣ партіи, какъ писалъ онъ, страсти своей не продолжали». Вслѣдствіе чего, онъ нашолъ нужнымъ предъявить письменное предложеніе: «дабы такія партикулярныя ссоры и брани весьма удержаны были, и тѣмъ въ нужныхъ дѣлахъ помѣшательства никакого не чинилось, а которыя ссоры и несогласія нынѣ между ними, чтобъ до возвращенія вашего величества оставлены были, и притомъ въ тѣхъ своихъ

предложеніяхъ изобразилъ, что ежели въ моемъ отсутствіи такія ссоры и явныя брани, отъ кого вновь будутъ происходить, чтобъ съ начинателемъ такъ поступали, какъ указы и регламенты повелѣваютъ. Всемилостивѣйшій государь, заключалъ Ягужинскій, я совѣстью своею и всѣми сенаторами засвидѣтельствую, сколько въ томъ моей вѣрности и старанія ни было, однакоже съ превеликою трудностью *при такихъ страстяхъ*, дѣла въ порядкѣ содержать было можно»... (¹)

Въ такомъ состояніи находилась высшая московская аристократія, когда стали ходить слухи о скоромъ пріѣздѣ грознаго царя-батюшки. Еще въ октябрѣ прибыли изъ Астрахани пѣвчіе императрицы; увѣряли по этому случаю, что императрица сама скоро будетъ, но что императоръ сперва поѣдетъ въ Казань; этимъ извѣстіямъ еще мало вѣрили. Вслѣдъ за тѣмъ пошла молва, что такъ какъ въ Персіи почти все уже приведено въ исполненіе, то государь не замедлитъ пріѣздомъ, канцелярія молъ его ѣдетъ уже назадъ, а въ Преображенскомъ дѣлаются большіе запасы дровъ и съѣстныхъ припасовъ. Письма придворныхъ изъ Астрахани подтверждали эти слухи, но только въ началѣ декабря стали являться въ Москву нѣкоторые изъ спутниковъ и спутницъ государя. Вслѣдъ за ними (11 декабря) прискакали курьеры съ извѣстіемъ, что императоръ, если только не остановится въ Воронежѣ, завтра же будетъ въ Москвѣ, потому что ѣдетъ весьма скоро...

Многіе, чувствовавшіе какіе либо за собой грѣшки, съ безпокойствомъ ждали Петра. Оберъ-полиціймейстеръ Грековъ съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ старался заявить свою дѣятельность, между прочимъ для вящшаго порядка онъ запретилъ разнощикамъ кричать и ходить по улицамъ.

Надсмотрщики за дворцовыми постройками просто потеряли голову отъ страху, потому что пропустили лучшее время лѣта и не сдѣлали рѣшительно ничего, воображая, что императоръ еще не такъ скоро воротится.

Поздно вечеромъ 11-го декабря пришло извѣстіе, что государь всего въ 15 верстахъ отъ Москвы. У Меншикова отъ страху открылось сильное кровотеченіе горломъ; можно себѣ представить какъ трепетали остальные государственные люди всероссійской имперіи.

Какъ приняли извѣстіе о царскомъ пріѣздѣ измайловскія обитательницы?

Поздно вечеромъ, 11 декабря, прискакалъ въ Измайлово камеръ-юнкеръ Берхгольцъ. Онъ былъ первый вѣстникъ о пріѣздѣ импе-

(¹) Каб. I пол. Т. LVIII. л. 131—132

ратора; эта вѣсть была неожиданна; герцогиня увѣрена была, что государь пріѣдетъ не раньше, какъ дня черезъ три. Какъ приняла эту новость старушка Прасковья, неизвѣстно; надо думать, что безъ боязни, такъ какъ она увѣрена была въ любви и уваженіи къ ней Петра и дорогой невѣстушки; что же касается до Катерины Ивановны, то она такъ обрадовалась, что запросто повела вѣстника къ матери, къ сестрѣ, наконецъ къ фрейлинамъ, не смотря на то, что всѣ онѣ были раздѣты и лежали уже въ постеляхъ. Шутливая и разбитная хозяйка, вѣроятно имѣя въ виду доставить камеръ-юнкеру нѣсколько пріятныхъ минутъ, подводила его по очереди къ каждой фрейлинѣ, никакъ не подозрѣвая, что это зрѣлище ни мало не доставляло удовольствія чопорному нѣмцу. Фрейлины лежали какъ бѣдныя дѣвки, одна подлѣ другой, почти полунагія... Грязная и бѣдная обстановка вызвала съ его стороны въ дневникѣ слѣдующую замѣтку: «вообще все это ночное посѣщеніе не сдѣлало на меня выгоднаго впечатлѣнія, хоть мнѣ и пришлось видѣть много голыхъ шей и грудей».

На другой день государь принималъ уже въ Новопреображенскомъ поздравленія съ пріѣздомъ, а съ 13-го декабря начались крутыя «вершенія по дѣламъ»: въ этотъ день казнены два фальшивыхъ монетчика; имъ влили въ горло растопленное олово и потомъ навязали ихъ на колеса. Одинъ изъ нихъ, которому олово прожгло на сквозь шею, былъ на слѣдующій день еще живъ; а другой, будучи на колесѣ, поставленномъ надъ землею немного выше человѣческаго роста, хваталъ еще рукою монету, привѣшенную съ низу къ этому колесу...

IX

СУДЪ И РАСПРАВА.

Старушка Прасковья по болѣзни не могла явиться съ поклономъ и поздравленіемъ о пріѣздѣ къ государю и государынѣ; вмѣсто себя она послала «свѣтъ Катюшку», и та приняла участіе во всѣхъ торжествахъ столицы, по случаю благополучнаго прибытія отца отечества. Парадный въѣздъ въ Москву Петра и Екатерины былъ совершонъ съ громаднымъ тріумфомъ. Колокола, пушки и народные клики долго не умолкали; у каждыхъ тріумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ еще въ прошломъ году, чинились торжественныя встрѣчи; при чемъ тутъ же въ воротахъ шло угощеніе. Государь и вся его свита, какъ духовные, такъ и свѣтскіе сановники, ни мало не церемонились — и ѣли, и пили

такъ, какъ бы дня три лишены были стола. Достопамятный день заключился общимъ пиромъ всей аристократіи въ Преображенской съѣзжей избѣ у князя Ромодановскаго, въ присутствіи императора. Уѣзжая оттуда, государь просилъ хозяина продолжать угощеніе сколь возможно усерднѣе, не смотря на то, что всѣ уже были препзрядно пьяны.

Хмѣльныя головы шумѣли, кричали, спорили, ссорились, и «мало помѣшкавъ», отъ ссоры дѣло дошло и до драки... Бой вспыхнулъ между двумя именитѣйшими представителями петровской знати; то были князь-кесарь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій и князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ. Два лютыхъ супротивника издавна враждовали другъ съ другомъ, издавна подымали другъ на друга «всякую скверну», но оба сильные любовью и довѣріемъ государя и государыни, постоянно разлученные мѣстами своей служебной дѣятельности (Москва и Варшава), они не могли повалить другъ друга, мало имѣли случая дойдти и до *ручного* объясненія...

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ ихъ непримиримой ненависти скрывалась въ семейныхъ распряхъ: Ромодановскій, какъ извѣстно, былъ женатъ на Настасьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой, а дочь Долгорукова была замужемъ за роднымъ братомъ княгини-кесарши Настасьи и царицы Прасковьи. Читатели наши безъ сомнѣнія помнятъ, какъ неделикатно обращался нѣжный братецъ двухъ старушекъ съ своей злополучной супругой и какъ тщетно и упорно жаждалъ мести ея отецъ, уполномоченный посолъ и министръ царя русскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что князь-кесарь въ процессѣ князя Долгорукова не мало помогъ своему свояку Салтыкову, и не мудрено, что князю Григорію Ѳедоровичу не удалось одолѣть противника.

Теперь за торжественнымъ пиромъ, въ одной и той же избѣ сошлись два врага-старца. И тотъ и другой были весьма шумны, и тотъ и другой не умѣшкали схватиться. Объясненіе началось съ какого-то тоста, предложеннаго хозяиномъ. Князь Долгоруковъ не хотѣлъ его выпить; тогда князь-кесарь сталъ его «всякими скверными лаями лаять»... «Ты воръ»! кричалъ между прочимъ совсѣмъ опьянѣвшій кесарь, «ты предатель государства! Его величество не токмо тебя кнутомъ наказать, но и голову твою отсѣчь намѣреніе имѣть изволитъ...» Противникъ не уступалъ въ подборѣ сильныхъ выраженій и пряность ихъ довела до болѣе рѣзкихъ объясненій. Оба старца схватили другъ друга за волосы и съ полчаса неустанно били другъ друга кулаками... Зрители очистили арену и, изъ уваженія ли, или изъ боязни къ двумъ государственнымъ дѣятелямъ, не мѣшали имъ убѣждать другъ друга «словесно и ручно»; никто не смѣлъ раз-

нять сановниковъ. Князь Ромодановскій, какъ разсказывали тогда, оказался слабѣйшимъ...

Кипя гнѣвомъ, всемочный кесарь повелѣлъ караульнымъ арестовать посла-министра, отнять у него шпагу и запереть въ особую комнату. Приказъ былъ выполненъ, и князь Григорій Ѳедоровичъ отсыпался въ теченіе сутокъ подъ стражею своего врага. Освобожденный, по вмѣшательству въ дѣло Екатерины, онъ не хотѣлъ ѣхать домой и говорилъ, что будетъ просить удовлетворенія у императора. Дѣйствительно князь поспѣшилъ къ государю съ мольбой о сатисфакціи, и не довольствуясь этимъ, нашолъ нужнымъ ударить челобитной.

«....Князь Иванъ Ромодановскій, писалъ его противникъ, умысля за партикулярную свою злобу по факціямъ моихъ злохотящихъ, билъ меня и всякими скверными лаями лаялъ»... Если только судить дѣло по этому документу, то самъ Долгоруковъ велъ себя какъ нельзя болѣе кротко; въ его челобитной мы вовсе не видимъ старика, который послѣ потока самыхъ грязныхъ ругательствъ осилилъ кесаря въ кулачной перепалкѣ. Послушайте, что онъ пишетъ: «Я, опасаясь вашего величества гнѣва, во всемъ ему, Ромодановскому уступалъ, и просилъ (!) Гаврилу Ивановича (Головкина) и другихъ, дабы его отъ того удержали, но онъ выпустя другихъ, велѣлъ снять съ меня шпагу и взять за арестъ, какъ сущаго вора; гдѣ мало не сутки былъ держанъ и у вашего величества за учиненную мнѣ смертную обиду сатисфакцію просилъ, о чемъ и нынѣ слезно прошу: сотворить со мною милость, дабы мнѣ не остаться на вѣки въ нестерпимомъ ругательствѣ». Долгоруковъ тѣмъ болѣе къ сердцу принималъ учиненный афронтъ, что онъ видѣлъ въ себѣ оскорбленнымъ великій санъ посла-министра, почему и настоятельно просилъ государя: «такожъ противъ всенародныхъ правъ учиненный публичный афронтъ характеру дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и вашего величества кавалеріи безъ отмщенія отпустить не изволите. Помилуй, государь! восклицалъ тайный совѣтникъ, не дай мнѣ безпорочный вѣкъ мой нынѣ при старости безвременно окончить въ безчестіи». (¹)

Въ мольбахъ «всенижайшаго раба», птенца Петра Великаго, такъ и слышится бояринъ стараго добраго времени съ прежними воззрѣніями на житейскія отношенія, способнаго дойдти до ручного объясненія; но ужь этотъ бояринъ стараго закала въ иноземномъ кафтанѣ, съ устъ его слышатся клятвы и завѣренія объ оскорбленіи въ лицѣ его достоинства сановника, кавалера... и какъ безстыдно лжотъ этотъ кавалеръ, чтобъ только досадить своему врагу.

(¹) Кабин. дѣла, Полов. II, кн. LVIII, № 575.

Дѣло разумѣется кончилось ни чѣмъ, такъ какъ кулачныя схватки государственныхъ людей того времени были явленіями довольно обыденными и постоянно преходились молчаніемъ.

Не прошла только молчаніемъ сенатская схватка Шафирова, Писарева и Меншикова. Первые два особенно должны были пострадать; надъ ними наряжена была слѣдственная коммисія, которая вела дѣло строго. Съ Шафирова скоро сняли знаки отличія, а за Писарева сильно начали опасаться его родные и друзья, такъ какъ на него поступило къ слѣдователямъ множество жалобъ... Впрочемъ государь, карая драчливыхъ птенцовъ своихъ, былъ это время постоянно веселъ и между государственными дѣлами, посвящалъ свои досуги на разнообразнѣйшія увеселенія. Съ свитою деньщиковъ, зачастую окружонный «безпокойною братіею», т. е. «сумазброднѣйшимъ и всеньяннѣйшимъ соборомъ князь-папы», онъ разъѣзжалъ то въ театръ, устроившійся по примѣру Измайловскаго въ гошпиталѣ, то на свадьбы, на публичные маскарады, то наконецъ на ассамблеи, на которыя барабанный бой неустанно сзывалъ гостей; всѣ дамы и дѣвицы старше 10 лѣтъ непремѣнно должны были являться въ танцовальныя собранія. Толстенькая герцогиня, «свѣтъ Катюшка», вновь запорхала въ этихъ собраніяхъ... Она беззаботно любезничала съ милыми кавалерами герцога Карла; то посылала имъ вафель съ своего стола, то зазывала къ себѣ и щедро угощала виномъ... Мать старушка не вставала съ постели, тѣмъ не менѣе не лишала себя удовольствія принимать въ спальнѣ гостей и угощать ихъ настойками. Государь по пріѣздѣ посѣтилъ больную, обошолся съ ней какъ нельзя ласковѣе, и не остановившись на одномъ визитѣ, вскорѣ (20 января 1723 г.) послѣ пира у ея братца пріѣхалъ къ ней въ Измайлово и тамъ веселился со свитою. Ничто не показывало, чтобъ государь гнѣвался на невѣстушку; самое дѣло Деревнина, казалось, его мало интересовало; онъ не спѣшилъ судомъ и расправой. За то не мѣшкала старушка и, не смотря на то, что не оставляла по болѣзни постели, не переставала заискивать и задабривать окружающихъ царя, его любимцовъ-деньщиковъ... Почасту приглашаемые въ Измайлово, они находили тамъ самый радушный пріемъ. Имъ особенно бывалъ доволенъ любимѣйшій деньщикъ Петра — Василій Петровичъ. Еслибъ мы заѣхали въ Измайлово нѣсколько дней спустя послѣ царскаго наѣзда, мы бы застали здѣсь Василія, осушающаго стаканъ за стаканомъ. Съ нимъ бражничаетъ братецъ царицы, сильно угощаются дамы, пьетъ какъ деньщикъ сама кесарина Настасья Ромодановская, обыкновенная посѣтительница больной царицы... Больна вертушка Катерина Ивановна; она въ кровати, сильно осип-

ла, но болтаетъ съ стоящимъ подлѣ нея камеръ-юнкеромъ, дразнитъ гулякъ и хохочетъ надъ ними.

Что до государя, то конецъ января и половину февраля онъ былъ сильно занятъ процессомъ о поссорившихся сенаторахъ. 14-го февраля дѣло было кончено. Москва огласилась барабаннымъ боемъ, возвѣстившимъ, что завтра послѣдуетъ въ Кремлѣ казнь бывшаго государственнаго министра и вице-канцлера барона Шафирова. На другой день, въ 7 часовъ утра, вокругъ высокаго помоста стояло безчисленное множество народа, солдаты оцѣпляли мѣсто казни. Осужденнаго привезли на простыхъ саняхъ, подъ карауломъ изъ преображенскаго приказа. Въ прочитанномъ приговорѣ возглашались разныя злоупотребленія его по дѣламъ, за которыя виновный обрекался на смертную казнь, отсѣченіемъ головы. Съ него сняли парикъ, старую шубу и подвели къ плахѣ. Вице-канцлеръ оборотился къ церкви, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и, ставъ на колѣни, положилъ голову на плаху. Но прислужники палача, имѣя ли на то особое приказаніе государя, либо изъ усердія къ дѣлу, не оставили государственнаго министра въ этомъ положеніи: они вытянули за ноги и растянули его на помостѣ, такъ что Шафирову пришлось лежать на толстомъ своемъ брюхѣ. Затѣмъ палачъ взмахнулъ вверхъ большимъ топоромъ, и онъ упалъ — на скамью. Голова была пощажена государемъ. Смерть замѣнили ссылкою. Шафировъ поднялся на ноги и со слезами на глазахъ сошолъ съ помоста. Его повели въ зданіе сената, гдѣ сенаторы подавали ему руки и поздравляли его съ помилованіемъ. Когда тамъ же императорскій лейбъ-хирургъ пустилъ ему кровь, во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій отъ сильнаго потрясенія, Шафировъ сказалъ: лучше бы открыли мнѣ большую жилу, чтобъ разомъ прекратить мои мученія... Между тѣмъ у эшафота чинилась экзекуція: сенатскому секретарю Кирѣеву по шафировскому дѣлу дано 14 ударовъ кнутомъ, на его же долю выпала двукратная пытка при производствѣ слѣдствія; оберъ-прокуроръ и гвардіи маіоръ Писаревъ, грозный членъ тайнаго трибунала, разжалованъ въ солдаты, а оберъ-секретарь сената Позняковъ въ писаря. Между другими лицами пострадалъ и нашъ знакомый, князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ; за пристрастіе къ Шафирову онъ лишонъ былъ чиновъ, посаженъ на дому подъ арестъ и присужденъ къ денежному штрафу. Впрочемъ, государь скоро его простилъ (1).

(1) См. «Судное дѣло» Шафирова въ Ж. М. Юст. 1859 г., ст. 49—55. Князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ скончался въ Кронштадтѣ, 15 августа 1723 г. и погребенъ въ Петербургѣ.

Въ первый же день по окончаніи дѣла Шафирова, государь, какъ бы въ видѣ отдыха, перешолъ къ Терско-Деревнинскому дѣлу и велѣлъ представить его къ себѣ на разсмотрѣніе. Кабинетъ-секретарь Макаровъ поспѣшилъ увѣдомить Бутурлина о высочайшей волѣ: «Государь мой милостивый Иванъ Ивановичъ! писалъ Макаровъ, дѣло *Деревнина съ Терскимъ* и по тому дѣлу колодниковъ извольте прислать на генеральный дворъ (въ Преображенское) съ дьякомъ или съ старымъ подъячимъ, у которыхъ то дѣло слѣдуется».

Ни въ названіи дѣла, ни въ дальнѣйшихъ слѣдованіяхъ по немъ, о царицѣ либо вовсе не упоминается, либо упоминается вскользь, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, съ прописаніемъ титула: «благовѣрнѣйшая государыня царица» и проч.

Тайная канцелярія представила новый экстрактъ изъ всего дѣла и препроводила арестанта-стряпчаго по востребованію.

14-го февраля 1723 г. Василій Деревнинъ былъ приведенъ на генеральный дворъ къ допросу. Генеральный судъ, наряженный надъ Шафировымъ изъ сенаторовъ и генералитета, не былъ еще распущенъ, и вотъ по его приказу приступлено было къ допросу стряпчаго.

— Знаешь ли ты тѣхъ людей, которые въ пришествіи царицы Прасковьи Ѳедоровны въ тайную канцелярію тебя водкою обливали и жгли?

Деревнинъ, хорошо знавшій по прежней службѣ своей при царицѣ весь ея придворный штатъ, безъ труда вспомнилъ шесть обжигальщиковъ, но замѣтилъ, что чьи они дѣти и прозваніемъ, того онъ не знаетъ; а и другіе дому царицы, продолжалъ стряпчій, многіе служителя при томъ были-жъ, а кто по именамъ, того не упомню. (1)

Для напамятованія на другой день призваны были каптенармусъ Бобровскій, да бутырскаго полка капралъ Красновъ, бывшіе въ роковой вечеръ «жженія» въ казенкахъ тайной канцеляріи.

— Знаете ли вы, кто изъ служителей ея величества царицы приходили съ ней въ тайную и кто изъ нихъ оторвалъ силою дверь казенки Деревнинской; о томъ знаете ли?

— Не усмотрѣлъ я, отвѣчалъ Бобровскій, — кто изъ служителей былъ, за многолюдствомъ; только де сущо, какъ сталъ я въ дверяхъ и не сталъ Деревнина давать вести изъ канцеляріи, и изъ тѣхъ служителей одинъ ударилъ меня подъ бокъ, а присмотрѣть его за онымъ многолюдствомъ я не могъ.

— Не усмотрѣлъ и я, говорилъ капралъ Красновъ, — кто оторвалъ

(1) Вер. Дѣл. Р. Д. Т. К. карт. XV л. 50—89.

дверь, понеже оныхъ служителей вошло въ казенку многолюдно, не сталъ было я ихъ пускать и они меня отъ двери оттиснули.

Посланная команда въ Измайлово привела служителей царицы; ихъ размѣстили по преображенскимъ кельямъ, затѣмъ генеральные судьи сняли допросъ съ каждаго порознь.

И вотъ одинъ за другимъ повѣдали волкообливатели и свѣшеобжигатели страшную повѣсть о прогулкѣ всемилостивѣйшей и благовѣрнѣйшей государыни-царицы въ тайную на Лубянскую площадь; повѣдали о томъ, какъ соизволили онѣ утруждать себя гнѣвомъ не малымъ на недостойнаго служителя. Забытое, либо пропущенное однимъ, вспоминалось и пополнялось другимъ и такимъ образомъ всѣ подробности картины «мщенія старушки», обнажились во всей красотѣ.

Любопытно, что каждый изъ допрашиваемыхъ излагалъ событія такимъ образомъ, чтобъ представить себя сколь возможно незначительнѣйшимъ подвижникомъ сего дѣла. Прослушавши каждаго отдѣльно, можно было подумать, что служителя царицы всѣ безъ исключенія были не болѣе, не менѣе, какъ простыми зрителями.

Стряпчій *Кондратъ Маскинъ* первый разсказалъ все дѣло, какъ можно обстоятельнѣе и первый же почелъ долгомъ смягчить свое участіе въ дѣлѣ: «каптенармуса я, Маскинъ, не бивалъ, дверей отъ казенки Деревнина не отрывалъ, караульнаго капрала отъ нихъ не отпихивалъ; да и чинить мнѣ, добавилъ Кондратъ, всего этого было невозможно, понеже несъ я царицу на скамьѣ, а кто изъ служителей били дежурныхъ и отрывали дверь, того не вѣдаю». Стряпчій перечислилъ затѣмъ главнѣйшихъ участниковъ и подмахнулъ свое имя съ обычной оговоркой: «буде сказалъ что ложно и за то указалъ бы его императорское величество учинить со мною чего достоенъ».

Въ самыхъ почтительныхъ фразахъ относительно своей госпожи царицы показалъ о дѣлѣ стремянной ея, конюхъ Никита Іевлевъ; онъ поставилъ на видъ свои напоминанія царицѣ о необычности ея гнѣва и нашолъ нужнымъ замѣтить: «о какомъ де письмѣ допрашивала царица, того я не знаю». Эта оговорка именно обнаруживала, что довѣренный стремянной, самъ же хлопотавшій въ полицейскомъ розыскѣ о письмѣ, очень хорошо, если не зналъ, то догадывался о его содержаніи. На счетъ побоевъ и толчковъ дежурнымъ, также объ отрываніи дверей, стремянной показалъ, что во всемъ этомъ невиненъ, а виноватыхъ не усмотрѣлъ. Чистосердечнѣе былъ братъ его, задворный конюхъ Ѳеоктистъ Іевлевъ: онъ повинился, что оттолкнулъ, по приказу царицы, подъячаго Павлова, когда тотъ сунулся съ мольбой прекратить жженіе Деревнина; но въ видѣ оправданія Ѳеоктистъ замѣтилъ, что Павловъ его самого толкалъ.

— Дверь никто не отрывалъ силою, говорилъ между прочимъ другой стремянной конюхъ Карлусъ Орихтъ; — подъячій Маломаховъ, идя со свѣчей впереди носилокъ, только постучалъ въ нее, и ее отворили. А кто толкалъ потомъ кантенармуса, того я не усмотрѣлъ... Деревнина же, по приказу государыни-царицы, я жогъ подъ бороду, токмо до этого уже у него былъ обожженъ носъ презрядно. Водки я выливалъ на Деревнина только полбутылки...

Показанія главнѣйшихъ участниковъ были очень длинны; ихъ записали, скрѣпили по формѣ подписями допрошенныхъ служителей (всѣ они оказались грамотными) и затѣмъ продолжали опросы на другой день, 16-го февраля.

— Несъ я государыню на скамейкѣ, показывалъ о своемъ участіи въ дѣлѣ сторожъ и истопникъ Степанъ Пятилѣтъ; — кто силою отворилъ дверь въ казенку, того я не усмотрѣлъ; когда же Бобровскій сталъ не пускать Деревнина изъ казенки, въ то число Маскинъ, Н. Іевлевъ и Тихменевъ провели Деревнина въ дверь сильно, а били они урядника, того я не усмотрѣлъ, понеже несъ государыню. Жогъ я Деревнина опосля какъ обжигали его Маломаховъ, а по немъ шведъ Карлусъ; во время жъ жженія ихъ я съ другими служителями держалъ его, стряпчаго. А какъ государыня соизволила приказать мнѣ зажечь голову Деревнина и я ту голову своею свѣчою жечь поопасался; государыня толкнула мою руку со свѣчою, и я зажогъ, и водка на головѣ Деревнина вспыхнула.

Въ показаніяхъ Пятилѣта оказались нѣкоторыя противорѣчія съ словами Н. Іевлева и Маскина. Всѣхъ трехъ немедленно свели на очную ставку.

— Предъ государыней я не шолъ въ казенку Деревнина, утверждалъ Н. Іевлевъ, — а взошолъ туда послѣ, да и изъ казенки-то шолъ назади носилокъ ея величества, а кто шолъ впереди и велъ Деревнина, того я не усмотрѣлъ.

— Никиту Іевлева, повинился Пятилѣтъ, — оговорилъ я, не опамятовавшись, кто же шолъ впереди или сзади и кто велъ Деревнина — не запомню: служителя въ ту казенку входили и выходили многократно.

— Да и Маскинъ показываетъ на меня напрасно, стоялъ на своемъ Н. Іевлевъ, — впереди я не шолъ и на казенку, гдѣ сидитъ Деревнинъ, царицѣ я не указывалъ.

— Гдѣ шолъ Іевлевъ и кто былъ укащикомъ государынѣ-царицѣ, винился Маскинъ, того я не упомню, для того что имѣю на себѣ падучую болѣзнь отъ 15-ти лѣтъ.

За очной ставкой, опять потянулись допросы.

— Я несъ государыню, показывалъ задворный конюхъ Малома-

ховъ, на скамьѣ вмѣстѣ съ другими служителями; кто отворилъ казенку, не вѣдаю. А какъ въ передней палатѣ изволила государыня гнѣваться и бить тростью Деревнина по лицу и по плоти многократно, а шведъ Карлусъ и Пятилѣтъ жгли его свѣчми, и въ то число держалъ я Деревнина съ прочими служителями; самъ же свѣчою не жогъ.

Новая очная ставка.

— Какъ же ты показалъ, спрашивали Пятилѣта, — что Маломаховъ жогъ Деревнина?

— Маломаховъ Деревнина суще свѣчою жогъ подъ носъ, стоялъ на прежнемъ Пятилѣтъ, — и Деревнинъ ту свѣчу задулъ.

— Нѣтъ! свѣчою я Деревнина не жогъ, упирался Маломаховъ, — Деревнинъ ее не задувалъ; а какъ жгли его Пятилѣтъ да Карлусъ и я держалъ его за волосы, по указу царицы.

Пажъ Тимофѣй Воейковъ разсказалъ о своихъ разъѣздахъ за царевной Катериной Ивановной, объявилъ себя непричастнымъ ни въ жженіи арестанта, ни въ битіи дежурныхъ; братъ его пажъ Ѳедоръ Воейковъ свидѣтельствовалъ, что онъ ничего не видѣлъ, не слыхалъ, никого не билъ, не жогъ, ни толкалъ. Юноша, какъ кажется, болѣе другихъ непривычный къ картинамъ истязаній, оставался все время на дворѣ, что впрочемъ не выгородило его изъ общей судьбы всѣхъ дѣятелей того вечера.

А приговоръ этой судьбы состоялся «немѣшкотно». Такъ что отвѣты свои Воейковы не успѣли еще скрѣпить подписями, а его величеству наскучили уже однообразныя показанія служителей царицы. Допрошено было всего семь; болѣе половины царицыной свиты оставалась еще не допрошена; не терпя проволочекъ, государь просмотрѣлъ экстрактъ изъ снятыхъ допросовъ Деревнина «и прочихъ о важныхъ рѣчахъ» — и въ тотъ же день самъ явился на экзекуцію.

Она учинена 16-го февраля на генеральномъ дворѣ въ Преображенскомъ: Маскинъ, Никита Іевлевъ, Ѳеоктистъ Іевлевъ, Карлусъ Ѳрихтъ, Пятилѣтъ, Тимофѣй Воейковъ, Ѳедоръ Воейковъ, Василій Маломаховъ, подъячій Михайло Крупениковъ, всѣ девять человѣкъ опрошенные и неопрошенные, виновные и невинные, останавливавшіе государыню царицу и раболѣпно исполнившіе ея волю, всѣ безъ разбору — биты батоги нещадно и потомъ свобождены. Его величество самъ изволилъ присутствовать на штрафованіи (¹).

(¹) Дѣятельный монархъ въ тотъ же день успѣлъ утвердить нѣсколько государственныхъ постановленій; въ силу одного изъ нихъ приказано было объявить архіереямъ и прочимъ духовнымъ властямъ, дабы они въ церквахъ во время

Достойно замѣчанія, что Василій Алексѣичъ Юшковъ не былъ призванъ къ допросу по поводу таинственнаго къ нему посланія старушки. Допросилъ ли его государь самъ, одинъ, секретно, или не хотѣлъ компрометировать невѣстку генеральнымъ опросомъ ея фаворита изъ боязни, чтобъ тотъ не повѣдалъ какихъ-нибудь сердечныхъ тайнъ старушки, какъ бы то не было, только письменныхъ показаній съ Юшкова взято не было и предъ «генеральными судьями привожденъ онъ не былъ». Но онъ не избѣгъ наказанія; на другой же день послѣ батожьей расправы съ служителями невѣстки, государь повелѣлъ сослать Юшкова въ Нижній Новгородъ. Конвойный унтеръ-офицеръ получилъ слѣдующій рескриптъ императора для передачи Нижегородскому начальнику.

«Господинъ вице-губернаторъ! (Ржевскій) писалъ Петръ, по нашему указу, посланъ въ Нижній Василій Алексѣичъ, сынъ Юшкова, съ ундеръ-офицеромъ отъ гвардіи Никитою Ржевскимъ. И когда оный ундеръ-офицеръ съ нимъ въ Нижній пріѣдетъ, тогда Юшкова отъ него примите и до указу нашего велите ему жить въ Нижнемъ, не выѣзжая никуда».

Кабинетъ-секретарь Макаровъ самъ выправилъ арестанта, причемъ далъ унтеръ-офицеру инструкцію, въ которой вопреки обыкновенію не было ни малѣйшаго напамятованія о строгомъ обращеніи съ арестантомъ; приказано было только взять у вице-губернатора росписку въ полученіи Юшкова, паки возвратиться къ Москвѣ и явиться на генеральный дворъ. Изъ этого можно видѣть, что если связи, сила и значеніе царственной старушки не могли спасти дорогого Юшкова, то все-таки наказаніе его постигшее, ради ея вліянія, было весьма смягчено: Юшкова поддерживала и укрѣпляла благодѣтельная рука немощной тѣломъ, но бодрой духомъ Прасковьи. Съ Василіемъ Алексѣичемъ отняли у ней и исполнительныхъ нажей: два брата Воейковы по высочайшему повелѣнію были записаны въ гвардію солдатами. (1).

Нѣсколько дней спустя, государь съ государыней отправились въ Петербургъ, а двѣ недѣли спустя (15 марта) потянулась за ними изъ первопрестольной столицы партія «самонужнѣйшихъ колодниковъ», подъ охраною конвоя. Въ числѣ ихъ отправленъ былъ и Ва-

---

служенія никакихъ челобитенъ не принимали, «кромѣ государственныхъ великихъ и косненія не терпящихъ дѣлъ», но упражнялись бы тогда въ богомысліи и въ молитвахъ и давался бы тѣмъ людямъ образъ благоговѣйнаго въ церквахъ стоянія. Въ тотъ же день государь удосужился принять участіе въ публичномъ смѣшномъ маскарадѣ, устроенномъ на московскихъ улицахъ.

(1) Письмо А. Макарова къ П. П. Бутурлину 20 февраля 1723 г. дѣл. л. 83. Одинъ изъ этихъ Воейковыхъ былъ въ 1739-мъ году маіоромъ.

сплій Деревнинъ. «Дѣло о его битіи и жженіи, писалъ Казариновъ, заправлявшій дѣлами московско-тайной канцеляріи къ А. И. Ушакову, петербургскому инквизитору, дѣло Деревнина рѣшено на генеральномъ дворѣ, но по *письму* (цыфирному) слѣдованія еще не было. Сообщается оно при подлинномъ дѣлѣ и запечатано въ особомъ пакетѣ, а на немъ надпись А. В. Макарова: «письмо, которое подалъ И. И. Бутурлинъ». И то подлинное дѣло и письмо по приказу кабинетъ-секретаря препровождается къ Вамъ» (¹).

Дѣло «по письму» тянулось крайне медленно, либо оно никого не интересовало, либо, — и послѣднее вѣрнѣе, — щекотливость содержанія письма относительно царицы заставляла судей показывать къ нему какъ можно меньше вниманья. Только два мѣсяца спустя (14 мая) Ушаковъ извѣстилъ Казаринова о полученіи колодника и его дѣла и затѣмъ тайная канцелярія въ лицѣ Андрея Ивановича немедленно постановила: препроводить деревнинское дѣло о *причинномъ письмѣ* въ канцелярію вышняго суда, понеже тамъ начало сего дѣла и слѣдованіе было, «да и нельзя того, добавлялъ политичный Андрей Ивановичъ, чтобъ многіе канцелярскіе служителя — *о важностяхъ* (сего дѣла) *свѣдомы были*.»

Такимъ образомъ Ушаковъ съ Толстымъ спустили Деревнина съ причиннымъ письмомъ царицы въ вѣдѣніе вышняго суда. Но и отъ него скораго и прямого рѣшенья ожидать было нечего, такъ какъ члены суда большею частью были либо близкіе пріятели и знакомые царицы, либо даже свойственники; здѣсь засѣдали: графъ Андрей Матвѣевъ, Иванъ Дмитріевъ Мамоновъ, Семенъ Блеклый, Александръ Бредихинъ, Иванъ Бахметевъ, секретаремъ былъ — Петръ Ижорскій.

Вотъ почему они не съ разу согласились даже принять Деревнина, не вдругъ рѣшились взять на себя слѣдованіе и судъ по цыфирному посланію; такъ что только послѣ двухнедѣльной переписки съ тайной канцеляріей, вышній судъ далъ свое согласіе (27 мая) чтобы «дѣло Деревнина къ намъ прислать, но неиначе какъ съ подъячимъ, у котораго то дѣло было, понеже «къ *тому важному дѣлу* отъ другихъ дѣлъ подъячаго *опредѣлять не надлежитъ*».

Опять пошла переписка: подъячій тотъ въ Москвѣ, и такъ на чей коштъ его выписать? Это затрудненіе дало вышнему суду предлогъ сдать дѣло (18 іюня) въ кабинетъ. Но тамъ кабинетъ-секретарь его не принялъ, но приказалъ войдти экстрактомъ для докладу его величества. И вотъ втеченіе цѣлаго *мѣсяца* пишутся два экстракта. Только 19 іюля явился съ ними въ кабинетъ секретарь

(¹) В. Д. Р. Д. Т. К. карт. XV ч. 3 дѣл. л. 1—46.

тайной канцеляріи Топильскій, который и предложилъ тутъ же запечатанное въ пакетѣ цыфирное посланіе — съ достойнымъ решпектомъ (¹).

Въ кабинетѣ дѣло засѣло. Надо думать, что обязательный Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, которому такъ наивно писала царица: «что будетъ ему платить», не спѣшилъ входить къ государю съ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Резолюціи не было, а стряпчій продолжалъ томиться въ казаматѣ. Такъ при дворѣ суроваго и повидимому столь ревниваго къ правдѣ монарха находили себѣ убѣжище взяточничество и лицепріятіе; связи и протекція и здѣсь оказывали свое вліяніе; вся разница съ послѣдующими царствованіями состояла только въ томъ, что при Петрѣ это дѣлалось несравненно скрытнѣе, «опасливѣе.»

Что же это было за письмо, отъ котораго такъ скоро отшатывались слѣдователи и судьи, къ которому такъ старательно не допускали канцелярскихъ служителей, наконецъ для сбереженія котораго даже *тайная* канцелярія не находила у себя *тайнаго* мѣста, чтобъ чины ея «важности сего письма свѣдомы не были?»

Что въ этомъ письмѣ не было ничего государственнаго, «противнаго» въ смыслѣ политической тайны, въ этомъ нечего и сомнѣваться; въ противномъ случаѣ судьба Юшкова была бы рѣшена иначе, не избѣгла бы суда и осужденія сама Прасковья; но куда дѣлось таинственное посланіе послѣ долгихъ странствій изъ тайной въ кабинетъ, изъ кабинета въ тайную, оттуда въ вышній судъ, изъ суда въ кабинетъ, изъ кабинета опять въ тайную — неизвѣстно; только, ни при дѣлахъ послѣдней, ни въ бумагахъ кабинетскихъ — письма этого не сохранилось. Между-тѣмъ уцѣлѣла слѣдующая пояснительная записка руки Прасковьи: записка азбуки:

о	і	w	ѧ	w	w	192			
1	2	3	4,5	6,7	8	9	10.		

а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, и т. д.
0, 5, 3, 7, 6, і, а, 2, я, 8, и, п, в, и, и, 9, и, з, и т. д.

Явно, что эта та цыфирная азбука, по которой написано было таинственное посланіе. Тутъ же сдѣланъ и переводъ — къ сожалѣнію только первой фразы: «радость мой светь...»

Для кого и для чего приготовлена была эта записка? Весьма вѣроятно, что Петръ еще въ бытность свою въ Астрахани, получивъ изъ тайной канцеляріи письмо, доставленное Деревниньмъ, потре-

(¹) Каб. дѣла II полов. т. LXIV ст. 451.

бовалъ отъ невѣстки ключа къ цыфири, и приведенная записка есть черновая подлинница.

Таинственное письмо старушки, безъ сомнѣнія, касалось либо ея сердечныхъ, интимныхъ отношеній къ своему главноуправляющему, либо трактовало о семейныхъ, секретныхъ дѣлахъ, трактовало притомъ не совсѣмъ скромно? Все это предположенія и догадки, которыя могутъ подтвердиться или опровергнуться открытіемъ интимной цыдулки.

X

СМЕРТЬ.

Мы оставили царицу въ родномъ Измайловѣ. Государь распорядился о дачѣ подводъ невѣсткѣ и ея дочерямъ отъ города до города; хворая старушка поднялась въ путь въ первой половинѣ марта 1723 года. Собственные тяжкіе недуги, болѣзнь младшей дочери, наконецъ скверныя дороги мѣшали ей ѣхать скоро, и дотащившись до Новгорода, старушка рѣшилась отдохнуть и оправиться.

Съ дороги она нѣсколько разъ посылала грамотки къ «государынѣ своей милостивой, дорогой невѣстушкѣ и матушкѣ, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ,» которой непрестанно желала «здравія свѣту моему, купно съ государемъ, нашимъ общимъ дорогимъ батюшкомъ, императоромъ великимъ, Петромъ Алексѣевичемъ и съ дорогими вашего величества дѣтками, съ государынями цесаревнами на множество лѣтъ!»

Несмотря на эти длинныя пожеланія, письма Прасковьи «къ свѣтамъ благодѣтелямъ» — были какъ-то суше, холоднѣе, можетъ быть ссылка безцѣннаго Юшкова потрясла старушку и она только по нуждѣ относилась къ невѣсткѣ.

А нужда настояла немалая. Дочка ея, Прасковья, «весьма расхворалась»: «пожалуй государыня моя невѣстушка и матушка, диктовала старушка секретарю 4 апрѣля 1723 г., прикажи увѣдомить насъ о общемъ здравіи вашемъ, — чего отъ сердца слышать желаемъ; при семъ вашему величеству доношу, что дочь моя, царевна Прасковья, гораздо больна, и я прошу у вашего величества пожалуй, государыня моя, прикажи прислать къ намъ доктора или лекаря съ лекарствомъ; а признаваемъ въ ней болѣзнь лихорадку съ горячкою. . . .

«Благодарствую государыня моя, милостивая невѣстушка, за милостивѣйшее писаніе...» (¹).

Вспомнила старушка, что скоро день рожденья императрицы, и спѣшитъ исполнить формальность: «5 апрѣля 1723 г. Новгородъ.... Поздравляемъ вамъ государынѣ, дражайшимъ днемъ рожденья вашего величества и желаемъ отъ сердца нашего, дабы Всевышній благословилъ впредъ вашему величеству достигнуть много такихъ дней во всякой радости и благополучіи, и за симъ здравіе ваше предаю Всемогущему въ сохраненіе и остаюсь невѣстка ваша — Прасковья».

Съ такими же поздравленіями привѣтствовала она государя и государыню по поводу наступающаго праздника Христова Воскресенія: «отъ сердца желая препроводить оный во всякой радости и впредь идущихъ лѣтахъ, да благословитъ Богъ много такихъ торжественныхъ дней достигнуть въ добромъ здравіи и во всякомъ благополучіи...»

Императрица съ своей стороны отвѣчала вниманіемъ на предупредительность и вѣжливость старушки. Екатерина послала въ Новгородъ доктора и письменно просила Прасковью обрадовать ее скорымъ пріѣздомъ.

«Благодарствую государыня моя невѣстушка, отвѣчала царица (11 апрѣля, Новгородъ), что изволили прислать къ намъ доктора. А дочери моей отъ болѣзни есть свободнѣе, только внучка (Анушка) п.....мъ не можетъ. А въ С. Петербургъ поѣдемъ на завтрее праздника, и какъ могу, такъ спѣшить буду.»

Государь также показывалъ заботливость о Прасковьѣ Ѳедоровнѣ и ея семейкѣ, разумѣется по своему, своеобразно. Онъ хлопоталъ объ окончательномъ, болѣе надежномъ закрѣпленіи Курляндіи за Россіей и всячески подыскивалъ жениха для вдовствующей, сѣтующей безъ мужа, Анны Ивановны. Государь писалъ по этому поводу въ Митаву къ Петру Бестужеву, приказывая ему стараться объ этомъ дѣлѣ, прочилъ Анну за герцога Вейсенфельскаго, но это сватовство почему-то не состоялось.

Царица прибыла между-тѣмъ въ Петербургъ, въ началѣ мая 1723 г., совершивъ это путешествіе болѣе спокойно, водою на судахъ, присланныхъ въ Новгородъ по высочайшему повелѣнію. Оставивъ хворыхъ маменьку и сестрицу въ постелѣ, «свѣтъ Катюшка» вмѣсто ихъ объѣздила всѣхъ съ визитами и приняла участіе въ обычныхъ увеселеніяхъ двора. Мы не останавливаемся на нихъ по-

---

(¹) Адресъ: «Всемилостивѣйшей государынѣ моей невѣстушкѣ, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.»

тому, что они очень хорошо извѣстны, по крайней мѣрѣ характеръ ихъ — изъ предыдущихъ главъ нашего очерка и многихъ иностранныхъ источниковъ.

Нельзя не замѣтить однако, что отъ участія въ нѣкоторыхъ изъ потѣхъ сего года не рѣшалась отказываться сама царица Прасковья, стоявшая одной изъ отнявшихся у ней ногъ въ гробу. Такъ на празднествахъ при спускѣ кораблей, празднествахъ особенно любезныхъ монарху, старушка, изъ вниманія къ нему, подъѣзжала къ новорожденному кораблю на баркѣ; не будучи въ состояніи выйти изъ нея, больная обыкновенно оттуда поздравляла государя и всѣхъ пирующихъ. При спускѣ корабля «Михаилъ Архангелъ,» 26 мая 1723 г., она отпустила съ своей барки на корабль «свѣтъ-Катюшку» и ей поручила принять участіе въ пирѣ. Пиръ былъ на весь міръ! Гости и гостьи ѣли и пили съ четырехъ часовъ пополудни до двухъ часовъ утра; самъ государь предупредивъ, что онъ въ этотъ день намѣренъ хорошенько напиться, выдержалъ свое обѣщанье на столько, что едва могъ стоять на ногахъ; герцогъ голштинскій доведенъ былъ угощеніемъ, по собственному выраженію Петра, до состоянія пьянаго нѣмца (Kerel d'Allemagne), то есть его высочество лежалъ въ безчувственномъ положеніи. Дамы, и нѣтъ сомнѣнія наша герцогиня, были напоены на столько, что къ нимъ не пускали мущинъ...

Такой же характеръ имѣло пиршество при спускѣ другого корабля «Крейсеръ» — 23 іюля. И это торжество почтила своимъ присутствіемъ вдовствующая царица. Не смотря на всю свою немощь, она подъѣзжала съ маленькою внучкою Аннушкою къ кораблю; по прежнему не выходила изъ барки, и высадивъ Катерину Ивановну, отправилась домой, гдѣ оставалась ея царевна Прасковья въ постели, съ распухшими на обѣихъ рукахъ пальцами.

Государь былъ очень любезенъ и внимателенъ къ веселой Катюшкѣ и совѣтовалъ между прочимъ отъ слишкомъ большой полноты, которая ей не мало досаждала, меньше спать и меньше ѣсть. Слѣпо вѣруя, вслѣдъ за маменькой, въ медицинскія познанія дядюшки, «свѣтъ Катюшка» серьёзно начала лечиться: цѣлыя сутки не ѣла, не пила и не смыкала очей; затѣмъ — разрѣшила себѣ постный столъ. Но разумѣется всякій, знавшій Катерину Ивановну и ея страсть поспать хорошенько и поѣсть сколь можно положительнѣе, былъ напередъ убѣжденъ, что и постъ, и бденіе не долго продолжатся.

Весь іюль и начало августа старушка провела на яхтѣ, участвуя въ морскомъ путешествіи всего двора въ Ревель и Ригу; морское путешествіе не доставило ей удовольствія; здоровье ея нисколько не поправлялось; старушка видимо разрушалась и съ каж-

дымъ дцемъ быстро приближалась къ могилѣ; на яхтѣ ей сдѣлалось особенно дурно, такъ что нѣкоторое время царевна Катерина не отходила отъ постели матери; болѣзнь Прасковьи не мѣшала впрочемъ веселиться другимъ,—и въ день возвращенья въ столицу, день, ознаменовавшійся встрѣчею знаменитаго ботика, дѣдушки русскаго флота, — всѣ отъ мала до велика, отъ послѣдняго деньщика до великаго монарха, пировали десять часовъ сряду. По свидѣтельству одного изъ участниковъ пира, императоръ былъ особенно расположонъ пить; нѣсколько разъ говорилъ, что тотъ бездѣльникъ, кто въ этотъ день не напьется съ нимъ пьянъ, и всѣ, ревнуя показать свою преданность и любовь къ отцу-отечества, такъ страшно пили, какъ не запомнитъ ни одинъ заѣзжій нѣмецъ — во все пребываніе свое въ Россіи. Не было пощады и дамамъ, т. е. императрицѣ, герцогинѣ Катеринѣ Ивановнѣ и прочимъ членамъ царскаго семейства съ ихъ свитами. Ихъ отпустили послѣ шестичасоваго угощенья. Оно особенно размягчило сердце Петра. Съ нимъ случился рѣшительный припадокъ самой страстной, нѣжной чувствительности. Онъ безпрестанно цѣловалъ милаго герцога голштинскаго, оказавшаго необыкновенные успѣхи въ россійскомъ служеніи бахусу; государь, въ припадкѣ нѣжности безпрестанно трепалъ его, нѣсколько разъ срывалъ съ головы парикъ, цѣловалъ то въ затылокъ, то въ маковку, то въ лобъ, даже оттягивалъ ему нижнюю губу и цѣловалъ въ ротъ между зубами и губами... Тоже сентиментальное чувство овладѣло многими знатными персонами: они плакали, цѣловались, обнимались, — за то другіе отъ нѣжныхъ поцѣлуевъ круто перешли къ рѣзкимъ объясненіямъ: такъ напр. адмиралъ Крюйсъ далъ контръ-адмиралу Зандеру такую затрещину, что контръ-адмиралъ покатился подъ столъ, потерялъ парикъ и волею-неволею остался въ положеніи *безчувственнаго нѣмца*.

Достойно замѣчанія, что говоря о подобныхъ пиршествахъ, нельзя сказать, чтобы прекрасный полъ особенно тяготился усиленнымъ угощеніемъ. Привычка дѣлала чудеса, даже небесно прекрасныя цесаревны, какъ называетъ Берхгольцъ Анну и Елисавету, съ поразительною привѣтливостью подносили пирующимъ стаканы крѣпчайшаго венгерскаго вина и съ неподражаемою граціею сами осушали стаканы. Толстенькая герцогиня уступала имъ въ граціи, но по опытности своей и большому возрасту превосходила въ искусствѣ самоугощенія.

Начало сентября ознаменовалось восьмидневнымъ маскарадомъ въ честь годовщины Ништатскаго мира; всѣ были обязаны подписскою явиться на это празднество. Втеченіе восьми дней по улицамъ Петербурга выдвигались торжественныя процессіи, были самые

разнообразные костюмы — халдейскіе, аббатскіе; государь Петръ Алексѣевичъ являлся то католическимъ кардиналомъ, то матросомъ барабанщикомъ; костюмы польскіе, старинно-нѣмецкіе, іезуитскіе, французскіе, итальянскіе, китайскіе, жидовскіе, капуцинскіе, индѣйскіе, японскіе, татарскіе и другіе пестрѣли на площадяхъ и улицахъ Петербурга. Тутъ же среди замаскированныхъ, какъ видно изъ печатной росписи, красовалась неусыпаемая обитель. Ее составляли: архимандритъ въ странномъ уборѣ, отъ гвардіи фендрихъ Афанасій Татищевъ, князь Ярославскій, отъ гвардіи фендрихъ Нелюбохтинъ съ своею княгинею и со всею своею фамиліею и синклитомъ; обитель сопровождала большая свита въ разныхъ духовныхъ, арлекинскихъ, нищенскихъ и прочихъ странныхъ уборахъ мущины и женщины. Далѣе по машкарадной росписи (¹) слѣдовали: извѣстный шутъ Семенъ Тургеневъ въ ролѣ Нептуна, пропонца пѣвчій Карповъ — бахусомъ; далѣе архіереи: Иникандръ . . . митрополитъ С. Петербургскій, Морай . . . митрополитъ Кроншлоцкій и Котлинскій, Тарай . . . митрополитъ великаго Нова . . . и великихъ . . .; Никонъ Прыткой . . . митрополитъ Дербенской и Мидскій; Гнилъ . . . митрополитъ Сибирскій и Тобольскій, Бибабръ, митрополитъ рѣки Охтинской и Седмимелвицкой, М . . . . . митрополитъ Псковскій и Изборскій; Ѳеофанъ Красной . . . митрополитъ Смоленскій и Дорогобужскій, архидьяконъ Иди на . . Строевъ. Ключарь Ѳормосовъ . . . Протасьевъ. Всего 10 человѣкъ.

Государыня вслѣдъ за кесаршей Ромадоновской шла въ фрижланскомъ уборѣ; 55 отдѣленіе вела государыня царевна Катерина Ивановна; она, также княгиня Меншикова, дѣвица Юшкова и другія 7 персонъ дамскихъ были въ гишпанскихъ костюмахъ. Въ слѣдующемъ отдѣленіи была царевна Прасковья Ивановна съ 13-ю дамами и дѣвицами въ платьяхъ «шкармуцкихъ.»

Удовольствій была бездна. Такъ напр. какой-то толстякъ представлялъ солнце. Онъ несъ большую, сдѣланную изъ холста и раскрашенную машину, которая была такъ устроена, что лицо его какъ разъ приходилось въ самой срединѣ свѣтила, гдѣ прорѣзана была дыра. Безпокойная братья «соборъ всеньяпѣйшаго и всешумнѣйшаго князь-папы» нѣсколько разъ съ пѣснями проходила съ свѣтиломъ по саду, а подъ конецъ шутникъ влѣзъ на лѣстницу, обратился лицомъ къ солнцу и говорилъ ему длинное смѣхотворное

(¹) Роспись компаніи машкарада, бывшаго въ Спб. 30 августа по 6 сентября 1723 г. напечатана въ приложеніи къ III ч. Дневника Берхгольца. М. 1860 г. стр. 269—288.

слово. Для народа выкачены были бадьи съ пивомъ и виномъ. Потѣхи прекращались по барабанному бою императора.

Только извѣстный уже намъ характеръ беззаботной, смѣшливой герцогини давалъ ей возможность всецѣло предаваться удовольствіямъ двора; въ сущности ей было о чемъ побезпокоиться, было о чемъ призадуматься: съ одной стороны должны были вызывать эти думы страданія больной, умирающей матери, съ другой — самыя безотрадныя вѣсти о благовѣрномъ супругѣ. Она жаловалась своимъ знакомымъ, что герцогъ рѣшительно не хочетъ пріѣхать въ Россію, а между тѣмъ доходили до нея слухи, что римскій императоръ намѣренъ поручить управленіе Мекленбургіи брату Карла-Леопольда, Христіану-Лудвигу, если первый не изъявитъ покорности.

Вмѣстѣ съ свѣтъ Катюшкой заявляла свое сожалѣніе объ упрямствѣ зятя царица Прасковья; она удивлялась, какъ герцогъ, хорошо знающій объ отличномъ обращеніи государя съ голштинскимъ и гессенъ-гомбургскими принцами, не внемлетъ неоднократнымъ приглашеніямъ пріѣхать въ Россію. Такъ напр. въ маѣ 1723 года Петръ, по просьбѣ племянницы и невѣстки, еще разъ сдѣлалъ попытку вызвать изъ Мекленбурга герцога Карла-Леопольда. Это порученіе возложено было на генерала Бонна, хорошаго знакомаго, даже пріятеля взбалмошнаго герцога. Не смотря на этотъ выборъ посланнаго, Катерина Ивановна очень опасалась, что супругъ ея все-таки не дастъ убѣдить себя, не смотря на то, что пріѣздъ въ Россію былъ единственнымъ исходомъ изъ плохого положенія. Но герцогъ ни мало о немъ не задумывался и, къ огорченію супруги своей, велѣлъ между прочимъ отрубить въ Демицѣ голову тайному совѣтнику Вольфрату. Сѣтованія на мужа не на столько были однако велики у легкомысленной Катерины, чтобъ мѣшать ея задушевнымъ бесѣдамъ съ камеръ-юнкеромъ герцога Голштинскаго. Она продолжала зазывать его къ себѣ, просиживала съ нимъ цѣлые часы въ самой задушевной, интимной болтовнѣ о всевозможныхъ пустякахъ, дѣлала ему подарки, не пускала домой и проч.

Петербургская осень 1723 года была крайне непогодливая. 2 октября (годовщина мщенія старушки Прасковьи) случилось одно изъ сильнѣйшихъ наводненій: порывистый вѣтеръ съ моря дулъ долго, съ необыкновенной силой, и бурливая Нева, затопивъ ночью всѣ улицы, поднялась на 7 футовъ и 7 дюймовъ (¹). Жители были въ страхѣ и ежеминутной опасности погибнуть въ водяной пучинѣ; но въ домѣ нашей старушки было и другое безпокойство, другія

(¹) *Аллеръ:* Оп. наводненій, бывшихъ въ Спб. 1826 г. с. 28.

опасенія: приближался роковой часъ, царица разставалась съ жизнью.

Еще 21 сентября она была на столько бодра, что принимала у себя императрицу, цесаревень и большое общество знати. Старушка въ послѣдній разъ въ жизни праздновала одинъ изъ праздниковъ своего семейства, день рожденія царевны Прасковьи, которой пошолъ 30 годъ.

Съ этого времени, съ каждымъ днемъ царицѣ становилось хуже и хуже, съ часу на часъ ждали ея кончины. 8 октября навѣстилъ ее государь и пробылъ у невѣстушки болѣе двухъ часовъ; въ палатахъ умирающей толпились челядинцы, рабы и рабыни царицы-помѣщицы; они тревожно ждали ея кончины въ невѣденіи, что послѣдуетъ съ ними послѣ ея смерти; тутъ же были высшіе духовные іерархи, робко тѣснилось и низшее духовенство, попы, разные церковники, штатные и нештатные пророки, вѣщуньи, юродивые и другія темныя лица, призрѣваемыя милосердой монархиней. Но эти лица могли показываться не иначе, какъ съ большими опасеніями наткнуться на государя; а эта встрѣча значила просто на просто попасть подъ батогъ, имъ извѣстно было, какъ безцеремонно поступилъ Петръ Алексѣевичъ съ ихней же братьей при кончинѣ царевны Маріи Алексѣевны (20 марта 1723 г.). Онъ засталъ въ покояхъ умирающей цѣлую толпу поповъ, которые, по заведенному изстари обычаю, принесли ей яствъ, напитковъ и спрашивали, не нужно ли ей чего-нибудь, всего ли она имѣла вдоволь? Его величество немедленно всѣхъ ихъ выгналъ вонъ и строго настрого наказалъ, чтобъ впредь не повторялись подобныя вещи. Слѣдовательно немудрено, что при настоящемъ случаѣ многое не повторилось изъ старинныхъ обычаевъ, сопровождавшихъ проводы на тотъ свѣтъ...

Въ домѣ умирающей распоряжалась Катерина Ивановна. Императрица ободряла и утѣшала ее и часто провѣдывала больную. Между прочимъ, зная, что умирающая всегда была крайне немилостива къ средней своей дочери, мало того — почти ее проклята, Катерина Алексѣевна напомнила о необходимости полнаго прощенья и примиренья. Старушка согласилась и закрѣпила это подписью на письмѣ къ государынѣ: въ этой грамоткѣ она прощала нелюбезную ей Анну ([1]). Мало того, 11 октября, для успокоенія дочери и въ

([1]) Письма этого къ сожалѣнью мы не нашли въ подлинныхъ бумагахъ, но о немъ свидѣтельствуетъ Щербатовъ: «Анна, по словамъ сего историка, съ природы была нрава грубаго, отчего и съ родительницею своею въ ссорѣ находилась и ею была проклята, какъ мнѣ извѣстно сіе по находящемуся въ ар-

угоду государыни-невѣстки, старушка продиктовала слѣдующее письмо:

«Любезнѣйшая моя царевна Анна Ивановна! Понеже нынѣ болѣзни во мнѣ отчасу умножаются, и такъ отъ оныхъ страждy, что уже весьма и жизнь свою отчаяла; того для, симъ моимъ письмомъ напоминаю вамъ, чтобы вы молились обо мнѣ Господу Богу, ежели Его Творца моего воля придетъ, что я отъ сего свѣта отыду. Также слышала я отъ моей вселюбезнѣйшей невѣстушки, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, что ты въ великомъ сумнѣніи, яко бы подъ запрещеніемъ (или тако рещи, проклятіемъ) отъ меня пребываешь, и въ томъ нынѣ не сумнѣвайся; все для вышепомянутой ея величества моей вселюбезнѣйшей государыни невѣстушки отпущаю вамъ, и прощаю васъ во всемъ, хотя въ чемъ вы предо мною и погрѣшили. Впрочемъ, предавъ васъ въ сохраненіе и милость Божію, остаюсь мать ваша Прасковья.»

На другой день въ городѣ пронесся слухъ, что царица не проживетъ и нѣсколькихъ часовъ; но она промучилась еще сутки. Государыня была у ней утромъ, и потомъ провела день въ большомъ обществѣ: во дворцѣ былъ большой обѣдъ съ пушечной пальбой съ невскихъ судовъ, съ танцами и проч. Императора не было: онъ еще нѣсколько дней тому назадъ уѣхалъ съ небольшой свитой осматривать ладожскій каналъ, при прорытіи котораго оказалось множество злоупотребленій.

Такимъ образомъ Петръ Алексѣевичъ, вопреки Голикову (¹), не присутствовалъ при послѣднихъ дняхъ жизни Прасковьи. На разсвѣтѣ 13 октября 1723 года старушка, чувствуя приближеніе кончины, поручила своихъ дочерей «Катюшку и больную Парашу» материнскому попеченію императрицы, настоятельно просила, чтобъ съ ней въ гробъ положили портретъ ея мужа; наконецъ потребовала зеркало, долго въ него смотрѣлась, какъ бы прощаясь сама съ собой и испустила духъ. Капитанъ Бергеръ извѣстилъ дворъ и объѣхалъ сановниковъ съ вѣстью о кончинѣ благовѣрнѣйшей государыни-царицы.

Немедленно дали знать государю; отмѣнили спектакль, имѣвшій быть въ этотъ день во вновь построенномъ для труппы домѣ, и стали толковать о томъ, на сколько времени будетъ наложенъ

хивѣ Петра I-го одному письму отъ ея матери, отвѣтственному на письмо императрицы Екатерины Алексѣевны, чрезъ которое она прощаетъ дочь свою сію Анну. Грубый ея природный обычай не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка и проч. О поврежд. нравовъ въ Россіи, стр. 47.

(¹) Дѣянія Петра I-го т. IX с. 529.

трауръ; думали, что онъ протянется не менѣе полугода; на другой же день дворъ и весь почти городъ облекся въ трауръ.

16 числа государь вернулся въ столицу и начались распоряженія о пышныхъ похоронахъ. Онѣ были назначены 22 октября. Наканунѣ гвардіи маіоръ А. П. Румянцевъ, въ качествѣ маршала погребенія, объѣхалъ именитыхъ лицъ съ приглашеніями, отъ имени дочерей покойной, пожаловать на другой день къ двѣнадцати часамъ на похороны царицы. Толковали (зная страсть государя къ катаньямъ), что тѣло царицы повезутъ водой въ Невскую Лавру, но что оно останется тамъ только до тѣхъ поръ, пока въ Петропавловскомъ крѣпостномъ соборѣ не отдѣлаютъ императорскій склепъ, и что трауръ продолжится не болѣе шести недѣль.

Государь, страстный охотникъ до устройства всякаго рода торжественныхъ и курьёзныхъ зрѣлищъ, самъ озаботился объ украшеніи и обстановкѣ смертнаго одра царицы, по проэкту графа Санти. Ему было очень пріятно любопытство многочисленныхъ посѣтителей, приходившихъ не для одного поклона умершей, но и для того, чтобъ поглазѣть на убранство. Посѣтителей принимали генералы Алларъ и Ласси, первые маршалы погребенія. Вслѣдъ за голштинскимъ герцогомъ протолкаемся и мы къ парадному гробу Прасковьи.

Открытый гробъ съ ея тѣломъ стоялъ на катафалкѣ, устроенномъ какъ парадная постель. Надъ ней возвышался большой балдахинъ изъ фіолетоваго бархата, украшенный галунами и бахрамой, а надъ гробомъ, на той части балдахина, которая спускается въ головахъ, вышитъ былъ золотой двуглавый орелъ на фонѣ, состоящемъ какъ бы изъ горностаеваго мѣха. На внутренней ея сторонѣ стоялъ вышитый же именной шифръ покойной съ императорской короной, скипетромъ и державою на верху. Съ правой стороны, на красной бархатной подушкѣ, лежала царская корона, украшенная довольно богато драгоцѣнными камнями и сдѣланная, сколько позволяла краткость времени, довольно изящно. Возлѣ нея стояло жолтое государственное знамя. Гробъ былъ на возвышеніи о нѣсколькихъ ступеняхъ, обитъ фіолетовымъ бархатомъ и широкимъ галуномъ, крышка украшена крестомъ изъ бѣлой объяри. Изъ той же объяри было платье на Прасковьѣ и покровъ, спускавшійся до катафалка, обтянутаго бархатомъ. По обѣимъ сторонамъ гроба стояло двѣнадцать большихъ свѣчей; кромѣ того въ комнатѣ висѣли три люстры и множество стѣнныхъ подсвѣчниковъ; во всѣхъ горѣли восковыя свѣчи. Вся комната была обита кругомъ чорной байкой, а вверху — по карнизу шла фалбала, эффектно собранная изъ бѣлаго и чорнаго флера... По стѣнамъ висѣли разныя аллегоріи. Тѣло охраняло двѣ-

надцать капитановъ въ чорныхъ кафтанахъ, длинныхъ мантіяхъ, съ чорнымъ флеромъ на шляпахъ и съ вызолоченными аллебардами; на длинныхъ концахъ флера, обвязаннаго вокругъ нихъ, висѣли маленькіе щиты съ вензелемъ и гербомъ царицы. У дверей стояли гренадеры, со штыковъ ихъ ружей также спускался флеръ. Надъ тѣломъ поочередно отчитывали двое священниковъ... Все дѣлалось какъ нельзя болѣе чинно, стройно и хорошо. Порядокъ не былъ нарушенъ плакальщиками, стонами и воплями толпы челядинцевъ, приживалокъ покойной, такъ какъ подобныя завыванія и причитыванія надъ умершими строжайше были запрещены Петромъ въ 1716 году, при погребеніи царицы Марфы, вдовствовавшей супруги Ѳедора Алексѣевича (¹).

Прежнее распоряженіе везти тѣло водой было почему-то отмѣнено государемъ въ самый день погребенія. Процессія началась въ три часа пополудни, 22 октября. Когда въ передней комнатѣ въ домѣ покойной собралась вся знать и пріѣхала царская фамилія, разнесли всѣмъ глинтвейнъ; послѣ чего всѣ перешли въ большую траурную залу, гдѣ и отслушали панихиду; ее служило все знатнѣйшее духовенство. Било четыре часа, когда вынесли тѣло изъ дому и длинная процессія медленно потянулась по оледенѣвшей, до такой степени скользкой грязи, что всѣ съ трудомъ передвигали ноги, ежеминутно рискуя упасть и вывихнуть ногу, либо свернуть шею. Ни ружейной, ни пушечной пальбы не было, но колокола всѣхъ церквей загудѣли по сигналу спущенныхъ ракетъ.

Шествіе открывалъ гвардіи поручикъ съ восемьнадцатью унтеръ офицерами; они держали на плечахъ тесаки, съ которыхъ спускался длинный флеръ. За ними шолъ первый маршалъ Румянцевъ въ главѣ всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ; всѣ они шли по старшинству, по трое и четверо въ рядъ. За ними должны были идти иностранные министры, но они — во избѣжаніе споровъ о мѣстахъ, не явились; герцогъ голштинскій шолъ со всѣмъ своимъ дворомъ, принцами гессенъ-гомбургскими, съ двумя вице-адмиралами и генералъ-лейтенантами Ягужинскимъ и Минихомъ. Далѣе двигался большой хоръ императорскихъ пѣвчихъ и духовенство съ зажженными свѣчами; за другимъ маршаломъ — Мамоновымъ, выступалъ Матвѣевъ съ царской короной на подушкѣ,—прочихъ регалій и знаковъ не было; двѣнадцать полковниковъ шли въ качествѣ носильщиковъ, однако тѣло не несли, а везли на открытой чорной колесницѣ, на которой для большаго парада гробъ былъ по-

(¹) *Веберъ*: Das veränderte Russland. T. I. стр. 122—123. *Бергольцъ* ч. III стр. 133—145. *Голиковъ* IX, стр. 529—530.

ставленъ очень высоко; съ него спускался до земли чорный бархатный покровъ, обшитый серебряными галунами. Въ колесницу впряжена была шестерка большихъ, какъ слѣдуетъ завѣшанныхъ лошадей; шесть маіоровъ несли фіолетовый бархатный балдахинъ, вокругъ шло двѣнадцать капитановъ-аллебардистовъ и столько же поручиковъ съ большими свѣчами.

Маршалъ Алларъ съ громаднымъ жезломъ открывалъ третье отдѣленіе шествія: его составляли *траурные*. То были: императоръ, ведомый Апраксинымъ и Меншиковымъ, герцогиня мекленбургская въ глубочайшемъ траурѣ, съ совершенно закрытымъ лицомъ; ее вели подъ руки оберъ-полиціймейстеръ и А. И. Ушаковъ, шлейфъ несли четыре прапорщика гвардіи; въ такомъ же траурѣ шла Прасковья Ивановна, поддерживаемая контръ-адмираломъ Сенявинымъ и генералъ-адъютантомъ Нарышкинымъ, шлейфъ несли унтеръ-офицеры. Императрица также была въ траурѣ, съ закрытымъ лицомъ, равно какъ и остальныя дамы ея свиты. До полутораста унтеръ-офицеровъ и солдатъ съ зажженными факелами вытягивались по сторонамъ; воинская же команда замыкала шествіе.

Оно подвигалось крайне медленно. Царевна Прасковья, за ней императрица, герцогиня и всѣ дамы сѣли въ кареты; мущины шли пѣшкомъ, скользили, выступали какъ гуси по льду и страшно мерзли. Болѣе двухъ часовъ двигалась процессія. Ее встрѣтили у воротъ обители всѣ монахи и духовенство; полковники торжественно внесли гробъ въ церковь. Здѣсь молодой священникъ почти цѣлый часъ говорилъ проповѣдь; это вѣроятно былъ панегирикъ умершей царицѣ, и во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть, что интересное для біографіи Прасковьи слово не сохранилось для потомства. По обыкновенномъ служеніи, архіепископъ новгородскій, а за нимъ и все духовенство облобызали руку царицы; къ ней же подвели царевень, онѣ громко рыдали; государыня поцѣловала невѣстушку въ губы; за тѣмъ начались прощанія всѣхъ предстоявшихъ; за цѣлованіемъ государя, положили на лицо покойной портретъ ея супруга, зашитый въ бѣлую объярь, заколотили гробъ и опустили его въ могилу предъ алтаремъ, въ Благовѣщенской церкви. (¹)

(¹) Описаніе Спб. *Богданова*. 1751 г. изд. 1779 стр. 374—375. Описаніе Невской Лавры *Павлова*. 1842 г. с. 65. Оп. Петербурга *Пушкарева* I, с. 142. Царицѣ Прасковьѣ судьба привела почивать въ общемъ склепѣ съ «свѣтъ Катюшкой» (умерла 24 іюня 1733 г.) и непаглядной внучкой Анюшкой, которой суждено было такъ много выстрадать въ злополучной и кратковременной жизни (погреб. 1 марта 1746 г.); въ той же церкви могила сестры царицы, княгини Настасьи Ромодановской (ум. 2 сент. 1736 г.)

Въ домѣ покойной совершены были по обычаю поминки; государь просидѣлъ за столомъ до 11 часовъ ночи. Дня два спустя была страшная попойка у герцога голштинскаго, на дворѣ императорскаго дома начались пытки, нѣсколько знатныхъ персонъ разсажены были подъ стражею за какія-то «государственныя противности»; ихъ ежедневно водили въ цѣпяхъ въ присутствіе сената... все, однимъ словомъ, пошло обычной колеей.

«Свѣтъ-Катюшка», какъ и надо было ожидать по ея характеру, скоро очень развеселилась; она увѣряла, что причина ея веселости заключается въ добрыхъ вѣстяхъ о благовѣрномъ супругѣ: дѣла его будто бы поправлялись, въ Данцигѣ съ нимъ вели переговоры уполномоченные австрійскаго императора и англійскаго двора; Петръ также отправилъ туда курьера.

Братецъ покойной, Василій Ѳедоровичъ, хлопоталъ о раздачѣ монастырямъ и нищей братіи на поминъ о душѣ Прасковьи милостыни (¹), а государь приказалъ всѣ дѣла царицы привести въ надлежащій порядокъ, представить смѣту долговъ, удовлетворить кредиторовъ, положить штаты царевнамъ, позаботиться объ оставшихся больныхъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ ея служителяхъ.

Долговъ у старушки оказалось немало; Прасковья до такой степени не умѣла заправлять своими достатками, что постоянно нуждаясь въ деньгахъ, закладывала даже вещи; императоръ приказалъ Ѳедору Воейкову позаботиться о выкупѣ этихъ закладовъ. Выкупъ продолжался еще и въ 1724 году: такъ отъ 3 апрѣля сего года мы находимъ указъ государя Дмитріеву-Мамонову о заплатѣ денегъ строителю Бурнашеву за заложенныя у него царицей каменья и жемчугъ.

На погребеніе царицы употреблено было 624 свѣчи, всего сожжено воску 6 пудовъ 11 фунтовъ, по разнымъ цѣнамъ на 73 руб. Бергъ-коллегія потребовала этихъ денегъ отъ наслѣдницъ Прасковьи; но управитель ихъ отвѣчалъ: «что денежной казны въ присылкѣ изъ вотчинъ ихъ высочествъ не имѣется, а понеже тѣ восковые заводы заведены изъ кабинета его величества, и чтобъ тѣхъ денегъ на комнатѣ ихъ высочествъ не спрашивать, ибо тѣ свѣчи употреблены на погребеніе ея величества государыни царицы.»

Государь повелѣлъ поставить свѣчи на кабинетскій счетъ. (²) Въ кабинетъ его поступило, по случаю распорядка дѣлъ Прасковьи, много челобитень разныхъ лицъ объ удовлетвореніи ихъ слѣдуе-

---

(¹) Кабин. дѣло II полов. кн. *LXIV* л. 147, вѣдѣніе В. Ѳ. Салтыкова.

(²) Каб. дѣло II полн. кн. *LXVI* л. 888 въ кабинетъ Е. Ц. В. доношеніе.

мыми имъ деньгами, получки которыхъ они никакъ не могли добиться отъ царицы. Въ числѣ челобитчиковъ былъ и воспитатель дочерей Прасковьи, Стефанъ Рамбурхъ. «Въ прошломъ 1703 году, писалъ между прочимъ французъ, зачалъ я по указу со всякою прилежностью танцу учить ихъ высочествамъ государынямъ царевнамъ; служилъ имъ пять лѣтъ до 1708 года. А за оные мои труды обѣщано мнѣ жалованья по 300 рублей на годъ, къ чему представляю въ свидѣтели Остермана, который тогда ихъ высочества нѣмецкому языку училъ. Однакожъ принужденъ послѣ десятилѣтнихъ моихъ докукъ въ Москвѣ, домъ мой оставить, и пріѣхавъ въ Петербургъ, непрестанно просить о выдачѣ моихъ денегъ ея величество блаженной памяти государыню царицу, которая изволила ото дня до дня отлагать. А послѣ смерти ея величества билъ я челомъ ея высочеству, государынѣ царевнѣ герцогинѣ Мекленбургской, и ея высочество не изволила жъ мнѣ никакое удовольствованіе учинить»...

Вслѣдствіе чего Рамбурхъ просилъ государя выдать заслуженные имъ 1500 рублей, чтобъ вѣрные труды вотще не остались и ему, Рамбурху, «при глубокой его старости съ великою фамиліею возможно было пропитаться, непрестанно Бога моля о здравіи государя и всего августѣйшаго дома.»

Государь внялъ мольбамъ. Французъ получилъ слѣдуемыя деньги, кромѣ того годовой окладъ, и обрадованный милостями, не замедлилъ ударить новой челобитной. Какъ истый французъ, онъ жаждалъ — чина! Съ упрекомъ ставилъ онъ на видъ то обстоятельство, что «французанинъ не возмогъ отъ царевенъ никакой уплаты трудамъ своимъ получить», а между тѣмъ ему принадлежитъ честь «обученія ихъ высочества зачалу или основанію французскаго языка». Учитель просилъ какого-нибудь чина, который, по его увѣренію, нуженъ былъ для упроченія и вящшаго обученія двухъ его сыновей во Франціи «такимъ наукамъ и художествамъ, какія его величество повелитъ, чтобы съ своимъ возвращеніемъ въ Россію возмогли бы достойно явиться въ службу и съ пользою могли бы быть употреблены.» (1)

Неизвѣстно получилъ ли желаемый чинъ докучливый французъ, но во всякомъ случаѣ справедливый упрекъ его Катеринѣ Ивановнѣ теряетъ свою силу, когда знаешь разстроенное положеніе ея финансовъ. Она смѣнила казначея Тихменева, стариннаго врага Деревнина, но дѣла отъ этого не улучшились. Секретарь Арцыбашевъ,

---

(1) Челобитныя Рамбурха 1723—1724 г. на французскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ въ *кабин. дѣл. II* полов. кн *LXV л.* 726. кн. *LXIX л.* 118—119.

которому государь вмѣстѣ съ другими поручилъ разсмотрѣть приходо-расходныя смѣты комнаты ихъ высочествъ, никакъ не могъ добиться толку, куда дѣлась та или другая сумма, выданная покойной царицѣ изъ кабинета и не введенная въ расходъ. (¹)

Окладъ царевень Катерины и Прасковьи въ 1723—1724 годахъ былъ слѣдующій: въ годъ на двѣ комнаты отпускалось 9000 рубл.; на четыре комнаты, за конскіе кормы, за дрова и за починку каретъ — 3203 руб. 84 к., чиновнымъ боярынямъ, казначеямъ, постельницамъ, дѣвицамъ, истопникамъ, сторожамъ, крестовымъ дьякамъ, портомоямъ и портомоянымъ сторожамъ — 953 р. 60 к. Дворовымъ, конюшеннымъ и верховымъ людямъ — 1740 р. 73½ к., и того на оба двора царевень въ годъ 14,898 рубл. 17½ коп.

Въ смѣтѣ на 1725 годъ послѣдовали нѣкоторыя перемѣны, но не къ увеличенію, а напротивъ къ уменьшенію оклада: на двѣ комнаты царевень отпущено было на годъ на конскіе кормы, на дрова и починку каретъ — 1601 руб. 92 коп.; чиновнымъ служительницамъ и крестовымъ дьякамъ — 476 руб. 80 коп., дворовымъ и конюшеннаго чина людямъ — 870 руб. 36¾ коп.; да на рожь и овесъ — 3,380 руб., и того 6,329 руб. 8¾ коп. (²)

Мы видѣли какъ скоро утѣшилась Катерина Ивановна, не долго тосковала по матери и сестра ея Прасковья. Иноземные писатели свидѣтельствуютъ, что она тайно обвѣнчалась съ Иваномъ Ильичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, генераломъ и сенаторомъ. Тайный супругъ царевны Прасковьи былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствователей при составленіи того акта, которымъ Анна Ивановна призывалась на всероссійскій престолъ, но ради жены своей не только не подвергся опалѣ, но снискалъ милости новой государыни. Онъ не долго пользовался ими: Мамоновъ умеръ скоропостижно въ 1730 году. Прасковья немногимъ пережила любезнаго ей супруга; она скончалась на рукахъ сестеръ въ 1731 году. (³)

Прощаясь съ героями и героинями нашего разсказа, забудемъ ли Василія Ѳедоровича Деревнина, благодаря жженію котораго мы

(¹) *Кабин. дѣла II* пол. т. *LXVIII л.* 589—590. Оправдательное письмо Тихменева къ монарху о приходахъ и расходахъ царицы, 5 дек. 1724 г. Справки о томъ же: *Каб. дѣл. I* пол. кн. *LXIV л.* 367 и проч. Указъ въ москов надворн. судъ о взысканіи съ служителей Аргамаковыхъ начетныхъ 3000 руб., принадлежащихъ царицѣ Прасковьѣ. *Голиковъ IX*, 474. Тяжба Тихменева съ Терскимъ продолжалась долго. Государь между прочимъ повелѣлъ Тихменеву отвѣтствовать на своеручные его запросы. Въ чемъ они состояли и чѣмъ кончилось дѣло, мы еще не доискались.

(²) *Каб. дѣла II* полов. кн. *LXV л.* 479. кн. *XCII л.* 433—437.

(³) Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode des Kaisers Peter des Grossen, соч. Шмита Физельдека.

познакомились съ нѣкоторыми особенностями характера благовѣрной старушки? Къ сожалѣнію свѣдѣнія наши объ окончательной судьбѣ кончепаго стряпчаго крайне неудовлетворительны; 24 сентября 1724 года, т. е. два года спустя послѣ объясненія Прасковьи съ стряпчимъ-казначеемъ, государь, удосужившись прочесть экстрактъ его дѣла, приказалъ генеральному суду либо принять Деревнина подъ свой караулъ, либо отослать его въ юстицъ-коллегію. Надо думать, что въ октябрѣ того же года состоялось о немъ какое-либо распоряженіе, такъ какъ дѣло, сдано было (24 октября) на храненіе въ тайную канцелярію, въ картонахъ которой оно находится и въ настоящее время.

Получилъ ли Деревнинъ свободу, или отправленъ для отвращенія дальнѣйшихъ проволочекъ (что случалось зачастую) въ Сибирь, «на государеву службу» — неизвѣстно. (¹)

Какъ ни скуденъ нашъ очеркъ матеріалами (кто не знаетъ, какъ трудно они отыскиваются), но мы надѣемся, что личность блаженной памяти благовѣрнѣйшей государыни царицы Параскевы Ѳедоровны обрисовалась предъ нашими читателями. До сихъ поръ мы встрѣчали эту женщину въ нашихъ печатныхъ источникахъ, въ спискахъ лицъ, участвовавшихъ въ той либо другой процессіи, либо читали два-три слова о вниманіи и расположеніи къ ней Петра Алексѣевича. Затѣмъ она все-таки оставалась какимъ-то безплотнымъ, безцвѣтнымъ существомъ, съ именемъ котораго мы не соединяли ни малѣйшаго понятія; Прасковья представлялась намъ такою же безличною тѣнью, какою до сихъ поръ остаются въ исторіи Петра большая часть его сподвижниковъ и сподвижницъ.

Мы убѣждены, что для полной исторіи того времени, для яснаго, отчетливаго знакомства съ обществомъ, съ духомъ той эпохи, съ обстановкою Петра, необходимо болѣе или менѣе близкое знакомство не только съ государственными дѣятелями, сподручниками, птенцами Петра, но и съ тѣми, мужскими и женскими, знатными

(¹) Послѣдняя бумага, относящаяся къ сему дѣлу, есть представленіе тайной канцеляріи, 9-го ноября 1724 г., въ кабинетъ его величества копіи съ жалобы Терскаго (1722 г.) на московскую полицію и Степана Тимоѳеева, «чтобъ была та просьба (а рѣшеніе по ней не положено) извѣстна въ кабинетѣ, а къ тайной канцеляріи впредь къ неисправленію чего не причлось бы, понеже о деньгахъ (начеты на Деревнина царицею) по оной канцеляріи не приличествуютъ.» Карт. XV. л. 45—46.

и незнатными персонами, которымъ выдалась замѣтная роль въ общественной жизни, которыя наконецъ могутъ служить типическими представителями и представительницами своего общества.

Царица Прасковья — именно одна изъ такихъ личностей. Въ ней мы видимъ женщину до-петровскую, съ суевѣріями, предразсудками и ханжествомъ, и женщину петербургской преобразовательной эпохи, съ умѣньемъ примѣняться къ обстоятельствамъ, къ характерамъ вліятельныхъ лицъ, съ извѣстными уступками современному духу въ обученіи дѣтей, въ препровожденіи времени, въ забавахъ, развлеченіяхъ; наконецъ, — и это всего важнѣе, — личность Прасковьи интересна для насъ уже потому, что она мать императрицы Анны Ивановны. Исторія Анны (если мы ее дождемся) ни въ какомъ случаѣ не обойдетъ царицу Параскеву.

Прислушайтесь къ отзывамъ современниковъ объ Аннѣ Ивановнѣ. Анна, по свидѣтельству одного изъ нихъ, не имѣла блистательнаго разума, но имѣла сей здоровый разсудокъ, который тщетной блистательности въ разумѣ предпочтителенъ. Съ природы нраву грубаго... ея природный грубый обычай не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо она родилась во время грубости Россіи, а воспитана была и жила тогда, какъ многія строгости были оказуемы; а сіе учинило, что она не щадила крови своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содроганія подписывала... Не имѣла жадности къ славѣ, и потому новыхъ узаконеній и учрежденій мало вымышляла, но старалась старое, учрежденное содержать... Не можно оправдать ее въ томъ, что бывшій у нея гофъ-мейстеръ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ, а потомъ Биронъ и явно любимцемъ ея былъ, но наконецъ при старости своихъ лѣтъ является, что она его болѣе, яко нужнаго друга себѣ имѣла, нежели какъ фаворита», и проч. (1)

Подобные отзывы объ Аннѣ Ивановнѣ, разсказы о ея суевѣріи и проч., живо представляютъ намъ сродство ея характера, привычекъ, даже взглядовъ на вещи съ характеромъ, достоинствами и недостатками ея матушки. Вліяніе царицы Прасковьи не могло не отразиться на развитіи императрицы Анны. (2)

---

(1) *Щербатовъ* с. 47—48.

(2) Намъ остается сказать нѣсколько словъ о портретѣ Прасковьи. Онъ помѣщенъ въ изданіи г. Фридебурга: «Царственный домъ Романовыхъ», и какъ видно изъ подписи: «компонованъ съ портрета Московскаго Новоспасскаго монастыря.» Мы не видѣли оригинала; по словамъ г. Фридебурга — оригиналъ рисованъ масляными красками и надпись его гласитъ такъ: «Царица Праскева Ѳедоровна.» Не смотря на надпись, мы однако сильно сомнѣваемся,

чтобъ это былъ портретъ царицы. Въ сомнѣніе повергаетъ насъ костюмъ Прасковьи: царица изображена какъ въ копіи, такъ и на оригиналѣ (по свидѣтельству г. Фридебурга), съ открытою грудью, декольте, въ высокомъ корсажѣ, съ выдавшимся лифомъ, съ короткими рукавами стянутыми брошками, въ богатой мѣховой мантіи, небрежно накинутой на лѣвое плечо. Вообще костюмъ чисто иноземный, а извѣстно, что царица не любила и не носила его даже до старости, а тѣмъ болѣе не могла носить въ молодые годы; она представлена здѣсь красавицей, лѣтъ 25-ти. Наружность Прасковьи Ѳедоровны, если вѣрить этому, быть можетъ мнимому, во всякомъ случаѣ единственному портрету, была весьма привлекательна; она изображена здѣсь стройною, статною, съ высокою грудью, полнымъ лицомъ и прекрасно очерченными бровями; волосы, зачесанные маленькими завитками на лбу, безъ пробору, густыми, роскошными косами ниспадаютъ на плечи. Въ описаніяхъ Новоспасскаго монастыря, изд. 1802, 1821 г. и 1843 г., ничего не говорится о хранящихся въ монастырѣ портретахъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

Въ текстѣ статьи нашей мы привели только болѣе характеристическіе отрывки изъ подлинныхъ писемъ царицы, ея дочери и другихъ лицъ. Но письма эти сами по себѣ, въ цѣломъ, составляютъ столь важные документы для біографіи Прасковьи, что мы нашли нужнымъ помѣстить ихъ здѣсь, разумѣется интереснѣйшія, съ соблюденіемъ орѳографіи подлинниковъ, но съ разстановкой знаковъ препинанія. Печатаемъ въ настоящихъ приложеніяхъ 11 писемъ: первое изъ нихъ 1713 года принадлежитъ царевнѣ Катеринѣ, оно писано къ государынѣ; за тѣмъ остальные десять писаны Прасковьей къ ея дочери Катюшкѣ; только на одной изъ этихъ грамотокъ выставленъ 1722 годъ, 16 мая; но по содержанію остальныхъ писемъ видно, что они относятся къ послѣдней половинѣ 1721 и началу 1722 года. Нечего и говорить, что ни одно изъ писемъ не было еще напечатано, они скопированы нами съ подлинниковъ.

1) Предражайшая и прелюбезнийшая моя невѣстушка, царица Екатерина Алексѣевна, здравствуй, свѣтъ мой на множество лѣтъ! Здравствуі матушка моя ізбратцемъ нашимъ, і снаваражденнаю тщарію вашею, а снашею племянницею, съ царевною Мариею Петровною, на многия лѣта! А внової годъ подаі Господи царевича, чего отъ всего серца желаемъ!

Мы за сие всемилостиваго Бга благодаримъ, что слышимъ про ваше здравие, что васъ Господь Богъ вдобромъ здравіи распростилъ чрезъ такой вашъ дальной путь и трудное.

Пача всего о томъ печально, что давно мы не слышимъ про братцава бытия і здравия, о томъ мы всегда слышели желаемъ.

Благодарствуемъ мы і за сие, что вы, Государыня моя, насъ увѣдомілі о своемъ здравиі; а за сие, за что досадывать свѣтъ моі, что неписала, кали не время была, і впредь галубушка моя о томъ просимъ, чтобы всѣгда слышеть обще о вашемъ здравиі.

Сердешныя моі малютачки, дарагия моі племяницы, Царевна Анна Петровна, Царевна Елисавета Петровна, здравствуіте моі галубушки, ізбатюшкомъ своимъ дарагимъ, і сматушкою своею, і ссестрицею своею махоточкою на многия лета! Тетка ваша Екатерина кланяюся.

Писавшиі сие Екатерина, кланяюся до земли.

із Москвы 19 марта 1713 года.

2) Царевна Катерина Ивановна! Пишу я тебѣ слыша про вашу великою милость: изволили гаварити дядюшка самною; «ежелиде она ка мнѣ приедетъ, я де все ево дела суправлю», и ты Катишка не потеряте своево дела, нераскручинте его Гедря и отъ Бога за нево примете гневъ, ежели не приедете кнамъ, и меня, на масі старасте назади (?) ее нахажу клятву и, какъ возъможна, делаі, штобы вамъ быть сюда.

Мать ваша Ц. П.

Примѣч. Писано собственноручно на маленькомъ лоскуткѣ бумаги.

---

3) Катюшка свѣтъ моі! сбудь на табою миласть Божія и Пресвятые Богородицы милосердие! Пиши, свѣтъ моі, про свое и про мужнее и продочкина здаровье; а я и дѣти, и сестра, да воли Божіей, живы. Давно Катюшка князя кнамъ дядюшка самною изволилъ гаварить, «што бы де приехалъ камнѣ» и ты какъ можна зави ево кнамъ. Будете паедете, не покидаіте дочьки, ненадсадите меня, при маей старости (далѣе рукой секретаря).

И какъ вы поѣдете сюда, і дядюшка, и тетушка будутъ вамъ ради, и ваше дѣло все лучше управятъ, какъ сами увидитесь сними. Ныне, Божіею милостію, дядюшкино дѣло все харашо и Гдь Бгъ кнему милостивъ, можетъ онъ упросить у Бога и васъ утѣшить. Также и отъ меня позови ево (т. е. герцога) кнамъ. Да послалъ къ тебѣ дядюшка: десять косяковъ камокъ; да отъ меня тебѣ послано: мѣхъ лисей, да пару соболей; да сестра тебѣ посылаетъ: мѣхъ лисей, и горностай вашъ, мѣхъ поднеси князю отъ Паранюшки, да семъ брусковъ мыльца грецкаго, да три мѣха лисьихъ расхожихъ, на што згодитце. И тутъ же полажены въ Баулѣ (въ сундукѣ) гастинцы отъ другихъ; да приказано тебѣ, царевна, больше Окуневу на словахъ. Онъ о всемъ скажетъ. А што не своею рукою писала, право не могу, галавою и мало вижу. Все сокрушили меня ваши печали; всеконечно Катюшка дядюшка грилъ: «што какъ приедутъ, всеконечно дѣло ихъ управлю», я непишу никогда ложно. Да съ нимъ же Окуневымъ посланъ къ тебѣ священникъ, да съ нимъ діаконъ Филиппъ і пѣвчей Филька; кажется, люди нарочиты; а буде плохъ, я по зимѣ другова пришлю і чаю сама поѣду къ Москвѣ зимою, и тамъ выберу добрыхъ. А которая у меня дѣвушка грамоте умѣеть, посылаетъ къ вамъ тетрадку; а я ее держу у себя, чтобъ внучка учить Русской грамоте. (далѣе собственноручно) При семъ буть натабою мае и отцово благословение.

Мать ваша Ц. П.

Примѣч. Вслѣдъ за этимъ письмомъ на лоскуткѣ сдѣланъ чертежъ, кажется рукою царицы, но объясненія чертежа не имѣется; это планъ какого-то большого жилья. (Не ея ли большого дома, который начали строить въ Спб. въ 1720

году?) При въѣздѣ въ обширный дворъ два большихъ и почти одинакихъ строенія, въ правомъ 7 отдѣленій, въ лѣвомъ 8; при обоихъ домахъ по два крыльца; къ задней стѣнѣ двора примыкаютъ 8 маленькихъ строеній, вѣроятно службы.

---

4) Царевна Катерина Ивановна здравствуй и смужемъ, и сдочькою! А я еще жива и сестра. Пиши ка мнѣ почаще, некрушите меня, такжа не большоі не зделаі печали, неподи въ законъ дрого неотста себя Бжіей клятвы и наше, а тебя подверждаю Богомъ и Пресвят. Богородицею. Изволь держать Окунева долга, штобы мне поболше провась сказывалъ. А еду я вмаськву (въ концѣ 1721 года) повидаца свашимъ батюшка и Архангела(мъ). А я и сестра еще живы въ печалехъ своихъ. А большая мне печаль а тебѣ; а я очинь болна, помолися за меня. При семъ посылаю тебѣ атцово и мае благословение. Внучька, дружечикъ моі, поцалуй батюшка за меня и матушку; еще друк моі здравствуи! Болше стану писати смаерамъ Салтыковымъ.

Мать ваша Ц. П.

---

5) (Начало собственно ручно, далѣе рукой секретаря:) Царевна Екатерина Ивановна будь натабою милостъ Божия и Пресвятоі Богородицы милосердие и отцова и мае матирина благословение. Пиши ко мнѣ, про свое здоровье і про мужие, і про дочкино почаще. Да пишу ктебѣ свѣтъ моі Катюшка и подкрѣпляи тебя Бгомъ въ твоихъ печалехъ і болѣзнехъ, положи все свое упование на Гда Бга и на Прстую Бгородицу. Можетъ онъ всемилосердый владыка Прсятая Богородица несодѣланное сдѣлать здѣ и въ будущемъ; а печалью себя не убей не погуби души также и храни свой законъ, аки зеницу ока, чтобъ теби стати въ будущемъ со Христомъ во единой вѣре, хотя не вѣдомо што постражди. Не нареди на себя клятвы церковной и нашей. А о васъ Гсдрь соболезнуетъ очень и всяко хочетъ помочь, только невидавши свами нелзя сего дѣла делать. Всеконечно надобно вамъ быть вригу. А Окуневъ посланъ квамъ держи сколько надобно. Поклонись отъ меня мужу своему і внучки маей. А о себѣ пишу тебѣ: лежу болна совсемъ то въ разслабленні ссамаго Рождества, ногами не владѣю, толко что руками, и сестра также мало можетъ безпрестана. А больша на словахъ приказано сОкуневымъ. Да послала я внучке іґрушечки: отдай ей бочечку, да мазикъ. Да прости меня Цревна Катерина, ежели что Гдь сотворитъ; помяни, і я уже ввеликихъ своихъ скорбехъ і не сносныхъ печалехъ не чаю себѣ житія долгова, еще бъ жила толко убила себя печальми великими. А что пишешъ, себѣ про свое брюхо и я, по письму вашему не чаю, што ты брюхата. Живутъ стакие случаи, что непознаетце і я при отцѣ такъ

была: годъ чаяла брюхата, да такъ изашло. Отпиши еще поподлиннѣе про свою болѣзнь и могутъ ли дохтуры вылечить? А мы смосквы еще не слышили находу; толко чаю, што скоро ѣхать. Будетъ мнѣ возможно будетъ ѣхать, и я смосквы прямо кводамъ проѣду. Да отпиши, пожалуй, подлинно, поѣдетель вы ригу или нѣтъ? І ежели тебѣ возможно отъ него, буде не брюхата, по прежнему у насъ побывать, какъ вылечисе для моей старости і для моей болезни, і ежели не брюхата и тебѣ, всеконечно, надобно бытьи а Олонцѣ, у маринальныхъ водъ для етакой болезни. Что пишешь есть опухоль, і отъ такихъ болѣзней і повреженія женскихъ немощей вода зело ползуетъ і вылечиваетъ. Сестра Княгиня Настасья у водъ вылечилась отъ такихъ болѣзней и не пухнетъ и бокъ не болитъ, і немощи уставились помѣсечно порядкомъ. Есть ли непослужатъ дохтурские лѣкарства, всеконечно надобно тебѣ кводамъ ѣхать на Оловецъ. Писавый мать ваша, посылаю благословение. О чемъ (собственно ручно) Катюшка свѣтъ мої писана содержи мой прикасъ.

Ц. Пр.

Внучька свѣтъ мої! утѣшаі батюшка и матушку, не давай имъ крушица. При семъ писавый Бабушка твоя старушка кланяеца

Царица Прасковья.

Москва 1722 года.

---

6) Катюшка свѣтъ мой здравствуй! Пиши ко мнѣ, о твоемъ здоровьѣ, и о мужнѣ, и о дочкѣ: какъ вы въ своихъ печалехъ живете. Пишешь ты, чтобъ я къ тебѣ писала и таперь пишу. Дядюшка и тетушка и сестрицы твои и Паранюшка все въ добромъ здравиі. А о себѣ пишу всеконечно больна и лежу въ разслабленіи, и тебѣ Катюшка всеконечно надобно ко мнѣ пріѣхать для благословения и для утѣшения мнѣ, также чтобъ мнѣ видить твою дочьку безмѣрно желаю. То бъ я утѣшилась чтобъ ея увидѣла. О приѣздѣ вашемъ доношу, что многое получите у дядюшки, чего желаетъ твой супругъ. Всеконечно упрашивай у мужа, чтобъ былъ въ Ригу; лучше быть въ Ригѣ, нежели во Гданскѣ, для самой вашей пользы, и дядюшка мнѣ самъ изволилъ приѣзжая грить, чтобъ писать вамъ, чтобъ вы были, по нуждѣ и хоть бы одну тебя отпустилъ поскаряе здочкою. А о болѣзни своей, что ты ко мнѣ писала, я удивляюсь тому, что какое твое брюхо? Надобно гораздо пользоватца и зело сокрушаюсь, ежели бы были вмѣстѣ, могли въ всякую пользу зделать. По письму вашему, всеконечно будутъ вамъ воды дѣйствовать вашей болѣзни, также и дядюшка изволилъ разсуждать про болѣзнь твою, какъ чель письмо то, которое ко мнѣ пишешь, чтобъ конечно вамъ ѣхать къ водамъ, какъ вриге будете, для того что отъ риги недалеко. Сестра моя, княгиня Настасья, больши 15 лѣтъ все чаяла брюхата и великую скорбь имѣла, пожалѣла и распухла, и болѣзни ея и докторы всѣ отказали, и ее Гсдрь изволилъ послать кводамъ,

и она отъ тѣхъ водъ выздоровела: какъ небывало болѣзни, и все стало быть времянно! Какъ можно царевна Екатерина такъ дѣлай, чтобъ вамъ здѣсь быть, для ради моего утѣшенія и для своего дѣла: а больше дядюшку нераскручиньте что не быть, потому что время есть такое, что можно вамъ быть. А ежели за чѣмъ отложите, то дядюшку раскручините и меня опечалите, и отъ Бога грѣхъ будетъ. А у дядюшки всю свою пользу потеряете; всеконечно быть надобно любезному супругу вашему, а по нуждѣ хотябъ тебя прислалъ здочкою; пожалуй дай мнѣ видить для самаго Бога и Пресвятой Богородицы дочьку свою, хать на часъ. А мнѣ не долга жить: болезни у меня познелись великие мокротная, каменная, падагра и моей натуре такихъ болезней долго не свесть. А по прибытіи своемъ въ Ригу, ко мнѣ отправь тотчасъ изъ сестриныхъ служителей, да отпиши противъ сего письмо, какъ можно поскаряе, хотя къ сестре въ Митаву, а она бъ ко мнѣ тотчасъ прислала. А письмы твои Катюшка чту и всегда плачу на ихъ смотря. Очень нужно намъ видѣтца: отъ меня проси зятя, своего любезнаго супруга, чтобы пожаловалъ меня послушалъ, приѣхалъ для самой своей лучшей пользы. И убытку вамъ здѣсь никакого небудетъ, все будетъ Государево При семъ буди надъ тобою милость Божія и Пресвятой Бцы милосердие, отца твоего и моего благословеніе.

Мать ваша Ц. Пр.

Василій Алексѣевичъ (Юшковъ) и все домашніе поклонъ отдаютъ.

А Окунева Катюшка будетъ надобно, держи; буде есть нужда какая приказать и ты ко мнѣ его пришли; а я тотчасъ къ вамъ пошлю. А что пишешъ, чтобъ не присылать женскаго роду (прислугу) вригу, и я вить пришлю не на твоимъ коште; хотя негодны будутъ вамъ и онѣ назадъ приѣдутъ, и о томъ отпиши присылать или нѣтъ.

Изъ Москвы 1722 года 15 мая.

Матушка моя Государыня здравствуй, купно и съ супругомъ своимъ Гсдремъ моимъ и здочерью, моею Государынею!

Рабъ вашъ Василій Салтыковъ (братъ царицы). . . . . .

---

7) Катюшка свѣтъ мої здравствуі! Паслала я ктебѣ Алексѣя Татищева для таво, што пиши(ешъ, что) немогла (т. е. была больна) твоя дочька, а мая внучька. И я думаю, што вы долга не будете. Пришлите вѣдомасть, где вы таперева? штобы вѣдать мнѣ и ежели сестра выедетъ васъ встретить. — Пуще тошна. Ждемъ да не дождемся. Алѣксѣі квамъ наскоре посланъ и естьли тебя Алѣксѣі Татищевъ встретить на дароге, и ты і м вазми у нево на дороге сестрины писма и будетъ, будетъ скѣмъ послать, и ты пошли кнеі; а ему не велела я ехать вмитаву. Писавші, мать ваша Ц. П. внучка моя

с м здравствуй приезжаі с м поскорес, не магу я васъ дождатца и Бгъ вѣсть, дождуся ли я или нетъ, по своеі болезни Ц. П.

А сестрино письмо своею печатью запечатаі і оташи.

---

8) Царевна Катерина Ивановна здравствуй! Внучка свѣтъ мой здравствуй! Я васъ, свѣтовъ своихъ, дожидаю врадости; а болши вѣры нейму, што будете; кажетце не будете; ежели мошно поспѣшите поскоряе для тово, что детяти долго вдароге быть трудно и для моей балѣзни. А я васъ послала встрѣтить Татьяну стоварищи и какъ встрѣтятъ тебя, изволь ко мнѣ прислать Топоркова поскаряе. Ежели мнѣ будетъ возможно, я сама выѣду васъ встрѣтить или сестру вышлю; у меня свѣтъ мой вамъ и харомы вычищены для вашево пакою. Чаю, вамъ ѣхать трудно вдароге, а болше таво детяте великой трудъ; а я думаю никакъ васъ недождусь по своей балѣзни. Отнакоже отъ лому есть палегче, толко нехажу. Хотя бы взглянуть на внучку. При семъ буди свами милость Божія и пресвятѣй Богородицы і мое благословение. А у меня вдомѣ, свѣтъ мой, всѣ радаютце твоему приѣзду; а наипаче дочки вашей. Я васъ свѣтовъ маіхъ внучка и душечка пато (?) . . . . . Мать ваша Ц. П.

---

9) Катюшка, свѣтъ мой, здравствуй! Послала я къ тебѣ Василья Алексѣевича, вмѣсто себя, и ты Катюшка подержи его у себя день; да ко мнѣ пришли поскоряе, чтобы я тебя встретила сама, ежели помогу. Внучка, свѣтъ мой, поскоряе ко мнѣ пріѣзжай, а я тебя не могу дождаться!

Прибуди надъ вами милость Божия и пресветые Богородицы милосердие и мае благословение. Мать ваша Ц. Пр.

Сестрица, свѣтъ мой, . . . здравствуй мої свѣтъ на лѣта многія! Пожалуй, светъ мои сестрица, изволь пріѣзжать поскорая кнамъ; и спринцессаю здарагою нашею. Сестра твоя Прасковья.

друкъ мой племянница здравствуй!

Т. (тетка) П. (Прасковья.)

(далѣе приписываютъ сначала бабушка, потомъ тетка):

Посылала я, свѣтъ мої, внучка, сережки маленкия. Пасн на сдаровия. И я посылаю тебѣ, светъ мой племянница, каробачьку вологацькаго гастинца, тетка . . . . . Т. П.

И еще посылаю кошеньку (игрушку) серебьреную.

---

10) (рукой секретаря:) Другъ мой сердешной внучка здравствуй збатюшкомъ и сматушкой! Пиши ко мнѣ о своемъ здоровье і про батюшкино і про матушкино здоровье своею ручкою. Да поцелуй за меня Батюшка и матушку; Батюшка въ правой глазокъ, а матушку въ лѣвой. Да посылаю тебѣ, свѣтъ мой, гостинецъ: кафтанецъ теплой для того, чтобъ тебѣ тепленко ка мнѣ ѣхать; да послана ктебѣ баулочка (коробочка), а въ ней сто золотыхъ и ты изволь ими тѣшитце; да досканцы (табакерка) утѣшай, свѣтъ мой, батюшка и матушку, чтобъ онѣ ненадсажались въ своихъ печалехъ и пазови ихъ ка мнѣ вгости, і сама сними приезжай. І я чаю, што съ тобою увижусь, што ты у меня вумѣ непрестанно. При семъ отдай поклонъ отцу и матери отъ меня. (далѣе собственноручно) Да посылаю я тебѣ свои глаза ☉ ☉ старые, а уже чуть видѣтъ свѣтъ. Бабушка твоя старенькая хочитъ тебя внучьку маленькаю видѣть

Царица Прасковья.

---

11) Внучька, свѣтъ моі! Желаю я тебѣ, друкъ моі сердешноі, всякаго блага, ото всево маево сердца. Да хочеца, хочеца, хочеца тебя, друкъ моі внучька, мнѣ бабушке старенькаі видить тебя маленькаю и подружица стабой. Стараі смалоі отчинь живутъ дружна. Да позави ка мнѣ батюшка и матушку вгости и поцалуй ихъ за меня, и што бы ане привозили и тебя. А мнѣ стабою інекакихъ нуждахъ, самыхъ тайныхъ подумать и перегаваривать (надобно). При семъ еще здравствуй! Бабушка твоя кланяеца

Ц. Пр.

Примѣч. Писано на весьма маленькомъ листикѣ, тщательно обрѣзанномъ въ форматъ письма.

ОПЫТЪ
ИСТОРИЧЕСКАГО ОПРАВДАНІЯ
ПЕТРА I^го

ПРОТИВЪ ОБВИНЕНІЙ НѢКОТОРЫХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Карла Задлера.

Bleibe Pfäfflein, fürcht dich nitt;
Sag' dein Sprüchlein, theil's uns mit.
WALLENSTEIN'S LAGER.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 3 февраля 1861 года.

Цензоръ *К. Оберть.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА И КОМП.

Въ 1860 году явилось нѣсколько статей о Петрѣ Великомъ, оправдывающихъ отзывъ Устрялова (ч. Исторія Царства Петра Великаго Н. Устрялова, томъ I, введенія стр. XXX). «Прекрасно было начало дѣеписанія о Петрѣ; продолженіе далеко не соотвѣтствовало началу: писано много, но едва ли обрисована и тѣнь его величія».

Тѣ статьи, о которыхъ мы будемъ говорить, относятся болѣе къ Петру, какъ къ частному лицу, чѣмъ какъ къ правителю. Онѣ силятся доказать, что онъ былъ неправосуденъ, пристрастенъ, непостояненъ и жестокъ.

Разсмотримъ сначала кратчайшую изъ нихъ, статью г-на Ц., напечатанную подъ заглавіемъ: «*Фреймина Гамильтонъ*» (статья эта напечатана въ Сѣверной Пчелѣ 1860 г., № 73, и подписана буквою Ц; но въ извлеченіи изъ Сѣверной Пчелы, 1-го апрѣля 1860 г., помѣщена на стр. 13, и уже подписана: А. Циммерманъ). По его вызову нѣкоторые изъ писателей доставили дополнительныя къ сей статьѣ свѣдѣнія, частію въ Сѣв. Пчелу, частію въ С.-Петербургскія Вѣдомости; но замѣчательнѣйшія свѣдѣнія сообщены г. Семев-

скимъ, въ статьѣ его подъ заглавіемъ тоже: *Фрейлина Гамильтонъ* (см. сентябрьск. кн. Отеч. Запис. 1860 г.). Статья эта доказываетъ, что авторъ ея вполнѣ изучилъ литературу того времени.

Статья Циммермана можетъ подать поводъ къ однимъ только разсужденіямъ, но отнюдь не къ обвиненію Петра относительно Гамильтонъ; самъ положительный Семевскій не рѣшается на это, сказавъ на стр. 240: «Не станемъ распространяться о томъ: вѣрно или не вѣрно сужденіе неизвѣстнаго автора».

Послѣ такой осторожности со стороны подобнаго авторитета, какъ г. Семевскій, невольно проникнемся чувствомъ сильнаго негодованія къ современнымъ русскимъ историкамъ, прочитавъ статью Погодина (см. Русск. Бесѣда 1860 г., № 1). Возьмемъ для примѣра хоть одинъ слѣдующій отзывъ Циммермана: «Въ то время уже дѣло царевича было порѣшено, Алексѣй Петровичъ скончался, и потому можно было *свободно заняться и другими розысками*». Подобный отзывъ не выражаетъ ли явно желаніе автора доказать, что розыски составляли какъ бы особый предметъ занятій Петра, и что, какъ человѣкъ, онъ былъ мало доступенъ нравственности, а какъ правитель не достаточно заботился о прочихъ дѣлахъ управленія? Еще полнѣе и строже, съ основательными историческими познаніями (которыхъ у г. Циммермана совершенно недостаетъ) уничтожилъ достоинства Петра, какъ человѣка, г. Погодинъ, и представилъ его карателемъ человѣчества! И объ этомъ сочиненіи произноситъ свое сужденіе г. Семевскій (стр. 277; прим. 79): «По поводу VI тома Исторіи Петра, соч. Устрялова, написано было нѣсколько статей. Между всѣми

ими занимаетъ первое мѣсто изслѣдованіе М. И. Погодина. Этотъ трудъ въ высшей степени замѣчателенъ, и тѣмъ болѣе долженъ быть интересенъ для всѣхъ, что ученый авторъ, 30 лѣтъ тому назадъ, перепечатывая розыскное дѣло 1718 г., предпослалъ ему, въ видѣ догадки, свой взглядъ на весь этотъ ужасный эпизодъ царствованія Петра. Догадка оправдалась, и чрезъ 30 лѣтъ развита тѣмъ же историкомъ въ рядъ въ высшей степени самобытныхъ взглядовъ».....

«Изслѣдованіе г. Погодина проливаетъ яркій свѣтъ на Петра, Екатерину, Меншикова, Царевича, его сторонниковъ, и судей. Статья эта останется навсегда драгоцѣннымъ достояніемъ нашей небогатой литературы историческихъ изслѣдованій о XVIII вѣкѣ».

Совершенство не есть удѣлъ человѣка. Однако Петръ, въ сравненіи со всѣми прочими правителями, близко подходитъ къ совершенству. Суровость и жестокость суть тѣневая сторона его образа, онѣ привиты ему вѣкомъ, въ которомъ онъ жилъ, и какъ пята Ахилла могутъ служить цѣлью для стрѣлъ непріятеля. Къ чести его можемъ еще прибавить, что и въ жестокости онъ далеко не превзошелъ свой вѣкъ: его сестра и предшественница Софія была столько же жестока, и притомъ менѣе законна; равно какъ и современники его, когда на долю ихъ выпадалъ судъ, какъ-то: Ромадановскій, Шейнъ и проч. высшіе сановники.

Предпринимая защиту Петра, мы приготовились къ сильнымъ нападеніямъ. Быть можетъ иные упрекнутъ насъ въ томъ, что иностранецъ хочетъ быть судьею въ дѣлѣ Русской Исторіи. Пусть это обстоятельство послужитъ намъ извиненіемъ, если въ рѣчи

нашей встрѣтятся обороты и выраженія, обличающіе незнаніе русскаго языка, и доказывающіе ясно, что мы думали на одномъ, а писали на другомъ языкѣ.

Въ великомъ дѣлѣ защиты Петра мы не одни; вотъ нѣсколько именъ тѣхъ, которые раздѣляютъ наши убѣжденія,—они могутъ служить достаточнымъ авторитетомъ: изъ русскихъ писателей: Ѳеофанъ, купецъ Полотковъ, Неплюевъ, инвалидъ Кириловъ, Нестеуранной, Екатерина II, Голиковъ, Ломоносовъ, Карамзинъ и Устряловъ; изъ иностранныхъ: Софія Доротея Ганноверская, голландскій корабельный мастеръ Cornelius Calf, прусскій инженеръ Stertner von Sternfeld, le duc de St. Simon, Fénélon, графъ Мюнихъ, Doctor Scherdo-Vanderbeck, Baron de Baluze и Heinz, французскій и датскій посланники при Петрѣ, ганноверскій резидентъ Веберъ, Churchill, von Halem, Voltaire, Strahlenberg, Scheltema.

Вотъ и сужденіе одного изъ писателей послѣдней половины прошлаго столѣтія (см. Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго, князя М. М. Щербатова, въ чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1860 г., книга I, стр. 8—9):

«Могу ли я послѣ сего дерзнуть какія хулы на сего Монарха изречи? Могу ли данное мнѣ имъ просвѣщеніе яко нѣкоторый измѣнникъ похищенное оружіе, противу давшаго мнѣ, во вредъ ему обратить? Однако, прости мнѣ, великая душа, если не для охуленія твоего, но для защищенія твоего имяни, осмѣлюся твои пороки изъяснить, дабы показать, коль ихъ добродѣтели превосходили, а самымъ тѣмъ поразить тѣ неблагодарныя сердца, которыя, забывъ твои бла-

годѣянія, забывъ твои услуги къ отечеству, дерзаютъ многія хулы на тебя изблевывать. Колико не есть мое почтеніе къ тебѣ, но не затмитъ оно во мнѣ справедливости, и я потщуся испросить отъ Кліи то златое перо, коимъ на наикрѣпчайшихъ мраморахъ, подъ надзираніемъ истины, она дѣла Монарховъ изображиваетъ. Утверждаюсь въ дерзкомъ моемъ предпріятіи, ибо душа твоя, бывъ одѣяна тлѣнною одеждою, часто жестокія истины отъ подданныхъ своихъ вкушала, то коль наипаче, когда сія между безплотными, изрѣченныя мною истины тебѣ не противны будутъ».

ДѢЛО ФРЕЙЛИНЫ ГАМИЛЬТОНЪ.

Въ 73 № Сѣверной Пчелы напечатана статья г. Циммермана «Фрейлина Гамильтонъ». Въ этой статьѣ авторъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Мы покорнѣйше просимъ занимающихся историческими изслѣдованіями эпохи Петра Великаго, въ особенности г. Семевскаго, поискать еще какихъ-либо свѣдѣній о Гамильтонъ». Пользуясь этимъ вызовомъ, мы позволяемъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на статью г. Циммермана, которыя, хотя не будутъ представлять новыхъ матеріаловъ по дѣлу фрейлины Гамильтонъ, но послужатъ, можетъ быть, къ большему уясненію уже имѣющихся.

Одинъ изъ пороковъ женщины, о которой идетъ рѣчь, былъ тотъ же, что и у «Дѣтоубійцы» Шиллера:

Schönheit war die Falle meiner Tugend,
Auf der Richtstat hier verfluch ich sie.

Кромѣ красоты, она обладала пріятнымъ умомъ и необыкновенною любезностью. Штелинъ говоритъ о ней, что: Der Zar dieses anmutige Fräulein wohl leiden mochte, öfters mit ihr zu scherzen, und ganze Stunden bei ihr zu zubringen pflegte, ja, wie man glaubt, auch wohl manche Galanterie mit ihr getrieben haben mochte» (*).

Не вдаваясь въ біографическія подробности, мы постараемся привести въ ясность собственно тѣ обстоятельства, которыя прямо относятся къ процессу Гамильтонъ. Посмотримъ: 1) была-ли она дѣйствительно дѣтоубійцею? —

2) Какъ наказывали законы тѣхъ временъ дѣтоубійство?—(**)

3) Была-ли Гамильтонъ осуждена уголовнымъ судомъ или просто волею Монарха? —

4) Почему Царь не только ее не помиловалъ, но еще приказалъ пытать *въ другорядь?*

Это послѣднее повелѣніе Петра рождаетъ слѣдующіе вопросы относительно Гамильтонъ: на сколько заслуживаетъ она наше участіе? Была ли она невинная жертва соблазна и одного ли она любила? Одного или нѣсколькихъ дѣтей она погубила? Въ другихъ отношеніяхъ была ли она строго нравственна?

Г. Циммерманъ поставилъ себѣ задачею оправдать незаконно-осужденную:—это видно изъ первыхъ словъ его статьи:

(*) Анекдотъ № 88.

(**) Въ законоположеніяхъ того времени нѣтъ особыхъ пунктовъ о дѣтоубійствѣ, и потому придется въ этомъ случаѣ ограничиться тѣмъ, что сказано объ убійствѣ вообще.

«Въ исторіи Россіи первой половины XVIII вѣка есть много лицъ, которыхъ трагическая судьба должна была спасти отъ забвенія. Эти блѣдныя, окровавленныя тѣни, участь которыхъ мало трогала жесткія, недоступныя состраданію сердца людей, жившихъ въ то ужасное время, встаютъ теперь, одна за другой, изъ могилъ, и являются передъ судомъ потомства, требуя очищенія памяти ихъ отъ *неправеднаго осужденія* и произнесенія *новаго успокоительнаго для нихъ приговора.*»

Относительно узаконеній того времени онъ замѣчаетъ, что, по Уложенію Царя Алексѣя Михайловича, дѣтоубійство наказывалось *не смертью,* а лишь годичнымъ заключеніемъ (*).

Изъ VI тома «Исторіи» г. Устрялова приведена г. Циммерманомъ резолюція Государя о пыткѣ Гамильтоновой: «Деньщика Орлова прислать за карауломъ на Котлинъ-островъ, а *Гаментову* (**) пытать вдругорядь. И буде въ другомъ розыску скажетъ тожъ, что и въ первомъ, а на Орлова ничего не покажетъ, и того Орлова сослать на каторгу, на время, безъ наказанія.»

Далѣе слѣдуютъ предположенія и догадки автора: «Что было настоящею причиною ея осужденія на смерть? Не замѣшалась ли тутъ ревность другой женщины? Неизвѣстно, присутствовалъ ли Петръ Алексѣевичъ

(*) «А буде отецъ или мать сына или дочь *убьетъ до смерти*, и ихъ за то посадити въ тюрьму на годъ, и, отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходити имъ къ церкви Божіи, и у церкви Божіи объявляти тотъ свой грѣхъ всѣмъ, и людямъ вслухъ, *а смертію отца и матери за сына и за дочь не кажити.* (Гл. XXII, ст. 3).

(**) У Голикова она названа Гаментова.

при пыткахъ Гамильтонъ. Въ то время уже дѣло царевича было порѣшено, Алексѣй Петровичъ скончался и *потому можно было свободно заняться и другими розысками.*» Теперь постараемся изложить ходъ дѣла по всѣмъ имѣющимся у насъ даннымъ, и мѣстами будемъ возражать г. Циммерману.

Была-ли Гамильтонъ дѣтоубійцею, ясно можно видѣть изъ Голикова (Дѣянія Петра Великаго, т. XV, отд. 2, Анекдоты, стр. 182, LXXXII, изд. 1843 г.)

«Деньщикъ Его Величества, Иванъ Михаиловичъ Орловъ, узнавъ объ одномъ тайномъ по вечерамъ сходбищѣ, и о составляющихъ оное людяхъ, подалъ о семъ ввечеру-же Монарху записку. Великій Государь, прочтя оную, положилъ въ карманъ сюртука своего: но какъ карманъ подпоролся, то ошибкою бумага попала между сукномъ и подкладкою».

«Сюртукъ сей Монархъ, ложася почивать, обыкновенно приказывалъ класть или подъ подушку свою, или на стулѣ у кровати».

«Когда же Его Величество заопочивалъ и г. Орловъ, окончившій дневанье свое, прогулялъ съ пріятелями своими всю ночь, Монархъ, проснувшись, захотѣлъ записку ту разсмотрѣть точнѣе; но, не найдя оной въ карманѣ, заключилъ, что она украдена, и крайне прогнѣвался; онъ приказалъ позвать къ себѣ г. Орлова, который раздѣвалъ его, но его не нашли. Естественно должно было Государю въ большій отъ сего придти гнѣвъ; онъ велѣлъ его сыскать скорѣе; поелику же долго его сыскать не могли, то тѣмъ больше гнѣвъ его долженъ былъ увеличиться. Наконецъ, сысканъ будучи, Орловъ узналъ, что Монархъ чрезмѣрно на него гнѣвается; не вѣдая жъ тому причины,

заключилъ, что конечно узналъ Государь о любовной его связи съ камер-фрейлиной Гамильтоновою, любимицею Ея Величества. Въ таковыхъ мысляхъ вышедши, и увидя Монарха весьма гнѣвнаго, упалъ къ ногамъ его, вопія: «виноватъ, Государь! люблю Марьюшку!» (такъ называлась фрейлина оная). Государь, изъ сего увидя, что въ похищеніи бумаги онъ невиненъ, успокоился, особливо же когда въ то же самое время дневальный деньщикъ, г. Поспѣловъ, сыскавъ оную въ сюртукѣ, принесъ къ Монарху, сказавъ гдѣ онъ ее нашелъ.»

«И такъ, съ спокойнымъ уже видомъ, спрашивалъ Государь Орлова: давно ли онъ любитъ ее?—Третій годъ.—Бывала ли она беременна?—Бывала.—Слѣдовательно и рожала?—Рожала, но мертвыхъ.—Видѣлъ ли ты ихъ мертвыхъ?—Нѣтъ, не видывалъ, а отъ нее сіе зналъ, отвѣтствуетъ Орловъ. Къ несчастію сея любовницы, не за долго предъ тѣмъ, при чищеніи нечистотъ, найденъ мертвый младенецъ, завернутый въ дворцовой салфеткѣ, но не могли тогда дойти до виновницы того. Изъ отвѣтовъ же сихъ заключилъ Монархъ, что сія убійца есть точно Гамильтонова. Онъ тотъ же часъ призываетъ ее къ себѣ и, при Орловѣ же, спрашиваетъ ее о томъ. Къ несчастію виновная сія вздумала въ томъ запираться, и клятвенно невинность свою утверждать; однакожъ наконецъ, бывъ уличена постыдною ея любовью съ Орловымъ, принуждена была *признаться* во всемъ *и что уже двухъ такимъ образомъ погубила младенцевъ.*»

Относительно убійства вообще, мы нашли законы не только Алексѣя Михайловича, но и *самаго Петра*, 1703, 1704, 1715 и 1716 годовъ, *слѣдовательно всѣ изданные до сужденія Гамильтонъ.* У Алексѣя Михай-

ловича мы только встрѣчаемъ слово «убійство» (*), но законы Петра говорятъ гораздо яснѣе: «кто кого *волею* и *нарочно*, безъ нужды и смертнаго страха *умертвитъ*. (**)

(*) Буде который сынъ или дочь учинитъ отцу своему или матери, смертное убійство, и ихъ за отеческое или матерное убійство *казнити* смертію безо всякія пощады.

А буде который сынъ или дочь отцу своему или матери смертное *убійство* учинитъ съ иными съ кѣмъ, а сыщется про то до прямa, и по сыску тѣхъ, которые съ ними такое дѣло учинятъ *казнити смертью же безо всякія пощады*. (Уложеніе, Гл. XXII, §§ 1, 2.)

(**) Въ полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи мы находимъ слѣдующіе Указы Петра I: имянной его отъ 19 Ноября 1703 г. (изд. 1834 г. т. IV, стр. 228, № 1951.) «На Москвѣ во всѣхъ приказахъ приводныхъ всякихъ чиновъ людей, которые явятся по розыскнымъ дѣламъ, въ Его Государевыхъ дѣлахъ, въ измѣнѣ, и въ бунтѣ, и въ *смертныхъ умышленныхъ убивствахъ*, или кто кого какимъ смертнымъ питіемъ или отравою уморитъ и тѣхъ людей, за тѣ ихъ вины, *казнити смертію*.»

Стр. 240, № 1957, 1704 года:

«Великій Государь указалъ: воровъ и разбойниковъ, которые въ *убивствѣ*, въ прямомъ воровствѣ, измѣнѣ и бунтѣ, *казнить*, а которые кромѣ вышеписанныхъ винъ, а по законамъ достойны смерти, тѣхъ бить кнутомъ и, запятнавъ пятнами, послать вѣчно въ каторгу.» Именной Указъ 4 Ноября 1715 г. (Полн. Собр. Зак. Гл. V, № 2953). Великій Государь указалъ: «въ Москвѣ и въ другихъ городахъ при церквахъ, у которыхъ пристойно, при оградахъ сдѣлать госпитали, въ Москвѣ мазанки и въ другихъ городахъ деревянныя, такожъ, какъ о такихъ же дѣлахъ боготщательное и душеспасительное осмотрѣніе преосвященный Іовъ Митрополитъ Новгородскій учинилъ въ великомъ Новгородѣ. И избрать искусныхъ женъ для сохраненія зазорныхъ младенцевъ, которыхъ жены и дѣвки рождаютъ беззаконно, и стыда ради отметываютъ въ разные мѣста, отъ чего оные младенцы безгодно помираютъ, а иные отъ тѣхъ же, кои рождаютъ и умерщвляются. И для того объявить указъ, чтобъ такихъ младенцевъ въ непристойные мѣста не отметывали, но приносили бъ къ вышеозначеннымъ госпиталямъ, и клали тайно въ окно, чрезъ какое закрытье, дабы приносящихъ лица было

Что Гамильтонъ осуждена на смерть по опредѣленію суда, а не просто Монаршею волею, то *подтверждаетъ* Голиковъ: «Монархъ повелѣвалъ *виновную*, яко смертоубійцу и нераскаянную, *отдать уголовному суду.*»

Судъ сей не могъ не осудить ее на смерть; опредѣленіе сіе монархъ подтверждаетъ, и дается ей нѣкое время на покаяніе и пріуготовленіе себя къ казни.»

Повидимому г. Циммерману извѣстна только третья статья Уложенія, Гл. XXII, гдѣ сказано: «А буде отецъ или мать сына или дочь убьетъ до смерти и проч.» Удивительно, что авторъ не замѣтилъ §§ 1 и 2 этой главы Уложенія, тогда какъ упоминаемый имъ третій § тотчасъ за ними слѣдуетъ. Прочитавшему всѣ три статьи должно показаться страннымъ, что первыми двумя повелѣвается казнить смертію дѣтей, которые убили родителей, тогда какъ по 3-му § за убійство дѣтей родителями опредѣляется незначительное наказаніе. Безъ сомнѣнія законодатель имѣлъ на то особенныя причины; иначе можно ли допустить, чтобъ родители, пережившіе молодость съ ея страстями и увлеченіями, наказывались менѣе строго, нежели дѣти, которые, по молодости, часто поступаютъ необдуманно?

не видно. А если такія незаконнорождающія явятся въ умерщвленіи тѣхъ младенцевъ, и оныя за такія злодѣйственныя дѣла сами *казнены будутъ смертью.*

Въ Воинскомъ Уставѣ, отъ 30 Марта 1716 г., гл. XIX, артикулъ 154, стр. 364, Полнаго Собранія: «Кто кого *волею* и *нарочно*, безъ нужды и безъ смертнаго страха, *умертвитъ* или убьетъ его тако, что отъ того умретъ, *онаго кровь паки отмстить и безъ всякой милости оному голову отсѣчь.*»

Мысль законодателя дѣлается ясною, если припомнить законъ Петра, тоже въ Воинскомъ Уставѣ 1710 (Полное Собраніе стр. 366): «Если случится, что нѣкоторый главный подчиненныхъ своихъ за нѣкоторыя причины захочетъ наказать, и такое въ достойной и въ должной его чиновной ревности зло учинится, что *наказанный отъ того наказанія умретъ*, то вѣдати подлежитъ, что оный главный *по мнѣнію правоучителей*, не животомъ, но жестоко имѣетъ быть наказанъ, либо отставленіемъ чина на время, и службою рядовымъ, денежнымъ штрафомъ или заключеніемъ, или вербованіемъ иныхъ солдатъ.»

Сравнивая законъ Алексѣя съ закономъ Петра, неминуемо приходимъ къ тому заключенію, что въ тѣ времена власть родителей и главныхъ или начальниковъ была неограниченна, и оправдывалась самимъ законодательствомъ. Не ясно ли также, что въ этихъ двухъ параграфахъ говорится объ убійствѣ *нечаянномъ*, между тѣмъ какъ убійство, учиненное Гамильтонъ, было совершено *волею и нарочно?*

Говоря о причинахъ, по которымъ Царь не помиловалъ Гамильтонъ, г. Циммерманъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Голикова: «Накапунѣ казни Гамильтоновой, царица Параскева Ѳеодоровна позвала Монарха къ себѣ съ Государынею, и пригласила къ тому же графовъ: Апраксина, Брюса, Толстова. По прибытіи Ихъ Величествъ и сихъ особъ, въ продолженіи разговоровъ, царица склонила рѣчь на несчастную Гамильтонъ; извиняла преступленіе ея слабостью человѣческою, страстью и стыдомъ; превозносила добродѣтель въ Государѣ, милосердіе, уподобляющее его Богу, предъ Которымъ всѣ смертные виновны и нечисты,

но Онъ терпитъ оныя и ожидаетъ покаянія нашего и проч. Сіи разсужденія царицыны утверждали, какъ самыя справедливѣйшія, и помянутые министры, заключая свои разсужденія словами Псалмопѣвца: «аще беззаконія узриши Господи, кто постоитъ? и проч.»

«Монархъ, все то выслушавъ терпѣливо, не перебивая рѣчей ихъ, спросилъ невѣстку: чей законъ есть на таковыя злодѣянія? Царица должна была признаться, что въ началѣ Божій, а потомъ Государевъ. Чтожъ именно законы сіи повѣлеваютъ? не то ли, что, *проливаяй кровь человѣческую, да пролѣется и его?*» Должна была подтвердить она и сіе, что за смерть—смерть. «А когда такъ, сказалъ паки Государь, то разсуди, невѣстушка, ежели тяжко мнѣ и законъ отца или дѣда моего нарушить, то коль тяжчае Законъ Божій уничтожить?» И обратяся къ помянутымъ особамъ, сказалъ: «Я не хочу быть ни Сауломъ, ни Ахаавомъ, которые неразсудною милостью законъ Божій преступя, погибли тѣломъ и душею; и если имѣете смѣлость, то *возьмите на души свои сіе дѣло и рѣшите, какъ хотите, я спорить не буду.*» Послѣ сего всѣ *умолкли не смѣя ни на себя взять*, и ниже просить за несчастную Государя, и царица увидѣла себя принужденною замять рѣчь, говоритъ паки г. Татищевъ, шуточнымъ прикладомъ. И такъ бѣдная Гамильтонъ заплатила за убійство рожденныхъ ею младенцевъ своею головою, которая на другой день была отрублена публично.»

Не ясно ли видно изъ разсказа Голикова, что Государь въ поступкѣ Гамильтонъ видѣлъ преступленіе тяжкое, къ которому отнюдь не примѣнялъ 3-й § XXII

главы Уложенія? Что на вопросъ его: «чей законъ на таковое злодѣяніе» всѣ присутствовавшіе отвѣтствуютъ, что право воздаянія принадлежитъ въ этомъ случаѣ Богу и Государю и, наконецъ, что на предложеніе его принять это дѣло на свою совѣсть—всѣ безмолвствуютъ?

Законъ Божій, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, тоже полагаетъ смерть за убійство. Слѣдующія мѣста изъ Моисея ясно доказываютъ, что «проливаяй кровь человѣческую, да пролется и его.» Кн. I. гл. 9, ст. 6; Кн. II. гл. 21, ст. 12; Кн. III, гл. 24. ст. 17 и Кн. IV, гл. 35, ст. 16.

Что Гамильтонъ была подвергнута пыткѣ, тоже совершенно понятно, хотя и невозможно оправдать эту мѣру. Надобно припомнить, что Гамильтонъ сначала *клятвенно* утверждала, что она невинна; могла же она и не вполнѣ сознаться, и скрыть нѣкоторыя обстоятельства дѣла? «Монархъ паки спрашиваетъ ее: не зналъ ли о семъ Орловъ?» Не зналъ, отвѣчаетъ она; но Монархъ, все-таки имѣя на него подозрѣніе, повелѣваетъ «его отвести въ крѣпость подъ стражу, а виновную, яко смертоубійцу и не раскаянную, отдать уголовному суду». Орловъ, знавшій о томъ, что Гамильтонъ была два раза беременна, могъ знать и объ убійствѣ младенцевъ. Царь непремѣнно хотѣлъ знать истину. Пытка была оракуломъ тѣхъ временъ, и не въ одной только Россіи. Но, по нашему мнѣнію, если уже слѣдовало пытать, то развѣ Орлова, а никакъ не Гамильтонъ, которая за свой поступокъ и безъ того приговаривалась къ смерти. Сверхъ того, если она точно любила Орлова, что можно съ вѣроятностью допустить, то и передъ смертью вынесла бы

пытку, чтобы и его тоже не погубить своими показаніями. Г. Циммерманъ приводитъ изъ Воинскаго Устава смягчительный Указъ о пыткѣ: «Надлежитъ Судьѣ оныхъ особъ, которыя къ пыткѣ приводятся, разсмотрѣть, и усмотря твердыхъ, безстыдныхъ людей жесточае, тѣхъ же, кои деликатнаго тѣла и честные суть люди, легче пытать».

Изъ этого Указа авторъ выводитъ слѣдующее заключеніе: «И потому, можетъ быть, Гамильтонъ получила не столько ударовъ (*), сколько давали упорно запиравшимся, но все-таки *нѣтъ сомнѣнія*, что ее пытали этимъ способомъ (такъ сказать классической русской пыткой), то есть кнутомъ на вискѣ, а не инымъ какимъ либо».

Нѣсколько выше читаемъ: «извѣстно, что въ этой пыткѣ подсудимому связывали руки веревкой, другой конецъ которой былъ продѣтъ въ кольцо и блокъ, утвержденные въ сводѣ застѣнка; такимъ образомъ поднимали вверхъ подсудимаго, у котораго оттого *дѣлался вывихъ руки*» и проч.

Авторъ могъ удостовѣриться, не только изъ означенныхъ анекдотовъ Штелина, но также изъ приведенной имъ выдержки изъ сочиненія г. Солоницына «Царь—рука Божія», что осужденной дано было три дня на покаяніе; что ее всѣ очень любили; что она была благотворительна; наканунѣ казни посѣтили ее очень многіе изъ придворныхъ кавалеровъ и дамъ: и она трогательно прощалась съ ними. Въ день казни

(*) На это находимъ отвѣтъ у г. Семевскаго въ Журналѣ Гарнизонной Канцеляріи (стр. 290 и 292). Гамильтонъ получила, какъ 21 іюня, такъ и 5 августа, каждый разъ по пяти (5) ударовъ.

она была *элегантно одѣта* въ бѣлое шелковое платье съ черными лентами».—Такъ не нарядится женщина съ «вывихнутыми руками». Притомъ страданія отъ жестокой пытки такъ ужасны, что если Гамильтонъ была ей подвергнута, то едва ли была бы въ силахъ потомъ принимать посѣтителей. Всѣ дѣйствія Петра по этому дѣлу, за исключеніемъ пытки, вполнѣ справедливы. Онъ любилъ Гамильтонъ, любилъ почтенную невѣстку (*), преданную жену, уважаемыхъ министровъ, которые всѣ просятъ помиловать виновную, но онъ *не считаетъ себя уполномоченнымъ дѣйствовать вопреки законовъ Божіихъ и Царскихъ.* Сколько чести дѣлаютъ Петру эти слова: «Если имѣете смѣлость, то возьмите на свои души сіе дѣло, — я спорить не буду». Могъ ли справедливѣйшій блюститель законовъ предложить бо̀льшую уступку? Скорѣе можно упрекнуть тѣхъ, которые не посмѣли принять на себя грѣхъ преступницы.

Поверхностные судьи часто видятъ дикую жестокость даже въ тѣхъ поступкахъ Петра, которые были внушены ему совѣстью, и свидѣтельствуютъ только о его великой твердости. Яснымъ тому доказательствомъ служатъ слова Штелина о послѣднихъ минутахъ Гамильтонъ. Государь прибылъ туда, простился съ нею, поцѣловалъ ее, и говорилъ ей: «Безъ нарушенія

(*) Съ какою твердостію дѣйствовалъ тутъ Петръ видно изъ словъ Семевскаго на стр. 299: «Параскева не отказалась отъ попытки умилостивить Петра, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ выполняла обычай старины, когда по словамъ Котошихина: «Царица или Царевны—царю били челомъ», при чемъ царь по ихъ прошенію все доброе чинилъ, отъ бѣдъ и смертей освобождалъ».

божественныхъ и государственныхъ законовъ не могу я спасти тебя отъ смерти. И такъ прими казнь и вѣрь, что Богъ проститъ тебя въ грѣхахъ твоихъ, помолись только ему съ раскаяніемъ и вѣрою». Потомъ она стала на колѣни и начала молиться, а какъ Государь отворотился, то палачъ отрубилъ ей голову. Хотя Голиковъ и Штелинъ наводятъ на предположеніе, что Петръ былъ прежде въ связи съ Гамильтонъ, хотя г. Циммерманъ приводитъ изъ біографіи дѣвицы Крамеръ (*) въ Russische Günstlinge подобные же намеки; но это опровергается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что Петръ лично допрашивалъ Гамильтонъ. Зная за собою такой грѣхъ, могъ ли бы онъ допрашивать? И она, если допустить это предположеніе, могла ли бы *клятвенно свою невинность утверждать*? Впрочемъ это наши догадки, а не историческія доказательства.

Удивительно, какимъ образомъ г. Циммерманъ, приведя слова Голикова о ходатайствѣ Государыни за виновную (**), далѣе дѣлаетъ такое, совершенно противорѣчащее предположеніе: «*Не замѣшалась ли при ея осужденіи ревность другой женщины?*» Кто, кромѣ Екатерины, могъ здѣсь ревновать? И какъ согласить ревность съ предстательствомъ ея предъ Государемъ за обвиненную? Екатерина Алексѣевна, Параскева Ѳедоровна и всѣ министры принимали живѣйшее участіе въ судьбѣ Гамильтонъ; придворныя дамы и кавалеры посѣщаютъ ее; она всѣми любима... Какое же осно-

---

(*) Бывшая у Гамильтонъ въ услуженіи.

(**) «Монархиня употребила свое и любимыхъ государемъ министровъ стараніе и просьбу объ избавленіи ея отъ смерти».

ваніе имѣлъ г. Циммерманъ говоритъ о «...жестокихъ, *недоступныхъ состраданію сердцахъ людей, жившихъ въ то ужасное время*»?

Здѣсь можемъ отвѣтить на вышепоставленный нами вопросъ: какой нравственности была дѣвица Гамильтонъ? Она далеко не занимала высокой степени: мы видимъ: 1) какъ она, изъ ревности къ своему любовнику Орлову, распространяетъ клеветы на государыню (см. Семевскаго, стр. 281). «Въ это время неосторожная фрейлина, всѣми силами желавшая выкопать яму своей соперницѣ генеральшѣ (Чернышевой), стала разсказывать княгинѣ Прозоровской, Василью Ржевскому, Баклановскому и друг., что о страсти царицыной ѣсть воскъ, и происходящихъ отъ того на лицѣ ея угряхъ, говорили Орловъ съ (генеральшею) Авдотьею Чернышевой. Марья Даниловна пустила въ ходъ эту сплетню, какъ сама потомъ сознавалась съ сердца, затѣявъ напрасно, того дня, что Орловъ часто хаживалъ къ генералъ-маіоршѣ Чернышевой, хотя его тѣмъ устрашить, чтобъ онъ къ ней, генеральшѣ часто не ходилъ, понеже она того желала.» 2) Что она своего друга и благодѣтельницу, царицу, неоднократно обкрадывала (*). 3) Она двухъ дѣтей умышленно по-

(*) Объ этомъ ея преступленіи упоминается и въ ея смертномъ приговорѣ. «Была брюхата трижды и двухъ ребенковъ лекарствами изъ себя вытравила, а третьяго удавила и отбросила, за такое ее душегубство, также она-же у Царицы Государыни Екатерины Алексѣевны крала алмазныя вещи и золотые (червонцы), въ чемъ она въ двухъ розыскахъ повинилась, казнить смертію (Показаніе 21 іюня 1718 г.). «Будучи при Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, вещи и золотые (червонцы) крала, а что чего порознь не упомнитъ, и сколько не упомнитъ; и изъ тѣхъ червонцевъ деньщику Ивану Орлову дала она *триста червонныхъ*, будучи въ Копенгагенѣ».

средствомъ лекарствъ выкинула, а послѣдняго, родившагося живымъ, задушила, дабы прекратить его крики.

Любовникъ ея тоже не достоинъ уваженія; онъ былъ горькій пьяница, который (см. Семевскаго, стр. 292) во хмѣлю часто называлъ Гамильтонъ б...ю, и вѣроятно даже билъ ее; мотъ, который тратой столькихъ денегъ подалъ поводъ къ воровству у Государыни. И за все это онъ платилъ частію невѣрностью, частію такого рода признаніями при допросѣ, которыя только могли увеличить опасность Марьи Даниловны. Увлекательно написано объ немъ сужденіе Семевскаго (см. стр. 293).

Слѣдующая выходка г-на Циммермана, по нашему мнѣнію, даже не согласна съ достоинствомъ историческаго писателя: «*Неизвѣстно, присутствовалъ-ли Петръ Алексѣевичъ при пыткахъ Гамильтонъ* и т. д. до словъ: *можно было свободно заняться и другими розысками*.

Надобно согласиться, что цѣль г. Циммермана возстановить память о забытыхъ жертвахъ эпохи Петра, и его преемниковъ, далеко имъ не достигнута, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сужденія его о великихъ дѣятеляхъ того времени крайне бездоказательны. Мы видѣли, что Петръ, казня Гамильтонъ, дѣйствовалъ какъ справедливый исполнитель государственныхъ законовъ: «волею и нарочно умертвившему безъ всякой милости голову отсѣчь»; что приговоръ, имъ утвержденный, тоже долженъ быть вмѣненъ ему въ честь, а не въ обвиненіе. Что Гамильтонъ была предана пыткѣ—жаль! и жаль того, кто назначилъ пытку. Но въ тѣ времена пыталъ не только Петръ, но и вся Европа. И честь ему! Онъ первый изъ русскихъ царей

повелѣваетъ не только «деликатныхъ мягчае пытать», но при маловажныхъ случаяхъ и вовсе не допускать пытки.

Къ сожалѣнію, на г. Циммермана падаетъ три, для всякаго автора, чувствительныя обвиненія:

1) Онъ недостаточно знакомъ съ историческими фактами; 2) не дѣлаетъ различія между законами о случайномъ и умышленномъ убійствѣ; 3) позволяетъ себѣ бездоказательныя выходки къ омраченію памяти великаго Государя. Мы совершенно согласны съ заключеніемъ Семевскаго (на стр. 309): «Велико было преступленіе Маріи Гамильтонъ; жестоки и безчеловѣчны были истязанія ея (*). Страшна была и казнь, ее постигшая. Кто бы не призналъ *страшными* законы того времени, и властителя, когда онъ наказывалъ.—Но нельзя назвать несправедливостью со стороны Петра, что онъ не согласился отмѣнить смертный приговоръ».

Многіе, между прочими и Г. Циммерманъ, не хотятъ допустить, что Петръ, при своей суровости и жестокости, тоже бывалъ кротокъ и милосердъ. Для доказательства возможности соединенія этихъ качествъ въ одномъ лицѣ, мы приведемъ нѣсколько чертъ изъ характера Іосифа II,—онъ вѣдь слыветъ кроткимъ и милосердымъ. Іосифъ II вступаетъ на престолъ почти столѣтіемъ озже Петра; слѣдовательно царствуетъ въ болѣе

(*) День, въ который Гамильтонъ должна была признаться Петру въ своемъ преступленіи, вѣрно не означенъ. 21 Іюля 1718 г. была первая пытка, 5-го Августа вдругорядь. Произнесеніе смертнаго приговора протянулось до 27 Ноября, а казнь послѣдовала только 14 Марта 1719 года.

просвѣщенное время, надъ народами, превосходящими Русскихъ благоправіемъ и образованностью, какъ напр. Брабантцами и Ломбардцами. Посмотримъ какіе законы находятся въ его «положеніи о казняхъ» 13 января 1787 года.

Въ первой части объ уголовныхъ преступленіяхъ, находится слѣдующее: § 21. Послѣдующія уголовныя наказанія суть: (*) приковываніе; темница съ публичной работой; только темница; побои палками, плетьми (Karbatsche), и розгами; выставленіе у позорнаго столба.

§§ 22 и 23. Сроки заключенія въ темницѣ слѣдующіе: a) *долговременный второй степени*; въ этомъ случаѣ заключеніе продолжается не менѣе 30 лѣтъ и не *болѣе 100* (sic!); b) *долговременный первой степени*,— не менѣе 15 лѣтъ и не болѣе 30 л.; c) *продолжительный второй степени*,—не менѣе 12 и не болѣе 15 лѣтъ; d) *продолжительный первой степени*,—не менѣе 8-ми и не болѣе 12 лѣтъ; e) *временный второй степени*,—не менѣе 5 и не болѣе 8 лѣтъ; f) *временный первой степени*—не менѣе мѣсяца и не болѣе 5 лѣтъ.

§ 24. Когда законъ опредѣляетъ долговременное заключеніе второй степени, то можно присоединить публичное заклейменіе.

§ 25. Приковываніе состоитъ въ слѣдующемъ: преступникъ содержится строго въ темницѣ, и до того узко прицѣпленный, что можетъ совершать только необходимѣйшія движенія тѣла. Преступникъ, приговоренный къ приковыванію, каждый годъ *наказывается розгами въ примѣръ другимъ*.

(*) Въ предъидущихъ параграфахъ рѣчь идетъ о смертномъ наказаніи.

§ 26. Степени заключенія въ темницѣ суть: a) *строжайшее,* b) *строгое,* c) *умѣренное.* При всѣхъ трехъ степеняхъ, преступнику налагается соотвѣтствующая работа.

§ 27. При строжайшемъ заключеніи: желѣзное кольцо посреди тѣла; тяжелыя гири къ ногамъ; доски для лежанія; вода и хлѣбъ; говорить запрещено.

§ 183. Въ преступленіяхъ и подверженности наказанію давности въ будущемъ быть не должно.—Вторая часть относится къ политическимъ преступленіямъ.

§ 10. Политическія наказанія суть: побои, выставка у позорнаго столба, аресты, публичныя работы въ цѣпяхъ и т. д.

§ 11. Наказаніе побоями всегда должно совершаться публично. Мужчинѣ болѣе 50 палокъ не давать, а женщинѣ—не болѣе 30 побоевъ плетьми (Karbatsche), или розгами; всегда бить по заднимъ частямъ тѣла.

§ 19. Къ политическимъ преступленіямъ принадлежатъ: поврежденіе человѣка поддѣльными лекарствами; неосторожной ѣздой; ненаблюденіе карантиннаго кордона и т. д. (*).

Какъ совершались эти работы въ цѣпяхъ въ правленіе Іосифа?

Гейслеръ младшій, писатель временъ Іосифа, слѣпо восторженный льстецъ его, разсказываетъ: «По приказанію императора, люди обоего пола, приговоренные судомъ, отдавались въ аренду, такъ что всякій могъ ихъ откупать къ нужной ему работѣ. Ихъ одѣвали

(*) Какое произвольное смѣшеніе намѣренныхъ и ненамѣренныхъ преступленій; поврежденіе человѣка худой ѣздой въ одной категоріи съ поддѣлываніемъ лекарствъ и ненаблюденіемъ карантиннаго кордона!!

одинаково, головы острижены, длинными цѣпями двоихъ сцѣпляли вмѣстѣ. Откупщикъ долженъ каждому ежедневно давать 4 крейцера (4 коп. сер.), и одѣвать ихъ «лѣтомъ въ холстинное, а зимою въ суконное платье.»

Далѣе этотъ же писатель разсказываетъ: «1782 года, въ концѣ Іюля, приказано Императоромъ, чтобы приговоренные къ смерти по уголовному суду подвергались въ исправительномъ домѣ самымъ труднымъ публичнымъ работамъ (здѣсь слѣдуетъ опредѣленіе одежды мужчинъ и женщинъ). Они всѣ получаютъ *только два раза въ недѣлю теплую пищу*; въ другіе дни имъ даютъ только воду и хлѣбъ, *и то въ очень маломъ количествѣ* (*). При работѣ, состоящей въ очищеніи и поправкѣ улицъ, срываніи строеній и т. п., они прикрѣплены одинъ къ другому довольно длинными цѣпями; и если они не очень прилежны, то получаютъ отъ смотрителей побои кнутомъ.

Женщины содержатся точно такъ-же, даже не освобождены отъ побоевъ.»

Менцель (**), въ примѣчаніи, стр. 215, говоритъ слѣдующее, взятое изъ Fesslers Rückblick (***):

«Приговоренные тащить суда прикрѣплялись по 5-ти, одинъ къ другому, кольцами, вокругъ шеи и живота. Ихъ никогда не разлучали. Если одинъ изъ нихъ умиралъ, то другіе «такъ долго должны были

(*) При такой работѣ и въ цѣпяхъ, въ добавокъ еще незначительная пища!!!

(**) Neuere Geschichte der Deutschen», die Zeit Friedrich's I und Joseph's II, p. 456.

(***) «Взглядъ на прошедшее», Фесслера.

таскать съ собою трупъ, пока можно было снять кольцо, которымъ они были прикованы одинъ къ другому. Ихъ подгоняли кнутомъ, какъ скотовъ; они получали только самую умѣренную пищу».

Заслуженный и правдолюбивый Менцель выписалъ это должно быть не изъ бреславльскаго изданія «Взглядъ на прошедшее» 1824 г., а изъ другаго, такъ какъ мы не нашли вышесказаннаго на означенной страницѣ; но въ другомъ мѣстѣ (стр. 215) мы нашли еще болѣе возмущающую жестокость Іосифа: «Жена богатаго плотничнаго мастера въ Пресбургѣ, молодая и красивая женщина, убила стараго мужа въ пылу любви къ молодому человѣку;—уголовный судъ по закону приговорилъ ее къ смерти; *Іосифъ увеличилъ наказаніе, опредѣленное судомъ.* По его приказанію ей давали *три раза по 100 палокъ,* на подмосткахъ для этого выстроенныхъ; послѣ этого *ее бросили въ темницу, не употребивъ никакихъ лекарствъ для облегченія ея мукъ*».

О заклейменіи Гейслеръ разсказываетъ еще слѣдующее: «Государь объявилъ въ совѣтахъ объ уголовныхъ постановленіяхъ въ наслѣдственныхъ земляхъ (Erbländer), что онъ желаетъ уничтожить сколько возможно смертную казнь, такъ что у преступниковъ, заслужившихъ по закону смертную казнь, впредь клеймить обѣ щеки, чтобы всякій, видя клеймо на обѣихъ щекахъ, зналъ, что̀ заслужилъ тотъ, который имѣлъ этотъ знакъ». (*)

(*) Для доказательства нашего мнѣнія, что Гейслеръ льстецъ, мы приведемъ слова, которыя онъ при этомъ самъ прибавляетъ: «Давно желаемая надежда человѣчества.» (Zweite und 3-te Reise Joseph's II, Kaisers der Deutschen, p. 170); Гейслеръ—болѣе низкій поклонникъ Іосифа,

Мы еще находимъ согласіе между Петромъ и Іосифомъ, именно въ положеніяхъ о родѣ заклейменія.

Петръ опасался, чтобы заклейменіе было неточно исполнено,—тоже самое было и съ Іосифомъ. Гейслеръ (*) разсказываетъ: «Но такъ какъ это заклейменіе висѣлицы на обѣ щеки не точно исполняли: то одного клеймили слишкомъ близко къ виску, такъ что онъ умиралъ; то слишкомъ мало, такъ что клеймо со временемъ исчезало; для устраненія сего сдѣлано было новое положеніе, до такой степени точное, что каждый разъ достигалась мудрая цѣль».

Мы укажемъ еще нѣсколько наказаній въ правленіе Іосифа, въ родѣ Петровыхъ:

Въ 1785 году Валлахскіе предводители Горья и Клотска были колесованы, начиная съ низу; потомъ четвертованы; послѣ этого на столбахъ поставлены на улицахъ, для предостереженія другимъ. Для удостовѣренія, что это наказаніе дѣйствительно состоялось, приказано было прислать по нѣскольку людей изъ каждаго мѣстечка, гдѣ они прежде бушевали, или ихъ шайки, которыя были обязаны присутствовать при казни.

Г. Цальгеймъ, канцеляристъ въ Вѣнскомъ городскомъ магистратѣ, убилъ и обокралъ свою старую родственницу. Утромъ его вывели изъ темницы на площадь, около такъ называемой Schranne (Шранне), гдѣ его посадили на высокую телѣгу, на которой поставленъ былъ шестъ. Съ завязанными глазами его прикрѣпили къ этому шесту и щипали калеными кле-

---

чѣмъ Голиковъ Петра, и вмѣстѣ съ тѣмъ не представляетъ такихъ богатыхъ историческихъ матеріаловъ.

(*) Skizzen-Sammlung, Th. III., p. 169.

щами правую грудь. Послѣ этого его повезли на такъ называемую Freiung (Фрейунгъ), гдѣ ему щипали лѣвую грудь. Его раскаяніе было причиною, что ему оказали милость—колесовать его не съ низу въ верхъ, какъ сказано въ приговорѣ, а съ верху въ низъ; послѣ того его привязали къ колесу, голову его выставили на шестѣ; надъ головой была выстроена висѣлица, съ висящею веревкой (онъ былъ воръ и убійца).

Замѣтимъ при этомъ, что Іосифъ и Петръ имѣли еще одно общее, именно: Іосифъ былъ недовѣрчивъ и слишкомъ покровительствовалъ доносамъ.

СУДЪ НАДЪ ЦАРЕВИЧЕМЪ АЛЕКСѢЕМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ.

(ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.)

Въ зодчествѣ, живописи и музыкѣ, произведенія различныхъ художниковъ, изображающія одинъ и тотъ же предметъ, часто, подлежа сравненію и подвергаясь всеобщему суду, встрѣчаютъ заступниковъ или противниковъ.

М. П. Погодинъ, въ первой книжкѣ Русской бесѣды за 1860 годъ, изложилъ, съ свойственною ему художественностію, свой взглядъ о судѣ, произведенномъ надъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Онъ обвиняетъ Петра во всемъ, и представляетъ его какъ человѣка суроваго и жестокаго. (*)

(*) Въ началѣ 1861 года, въ № 9 Русской рѣчи, появилась статья, подъ заглавіемъ «Переписка Петра Великаго съ Екатериною». Авторъ ея, г. Афанасьевъ, раздѣляетъ наши мнѣнія касательно Петра, въ слѣдующихъ отношеніяхъ: «главная задача критики въ томъ, чтобы въ жизни и дѣяніяхъ историческаго лица отдѣлить все, принадлежавшее времени, отъ того, что вызвано собственною его природою, его эгоистическими стремленіями и личными цѣлями. Какъ человѣкъ, Петръ Великій конечно былъ не безъ пороковъ, не безъ слабостей, и

Касательно жестокости Петра, мы совершенно согласны съ почтеннымъ авторомъ; но вовсе не раздѣляемъ его прочихъ мнѣній. Факты, выставленные отъ страницы 3-й до 36-й, на которыхъ основывается его сочиненіе, слѣдуютъ одинъ за другимъ, и съ необыкновенною ясностію изложены въ хронологическомъ порядкѣ. Изъ этихъ страницъ мы научились многому, и намъ остается прибавить къ нимъ только немного. Можетъ быть, покажется кому нибудь страннымъ, что мы осмѣливаемся возражать знаменитому писателю, тѣмъ болѣе, что слогъ нашъ явно обнаруживаетъ иностранца, слабо владѣющаго русскимъ языкомъ, и въ

неподкупная исторія должна произнести надъ нимъ свой правдивый судъ: но этого довольно! Не-за-чѣмъ прибѣгать къ той уловкѣ, съ помощію которой такъ удобно свалить на него и всѣ недостатки вѣка грубаго, суроваго, невѣжественнаго.

«Между тѣмъ, именно отсутствіемъ-то критики и страдаютъ наши журнальныя статьи . . . . . и всего болѣе заботятся выбрать изъ такъ называемыхъ источниковъ тѣ ужасающія свидѣтельства и курьозные анекдоты, передавая которые, можно разомъ достигнуть двойной цѣли: во-первыхъ заявить полноту своихъ гуманныхъ воззрѣній, и во вторыхъ угодить минутному вкусу публики.»

На счетъ пытокъ при допросахъ Алексѣя, г. Афанасьевъ говоритъ слѣдующее: «Если эта, такъ сильно возмущающая наше чувство, форма судебнаго дознанія, была во всей своей строгости приложена къ слѣдственному дѣлу надъ царевичемъ Алексѣемъ, то подобный фактъ можетъ доказывать между прочимъ и уваженіе къ закону, который не былъ обойденъ и нарушенъ даже для наслѣдника престола.

«Мы вовсе не имѣемъ въ виду писать апологію Петра 1-го, въ которой, по правдѣ сказать, эта великая личность и не нуждается; мы хотимъ только указать на ту старую, избитую истину, что всякій историческій дѣятель долженъ быть судимъ въ условіяхъ своего времени, потому что нравственныя убѣжденія вѣка составляютъ почву, на которой онъ выростаетъ и отъ которой оторваться вполнѣ никто не въ силахъ.»

умѣніи привлекательно излагать предметъ далеко ему уступающаго.

Мы будемъ стараться не упускать изъ виду слѣдующихъ словъ Гердера:

«Die Gelehrsamkeit hat ein liebenswürdiges Kind: die Bescheidenheit».

Почти съ достовѣрностію можно предположить, что статья г. Погодина уже всѣми прочитана. Имена Петра и Алексѣя привлекли на себя еще бо̀льшее вниманіе съ тѣхъ поръ, какъ либеральный авторъ избралъ ихъ предметомъ своего труда, и потому мы только въ самыхъ короткихъ словахъ повторимъ то, что было имъ сказано. Главное обвиненіе г. Погодина падаетъ на Петра, потомъ на Екатерину и Меншикова, наконецъ на тетку Алексѣя, Наталію Алексѣевну, и на всѣхъ окружавшихъ Царя. Онъ утверждаетъ, что Петръ совсѣмъ не заботился о воспитаніи своего сына; что не любя первой жены, онъ не могъ любить и сына, котораго имѣлъ отъ нея; или что ненавидя мать, онъ долженъ былъ ненавидѣть и сына. Екатерина и Меншиковъ возбуждаютъ въ Петрѣ непріязнь къ сыну, съ тою цѣлію, чтобъ онъ лишилъ его престола (*). Царь, довѣряясь имъ, рѣшается погубить Царевича. Онъ не знаетъ, какъ поступить въ такомъ случаѣ. Сначала онъ требуетъ отъ него, чтобы онъ отказался отъ престола; потомъ—чтобы постригся

(*) Г. Циммерманъ того же мнѣнія на счетъ Меншикова. Въ приложеніи къ прежней статьѣ своей «Фрейлина Гамильтонъ» (Сѣверная пчела № 85); онъ говоритъ, что Меншиковъ старался вредить Гамильтонъ: «имѣя уже издавна замыселъ о возведеніи на престолъ, послѣ смерти Петра, Императрицы Екатерины, и интриговалъ противъ тѣхъ женщинъ, которыя пользовались расположеніемъ Петра.»

въ монахи;—для чего? Для того, чтобы тѣмъ побудить Алексѣя къ побѣгу, что дѣйствительно и сбывается. Затѣмъ ложными обѣщаніями заманиваютъ его обратно въ отечество, гдѣ предаютъ суду, пытаютъ; онъ умираетъ въ пыткахъ. Это побуждаетъ г. Погодина кончить свою статью слѣдующими словами (стр. 86): «Мы, Русскіе, можемъ только молиться объ отпущеніи ему его согрѣшеній и объ упокоеніи его души. Господи! Прости ему его согрѣшенія, и упокой его душу.»

Не странно ли, что г. Погодинъ не приводитъ почти ни одного факта, обвиняющаго Алексѣя, хотя въ нѣкоторой степени? Слабость характера его не достаточно выставлена. Авторъ говоритъ, что Царевичъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, безукоризненно управлялъ дѣлами, ввѣренными ему отцемъ, и что вообще, въ своемъ образѣ жизни, не подалъ ни малѣйшаго повода къ неудовольствію. Но что еще замѣчательнѣе: у г. Погодина ни слова не говорится о томъ вредѣ, который причинила слабому юношѣ его партія, стараясь вооружать его противъ Петра, съ помощію разныхъ обмановъ. У автора, Алексѣй является не какъ измѣнникъ отечества, но какъ невинно преслѣдуемый. Что Царевичъ замышлялъ только измѣну, и не достигъ своей цѣли, — этого, по нашему мнѣнію, уже достаточно судьямъ для приговоренія его къ смерти; при жестокости, съ которою Царь обыкновенно наказывалъ, смерть Алексѣя была, можетъ быть, великимъ благодѣяніемъ для Россіи, потому что, если бы замыселъ его приведенъ былъ въ исполненіе, число жертвъ увеличилось бы до безконечности.

Статья наша раздѣляется на двѣ части. Первая

кончается побѣгомъ Алексѣя. Въ ней мы будемъ говорить о качествахъ Царевича, слѣдуя:

1) манифесту Петра отъ 3 Февраля 1718 года;

2) собственноручному отвѣту Алексѣя, гдѣ, согласно повелѣнію Петра, онъ долженъ былъ отвѣчать на вопросы тайнаго совѣтника Толстаго: «*не для розыска, но для вѣдѣнія*»;

3) словамъ г. Погодина, въ его судѣ надъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ;

4) нѣкоторымъ замѣчаніямъ г. Семевскаго;

5) нашему собственному взгляду.

Затѣмъ мы будемъ разсматривать отношенія Царевича: къ отцу; къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; къ теткѣ Натальѣ Алексѣевнѣ; къ Меншикову; наконецъ къ женѣ его, и къ любовницѣ Евфросиніи.

Далѣе мы будемъ говорить о мѣрахъ, употребляемыхъ отцемъ въ этотъ самый періодъ:

1) о томъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ Петръ на воспитаніе сына;

2) о томъ, какія именно мѣры онъ употребляетъ для этого;

3) о его указѣ отъ 1713 года объ имущественномъ наслѣдованіи;

4) о письмѣ его къ Алексѣю отъ 11 Октября 1715 года;

5) о другомъ его письмѣ, отъ 19 Января 1716 года;

6) о словесномъ обращеніи его къ Алексѣю, передъ отъѣздомъ въ Копенгагенъ, въ концѣ Января 1716 года; и

7) о письмѣ его изъ Копенгагена, отъ 26 Августа 1716 года.

Вторая часть разсматриваетъ дѣйствія Петра до смерти Царевича:

1) изъявленія любви его къ Алексѣю;

2) обѣщанія бѣжавшему и снова найденному сыну;

3) манифестъ отъ 3 Февраля 1718 года;

4) другой,—отъ конца Мая 1718 года;

5) объявленіе духовному и гражданскому чинамъ:

6) какъ дѣйствовали судьи, и какъ единогласно осудили они Царевича на смерть;

7) пытку и смерть Царевича.

Далѣе мы разсматриваемъ отношенія Алексѣя:

1) къ Вѣнскому двору;

2) къ партіи Алексѣя, съ ея сужденіями, обманами, и возбужденіями противъ Петра;

3) рядъ обмановъ, въ которыхъ Алексѣй думаетъ найти спасеніе, но страшно запутывается: для этого мы приводимъ:

a) его отвѣты на письма Петра предъ побѣгомъ (*);

b) слова его въ Вѣнѣ и въ Неаполѣ;

c) показанія по возвращеніи въ Москву;

d) показанія Евфросиніи, въ Петербургѣ;

e) допросъ и осужденіе Царевича.

Еще далѣе, разсматривая отношенія Петра и Алексѣя по словамъ г. Погодина, мы покажемъ:

1) въ чемъ мы сходимся съ нимъ въ мнѣніяхъ совершенно;

2) въ чемъ наши мнѣнія расходятся. При этомъ

(*) Эти отвѣты могли уже быть въ первой части нашей статьи; но мы приводимъ ихъ только во второй, чтобы избѣжать повторенія одного и того же.

мы приведемъ его отрицательныя доказательства, и нѣсколько его поэтическихъ фразъ;

3) объяснимъ его предположенія;

4) разсмотримъ отношенія Алексѣя къ отцу;

5) отношенія Алексѣя къ его партіи; потомъ отношенія къ Алексѣю:

6) Кикина;

7) Евфросиніи;

8) Екатерины и Меншикова;

9) Кронпринцессы; и

10) покажемъ всѣ несправедливости г. Погодина, касательно уполномоченныхъ Петра, и Петра самаго.

Въ заключеніе статьи мы сообщимъ нашимъ читателямъ одно мѣсто изъ книги Гервинуса, гдѣ разсматривается шекспировъ Отелло, черты характера котораго могутъ относиться и къ характеру Петра.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Качества, мнѣнія и намѣренія Алексѣя ясно видны:

1) изъ манифеста Петра отъ 3 Февраля 1718 года: (Устряловъ стр. 144—152).

«Мы уповаемъ, что большей части изъ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, а особливо тѣмъ, которые въ резиденціяхъ нашихъ, и въ службѣ обрѣтаются, вѣдомо, съ какимъ прилежаніемъ и попеченіемъ мы сына своего перворожденнаго Алексѣя воспитать тщились. И для того ему отъ дѣтскихъ его лѣтъ учителей не токмо Русскаго, но и чужестранныхъ языковъ, придали, и повелѣли его онымъ обучать дабы не токмо въ страхѣ Божіемъ, и въ православной нашей Хри-

стіанской вѣрѣ Греческаго исповѣданія, былъ воспитанъ, но для лучшаго знанія воинскихъ и политическихъ (или гражданскихъ) дѣлъ, и иностранныхъ государствъ состоянія, и обхожденія, обученъ былъ и иныхъ языковъ, чтобъ читаніемъ на оныхъ гисторій, и всякихъ наукъ воинскихъ и гражданскихъ, достойному правителю государства принадлежащихъ, могъ быть достойный наслѣдникъ нашего Всероссійскаго престола.

«Но то наше все вышеписанное стараніе о воспитаніи и обученіи помянутаго сына нашего видѣли мы вотще быти: ибо онъ всегда внѣ прямаго намъ послушанія былъ, и ни о чемъ, что довлѣетъ доброму наслѣднику, не внималъ, ни обучался, и учителей своихъ, отъ насъ приставленныхъ, не слушалъ, и обхожденіе имѣлъ съ такими непотребными людьми, отъ которыхъ всякаго худа, а не къ пользѣ своей научиться могъ. И хотя мы его многократно ласкою и сердцемъ, а иногда и наказаніемъ отеческимъ къ тому приводили, и для того и во многія кампаніи воинскія съ собою брали, дабы обучить воинскому дѣлу, яко первому изъ мірскихъ дѣлъ для обороны своего отечества, *а отъ жестокихъ боевъ его всегда удаляли прочa наслѣдства ради*, хотя во оныхъ и своей особы не щадили; такожъ и въ Москвѣ оставляли, вруча ему нѣкоторыя въ государствѣ управленія, для предбудущаго обученія; а потомъ и въ чужіе краи посылали, чая, что онъ, видя тамъ регулярныя государства, поревнуетъ, и склонится къ добру и трудолюбію; но все сіе радѣніе ничто пользовало, но сіе сѣмя ученія на камени пало: понеже не точію оному слѣдовалъ, но и ненавидѣлъ, и ни къ воинскимъ, ни къ гражданскимъ

дѣламъ никакой склонности не являлъ, но упражнялся непрестанно во обхожденіи съ непотребными, и подлыми людьми, которые грубыя и замерзѣлыя обыкности имѣли».

Петръ надѣялся навести его на лучшій путь посредствомъ брака съ знатною принцессою, но худое обращеніе съ нею Алексѣя было причиною ея смерти; онъ при жизни ея имѣлъ любовницу.

(Стр. 146) «И видя мы его упорность въ тѣхъ его непотребныхъ поступкахъ, объявили ему на погребеніи помянутой жены его, что ежели онъ впредь слѣдовать нашей волѣ, и обучаться тому, что наслѣднику государства пристойно, не будетъ, то его лишимъ наслѣдства, не смотря на то, что онъ у меня одинъ (ибо тогда еще другаго сына не имѣлъ), и дабы онъ на то̀ не надѣялся, понеже мы лучше чужаго достойнаго учинимъ наслѣдникомъ, нежели своего непотребнаго: ибо не могу такова наслѣдника оставить, который бы растерялъ то, что чрезъ помощь Божію отецъ получилъ, и испровергъ бы славу и честь народа Россійскаго, для котораго я здоровье свое истратилъ, не жалѣя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и живота своего; къ тому жъ и боясь Суда Божія вручить такое правленіе, знавъ непотребнаго къ тому, увѣщавая его со многими обстоятельствы, какъ ему поступать въ пути добродѣтели надлежитъ; и далъ ему время на исправленіе.

«И хотя онъ на то ко мнѣ отвѣтствовалъ, признавая себя во всемъ томъ винна, и представляя, что будто онъ за слабостію своего здравія и ума, труда понести во обученіяхъ потребныхъ не можетъ, и для того самъ себя за недостойна наслѣдства призна-

ваетъ, и отъ того отреченна себя имѣть проситъ; но мы увѣщавая его родительски, и угрожая, и прощеніемъ трудились его на путь добродѣтели обратить; и по отъѣздѣ своемъ, для воинскихъ дѣйствъ въ Дацкую землю, оставили его въ Санктпетербургѣ, давъ ему время на размышленіе, и поправленіе. Но потомъ слыша о прежнихъ его непотребныхъ тамо безъ насъ поступкахъ, писали къ нему, чтобъ онъ былъ къ намъ въ Копенгагенъ, для присутствія въ кампаніи военной, и лучшаго обученія.

«Но онъ забывъ страхъ и заповѣди Божія, которыя повелѣваютъ послушну быть и простымъ родителямъ, а не то что властелинамъ, заплатилъ намъ толь многія вышеобъявленныя наши родительскія о немъ попеченія, и радѣнія неслыханнымъ неблагодареніемъ: ибо, вмѣсто того, что къ намъ ѣхать, забравъ съ собою деньги, и помянутую жонку, съ которою беззаконно свалялся, уѣхалъ, и отдался подъ протекцію цесарскую, объявляя многія на насъ, яко родителя своего и Государя, неправдивыя клеветы, будто мы его гонимъ, и безъ причины наслѣдства лишить хотимъ; и яко бы онъ отъ насъ и въ животѣ своемъ не безопасенъ, и просилъ онаго, дабы его не токмо отъ насъ скрылъ, но и оборону свою противъ насъ и вооруженною рукою далъ. И какой тѣмъ своимъ поступкомъ стыдъ и безчестіе предъ всѣмъ свѣтомъ намъ, и всему государству нашему учинилъ, то всякъ можетъ разсудить, ибо такого приклада и въ исторіяхъ сыскать трудно! И хотя его цесарское величество о его непотребныхъ поступкахъ, и какъ онъ съ своячиною его, а съ своею женою, жилъ, извѣстенъ былъ; однакожъ по его многому домогательству, далъ

ему мѣсто къ пребыванію, гдѣ онъ просилъ себя такъ тайно держать, дабы мы о немъ ни малаго извѣстія получить могли.» Посланные Петромъ находятъ Алексѣя и возвращаются съ нимъ.

(Стр. 150) «И хотя онъ, сынъ нашъ, за такіе свои противные, отъ давнихъ лѣтъ противъ насъ, яко отца и Государя своего, поступки, особливожъ за сіе на весь свѣтъ приключенное намъ безчестіе чрезъ побѣгъ свой и клеветы, на насъ разсѣянныя, отъ насъ, яко злорѣчивый отца своего, и сопротивляяйся Государю своему, достоинъ былъ лишенія живота: однакожъ мы, отеческимъ сердцемъ о немъ соболѣзнуя, въ томъ преступленіи его прощаемъ и отъ всякаго наказанія освобождаемъ.

«Однакожъ, въ разсужденіи его недостоинства, и всѣхъ вышеписанныхъ, и непотребныхъ обхожденій, не можемъ по совѣсти своей его наслѣдникомъ по насъ престола Россійскаго оставить, вѣдая, что онъ, по своимъ непорядочнымъ поступкамъ, всю полученную по Божіей милости, и нашими неусыпными трудами славу народа нашего, и пользу государственную утратитъ, которую съ какимъ трудомъ мы получили, и не токмо отторгнутыя отъ государства нашего отъ непріятелей провинціи паки присовокупили, но и вновь многіе знатные города и земли ко оному получили, такожъ и народъ свой во многихъ воинскихъ и гражданскихъ наукахъ къ пользѣ государственной и славѣ обучили, то всѣмъ извѣстно.

«И такъ мы, сожалѣя о государствѣ своемъ, дабы отъ такого властителя наипаче прежняго въ худое состояніе не были приведены, властію отеческою, по которой, по правамъ государства нашего, и каждый

подданный нашъ сына своего наслѣдства лишить, и другому сыну, которому хочетъ, оное опредѣлить воленъ, и яко самодержавный Государь, для пользы государственной, лишаемъ его, сына своего Алексѣя, за тѣ вины и преступленія, наслѣдства по насъ престола Всероссійскаго.»

2) *Іюня 22-го Толстой получилъ отъ Петра приказаніе* (Устр. стр. 273 — 276):

«Сегодня, послѣ обѣда, съѣзди, и спроси, и запиши *не для розыску, но для вѣдѣнія:*

«1) Что причина, что не слушалъ меня, и ни мало ни въ чемъ не хотѣлъ дѣлать того, что мнѣ надобно, и ни въ чемъ не хотѣлъ угодное дѣлать; а вѣдалъ что сіе въ людехъ не водится, также грѣхъ и стыдъ.

«2) Отъ чего такъ безстрашенъ былъ, и не опасался за непослушаніе наказанія?

«3) Для чего иною дорогою, а не послушаніемъ, хотѣлъ наслѣдства (какъ я говорилъ ему самъ), и о прочемъ, что къ сему подлежить, спроси.»

Собственноручный отвѣтъ царевича:

«1718 года Іюня въ 22 день, по пунктамъ, по которымъ спрашивалъ меня господинъ Толстой, на оные отвѣтствую:

«1) Моего къ отцу моему непослушанія, и что не хотѣлъ того дѣлать, что ему угодно, хотя и вѣдалъ, что того въ людехъ не водится, и что то грѣхъ и стыдъ, причина та, что со младенчества моего нѣсколько жилъ съ мамою и съ дѣвками, гдѣ ни чему иному не обучился, кромѣ избныхъ забавъ, а больше научился ханжить, къ чему я отъ натуры склоненъ, а потомъ, когда меня отъ мамы взяли, также съ тѣми людьми, которые тамо при мнѣ были, а имянно: Ни-

кифоръ Вяземскій, Алексѣй да Василій Нарышкины; и отецъ мой, имѣя о мнѣ попеченіе, чтобъ я обучался тѣмъ дѣламъ, которыя пристойны къ царскому сыну, также велѣлъ мнѣ учиться Нѣмецкаго языку и другимъ наукамъ, что мнѣ было зѣло противно, и чинилъ то съ великою лѣностію, только бъ чтобы время въ томъ проходило, а охоты къ тому не имѣлъ. А понеже отецъ мой часто тогда былъ въ воинскихъ походахъ, а отъ меня отлучался, того ради приказалъ ко мнѣ имѣть присмотръ свѣтлѣйшему князю Меншикову, и когда я при немъ бывалъ, тогда принужденъ былъ обучаться добру; а когда отъ него былъ отлученъ, тогда вышепомянутые Вяземскій и Нарышкины, видя мою склонность ни къ чему иному, только чтобъ ханжить и конверсацію имѣть съ попами и чернцами, и къ нимъ часто ѣздить, и подпивать, а въ томъ мнѣ не токмо претили, но и сами тожъ со мною охотно дѣлали. А понеже они отъ младенчества моего при мнѣ были, и я обыклъ ихъ слушать и бояться, и всегда имъ угодное дѣлать, а они меня больше отводили отъ отца моего, и утѣшали вышеупомянутыми забавами, а мало по малу не токмо дѣла воинскія, и прочія отъ отца моего дѣла, но и самая его особа зѣло мнѣ омерзѣла, и для того всегда желалъ отъ него быть въ отлученіи. А когда уже было мнѣ приказано въ Москвѣ государственное правленіе въ отсутствіи отца моего, тогда я получа свою волю (хотя я и зналъ, что мнѣ отецъ мой то правленіе вручилъ, приводя меня по себѣ къ наслѣдству), и въ большія забавы съ попами, и съ чернцами, и съ другими людьми впалъ. Къ тому же моему непотребному обученію великій помощникъ былъ мнѣ Александръ Кикинъ,

когда при мнѣ случался. А потомъ отецъ мой, милосердую о мнѣ, и хотя меня учинить достойна моего званія, послалъ меня въ чужіе краи: но и тамо я, уже въ возрастѣ будучи, обычая своего не премѣнилъ; и хотя мнѣ бытность моя въ чужихъ краяхъ учинила нѣкоторую пользу, однакожъ вкорененныхъ во мнѣ вышеписанныхъ непотребствъ вовсе искоренить не могла.

«2) А что я былъ безстрашенъ, и не боялся за непослушаніе отъ отца своего наказанія, и то происходило ни отъ чего иного, токмо моего злонравія (какъ самъ истинно признаю): понеже хотя и имѣлъ я отъ отца моего страхъ, однакожъ не такой, какъ надлежитъ сыну имѣть, но токмо, чтобъ отъ него отдалиться, и воли его не исполнить, о чемъ объявляю явную тому здѣсь причину. Когда я пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ къ отцу моему въ Санктпетербургъ, тогда принялъ онъ меня милостиво, и спрашивалъ, не забылъ ли я то, чему учился? На что я сказалъ, будто не забылъ; и онъ мнѣ приказалъ къ себѣ принести моего труда чертежи. Но я, опасаяся того, чтобы меня не заставилъ чертить при себѣ понеже бы не умѣлъ, умыслилъ испортить себѣ правую руку, чтобъ невозможно было оною ничего дѣлать, и набивъ пистоль, взявъ въ лѣвую руку, стрѣлилъ по правой ладони, чтобъ пробить пулькою, и хотя пулька миновала руки, однакожъ порохомъ больно опалило; а пулька пробила стѣну въ моей каморѣ, гдѣ и нынѣ видимо. И отецъ мой видѣлъ тогда руку мою опаленную и спрашивалъ меня о причинѣ, какъ учинилось? Но я ему тогда сказалъ иное, а не истину. Отъ чего можно видѣть, что хотя имѣлъ страхъ, но не сыновскій.

«3) А для чего я иною дорогою, а не послушаніемъ хотѣлъ наслѣдства, то можетъ всякъ легко разсудить, что я уже, когда отъ прямой дороги вовсе отбился и не хотѣлъ ни въ чемъ отцу моему послѣдовать, то какимъ же было инымъ образомъ искать наслѣдства, кромѣ того, какъ я дѣлалъ, и хотѣлъ оное получить чрезъ чужую помощь? И ежели бъ до того дошло, и цесарь бы началъ то производить въ дѣло, какъ мнѣ обѣщалъ, и вооруженною рукою доставить меня короны Россійской, то бъ я тогда, не жалѣя ничего, доступалъ наслѣдства, а имянно: ежели бы цесарь за то пожелалъ войскъ Россійскихъ въ помощь себѣ противъ какова нибудь своего непріятеля, или бы пожелалъ великой сумы денегъ, то бъ я все по его волѣ учинилъ, также и министрамъ его и генераламъ далъ бы великіе подарки. А войска его, которыя бы мнѣ онъ далъ въ помощь, чѣмъ бы доступать короны Россійской, взялъ бы я на свое иждивеніе, и однимъ словомъ сказать: ничего бы не жалѣлъ, только, чтобы исполнить въ томъ свою волю.»

3) *Качества Алексѣя по словамъ Г. Погодина* (стр 72 — 77.)

(Стр. 72.) «Не глупъ, но даже уменъ, съ примѣчательнымъ разсудкомъ»;

«доказательство тому собственноручныя его донесенія отцу, объясненія съ цесаремъ, рѣчи къ Шонборну»;

(стр. 73.) «показанія, сдѣланныя въ судѣ»;

«онъ былъ достаточно образованъ: объяснялся и писалъ по Русски и Нѣмецки хорошо»;

«если не любилъ заниматься, то и не прочь былъ отъ занятій; былъ набоженъ»;

«изъ обращенія съ людьми видно его доброе и снисходительное сердце (*); готовъ былъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ и проступкахъ, что видно изъ разговора съ Аѳанасьевымъ, и самыхъ объясненій, поданныхъ цесарю»;

«не любилъ войны»;

«отъ природы не дѣятельный и въ этомъ отношеніи противуположный отцу, дѣятельности кипучей, чѣмъ и подавалъ ему, можетъ быть, поводъ оправдывать логически свою къ нему антипатію.»

«Занятій отцовыхъ онъ не любилъ, утверждаемый въ образѣ такихъ мыслей своими приближенными».

«Когда позовутъ на обѣдъ, или при спускѣ корабля, онъ говорилъ: «лучше мнѣ на каторгѣ быть.» Потомъ г. Погодинъ продолжаетъ свои разсужденія:

«Враги старались еще усиливать отвращеніе, принуждая его стоять иногда на морозѣ, заставляя пить, и дѣлая ему всякія непріятности.»

(Стр. 74) «Впрочемъ онъ любилъ самъ попить, и погулять, какъ свидѣтельствуютъ Плейеръ и графъ Шонборнъ. Царевичъ признавалъ, впрочемъ, порочность этой привычки, и старался уклоняться отъ случаевъ»;

(*) Этому противорѣчатъ слѣдующіе два факта. Во первыхъ обращеніе его съ учителемъ Вяземскимъ, слѣдовательно стоящимъ выше обыкновеннаго слуги. (Устр. стр. 11: «Показаніе Вяземскаго, 26 августа 1718 года, въ Секретномъ архивѣ»). Вяземскій не умѣлъ заслужить уваженія своего питомца, который въ послѣдствіи билъ его неоднократно. Далѣе въ Гданскѣ, 1 января 1718 года, въ его выраженіяхъ къ любимому слугѣ, мы видимъ грубое обращеніе (Устр. стр. 433 прилож. 133.—«Петръ Михайловичь! Сука, б . . дь, забавляй Афросинью, какъ можешь».

«Царевичъ не отличался скромностью, и любилъ поболтать, въ кругу единомышленныхъ съ собою пріятелей подъ пьяную руку».

(Стр. 75) «Съ женою, невѣроятно, чтобъ обращался слишкомъ сурово, и жестоко. Въ противномъ случаѣ не могъ бы онъ надѣяться на заступленіе тещи, и свояченицы, къ которымъ спасаясь бѣгствомъ отнесся за покровительствомъ.»

(Стр. 76) «Замѣтимъ, въ заключеніе, еще одно свойство его характера: это слабость и непостоянство. Важнымъ несчастіемъ въ его жизни, и самымъ предосудительнымъ поступкомъ въ глазахъ публики, это была страсть ко крѣпостной полоненной дѣвкѣ Вяземскаго, Ефросиньѣ, къ которой онъ привязался до безумія. Примѣръ отца имѣлъ и здѣсь нѣкоторое участіе.»

(Стр. 77) «Вотъ царевичь, со всѣми его склонностями и пороками, со всѣми своими умыслами и винами.»

4) Г. Семевскій (*) въ своей критикѣ шестаго тома Устрялова (исторія царствованія Петра Великаго) приводитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣдующія черты, могущія служить для изображенія характера Алексѣя.

(Стр. 18) «Въ его (Алексѣя) жалобахъ предъ вице-канцеляромъ (гр. Шенборномъ въ Вѣнѣ) слышна истина, горькая истина; онъ еще сдерживаетъ себя, и его стоны, его жалобы, выливаются въ горькихъ словахъ.»

(Стр. 21) «Личность Алексѣя, по прочтеніи IV главы сочиненія Устрялова, возбуждаетъ, не скажу лю-

(*) Русское Слово, 1860 г., январь.

бовь и симпатію, но сожалѣніе, сожалѣніе, тѣмъ сильнѣйшее, что изъ предшествующихъ главъ вы не видите, за что бы презирать его.»

О письмахъ Алексѣя изъ Неаполя къ архіереямъ и сенату г. Семевскій полагаетъ слѣдующее:

(Стр. 23) «письма эти были самаго невиннаго содержанія; тѣмъ не менѣе вѣнское правительство не нашло нужнымъ послать ихъ въ Россію, а удержало у себя; эти письма послужили главнѣйшимъ поводомъ къ обвиненію царевича».

(Стр. 30) «Что же за преступленія уголовныя объявились послѣ ряда допросовъ за царевичемъ Алексѣемъ, его друзьями и приверженцами? Постараемся свести ихъ въ самый краткій перечень:

«Царскія письма къ нему читалъ Кикину и Вяземскому; съ ними совѣтовался объ отвѣтахъ. Отвѣчалъ безъ всякаго лукавства и обману (*).

«Когда вознамѣрился бѣжать, царевичъ взялъ свою любовницу обманомъ; равно не открылъ намѣренія своего скрыться провожавшимъ его слугамъ.

(*) Мы приводимъ здѣсь эти отвѣты, о которыхъ только что говорилъ г. Семевскій, а также и слова Алексѣя Шенборну:

1) (Устр., стр. 348) Царевичъ Алексѣй Петру I, 31 октября 1715 года: «Того ради, наслѣдія Россійскаго по васъ не претендую, и впредь претендовать не буду; въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою и ради истиннаго свидѣтельства, сіе пишу своею рукою».

2) (Устр. стр. 350) «Царевичъ Алексѣй Петру I, 20 января 1716 года: «Желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія.» Графъ Шенборнъ доноситъ о слѣдующихъ словахъ Алексѣя въ Вѣнѣ 21/10 ноября 1716 г. (Устр. стр. 66): «Отецъ хочетъ лишить меня и жизни и короны. Меня хотятъ постричь и заключить въ монастырь, чтобы лишить правъ и жизни. Я не хочу въ монастырь»

«О побѣгѣ давно задумалъ, не для чего иного, только бы отдаляясь отъ него, жить въ покоѣ».

«Изъ Либоа писалъ письмо обманное къ отцу, яко бы ѣдетъ къ нему; а самъ отправился въ Вѣну.

«Письма писалъ къ сенату и къ архіереямъ, извѣщая о своемъ здоровьи. Денегъ взялъ взаймы предъ отъѣздомъ въ долгъ у Меньшикова 1000 червонныхъ, у сенаторовъ 1000, у Исаева въ Ригѣ 5000.

«Разговаривалъ съ своими приближенными о томъ, что есть разныя предсказанія: о близкой перемѣнѣ; о скорой смерти Государя; разореніи Петербурга; о томъ что Царю болѣе пяти лѣтъ, а брату Петру больше семи лѣтъ не прожить.

«Чрезъ Ѳедора Дубровскаго послалъ матери Авдотьѣ Ѳедоровнѣ 500 рублей.

«Не доѣзжая Либоа царевичь встрѣтилъ царевну Марью Алексѣевну, свою тетку, говорилъ съ ней много о своей заточенной матери, выслушалъ отъ нея басни о скорыхъ перемѣнахъ въ Россіи, сѣтовалъ на свою долю, горько, долго, много и неутѣшно плакалъ; написалъ письмецо къ матери о своемъ здоровьи, и взялъ отъ нея подарокъ чрезъ царевну Марью: образокъ, четки и молитвенникъ».

Теперь слѣдуетъ:

5) Нашъ собственный взглядъ на характеръ Алексѣя. Для избѣжанія повтореній, мы разсмотримъ здѣсь и другія, главныя эпохи его жизни. Алексѣй заслуживаетъ сожалѣніе, какъ по своимъ наклонностямъ, такъ и по отношеніямъ къ отцу, къ матери и къ окружавшей его партіи.

Петръ, одаренный изумительною крѣпостію мышцъ

и твердостію духа, взялъ Россію въ свои желѣзныя руки, и съ гигантскою силою и съ самопожертвованіемъ стремится къ ея преобразованію. Увѣренный въ себѣ, онъ съ удивительною быстротою приводитъ въ исполненіе все имъ задуманное и отъ другихъ требуетъ не только того же рвенія, той же силы, тѣхъ же способностей, но и убѣжденъ еще, что имъ не трудно исполнять его волю. И потому тамъ, гдѣ бы другой отецъ былъ доволенъ, быть можетъ наградилъ даже, и обласкалъ сына, Петръ далеко не былъ удовлетворенъ имъ въ своихъ ожиданіяхъ и требованіяхъ. Онъ говорилъ: «я не требую утомительныхъ работъ, требую только доброй воли», и думалъ, что поступаетъ съ сыномъ справедливо; но слабому Алексѣю и малѣйшій трудъ былъ уже въ тягость.

Послѣдствіемъ этого было взаимное несогласіе. Отецъ можетъ призвать въ свидѣтели цѣлый міръ, что онъ требуетъ только доброй воли, сынъ—что отецъ требуетъ отъ него невозможнаго и можетъ призвать, въ свидѣтели о томъ, сотни тысячъ людей своей партіи, изъ которыхъ иные сожалѣютъ о немъ, другіе, желая возбудить его противъ отца, обвиняютъ Петра въ ненависти и жестокости къ сыну. Притомъ у Петра было еще одно качество, которое многихъ возстановило противъ него: неограниченная ненависть къ старому, и страсть къ нововведеніямъ. Каждый, кто не раздѣлялъ его мнѣнія, становился его противникомъ, его врагомъ. Такъ, наприм., въ матери малолѣтняго еще Алексѣя Петръ уже встрѣчалъ подобное сопротивленіе: Евдокія изъявляетъ презрѣніе свое ко всему новому, обнаруживая приверженность ко всему старому. Въ то время какъ Петръ, вводя насильственно свои

преобразованія, и пренебрегая семейною жизнію, проводитъ свои дни и вечера въ обществѣ, хотя и дѣятельныхъ, но простыхъ и необразованныхъ людей— мать царевича становится въ главѣ партіи противниковъ Петра. Сначала, любовь ея къ мужу, ослабѣвая переходитъ въ равнодушіе, потомъ въ ненависть. Нерасположеніе матери къ отцу прививается къ сыну тѣмъ болѣе, что царица окружена духовенствомъ, осуждающимъ единодушно всѣ поступки Петра. И потому благодѣтельное вліяніе, которое мать оказываетъ обыкновенно на воспитаніе дѣтей, становится пагубнымъ для Алексѣя. Царевичъ, отъ природы уже нерадивый, въ сообществѣ духовенства и придворныхъ дамъ его матери, совершенно предается лѣности. Къ сожалѣнію, нашлись люди, какъ это часто случается, которые, видя въ немъ будущаго Государя, льстили его слабостямъ и тѣмъ развивали въ немъ дурныя качества. Царевичь, предаваясь дурнымъ своимъ наклонностямъ, начинаетъ ихъ скрывать, и потому вынужденъ обманывать отца. Съ годами Алексѣя, требованія Петра увеличиваются; онъ желалъ бы во всемъ совершенства. Царевичъ далекъ отъ совершенства. Онъ начинаетъ чуждаться отца, дѣлается болѣе чѣмъ равнодушнымъ, ненавидитъ его. Чувство ненависти увеличиваютъ въ немъ враги Петровы. Имъ нужна опора, они выбираютъ для нея Алексѣя; и вмѣстѣ съ тѣмъ стараются ослабить его умъ и тѣло, съ цѣлію лишить его той желѣзной воли, которою былъ одаренъ Петръ. Ненавидя Петра, они всю ненависть свою къ нему, и еще увеличенную, передали сыну. Такъ что однажды, на исповѣди, когда царевичъ, каясь въ грѣхахъ, признался духовнику, что онъ желаетъ отцу

своему смерти, священникъ говоритъ: «это ничего, мы и сами того желаемъ!» (*).

Изъ всего изложеннаго мы видимъ, что если Петръ на вершокъ подвигалъ образованіе своего сына, партія Царевича на цѣлую сажень отодвигала его назадъ; и потому не удивительно, что при юношескомъ, пылкомъ воображеніи и при склонности къ чувственности, Алексѣй уже въ молодыхъ лѣтахъ пришелъ къ слѣдующему убѣжденію: «съ отцемъ я никогда не буду въ ладу; онъ требуетъ совершенно невозможнаго; для чего же? вѣдь я все таки, по закону, буду Государемъ. Онъ потому со мною такъ жестоко обходится, что ненавидитъ меня, хотя увѣряетъ въ противномъ; и потому рано или поздно—буду ли я виноватъ или нѣтъ—меня ожидаетъ лишеніе престола, а быть можетъ и самая смерть; не лучше того онъ поступилъ съ моею бѣдною матерью, заключивъ ее, безъ малѣйшаго повода, въ молодыхъ лѣтахъ, въ монастырь. Чтобы избѣжать предстоящей ему участи, и слѣдуя дурнымъ совѣтамъ, онъ рѣшается на побѣгъ: теперь его мо-

---

(*) Г. Семевскій въ той же критикѣ Устрялова указываетъ очень справедливо на нѣкоторыя дѣйствія Петра, вслѣдствіе которыхъ Алексѣй долженъ былъ чуждаться и не любить отца (стр. 5).

«Неужели самъ отрокъ юноша, юноша впечатлительный, не видѣлъ въ дѣлахъ, удовольствіяхъ, привычкахъ, странностяхъ отца много такого, что и безъ извращенія должно было охлаждать въ немъ сыновнее чувство любви, чувство никогда не поддерживаемое въ немъ отцемъ».

(Стр. 7) «А стрѣлецкій розыскъ, костры, висѣлицы, колеса, плахи, кучи смрадныхъ труповъ на площадяхъ, и улицахъ московскихъ—не производило-ли все это какого нибудь впечатлѣнія на девяти-лѣтняго царевича?»

жетъ спасти одна ложь. Удалившись за предѣлы отечества, онъ выдастъ себя за человѣка благомыслящаго и совершенно безвиннаго; отца—за самаго жестокосердаго и низкаго.

По возвращеніи на родину, Петръ встрѣчаетъ его дружелюбно, но и здѣсь Алексѣй не покидаетъ своихъ прежнихъ наклонностей; страхъ не производитъ раскаянія; онъ удаляется отъ истиннаго пути; ложь слѣдуетъ за ложью; и чѣмъ болѣе онъ обманываетъ, тѣмъ ужаснѣе становится его положеніе. Наконецъ преступные его замыслы явно обнаружены и смерть, постигшая во время царевича, освобождаетъ его отъ дальнѣйшихъ мучительныхъ пытокъ.

По мнѣнію нашему, съ желѣзною волею Петръ, и съ слабымъ характеромъ Алексѣй, представляютъ собою два существа, которыя, отъ взаимнаго соприкосновенія, оба ошибочно дѣйствуютъ, но Петръ съ благимъ намѣреніемъ, Алексѣй же съ дурнымъ; и потому Петръ возбуждаетъ въ насъ сочувствіе, а Алексѣй—сожалѣніе; и читатель можетъ видѣть, что мы даемъ преимущество Петру предъ Алексѣемъ. Романистъ будетъ смотрѣть на все это съ противоположной точки зрѣнія. Для него осужденный дѣлается героемъ, и уже самое положеніе несчастнаго Алексѣя, столь горестное и внушающее состраданіе, составляетъ приговоръ надъ строгимъ отцемъ. Намъ кажется, что г. Погодинъ избралъ этотъ цвѣтистый путь, и съ успѣхомъ. Онъ увлекъ своимъ мнѣніемъ всѣхъ тѣхъ, которые *привыкли* судить не *разсудкомъ*, а увлекаться чувствомъ.

Чтобы еще съ большею ясностію показать взаимныя отношенія между отцемъ и сыномъ, мы просимъ

позволить намъ привести еще другой подобный историческій примѣръ, въ томъ же столѣтіи.

Въ Пруссіи, у Фридриха-Вильгельма I также былъ наслѣдникъ, который, желая избавиться отъ строгаго обращенія своего отца, бѣжалъ изъ отечества. Сходство, найденное нами между этими событіями, состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Петръ и Фридрихъ Вильгельмъ, поступая строго, думали, что исполняютъ свою обязанность; между тѣмъ обращеніе это казалось сыновьямъ невыносимо. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ педантъ въ высшей степени; онъ утомлялъ сына разными тѣлесными упражненіями. Петръ, въ свою очередь, обременялъ сына своего занятіями, казавшимся царевичу тягостными, и въ добавокъ требовалъ, чтобы Алексѣй находилъ въ нихъ удовольствіе. Исторія намъ говоритъ, что юный Фридрихъ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ несоотвѣтственныхъ силамъ его, тѣлесныхъ упражненій, едва не умеръ, имѣлъ видъ болѣзненный и видимо терялъ силы. Слабое здоровье Алексѣя въ юношескихъ лѣтахъ и его расположеніе къ чахоткѣ не были-ли также слѣдствіемъ слишкомъ усиленныхъ трудовъ, возложенныхъ на него отцемъ?

2) Оба отца считали себя совершенно правыми и отдавая сыновей своихъ подъ судъ, думали, что исполняютъ долгъ своей.

3) Ни тотъ, ни другой не скрываютъ своихъ дѣйствій, и гласно передъ всѣми утверждаютъ, что ихъ наслѣдники заслуживаютъ смерть.

4) Сыновья въ молодыхъ лѣтахъ не раздѣляли съ отцами своими ихъ неограниченной любви «къ воинскому дѣлу». Въ послѣдствіи Фридрихъ развился въ

этомъ дѣлѣ изумительно; но можетъ быть развился бы въ этомъ отношеніи и Алексѣй, когда бы сдѣлался со временемъ самостоятельнымъ.

5) Въ обѣихъ странахъ, ограниченность умовъ, или по крайней мѣрѣ ихъ посредственность, имѣли дѣло съ геніемъ. Геніальный Петръ не могъ себѣ представить, чтобы сынъ его былъ такъ слабъ душой и тѣломъ. Разсчетливая голова Фридриха-Вильгельма не можетъ вмѣстить въ себѣ, чтобы сынъ его былъ одаренъ геніемъ. Онъ такъ далекъ отъ этой мысли, что стремленіе своего сына къ умственному образованію находитъ странностію, сумасбродствомъ, которыя можетъ себѣ позволить едва ли простой гражданинъ; въ наслѣдникѣ же престола, по его мнѣнію, это будетъ почти уже грѣхомъ.

6) Оба отца употребляютъ къ достиженію цѣли своей неумѣстную жестокость. Если бы Фридрихъ-Вильгельмъ могъ доказать, что сынъ его не только бѣглецъ, но даже измѣнникъ, который съ помощію иноземныхъ государей, вооруженною силою, намѣренъ возвратиться въ отечество, то и Фридриху точно также не избѣжать бы смертной казни, какъ то было съ Алексѣемъ. Алексѣй является виновнымъ въ томъ и другомъ; онъ и бѣглецъ и измѣнникъ. Если Петръ былъ строгъ и взыскателенъ къ другимъ, то не меньшую строгость долженъ былъ оказывать и къ своему сыну.

7) Петръ былъ физически жестокъ къ сыну, Фридрихъ-Вильгельмъ морально. Катте, образованный молодой человѣкъ, другъ Фридриха, зная о замыслахъ сего послѣдняго, намѣренъ помочь ему; но въ то время какъ Фридрихъ бѣжитъ изъ Везеля, Катте, не зная

объ этомъ, находится въ Берлинѣ. За одно желаніе быть полезнымъ Фридриху, Катте осужденъ на смерть. По повелѣнію отца Фридрихъ долженъ присутствовать при казни.

8) Ни одному изъ двухъ отцевъ не пришло въ голову примѣшать къ сѣменамъ воспитанія нѣсколько зернышекъ любви, чтобы въ послѣдствіи легче было собрать плоды послушанія. Хотя въ обоихъ и проглядываетъ ихъ суровая, жесткая любовь, но главныя орудія у нихъ: угроза и наказаніе.

9) Оба сына неохотно принимали участіе въ попойкахъ отцевъ своихъ, и потому никогда не видали ихъ въ веселомъ расположеніи духа. Между тѣмъ, въ свою очередь, они не пренебрегали попировать съ друзьями.

10) Наконецъ въ обоихъ семействахъ отцы и матери не согласны между собою въ образѣ мыслей о воспитаніи дѣтей. Доротея тайно покровительствуетъ французамъ, столь ненавистнымъ ея супругу за ихъ свѣтское образованіе; Евдокія является покровительницею старины, ханженства и праздности. Такимъ образомъ обѣ матери причиною тому, что сыновья возненавидѣли образъ дѣйствій своихъ отцовъ. Какія же были послѣдствія ихъ строгихъ требованій? Ложь и обманъ ихъ сыновей. Геніальный Фридрихъ тайно беретъ уроки музыки; украдкою учится французскому языку; любимое общество его составляютъ люди умные, но вѣтренные и распутные, — столь не любимые отцемъ его французы.

Алексѣй, съ наклонностію къ лѣни и пьянству, проводитъ время въ кругу монаховъ, преданныхъ старинѣ; онъ тайно посѣщаетъ ихъ, но предъ отцемъ въ этомъ

отпирается; обманываетъ его, говоря въ тоже время, что желаетъ постричься въ монахи; наконецъ бѣжитъ изъ Россіи, и разными ложными выдумками думаетъ привести отца въ заблужденіе.

Въ пользу Петра служитъ еще и то обстоятельство, что если сравнимъ наставленія, данныя малолѣтнимъ сыновьямъ обоими отцами,—Петръ намъ представится гораздо выше Фридриха-Вильгельма въ своихъ предначертаніяхъ. Планъ Петра обнимаетъ несравненно обширнѣйшій кругъ дѣйствія, и между тѣмъ въ немъ упоминается о часахъ отдыха, необходимыхъ для царевича. Въ «наказѣ по которому тотъ, ему же ученіе его высочества государя царевича повѣрено будетъ, поступать имѣетъ» въ статьѣ 7-й § 7 сказано, (Устр. стр. 302): «И дабы его высочеству непрестаннымъ ученіемъ и трудами чувствъ не наскучить, того ради надлежитъ къ его забавѣ игру труктафель и балгаузъ во умѣренное употребленіе привесть».

Фридрихъ Вильгельмъ въ своемъ планѣ — педантъ утомительный. Онъ въ немъ предписываетъ: (*) «Am Sonntage soll er frühstücken in sieben Minuten Zeit; am Montage, indess dass er sich kämmen und schwänzen lässt, soll er zugleich Thee und Frühstück nehmen, dass das zugleich eine Arbeit ist, und muss diess Alles vor halb Sieben frühe fertig sein.»

Петръ посылаетъ 19 лѣтняго Алексѣя въ Дрезденъ для высшаго образованія, и мы читаемъ въ про-

(*) Въ Воскресенье завтракать ему семь минутъ, въ понедѣльникъ, въ то время, какъ будутъ причесывать голову и плести косичку, онъ долженъ пить чай и завтракать, такъ чтобы обѣ эти вещи дѣлались въ одно и тоже время, и оканчивались до половины 7-го часа утра.

меморіи ихъ милостямъ князю Трубецкому и господину Головкину, данная ноября въ 19 день 1709 года въ § 2 (Устр. стр. 312): «Чтобы его высочество государь-царевичъ въ наказанныхъ ему наукахъ всегда обрѣтался, и между тѣмъ сверхъ того, что ему обучаться велѣно, на флоретахъ забавляться, и танцовать по французски учиться изволилъ.»

Отношенія Алексѣя къ Екатеринѣ были всегда дружелюбны, благосклонны, и исполнены довѣрія. Доказательствомъ чему служитъ то, что Петръ избралъ Алексѣя быть воспріемникомъ Екатерины, когда она принимала Греко-Россійскую вѣру; въ противномъ случаѣ онъ назначилъ бы напримѣръ любимца своего, Меншикова, въ домѣ котораго въ первый разъ увидѣлъ Екатерину.

Такъ какъ она была всегда благодѣтельною посредницею между Петромъ и его подданными, то сдѣлалась таковою же и въ отношеніи къ Алексѣю. Г. Погодинъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей статьи, которыя мы приведемъ ниже, говоритъ, что Екатерина была врагомъ Алексѣя, изъ корыстолюбивыхъ видовъ: желая утвердить за своими дѣтьми престолонаслѣдіе она стала главною причиною его погибели. Противъ этого мы приведемъ нѣкоторыя письма Алексѣя къ Екатеринѣ, и слова двухъ противниковъ ея, которые несмотря на свою непріязнь къ ней, соглашаются въ томъ, что Екатерина была расположена къ Царевичу. Подобныхъ писемъ мы находимъ до двѣнадцати (у г.г. Устрялова и Погодина) слѣдующихъ одно за другимъ въ непродолжительномъ времени. Въ нихъ видимъ мы расположеніе Алексѣя къ Екатеринѣ отъ 1708 до 1717 года.

29-го Ноября 1708. «Катерина Алексѣевна здравствуй на множество лѣтъ. За писаніе твое зѣло благодарствую и впредь сего желаю.»

9-го Марта 1716. «Милостивѣйшая государыня матушка. Милости вашей, ваше, государыня, писаніе изъ Либоу получилъ. За что всенижайше благодарю, и впредь нижайше прошу, дабы не оставленъ былъ въ милости вашей.»

14-го Октября 1717 года изъ Аверзы, на возвратномъ пути изъ Неаполя въ Россію. «Милостивая государыня, матушка! По указу Государя-батюшка отъѣзжаю въ Петербургъ, и отсюда поѣхалъ сегодня. Прошу, государыня, милостивымъ своимъ представительствомъ не оставить меня.»

Доказательствомъ ходатайства ея за Алексѣя служатъ его три письма 1708 г.; отъ 8, 16 и 25 Декабря, одно отъ 1709 года и еще одно отъ 13 Апрѣля 1718 г. — 8 Декабря 1708 года «Катерина Алексѣевна здравствуйте! Прошу васъ, пожалуйте, освѣдомясь отпишите, за что на меня есть Государя-батюшка гнѣвъ: понеже изволитъ писать, что я, оставя дѣло, хожу за бездѣльемъ.»

16-го Декабря «Катерина Алексѣевна! За вашу ко мнѣ явленную любовь благодарствую, и впредь прошу, пожалуй, не остави меня въ какихъ прилучившихся случаяхъ, въ чемъ надѣюсь на вашу милость.»

25-го Декабря. «Зѣло благодарствую за милость вашу къ себѣ, что получилъ чрезъ ваше ходатайство милостивое писаніе Государя-батюшка; только имѣю печаль, что отъ васъ не имѣю писанія.»

1709 г. Февраля 16-го изъ Богодухова. «Катерина Алексѣевна, здравствуйте на множество лѣтъ. Дѣло

мое здѣсь рекрутское къ окончанію приходитъ, и о семъ я къ Государю-батюшкѣ писалъ. Прошу васъ, чтобы мнѣ не зажиться здѣсь, чтобъ быть къ милости вашей, чего всегда желаю. Пожалуй, о семъ моего прошенія не остави.»

Апрѣля 13-го 1718 года. «Въ Свѣтлый Праздникъ царевичь умолялъ Екатерину Алексѣевну выпросить у отца позволеніе жениться на Ефросиніи.» Это ссылка Г. Погодина (стр. 31), въ ней не сказано, изустно, или письменно испрашиваемо было позволеніе, и согласилась ли Екатерина исполнить просьбу или нѣтъ? Но изъ словъ одного современника ея можно заключить, что Екатерина говорила въ пользу царевича: тайный совѣтникъ Басевицъ (*) приводитъ слѣдующее (стр. 318):

«(**) Ce qui est surprenant, et en même temps très glorieux à l'Impératrice Catherine, c'est que dans le cours d'une affaire si délicate, aucun soupçon ne la chargea, ni de la mort du malheureux Aléxis, ni même d'avoir aigri le père contre lui; et le Czar a dit depuis au Duc d'Holstein, en présence de son Ministre Bassewitz, qu'elle voulût, qu'il se contentât de faire

---

(*) Eclaircissements sur plusieurs faits relatifs au règne de Pierre le Grand, въ магазинѣ Бюшинга для новой Исторіи и Географіи. Томъ IX.

(**) «Весьма удивительно, и служитъ въ похвалу Императрицѣ Екатеринѣ то, что въ продолженіи всего этого деликатнаго дѣла, никто не могъ обвинить ее ни въ смерти царевича, ни въ томъ, чтобы она старалась возстановлять отца противъ сына. Въ послѣдствіи царь говорилъ Герцогу Гольштинскому, въ присутствіи министра Басевица, что императрица находила достаточнымъ постричь царевича въ монахи, и не осуждать его на смерть, потому, что этотъ позоръ падалъ и на дѣтей царевича, изъ которыхъ одинъ по всѣмъ вѣроятіямъ долженъ будетъ вступить на престолъ, потому что сынъ ея Петръ Петровичъ, по своему нѣжному тѣлосложенію, не обѣщаетъ быть долголѣтнимъ.»

revêtir le froc à son fils, sans qu'on lui prononcât la sentence de mort, parce que cet opprobre rejaillissait sur ses enfants, (дѣти Алексѣя) dont l'un paraissait destiné à soutenir la gloire du trône, le tempérement délicat du Prince Pierre Pétrowitz ne promettant pas une longue vie.»

Въ Декабрѣ 1712 года Алексѣй отправляется изъ Эльбинга, не заставъ тамъ жены своей, съ Екатериною въ Петербургъ, куда путешественники и прибыли только 13 Февраля 1713 года.

Изъ слѣдующихъ показаній Алексѣя, въ 1718 году, мы увидимъ какъ противники Екатерины не довѣряли искренности ея расположенія къ Алексѣю; въ Февралѣ онъ говоритъ:

(Устр. стр. 168): «Еще же въ разныя времена, когда разговоръ прихаживалъ о матушкѣ-царицѣ, и когда я сталъ хвалиться милостью ея къ себѣ, и Царевна Марья Алексѣевна говаривала: что де хвалишься? видь-де она не родная мать; гдѣ-де ей такъ добра тебѣ хотѣть.»

Въ допросѣ отъ 14 Мая:

(Устр. стр. 251) «Еще жъ князь Борисъ Куракинъ въ Померании со мною говорилъ:—«Добра къ тебѣ мачиха? И я молвилъ: «Добра.» И онъ на то сказалъ: «Покамѣстъ-де у ней сына нѣтъ, то-де къ тебѣ добра; а какъ-де у ней сынъ будетъ, не такова-де будетъ.»

О ненависти тетки Наталіи Алексѣевны, на попеченіе которой онъ былъ отданъ въ девятилѣтнемъ возрастѣ, по заключеніи матери его въ монастырь, Г. Погодинъ приводитъ слѣдующее (стр. 42):

«Царевичъ, въ 1706 году, самовольно ѣздилъ изъ Москвы къ матери въ Суздаль.»

(Стр. 43) «Враждебная царевичу тетка, Наталья

Алексѣевна, донесла царю о тайномъ посѣщеніи.» Могла ли она иначе поступить, какъ не донести о томъ царю? Царевичъ былъ ей порученъ. Онъ по собственному побужденію совершаетъ поступокъ, дѣлающій честь его дѣтскому сердцу, но вредящій отношеніямъ его къ отцу. Могла-ли она допустить, чтобы Петръ узналъ объ этомъ поступкѣ отъ другихъ? Можно ли изъ сего рѣшительно заключить, что она ненавидѣла Алексѣя?

Далѣе Г. Погодинъ говоритъ: «Алексѣй не нравился теткѣ (стр. 38)». А если и не нравился, такъ развѣ это служитъ доказательствомъ ея вины? Нисколько. Тетки почти всегда балуютъ своихъ племянниковъ, и потому мы болѣе сомнѣваемся въ хорошихъ качествахъ Алексѣя, чѣмъ въ добрыхъ свойствахъ тетки его. Впрочемъ, не придавая никакого вѣсу нашимъ предположеніямъ, мы находимъ мнѣніе г. Погодина вовсе неосновательнымъ и противурѣчащимъ самому себѣ: на стр. 42 онъ говоритъ слѣдующее: «Ближе всѣхъ къ царевичу были въ это время его тетки, дочери царя Алексѣя Михайловича отъ перваго брака, старыя дѣвицы, не терпѣвшія нововведеній Петровыхъ, окруженныя попами и монахами.» Если мы и совершенно соглашаемся, что старыя дѣвицы эти были преданы старинѣ— то мы должны изъ числа ихъ исключить Наталью Алексѣевну, родившуюся въ 1673 г. отъ одной съ Петромъ матери, слѣдовательно моложе его, умершую въ 1716 году, 43 лѣтъ.

Объ отношеніяхъ Алексѣя къ Меншикову, г. Погодинъ говоритъ слѣдующее: (стр. 40) «Отношенія Екатерины, если даже не положительныя дѣй-

ствія, вмѣстѣ съ кознями Меншикова рѣшили впослѣдствіи судьбу царевича.»

(Стр. 42) «Не видать ли уже здѣсь, въ отстраненіи Гизена, какъ и прежде въ удаленіи Нейгебауера (*), тайнаго намѣренія Меншикова пріучать царевича къ праздности и лѣни, давая ему просторъ и свободу, для препровожденія времени съ его родными, приверженцами старины, съ попами и монахами, къ которымъ онъ получилъ извѣстное расположеніе еще при матери — и тѣмъ приготовить будущій разрывъ съ отцомъ.»

(Тамъ же) «Съ этой стороны, можно, кажется, повѣрить царевичу, который объяснилъ цесарю, что Меншиковъ съ умысломъ далъ ему дурное воспитаніе, не заставлялъ учиться, и окружалъ дурными или глупыми людьми.»

Должно предполагать, что Меншиковъ уже давно страшился Алексѣя, боясь увидѣть въ немъ будущаго государя своего—когда уже въ 1702 году могъ замышлять гибель 12-ти лѣтняго царевича?

Намъ кажется, что мы уже ясно доказали неосновательность предположеній г. Погодина, касательно отношеній Екатерины къ Алексѣю, противопоставивъ его предположеніямъ основательныя, по мнѣнію нашему, доказательства, хотя онъ самъ долженъ былъ свои предположенія замѣнить фактами. Желательно было бы пріобрѣсть отъ г. Погодина болѣе очевидныхъ доказательствъ, каса-

---

(*) Не говорилъ ли самъ г. Погодинъ на стр. 39-й: «новый учитель его, Нейгебауеръ, поссорился съ прежними, Вяземскимъ и Нарышкинымъ, которыхъ сторону принялъ Меншиковъ, и онъ былъ отстраненъ.» Отчего обвинять въ этомъ удаленіи одного только Меншикова, почему не обвинить также Вяземскаго и Нарышкина?

тельно Меншикова, чѣмъ слѣдующія: «не видать ли уже здѣсь тайнаго намѣренія Меншикова?» На вопросъ этотъ, мы отвѣчаемъ: Нѣтъ! мы просили бы на это новыхъ доказательствъ. Впрочемъ, присовокупимъ еще къ нашему отвѣту вотъ что: Гюйссену была дана въ 1703 году неограниченная власть на счетъ воспитанія Алексѣя; не долженъ ли онъ былъ, для лучшаго успѣха въ возложенной на него обязанности, искать еще въ комъ нибудь себѣ опоры, потому, что Петръ часто былъ въ отсутствіи? Отчего обратился Гюйссенъ къ Царю (Погод. стр. 39) «прося царя предоставить главный надзоръ князю Меншикову?» Нарышкины и Вяземскій были уже наставниками царевича, были важныя лица. Отчего же даетъ Гюйссенъ преимущество Меншикову? Оттого, что Нарышкины и Вяземскій потворствовали лѣности и праздности царевича въ сообществѣ поповъ и монаховъ. (*)

Меншиковъ былъ властолюбивъ и гордъ. Если онъ, вопреки желанію Петра и стараніямъ Гюйссена, побуждалъ Алексѣя къ праздности, въ такомъ случаѣ онъ и самъ долженъ былъ содѣлаться его сообщникомъ и повѣреннымъ во всѣхъ его поступкахъ. Царевичь боялся отца своего, и Меншиковъ не осмѣлился бы

(*) Кажется Алексѣй уже въ 1703 году былъ нерадивъ. Доказательствомъ тому служатъ слѣдующія слова Петра, произнесенныя тогда, когда онъ поручалъ Царевича Гюйссену, въ главной квартирѣ фельдмаршала Огильви:

«Если ты, какъ я надѣюсь, будешь слѣдовать моему отеческому совѣту, и примешь правиломъ жизни страхъ Божій, справедливость и добродѣтель, надъ тобою будетъ всегда благословеніе Божіе, *но если мои совѣты разнесетъ вѣтеръ, и ты не захочешь дѣлать то, чего желаю*, я не признаю тебя своимъ сыномъ: я буду молить Бога, чтобы онъ наказалъ тебя въ сей и въ будущей жизни».

также противодѣйствовать Петру, не убѣдивъ царевича, что онъ желаетъ ему болѣе добра, чѣмъ самъ его отецъ. Притомъ, мы часто слышимъ, что Алексѣй и его сообщники должны были дѣйствовать съ осторожностію, потому что Петръ тайно слѣдилъ за ними. Съ какою же осторожностію долженъ былъ поступать Меншиковъ въ такомъ случаѣ, нарушая высочайшую волю? Алексѣй боялся Меншикова, и былъ къ нему почтителенъ, это можемъ видѣть изъ письма царевича отъ 18 Августа 1708 года:

Свѣтлѣйшій князь!

«Неисправленіе мое, что до вашей свѣтлости умедлилъ писать, и то не отъ иного чего, только что въ безпрестанныхъ дѣлахъ обращался, и въ томъ прошу вашей свѣтлости, дабы на меня не погнѣвались.» (Устр. стр. 309).

Мы уже сообщили читателю слова г. Погодина: (стр. 42) «жалобы Алексѣя противъ Меншикова, въ Вѣнѣ, можно принять за справедливыя.» Всѣ показанія царевича въ Вѣнѣ, мы будемъ разсматривать ниже; теперь же замѣтимъ только, что тотъ же самый Алексѣй, 22 Іюня 1718 года, на вопросы, предложенные ему Петромъ *«не для розыска, но для вѣдѣнія,»* отвѣчаетъ такъ (Устр. стр. 274): «А понеже мой отецъ часто тогда былъ въ воинскихъ походахъ, а отъ меня отлучался, того ради, приказалъ ко мнѣ имѣть присмотръ свѣтлѣйшему князю Меншикову; *и когда я при немъ бывалъ, тогда принужденъ былъ обучаться добру;* а когда отъ него былъ отлученъ, тогда вышеупомянутые Вяземскій и Нарышкины, видя мою склонность, ни къ чему иному, только чтобъ ханжить и

конверсацію имѣть съ попами и чернцами, и къ нимъ часто ѣздить и подшивать, а въ томъ мнѣ не только претили, но и сами тожъ со мною охотно дѣлали.» Эти послѣднія слова подтверждаютъ вышесказанное нами о Меншиковѣ, что кто другихъ склоняетъ къ пьянству, тотъ и самъ долженъ пить съ ними.

Въ отношеніяхъ Алексѣя къ его женѣ Евфросиніи, мы не нашли ничего достойнаго историческаго разсмотрѣнія. Поступки его не были здѣсь нравственно-чисты, благородны, но это были частныя обстоятельства его домашней жизни; они не повредили государству, потому, что онъ оставилъ по себѣ наслѣдника. Непонятно, какъ достало столько мужества у отца, чтобы обвинить сына предъ лицемъ цѣлаго свѣта за то, что «Алексѣй, полюбивъ простую крѣпостную дѣвку, такъ огорчилъ свою, уваженія достойную, супругу, что она можетъ быть съ печали и умерла». Кронпринцесса не была такого сильнаго тѣлосложенія какъ Евдокія (послѣдняя дожила вступленія на престолъ внука своего).

На страницѣ 76-й г. Погодинъ говоритъ: «Важнымъ несчастіемъ въ его жизни, и самымъ предосудительнымъ поступкомъ въ глазахъ публики, это была страсть къ крѣпостной полоненной дѣвкѣ Вяземскаго». Публика, которая такъ судитъ, вѣроятно мало знакома съ исторіею правителей вообще.

Теперь обратимся къ мѣрамъ, которыя употреблялъ Петръ въ продолженіе этого времени:

1) Съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на воспитаніе сына? Это увидимъ мы изъ его наказа отъ 22 Апрѣля 1703 года (Устр. стр. 299), «по которому тотъ, ему же ученіе его высочества государя царевича повѣрено будетъ, поступать имѣетъ».

Въ статьѣ 1-й говорится: «Истинный страхъ Божій для будущихъ правителей съ самой юности надлежитъ вкоренять, и ихъ къ познанію приводить, что они высокое достоинство на семъ свѣтѣ, въ которомъ обрѣтаются, по милости Божіей имѣютъ, и ему тяжкій отвѣтъ давати должны».

Въ статьи 2-й: «ему давать наставленіе, и тако украшеніе нравовъ, яко лучшей части въ человѣкѣ». Потомъ въ короткихъ словахъ содержится «ученіе главныхъ добродѣтелей и властностей великаго принца, яко суть страхъ Божій, ревность о справедливости, мягкосердіе, великодушіе, сожалѣніе, щедрость, постоянство въ рѣшеніяхъ, вѣрность и вѣру держати, прозорливость и остерегательство въ совѣтахъ, вниманіе и прилежаніе въ правительствѣ государственномъ, храбрости и тому подобнымъ мужественнымъ властностямъ споспѣшествовати, и утверждати тщиться».

Въ статьѣ 3-й «трудитися, дабы ему отвращеніе и мерзость ко всему, еже предъ Богомъ и человѣки злодѣтельно есть, и злодѣяніе именуется внушено».

Статья 4-я предписываетъ: «что надворный чинъ и услуженіе у его высочества благо и добродѣтельно поступали, и весьма отъ праздности къ потребному употребленію времени своего привожены были».

Статья 6-я: Если не «послушенъ: «тогда надлежитъ ему то съ принадлежащимъ умнымъ поступкомъ, учтивствомъ и почтеніемъ изначала втайнѣ чинить, и больше разсужденіе нежели укоренье употреблять».

Статья 6-я велитъ морально усилить наказаніе, дѣлая выговоры уже не тайно, а въ присутствіи придворныхъ чиновъ. Въ случаѣ же, если оба способа окажутся недѣйствительными, прибѣгнуть къ оберъ-гофмейстеру.

Статья 7-я содержитъ въ себѣ планъ ученія, который очень умно изложенъ. Онъ заключаетъ въ пяти параграфахъ изученіе наукъ, а въ § 6 говорится нижеслѣдующе: «Однакожъ надлежитъ уже и нынѣ безъ потерянія времени начало къ высокопотребнымъ принцу эксерциціямъ, яко же штурмованью, танцованью и конской ѣздѣ учинить».

§ 7. «И дабы его высочеству непрестаннымъ ученіемъ и трудами чувствъ не наскучить, того ради надлежитъ къ его забавѣ игру труктафель и балгаузъ во умѣренное употребленіе привесть».

Въ 9-й статьѣ приказываетъ составить для него библіотеку изъ полезнѣйшихъ книгъ.

Князю Трубецкому и г. Головину, которые должны были сопровождать царевича въ Дрезденъ, для его учебныхъ занятій, дана была промеморія въ 19-й день ноября 1709 года; въ ней мы читаемъ: «Чтобъ его высочество государь царевичъ въ наказанныхъ ему наукахъ всегда обрѣтался, и между тѣмъ сверхъ того, что ему обучаться велѣно, на флоретахъ забавляться и танцовать по французски учиться изволилъ».

Далѣе, доказательствомъ тому, что Петръ желалъ дать полезное направленіе воспитанію своего сына, служатъ слова его къ Гюйссену въ Москвѣ, когда онъ въ 1703 году поручалъ ему наслѣдника: «Самъ я не могу наблюдать за нимъ; ввѣряю его вамъ, зная, что не столько книги, сколько примѣръ будетъ служить ему руководствомъ».

2) Какія мѣры употребляетъ Петръ для практическаго образованія сына? Вопреки обыкновенному мнѣнію, что Петръ не радѣлъ о воспитаніи Алексѣя мы намѣрены указать на то, что, въ практическихъ заня-

тіяхъ, онъ требовалъ даже слишкомъ многаго. Знаменитѣйшіе современные ему, и позднѣйшіе писатели замѣчаютъ, что Петру не доставало только бо̀льшаго образованія, чтобы сдѣлаться достойнѣйшимъ изъ царственныхъ особъ.

Петръ чувствовалъ это и самъ, стараясь въ продолженіи всей жизни, трудомъ и терпѣніемъ помочь этому. Онъ также заботился о воспитаніи дочерей своихъ, и чтобы побудить ихъ къ прилежанію, часто говорилъ, что охотно лишился бы одного пальца, лишь бы имѣть лучшее образованіе. Чувствуя глубоко, какъ великъ его недостатокъ, онъ желалъ сыну своему дать образованіе, достойное будущаго царя столь великаго государства, на пользу подданныхъ. Вотъ причина, по которой онъ такъ обременялъ царевича занятіями, и никогда не былъ доволенъ его трудами.

Разсмотримъ все, что дѣлаетъ онъ для воспитанія царевича.

1702 года (когда Алексѣю было только 12 лѣтъ) беретъ его съ собой въ Архангельскъ,

1703 года въ Карелію,

1704 года подъ Нарву,

19-го декабря, тогоже года, дѣлаетъ его рядовымъ въ Преображенскомъ полку,

1707 году въ Польшу къ себѣ его вызываетъ, посылаетъ въ Смоленскъ для провіанта въ Псковъ, въ Смоленскъ и Минскъ, въ Москву, гдѣ Алексѣй долженъ наблюдать за постройками въ Кремлѣ, присутствовать при засѣданіяхъ *министровъ* и набирать рекрутъ.

Въ 1708 году, поручаетъ ему Петръ верховное управленіе надъ войсками въ Украйнѣ.

Алексѣй устраиваетъ магазинъ въ Вязьмѣ, въ Москвѣ продолжаетъ занятія прошлогоднія, въ декабрѣ уѣзжаетъ въ Сѣвскъ.

1709 года, въ январѣ ведетъ пять полковъ въ городъ Сумы, гдѣ опасно заболѣваетъ; въ февралѣ ѣдетъ въ Богудуховъ, Краснополь, Воронежъ, Тавровъ; въ мартѣ онъ въ Москвѣ, въ октябрѣ въ Маріенвердерѣ;

для высшаго образованія посылается въ Дрезденъ;

1711 года марта мѣсяца въ Карлсбадъ, потомъ опять въ Дрезденъ.

14-го октября совершается его бракосочетаніе,

18-го того же мѣсяца получаетъ Алексѣй отъ Петра инструкцію на счетъ провіанта въ Польшѣ,

въ ноябрѣ онъ ѣдетъ въ Торунгъ.

1712 года въ корпусѣ Меншикова у Штетина до конца декабря, потомъ въ Петербургѣ,

1713 года изъ Петербурга въ Москву, въ Або; потомъ въ Старую-Руссу и въ Ладогу для сбора корабельнаго строеваго лѣса, потомъ въ Петербургъ, гдѣ хвораетъ;

1714 года отъ угрожающей ему чахотки посланъ въ Карлсбадъ; въ декабрѣ возвращается въ Петербургъ.

Съ этого времени Петръ перестаетъ заниматься съ Царевичемъ. Алексѣй, вызванный Петромъ въ Копенгагенъ въ 1715 году, для принятія участія въ предстоящей кампаніи, уклоняется бѣгствомъ.

Въ продолженіе всего этого прошедшаго времени Царь получалъ донесенія отъ учителей объ успѣхахъ царевича, между прочимъ и отъ токарнаго мастера.

Не правы ли мы, говоря, что Петръ скорѣе обре-

менялъ царевича занятіями, чѣмъ «не заботился объ его воспитаніи?» Двѣнадцати лѣтъ Алексѣй былъ еще недостаточно развитъ, чтобы могъ извлечь пользу изъ поѣздки въ Архангельскъ; 13 и 14 лѣтъ не пріобрѣлъ онъ никакой опытности въ походахъ, хотя Петръ и сообщалъ ему очень много своихъ практическихъ замѣчаній. Будучи притомъ нѣжнаго тѣлосложенія, онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы охотно принимать участіе въ тягостныхъ трудахъ взрослыхъ особъ. Петръ ошибочно предполагалъ, что Алексѣй можетъ переносить труды, которые онъ самъ переносилъ въ его лѣта. Здѣсь большое различіе въ обстоятельствахъ: Петръ добровольно и охотно подвергалъ себя труднымъ обязанностямъ, и вполнѣ сознавая свою физическую силу, стремился къ великой цѣли. Алексѣй долженъ былъ заниматься вопреки своимъ наклонностямъ, по одному лишь приказанію. Мы видимъ изъ позднѣйшихъ жалобъ Петра на сына, что онъ самъ сознается, что Алексѣй слабаго тѣлосложенія; потомъ,— что ему всякій трудъ въ тягость; по этому-то онъ и говоритъ: «я требую только доброй воли». И то, что Петръ называетъ доброю волею, кажется намъ, при объясненныхъ обстоятельствахъ, уже тягостнымъ трудомъ.

3) Указъ Петра отъ 15 ноября 1715 года о правѣ отца предоставить наслѣдство кому угодно изъ дѣтей, безъ разбора о старшинствѣ. Тутъ же царь поставляетъ, что наслѣдовать имущество долженъ одинъ, потому что крѣпостнымъ легче сносить иго одного господина, чѣмъ нѣсколькихъ небогатыхъ владѣльцевъ (*).

(*) Мы привели здѣсь этотъ указъ, потому, что г. Погодинъ гово-

4) Его первое письмо къ Алексѣю отъ 11-го октября 1715 года (Устр. 47 — 49): «Объявленіе сыну моему». Въ немъ онъ говоритъ: у тебя нѣтъ охоты къ государственнымъ дѣламъ «паче же всего о воинскомъ дѣлѣ ниже слышать не хощешь»; ты видѣлъ, что воинственный духъ въ народѣ развился при мнѣ до такой степени, что Шведъ, «отъ котораго трепетали, едва не вящшее отъ насъ нынѣ трепещетъ»; ты видѣлъ, какъ сильныя государства, пренебрегая военнымъ искуствомъ погибали, и что не слѣдуетъ въ этомъ дѣлѣ полагаться на однихъ своихъ подданныхъ. «Видишь, не все трудами великими, но охотою. Думаешь-ли, что многіе не ходятъ сами на войну, а дѣла правятся? Правда, хотя не ходятъ, но охоту имѣютъ, какъ и умершій король французскій, который не много на войнѣ самъ былъ, но какую охоту великую имѣлъ къ тому, и какія славныя дѣла показалъ въ войнѣ, что его войну театромъ и школою свѣта называли.—Я есмь человѣкъ, и смерти подлежу, кому все оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу Евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю?» «Что все я съ горестію размышляя и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ тебѣ написать, и еще мало пождать, аще пели-

---

ритъ слѣдующее: (стр. 19) «Догадки иностранцевъ, что царевичь лишенъ будетъ наслѣдства». Но, что этотъ указъ нисколько не касается престолонаслѣдія, это доказываетъ позднѣйшій указъ изъ Преображенска отъ 5-го февраля 1722 года «о правѣ монарха назначать себѣ наслѣдника», и Петръ доказываетъ, что подобные примѣры не чужды и русскому престолу.

цемѣрно обратишься. Ежели же ни, то извѣстенъ будь, то я весьма тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный, и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ (*), и что я сіе только въ устрастку пишу: воистину (Богу извольну) исполню, ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ, и не жалѣю, то какъ могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный».

5) Второе письмо Петра, отъ 19 генвара 1716 года. «Послѣднее напоминаніе: удостой себя наслѣдникомъ или будь монахъ».

6) Словесное обращеніе Петра къ Алексѣю, въ концѣ того же мѣсяца (Устр. ст. 52): «Чрезъ недѣлю Петръ отправился за границу, въ Копенгагенъ, оттуда въ Амстердамъ и Парижъ; за два дня до отъѣзда былъ онъ у сына, и нашелъ его въ постелѣ, притворно больнымъ. На вопросъ отца: какую резолюцію взялъ? царевичъ клялся передъ Богомъ что ничего ни желаетъ, какъ только постричься. Петръ сказалъ: «Это молодому человѣку не легко; одумайся не спѣша, потомъ пиши ко мнѣ, что хочешь дѣлать; а лучше взяться за прямую дорогу, нежели въ черницы».

7) Чрезъ семь мѣсяцевъ, 26 августа 1716 года, Петръ послалъ къ сыну изъ Копенгагена курьера Сафонова, съ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ (Устр. 53):

«Мой сынъ!

«Письма твои два, въ 29 день іюня, другое въ 30 день іюля писанныя получилъ, въ которыхъ только

(*) Это было писано до рожденія Петра Петровича.

о здоровьѣ пишешь; чего для симъ письмомъ вамъ напоминаю. Понеже когда прощался я съ тобою, и спрашивалъ тебя о резолюціи твоей на извѣстное дѣло, на что ты всегда одно говорилъ, что къ наслѣдству быть не можешь за слабостію своею и что въ монастырь удобнѣе желаешь; но я тогда тебѣ говорилъ, чтобы еще ты подумалъ о томъ гораздо, и писалъ ко мнѣ, какую возьмешь резолюцію, чего ждалъ семь мѣсяцевъ; но по ся поры ничего о томъ не пишешь. Того для нынѣ (понеже время довольное на размышленіе имѣлъ), по полученіи сего письма, немедленно резолюцію возьми, или первое или другое. И буде первое возьмешь, то болѣе недѣли не мѣшкай, поѣзжай сюда, ибо еще можешь къ дѣйствамъ поспѣть. Буде же другое возьмешь то отпиши куды, и въ которое время и день (дабы я покой имѣлъ въ своей совѣсти, чего отъ тебя ожидать могу). А сего доносителя пришли со окончаніемъ; буде по первому, то когда выѣдешь изъ Питербурха; буде же другое, то когда совершишь. О чемъ паки подтверждаемъ, чтобы сіе конечно учинено было, ибо я вижу, что только время проводишь въ обыкновенномъ своемъ неплодіи».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ первой части нашей статьи мы желали показать, что Петръ имѣлъ полное право обвинять Алексѣя, подававшаго важные поводы къ неудовольствію противъ себя, въ чемъ впослѣдствіи и самъ Алексѣй сознается.

Сію вторую часть мы окончимъ осужденіемъ, пыт-

кою и смертію царевича. Здѣсь сперва мы намѣрены разсматривать происшествія этого времени; показать, что̀ руководило Петра?—ненависть или любовь? Какъ дѣйствовалъ онъ,—съ поспѣшностію или терпѣливо? и что чувствовалъ отецъ, въ то время, когда Царь долженъ былъ судить сына по законамъ?

1) *Изъявленіе любви Петра къ сыну.*

Любовь его къ Алексѣю доказывается тѣмъ, что онъ назначаетъ его, какъ выше было сказано, воспріемникомъ Екатерины. Далѣе, Петръ пребываетъ въ Сумахъ, во все время опасности болѣзни царевича въ 1709 году, хотя политическія его занятія того времени были очень важны. Онъ велитъ служить молебны о его выздоровленіи; уѣзжая, оставляетъ его на попеченіи собственнаго врача своего, Донелля. Въ этомъ году царь устроилъ, по обѣту, церковь во имя Св. Алексѣя человѣка Божія, въ Тверскомъ Желтиковѣ монастырѣ.

Слѣдующія слова Петра въ манифестѣ его отъ 3-го февраля 1718 г. не служатъ ли также доказательствомъ его отеческаго попеченія? «Во многія кампаніи воинскія его съ собою брали, дабы обучить воинскому дѣлу, яко первому изъ мірскихъ дѣлъ для обороны своего отечества; а отъ жестокихъ боевъ всегда удаляли, проча наслѣдства ради, хотя въ оныхъ и своей особы не щадили».

Потомъ письмо его изъ Петербурга къ Толстому и Румянцеву отъ 22 Ноября 1717 года. «Мои господа! Письмо ваше я получилъ, и что сынъ мой, повѣря моему прощенію, съ вами дѣйствительно уже сюда поѣхалъ, что меня зѣло обрадовало. Чтоже пишете, что желаетъ жениться на той, которая при немъ — и

въ томъ весьма ему позволится, когда въ наши края пріѣдетъ, а чтобъ въ чужихъ краяхъ жениться, то больше стыда принесетъ»: Это письмо изображаетъ намъ не только радость его при возвращеніи сына, но и то, что онъ соглашается исполнить желаніе сына. Послѣднее заслуживаетъ вниманія уже какъ доказательство, что Петръ не смотритъ болѣе на Алексѣя, какъ на наслѣдника престола. Это отстраненіе не было наказаніемъ за его побѣгъ, а наказаніемъ давно прежде уже грозившимъ ему, и заслуженнымъ вполнѣ. Если бы не былъ Алексѣй лишенъ права на престолъ, то не получилъ бы и позволенія жениться на крѣпостной дѣвкѣ. Вотъ какъ говоритъ Петръ объ этомъ удаленіи отъ престола въ своемъ манифестѣ отъ 3 февраля 1718 года: «мы отеческимъ сердцемъ о немъ соболѣзнуя, въ томъ преступленіи его прощаемъ, и отъ всякаго наказанія освобождаемъ. Однакожъ въ разсужденіи его недостоинства, и всѣхъ вышеписанныхъ и непотребныхъ обхожденій, не можемъ по своей совѣсти его наслѣдникомъ по насъ престола Россійскаго оставить». Мы приведемъ ниже еще новыя доказательства его отеческой любви.

2) *Его обѣщанія бѣжавшему и снова найденному сыну.* — Петръ, въ письмѣ отъ 10 іюля 1717 года, изъ города Спа, обѣщаетъ Алексѣю безусловное прощеніе, въ случаѣ его обратнаго прибытія на родину, объясняя, что въ противномъ случаѣ съ нимъ будетъ поступлено какъ съ мятежникомъ. Въ этомъ письмѣ отнюдь не упоминается о томъ, сохраняетъ ли Алексѣй права свои на престолъ? Та и другая сторона считаютъ престолъ потеряннымъ для царевича, это видно изъ писемъ Петра къ сыну, и послѣдняго къ Ев-

фросиніи. Отецъ, который никогда не былъ доволенъ трудами и успѣхами своего сына, даетъ ему слѣдующее позволеніе (Устр. стр. 420 прилож. 118, къ Толстому):

«писалъ ты, что мой сынъ желаетъ жениться на той дѣвкѣ, которая у него, также чтобъ ему жить въ своихъ деревняхъ,—и то когда сюда прибудетъ, позволено ему будетъ.»

Алексѣй пишетъ къ Евфросиніи, еще 22 января 1718 г., изъ Твери (Устр. 437 прилож. 141): «Слава Богу, все хорошо, и *чаю меня отъ всего уволятъ*, что намъ жить съ тобою, будетъ Богъ изволитъ, въ деревнѣ, *и ни до чего намъ дѣла не будетъ.*»

Чрезъ нѣсколько дней Петръ совершаетъ поступокъ достойный порицанія:

3 февраля, передъ тѣмъ какъ манифестъ объ удаленіи Алексѣя отъ престола былъ обнародованъ, Петръ, отводя царевича въ сторону, обращаетъ безусловное прощеніе въ условное (Устр. стр. 143):—«обѣщана ему милость, если онъ откажется отъ наслѣдства, *и откроетъ всѣхъ участниковъ бѣгства.*» Мы далеки отъ намѣренія защищать Петра, въ убѣжденіи, что тотъ, кто желаетъ заслужить довѣріе своихъ читателей къ справедливости доказываемаго, можетъ только достичь цѣли представляя и темную сторону предмета, чтобы вѣрили ему и тогда, когда онъ представитъ намъ свѣтлую.

Петръ заслуживаетъ порицаніе, ставя предѣлъ своимъ обѣщаніямъ. За недостаткомъ вѣрныхъ историческихъ доказательствъ, могущихъ объяснить, почему Петръ поступилъ такъ, мы вынуждены снова, противъ желанія, прибѣгнуть къ однимъ предположеніямъ. По

мнѣнію г. Погодина, побудительными причинами со стороны Петра были: жестокость его, и низость. Мы же предполагаемъ, что между первымъ обѣщаніемъ Петра, даннымъ въ городѣ Спа 10 іюля 1717 года до 3 февраля 1718 года въ Москвѣ, т. е. въ теченіе семи мѣсяцевъ, многое могло обнаружиться и яснѣе доказать его мятежные замыслы, и потому требовало большой строгости, и прощенія болѣе ограниченнаго. Еслибы Алексѣй ничего не скрывалъ, и поступалъ честно, то вѣроятно не былъ бы лишенъ помилованія.

3) *Манифестъ Петра отъ 5 февраля 1718 года.*

Алексѣй былъ представленъ въ кремлевскій аудіенцъ-залъ (Устр. стр. 143), гдѣ, въ присутствіи духовенства, министровъ, и другихъ высшихъ лицъ, было ему прочитано отрѣшеніе его отъ престола. Этотъ документъ былъ уже заранѣе приготовленъ, и потому въ немъ прощеніе еще безусловное.

(Устр. стр. 151) «Хотя онъ достоинъ былъ лишенія живота: однакожъ мы, отеческимъ сердцемъ о немъ соболѣзнуя, въ томъ преступленіи его прощаемъ, и отъ всякаго наказанія его освобождаемъ.»

Но это прощеніе не возвращало ему права его на престолъ: онъ былъ удаленъ отъ него, и наслѣдникомъ престола былъ признанъ уже Петръ Петровичъ.

Изъ всего этого, кажется, видно, что условія, предложенныя Алексѣю для его совершеннаго прощенія, были послѣдствіемъ разговора, происходившаго 3 февраля 1718 года.

(Устр. стр. 152) На другой день, 4 февраля, царевичу предложены вопросные пункты. «Понеже вчерась прощеніе получилъ на томъ, дабы всѣ обстоятельства донести своего побѣгу, и прочаго тому по-

добнаго, а ежели что утаено будетъ, то лишенъ будешъ живота; на что о нѣкоторыхъ причинахъ сказалъ словесно; но для лучшаго, чтобъ очистить письменно по пунктомъ ниже писаннымъ.» Это касается уже извѣстныхъ намъ пунктовъ. По прошествіи четырехъ дней, Алексѣй отвѣчаетъ на пункты очень многосложно, по частію не полно, а частію лживо.

Названныя Алексѣемъ особы, соучастники въ его дѣлѣ, преданы были жестокимъ пыткамъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ дворъ отправился въ Петербургъ, гдѣ Алексѣю назначенъ былъ мѣстопребываніемъ Шельтингофскій дворецъ. Здѣсь Алексѣй находился не какъ заключенный, государственный преступникъ, а получалъ деньги, и пользовался достаточною свободою, что и доказываетъ донесеніе Плейера въ Вѣну, отъ $^{29}/_{18}$ апрѣля 1718, найденное тамъ г. Устряловымъ, въ тайномъ государственномъ архивѣ. Вотъ слова донесенія: «Царевичъ помѣшался въ умѣ, и пилъ безмѣрно.»

Наконецъ 26 мая, царевичъ признался, что онъ имѣлъ намѣреніе, даже силою, и при жизни отца овладѣть престоломъ. Вотъ слова его (Устр. стр. 257).

«А понеже въ послѣднемъ моемъ повинномъ написано, что ежели бы бунтовщики меня когда бъ нибудь (хотя и при живомъ тебѣ) позвали, то бъ я поѣхалъ, и то нынѣ написалъ было я для того, чтобъ когда оное было въ люди явлено, то бы какъ нибудь или прошеніемъ, или угрозами, за меня вступились.»

4) Въ концѣ того же мая выходитъ объявленіе народу, въ которомъ Петръ подробно излагаетъ: все, что было сдѣлано имъ прежде для воспитанія царевича, потомъ говоритъ о бѣгствѣ его, о клеветѣ на от-

ца, о намѣреніи произвести возстаніе; наконецъ объ обѣщанномъ помилованіи: «буде же какую персону, или дѣло утаитъ, то объявилъ, что прощеніе не въ прощеніе будетъ.» Что несмотря на это, Алексѣй сначала прикрывалъ истину ложью, а наконецъ признался, что онъ хотѣлъ нарушить данную имъ клятву, и вооруженною силою, при жизни отца, овладѣть престоломъ. Между тѣмъ какъ прежде, въ отвѣтѣ своемъ на письмо Петра отъ 16 октября 1715 года, Алексѣй 27 числа того же мѣсяца писалъ слѣдующее: «ослабѣлъ и непотребенъ сталъ къ толикаго народа правленію, гдѣ требуетъ человѣка не такъ гнилаго, какъ я. Того ради, наслѣдія (дай Боже вамъ много лѣтное здравіе!) Россійскаго по васъ не претендую, и впредь претендовать не буду; въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою, и, ради истиннаго свидѣтельства, сіе пишу своею рукою.»

5) *Два объявленія 15 іюня 1718*: 1) Преосвященнымъ митрополитамъ и архіепископамъ и епископамъ и прочимъ духовнымъ. 2) Намъ вѣрно-любезнымъ господамъ министрамъ, сенату и стану воинскому и гражданскому.

Мы видимъ любовь Петра къ сыну также изъ того, что онъ, боясь осудить его слишкомъ строго, повелѣлъ духовенству отыскать въ Св. Писаніи примѣры подобнаго преступленія, хотя гражданскими законами этого и не требовалось:

«Преосвященнымъ митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ и прочимъ духовнымъ. Понеже вы нынѣ уже довольно слышали о малослыханномъ въ свѣтѣ преступленіи сына моего противъ насъ, яко отца и Государя своего, и хотя я довольно власти надъ онымъ,

по божественнымъ и гражданскимъ правамъ имѣю, а особливо по правамъ Россійскимъ (которыя судъ между отца и дѣтей и у партикулярныхъ людей весьма отмещутъ), учинить за преступленіе по волѣ моей, безъ совѣта другихъ; однакожъ боюсь Бога, дабы не погрѣшить: ибо натурально есть, что люди въ дѣлахъ своихъ меньше видятъ, нежели другіе въ ихъ. Такожъ и врачи; хотя бъ и всѣхъ искуснѣе который былъ, то не отважится свою болѣзнь самъ лечить, но вызываетъ другихъ. Ежели бы одинъ самъ оную лечилъ, иногда бы не познавъ силы въ своей болѣзни, а наипаче въ томъ, что я съ клятвою суда Божія, письменно обѣщалъ оному своему сыну прощеніе, и потомъ словесно подтвердилъ, ежели истинно скажетъ. Въ чемъ мы на васъ, яко по достоинству блюстителей божественныхъ заповѣдей, и вѣрныхъ пастырей Христова стада, и доброжелательныхъ отечествія, надѣемся, и судомъ Божіимъ и священствомъ вашимъ заклинаемъ, да безъ всякаго лицемѣрства и пристрастія въ томъ поступите.»

Изъ его объявленія министрамъ, Сенату, военнымъ и гражданскимъ чинамъ, видно опять, какъ онъ заботится о томъ, чтобы судьи изъ пристрастія къ нему не рѣшили бы дѣло несправедливо. Поступилъ ли бы такъ отецъ, ненавидящій сына? «Прошу васъ, дабы истинною сіе дѣло вершили, чему достойно, не флатируя (или не похлѣбуя) мнѣ, и не опасаясь того, что, ежели сіе дѣло легкаго наказанія достойно, и когда вы такъ учините осужденіемъ, чтобъ мнѣ противно было, въ чѣмъ вамъ клянусь самимъ Богомъ, и судомъ Его, что въ томъ отнюдь не опасайтесь, такожъ не разсуждайте того, что тотъ судъ вашъ над-

лежитъ вамъ учинить на моего, яко Государя вашего сына; но не смотря на лицо, сдѣлайте правду, и не погубите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія, и отечество наше безбѣдно.»

Слѣдующія слова Петра изъ наказа его отъ Февраля 1718 (*) ясно доказываютъ его расположеніе къ Алексѣю:

«И за тѣ дѣла мы не премпнали его почасту увѣщевать, то ласкою, то укоризненнымъ выговоромъ, иногда же и отеческимъ наказаніемъ, ибо *кто кого любитъ, того и наказуетъ*, говоритъ священное писаніе.» Онъ дѣйствительно любилъ своего сына, но любовь эту выражалъ иногда превратно.

Изъ дневника Меншикова, и другихъ лицъ, мы знаемъ, что на погребеніи царевича Петръ пролилъ много слезъ, и что прежде того еще сокрушался объ участи сына своего. Ученый архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичь, при этомъ погребеніи говорилъ проповѣдь на слѣдующія слова Давида: «Авессаломъ, сынъ мой Авессаломъ.»

Въ 21 день по смерти царевича, Петръ приказалъ во флотѣ, на которомъ онъ тогда самъ находился, служить панихиду, со всею пышностію, подобающею сыну царствующаго Государя, и согласно съ тогдашними установленіями.

Черта, которая можетъ служить новымъ доказательствомъ отеческой любви Петра къ сыну — терпѣніе, какое онъ оказываетъ при пылкости своей, изъ снисхожденія къ Алексѣю.

(*) Отеч. Зап. 1844: «Матеріалы для исторіи Петра Великаго» княземъ Вл. К—вомъ, стр. 101.

Уже 11 Октября 1715 года говоритъ онъ царевичу: «исправься, или откажись отъ престола,» и только 19 Генваря 1716 года пишетъ царь ему вторично: «Если не хочешь трудиться, то постригись въ монашество.» Алексѣй тотчасъ же и соглашается на послѣднее. Но, за недѣлю до своего отъѣзда въ Копенгагенъ, Петръ посѣщаетъ своего сына, сказавшагося больнымъ и говоритъ ему: «Молодому человѣку не легко рѣшиться итти въ монахи, и потому я тебѣ даю *шесть мѣсяцевъ* на размышленіе.»

И Петръ ждетъ вмѣсто шести мѣсяцевъ *семь;* не получивъ рѣшительнаго отвѣта отъ Алексѣя, онъ пишетъ ему:

«Теперь ты долженъ рѣшиться, но все таки *было бы лучше*, еслибъ ты прибылъ сюда, и *принялъ участіе въ походѣ.*» Алексѣй пользуется этимъ случаемъ, и бѣжитъ изъ отечества.

Іюня 18 духовенство произноситъ свое мнѣніе; сославшись на многія мѣста изъ ветхаго и новаго завѣта, доказываетъ оно, что хотя смерть и заслужена, однакоже Давидъ пощадилъ сына, и онъ былъ помилованъ (Устр. стр. 522): «а образъ самого Христа, жену, въ прелюбодѣяніи яту, и каменіемъ побіенія по закону достойную, свободну отпусти, милость паче жертвы привознесе. Милости, рече, хощу, а не жертвы. И усты апостола своего рече: Милость хвалится на судѣ» (стр. 523) «Кратко рекше: сердце Царево въ руцѣ Божіи есть. Да изберетъ тую часть, аможе рука Божія того преклоняетъ.»

6) Гражданскій судъ, т. е. министры, военные и гражданскіе чины признали необходимымъ сперва спро-

сить самого царевича, и 17-го Іюня велѣли изъ крѣпости привести его въ Сенатъ.

Здѣсь Алексѣя пытаютъ, а также и царева шурина Лопухина, Дубровскаго, духовнаго отца царевича Игнатьева и прочихъ. Судъ этотъ уже единогласно приговорилъ Алексѣя къ смерти.

7) *Пытки и смерть.*

Мы сейчасъ упомянули о томъ, что 24 Іюня 1718 года Алексѣй приговоренъ былъ къ смерти.

По словамъ Вебера, гановерскаго резидента въ Петербургѣ, приговоръ этотъ сообщенъ былъ царевичу 25 числа.—Судьи подвергли его пыткамъ;—по нынѣшнимъ человѣколюбивымъ понятіямъ, это жестоко; но они должны были такъ поступить, потому, что другіе участники въ дѣлѣ были также подвергаемы пыткамъ, тѣмъ болѣе правосудіе требуетъ, чтобы Алексѣй, какъ зачинщикъ, былъ строже наказанъ, чѣмъ его сообщники.

До сихъ поръ мы могли оправдывать Петра, теперь же насъ возмущаетъ продолженіе пытокъ и розысковъ, послѣдовавшихъ за объявленіемъ приговора. Въ этомъ уже осудить должно одного только Петра, потому, что судъ, приговоря царевича къ смерти, этимъ самымъ покончилъ свои обязанности. Веберъ (*) (въ своей книгѣ «Преобразованная Россія», книга I, стр 304, ед. 1738) говоритъ, что приговоръ былъ прочитанъ царевичу 25 Іюня 1718 года.

(*) Мы должны довольствоваться свидѣтельствами Вебера, потому что у г. Устрялова сказано только, что верховный судъ 24 Іюня приговорилъ царевича къ смерти, но не сказано въ какой день былъ прочитанъ приговоръ Алексѣю.

Но у Устрялова мы читаемъ (стр. 279): «На другой день послѣ приговора, 25 Іюня, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка отъ бомбардиръ капитанъ поручикъ Скорняковъ-Писаревъ посланъ былъ къ царевичу съ письменными тетрадями, взятыми въ домѣ его, спросить изъ чего онъ, и для чего выписывалъ, и не хотѣлъ ли въ народѣ разсѣявать? Царевичъ сказалъ, что въ тѣ тетради выписывалъ онъ изъ книги Бороніуша статьи, приличныя на себя, на отца, и на другихъ, въ то время какъ былъ въ Карлсбадѣ.»

Но почему Петръ продолжалъ допрашивать царевича, послѣ того, какъ приговоръ былъ уже надъ нимъ произнесенъ?

Еще болѣе ужаса возбуждаютъ въ насъ слѣдующія слова Устрялова (стр. 249), на счетъ разныхъ мнѣній о смерти царевича:

«Вѣроятнѣе всего, царевичь умеръ вслѣдствіе пытки: достовѣрно, что 26 Іюня утромъ, въ 8 часовъ, его пытали въ Трубецкомъ роскатѣ, а въ 7 часовъ по-полудни церковный колоколъ возвѣстилъ о кончинѣ его.»

Морально это было уже грѣхомъ. Алексѣй отказался отъ свѣта. Чего же еще хотѣли? Доказательствъ увеличивающихъ, или уменьшающихъ вину?

Но какая польза отъ того?

Приговоръ былъ уже произнесенъ. Русская пословица говоритъ: лежачаго не бьютъ.

Физически это было также жестоко, тѣмъ болѣе, что уже четыре года предъ тѣмъ, Алексѣй, по слабости здоровья, и отъ угрожавшей ему чахотки, былъ посланъ въ Карлсбадъ.

Мы позволимъ себѣ слѣдующее замѣчаніе: такъ какъ лица подвергаемыя пыткамъ, отъ невыносимыхъ страданій даютъ на себя часто ложныя показанія, то здѣсь вездѣ приведены нами только тѣ отвѣты Алексѣя, которые были имъ даны безъ употребленія пытки.

Можетъ быть спросятъ насъ: отчего допускаемъ мы притворство и ложь въ царевичѣ, и отвергаемъ ихъ въ Петрѣ? Отвѣтимъ: потому, что Алексѣй, будучи морально и физически несравненно слабѣе Петра, искалъ себѣ защиты отъ превышающихъ силы требованій отца, въ обманѣ и скрытности. Характеръ же Петра слишкомъ чуждъ этихъ пороковъ.

Въ полномъ сознаніи своихъ тѣлесныхъ силъ, и могучей воли, и опираясь на примѣры своихъ праотцевъ въ подобныхъ событіяхъ, онъ не имѣлъ надобности прибѣгать къ уловкамъ.

Въ Петрѣ мы видимъ суровость и жестокость, въ царевичѣ—обманъ и притворство.

Алексѣй былъ поставленъ въ болѣе или менѣе затруднительное положеніе тѣмъ, что Петръ настаивалъ на указаніи имъ соучастниковъ. Чѣмъ болѣе мы предположимъ въ царевичѣ честности и признательности къ своимъ единомышленникамъ, тѣмъ болѣе это положеніе становится для него щекотливымъ; чѣмъ менѣе онъ былъ признателенъ къ своимъ соучастникамъ, тѣмъ легче было для него ихъ выдать. Но какъ Алексѣй обнаружилъ себя клятвопреступникомъ, то мы вправѣ не считать его за честнаго человѣка. Что же касается до партіи его, то царевичъ могъ уже въ свое первое прибытіе въ Вѣну довольно ясно видѣть, что онъ былъ лишь игралищемъ и слѣпымъ ору-

діемъ своихъ сообщниковъ, которое они потомъ предоставили собственной его участи. Они говорили Алексѣю, что его ждутъ въ Вѣнѣ и обѣщаютъ покровительство, дружбу; сулили ему золотыя горы въ Вѣнѣ, между тѣмъ, тамъ не знали даже о его намѣреніи прибыть въ этотъ городъ. Если бы у Алексѣя было болѣе твердости характера, то онъ могъ бы сильно вознегодовать на свою партію, въ главѣ коей былъ Кикинъ, и если бы онъ былъ злобный человѣкъ, то могъ бы радоваться случаю отомстить соумышленникамъ своимъ, предоставивъ ихъ осужденію Петру. Но если не смотря на ихъ поступки въ немъ было болѣе состраданія, чѣмъ гнѣва, то казалось бы, онъ долженъ былъ въ своихъ показаніяхъ щадить ихъ, и только мало по малу, послѣ уже усиленныхъ угрозъ, назвать своихъ соучастниковъ, стараясь въ то же время уменьшить ихъ вину. Если бы Алексѣй поступилъ такимъ образомъ, то заслужилъ бы болѣе наше участіе; и мы были бы въ правѣ укорить Петра въ этой жестокой, хотя политически можетъ быть и необходимой, задачѣ, предложенной Алексѣю. Но благородной черты этой мы не видимъ въ характерѣ царевича. 3-го февраля, въ разговорѣ съ Петромъ на сторонѣ, онъ уже на первомъ разспросѣ называетъ вдругъ, вмѣстѣ, такъ много соучастниковъ, что по всѣмъ направленіямъ разосланы были гонцы, и даже въ монастырь къ его матери, что не дѣлаетъ чести его сыновней любви. Въ этихъ показаніяхъ видно, что Алексѣй не принималъ ничего въ уваженіе, что касается до его партіи. Но что еще болѣе уменьшаетъ его нравственное достоинство въ нашихъ глазахъ—это грубый эгоизмъ, который проглядываетъ въ его отвѣтахъ. Въ то время какъ онъ,

не щадя никого, открываетъ всѣ замыслы своихъ соучастниковъ, онъ старается всячески скрыть свою вину отъ проницательнаго взора родителя. Скрытность эта была совершенно безполезна, потому что на слова царевича отъ 31 октября 1715 г., что онъ уже клятвенно отказался отъ престола, Петръ отвѣчалъ ему (Устр. стр. 349): «Что же *приносишь клятву, тому вѣрить невозможно*». Даже послѣ очной ставки съ Евфросиніею, Алексѣй не соглашается съ ея показаніями. Сколько огорченій нанесли Петру эти неполныя признанія; какъ прискорбно ему было отъ обязанности отца переходить къ обязанности Государя, которому угрожала опасность. Слѣдующія за тѣмъ разсужденія касаются исключительно Алексѣя:

1) Отношенія къ вѣнскому двору.

2) Отношенія къ его партіи.

3) Тутъ изобразимъ рядъ его обмановъ.

1) Что касается до вѣнскаго двора, то мнѣніе, которое о немъ имѣли тамъ, еще до прибытія его туда, было далеко не лестно, потому что, уже до брака царевича, Плейеръ посылаетъ въ Вѣну разныя неблагопріятныя донесенія о немъ, а послѣ женитьбы Алексѣя еще хуже доноситъ о немъ. И въ манифестѣ Петра отъ 3-го февраля 1718 года, читаемъ мы слѣдующее, касательно брака Алексѣя (Устр. стр. 439): «Онъ жилъ на стыдъ дому нашему предъ чужестранными Государи, съ тою супругою его свойственными; *въ чемъ намъ великія жалобы и нареканія были*». Какъ обнаружилось впослѣдствіи, Алексѣй надѣялся, что въ Вѣнѣ примутъ въ немъ гораздо болѣе участія, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ оказано. Хотя и согласились его скрыть, но мѣстомъ жительства избрали

ему крѣпость Эренбергъ, какъ бы арестанту (Устр. стр. 75).

«Изготовить двѣ комнаты съ крѣпкими дверями и и съ желѣзными въ окнахъ рѣшетками» (*).

Въ неприличныхъ жалобахъ на родителя графу Шенборну, даже сей послѣдній беретъ сторону Петра, увѣряя (Устр. стр. 66): «ибо здѣсь (въ Вѣнѣ) ничего подобнаго до сихъ поръ не слыхали, да и трудно ожидать такихъ поступковъ отъ отца, тѣмъ менѣе отъ столь разумнаго Государя, какъ его царское величество».

Люди, которые прибыли съ Алексѣемъ, нисколько не возвысили мнѣнія, которое имѣлъ Императоръ о личности Алексѣя. Любовница его была при немъ, переодѣтая въ мущину. О проѣздѣ его изъ Вѣны въ Эренбергъ Устряловъ говоритъ (с. 75): «Дорогою люди его предавались пьянству, обжорству, и вели себя весьма непорядочно».

2) *Отношенія Алексѣя къ его партіи.*

Чтобы вывести заключеніе о характерѣ Алексѣя, необходимо принять въ соображеніе поступки его партіи, партіи недовольныхъ Петромъ.

Разсматривая всѣ качества Алексѣя вообще трудно предполагать, чтобы онъ могъ возбудить особенное участіе въ людяхъ умныхъ и разсудительныхъ; если даже и оказывали вниманіе къ особѣ его, то не вслѣдствіе его достоинствъ, но изъ состраданія къ его

(*) Если кто будетъ утверждать, что эти укрѣпленія должны были служить защитою отъ внезапнаго, насильственнаго похищенія Алексѣя, въ такомъ случаѣ мы не можемъ представить никакихъ достовѣрныхъ фактовъ къ опроверженію подобнаго мнѣнія.

горестному положенію. На Алексѣя никогда бы не взглянули, какъ на главу партіи, какъ на оплотъ противъ напора волнъ преобразованій Петровыхъ. Онъ служилъ противникамъ Петра орудіемъ къ достиженію ихъ цѣли; и сообщество ихъ погубило царевича. Мы уже видѣли, какъ они старались поселить въ немъ сомнѣніе на счетъ искренности расположенія Екатерины къ нему. Вмѣсто того, чтобы, какъ слѣдовало человѣку мужественному, отвѣтить имъ съ негодованіемъ: что онъ имѣетъ вѣрныя доказательства расположенія царицы къ нему, онъ, говоримъ мы, вмѣсто изъявленія чувства благодарности къ ней, хранитъ одно молчаніе, и подтверждаетъ этимъ самымъ невыгодное мнѣніе враговъ ея.

Какое должны были оказать дѣйствіе на столь слабаго человѣка слова, каковы напримѣръ слѣдующія (Устр. стр. 154): «Кикинъ передъ отъѣздомъ своимъ въ Карлсбадъ говорилъ мнѣ: я-де тебѣ мѣсто какое нибудь сыщу».

(Стр. 158) Кикинъ молвилъ: «Напрасно-де ты ни съ кѣмъ не видался отъ французскаго двора, и туды не ѣхалъ; король человѣкъ великодушный: онъ-де и королей подъ своею протекціею держитъ; а тебя-де ему не великое дѣло продержать».

(Стр. 195) «Князь Василій Долгорукій разсказываетъ Алексѣю, что онъ говорилъ Петру въ его пользу: «я-де тебя у отца съ плахи снялъ». (Отъ этихъ словъ, приводимыхъ Алексѣемъ, Долгорукій отпирается при допросѣ).

(Стр. 166) Дубровскій: «Многіе-де ваши братья бѣгствомъ спасалися».

Его надежды, ожиданія направлялись къ цѣли раз-

ными темными предсказаніями (стр. 250): «Еще жъ слышалъ я отъ Дубровскаго, когда онъ ѣхалъ съ Москвы и былъ въ Новѣгородѣ, что сказывалъ-де ему архіерей Іовъ: «что-де тебѣ (*) въ Питербурхѣ худо готовится; только Богъ тебя избавитъ, чаю; да увидишь-де, что у васъ будетъ. А что именно, мнѣ не сказалъ».

Какъ старались возмущать его противъ Петра, доказываютъ слѣдующіе совѣты и мнѣнія (с. 154): «Предъ поданіемъ перваго моего отвѣтнаго письма, князь Василій Долгорукій говорилъ: «Давай-де писемъ хотя тысячу, еще-де когда, что будетъ старая-де пословица: улита едетъ, колито будетъ»; (стр. 155): «Кикинъ сказывалъ: «Есть-де подсмотрщики съ отцова двора, кто къ тебѣ ѣздитъ; я спрашивалъ: «откуда ты вѣдаешь?» И онъ мнѣ сказалъ: «мнѣ отъ его же двора сказывали». (Стр. 155): «Кикинъ говаривалъ мнѣ, чтобъ я въ монастырь шёлъ: «Вить-де клобукъ не прибитъ къ головѣ гвоздемъ; можно-де его и снять». (Кикинъ утверждаетъ, что онъ не произносилъ этихъ словъ).

(Стр. 157) «А когда я отъѣзжалъ въ Карлесъ-бадъ лечиться, говорилъ мнѣ Кикинъ: «Когда-де ты вылечишься, напиши къ отцу, что еще на весну надобно тебѣ лечиться; а между тово поѣдешь въ Голландію; а потомъ послѣ вешняго курса, можешь въ Италіи

(*) Въ показаніяхъ своихъ, Алексѣй часто говоритъ въ третьемъ лицѣ, и затруднительно поэтому рѣшить, говоритъ ли онъ въ нихъ про себя, или про кого другаго! Какъ напримѣръ здѣсь:—говорится ли тутъ про Дубровскаго, или про царевича? Мы полагаемъ, что слова эти относились къ Алексѣю, иначе зачѣмъ бы допрашивать его, если бы предсказанія касались посторонняго лица.

побывать, и тѣмъ отлученіе свое года два или три продолжить». (Стр. 167) «Во время тяжкой болѣзни батюшковой, говорилъ мнѣ Александръ Кикинъ: «Отецъ де твой не боленъ тяжко, и онъ-де исповѣдывается и причащается нарочно, являя людемъ, что онъ гораздо боленъ, а все притворъ; а что причащается, у него-де законъ на свою стать».

На судѣ предъ сенатомъ, въ присутствіи царевича: (стр. 269) «Духовникъ царевича, Верхоспасскій протопопъ Яковъ Игнатьевъ, на показаніе царевича: «отъ отца духовнаго слышалъ, что въ народѣ любятъ его, и про здоровье пьютъ, называя надеждою Россійскою», 19 іюня объявилъ, что такія слова ему говаривалъ спроста. Тогда же царевичъ показалъ: на исповѣди отцу своему духовному онъ говорилъ, что желаетъ отцу своему, Государю, смерти; Яковъ отвѣчаетъ: Богъ тебя проститъ, мы и всѣ желаемъ ему смерти».

Изъ слѣдующихъ за тѣмъ показаній видно, какъ часто Алексѣй обольщалъ себя не искренними изъявленіями привязанности враговъ Петровыхъ.

(Стр. 265) «Онъ-де царевичъ (какъ онъ говоритъ 17 іюня) надѣялся на чернь, слыша отъ многихъ, что его, царевича, въ народѣ любятъ, а именно отъ сибирскаго царевича, и отъ Дубровскаго, и отъ Никифора Вяземскаго, и отъ отца своего духовнаго».

(Стр. 250) «Князь Дмитрій Голицынъ много книгъ мнѣ изъ Кіева приваживалъ по прошенію моему, и такъ, отъ себя; и я ему говаривалъ: Гдѣ ты ихъ берешь? «У чернцовъ-де Кіевскихъ: они-де очень къ тебѣ ласковы и тебя любятъ».

Потомство содрагается отъ ужаса, читая съ какою неумолимостью Петръ повелѣвалъ допрашивать на ро-

зыскахъ виновныхъ; что же должны были чувствовать очевидцы этихъ ужасныхъ событій! Какъ повсюду должны были страшиться Петра! И, потому, если въ самомъ дѣлѣ, какъ говорили царевичу, его любили въ народѣ; если зародышъ мятежа существовалъ уже, то едва ли не наступило тогда настоящее, благопріятное время, чтобы разразиться этому мятежу.

Но сообщники царевича смиренно допустили производить розыски и пытки, надъ собою и надъ безсильною главою ихъ партіи.

3) *Рядъ обмановъ Алексѣя.*

Для оправданія своихъ мнѣній, мы должны будемъ войти въ нѣкоторыя подробности. Такъ какъ предшествующія обвиненія Петра и Алексѣя могутъ показаться преувеличенными, то мы излагаемъ окончательныя показанія царевича, изъ которыхъ видно, что Петръ правъ. Алексѣй, надѣясь придать своимъ показаніямъ видъ истины, прибѣгаетъ къ лукавству, и обнаруживаетъ то непомѣрный страхъ, то наглость въ высшей степени. Находясь, во время побѣга, въ Австріи, онъ клевещетъ на отца своего, и семейство; а по возвратѣ въ Россію—на австрійское правительство, которое сначала ему благоволило, но впослѣдствіи, боясь за это объявленія войны Петромъ, отказало Алексѣю въ дальнѣйшей помощи.

Въ началѣ допросовъ онъ постоянно отвергаетъ виновность свою; между тѣмъ многое узнается изъ показаній его приверженцевъ, и самой Евфросиніи.

О письмахъ своихъ изъ Неаполя къ духовенству и сенаторамъ, въ которыхъ онъ возбуждаетъ ихъ къ возстанію, онъ говоритъ, сначала, что написать ихъ принудило его австрійское правительство. Но письма

эти, по извѣстности ихъ содержанія, не отсылались по принадлежности, и даже по возвращеніи Алексѣя въ Москву, находились еще въ подлинникахъ въ Вѣнѣ. Такимъ образомъ положеніе Алексѣя стѣсняется все болѣе и болѣе; капля по каплѣ наполняется до края чаша признаніями, которыя будутъ стоить ему жизни. Попеременно въ немъ выражаются: то робость, которая впрочемъ кажется намъ извинительною, когда сравнимъ его нерѣшительность и боязливость съ жесткимъ и кипучимъ темпераментомъ Петра; то, чаще еще, низость, которая ни въ какомъ случаѣ не могла послужить орудіемъ къ оправданію. По возвращеніи своемъ, онъ, продолжительнымъ недовѣріемъ къ отцу, готовитъ себѣ гибель. Если бы онъ повѣрилъ въ искренность прощенія отца и, возвратившись, откровенно бы во всемъ признался, умоляя о пощадѣ своихъ приверженцевъ,—то многое бы измѣнилось въ его участи къ лучшему, и дѣло порѣшилось бы иначе. Но Алексѣй продолжаетъ упорно обманывать царя; отрекается отъ собственныхъ словъ, говоря, что произносилъ ихъ часто въ нетрезвомъ видѣ.

Теперь, ставя себя на мѣсто судей, не должны ли мы будемъ сознаться, что подобная изворотливость,—хотя бы дѣло шло и не о государственной измѣнѣ,—по тогдашнимъ законамъ побуждала къ тому, чтобы прибѣгнуть къ пыткѣ, тѣмъ болѣе, что можно было опасаться новыхъ, неоткрытыхъ Алексѣемъ соумышленниковъ, которые нарушили бы спокойствіе и цѣлость государства.

Нѣкоторые изъ его лживыхъ отзывовъ мы отложили до излагаемой нами теперь второй части нашей. Вотъ они:—отвѣты Алексѣя на три письма Петра передъ побѣгомъ. На требованіе царя отъ 31 Октяб-

ря 1715 года, чтобы Алексѣй отказался отъ престола, или исправился, царевичъ отвѣчаетъ (Устр. стр. 343 прилож. № 47): «буде изволишь, за мою непотребность, меня наслѣдія лишить короны Россійской, буди по волѣ вашей. О чемъ и я васъ, Государя, всенижайше прошу: понеже вижу себя къ сему дѣлу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишенъ, и всѣми силами умными и тѣлесными (отъ различныхъ болѣзней) ослабѣлъ, и непотребенъ сталъ, къ толикаго народа правленію и проч.» «Россійскаго по васъ наслѣдія не претендую, и впредь претендовать не буду; въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою, и ради истиннаго свидѣтельства, сіе пишу своею рукою.»

На второе письмо отъ 19 Генваря 1716 года: «удостой себя наслѣдникомъ или будь монахъ», пишетъ Алексѣй (Устр. стр. 350, прилож. 49): «желаю монашескаго чина, и прошу о семъ милостиваго позволенія.»

На письмо Петра изъ Копенгагена отъ 20 Августа 1716 г., отвѣтъ чрезъ Меншикова (Устр. стр. 351 прилож. 53): «намѣренъ онъ, поуказу вашему, ѣхать къ походъ; а о прочемъ ни о чемъ со стороны того указа не разговаривалъ.»

Теперь мы приведемъ то, что онъ говорилъ въ Неаполѣ и въ Вѣнѣ. Графу Шенборну приноситъ онъ слѣдующія жалобы на отца (Устр. стр. 65): «я пришелъ сюда просить Императора, моего шурина, о покровительствѣ, о спасеніи самой жизни моей. Меня хотятъ погубить; меня, и бѣдныхъ дѣтей моихъ, хотятъ лишить престола.»

(Устр. стр. 66) «Отецъ хочетъ лишить меня и жизни и короны. Я ни въ чемъ при немъ не вино-

ватъ: я ничего не сдѣлалъ отцу моему. Согласенъ, что я слабый человѣкъ: но такъ воспиталъ меня Меншиковъ. Здоровье мое съ намѣреніемъ разстроили пьянствомъ. Теперь, говоритъ мой отецъ, что я не гожусь ни для войны, ни для правленія; у меня однакожъ довольно ума, чтобъ царствовать. Я не хочу въ монастырь.»

Далѣе (Устр. стр. 68): «Я знаю, говоритъ царевичъ, что Императору донесено, будто я дурно поступалъ съ сестрою Императрицы: Богу извѣстно, что не я, а отецъ мой и царица такъ обходились съ моею женою, заставляя ее служить какъ дѣвку, къ чему она по своему воспитанію не привыкла.»

Наконецъ (Устр. стр. 73):

«Причемъ разсказывалъ, что въ особенности Меншиковъ, и лейбъ-медикъ, самые низкіе льстецы и злые люди, наводящіе царя на сотни дурныхъ дѣлъ, чему доказательствомъ служитъ фантазія его о титулѣ Императорскомъ.»

Потомъ проявляется низость души Алексѣя: когда Шенборнъ отвѣчаетъ (Устр. стр. 66)»: здѣсь ничего подобнаго до сихъ поръ не слыхали, да и трудно ожидать такихъ поступковъ отъ отца, тѣмъ менѣе отъ столь разумнаго Государя», Алексѣй переноситъ свои жалобы на Екатерину (Устр. стр. 67):

«Впрочемъ отецъ былъ ко мнѣ добръ; но съ тѣхъ поръ, какъ пошли у жены моей дѣти, все сдѣлалось хуже, особенно когда явилась новая царица и сама родила сына.»

(Устр. стр. 71): «Царь и министры его старались всѣми силами увѣрить публику, будто царевичъ добровольно отказался отъ престола; онъ даже напротивъ

того положительно говорилъ, что никогда не соглашался ни за себя, ни за своихъ дѣтей и только силою и страхомъ принудили его подписать отреченіе.»

(Устр. стр. 72) «На другой день по рожденіи царицею сына, объявилъ ему, что онъ долженъ постричься въ монахи и отказаться отъ престола.»

И эти слова «на другой день» совершенная ложь, ибо Петръ Петровичъ родился 12 Октября 1715 года, а царь писалъ царевичу о постриженіи въ монашество, 19 Генваря 1716 года, слѣдовательно тремя мѣсяцами позже рожденія сына.

Про Екатерину и Меншикова говоритъ (Устр. стр. 68): «Если бы отецъ и пощадилъ, то мачиха и Меншиковъ до тѣхъ поръ не успокоятся, пока не заноятъ, или не отравятъ меня.

Въ другомъ мѣстѣ читаемъ (Устр. стр. 67): «вздумали запоить его виномъ до смерти; онъ не выходилъ изъ своихъ комнатъ.»

Хитрость его обнаруживается (Устр стр. 74): «Причемъ просилъ Кейля (секретаря графа Шенборна), не говорить людямъ его ни слова о несчастіяхъ его, и о предполагаемомъ заключеніи, потому что имъ вовсе ничего неизвѣстно: имъ дано знать подъ рукою «что онъ пришелъ сюда для заключенія тайнаго союза между его отцомъ и императоромъ.» Въ Вѣнѣ увѣряетъ, что не желаетъ никакихъ революцій въ свою пользу (Устр. стр. 73): «никогда не думалъ о возмущеніи народа, хотя это не трудно было бы сдѣлать, потому что народъ, его, царевича, любитъ, а отца ненавидитъ за его недостойную царицу, за злыхъ любимцевъ, за уничтоженіе старыхъ добрыхъ обычаевъ, и за введеніе всего

дурнаго, также за то, что отецъ, не щадя ни крови, ни денегъ, есть тиранъ и врагъ своего народа; посему не безъ опасенія, что подданные его погубятъ, и Богъ его накажетъ.»

Фельдмаршалъ Даунъ, въ своихъ донесеніяхъ Карлу VI отъ 28/17 Іюня, говоритъ о *двуязычности* Алексѣя въ Неаполѣ, съ прибытіемъ туда Толстаго. (Устр. стр. 114): «Былъ третій переговоръ, также безъ положительнаго объявленія намѣренія царевича. (Цесарскимъ) Венцлю и Вейнгардту онъ сказалъ, что не можетъ ѣхать къ отцу, о чемъ намѣревался писать къ вашему величеству, и объяснить причины; Толстому же объявилъ, что не можетъ его принимать по болѣзни.»

По возвращеніи въ Москву, царевичъ прибѣгаетъ къ обману, въ своихъ показаніяхъ на Кикина. На вопросные пункты Петра отъ 4 Февраля 1718 года Алексѣй, 8 числа того же мѣсяца, отвѣчаетъ (Устр. стр. 153): «Александръ Кикинъ и Николай Вяземскій присовѣтовали мнѣ: по первому отрицаться наслѣдства, и просить о лишеніи онаго для моей слабости, чего я и самъ желалъ, и писалъ отъ истиннаго сердца, безъ всякаго лукавства и обману; понеже что то на себя брать, чего не снесть?» Не поражаетъ ли насъ здѣсь ограниченность ума Алексѣя? Если бы онъ просто сказалъ: «присовѣтовали отрицаться наслѣдства» — то можно бы еще было сожалѣть о немъ, и оправдывать какъ человѣка слабаго характера; но ложь, что желаніе его было искренно, увеличиваетъ его виновность, потому что въ скоромъ времени должна была оказаться, и оказалась дѣйствительно, вся лживость его увѣренія.

(Устр. стр. 153) «Противъ другаго письма, чтобъ проситься въ монастырь, чтобъ хотя тѣмъ сей тягости наслѣдства лишиться.»

(Устр. стр. 157) «По совѣту Кикина мнѣ быть въ чужихъ краяхъ, чтобъ остаться тамъ, гдѣ нибудь, ни для чего иного, только бъ что прожить отдалясь отъ всего въ покоѣ (только о семъ прилежанія великаго къ исполненію не было).»

(Устр. стр. 162) Еще же говорилъ Кикинъ: «Что отецъ-де тебя не пострижетъ нынѣ, хотябъ ты хотѣлъ; ему-де князь Василій приговорилъ, чтобъ тебя ему держать не отступно и съ собою возить всюды, чтобы ты отъ волокиты умеръ, понеже-де труда не понесешь. И отецъ-де сказалъ: хорошо-де такъ.»

Противъ своихъ защитниковъ въ Австріи, онъ говоритъ слѣдующее (Устр. стр. 163):

«Письма писать къ сенату и къ архіереямъ принуждалъ меня секретарь графа Шонборна, Кейль, когда меня привезъ въ Неаполь, въ квартирѣ секретаря Вицеройскаго Вейнгартена, чтобъ я писалъ въ Россію къ вышеписаннымъ, понеже есть вѣдомости, что ты умеръ, иныя есть—будто пойманъ и сосланъ въ Сибирь; того ради пиши; а будетъ-де не станешъ писать, мы-де держать не станемъ; и не вышелъ вонъ покамѣстъ я написалъ; и по принужденію его писалъ я въ Сенатъ и къ архіереямъ.»

Въ другой разъ (Устр. стр. 164): И мнѣ графъ Шонборнъ сказалъ въ Вѣнѣ: А цесарь-де тебя не оставитъ, и будетъ-де случай, будетъ по смерти отца и вооруженною рукою хочетъ тебѣ помогать на престолѣ. И я ему сказалъ: я васъ не о томъ прошу только, чтобъ содержать меня въ

своей протекціи, и онаго я не желаю.» Или опять (Устр. стр. 253): «А при животѣ бъ батюшковомъ мнѣ отнюдь не возвращаться инымъ образомъ, кромѣ того, какъ нынѣ возвратился, то есть: по присылкѣ отъ него.»

Далѣе объ томъ же предметѣ (Устр. стр. 252): «А къ тому были мнѣ всѣ друзья, и хотя бы прямые государи меня и не приняли всѣ, для обѣщанія и клятвы (*а чаю, что и я ради клятвы въ отреченіи отъ наслѣдства въ первомъ письмѣ, не принялъ короны*), а въ управители при братѣ всеконечно бы всѣ приняли бы до возраста братня.»

(Устр. стр. 252) «А о прочихъ сенаторѣхъ и министрахъ имѣлъ надежду для того, чтобъ когда былъ князь Меншиковъ, или бы хотя кто иной управителемъ долгое время, то бъ не безъ того, чтобъ кому не досадить, то бъ желали быть лучше подо мною, нежели подъ своимъ равнымъ».

Очень затруднительно сдѣлалось для Алексѣя оправданіе, при допросахъ и пыткахъ другихъ осужденныхъ: Афанасьева, Дубровскаго, бывшей царицы Евдокіи, Кикина, Глѣбова, Досиѳея, царевны Маріи Алексѣевны, Авраама Лопухина, Василія Долгорукова, Эверлакова, князя Семена Щербатова, сибирскаго царевича и т. д.

Отъ 4 февраля до 7 мая, царевича не допрашивали вовсе, по крайнѣй мѣрѣ мы ничего не встрѣтили подобнаго ни у Погодина, ни у Устрялова. Въ это же время возвратилась любовница Алексѣя, и 2 мая, послѣ родовъ ея, начинаютъ ее допрашивать. Евфросинія показываетъ (Устр. стр. 238—41): «Письма писалъ изъ крѣпости, и при этомъ никакого иноземца не бы-

ло; а писано не на первыхъ дняхъ, но гораздо спустя послѣ того, какъ въ крѣпость посадили».

«Также и писалъ къ цесарю съ жалобами на Государя многажды».

«Всегда желалъ наслѣдства, и постричься отнюдь не хотѣлъ».

«Писалъ и Архиреямъ».

«Ушелъ-де онъ Царевичъ отъ того, будто, Государь искалъ всячески, чтобъ ему царевичу, живу не быть».

«И надежду имѣлъ на сенаторей».

«Онъ же мнѣ говаривалъ: Я-де старыхъ всѣхъ переведу, а изберу себѣ новыхъ по своей волѣ».

«Когда онъ будетъ Государемъ, и тогда будетъ жить въ Москвѣ, а Питербурхъ оставитъ простой городъ, и держать ихъ не будетъ».

«Въ самой тотъ день, когда изъ крѣпости Сентъ-Эльма выѣзжалъ, отдалъ мнѣ письма черныя, каковыя онъ писалъ къ цесарю съ жалобою на отца и хотѣлъ ихъ показывать вицерою Неапольскому; однакожъ велѣлъ мнѣ оныя сжечь, и я ихъ сожгла».

«А тѣхъ писемъ (черныхъ) было всѣхъ листовъ съ пять».

Намъ кажется, что послѣ всѣхъ этихъ показаній Евфросиніи на царевича, настала для него послѣдняя благопріятная минута, въ которую онъ могъ бы наконецъ согласиться, что онъ дотолѣ не рѣшался высказать истины, но что теперь, послѣ всего сказаннаго Евфросиніею, онъ не можетъ болѣе оправдываться. Къ сожалѣнію Алексѣй поступаетъ иначе. Онъ дѣйствуетъ какъ полководецъ, который, будучи побѣжденъ, рѣшается на отступленіе тогда, когда от-

ступленіе это становится для него пагубнымъ, и онъ вынужденъ заключить миръ на условіяхъ невыгодныхъ для него. Царевичъ, продолжая свою ложь, принужденъ наконецъ сознаться, что часть сказаннаго имъ прежде не была истиной. Какъ ребячески глупо силится онъ изъ всего этого выпутаться. Евфросинія говорила: «Онъ писалъ къ цесарю съ жалобою на отца», Алексѣй на это возражаетъ (Устр. ст. 242): «къ цесарю на отца съ жалобами писалъ, *но не отослалъ*». Но въ скоромъ времени открылось, что и здѣсь одна ложь, потому что послѣ очной ставки съ Евфросиніею: «дѣвка его уличала и говорила тоже что и написала».

Мая 12 предлагаются Алексѣю письменные вопросы. Онъ отвѣчаетъ:

«Къ цесарю писалъ, какъ онъ ушелъ, и отъ чего и за чѣмъ возвратиться не хотѣлъ; а болѣе не упомнитъ»,

«Къ Архіереямъ не писалъ».

«О сенатахъ: «какъ-де еще они похотятъ» такія слова говаривалъ; а надежду ни на кого не имѣетъ и никого не таитъ».

Здѣсь онъ соглашается: «Притворяя себѣ болѣзнь, лѣкарство нарошно, чтобы не быть (въ походахъ) принимывалъ, и въ томъ виноватъ».

Мая 14 пишетъ онъ къ отцу собственноручно.

Въ этомъ письмѣ такая нелѣпая ложь, что можемъ только сожалѣть объ царевичѣ (Устр. стр. 246):

«Передъ пріѣздомъ Петра Андреевича писемъ никакихъ не печатывалъ; а прислалъ ко мнѣ Вицероевъ секр. чертежъ и реляцію атаки Бѣлогородской и велѣлъ запечатавъ, прислать назадъ, чтобъ тотъ капи-

танъ, который у меня былъ, не вѣдалъ, что мнѣ присылаютъ, для того, что меня держали подъ невольницкимъ лицомъ, а оный чертежъ такъ запечатавъ, и отослалъ. А послано письмецо къ секретарю, а въ какой матеріи, не упомню, а чаю о какихъ своихъ нуждахъ».

За симъ въ показаніяхъ на царевну Марью Алексѣевну онъ вновь запутывается въ словахъ, и обнаруживаетъ всю низость своего характера (Дополнительное показаніе отъ 16 мая 1718 Устр. стр. 254):

«А въ поданіи перваго письма всесовершенно забылъ какъ и сіе, такъ и царевнѣ Марьѣ, что намекнулъ о побѣгѣ, а послѣ хотя и вспомнилъ, объявить боялся смерти».

«А о другихъ царевниныхъ словахъ и видѣніяхъ не объявилъ въ то первое письмо, для того: *пожалѣлъ ее а больше себя*; когда бы она заперлась, то опасался пытки себѣ, понеже дѣлъ ея не вѣдалъ, а она была въ милости.

А когда уже ея дѣла стали дурныя явны, то уже безъ всякаго опасенія писалъ, что слышалъ отъ нея».

Въ письмахъ къ сенаторамъ читаемъ слѣдующее (Устр. стр. 380 прилож. 83): «Безъ всякой съ его стороны виновности, хотѣли его въ прошедшемъ году постричь въ монашество, и потому онъ долженъ былъ прибѣгнуть «подъ храненіе нѣкоторыхъ высокія особы до времени, когда сохранивый мя Господь повелитъ возвратиться въ отечество, паки при которомъ случаѣ прошу не оставите меня забвенна».

Въ письмахъ къ духовенству онъ пишетъ откровеннѣе, ибо послѣ словъ «подъ храненіемъ» прибавляетъ онъ еще слѣдующія, опасныя для него слова

(Устр. стр. 381 прилож. 84): «подъ храненіемъ нѣкотораго великаго государя, который меня обѣщался не оставить и въ нужной часъ помощи». Въ черновыхъ его письмахъ, найденныхъ у Евфросиніи, встрѣчаемъ еще слово *нынѣ*, два раза написанное и потомъ зачеркнутое. При допросѣ о составленіи и о содержаніи этихъ писемъ, Алексѣй отвѣчаетъ на счетъ перваго, 8 Февраля 1718 года (Устр. стр. 163):

«Письма писать къ Сенату и къ Архіереямъ принуждалъ меня секретарь графа Шонборна Кейль и т. д.

12 Мая. «Конечно писалъ по принужденію, а не собою.»

Ефросинія уже представила прежде, что письма эти писалъ онъ самъ, и она объ этомъ знала. А его показаніе объ этомъ было: «А изъ людей моихъ про тѣ письма не вѣдалъ никто (да и грамотнаго человѣка при мнѣ въ то время не было): а дѣлали мы двое съ секретаремъ затворясь.»

Ефросинія объявляетъ, что онъ писалъ изъ крѣпости Сентъ-Эльма; Алексѣй говоритъ что (Устр. стр. 242): «къ архіереямъ изъ крѣпости не писалъ.» Потомъ говоритъ (стр. 254): «А про письмо, что она сказала, въ чемъ я запирался, и оное письмо писано къ архіерею Кіевскому, не задолго предъ пріѣздомъ Петра Андреевича.»

У Евфросиніи найдены его черновыя письма, тогда какъ онъ прежде сказалъ (стр. 164): «Сіе писано, сила письма; а чернаго писать не дали.»

О содержаніи этихъ писемъ онъ говоритъ въ Февралѣ (стр. 163): «я чаю, вамъ и всѣмъ удивительно мой безвѣстный отъѣздъ, но что меня принудило ве-

ликое озлобленіе, что едва и въ монашество не облекли; но Богъ далъ мнѣ случай отлучиться подъ охраненіе нѣкоторой высокой особы (понеже мнѣ именовать никого не велѣно) обрѣтаюсь до времени, когда Господь повелитъ возвратиться. Прошу, не забудьте меня. А будетъ, кто отъ хотящихъ въ людяхъ память о мнѣ загладить и будетъ разглашать, что я умеръ, или что иное худо, не извольте вѣрить, и другихъ утвердить: понеже живъ есмь и въ добромъ здравіи. Богу и благодѣтелямъ моимъ хранящимъ мя, которые меня обѣщались не оставить, и во всякой нуждѣ помогать. А я вамъ и всему отечеству доброжелательный до гроба моего.» Въ маѣ онъ говоритъ почти то же самое, но прибавляетъ слѣдующее (стр. 253): «А при животѣ-бъ батюшковомъ мнѣ отнюдь не возвращаться инымъ образомъ, кромѣ того, какъ нынѣ возвратился, то есть, по присылкѣ отъ него.»

Приведемъ теперь три отвѣта царевича, которые даетъ онъ въ продолженіи только двухъ недѣль, касательно одного и того же предмета. Въ четвертомъ пунктѣ Петровыхъ вопросовъ отъ 12 мая говорится: «Въ томъ же письмѣ приписано, чтобъ его не оставить *нынѣ* дважды, и почернено; а въ повинномъ нѣтъ же?» Вотъ первый отвѣтъ Алексѣя на этотъ пунктъ: «для чего то почернено, не упомнитъ». Петръ, 16 числа, требуетъ отвѣта болѣе точнаго. Тогда Алексѣй увѣряетъ, что: «Слово нынѣ дважды, то описался; а что одново написалъ было: чтобъ оныя письма были явлены въ люди, и тѣмъ бы можетъ быть, чтобъ за меня больше стали въ народѣ, примѣняясь къ вѣдомостямъ печатнымъ; и потомъ подумалъ, что то дурно, и вымаралъ»; наконецъ 26-го мая Алексѣй со-

знается (стр. 257): «А понеже въ послѣднемъ моемъ повинномъ написано, что ежели бы бунтовщики меня когда бъ нибудь (хотя бъ и при живомъ тебѣ) позвали, то бъ я поѣхалъ, и то нынѣ написалъ было я для того, чтобъ когда оное было въ люди явлено, то бы какъ нибудь, «или прошеніемъ, или угрозами за меня вступились». Но какъ эти слова не находились въ отосланномъ письмѣ, то онъ виновенъ былъ намѣреніемъ, а не дѣломъ, и по нашему мнѣнію, обстоятельство это не заслуживало такого продолжительнаго розыска.

Глубокимъ чувствомъ состраданія наполняется наше сердце въ то время, когда мы убѣждаемся, что Алексѣй постоянною ложью заграждаетъ себѣ добровольно малѣйшій путь къ спасенію. Довѣріе къ нему совершенно пропадаетъ. Не клялся ли онъ 31 октября 1715 г.: «наслѣдія не претендую, въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою, и, ради истиннаго свидѣтельства, сіе пишу своею рукою?» Когда такимъ образомъ онъ клялся въ этомъ, по видамъ своей партіи, онъ уже зналъ, что преступитъ эту клятву. Сверхъ того эта государственная измѣна была болѣе распространена нежели обыкновенно полагаютъ. Устряловъ упоминаетъ еще объ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ Алексѣй умалчиваетъ (стр. 169): «изъ дѣлъ тайнаго государственнаго архива въ Вѣнѣ знаемъ на вѣрно, что онъ получилъ предательское письмо отъ Алексѣя Бестужева-Рюмина». Вотъ что еще уничтожаетъ въ насъ послѣднее чувство состраданія къ особѣ Алексѣя: мы читаемъ у Устрялова (стр. 169), что царевичь указываетъ на Никифора Вяземскаго, бывшаго столько лѣтъ его наставникомъ, какъ на участника своего въ бѣгствѣ и въ заговорѣ; между тѣмъ какъ: «Никифоръ

Вяземскій оговоренъ былъ *напрасно*», такъ что онъ (Устр. стр. 201) 16 мая 1718 года былъ совершенно оправданъ и освобожденъ отъ розыска.

Такимъ образомъ достигли мы теперь до изображенія г. Погодинымъ взаимныхъ отношеній между Петромъ и Алексѣемъ.

1) Мы согласны съ мнѣніемъ г. Погодина, гдѣ онъ говоритъ объ этихъ столкновеніяхъ между отцемъ и сыномъ (стр. 3): «это граница между древнею и новою Россіею». Далѣе, тамъ гдѣ упоминаетъ о заключеніи Евдокіи въ монастырь (стр. 37): «что сказать о такомъ поступкѣ?....это жестоко, безчеловѣчно, и въ высшей степени самоуправно». Соглашаемся мы и въ томъ, что Петръ сурово поступалъ, давая своему сыну тотчасъ послѣ брака разныя порученія, въ слѣдствіе которыхъ Алексѣй часто долженъ былъ разлучаться съ молодою супругою (стр. 47); «такая продолжительность разлуки съ женою, полтора года, вскорѣ послѣ брака (онъ жилъ съ женою только полгода и то съ промежутками), не могла не имѣть вреднаго вліянія на ихъ отношенія». Потомъ (стр. 53): «Вѣрно у Петра давно уже возникла мысль отрѣшить отъ наслѣдства Алексѣя, не раздѣлявшаго его образа мыслей, не одобрявшаго его нововведеній, приверженнаго къ ненавистной старинѣ, склоннаго къ его противникамъ». Тутъ мы пропустимъ только одно мѣсто изъ дальнѣйшихъ предположеній г. Погодина, гдѣ онъ говоритъ, что Алексѣй, рожденный отъ противной матери, сдѣлался ненавистнымъ отцу. Наконецъ мы совершенно соглашаемся съ выраженіями г. Погодина, которыми онъ заключаетъ свое введеніе (стр. 3): «честь времени, когда можно о такомъ важномъ вопросѣ говорить

искренно и свободно; предлагать свои мысли безъ малѣйшихъ опасеній». Хотя вся статья г. Погодина есть ни что иное, какъ уничиженіе Петра и его новой Россіи: тѣмъ не менѣе она дѣлаетъ честь не только нынѣшнему времени, но и смѣлости г. Погодина.

2) Мы не соглашаемся съ г. Погодинымъ въ нижеслѣдующихъ мнѣніяхъ его, въ его отрицательныхъ доказательствахъ, и въ нѣкоторыхъ изъ его поэтическихъ выраженій.

(Стр. 37) Главнымъ несчастіемъ было то, говоритъ *г. Устряловъ*, «что до девяти лѣтъ царевичъ находился подъ надзоромъ матери, коснѣвшей въ предразсудкахъ старины и ненавидѣвшей все, что нравилось Петру. «Едва-ли! (полагаетъ г. Погодинъ). Все это не могло имѣть вліянія на молодаго царевича, который воспитывался по общему обычаю». Впечатлѣнія (*), оставленныя воспитаніемъ въ воображеніи царевича-дитяти до самаго его девятилѣтняго возраста, какъ замѣчаетъ г. Устряловъ, могли дѣйствительно имѣть вліяніе на остальную жизнь царевича. Погодинъ же совсѣмъ другаго мнѣнія. Онъ предполагаетъ, что будучи еще 10-12 лѣтъ (стр. 39), «царевичъ могъ свести нехорошія знакомства; могъ подвергнуться дурному вліянію, положить основаніе привычкамъ; полюбить праздность, хотя все еще онъ былъ очень молодъ, и нельзя ему было испортиться безъ надежды на исправленіе». При необыкновенно благопріятныхъ обстоятельствахъ и при собственномъ добромъ желаніи, двѣнадцатилѣтній мальчикъ можетъ исправиться;

(*) Г. Семевскій (въ своей критикѣ VI тома Устр., стр. 7) раздѣляетъ наше мнѣніе касательно этого предмета.

но нельзя на это совершенно полагаться, и потому съ образомъ мыслей г. Погодина на счетъ воспитанія мы вовсе не согласны. (Стр. 55) «Если бы точно желалъ Петръ исправленія, то умѣлъ бы принудить царевича къ дѣятельности, умѣлъ бы принять нужныя для того мѣры». Если бы г. Погодинъ самъ нашелъ эти мѣры и могъ убѣдить въ пользѣ, какую отецъ могъ бы ожидать отъ нихъ при воспитаніи сына, тогда онъ въ нравственномъ отношеніи болѣе бы сдѣлалъ для человѣчества, чѣмъ врачъ, нашедшій средство излѣчивать чахотку. Мы уже показали, что Петръ чрезвычайно много сдѣлалъ для воспитанія своего сына, и что если оно не удалось при тогдашнихъ обстоятельствахъ, то въ этомъ скорѣе виноватъ самъ Алексѣй съ своими приверженцами, а не Петръ.

Въ слѣдующемъ за симъ изложеніи, одно и тоже обстоятельство г. Погодинъ разсматриваетъ двояко, и оба мнѣнія его, противорѣча одно другому, слѣдуютъ даже одно за другимъ. Историкъ, въ такомъ случаѣ, принужденъ, или сознаться, что онъ не зналъ какъ объяснить событіе, или, приставъ къ одной изъ двухъ сторонъ, изъяснить, почему онъ такъ дѣйствуетъ. Почему г. Погодинъ говоритъ, только какъ бы мимоходомъ (стр. 56): «Царевичъ написалъ отвѣтъ и отрекался отъ престола»? А двумя строками ниже: «Послѣ у цесаря онъ говорилъ объ этомъ отреченіи, что никогда не соглашался ни за себя, ни за своихъ дѣтей, и только силою и страхомъ его принудили подписать отреченіе: онъ опасался невольнаго постриженія, смертныхъ побоевъ, опасенія отравы». Наша мысль на счетъ этихъ двухъ разнствующихъ между собою свидѣтельствъ такова: слова Алексѣя въ

Вѣнѣ — ложь, а то, что онъ написалъ въ отвѣтѣ и отрекался отъ престола—истина. Можетъ быть наше мнѣніе и ошибочно, но мы изложили по крайней мѣрѣ свой взглядъ на этотъ предметъ.

Далѣе, на счетъ отношеній Веселовскаго къ царевичу, г. Погодинъ предполагаетъ: (стр. 63) «подозрѣнія наши, можетъ быть, неосновательны, но они имѣютъ свою степень вѣроятности, и такъ какъ весь этотъ періодъ состоитъ изъ подозрѣній, то одно лишнее не слишкомъ увеличитъ ихъ количество». Мы не соглашаемся съ тѣмъ, чтобы измѣна Алексѣя приписываема была ему изъ однихъ подозрѣній. Послѣ всего сообщеннаго г. Устряловымъ въ VI томѣ исторіи Петра, намъ не остается на этотъ счетъ никакого уже сомнѣнія. На страницѣ 38-й г. Погодинъ говоритъ: «не любя мать, Петръ былъ, разумѣется, холоденъ и къ сыну, ее напоминавшему». Здѣсь опять мы совершенно не соглашаемся съ словомъ «разумѣется.»

Часто бываетъ и такъ, что родители, любя особенно другъ друга, тѣмъ менѣе любятъ уже дѣтей, и на оборотъ, часто любовь къ дѣтямъ увеличивается, когда сердце не нашло въ супружествѣ всего, чего желало. Мы часто видимъ и то еще, что кормилицу дитя любитъ болѣе своей нѣжной матери,—часто усыновленныя дѣти бываютъ любимы своими воспитателями болѣе, чѣмъ дѣти своими родителями.

(Стр. 38) «Отъ 1690 до 1698 года (говоритъ г. Погодинъ) Петръ не дѣлалъ еще никакихъ особенныхъ нововведеній, въ слѣдствіе которыхъ мать Алексѣя имѣла бы поводъ ненавидѣть отца его.» А на предъидущей страницѣ авторъ самъ говоритъ:

«Въ 1696 г. открытъ былъ заговоръ Соковнина,

Циклера и Пушкина, которые хотѣли убить царя». Не былъ ли этотъ заговоръ слѣдствіемъ нововведеній Петра?

Еще замѣтимъ, что г. Погодинъ при всякомъ удобномъ случаѣ восклицаетъ: «несчастный Алексѣй!» Это невольно заставляетъ насъ вспомнить Голикова, которому бы я охотно подражалъ изъ чувства глубокаго почитанія къ особѣ великаго Петра:—Голиковъ начинаетъ почти каждую часть, каждый разсказъ, каждое предложеніе, словами: «*Великій Царь.*» Такіе epitheta ornantia въ историческихъ описаніяхъ предоставляются уже самому читателю. Если онъ соглашается съ мнѣніемъ автора, то онъ самъ невольно выговоритъ: «несчастный Алексѣй»! «Какой великій царь!» Если же читатель думаетъ иначе, то весьма справедливо укоритъ автора въ желаніи быть проводникомъ своихъ мнѣній. Мы приведемъ слѣдующія слова г. Погодина, чтобы показать, что тутъ слово «несчастный» вовсе не умѣстно (стр. 71): «начались сборы въ возвратный путь (изъ Неаполя). Царевичъ ѣздилъ съ Толстымъ въ Бари помолиться, *несчастный*, мощамъ чудотворца Николая.»

У г. Погодина часто встрѣчаются косвенные доводы. Вотъ два мѣста въ доказательство тому (стр. 55): «Петръ давалъ разныя порученія царевичу и исполненіями его былъ доволенъ.», «Мы не имѣемъ документовъ ни объ одномъ неисполненномъ приказаніи. Потомъ (стр. 75): «Еслибъ были какія положительныя доказательства его пороковъ, то они непремѣнно были бы возстановлены и даже преувеличены въ публичныхъ объявленіяхъ.» Такіе отрицательные доводы не удовлетворительны; кто знаетъ? Можетъ

быть въ то время, какъ г. Погодинъ печаталъ свою статью, или когда мы пишемъ нашу, или спустя нѣсколько мѣсяцевъ, нѣсколько лѣтъ, найдутся противоположныя тому доказательства, въ бумагахъ оставленныхъ намъ Петромъ, и мало еще разсмотрѣнныхъ. О томъ, былъ ли Петръ доволенъ Алексѣемъ или нѣтъ, г. Погодинъ приводитъ лишь по одному мѣсту. Для разрѣшенія перваго вопроса онъ приводитъ слѣдующее, изъ Туманскаго (томъ VIII стр. 8), (что у Погодина, 44—45): «не только для доношенія Ц. В., бывшему тогда въ Украйнѣ, о дѣлахъ, ихъ же Ц. В, положилъ на него, но такожъ ради приводу съ собою пяти полковъ, которые онъ самъ набралъ, устроилъ, и училъ въ Москвѣ, Е. Ц. В. такъ былъ тѣмъ доволенъ, что ему публично показалъ искренніе знаки отеческой любви». Для разрѣшенія втораго вопроса слѣдующее (стр. 44): «Только однажды царевичъ счелъ нужнымъ оправдываться и написать къ отцу о 300 рекрутахъ, которые негодятся, но лучше въ то время не могъ вскорѣ найтить.» Но у Устрялова же мы находимъ доказательство тому, что Петръ еще и въ другихъ случаяхъ былъ недоволенъ Алексѣемъ: изъ письма царевича отъ 8-го декабря 1708 г. къ Екатеринѣ (Устр. 309):

«Катерина Алексѣевна и Анисья Кирилловна, здравствуйте.

Прошу васъ, пожалуйте, освѣдомясь отпишите, за что на меня есть Государя—батюшка гнѣвъ: пониже изволитъ писать, что я оставя дѣло, хожу за бездѣльемъ; отъ чего нынѣ я въ великомъ сумнѣніи и печали». Здѣсь не означено, чѣмъ заслужилъ Алексѣй гнѣвъ Петра, а изъ письма, которое приводитъ г. Погодинъ,

видно, что поводомъ къ неудовольствію былъ наборъ худыхъ рекрутъ.

Особенно въ своихъ предположеніяхъ, клонящихся ко вреду Петра, г. Погодинъ выражается поэтически. Мы признаемъ въ его словахъ риторическія красоты, но истины въ нихъ еще не видимъ.

Слѣдующее картинное изображеніе ничѣмъ, нигдѣ не подтверждается, ибо Алексѣй отвѣчалъ на вопросъ, предложенный ему Петромъ письменно, а не изустно «Во второмъ письмѣ Петръ придирается еще, если можно такъ выразиться, безотчетнѣе, безлогичнѣе: такъ и видишь, что несчастный отступаетъ передъ нимъ, уклоняется, жмется къ стѣнѣ, а тотъ съ поднятыми руками напираетъ плотнѣе и плотнѣе».

Послушаемъ, что еще говоритъ г. Погодинъ: (стр. 80) «Петръ не могъ узнать, не могъ добраться до средоточія мнимаго заговора, потому что заговора собственно не было нигдѣ, то есть онъ былъ вездѣ, носился въ воздухѣ, гдѣ поймать и схватить его не достанетъ силы ни у кого, даже у Петра. Въ доказательство несправедливости этихъ словъ, мы приведемъ мѣсто изъ Устрялова: (стр. 169) «изъ дѣлъ тайнаго государственнаго архива въ Вѣнѣ мы знаемъ навѣрное, что онъ (Алексѣй) получилъ предательское письмо отъ Алексѣя Бестужева-Рюмина».

3) Мы уже выше сказали нѣсколько словъ о предположеніяхъ г. Погодина на счетъ Веселовскаго, резидента Петра въ Вѣнѣ. Прежде чѣмъ будемъ говорить о тѣхъ предположеніяхъ касательно Петра, мы должны замѣтить, что въ исторіи есть много такихъ событій, которыя мы по истеченіи 150 лѣтъ должны будемъ принять какъ fait accompli, не будучи въ состо-

янія привести яснаго доказательства. Такъ напримѣръ наставникъ царевича, Гюйссенъ, посланъ въ 1705 г. Петромъ за границу съ порученіемъ. Онъ остается тамъ до 1708 г. и неизвѣстно для какихъ важныхъ дѣлъ, порученныхъ ему Петромъ, долженъ былъ оставаться такъ долго за границей. Что это отсутствіе Гюйссена имѣло вредное вліяніе на воспитаніе царевича, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Г. Погодинъ (стр. 42) спрашиваетъ: «Не видать ли уже здѣсь, въ отстраненіи Гизена, какъ и прежде въ удаленіи Нейгебауера (*), тайнаго намѣренія Меньшикова пріучить царевича къ праздности и лѣни, давая ему просторъ и свободу для препровожденія времени съ его родными, приверженцами старины, съ попами и монахами, къ которымъ онъ получилъ извѣстное расположеніе еще при матери—и тѣмъ приготовить будущій разрывъ съ отцомъ. Меньшиковъ могъ, подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, подать злоумышленный совѣтъ Петру, послать Гизена въ чужіе краи. Такъ и думали иностранцы, даже въ близкое время: Бюшингъ, Левекъ (L'évêque), и Коксъ». Если удаленіе Гюйссена и было дѣломъ Меньшикова, какъ же согласить съ этимъ то обстоятельство, что въ 1708 г. Гюйссенъ былъ снова призванъ къ отправленію своей прежней должности? Если Меньшиковъ имѣлъ столько вліянія на дѣйствія Петра, что могъ удалить Гюйссена, то какъ же могъ онъ потомъ обнаружить слабость свою, оставить его при Алексѣѣ на нѣсколько лѣтъ

(*) Не говорилъ ли самъ г. Погодинъ (стр. 4) «1702 г. мая 23 ссора у Нейгебауера съ Вяземскимъ за столомъ у царевича въ Архангельскѣ; въ іюлѣ указъ объ увольненіи Нейгебауера».

и послать его за границу съ царевичемъ одного, безъ всякаго другаго надъ Алексѣемъ надзора?

Обширное поле для предположеній г. Погодина представляетъ Петрово «объявленіе моему сыну», отъ 11-го октября 1715 г., подписанное «въ Шлюссельбургѣ или при С.-Петербургѣ», и отданное царевичу въ день погребенія кронпринцессы 27-го октября только, слѣдовательно 16 дней позже перваго подписанія.

На это г. Погодинъ приводитъ слѣдующія предположенія: (стр. 52—53) «а писано было письмо за 16 дней, наканунѣ рожденія сына у царевича, отдано наканунѣ рожденія сына у царя».

«Въ недоумѣніе приходитъ всякій здравомыслящій и безпристрастный изслѣдователь. Что за странности? Царь пишетъ письмо къ сыну, съ угрозою лишить его наслѣдства, но не отдаетъ письма и на другой день по написанію рождается у царевича сынъ, новый наслѣдникъ; царь держитъ у себя письмо и отдаетъ только черезъ 16 дней, въ день погребенія кронпринцессы, а на другой день послѣ отдачи рождается у него самаго сынъ!»

«Вопросы, одинъ за другимъ, тѣснятся у изслѣдователя: Если Петръ написалъ письмо въ показанное число, въ Шлиссельбургѣ, то зачѣмъ не послалъ его тотчасъ къ сыну? Зачѣмъ держалъ 16 дней, воротясь въ Петербургъ? Рожденіе внука должно бы было измѣнить рѣшеніе: сынъ провинился, то новорожденный внукъ получалъ неотъемлемое право на престолъ! За чѣмъ бы опредѣлять именно число? Пролежало оно 16 дней въ карманѣ, для чего же напоминать о томъ, для чего напирать, что письмо писано за 16 дней. Ясно, что была какая-то задняя мысль. Она видна и

въ подстрочномъ замѣчаніи къ печатному розыскному дѣлу: «понеже писано то письмо до рожденія царевича Петра Петровича за 18 дней, и тако въ то время былъ онъ царевичъ Алексѣй Петровичъ одинъ». «Что за странное намѣреніе отдать письмо въ руки царевичу въ публикѣ, передъ множествомъ свидѣтелей, въ день погребенія жены».

«Письмо носитъ явные признаки сочиненія съ риторикою: его вѣрно писалъ грамотѣй на досугѣ, не Петръ, выражавшійся и не въ такихъ случаяхъ отрывисто».

«Да и на что письмо? Развѣ нельзя было передать все еще сильнѣе на словахъ? Во всемъ этомъ дѣйствіи нельзя не видѣть чернаго плана, смѣтаннаго въ тревогѣ бѣлыми нитками. Какъ же объяснить это загадочное событіе»?

«Вѣрно у Петра давно уже возникла мысль отрѣшить отъ наслѣдства Алексѣя, рожденнаго отъ противной матери, не раздѣлявшаго его образа мыслей, не одобрявшаго его нововведеній, приверженнаго къ ненавистной старинѣ, склоннаго къ его противникамъ. Вѣрно онъ возъимѣлъ желаніе предоставить престолъ дѣтямъ отъ любезной своей Екатерины. Екатерина, равно какъ и Меньшиковъ, коихъ судьба подверглась бы ежеминутной опасности, въ случаѣ смерти царя, старались, разумѣется, всѣми силами питать эту мысль, пользуясь неосторожными выходками царевича. Они переносили Петру всѣ его слова, толковали всякое движеніе въ кривую сторону, раздражали Петра болѣе и болѣе. И вотъ лукавая совѣсть человѣческая вмѣстѣ съ сильнымъ умомъ начала подбирать достаточныя причины, убѣждать въ необходимости дѣйствія, оправдывать всякія мѣры; она пугала прошедшимъ,

искажала настоящее, украшала будущее,—и Петръ рѣшился! Онъ рѣшился, и ужъ, разумѣется, ничто не могло мѣшать ему при его желѣзной волѣ, предъ которою пало столько препятствій. Погибель несчастнаго царевича была опредѣлена. Въ средствахъ нечего было ожидать строгой разборчивости: Петръ въ такихъ случаяхъ ничего не видалъ, кромѣ своей цѣли, лишь бы скорѣе и вѣрнѣе кончено было дѣло».

«Оно надписано числомъ наканунѣ рожденія у царевича сына, ибо, по рожденіи этого внука, нельзя бы не упомянуть объ немъ, нельзя грозить вполнѣ о лишеніи наслѣдства, когда явился еще новый, полноправный наслѣдникъ».

Мы противу этого приведемъ не предположенія, но факты, которые намъ извѣстны, и предоставимъ читателю рѣшить, на сколько онъ находитъ ихъ полновѣсными:

1) Не для чего было спѣшить отдачею объявленія царевичу, потому что оно служило только угрозою.

2) Оно было написано не въ самомъ Петербургѣ, но въ окрестностяхъ его.

3) Устряловъ говоритъ: (44)» 21-го октября, въ первомъ часу по полудни, навѣстилъ умирающую невѣстку Петръ, не выходившій до сихъ поръ за сильною коликою изъ комнаты цѣлую недѣлю».

По донесенію Плейера, Петръ былъ все еще нездоровъ: (*) (Устр. стр. 342 прилож. № 45) «Den anderen (Tag) gegen Mittag schickte sie zum Czaren, liesse ihn zu

(*) На другой день по полудни послала она (кронпринцесса) къ царю, просить его къ себѣ, чтобы съ нимъ проститься передъ кончиною: Петръ, не смотря на колику, отъ которой еще не оправился, пришелъ къ ней сейчасъ же.

sich bitten, um sich von ihm zu beurlauben (zum Sterben), welcher ungeachtet er selbst noch von der colica nicht allerdings reconvalesciret, dennoch augenblicklich zu ihr kam.

4) Царевичъ (Устр. стр. 44) 22-го октября, когда она скончалась, былъ внѣ себя отъ горести и нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ.

5) Кронпринцесса была уже по случаю ушиба отъ паденія, до разрѣшенія отъ бремени, очень нездорова.

6) Въ объявленіи Петра ничего не сказано, переходитъ ли это удаленіе отъ престолонаслѣдія и на сына царевича?

Посмотримъ, что случилось въ продолженіе этихъ 16 дней.

1) Октября 21, десять дней спустя послѣ подписанія объявленія въ Шлюссельбургѣ, мы находимъ Петра трудно больнымъ и, въ продолженіе цѣлой недѣли, онъ не можетъ выходить изъ комнаты.

2) Мы видимъ, что кронпринцесса, въ послѣднюю недѣлю своей беременности, слѣдовательно за недѣлю же до этого времени, страдала отъ сильной лихорадки, и не оставляла постели; 12-го разрѣшилась она и 22-го скончалась отъ родильной лихорадки.

3) Алексѣй въ день кончины кронпринцессы нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ. Неизвѣстно, что побудило Петра замедлить передачею объявленія Алексѣю; но, по крайней мѣрѣ, это послужило въ пользу Петра передъ лицемъ враждебныхъ ему судей.

Еслибы онъ отдалъ объявленіе 11 или 12 числа, то всѣ эти предположенія перешли бы, согласно желанію тѣхъ строгихъ судей, изъ міра фантазіи въ міръ дѣйствительный. Съ радостію могли бы они сказать,

что чрезъ это письмо, которое Алексѣй долженъ былъ показать и супругѣ своей, потому что можетъ быть и ея дѣти подвергались участи отца своего,—вслѣдствіе этого письма она получила родильную лихорадку и умерла; съ Алексѣемъ же дѣлались такіе обмороки, что онъ также былъ близокъ къ смерти; и самъ Петръ отъ гнѣва и ярости былъ на краю могилы.

Въ слѣдующемъ мѣстѣ г. Погодинъ предполагаетъ въ Петрѣ такія мысли: Алексѣй находится подъ покровительствомъ Австріи, Петръ говоритъ про себя:

(Погод. стр. 62): «У цесаря изъ подъ покровительства я всегда-де могу его вытребовать, по народному праву, а если и не вытребую, то бѣглецъ и передатчикъ; онъ лишится права и надежды вступить когда-нибудь на престолъ, даже не будетъ имѣть средствъ поспѣть во-время изъ такой дали.»

Такія слова влагаетъ онъ въ уста человѣка, который въ своемъ «послѣднемъ напоминаніи,» говоритъ: «письмо твое на первое письмо мое я вычелъ, въ которомъ только о наслѣдствѣ воспоминаешь, *и кладешь на волю мою то, что всегда и безъ того у меня.*»

Современное Петру, высшее духовенство, которому извѣстны были обычаи и законы тѣхъ временъ, въ своихъ разсужденіяхъ говоритъ:

(Устр. стр. 519, прилож. 181): «Власть превысочайшая монарха творитъ *елико хочетъ, по своему изволенію,* безъ всякаго совѣта степеней нижнихъ.»

(Стр. 64) Теперь приведемъ слова г. Погодина на счетъ того, что думалъ Карлъ VI: «кромѣ родственнаго участія, кромѣ возможностей въ его пользу, цесарю было выгодно всегда имѣть въ своихъ рукахъ

такой драгоцѣнный залогъ.» — Какъ могъ такой знаменитый историкъ, какъ Г. Погодинъ, не замѣтить, или пропустить ноту графу Волкрѣ (Volkra), которую (Устр. стр. 376) вѣнскій дворъ посылаетъ уже 14/25 апрѣля 1717 года, своему посланнику въ Лондонѣ. «Нота графу Волкрѣ (Volkra) 25, (14) апрѣля 1717 года. (Изъ тайнаго государственнаго архива въ Вѣнѣ. Писано съ поправками графа Шенборна). «Въ самой секретной аудіенціи разсказать изустно, какъ прибылъ царевичъ. Событіе для цесаря весьма непріятное, которое онъ желалъ, чтобы не случилось; но какъ отвратить было нельзя, то цесарь по родству, по участію къ несчастному положенію принца, и по великодушію цесарскаго дома защищать невинно гонимыхъ, далъ ему покровительство и защиту. Резидентъ Веселовскій въ особенной аудіенціи подалъ письмо своего царя, и объявилъ, что царевичъ долженъ здѣсь находиться; цесарь отвѣчалъ, что онъ розъищетъ и увѣдомитъ царя. Письмо сообщено царевичу, чтобы узнать, на что онъ хочетъ рѣшиться, возвратиться ли къ отцу, или остаться подъ защитою цесаря? Въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ быть перевезенъ въ Неаполь, и содержимъ въ величайшей тайнѣ. Какъ отвѣтъ царевича почти несомнителенъ — онъ изберетъ послѣднее,—а между тѣмъ Веселовскій неотступно требуетъ у цесарскихъ министровъ, то у того, то у другаго, отвѣта, и даетъ знать, что царь будетъ искать и требовать своего сына вооруженною рукою (armata manu), то ожидая всего отъ его рѣшительности (genio), цесарь приказываетъ спросить короля Англійскаго, намѣренъ ли онъ, какъ курфирстъ и какъ родственникъ Брауншвейгскаго дома, защищать

принца. Переговоры долженъ графъ Волкра вести въ величайшей тайнѣ.»

Родственное участіе супруги цесаря на самомъ дѣлѣ также не существуетъ. Ноября 10, ночью, прибылъ царевичъ въ Вѣну; имѣлъ разговоръ съ Вице-канцлеромъ, графомъ Шенборномъ.

Послѣ продолжительной тайной конференціи царевичъ получаетъ отъ него слѣдующій отвѣтъ (Устр. стр. 69): что признаетъ лучшимъ средствомъ, чтобы царевичъ держалъ себя тайно, и до окончательнаго устройства дѣла, не искалъ случая говорить съ ихъ величествами, тѣмъ болѣе, что беременность императрицы не дозволяетъ ей видѣть его. (Она была беременна только третій мѣсяцъ). При этомъ г. Погодинъ говоритъ слѣдующее: «теща и свояченица царевича, императрица, *разумѣется* ходатайствовали въ его пользу, и въ пользу его дѣтей, столько къ нимъ близкимъ.»

Вотъ еще предположеніе г. Погодина (стр. 64): «Петръ вызвалъ Веселовскаго въ Амстердамъ, и далъ ему грамоту къ цезарю, какъ будто зналъ напередъ, что царевичъ тамъ.»—Карлъ VI былъ зять Алексѣя, и потому Петръ легко могъ предполагать, что царевичъ направитъ свой путь къ нему: ибо чѣмъ какой Государь сильнѣе, тѣмъ скорѣе прибѣгаютъ къ его защитѣ. Уже и цесарь неохотно согласился скрывать у себя царевича, а потому у менѣе сильныхъ государей, онъ, конечно, вовсе не нашелъ бы покровительства. Но и здѣсь г. Погодинъ говоритъ объ этомъ только односторонне. Богатый матеріалъ Устрялова даетъ (стр. 58) на это слѣдующее свѣдѣніе:

«Встревоженный Петръ послалъ 9 Декабря повелѣніе генералу Вейде, стоявшему съ корпусомъ въ

Мекленбургіи, развѣдать, гдѣ сынъ его; между тѣмъ вызвалъ изъ Вѣны въ Амстердамъ резидента своего Веселовскаго.»

(Погод. стр. 62) «Изъ описанія Шонборномъ первой встрѣчи его съ царевичемъ, слѣдуетъ заключить, что она была неожиданною. Не обманывалъ ли Веселовскій Кикина, и не извѣстилъ ли тотчасъ Петра, который тогда и вызвалъ сына, чтобы дать ему поводъ выѣхать изъ Россіи?» — Когда Веселовскій въ Декабрѣ 1716 года былъ въ Амстердамѣ у Петра, сей послѣдній приказываетъ ему, на возвратномъ пути своемъ въ Вѣну развѣдывать о царевичѣ, а по прибытіи туда продолжать поиски.

Если бы Веселовскій зналъ о пребываніи Алексѣя въ Вѣнѣ, то зачѣмъ ему было разыгрывать такую трудную комедію? Въ продолженіи цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ, въ самое дурное время года, искалъ онъ Алексѣя, такъ что пріѣхалъ въ Вѣну только 20 Февраля 1717 года.

Устряловъ замѣчаетъ, что Веселовскій съ такою ревностію исполняетъ приказаніе Петра, что (стр. 61) «отъ долговременной ѣзды ему приключилась съ жестокою лихорадкою почечуйная болѣзнь (геморой), которой прежде онъ никогда не имѣлъ: доктора совѣтовали ему остановиться недѣли на двѣ; но онъ въ исполненіи царской воли отправился на другой день.»

Видя съ какою увѣренностію г. Погодинъ влагаетъ въ уста давно умершихъ людей слова, о которыхъ, можетъ быть, они и не думали, мы вспомнили одно мѣсто изъ прекрасной повѣсти Гоголя «Шинель», гдѣ онъ говоритъ:

А можетъ быть даже и этого не подумалъ: вѣдь

нельзя залѣзть въ душу человѣка, и знать все, что онъ ни думалъ.»

4) *Каковы были отношенія Алексѣя къ отцу?*

Г. Погодинъ говоритъ (стр. 45) про 1709 годъ: «отношенія между отцомъ и сыномъ дѣйствительно продолжались, повидимому хорошія.»

Если мы знаемъ, что Петръ въ часы отдыха любилъ проводить время въ кругу своихъ веселыхъ, но грубыхъ сотоварищей – работниковъ, то и царевичъ, въ свою очередь, могъ также проводить вечера и свободное отъ занятій время, съ людьми, которые, по мнѣнію отца, могли вредить его дальнѣйшему образованію, имѣть худое вліяніе на его нравственность. Начальникъ можетъ быть очень доволенъ своимъ подчиненнымъ на службѣ; можетъ награждать его; а между тѣмъ можетъ случиться, что этотъ самый подчиненный, внѣ службы, самый развращенный человѣкъ. Одно другому не служитъ препятствіемъ; впрочемъ дѣйствительно, хотя и не навѣрно, можно предполагать, что время свободное отъ занятій царевичъ употреблялъ вовсе не согласно съ волею Петра.

«Нерасположеніе Алексѣя къ войнѣ, развѣ это преступленіе?» спрашиваетъ г. Погодинъ на страницѣ 54. Какъ умѣрены, справедливы требованія Петра въ этомъ отношеніи, мы уже видѣли изъ его «объявленія сыну моему» отъ 11 Октября 1715 года, гдѣ онъ ему ставитъ въ примѣръ Людовика XIV.

(Погод. стр. 56) «Послѣ у цесаря, Алексѣй говорилъ объ этомъ отреченіи, что никогда не соглашался ни за себя, ни за своихъ дѣтей, и только силою и страхомъ принудили его подписать отреченіе.» Эти слова г. Погодинъ принимаетъ за чистую монету. Гдѣ Петръ

въ своихъ письмахъ упоминаетъ о внукахъ? Не самъ ли только, и одинъ Алексѣй говоритъ о нихъ въ своемъ отвѣтѣ отъ 31 Октября 1715 года? Онъ пишетъ: «Дѣтей моихъ вручаю въ волю вашу.» Не говорилъ ли онъ также при отреченіи отъ престола: «наслѣдія не претендую и претендовать не буду; въ чемъ *Бога свидѣтеля полагаю на душу мою*, и ради истиннаго свидѣтельства сіе пишу своею рукою.» И не происходило ли это все на письмѣ, съ предложеніями на рѣшеніе Алексѣя, безъ принужденія страхомъ и силою? Въ теченіе опасной болѣзни Петра въ Декабрѣ 1715 года посѣщаетъ царевичъ отца только разъ, между тѣмъ какъ извѣстно что (Погод. стр. 57): «положеніе его было такъ опасно, что нѣсколько дней министры и сенаторы ночевали въ царскихъ покояхъ.» Алексѣй, который въ своихъ разговорахъ въ Вѣнѣ, увѣрялъ, что онъ ни малѣйшаго огорченія не причинялъ никогда отцу, во время этой болѣзни обнаруживаетъ всю ненависть къ Петру. Если бы царевичъ, хоть нѣсколько, заботился о томъ, чтобы улучшить свои отношенія къ отцу, то самое благопріятное къ тому время представлялось теперь, въ продолженіе болѣзни родителя его. На требованіе Петра, чтобы Алексѣй исправился, послѣдній, ссылаясь на недостатокъ умственныхъ способностей, отрекается отъ престола. Нельзя не отдать справедливости Петру, что онъ вообще зналъ людей. На письмо Алексѣя отъ 31 Октября 1715 года, Петръ отвѣчаетъ 16 января 1716 года: «Что же приносишь клятву, *тому вѣрить невозможно для вышеписаннаго жестокосердія?*» Касательно этого же требованія Петра, чтобъ царевичъ исправился, г. Погодинъ восклицаетъ (стр. 57): «Помилуйте, что

отвѣчать ему болѣе, если онъ съ обвиненіемъ вполнѣ соглашается, и даже наказаніе за негодность безусловно принимаетъ, отказывается отъ престола?» Мы отвѣчаемъ:—царевичъ долженъ былъ раскаяться въ своихъ поступкахъ; сознаться, что продолжая слѣдовать прежнему пути, онъ готовитъ себѣ явную гибель; обѣщать, что исправится, и наконецъ исполнить обѣщаніе свое на дѣлѣ.

Изъ втораго письма Петра (Устр. стр. 349) видимъ, какъ проницателенъ былъ его взглядъ, касательно этихъ обстоятельствъ: «Такожъ, хотябъ и истинно хотѣлъ хранить (отказъ отъ престола), то возмогутъ тебя склонить, и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ не во авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зѣло.»

Теперь, касательно одного обстоятельства, мы приведемъ слова г. Устрялова и слова г. Погодина и сравнимъ ихъ: слова г. Погодина (стр. 59): «Черезъ недѣлю Петръ долженъ былъ отправиться за границу. *Онъ посѣтилъ больнаго царевича* и сказалъ ему....; слова Устрялова (стр. 52): «Петръ за два дни отъѣзда былъ у сына, и *нашелъ его въ постели притворно больнымъ*.» Какимъ насмѣшкамъ подверглись бы мы, если бы вздумали доказывать нашимъ читателямъ, что г. Погодинъ вѣроятно не зналъ, забылъ, или нечаянно не замѣтилъ словъ, сказанныхъ на счетъ притворства Алексѣя. Быть не можетъ чтобы писатель, столь ученый какъ г. Погодинъ, который вездѣ приводитъ разныя мѣста изъ Устрялова, не зналъ этого обстоятельства. Онъ зналъ, но безъ вниманія оставилъ его, потому что оно противорѣчило изображенію описываемаго имъ *несча-*

стнаго, преслѣдуемаго Алексѣя. Если уже существуетъ актъ о томъ, что Алексѣй сознаетъ свою вину (стр. 77): «царь принимаетъ, въ общемъ собраніи, сына, который подаетъ ему просительное письмо», то на чемъ же основываетъ авторъ догадку, что просительное письмо было подготовлено?—догадку ничѣмъ не подтверждаемую въ исторіи.

Мы опираемся очень часто на слова царевича въ отвѣтахъ его на вопросы Толстаго 22-го іюня 1718 года. Эти слова его не были вынуждены страхомъ. Имъ не предшествовала угроза, потому что по собственнымъ словамъ Петра, вопросы дѣлаемы были не для «*розыска*, но для *вѣдѣнія*». Но это обстоятельство г. Погодинъ отвергаетъ, говоря (стр. 82): «это важнѣйшее признаніе, разумѣется *насильственное*, послѣ посѣщенія Толстаго.»

Сказавъ все, что мы хотѣли замѣтить на счетъ отношеній царевича къ отцу, позволимъ себѣ еще слѣдующій вопросъ: чего же ожидалъ Алексѣй по возращеніи въ Россію? Какъ понималъ онъ слова отца о *милости и прощеніи*? Такъ какъ царевичу при возвращеніи объявляется, что онъ отрѣшенъ отъ престола, г. Погодинъ произноситъ свой судъ надъ царемъ и говоритъ (стр. 77): «Пріѣхалъ (царевичъ), и позабыты всѣ клятвы, всѣ обѣщанія, всѣ обнадеживанія. Жертва въ рукахъ и щадить некого и нечего. — Ты долженъ отказаться отъ престола.» Изъ письма царевича къ Евфросиніи, изъ Твери, отъ 22-го января 1718 года, ясно видно (по крайней мѣрѣ намъ такъ кажется), что Алексѣй не надѣялся больше быть наслѣдникомъ (Уст. стр. 437 прилож. 141): «Царевичъ Алексѣй Евфросиньѣ изъ Твери 22 января 1718. Другъ мой

сердешный! Афросиньюшка, здравствуй, матушка моя на множество лѣтъ! Писалъ я къ тебѣ изъ Риги, что Петръ Андреевичь (*) поѣхалъ напредъ къ Москвѣ, куда и я за нимъ поѣхалъ, и бывъ на Москвѣ, встрѣтилъ меня здѣсь. И слава Богу, все хорошо, и *чаю меня отъ всего уволятъ, что намъ жить съ тобою*, будетъ Богъ изволитъ, *въ деревнѣ и ни до чего намъ дѣла не будетъ.*» Не говоритъ ли это весьма ясно: *я* не требую престола. Въ противномъ случаѣ, могъ ли наслѣдникъ преобразователя Россіи, пока не настанетъ пора его царствовать, убивать время въ томъ: «чтобы жить съ Евфросиніею въ деревнѣ, и ни до чего дѣла не имѣть». Это письмо надлежало бы показать г. Погодину. Оно быть можетъ, смягчило бы строгій приговоръ его, и уничижительныя жалобы на Петра. Не менѣе того, авторъ самъ приводитъ это письмо, сопровождая еще другимъ, отъ Толстаго къ Евфросиніи, гдѣ Толстой ей пишетъ: «все такъ исправилось, какъ вы желали.» Г. Погодинъ прибавляетъ здѣсь слѣдующее свое замѣчаніе: «Сердце кровью обливается. читая это предательское письмо, которое писалось, когда въ тюрьмахъ уже растворены были двери.

5) *Въ какихъ отношеніяхъ находился Алексѣй къ своей партіи по словамъ Погодина?*

Изъ словъ его видно, что партія Алексѣя надѣялась на него много, и онъ совѣтовался съ нею; мы же находимъ, что царевичъ былъ довѣрчивъ до легкомыслія, и сдѣлался чрезъ то ихъ орудіемъ (стр. 42): «Ближе всѣхъ къ царевичу были въ это время (отъ 1698—1703) его тетки, дочери царя Алексѣя

(*) Толстой.

Михайловича отъ перваго брака, старыя дѣвицы, не терпѣвшія нововведеній Петровыхъ, окруженныя попами и монахами, кои сообщали имъ разныя видѣнія, и сулили перемѣну обстоятельствъ, лучшее время. Кромѣ тетокъ—родственники его по матери, дяди, возлагавшіе на него всю свою надежду. «При полученіи отъ Петра писемъ, исполненныхъ угрозъ, Алексѣй вмѣсто того, чтобы дѣйствовать по собственному умозрѣнію, совѣтуется съ значительнѣйшими членами своей партіи; слушаетъ ихъ; поступаетъ такъ, какъ они желаютъ. Князь Василій Долгорукій даетъ ему слѣдующій совѣтъ: «Давай писемъ хоть тысячу, еще когда что будетъ; старая пословица: улита ѣдетъ, когда-то будетъ.» Алексѣй цѣнилъ слишкомъ высоко сочувствіе, которое ему оказывали. Кто могъ не сострадать ему, тѣмъ болѣе еще, что былъ онъ виновенъ самъ, и по слабости характера своего—какъ мы сказали выше, сдѣлался слѣпымъ орудіемъ партіи недовольныхъ, къ достиженію ихъ цѣли. Это мнѣніе наше подтверждаютъ совершенно слѣдующія слова самаго г. Погодина (стр. 59): «Вслѣдъ за царемъ отправился Кикинъ, въ исполненіе мысли, давно уже ходившей въ ихъ кругу:—сыскать царевичу мѣсто въ чужихъ краяхъ». Совсѣмъ другой смыслъ получили бы они, ежели бы сказано было: «чтобы предохранить царевича отъ угрожавшей ему опасности, Кикинъ отправленъ былъ за границу сыскать ему вѣрное убѣжище». Напротивъ того, изъ словъ г. Погодина: «Кикинъ въ исполненіе мысли давно уже ходившій въ ихъ кругу» видно, что сообщники царевича смотрѣли на него не какъ на главу партіи, а какъ на средство къ достиженію цѣли своей.

Царевичъ придаетъ важность самымъ пустымъ словамъ, напримѣръ словамъ тетки своей Маріи Алексѣевны, на дорогѣ изъ Риги въ Либаву: «Я тебя люблю, и всегда рада всякаго добра, не много васъ у насъ».

Онъ точно также вѣритъ и Василію Долгорукому, который говоритъ царевичу, что онъ болѣе дѣльный человѣкъ, чѣмъ Петръ, который даже не умѣетъ выбирать способныхъ людей.

Излагаемое г. Погодинымъ мнѣніе (стр. 60): «царевичъ по крайней мѣрѣ былъ увѣренъ, что зовутъ его (въ Копенгагенъ) не учиться, а хотятъ его какъ-нибудь извѣсти», внушили ему его приверженцы.

Австрійскій государственный канцлеръ и вице-канцлеръ считаютъ также Алексѣя за человѣка слабаго. Толстой и Румянцевъ, на возвратномъ пути изъ Неаполя въ Москву, не остановились съ царевичемъ въ Вѣнѣ, и вопреки желанію Карла VI отправились далѣе въ Брюнъ. Это подало поводъ къ собранію министровъ, въ которомъ канцлеръ графъ Цинцендорфъ говоритъ (Устр. 127): «насильственное домогательство поведетъ къ крайности; а *на принца нельзя много полагаться*», и вице-канцлеръ Шёнборнъ говоритъ: «продолжать ему покровительство *при непостоянствѣ его*, и угрожающей государству отъ силы Царя опасности, было бы безразсудно; *царевичъ не имѣетъ довольно ума, чтобы надѣяться отъ него какой либо пользы*».

Теперь мы будемъ говорить объ отношеніяхъ партіи Алексѣя къ нему, и начнемъ съ главнаго лица:

6) *Кикина*. Обвиняютъ его въ томъ, что онъ давалъ Алексѣю слѣдующій совѣтъ въ 1714 году (когда царевичъ вслѣдствіе болѣзни былъ на пути въ Карлс-

бадъ (Устр. стр. 157): «когда же ты вылечишься, напиши къ отцу, что еще на весну надобно тебѣ лечиться; а между тово поѣдешь въ Галландію; а потомъ послѣ вешняго кура можешь во Италіи побывать, и тѣмъ свое отлученіе года два или три продолжать».

Въ 1715 году во время опасной болѣзни Петра, Кикинъ говорилъ царевичу (Погод. стр. 57): «отецъ твой не боленъ тяжко; онъ исповѣдывается и пріобщается нарочно». Во время этой болѣзни Алексѣй видѣлъ самъ отца своего, и долженъ былъ имѣть свое мнѣніе, а не довѣрять слѣпо словамъ Кикина.

Въ январѣ 1716 года, до выѣзда еще царевича за границу, Кикинъ ѣдетъ въ Карлсбадъ, приготовить ему убѣжище.

Получивъ отъ родителя письмо изъ Копенгагена, отъ 26-го августа того же года (Погод. стр. 60), царевичъ отвѣчаетъ: «ѣду», а самъ рѣшился съ дороги бѣжать, въ надеждѣ на Кикинскія приготовленія, кои видно были обезпечены».

При встрѣчѣ между Ригою и Либавою (Погод., стр. 61) «Кикинъ обнадежилъ его, и указалъ Вѣну».

Теперь мы разсмотримъ еще одно обстоятельство, изъ котораго видно, что царевичъ былъ обманутъ, или Кикинымъ или Веселовскимъ: царевича увѣряли, что зять его, императоръ Карлъ VI, готовъ дать ему убѣжище (Погод. стр. 61)—«царевичъ рѣшился бѣжать, удостовѣренный Кикинымъ, что у цесаря готово ему вѣрное убѣжище». А кто (спрашиваетъ г. Погодинъ) увѣрилъ Кикина въ такомъ покровительствѣ, которое рѣшило его ступить этотъ важный и опасный шагъ, грозившій смертью?

Не могъ же Кикинъ говорить, не застраховавъ его, такъ сказать, вполнѣ? Кто же убѣдилъ Кикина? Веселовскій, первый дѣятельный и ревностный агентъ Петровъ въ этомъ дѣлѣ (резидентъ въ Вѣнѣ). Онъ сказалъ Кикину, что не воротится въ Россію, и тѣмъ снискалъ его довѣренность. Кикинъ, основываясь на его словахъ, увѣрилъ царевича: «поѣзжай въ Вѣну, къ цесарю, тамъ не выдадутъ. Сказывалъ мнѣ Веселовскій, что его спрашиваютъ при дворѣ: за что тебя лишаютъ наслѣдства? Я ему отвѣчалъ: знаешь самъ, что его не любятъ; я чаю для того больше, а не для чего инаго. Веселовскій говорилъ о тебѣ съ вице-канцлеромъ Шёнборномъ, и по докладу его цесарь сказалъ, что приметъ тебя какъ сына, вѣроятно дастъ денегъ тысячи по три въ мѣсяцъ». Какъ встрѣченъ былъ Алексѣй при ночномъ прибытіи въ Вѣну, видно изъ словъ г. Погодина (стр. 62): «изъ описанія Шёнборномъ первой встрѣчи его съ царевичемъ, слѣдуетъ заключить, что она была неожиданною». Г. Погодинъ обвиняетъ въ этомъ одного Веселовскаго (стр. 62): «не обманывалъ ли Веселовскій Кикина, и не извѣстилъ ли тотчасъ Петра, который тогда и вызвалъ сына, чтобы дать ему поводъ выѣхать изъ Россіи». Но самъ г. Погодинъ говорилъ нѣсколько выше, про Веселовскаго, что онъ былъ: «первый, дѣятельный и ревностный агентъ Петровъ въ этомъ дѣлѣ». Но трудно понять, какъ могъ Веселовскій быть, въ одно и то же время, повѣреннымъ Кикина и правою рукою Петра. И притомъ, по словамъ г. Погодина, какую должны были разыгрывать комедію царь и Веселовскій? Петръ хочетъ подстрекнуть своего сына къ побѣгу. Объ этомъ государь уже упредилъ Веселовскаго, по-

тому что сей послѣдній самъ уже извѣщаетъ царя, что онъ обѣщалъ Алексѣю убѣжище въ Вѣнѣ. Когда же Алексѣй скрылся, тогда Петръ вызвалъ къ себѣ Веселовскаго въ Амстердамъ, и зная хорошо, гдѣ скрывается царевичъ, приказываетъ Веселовскому открыть его убѣжище, присовокупляя, что Алексѣй, вѣроятно, скрывается гдѣ нибудь въ Германіи. Но Веселовскій повинуется не для виду только, но освѣдомляется, ищетъ укрывающагося, какъ мы уже выше сказали, *въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, съ такою ревностію, что самъ опасно заболѣваетъ.* Наконецъ начинаетъ подозрѣвать, что Алексѣй въ Вѣнѣ, и тамъ узнаетъ, прибѣгнувъ даже напослѣдокъ *къ подкупу*, что царевичъ дѣйствительно въ Австріи.

Здѣсь мы спросимъ: какъ могъ Веселовскій, резидентъ Петра при иноземномъ дворѣ, интриговать въ пользу царевича противъ царя, отца его? Могла ли Австрія согласиться принять отъ офиціальнаго резидента царскаго предложеніе на умыселъ противъ Петра, имѣя такихъ осторожныхъ, предусмотрительныхъ министровъ, какими намъ извѣстны по исторіи принцъ Евгеній, графы Цинцендорфъ и Шенборнъ? Могли ли они согласиться на умыселъ, который могъ бы вовлечь Карла VI въ войну съ Россіею? Къ тому же мы прибавимъ, что Веселовскій, уже до прибытія своего въ Вѣну, не возбудилъ къ себѣ особеннаго довѣрія. Уже 12-го іюля 1715 года Плейеръ, австрійскій резидентъ въ Петербургѣ, писалъ къ Карлу VI въ Вѣну (Устр. стр. 327, прилож. № 38) «Künftige Wochen (*) wird des Fürsten Menschikoff Secretär Wesseloffsky, dessen Vater ein geborner Jud und ein Spielmann gewesen, und die

(*) На будущей недѣлѣ секретарь князя Меншикова, Веселовскій,

russische Religion angenommen, sein Urlaub bekommen und als czarischer Resident nacher Wien verreisen».

Но между царемъ и Веселовскимъ въ послѣдствіи произошло безъ сомнѣнія что нибудь важное. (Погод. 62) «И этотъ Веселовскій, послѣ казни царевича, скрылся неизвѣстно куда, бѣжалъ со службы. Что за причина такого внезапнаго бѣгства? Петръ употреблялъ всѣ старанія, чтобъ найдти его, и предлагалъ 20 тысячъ ефимковъ тому, кто его отыщетъ. Почему такъ дорожилъ онъ личностію Веселовскаго? Веселовскій не могъ быть уличенъ въ потворствѣ царевичу, не могъ провиниться въ участіи, для него благопріятномъ, не могъ потому, что онъ, какъ видно изъ документовъ нашелъ царевича, и устроилъ самую выдачу, и былъ полезенъ Петру больше всѣхъ. Когда Кикинъ показалъ, что Веселовскій удостовѣрилъ его въ готовности цесаря покровительствовать царевичу, почему Веселовскій не былъ тотчасъ вызванъ для объясненія, какъ вызваны были всѣ, которыхъ имя едва выговаривалось при розыскѣ. Не обладалъ ли Веселовскій такими тайнами, которыя могущими быть, рано или поздно, опасными для себя, и потому разсудилъ заблаговременно спастись въ Англію. Еслибы Веселовскій, умершій ста лѣтъ отъ роду въ Женевѣ, оставилъ какія нибудь записки, онѣ, безъ сомнѣнія, разъяснили бы процессъ царевича окончательно)».

Г. Погодинъ самъ соглашается въ трудности рѣшить эту задачу: «Веселовскій, по документамъ, былъ полезенъ Петру болѣе всѣхъ».

отецъ котораго былъ жидъ и музыкантъ, принявшій грекороссійскую вѣру, отправляется въ Вѣну въ званіи царскаго резидента.

Стало быть обстоятельство, что Петръ его преслѣдуетъ, должно имѣть какую либо позднѣйшую причину. Далѣе мы не можемъ допустить нижеслѣдующаго мнѣнія г. Погодина: «когда Кикинъ показалъ на Веселовскаго». Кикинъ, не смотря на допросы и пытки отъ 11 до 22-го февраля, и 5 марта 1718 года, не говоритъ ничего, могущаго обвинить Веселовскаго, даже ни одного раза не упомянуто имя его (Устр. стр. 171, 470 — 472, 177).

Въ первомъ допросѣ Кикинъ говоритъ: «бывъ въ Вѣнѣ, я никакого способа его высочеству не искалъ и съ министрами тамошними ничего о немъ не говаривалъ».

Потомъ въ Либавѣ Кикинъ просто совѣтовалъ царевичу ѣхать къ цесарю: «тамъ де мѣсто будетъ; также ежели позоветъ случай, и будутъ васъ просить, цесарь николи не отдастъ».

Въ допросѣ отъ 22-го февраля, Кикинъ жалуется на царевича, что онъ оклеветалъ его (Устр. стр. 472): «А что царевичъ изволилъ говорить, будто я его послалъ въ Вѣну, и то истинно напрасно, по немилости своей».

7) *Евфросинія.* Погодинъ говоритъ (стр. 67), что Толстой и Румянцевъ, по прибытіи въ Неаполь, подкупили окружавшихъ Алексѣя, а именно возлюбленную его Евфросинію:—«найдена дорога къ возлюбленной царевича, Евфросиньѣ, которую царевичъ, по словамъ самаго Толстаго, любилъ страстно».

Если они дѣйствительно подкупили ее, то подкупъ этотъ служитъ еще большимъ доказательствомъ ничтожности царевича. Кто бы могъ вынудить Екатерину къ подобному поступку противъ Петра?—Точно также

въ Неаполѣ Алексѣй обманулся въ расположеніи къ нему секретаря (Погод. стр. 67)», вкравшагося къ царевичу въ довѣренность (стр. 68), «долженъ былъ отнять у него надежду на покровительство цесаря и проч».

8) *Екатерина и Меншиковъ.* Мы сообщили уже мнѣніе наше насчетъ этихъ особъ; приведемъ здѣсь противуположныя мнѣнія г. Погодина. На страницѣ 40-й онъ излагаетъ слѣдующее предположеніе: «въ 1703 году надъ головою несчастнаго всходитъ и роковая звѣзда: Петръ узналъ въ домѣ Меншикова Марьенбургскую плѣнницу Екатерину, которую взялъ къ себѣ, и ея отношенія, если даже не положительныя дѣйствія, вмѣстѣ съ кознями Меншикова, рѣшили впослѣдствіи судьбу царевича».

Далѣе, предположеніе касательно Алексѣя и супруги его (стр. 48): «Екатерина и Меншиковъ старались, кажется, причинять имъ много неудовольствій, огорченій и даже оскорбленій».

Между тѣмъ царевичъ, не заставъ жены въ Эльбингѣ, отправляется обратно въ Россію съ Екатериною; совершаетъ съ нею все путешествіе, и прибываетъ въ 1713 году въ Петербургъ.

За симъ г. Погодинъ основываетъ мнѣніе свое на словахъ царевича въ Вѣнѣ (стр. 50): «Они (Екатерина и Меньшиковъ) постоянно вооружали противъ меня отца; оба они исполнены злости, не знаютъ ни Бога, ни совѣсти».

За симъ слѣдуетъ чистое предположеніе (стр. 53): «Они переносили Петру всѣ его слова, толковали всякое движеніе въ кривую сторону, раздражали Петра болѣе и болѣе». Странно, зачѣмъ не окружили они

царевича большимъ числомъ лазутчиковъ, которые бы доносили имъ разговоры и совѣты Кикина и другихъ подобныхъ ему лицъ?

(Погод. стр. 57) «Болѣзнь могла испугать его (Петра) и Екатерину съ Меншиковымъ, и побудить къ скорѣйшему рѣшенію начатаго дѣла». Ежели Екатерина и Меншиковъ въ самомъ дѣлѣ дѣйствовали противъ Алексѣя, то время болѣзни Петра было удобнѣйшее для сего время. Ухаживая, съ изъявленіемъ всей преданности, за больнымъ, какъ легко было имъ склонить Петра къ тому или другому ихъ замыслу? Кромѣ того, у Петра былъ теперь уже сынъ отъ любимой супруги; онъ могъ, слѣдуя примѣрамъ своихъ праотцевъ, назначить наслѣдникомъ своимъ меньшаго сына, и заставить министровъ, которые находились при немъ днемъ и ночью, присягнуть на вѣрность новому наслѣднику; могъ назначить его и духовнымъ завѣщаніемъ. Ничего этого не совершилось. Петръ боленъ въ декабрѣ, а пишетъ къ Алексѣю, во второй разъ только въ январѣ, и (вмѣсто скорѣйшаго рѣшенія) передъ своимъ отъѣздомъ въ Копенгагенъ, добровольно предоставляетъ Алексѣю *шесть мѣсяцевъ на размышленіе, а ждетъ даже и семь.* Все это, кажется намъ, уже значительно доказываетъ всю неумѣстность предположеній г. Погодина.

Авторъ говоритъ (стр. 53): «Екатерина, равно какъ и Меншиковъ, коихъ судьба подверглась бы ежеминутной опасности, въ случаѣ смерти царя и пр.» Наше мнѣніе то, что Екатеринѣ вовсе нечего было опасаться воцаренія Алексѣя. Въ одномъ изъ допросовъ Алексѣй говоритъ, что сообщникъ его, князь Василій Долгорукій, сказалъ: «кабы-де на Государевъ жесто-

кій правъ, *да не царица, намъ бы-де жить нельзя*». Хотя Долгорукій и отпирается отъ этихъ словъ на допросѣ (Устр. стр. 195), но это доказываетъ какое впечатлѣніе производила Екатерина на всѣхъ вообще, и на Алексѣя въ особенности.

Г. Погодинъ много обвиняетъ Меншикова за слѣдующія выраженія (стр. 60): «гдѣ же ты оставишь Евфросинью?» спросилъ царевича (отправляющагося по видимому въ Копенгагенъ) Меншиковъ. «Я возьму ее до Риги, а потомъ отпущу». «Возьми ее лучше съ собою, замѣтилъ Меншиковъ.» Подвохъ это или нѣтъ? Какого исправленія желалъ, къ какимъ трудамъ призывалъ Меншиковъ царевича, совѣтуя брать съ собою любовницу? Долженъ ли онъ былъ побояться Петра за такой совѣтъ? Петръ шутить не любилъ. Значитъ онъ совѣтовалъ, надѣясь на Петра,—былъ увѣренъ, что не подвергнется его гнѣву за свой предательскій совѣтъ».

Мы часто принуждены бываемъ думать, что почтенный авторъ имѣетъ самыя несправедливыя, чтобы не сказать самыя поверхностныя, свѣдѣнія о характерѣ Петра. Алексѣй былъ тогда вдовъ; имѣлъ ли онъ любовницу или нѣтъ, какое было до того дѣло Петру? Уже всѣмъ извѣстно, что царь судилъ о проступкахъ двояко: всякое дѣйствіе противъ блага государства наказываемо было стражайше; во всемъ же, что касалось лишь собственной особы кого либо, оказывалось большое снисхожденіе. Въ особенности на счетъ половыхъ отношеній, Петръ былъ очень снисходителенъ; вѣроятно этому должно приписать и слова царя, обращаемыя къ Алексѣю, когда ему даетъ шесть мѣсяцевъ на размышленіе, прежде чѣмъ постри-

жется въ монашество: «это молодому человѣку не легко; одумайся не спѣша.» Слѣдовательно Меншиковъ долженъ былъ знать, что Петръ будетъ довольнѣе, если Алексѣй возметъ съ собою возлюбленную, чѣмъ если бы онъ затѣялъ что нибудь подобное въ Даніи. Царевичъ былъ призванъ въ Копенгагенъ, чтобъ усовершенствоваться въ военномъ дѣлѣ; Алексѣй могъ внимательно слѣдить за всѣмъ, и учиться; а между тѣмъ свободное отъ занятій время посвящать любви. Самъ Петръ не представляетъ ли примѣръ возможности такого соединенія? Мы находимъ, впрочемъ, что объ этомъ обстоятельствѣ можно было и не упоминать.

Здѣсь мы можемъ привести одно мѣсто изъ Устрялова (стр. 315 приложеніе 22), гдѣ Меншиковъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ вооружаетъ отца противъ сына, упускаетъ вѣрный случай еще болѣе раздражить Алексѣя противъ Петра. Зная, что Алексѣй и Кронпринцесса нуждаются въ деньгахъ, Меншиковъ отпускаетъ имъ изъ полковой казны, *на свою отвѣтственность, 5,000 рублей*, 22 апрѣля 1712 года, въ Торунѣ. По умозаключенію г. Погодина, Меншиковъ узнавъ о томъ, что у нихъ нѣтъ денегъ, долженъ былъ оставить ихъ въ этомъ непріятномъ положеніи, и еще возбуждать противъ отца. Далѣе мы будемъ говорить нѣсколько подробнѣе объ этомъ предметѣ. Здѣсь замѣтимъ еще слѣдующее на счетъ обвиненій противъ Екатерины и Меншикова:

Во всемъ, что мы вычитали касательно допросовъ, мы не нашли нигдѣ, чтобы Алексѣй, или его приверженцы, обвиняли Екатерину или Меншикова. Какъ согласить это съ мнѣніемъ, что они старались погубить Алексѣя? Можетъ быть намъ отвѣтятъ, что никто не

осмѣлился жаловаться Петру на царицу, но у Меншикова было столько враговъ, что между обвиненными могъ найтись кто нибудь, кто бы донесъ на него. Извѣстно, что Алексѣй любилъ свою несчастную мать, и не менѣе того, при допросѣ Петра, обвинилъ ее. Неужели умолчалъ бы онъ о Меншиковѣ, если бы сей послѣдній дѣйствовалъ, вопреки приказаніямъ Петра, на погибель его.

9) *Кронпринцесса.* Если обстоятельства были не таковы, какими они могли быть, то г. Погодинъ обвиняетъ въ семъ единственно окружающихъ Алексѣя, нисколько не осуждая самого царевича. Отношенія Алексѣя и кронпринцессы не совсѣмъ хороши, слѣдственно,—послѣдняя тому виною. Воображеніе автора создаетъ себѣ и въ физическомъ и въ моральномъ отношеніи образъ кронпринцессы (стр. 47): «я воображаю себѣ кронпринцессу высокую, сухощавую нѣмку (*), степенную, набожную, аккуратную, въ родѣ мадоннъ Гольбейновыхъ, которой противны были полудикія выходки молодаго Скиѳа, и она старалась навести его на путь истинный, чѣмъ ему и досаждала. Въ обществѣ, молодые супруги не пользовались большимъ почетомъ. Екатерина и Меншиковъ старались, кажется, причинять имъ много неудовольствій, огорченій и даже оскорбленій. Оказалась, видно, уже вообще перемѣна въ расположеніи къ царевичу. По край-

(*) Совершенно противоположно г. Погодину изображаетъ Шарлоту г. Семевскій (Ваза, дамскій литературно-художественный журналъ, № 8, стр. 60 и № 9 стр. 69). Онъ ссылается, касательно ея наружности, на портретъ, писанный Людденомъ и гравированный Вортманомъ. Нравственныя достоинства, приписываемыя Шарлотѣ г. Семевскимъ, совершенно соотвѣтствуютъ мнѣнію, которое мы составили о сей достойной принцессѣ.

ней мѣрѣ царевичъ такъ описывалъ свое положеніе при (цесарскомъ) дворѣ: «отецъ мой и царица такъ обходились съ моею женою, заставляя ее служить какъ дѣвку, къ чему она, по своему воспитанію, не привыкла; слѣдовательно очень огорчалась, къ тому же, я и жена моя терпимъ всякій недостатокъ.»

Но что говоритъ умирающая кронпринцесса про Петра и про Екатерину? (Устр. стр. 42): «Знаю, что Государь очень милостивъ»; тамъ же, далѣе: «мнѣ только то горько, что Государь недомогаетъ; иначе, я не сомнѣваюсь, онъ навѣстилъ бы меня; я бы имѣла счастіе цѣловать его руки; сама простилась бы, и *за всѣ отеческія милости принесла бы мою благодарность*». И такъ она хочетъ благодарить того самаго царя, про котораго Алексѣй въ Вѣнѣ говорилъ (что г. Погодинъ принялъ за истину): «отецъ мой заставлялъ служить какъ дѣвку, къ чему она, по воспитанію своему, не привыкла.»

(Устр. стр. 43) «Донесите моимъ роднымъ, именемъ моимъ, что я всегда была довольна и *хвалюсь любовію ихъ величествъ*; (на той же страницѣ) «донесите также, что Государь, увѣдомясь о моей опасной болѣзни, и не могши самъ быть ко мнѣ за собственнымъ недугомъ, изволилъ прислать князя Меншикова, и всѣхъ своихъ лейбмедикусовъ съ милостивымъ комплиментомъ и съ просьбою употребить все стараніе для сохраненія моей жизни. Шесть докторовъ были и все возможное дѣлали; хотя усилія ихъ остались безплодны, однакожъ *я вижу въ томъ отеческую любовь и попеченіе государя до послѣдней минуты моей жизни*. Такая заботливость его величества много утѣшаетъ меня». Г. Погодинъ приводитъ слѣдующее (стр. 47): Съ женою царевичъ не жилъ дружно, и подъ пьяную руку выра-

жалъ, говорятъ, свое негодованіе: «вотъ Гаврило Ивановичъ съ дѣтьми своими навязали мнѣ на шею жену чертовку: какъ ни приду къ ней, все сердитуетъ и говорить не хочетъ». Жалоба эта очень важна въ бракѣ, не правда ли? «жена все сердитуетъ и говорить не хочетъ». Если бы мы не имѣли другихъ источниковъ, кромѣ указанныхъ здѣсь г. Погодинымъ, то кронпринцесса была бы осуждена! Кротость и доброта должны преобладать въ женскомъ характерѣ; а жена царевича сердитуетъ и говорить не хочетъ. Читатели! въ Устряловѣ вы найдете богатые источники; изслѣдуйте ихъ и, если они подтвердятъ мнѣніе г. Погодина, то оправдайте Алексѣя и обвините кронпринцессу. Мы находимъ въ Устряловѣ (стр. 497 прилож. № 167) мѣсто, изъ котораго г. Погодинъ почерпнулъ свое мнѣніе: «собственноручно показалъ 1-го Мая 1718 года Иванъ Большой Аѳанасьевъ;» но онъ не приводитъ сказанное вполнѣ. Какое обвиненіе, уже изъ первыхъ словъ этого показанія, для Алексѣя, и сколько оправданія для Кронпринцессы. Вотъ эти слова: «царевичъ былъ въ гостяхъ, а гдѣ—сказать не упомню, пріѣхалъ домой *хмѣленъ, ходилъ къ кронпринцессѣ, а оттуда къ себѣ пришелъ,* взялъ меня въ спальню, сталъ съ сердцемъ говорить: «вотъ-де Гаврило Ивановичъ съ дѣтьми своими жену мнѣ чертовку навязали и пр». Она-ли была виновна въ подобномъ случаѣ или самъ царевичъ, объ этомъ судить не трудно.

При первомъ разрѣшеніи кронпринцессы встрѣчаемъ одну странную мѣру со стороны Петра, которую г. Погодинъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Предъ разрѣшеніемъ отъ бремени царь приставилъ

къ невѣсткѣ довѣренныхъ женщинъ, госпожу Брюсъ и князь-игуменью Ржевскую, и пишетъ ей съ корабля изъ подъ Ревеля: «Я не хотѣлъ бы васъ трудить, но отлученіе ради супруга вашего, моего сына, принуждаетъ меня къ тому, дабы предварить лаятельство необузданныхъ языковъ, которые обыкли истину превращать въ ложь... дабы о томъ нѣкоторой аншталтъ учинить, о чемъ вамъ донесетъ г. канцлеръ, графъ Головкинъ, по которому извольте неотмѣнно учинить. дабы тѣмъ всѣмъ, ложь любящимъ, уста заграждены были.» Г. Погодинъ спрашиваетъ: (стр. 49) «что это значитъ? Какой аншталтъ учинить предполагалъ Петръ? Не боялся ли онъ подлога въ случаѣ неблагополучнаго разрѣшенія? Если же Петръ боялся подлога, то значитъ, рожденіе дѣтей у сына занимало его сильно.» Если кромѣ Погодина прочитаемъ и Устрялова, то это обстоятельство объяснится и удивляться будетъ уже нечему. Слѣдующія за словомъ ложь, у Погодина, четыре точки, означаютъ пропущенное имъ мѣсто изъ письма Петрова. Какія это слова? Петръ пишетъ: (Устр. стр. 319 прилож. 28) «И понеже уже вездѣ прошелъ слухъ *о чреватствѣ вашемъ вящше года*, того ради, когда благоволитъ Богъ вамъ, приспѣть къ рожденію, дабы о томъ заранѣе нѣкоторый аншталтъ учинить и пр.»

Какъ ясно показано здѣсь, что̀ безпокоило Петра. Ходили слухи, распущенные злонамѣренными людьми, что кронпринцесса уже болѣе года беременна. Вотъ почему царь потребовалъ такого аншталта, чтобы два вѣрные свидѣтеля находились при кронпринцессѣ прежде и послѣ родовъ ея. По поводу этого обстоятельства мы охотно предполагаемъ, что г. Погодинъ

гдѣ нибудь вычиталъ это письмо Петра, но только искаженное и, вѣря въ подлинность его, такъ и представилъ его читателямъ, т. е. въ искаженномъ видѣ, прежде нежели появилась VI книга Устрялова, который въ первый разъ приводитъ письмо уже полное.

Кромѣ того мы иногда не совсѣмъ понимаемъ г. Погодина; напримѣръ на страницѣ 49 онъ говоритъ: «кронпринцесса родила благополучно дочь Наталью, іюля 12;» и вслѣдъ за симъ приводитъ документъ, который совершенно опровергаетъ его прежнія слова на счетъ того, что Петръ не желалъ наслѣдника отъ кронпринцессы. Вотъ отвѣтъ жены царевича на письмо Петра послѣ ея родовъ: «она отвѣчала на ласковое поздравленіе Петра, изъявила въ шутливомъ тонѣ надежду *исполнить, со временемъ, его желаніе родить сына.*» Когда г. Погодинъ привелъ эти слова кронпринцессы, мы ждали, что онъ скажетъ: посмотрите, сколько лицемѣрія въ Петрѣ. Возбуждаемый Екатериною и Меншиковымъ, онъ рѣшился лишить престола Алексѣя, а между тѣмъ говоритъ, что желаетъ внука. Такой отвѣтъ кронпринцессы доказываетъ, что она была добра и забыла объ оскорбительномъ для нее и непріятномъ надзорѣ за нею во время ея родовъ. Тутъ мы приведемъ слова г. Погодина на счетъ слѣдующаго обстоятельства: умирая, кронпринцесса поручаетъ своему каммергеру Левенвольду: (стр. 57) «донесите моимъ роднымъ, что не только все исполнено, что въ брачномъ контрактѣ обѣщано»,—за этимъ г. Погодинъ замѣчаетъ въ скобкахъ *«экономическая черта»* и проч.; въ опроверженіи чего мы представимъ доказательства, что она весьма часто нуждалась въ деньгахъ: 1) самъ г. Погодинъ (стр. 50) приводитъ

слова изъ донесенія Плейера вѣнскому двору отъ $\frac{25\ \text{Октября}}{4\ \text{Ноября}}$ 1715 года: «деньги, назначенныя на ея содержаніе, выдавались очень скупо и съ затрудненіемъ; 2) выше приведенное нами письмо Меншикова къ царю отъ 24-го апрѣля 1712 года (Устряловъ стр. 315) «Опредѣленныхъ деньгахъ зѣло просить: понеже великую имѣетъ нужду на содержаніе двора своего. Я, видя совершенную у нихъ нужду, понеже ея высочество едва не со слезами о деньгахъ просила, выдалъ ея высочеству изъ вычетныхъ Ингерманландскаго полка мундирныхъ денегъ въ заемъ 5,000 рублей.» Все это доказываетъ, какъ мы выше говорили, что кронпринцесса часто нуждалась въ деньгахъ и потому слова ея «*все исполнено*» не могутъ относиться *къ экономической чертѣ*; поэтому позволимъ себѣ замѣтить, что г. Погодину, какъ историку, не достаетъ или психологической тонкости, или же малѣйшей любви къ правосудію тамъ, гдѣ хорошія качества приписываются не избранному имъ лицу. Объяснимся. Чтобы судить о нравственномъ достоинствѣ кронпринцессы, достаточно уже ея кротости и миролюбія, кромѣ другихъ ея хорошихъ качествъ, чтобы поставить ее въ число самыхъ кроткихъ, прекрасныхъ женскихъ характеровъ.

Теперь мы дошли (10) до окончательнаго изложенія всѣхъ несправедливостей г. Погодина противъ уполномоченныхъ Петровыхъ, противъ самаго Петра, котораго онъ представляетъ особою низкою и слабою.

Касательно Веселовскаго, Толстаго и Румянцева, т. е. особъ, которымъ Петръ поручилъ отыскивать царевича, мы спросимъ у г. Погодина: что же должны были они дѣлать по мнѣнію его? Развѣ отвѣчать

его царскому величеству: «воля ваша, но мы не хотимъ дѣйствовать противъ несчастнаго Алексѣя» или, принявъ его повелѣніе, приводить его въ исполненіе медленно, нелѣпо, превратно? Они должны были исполнять добросовѣстно возложенную на нихъ обязанность, и такъ какъ мы не соглашаемся съ г. авторомъ въ томъ, чтобы Петръ былъ слабаго характера, то конечно, для развѣдыванія объ Алексѣѣ, назначаемы имъ были люди ловкіе и способные. И потому не одобряемъ мы и выраженій, какъ напримѣръ слѣдующія: (стр. 62) «Веселовскій подкупилъ имперскихъ чиновниковъ.» Этотъ образъ дѣйствій давно составляетъ принадлежность дипломатовъ.

(стр. 64) «Проворнымъ, неутомимымъ, догадливымъ слугамъ Петровымъ удалось, не смотря на всѣ старанія Австрійцевъ, открыть тайное убѣжище царевича.» И очень естественно; такой человѣкъ, какимъ былъ Петръ, не можетъ выбирать людей негодныхъ къ дѣлу.

(стр. 67) «Чтобъ дать понятіе о характерѣ слугъ Петровыхъ, довольно указать только на слѣдующія слова въ инструкціи Вѣнскаго министерства Неаполитанскому вицерою:

«Свиданіе должно быть такъ устроено, чтобъ никто изъ Московитянъ (отчаянные люди и на все способные) не напалъ на царевича, и не возложилъ на него руки, хотя я того и не ожидаю.»

«Каково впечатлѣніе произвели, видно, они въ чужомъ городѣ, явясь просителями.» Что касается до сихъ послѣднихъ словъ г. Погодина, то мы просимъ заглянуть только въ предъидущую страницу (66), гдѣ онъ вмѣсто слова *просители*, употребляетъ слово *по-*

сланники; и говоритъ, что и австрійское правительство ихъ такъ называло, что они «приступили къ цесарю» (что прежде не удалось, какъ мы знаемъ, и самому Алексѣю) «напали на министровъ, уговаривали, кланялись, грозили.» Этихъ самыхъ лицъ называетъ онъ потомъ *просителями*.

(Стр. 67) «Какъ упало сердце несчастнаго, когда онъ увидѣлъ страшныя лица (*) трабантовъ Петровыхъ.» Страшны были Алексѣю порученія, данныя этимъ посланнымъ, а не лица ихъ. Но слово «трабантъ» находимъ мы неумѣстнымъ; Толстой, по крайней мѣрѣ, въ жизни своей не подалъ повода къ такому названію. Карлъ VI пишетъ о немъ съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ вицерою Дауну:

(Устр. стр. 396 прилож. 96) «Когда пріѣдетъ Толстой, примите его *учтиво, какъ царскаго тайнаго министра*.»

(Стр. 71) «Ревностные, неутомимые исполнители царской воли, Толстой и Румянцевъ, приняли всѣ мѣры предосторожности, чтобъ путешествіе совершилось безпрепятственно и чтобъ жертва не избѣгла приго-

---

(*) Противъ жестокосердія, которое г. Погодинъ приписываетъ этимъ посланникамъ Петра, мы приведемъ собственныя слова Румянцева. Въ Отечественныхъ запискахъ 1844 г. находимъ мы письмо сего послѣдняго, отъ 1718 года, изъ Москвы, къ одному изъ своихъ друзей, гдѣ онъ описываетъ пріѣздъ свой и царевича. Сообщивъ объ отреченіи 3 Февраля 1718 г., онъ продолжаетъ: «Мы же (онъ и Толстой) по царскому его величества приказу, взявъ царевича, повезли его въ домъ, гдѣ онъ подъ крѣпкимъ карауломъ содержанъ, а послѣ же и отъ насъ, по царскому же указу, отобранъ.» «И было мнѣ весьма радостно, что *отъ сего горькаго дѣла освободили, ибо жалко было глядѣть на повиннаго царевича, и сердце отъ тоски разрывалося, памятуя его грусть и многія слезы.*»

товленной участи.» Они и не могли иначе поступить съ Алексѣемъ. Если бы онъ и клялся въ томъ, что не намѣренъ бѣжать отъ нихъ, то довѣрять ему было невозможно; онъ уже разъ приносилъ клятву (объ отреченіи отъ престола), но не считалъ себя связаннымъ этою клятвою.

За симъ слѣдуетъ описаніе одного поступка, который можетъ служить въ похвалу Толстому и Румянцеву. Погодинъ выражается объ этомъ иначе (стр. 71): «для Евфросиніи былъ устроенъ особый поѣздъ, подъ предлогомъ ея беременности и невозможности ѣхать спѣшно.» Но не было ли это человѣколюбиво съ ихъ стороны? И если бы они поступили иначе съ беременною Евфросиніею, тогда всякій имѣлъ бы полное право укорить ихъ въ жестокости. Но это ихъ дѣйствіе кажется намъ одобрительнымъ тѣмъ болѣе, что имѣя въ одномъ и томъ же поѣздѣ Алексѣя и Евфросинію, посланные могли надѣяться, что царевичъ не предприметъ побѣга по страстной любви его къ сопутницѣ своей.

(Стр. 71) «Въ Брюннѣ Толстой не допустилъ до объясненій съ царевичемъ губернатора» (графа Коллоредо). Здѣсь намъ показана одна сторона обстоятельства, другую находимъ въ Устряловѣ (стр. 489 прилож. № 162), въ отвѣтѣ Петра Карлу VI на жалобы сего послѣдняго, на счетъ поведенія Толстаго въ Брюннѣ. Царь пишетъ:

«Толстой показалъ, что не онъ, а сынъ нашъ виновенъ, въ неотданіи вамъ почтенія. Толстой всячески склонялъ видѣться съ вами, но сынъ мой, отговариваясь необыкностію въ такихъ обхожденіяхъ и неимѣніемъ при себѣ пристойнаго экипажа, *а вѣроятнѣе*

всего стыдился съ зазрѣнія, что оклеветалъ насъ передъ вами. Сынъ нашъ подтвердилъ, *что самъ не хотѣлъ видѣться съ вами,* будто ради какихъ то важныхъ резоновъ.»

Если цѣль наша не быть односторонними, то мы обязаны, при объясненіи нашего мнѣнія, привести и противоположное мнѣніе другихъ, чтобы дать читателю возможность свободно рѣшить, которое изъ двухъ мнѣній справедливо. Мы, напримѣръ, совершенно вѣримъ справедливости словъ Петра. Алексѣй въ присутствіи Толстаго, не рѣшился бы говорить графу Шенборну или самому Императору что либо подобное тому, что онъ сказалъ $^{10}/_{21}$ ноября 1716 года. Теперь читатель самъ можетъ рѣшить, которое изъ этихъ двухъ обстоятельствъ онъ принимаетъ за вѣроятнѣйшее: слова г. Погодина, обвиняющія Толстаго, или слова Петра, оправдывающія его?

Вотъ еще несправедливость г. Погодина въ отношеніи къ Петру. Про время отсутствія Гюйссена говоритъ онъ: (стр. 42) »царевичъ оставался на своей волѣ въ Преображенскомъ года съ два, 15 и 16 годъ.» Если Гюйссенъ и не былъ при царевичѣ, то оставались при немъ его прежніе наставники: Вяземскій и Нарышкинъ. Меншиковъ сохранилъ свою должность обергофмейстера, хотя и былъ часто въ отсутствіи. Его наставники были слабы и малоспособны; но все таки нельзя сказать, что «царевичъ былъ оставленъ на своей волѣ», и мы бы ничего не могли возражать на такія слова: Вяземскій и Нарышкинъ предоставили царевича его собственной волѣ.

(Стр. 46) «Петръ, когда произошло въ 1711 году бракосочетаніе, не имѣлъ къ сыну никакихъ непріяз-

ненныхъ отношеній и видѣлъ въ немъ своего наслѣдника; иначе не сталъ бы вводить его въ родство съ знаменитою Европейскою принцессою». Что Петръ смотрѣлъ на Алексѣя, какъ на своего наслѣдника, съ этимъ мы согласны. Но какъ обманулся Петръ въ своихъ надеждахъ, разсчитывая на бракъ Алексѣя, это видно изъ манифеста отъ 3-го февраля 1718 года (Устр. стр. 145).

Здѣсь Петръ жалуется, что Алексѣй не повиновался ни отцу, ни учителямъ: «и хотя мы, желая его отъ такихъ непотребствъ отправить и къ обхожденію съ честными и знатными людьми склонить, увѣщеваніи своими возбудили, чтобъ онъ избралъ себѣ изъ знатныхъ чужестранныхъ государей свойственницу и проч.»

Въ этихъ словахъ видно, какъ Петръ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ.—Г. Погодинъ спрашиваетъ: (стр. 53) «да и на что письмо? Развѣ нельзя было передать все, еще сильнѣе, на словахъ»? При особенной раздражительности Петра въ этотъ періодъ времени, къ счастію все это происходило на письмѣ. Важно это и для потомства, которое для историческихъ изслѣдованій пріобрѣло въ письменныхъ актахъ несомненные доводы по всѣмъ этимъ событіямъ. Мы почти увѣрены, что если бы вмѣсто письменнаго сношенія происходило словесное, въ такомъ случаѣ г. Погодинъ нашелъ бы еще что сказать объ этомъ обстоятельствѣ, подобно тому, какъ онъ говоритъ о разговорѣ 3-го февраля 1718 года между Петромъ и Алексѣемъ (предъ прочтеніемъ манифеста объ отреченіи царевича отъ престола): (Устр. стр. 144) «царь вышелъ съ нимъ въ близъ-лежащую камору, и тамъ царевичъ от-

крылъ главныхъ сообщниковъ своихъ»; къ этимъ словамъ г. Погодинъ присовокупляетъ слѣдующее свое предположеніе (стр. 77), «что происходило въ этой каморѣ? Пусть вообразитъ, кто можетъ, какъ сверкнули черные глаза у Петра; пусть вообразитъ, кто можетъ, какой звукъ послышался въ его голосѣ и какъ затряслась поднятая рука».

(Стр. 55) Теперь о брани и битвѣ. Въ письмѣ отъ 12-го октября 1715 Петръ говоритъ: «ибо сколь много за сіе тебя бранивалъ, и не только бранилъ, но и бивалъ». Г. Погодинъ сообщаетъ свое мнѣніе только на счетъ битья; мы соглашаемся съ нимъ, что это была возмутительная привычка. О брани онъ ничего не говоритъ и не примѣчаетъ вещи, по нашему мнѣнію, очень важной. Петръ былъ человѣкъ, находившійся подъ вліяніемъ минуты, и г. Погодинъ очень справедливо замѣчаетъ, что побои со стороны Петра ничего не значили. Это было для Петра какъ бы электрическое облегченіе, послѣ котораго моральная сила тотчасъ брала верхъ,—все было предаваемо забвенію; царь сокрушался о своей вспыльчивости, стараясь обласкать обиженнаго. Но бранныхъ словъ въ письменныхъ документахъ, оставленныхъ Петромъ, мы почти не встрчали. Встрѣчаемъ угрозы, суровость, но ругательствъ никогда, нигдѣ. Изъ многихъ его писемъ и наказовъ, прочитанныхъ нами (*), мы нашли одно съ извиненіями къ Ромодановскому:—въ этомъ письмѣ, отъ

(*) Чтобы точнѣе изобразить характеръ Петра, мы занимаемся отдѣльно еще разсматриваніемъ бумагъ и писемъ, оставленныхъ царемъ. И теперешній нашъ взглядъ по этому предмету, какъ мы надѣемся, оправдается послѣдующимъ нашимъ трудомъ.

19 мая 1698 года, онъ извиняется самымъ учтивымъ образомъ, что былъ суровъ и употребилъ можетъ быть неприличныя выраженія.

Въ своихъ выраженіяхъ онъ всегда наблюдалъ приличіе, въ чемъ, сколько намъ извѣстно, ни одинъ Государь не превзошелъ его. Разъ только нашли мы, что царь выразился съ неумѣстною суровостію въ указѣ отъ 5-го декабря 1700 года, на имя заслуженнаго фельдмаршала графа Шереметьева:

«Понеже не лѣть есть при несчастіи всего лишатися, того ради вамъ повелѣваемъ, при взятомъ и начатомъ дѣлѣ быть: то есть, надъ конницею Новогородскою и Черкаскою, съ которыми какъ Мы и прежде наказывали: (но въ ту пору мало было людей) ближнихъ мѣстъ беречь, (для послѣдующаго времени) а итить въ даль для лучшаго вреда непріятелю, да и отговариваться нѣчемъ, понеже людей довольно, также рѣки и болоты замерзли, непріятелю невозможно захватить: о чемъ паки пишу, не чини отговорки ничемъ, *а буде болѣзнію, и та получена межъ беглецами,* которыхъ товарищъ маіоръ Л..... на смерть осужденъ. Прочее же въ волю Всемогущему предаю.»

Здѣсь мы приведемъ примѣръ спокойствія духа царя, въ такомъ случаѣ, когда онъ, какъ Государь, имѣлъ важныя причины выразить свой гнѣвъ. Вотъ какъ онъ пишетъ къ тому же графу Шереметьеву 22-го декабря 1716 года изъ Амстердама:

«Господинъ генералъ-фельдмаршалъ.»

«Получили Мы Ваше письмо отъ 16 го декабря, и о репартиціи и о роставкѣ людей по квартирамъ писано къ тебѣ на прежней почтѣ, на которое ссылаемся; а изъ сего вашего письма уразумѣли Мы со удив-

леніемъ, о чемъ уже и изъ постороннихъ давно извѣстны, что вы, незнаемо для чего, послали съ пятьсотъ человѣкъ Нашихъ людей въ Травеминдъ, будто для пріему галеръ и мундира, которыхъ еще и не бывало тамо, и не знаемо для чего быть оному въ Травеминдъ, а не въ Ростокъ; ибо перевозить сухимъ путемъ оныя вещи въ Ростокъ зѣло трудно, ктомужъ здѣлали вы тою незапною посылкою тѣхъ людей при всѣхъ дворахъ великую тревогу, и привели въ подозрѣніе, будто то учинено по Нашему указу для завладенія того гавена, и тѣмъ учинили повреждеціе нашему интересу, чего было чинить вамъ отнюдь не надлежало, и успѣлибъ вы и тогда послать нѣсколько людей, когда бъ получили о приходѣ тѣхъ вещей туда извѣстіе, и то было описаться напередъ къ Магистрату, и просить позволенія, а квартиры Нашихъ войскъ отъ мѣста въ милѣ или меньше, то недалекой переходъ, и въ такихъ дѣлахъ надлежитъ чинить осмотрясь, чтобъ не было изъ того поврежденія интересамъ».

(Стр. 65) «Къ тому же сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобою.» При этомъ г. Погодинъ возражаетъ: «Чтожъ это за методъ наставленія? Гдѣ тутъ видно желаніе успѣха, желаніе поправить дѣло?». Тутъ мы опять должны укорить почтеннаго автора въ недостаткѣ необходимой психологической тонкости. Петръ билъ и бранилъ сына. Если бы Петръ употреблялъ единственно эти два способа при воспитаніи царевича, тогда справедливо можно было бы укорить его. Но онъ уже нѣсколько лѣтъ употребляетъ болѣе чувствительный, нравственный способъ: онъ перестаетъ говорить съ царевичемъ. По нашему мнѣ-

нію этотъ способъ наказанія гораздо чувствительнѣе, и самъ Петръ тоже ставилъ свое молчаніе выше битья и брани; по этому роду наказаній мы находимъ Петра гораздо менѣе жестокимъ, чѣмъ обыкновенно стараются представить его. Изъ наставленій Петра сыну видимъ, какъ *постепенно* приказывалъ онъ усиливать наказанія, и какъ *щадилъ самолюбіе*; объ этомъ планѣ воспитанія мы говорили уже выше (Наказъ Гюйссену).

Теперь послушаемъ, что еще говоритъ г. Погодинъ о слабости характера Петра, прибавляя свое «*разумѣется*», чтобы и другіе раздѣляли его мнѣніе.

(Стр. 53) «Сначала, разумѣется, въ головѣ у Петра все было смутно».

(Стр. 59) «Видно, что въ головѣ у Петра происходило смущеніе; онъ не зналъ, какъ ему кончить задуманное дѣло; мысли смѣнялись и перепутывались».

Петръ, во второмъ своемъ письмѣ къ Алексѣю, говоритъ: «а буде того не учинишь, то я съ тобою какъ съ злодѣемъ поступлю»; къ этому г. Погодинъ прибавляетъ (стр. 58) «слово *вырвалось* нечаянно».

Далѣе, на страницѣ 60-й, онъ говоритъ слѣдующее: «ясно, что Петръ говорилъ, *чтобъ сказать что-нибудь*».

(Стр. 53) «Петръ рѣшился, и ужъ, разумѣется, ничто не могло мѣшать ему при его желѣзной волѣ, предъ которой пало столько препятствій. Погибель несчастнаго была опредѣлена. Въ средствахъ нечего было ожидать строгой разборчивости». Нѣсколько выше, г. Погодинъ объясняетъ, какъ Петръ незамѣтно пришелъ къ этому рѣшенію (стр. 53): «Екатерина и Меншиковъ переносили Петру всѣ его (Алексѣя) слова, толковали всякое движеніе въ кривую сторону, раздражали Петра болѣе и болѣе. И вотъ лукавая совѣсть

человѣческая, вмѣстѣ съ сильнымъ умомъ, начали подбирать достаточныя причины, убѣждать въ необходимости дѣйствія, оправдывать всякія мѣры; она пугала прошедшимъ, искажала настоящее, украшала будущее и Петръ рѣшился». Когда мы слышимъ, что Петръ дѣйствуетъ не самобытно, но что имъ руководствуютъ другіе, невольно вспоминаемъ о Геркулесѣ за прялкой. Изъ слѣдующаго стиха видно, что Пушкинъ тоже совершенно другаго мнѣнія, нежели г. Погодинъ, на счетъ рѣшимости Петра, когда говоритъ: «Онъ весь какъ Божія гроза». Еще замѣтимъ: нашлись бы документы, которые и доказали бы это въ случаѣ, еслибы дѣйствительно Екатерина и Меншиковъ поступали такъ въ отношеніи къ Алексѣю, какъ говоритъ о томъ г. Погодинъ. Мы этихъ документовъ не нашли.

Чтобы отдѣлаться въ глазахъ другихъ людей отъ своего противника, нѣтъ ничего легче, какъ сказать о немъ съ насмѣшкою (какъ Донъ-Жуанъ о своей законной, покинутой женѣ Эльвирѣ), у него въ головѣ смутно, онъ говоритъ, чтобы *сказать что-нибудь*. Но г. Погодинъ выражается такъ объ историческомъ лицѣ, въ желѣзномъ черепѣ котораго мозгъ работалъ неутомимо; онъ говоритъ такъ о головѣ того, который подобенъ ледяной горѣ, вершины коей озаряются еще доселѣ розовымъ свѣтомъ солнечныхъ лучей, въ то самое время какъ вершины обыкновенныхъ горъ давно уже покрыты мракомъ забвенія для исторіи (*).

(*) Надѣемся, что не подвергнемъ себя упреку тѣмъ, что укоряя г. Погодина въ его поэтическихъ выраженіяхъ, сами употребляемъ поэтическія украшенія. Намъ кажется, что поэтическая драпировка, *не*

Мы опираемъ наше мнѣніе на сужденіяхъ знаменитыхъ современниковъ Петра, которые были очевидцами великихъ дѣяній его и могли судить о немъ справедливѣе насъ. Лейбницъ говоритъ (*): «Mirabar tanto in principe non tantum humanitatem, sed et notitiam rerum, et judicium acre.»

Duc de St. Simon. «Pierre I (**), czar de Moscovie, s'est fait avec justice un si grand nom chez lui, et par toute l'Europe et l'Asie, que je n'entreprendrai pas de faire connaître un prince si grand, si illustre, comparable aux plus grands hommes de l'antiquité, qui a fait l'admiration de son siècle, qui sera celle des siècles suivants». «On ne finirait point sur ce czar si intimement et si véritablement grand, dont la singularité, et la rare variété de tant de grands talents et de gran-

---

вредящая истинѣ, можетъ быть допущена, тогда какъ поэтическая же, но фантастически-пустая, невѣрно изображающая предметъ картина, достойна порицанія.

(*) Я удивляюсь въ такомъ могущественномъ государѣ не только его благонравію, но и знанію вещей и быстрой сообразительности ума.

(**) Герцогъ Сен-Симонъ: «Петръ I, царь Московскій, по справедливости пріобрѣлъ столь великое имя, не только у себя, но и въ цѣлой Европѣ и Азіи, и потому я не рѣшаюсь описывать государя столь великаго, столь знаменитаго, котораго можно сравнить съ величайшими людьми древнихъ временъ, которому изумлялся его вѣкъ, и будутъ изумляться столько же и вѣка грядущіе.

Мы ни когдане кончили бы описаніе сего государя, столь неоспоримо, столь истинно великаго. Его странности, его разнообразныя великія дарованія будутъ возбуждать безграничное удивленіе въ самомъ отдаленномъ потомствѣ, не смотря на его значительные недостатки, происходившіе отъ грубой невѣжественности земли, въ которой онъ родился, и отъ полученнаго имъ образованія. Вотъ мнѣніе, которое онъ оставилъ о себѣ во Франціи, которая смотритъ на него какъ на необычайное явленіе, вполнѣ ее поразивш ».

deurs diverses, feront toujours un monarque digne de la plus grande admiration, jusque dans la postérité la plus reculée, malgré les grands défauts de la barbarie de son origine, de son pays et de son éducation. C'est la réputation qu'il laissa unanimement établie en France, qui le regarde comme un prodige, dont elle demeura charmée».

По смерти Петра докторъ Шендо-Фандербекъ, врачъ, находившійся въ русской службѣ, сообщаетъ слѣдующее въ физико-медицинскихъ сочиненіяхъ Цесарскаго общества естествоиспытателей (*):

«Natura magnus, fortuna major, virtute maximus, natus ad omnia quae recte (**) et fortiter facienda sunt: nil arma, quamvis optime instructa valere sensit, nisi consilium et rerum gerendarum prudentia mutuo sibi foedere responderent».

Г. Погодинъ укоряетъ Петра въ низости; вотъ что онъ говоритъ: (стр. 55) «нѣтъ, Петръ увлеченный своимъ планомъ въ послѣднее время не хотѣлъ, съ горестью признаться должно, чтобъ Алексѣй дѣйствительно занимался дѣломъ и снискивалъ добрую славу, потому-то и оставилъ его на волѣ.»

(стр. 57) «Если Петръ притворялся больнымъ, то значитъ хотѣлъ имѣть для рѣшенія предлогъ».

(стр. 56) «Обвиненіе (противъ Алексѣя въ первомъ письмѣ) натянутое, подъяческое, коварное».

(стр. 58) «Иду въ монахи, отвѣчалъ царевичъ, и

(*) Природа создала его великимъ, судьба возвысила его величіе, а мужество вознесло на самую высшую степень этого величія; рожденный для всего къ чему необходимы честность и мужество, онъ постигалъ, что войско самое образованное не принесетъ никакой пользы въ военномъ дѣлѣ, если благоразуміе не будетъ соединено съ осторожностію.

(**) Recte значитъ честно, такъ какъ и въ словахъ Горація: «Rem facias, rem; si *recte* bene, si non quo ullo modo rem».

въ ту же минуту, какъ онъ произнесъ эти слова, требованныя царемъ, царь нашелъ монашество недостаточнымъ, точно какъ прежде находилъ недостаточнымъ отреченіе». На счетъ согласія Петра, ждать еще полгода, авторъ говоритъ: (стр. 59) «тягостно предполагать въ немъ лицемѣріе; не говорилъ ли онъ искренно? Такъ къ чему же было говорить?» Къ чему этотъ вопросъ? вѣдь Петръ ждалъ долѣе еще, чѣмъ полгода.

(стр. 62) «Изъ описанія Шонборномъ первой встрѣчи его съ царевичемъ слѣдуетъ заключить, что она была неожиданною. Не обманывалъ ли Веселовскій Кикина, и не извѣстилъ ли тотчасъ Петра, который тогда и вызвалъ сына, чтобы дать ему поводъ выѣхать изъ Россіи?» На счетъ того, какъ изъ Неаполя получено извѣстіе, что Алексѣй намѣренъ возвратиться въ Россію, г. Погодинъ замѣчаетъ (стр. 69): «царь, получивъ извѣстіе о счастливомъ окончаніи, былъ внѣ себя отъ радости, обѣщалъ собственноручно все нѣсколько разъ, лишь бы ѣхалъ скорѣе царевичъ, котораго ждалъ онъ какъ воронъ крови». (*)

(*) Г. Семевскій, въ критикѣ Устрялова, на стр. 26-й, смягчаетъ нѣсколько эти предположенія г. Погодина: «Тонъ этихъ писемъ, приведенныхъ Устряловымъ, показываетъ, какъ страшился великій монархъ упустить изъ рукъ свое дитя: онъ обѣщалъ все, все готовъ былъ сдѣлать, чтобъ только увидать его въ Преображенскомъ, въ надежномъ мѣстѣ, обще «съ бородами—тунеядцами», такъ онъ называлъ приверженцевъ старины».—Тутъ же мы приведемъ еще слѣдующее мнѣніе г. Семевскаго, для котораго онъ имѣетъ вѣроятно доказательства, потому что онъ приводитъ всегда факты вмѣсто предположеній (стр. 37): «Какъ Евфросинія родила, гдѣ родила, и куда дѣла ребенка, Устряловъ нигдѣ не могъ узнать. Но извѣстно, что она по пріѣздѣ тотчасъ была поса-

Какимъ низкимъ, безчеловѣчнымъ, безчувственнымъ представленъ здѣсь Петръ. Его сравниваютъ съ кровожаднымъ вороном. Вообще большая часть того, что сказано г. Погодинымъ, въ послѣднихъ приведенныхъ нами страницахъ, кажется намъ такъ далекимъ отъ истины, что мы удержимся отъ всякихъ возраженій.

(Стр. 77) «Царевичъ пріѣхалъ и позабыты всѣ клятвы, всѣ обѣщанія, всѣ обнадеживанія. Жертва въ рукахъ, и щадить некого и нечего». (Стр. 80) «Надо порѣшить окончательно съ нимъ; въ немъ сосредоточиваются всѣ желанія и всѣ надежды противной партіи—казнить. И вотъ нашлось слово для мысли, давно бродившей въ глубинѣ души и не смѣвшей высказаться».—Не смѣвшей *высказатьея*!! Кого долженъ былъ страшиться такой человѣкъ какъ Петръ? Развѣ только историковъ XIX столѣтія.

Г. Погодинъ, касательно своихъ мнѣній о Петрѣ, нашелъ себѣ въ нѣмецкомъ историкѣ нашего же столѣтія, *Шлоссерѣ*, замѣчательнаго единомышленника (См. исторію Шлоссера XVIII столѣтія, изданіе IV, книга VIII, стр. 233, 187, 212): (*) «Natur, Kraft, Sinn

---

жена въ Петропавловскую крѣпость, а у подножія ея валовъ протекаетъ Нева....»

Здѣсь мы вдругъ съ береговъ Невы перенесены на берега Босфора. Предположеніе ли это только г. Семевскаго, или фактъ?

(*) Способность, сила, умъ для всего, что полезно и необходимо, непрерывная дѣятельность для преобразованія своего народа отличали Петра *при совершенномъ нравственномъ развратѣ*».

«Всему безъ исключенія данъ былъ другой видъ: одеждѣ, жилищу, образу жизни и Петръ не долго размышлялъ о средствахъ къ достиженію своей цѣли, потому что *онъ не имѣлъ никакого понятія о правилахъ честности, о нравственномъ порядкѣ вещей* еще въ юности

für Alles, was nützlich und brauchbar ist, unablässige Thätigkeit fur sein Volk, zeichneten Peter *bei aller moralischen Verderbtheit, aus.*

Von oben her ward Alles umgestaltet, Kleidung, Wohnung, Leben, und Peter war in der Wahl seiner Mittel nicht bedenklich, da er *von den Grundsätzen der Rechtlichkeit, Sittlichkeit und einer moralishen Ordnung der Dinge,* weder in seiner Jugend einen Begriff erhalten, *noch später Zeit, Lust und Gelegenheit hatte* sich einen zu bilden.

«Er bekämpfte, halb bewusst, halb unbewusst, rohe Natur durch rohe Natur und trieb seine Russen mit der Knute, dem Stocke und dem Schaffote zur Civilisation».

Но какъ высоко ставятъ Петра надъ всѣми этими упреками современники его: ученый архіепископъ Ѳеофанъ, графъ Минихъ, Неплюевъ; иностранные резиденты: Веберъ, Гейнце, Балюзе; позднѣйшіе историки: Голиковъ, Ломоносовъ, Карамзинъ, Устряловъ, Соловьевъ; изъ иностранныхъ: Чельтемъ, Волтеръ и многіе другіе.

Въ мнѣніи этихъ писателей Петръ былъ справедливъ и честно поступалъ въ отношеніи къ сыну своему.—Мы встрѣчаемъ въ характерѣ царя противорѣчія, которыя могутъ вредить ему, если судить объ немъ односторонним образомъ. Если будемъ выводить заключеніе о достоинствѣ Петра единственно по большему числу его хорошихъ дѣяній, то содѣлаемся такимъ же безусловнымъ, одностороннимъ поклонникомъ. Петра. Но если же будемъ слѣдить, изчис-

---

своей, а позже у него не доставало времени, случая и *охоты* къ пріобрѣтенію ихъ».

«Онъ побѣждалъ, то *сознательно*, то *безсознательно*, натуру грубую—натурою грубою и понуждалъ своихъ русскихъ къ образованію кнутомъ, палкою и эшафотомъ».

лять тѣ его поступки, гдѣ видимъ суровость и жестокость его, тогда учинимся точно также односторонне-безусловными порицателями его.

Слѣдующія за симъ слова г. Погодина отрицаютъ въ Петрѣ еще одно качество: (стр. 82) «24-го іюня верховный судъ единогласно и безъ всякаго прекословія (и кому было прекословить) приговорилъ царевича Алексѣя Петровича къ смертной казни».

Мы замѣтили эти слова «единогласно и безъ всякаго прекословія» какъ у г. Погодина, такъ и у г. Устрялова (стр. 278); но князь М. М. Щербатовъ говоритъ (*), что одно значительное лице, фельдмаршалъ графъ Борисъ Шереметьевъ, не согласился подписать приговора. Въ самомъ дѣлѣ имя его не находится (Устряловъ, стр. 529, прилож. 184) въ числѣ подписавшихъ приговоръ. Это обстоятельство также доказываетъ, что Петръ не былъ такимъ жестокимъ, какимъ его обыкновенно описываютъ нѣкоторые историки. Царь, замѣтивъ, что недостаетъ подписи Шереметьева, спрашиваетъ его о причинѣ сего поступка. Какъ неустрашимъ, исполненъ сознанія собственнаго достоинства, отвѣтъ фельдмаршала: «*служить своему государю, а не судить его кровь моя есть должность.*»

Какой отвѣтъ даетъ въ то же время духовенство, которое согласно приказанію Петра, должно было представить свое сужденіе на счетъ виновности царевича? (Устр. стр. 518, прилож. 181): «Сіе дѣло весьма есть гражданскаго суда, а не духовнаго и *власть превысо-*

(*) Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго, въ Чтеніяхъ въ Имп. Общ. ист. и древностей Россійскихъ при Моск. Университетѣ, 1860, книга I, стр. 16.

чайшая, а наипаче въ царствіи, которое есть монархія, сужденію подданныхъ не подлежитъ, но творитъ елико хочетъ по своему, изволенію безъ всякаго совѣта степеней нижнихъ; однакожъ понеже велѣно намъ не на декретъ, но въ наставленіе и проч.»

Вторая часть 15 тома Голикова содержитъ въ себѣ множество характеристическихъ анекдотовъ, гдѣ мы не знаемъ чему болѣе удивляться: спокойствію ли Петра, или смѣлости противорѣчившихъ ему? Извѣстно всѣмъ, что князь Яковъ Долгоруковъ разорвалъ царскій указъ. Есть много другихъ случаевъ такой же смѣлости. Подобный примѣръ встрѣчаемъ въ 1714 г., со стороны одного младшаго члена суда, когда Меншиковъ предсталъ предъ этимъ судомъ, обвиняемый въ утаеніи казенныхъ денегъ (Голиковъ изд. II, томъ XV, отд. второе, анекд. № 73). «Между тѣмъ открыты коммисіею новыя сего же рода преступленія Меншикова, въ которыя замѣшались многія другія особы».

«Огорченный таковыми преступленіями монархъ, присовокупляетъ къ коммисіи оной новыхъ судей, состоящихъ изъ капитановъ обоихъ полковъ гвардіи своей. Безпристрастіе судей находитъ Меншикова во многомъ виновнымъ и опредѣляетъ допросить его въ судѣ лично по пунктамъ. На другой сего день самъ монархъ присутствовалъ въ сей коммиссіи, и Меншиковъ, чувствуя свою неправду, прибѣгъ къ надежнѣйшему средству, то-есть къ раскаянію и милосердію монаршему. На сей конецъ написалъ повинную, и пришедъ въ судъ, подаетъ оную въ руки самаго государя. Повинный видъ, съ каковымъ онъ предсталъ и тонъ, съ какимъ произносилъ слова, тронули сердце его величества, вели-

кія же его заслуги, у сего сердца были ходатаями за него; онъ принялъ сію его бумагу, и, прочтя про себя, сказалъ: «Э, братъ! ты и того написать не умѣлъ!» и сталъ оную чернить. Таковое расположеніе сердца монаршаго къ судимому видя одинъ изъ младшихъ членовъ, вставъ съ своего мѣста, сказалъ товарищамъ: пойдемте, братцы, намъ дѣлать здѣсь нечего; и взявши шляпу сталъ выходить изъ палаты. Монархъ, нѣсколько прогнѣвавшись толикою свободою и остановя его, сказалъ:—Куда это?—Домой! отвѣтствовалъ капитанъ. — Какъ домой?—Да, домой: ибо что намъ остается здѣсь дѣлать, когда ты самъ научаешь вора какъ ему отвѣтствовать; такъ ты одинъ и суди его, какъ изволишь; а мы лишніе.

«Великій государь, вмѣсто чтобъ прогнѣваться на толикую дерзость, говоритъ ему съ ласковымъ видомъ: сядь на свое мѣсто, и говори что ты думаешь.—А вотъ что, отвѣтствовалъ сѣвши капитанъ:—когда мы по твоей волѣ здѣсь судьи, то во первыхъ бумагу его должно прочитать всѣмъ намъ въ слухъ; а Меншикову, какъ виноватому, стать у дверей, и по прочтеніи выслать его вонъ; а я, какъ младшій членъ, долженъ буду первый оговаривать его бумагу и сказать мое мнѣніе, чего онъ достоинъ; а потомъ каждый по очереди скажетъ свое мнѣніе и такимъ образомъ сохранится тобою же установленный порядокъ и законъ. Монархъ, нѣкоторымъ образомъ пристыженный справедливостію сего вѣрнаго подданнаго, сказалъ Меншикову: слышишь Данилычь, какъ должно поступать? Меншиковъ, яко виновный, сталъ у дверей; прочтена вслухъ повинная его и по прочтеніи онъ высланъ вонъ». По мнѣнію капитана Меншикову надо было

отсѣчь голову публично. Мнѣнія другихъ судей были тоже очень строги. Петръ отвѣчалъ имъ (стр. 68): «гдѣ дѣло идетъ о жизни или о чести человѣка, то правосудіе требуетъ взвѣсить на вѣсы безпристрастія, какъ преступленіе его, такъ и заслуги оказанныя имъ отечеству и государю; и буде заслуги перевѣсятъ преступленія, то въ такомъ случаѣ милость должна хвалиться на судѣ. И потомъ монархъ вычислилъ кратко всѣ его заслуги: а паче, что онъ неоднократно спасалъ и собственную его жизнь. И такъ, заключилъ монархъ, по мнѣнію моему довольно будетъ, сдѣлавъ ему въ присутствіи за преступленія его строгій выговоръ, наказать его денежнымъ штрафомъ, соразмѣрнымъ хищенію; а онъ мнѣ и впредь нуженъ и можетъ еще сугубо заслужить оное».

«По выслушаніи сей государевой рѣчи, тотъ же младшій членъ сказалъ: мы всѣ, надѣюсь, согласны теперь съ волею твоею, государь. Когда онъ имѣлъ счастіе спасти твою жизнь, то по справедливости должно и его жизнь спасти намъ, что подтвердили и всѣ другіе члены».

Но особенное удивленіе возбуждаетъ въ насъ слѣдующій разсказъ Голикова (томъ XV, анекдотъ 100-й, стр. 222): «Въ сентябрѣ мѣсяцѣ поручикъ Румянцевъ посланъ былъ въ Лагоду съ повелѣніемъ отъ Петра не пропускать барокъ, построенныхъ по старымъ образцамъ. Румянцевъ находитъ ихъ почти всѣ таковыми. Но такъ какъ онѣ были нагружены хлѣбомъ, а указныхъ барокъ достать было уже поздно и въ Петербургѣ былъ недостатокъ въ хлѣбѣ, то Румянцевъ рѣшился пропустить всѣ эти барки съ хлѣбомъ. Петръ тотъ же часъ послалъ строгій указъ, чтобъ прибылъ онъ

для отвѣта въ Петербургъ. Между тѣмъ повелѣлъ сенату, яко преслушника указовъ, судить его уголовнымъ судомъ. Наконецъ г. Румянцевъ является въ Сенатъ, въ которомъ присутствовалъ и самъ монархъ, и спрашивается отъ Сената: «какъ онъ осмѣлился преступить именной монаршій указъ и вѣдаетъ ли онъ, что законъ ослушниковъ таковыхъ повелѣваетъ казнить смертію»?

«Виноватъ, отвѣтствуетъ съ спокойнымъ духомъ г. Румянцевъ, и вѣдаю, что подвергаю себя ослушаніемъ указа казни; но я готовъ умереть съ удовольствіемъ, удовольствовавъ хлѣбомъ всѣхъ здѣшнихъ жителей, безъ котораго бы они, ежелибъ я по указу разрубилъ барки, такъ какъ разрубилъ нагруженныя товарами, могли понести великую нужду, а можетъ быть и голодъ. Сіе-то самое, продолжалъ онъ, понудило меня преступить указъ, и пропустивъ барки сіи, безъ чего-бъ они не могли сюда доставить хлѣба. Правда, заключилъ онъ, долженъ бы я былъ о семъ представить прежде государю, но боялся задлить тѣмъ время, и *не былъ увѣренъ, чтобы его величество во гнѣвѣ своемъ не запамятовалъ о слѣдствіяхъ того, какое бы произвесть могъ недостатокъ въ хлѣбѣ*».

Великій государь, выслушавъ все сіе, сказалъ: «ну Румянцевъ, я прощаю тебѣ сіе, яко первое еще ослушаніе твое; но берегись впредь подобное сему что учинить. По чему ты вѣдаешь, чтобъ я не могъ того разсудить, ежели бъ ты по пріѣздѣ въ Ладогу далъ мнѣ о семъ знать?» Симъ дѣло и кончено; примѣчено было, что монархъ съ сего времени большую предъ прежнимъ оказывалъ къ нему милость и довѣренность свою».

Это спокойствіе, это вниманіе царя къ возраженіямъ основательнымъ, не различая ни членовъ, ни званія, отличали его уже въ молодости. Вотъ одинъ примѣръ, всѣмъ уже извѣстный: юный Петръ, на пути изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь былъ застигнутъ бурею. Лодкою управлялъ лоцманъ Антипъ Пановъ. Царь сталъ вмѣшиваться въ распоряженія, тогда лоцманъ вскрикнулъ: «поди прочь, я знаю что надо дѣлать».

Одинъ нѣмецкій писатель, Г. Г. Гервинусъ, столь же извѣстный въ литературѣ и исторіи, какъ упомянутый нами выше Шлоссеръ, разбираетъ сочиненія Шекспира (*) и разсуждаетъ о характерѣ Отелло. Многія слова его, какъ намъ кажется, могутъ совершенно относиться и къ Петру, и если сравнимъ эти два лица между собою, то многое въ характерѣ Петра сдѣлается для насъ болѣе понятнымъ:

Die Eigenthümlichkeit der Naturanlage seines Stammes, das heftige Temperament, die Gewalt des Blutes, die Macht einer tropischen Phantasie konnte sich nicht ganz in ihm verwischen, wie vieles auch die Selbstbeherrschung des vielgeprüften, durch Thaten und Leiden gestählten Mannes dagegen arbeitete. Ihm entging in seinem Leben das, was die Ueppigkeit, und die ursprüngliche Stärke der Leidenschaften am sichersten in uns bricht: *die stille, frühe, ununterbrochene Einwirkung der Bildung und der conventionellen Sitten,* die die wilde Naturkraft unsrer Triebe dadurch mildert, dass sie sie von Anfang an abschleift und erschlafft. Was in dieser Hinsicht in Othello seine Geburt und Herkunft begonnen hatten, sezten seine Erziehung, Schicksale, Beruf und Leben in ihm fort».

(*) Томъ III, стр. 174 и 179, разборъ Шекспировыхъ трагедій.

«Er hatte das brausende Temperament in der Schule der Verhältnisse unterdrücken gelernt; aber diese Kämpfe, man kann sich's denken, — waren ihm schwer geworden, und vielmals fruchtlos gewesen. Brach unter irgend einem gerechten und schweren Anlasse der Damm der Selbstbeherrschung durch, dann war das Aeuserste der Verwirrung sein Loos; störrische Verstocktheit ergriff ihn und der Ausbruch furchtbarer Gemüthsbewegungen verrieth die ursprüngliche Ueberkraft dieser Natur, schlug seinen Geist mit Zerrüttung, und überwaltigte seinen Körper sogar mit Krämpfen, und Ohnmacht» (*).

Уже Шлоссеръ, иностранный писатель, удивляетъ

(*) Особенность природныхъ дарованій его племени, пылкій темпераментъ, сила крови, мощь тропической фантазіи не могли совершенно въ немъ изгладиться, какъ ни работало надъ этимъ самообладаніе человѣка много испытавшаго, и закаленнаго подвигами и страданіемъ. Въ его жизни не доставало того, что вѣрнѣе всего убиваетъ въ насъ избытокъ и первоначальную силу страстей — *тихаго, ранняго, непрерывнаго вліянія образованія и условныхъ обычаевъ*, которые умѣряютъ дикую природную силу нашихъ склонностей тѣмъ, что съ самаго начала сглаживаютъ ихъ и усыпляютъ? Что въ этомъ отношеніи рожденіе и происхожденіе дали Отелло, то судьба его, воспитаніе, призваніе и жизнь развили въ немъ. (Шекспиръ, соч. Гервинуса. Т. III, Отелло, стр. 174).

«Въ школѣ обстоятельствъ онъ выучился подавлять свой буйный темпераментъ; но эти борьбы, какъ можно думать, стоили ему много трудовъ и не разъ оставались безплодными. Если вслѣдствіе какой-нибудь справедливой и тяжкой причины прорывалась плотина самообладанія, то участью его дѣлалось крайнее помѣшательство: имъ овладѣвала упорная жестокость, взрывъ ужасныхъ страстей обнаруживалъ первоначальныя силы этой натуры, разстроивалъ его духъ, *и пересиливалъ даже его тѣло судорогами и обмороками*» (тамъ же, стр. 179).

Было бы желательно, чтобы когда-нибудь, со временемъ, нашелся исторіографъ, который, какъ Гервинусъ въ Отелло, принялъ бы въ расчетъ пылкій темпераментъ и сильныя страсти Петра.

Прим. автора.

насъ тѣмъ, что такъ несправедливо судитъ о Петрѣ; это можно, впрочемъ, объяснить себѣ тѣмъ, что до сихъ поръ на западѣ очень мало занимались внутренними событіями Россіи того времени. Незнаніе русскаго языка и недостатокъ историческихъ источниковъ не мало тому содѣйствовали. Тѣмъ болѣе поразила насъ эта несправедливость къ Петру въ ученомъ, образованномъ г. Погодинѣ, знающемъ всѣ замѣчательнѣйшія событія своего отечества. Ему извѣстно, что Петръ, какъ царь и какъ отецъ, могъ дѣйствовать прямо и открыто, и вслѣдствіе того не имѣлъ никакой надобности прибѣгать къ разнымъ другимъ путямъ. Въ наказѣ отъ 5-го февраля 1722 года, о правѣ монарха назначать себѣ наслѣдника, Петръ приводитъ примѣры подобныхъ случаевъ, какъ изъ Ветхаго Завѣта, такъ и изъ примѣровъ своихъ праотцевъ. Изъ Ветхаго Завѣта онъ приводитъ, что младшій сынъ Ісаака получаетъ наслѣдство, на что—къ еще большему удивленію его—послѣдовало благословеніе Божіе. Изъ примѣровъ праотцевъ: что великій князь Іоаннъ Васильевичъ III назначилъ, 4-го февраля 706, наслѣдникомъ престола внука своего Димитрія, который былъ короновалъ въ Успенскомъ соборѣ, митрополитомъ Симеономъ. Апрѣля 11-го 710 года Іоаннъ прогнѣвался на Димитрія; запретилъ величать его титуломъ великаго князя; посадилъ въ темницу и, 14-го апрѣля, объявилъ сына своего Василія Ивановича наслѣдникомъ престола, и тотъ же Симеонъ короновалъ Василія.

Можетъ быть покажется страннымъ, что *иноземецъ* входитъ въ такія подробности русской исторіи, и противоставляетъ свои замѣчанія заключеніямъ русскаго писателя, извѣстнаго своими историческими знаніями.

Вольтеръ, въ свои исторіи Петра Великаго, даетъ на этотъ счетъ слѣдующее мнѣніе:

«C'est aux historiens nationaux d'entrer dans tous les détails des fondations, des lois, des guerres et entreprises de Pierre le Grand. Il suffit à un étranger d'avoir essayé de montrer ce que fut le grand homme, etc». (*)

Мы надѣемся, что встрѣтимъ снисхожденіе въ нашихъ читателяхъ къ тому, что, защищая великаго человѣка, къ которому наша любовь и участіе постепенно возрастали, мы отступили отъ обѣщанной нами въ началѣ скромности и, увлекшись своимъ предметомъ, подъ конецъ говорили съ возрастающимъ гнѣвомъ. Мы дѣйствительно были намѣрены возражать знаменитому писателю съ полнымъ спокойствіемъ духа, но на дѣлѣ вышло иначе. И потому желательно, чтобы нашелся такой посредникъ, который, сравнивая наши мнѣнія съ мнѣніями г. Погодина, достигъ золотой середины.

(*) «Входить подробно въ описанія учрежденій, законовъ, войнъ и предпріятій Петра Великаго, есть обязанность историковъ туземныхъ. Для иностранца достаточно только усилія показать, чѣмъ былъ этотъ великій человѣкъ.

НОРМАНСКІЙ ПЕРІОДЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СОЧИНЕНІЕ

М. ПОГОДИНА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГОТЬЕ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 13 Октября 1859 г.

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Много лѣтъ тому назадъ началъ я писать Русскую Исторію. Въ 1845 году прочтено было нѣсколько отрывковъ избранному Московскому обществу,—но разныя внѣшнія обстоятельства и собственныя соображенія не дозволяли мнѣ предпринять изданіе. Въ 1854 году, въ разгарѣ восточной войны, рѣшился я напечатать начало по причинамъ, изложеннымъ въ слѣдующемъ предисловіи:

„Современныя обстоятельства требуютъ, кажется, напоминовенія о первоначальной Русской Исторіи: всѣ мысли, всѣ чувства, желанія, молитвы наши, устремлены теперь на Дунай, къ Черному морю, въ Константинополь. А развѣ не туда жъ, какой то непреоборимой, чуткою силой, тянуло молодую Русь, впродолженіи первыхъ двухъ сотъ лѣтъ ея существованія? Не Царь ли градъ былъ любимою цѣлію древнѣйшихъ князей русскихъ съ ихъ вѣрными дружинами? Аскольдъ и Диръ, Олегъ, Игорь, Святославъ, Володимеръ, Ярославъ, не тамъ ли добыли славы незабвеннымъ именамъ своимъ и озарили ею отечество?

На вратахъ Константинополя повѣсилъ свой щитъ, какъ будто ставя намъ цѣль, нашъ вѣщій *Олегъ*, иже нача первѣе въ Кіевѣ княжити.

Къ *Игорю* на устье Дунайское, присылалъ Константинополь просить мира и обѣщалъ увеличить дань.

"Тамъ есть середина земли моей, тамъ вся благая сходятся, восклицалъ въ царственномъ вдохновеніи нашъ мужественный *Святославъ,* рѣшаясь утвердить свою столицу на Дунаѣ. Не раздаются ли до сихъ поръ подъ Балканами его безсмертныя слова: намъ некуда дѣться! *Волею и неволею мы должны сразиться. Непосрамимъ земли Русской,* и ляжемъ здѣсь костьми. Мертвымъ срама нѣтъ, *а если побѣжимъ, то не спасемся, а срамъ примемъ. Станемъ же крѣпко.*" А что отвѣчалъ онъ на угрозу о всемъ войскѣ, которое собиралось на него въ Болгарію изъ Константинополя: „мы сами придемъ къ вамъ прежде вашего, раскинемъ свои шатры предъ вратами вашей столицы, обнесемъ городъ крѣпкимъ валомъ, — и тогда выходите на битву. Мы покажемъ, что мы не малыя дѣти, которыхъ можно испугать угрозами, и увидимъ кому достанется побѣда."

„Возму градъ вашъ," посылалъ сказать Константинопольскимъ императорамъ *Володимеръ*, если вы не дадите сестры вашей мнѣ въ замужство.

Ту же угрозу повторилъ пылкій *сынъ Ярослава,* которому только ужасная буря воспрепятствовала исполнить свое намѣреніе.

А Черное море? *Черному морю,* которое теперь грозятся отнять у насъ завистливые враги, не было въ древности другаго имени, кромѣ *Русскаго.* Русскія суда, не пароходы, а лодки душегубки, однодеревки, покрывали сплошь его бурныя воды, служа войнѣ и торговлѣ. Черное море было любимымъ поприщемъ неустрашимыхъ Варяжскихъ витязей, ихъ удивительныхъ трудовъ и подвиговъ.

А Дунай? Ахъ *Дунай* ли мой Дунай, тихій Дунай, свѣтъ Ивановичь Дунай, слышится до сихъ поръ по всему пространству Русской земли въ любомъ городѣ и любой деревнѣ.

Но однѣ ли бранныя воспоминанія сопряжены, въ древней Русской Исторіи, съ Дунаемъ, Чернымъ моремъ и Константинополемъ?

Тамъ, на востокѣ, начало нашей *вѣры,* которую послѣ перваго похода подъ Царьградъ принесла въ Кіевъ дружина *Аскольда и Дира.*

Туда ходила *Ольга* принять святое крещеніе и знаменательное имя Елены, равноапостольной матери Константинополя.

Оттуда *Володимеръ* получилъ себѣ христіанскою супругою царевну, первое священство и всю церковную утварь.

Оттуда преподобный *Антоній*, прародитель Русскихъ монастырей, ископавшій кіевскія пещеры, принесъ благословеніе Святой Горы и образцы *монашеской жизни*, столько благотворной въ древности.

Наконецъ, для той несчастной Болгаріи, въ коей послѣ четырехъ-сотъ лѣтняго тяжкаго ига только теперь, по новѣйшимъ извѣстіямъ изъ дѣйствующей арміи, раздался первый благовѣстъ и вознесся первый крестъ, — для той несчастной Болгаріи переведено было *Священное писаніе* и всѣ богослужебныя книги безсмертными Кирилломъ и Меѳодіемъ. Присланные изъ Константинополя, они воздвигли этотъ вѣковѣчный памятникъ Славянскаго языка, основаніе нашей грамотности и нашего просвѣщенія, нами тогда же полученный.

Однимъ словомъ, Константинополь былъ средоточіемъ, *столицею Русской Исторіи*, впродолженіи первыхъ двухъ сотъ ея лѣтъ, — и вотъ эти двѣсти лѣтъ, которыя такъ знаменательно соединяются и сходствуютъ съ нашимъ временемъ, составляя одно цѣлое, одинъ замыкающійся кругъ, рѣшаюсь я предложить теперь любезнѣйшимъ соотечественникамъ, въ отрывкѣ изъ моего труда, какъ начало Русской Исторіи, которой посвящена была вся моя жизнь." „1854 г., апрѣля 18."

Этого предисловія по тогдашнимъ политическимъ соображеніи оказалось невозможнымъ предпослать изданію, а безъ него изданіе отрывочное лишалось смысла, и я прервалъ печатаніе, оставивъ готовые листы въ типографіи. Нынѣ, чрезъ пять лѣтъ, при совершенной перемѣнѣ обстоятельствъ, оно получило возможность явиться, сдѣлавшись стародавнимъ документомъ, и я рѣшился выдать означенный отрывокъ, какъ особое цѣлое, подъ заглавіемъ: Норманскій періодъ Русской Исторіи, съ приложеніемъ нѣсколькихъ объяснительныхъ разсужденій, — за коимъ можетъ послѣдовать вскорѣ и Удѣльный.

М. ПОГОДИНЪ.

Октября 8. 1859 г.

. . . . . .

Въ 859 году, какая-то ватага Норманновъ, называвшихся у насъ *Варягами*, приплыла по Балтійскому морю, извѣстному также подъ именемъ *Варяжскаго*, въ устье Невы, разсыпалась по сторонамъ, и обложила данью встрѣченныя ею племена, Славянскія и Финскія.

Подданство продолжалось недолго: племена вскорѣ встали, одно за другимъ, потому ли, что были выведены изъ терпѣнія насильствомъ пришельцевъ, или потому, что увидѣли возможность легко справиться съ ними, и не захотѣли нести напрасныхъ убытковъ.

Какъ бы то ни было, хозяева прогнали незванныхъ гостей туда, откуда они приходили, «за море», и начали по прежнему «владѣть сами въ себѣ», но вскорѣ перессорились между собою, «всталъ родъ на родъ», полилася кровь, и усобицѣ невидать было конца, — а Норманны, съ часу на часъ, могли воротиться съ новыми, еще бо́льшими силами, отмстить жестоко за полученное оскорбленіе, и наложить иго тяжеле прежняго!

Тогда, среди общей смуты, пришла въ голову кому-то изъ воевавшихъ благая мысль, чтобъ прекратить кровопролитіе: «Поищемъ себѣ Князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву».

Совѣтъ заслужилъ одобреніе. Но гдѣ искать Князя, столько сильнаго, чтобъ онъ могъ дома держать свое имя грозно, и въ нужномъ случаѣ защитить мирныя племена отъ внѣшнихъ враговъ?

Здравый смыслъ, народной толкъ, указалъ имъ Норманновъ, которые господствовали по всему взморью, ближнему и дальнему, ходили безпрестанно на всѣ четыре стороны, селились вездѣ, гдѣ пригрѣвало солнце, и готовы были служить кому угодно, лишь было бъ изъ чего, — Норманновъ, о которыхъ слава разпространялась всюду. Да и когожъ въ то время выбирать было иначе? Кто имѣлъ столько силы и смѣлости, чтобъ взяться за такое трудное и опасное дѣло? Кто могъ лучше защитить отъ Норманновъ, какъ не ихъ соотечественники?

Словене, Кривичи, Чудь, Весь и Меря, пошли «за море», къ одному Норманскому племени, почему-то имъ болѣе знакомому, которое «называлось *Русью*, какъ другія племена назывались Свеями, Англянами, Готами и Мурманами».

Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: придите княжить и володѣть нами, сказали имъ послы безъ всякихъ околичностей и условій, — вѣщія и роковыя слова, которыя сохранили на долго свое значеніе.

Норманны знали коротко ихъ землю, богатый Гольмгардъ, знали сосѣднюю, обильную мѣхами, Біарміо или Пермь, знали приманчивую Грецію, куда многіе отъ нихъ часто ѣздили, торговать въ Константинополѣ, и служить по найму въ императорской варангіи или гвардіи: «бѣ путь изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти вити въ Ильмерь озеро

великое, изъ негоже озера потечетъ Волховъ, и втечетъ въ озеро великое Нево, того озера устье внидетъ въ море Варяжское».

По этому пути, знаменитому austerweg Норманскихъ лѣтописей, ходили уже въ Грецію, лѣтъ за тридцать, нѣкоторые изъ той Руси, къ коей обратились теперь посланные.

Охотники нашлись — согласиться на вызовъ: три брата, князья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Они поднялись со всѣмъ своимъ племенемъ, «пояша по собѣ всю Русь», и пришли къ намъ въ 862 году.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ РЮРИКЪ СЪ БРАТЬЯМИ.

Старшій изъ братьевъ, Рюрикъ, сѣлъ въ Ладогѣ, откуда, при истокѣ Невы, всегда удобнѣе было встрѣтить Норманновъ, которые обыкновенно приставали къ этой гавани, извѣстной у нихъ подъ именемъ Альдейгоборга, Синеусъ поселился у Веси на Бѣлѣозерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ у Кривичей.

Война была любимымъ занятіемъ, промысломъ, привычкою и жизнью Норманновъ, и вотъ призванные братья, лишь только утвердились въ новыхъ становыхъ своихъ жилищахъ, какъ и начали «воевать всюду» съ сосѣдними племенами.

Но чрезъ два года меньшіе умерли; старшій, Рюрикъ, наслѣдовалъ ихъ волости, и переселился съ своею дружиною въ *Новгородъ*, главной городъ Словенъ, уже сильный, богатый торговлею, владѣвшій обширною волостью, и имѣвшій свои гражданскія учрежденія,—«и прозвались Новогородцы отъ нихъ, (отъ пришедшей Руси), Русскою землею, а прежде были Словене».

Мужамъ своимъ Рюрикъ роздалъ, кому Полоцкъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро,—съ обязанностію собирать дань, судить и рядить народъ, и приходить къ нему съ воями по требованію. Срубивъ самъ городъ въ Новѣгородѣ, онъ велѣлъ имъ также, по исконному обычаю Норманновъ, рубить вездѣ городэ или крѣпости, какъ необходимыя точки опоры, гдѣ легко держаться, откуда удобно нападать, куда можно приводить плѣнниковъ, и сносить добычу.

Мужи Рюриковы разошлись съ своими бранными родичами, которыхъ переселеніе съ Сѣвера продолжалось еще много времени, «и по тѣмъ городамъ», говоритъ древнѣйшая наша лѣтопись, «Варяги вездѣ находники, а первые жители въ Новѣгородѣ Словене, въ Полоцкѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома». Пришельцы составили главную, господствующую часть городовъ Славянскихъ и Финскихъ, и военное сословіе новаго государства. «И тѣми всѣми (пришельцами и туземцами) обладаше Рюрикъ».

Привыкнувшіе къ воли Новогородцы вскорѣ не поладили съ нимъ: «оскорбишася глаголюще: яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и рода его. Того жа лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ много избі Новогородцевъ, совѣтниковъ его».

Двое изъ спутниковъ Рюрика, *Аскольдъ* и *Диръ*, ни князья, ни бояре, выпросились у него съ родомъ своимъ въ Константинополь, служить безъ сомнѣнія въ числѣ императорскихъ тѣлохранителей или сѣкироносцевъ.

Отпущенные, они не попали однакожъ, куда собирались: пронесясь въ легкихъ ладьяхъ по Днѣпру мимо Смоленска и Любеча, показавшихся имъ слишкомъ крѣпкими, они остановились подъ крутой горою, на которой, въ сѣни тополей и черешенъ, виднѣлся городокъ...

Осмотрясь и оспросясь они узнали, что городокъ называется Кіевымъ, что строители, три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ, съ сестрою Лыбедью, умерли, а жители платятъ дань родамъ ихъ Козарамъ.

Искателямъ приключеній понравилось мѣсто при широкой рѣкѣ, текущей прямо въ любезное для нихъ море, на перепутьѣ съ Сѣвера, изъ родины, въ Грецію — такъ тепло здѣсь и привольно, всего ростетъ кажется вдоволь. А жители смирны, воевъ нѣтъ, городокъ не крѣпокъ. Не остаться ли здѣсь?

Вздумано, сдѣлано. Аскольдъ и Диръ остались, а Поляне, самое тихое изъ племенъ Славянскихъ, приняли ихъ къ себѣ безъ прекословія.

Молва разнеслась объ удачѣ. Изъ Новагорода вскорѣ прибыло къ нимъ нѣсколько мужей, ушедшихъ отъ Рюрика. Послѣ могли останавливаться у нихъ проѣзжіе земляки, а другіе приплыть даже нарочно. Число товарищей пригульныхъ увеличивалось безпрестанно: они утвердились и начали владѣть Польскою землею, какъ владѣли ихъ единоплеменники на Сѣверѣ, и, подобно имъ, воевать съ сосѣдями.

Но такихъ легкихъ войнъ вскорѣ стало для нихъ недовольно. Другая мысль запала имъ въ голову, другая мечта овладѣла ихъ живымъ воображеніемъ, достойная Норманской крови. Они вздумали идти на Константинополь, о которомъ чудеса разсказывались на ихъ родинѣ. Миклагардъ, Миклагардъ, великій городъ! Чего тамъ нѣтъ! Какія сокровища вездѣ собраны! Сколько золота и серебра и паволокъ! Что за вина, что за яства! А защита самая плохая. Греческіе воины изнѣжены до того, что имя ихъ у родственныхъ Варанговъ употребляется въ насмѣшку. О жителяхъ и

думать нечего. Путь же не далекъ, морскія бури знакомы. Отъ чего не попытаться? Ходили-жъ ихъ братья прежде и послѣ, на Римъ, на Парижъ, на Лондонъ, на Севилью. Смѣлость города беретъ. Авось!

Начались приготовленія къ походу. Кликнутъ кличь, который, передаваясь отъ города къ городу, могъ вскорѣ донестися и до отдаленнаго Сѣвера.

Принялись строить лодки, кои выдалбливались изъ одного дерева, и потому назывались у Грековъ однодеревками, а послѣ у казаковъ душегубками. На Царьградъ, на Царьградъ! Стали со всѣхъ сторонъ собираться охотники дѣлить труды, опасности и успѣхи, какъ это случалось обыкновенно при всякомъ большомъ Норманскомъ предпріятіи.

И черезъ два года пустилось по Днѣпру сборное ополченіе, изъ двухъ сотъ лодокъ. Первыя четыреста пятдесятъ верстъ не представляли по рѣкѣ никакого затрудненія. Но вотъ начинаются страшные Днѣпровскіе пороги, продолженіе Карпатскихъ горъ, которые до сихъ поръ препятствуютъ свободному судоходству. Привычные къ водѣ Норманны успѣваютъ кое-какъ пробраться чрезъ всѣ преграды, гдѣ гребя, гдѣ плывя на парусахъ, гдѣ выходя на берегъ, и неся на плечахъ свои легкія лодки. Вотъ открылось раздольное море, и вотъ вдали показался предъ ними и желанный Константинополь.

Быстро и смѣло вошли они «внутрь суду», въ пристань, высадились на берегъ, и принялись убивать и грабить.

Страхъ и трепетъ обнялъ жителей древней столицы, увидѣвшей вдругъ предъ стѣнами своими новыхъ враговъ, «изъ-за горы Тавра». Молодаго Императора Михаила III не было тогда въ городѣ: онъ только что вышелъ на Агарянъ въ Малую Азію. Эпархъ или намѣстникъ послалъ къ нему

извѣстіе, которое настигло его на Черной рѣкѣ. Михаилъ поспѣшилъ воротиться, а Русь оступила уже городъ, и грозила предать все огню и мечу.

Назначено торжественное молебствіе. Всю ночь провели Патріархъ и Императоръ въ Церкви Влахернской, славной, съ давнихъ временъ, своими чудесами для спасенія града. На другой день, стекшемуся народу, вынесена была съ пѣснями божественная риза Богородицы и погружена въ воду. «Абіе буря воста», разсказываетъ Греческій лѣтописецъ, «съ вѣтромъ, и волнамъ вельямъ вставшимъ за собь безбожныхъ Руси корабль смяте, къ берегу приверже, и изби я, яко мало ихъ отъ таковыя бѣды избѣгнути, во свояси возвратишася». Тогда-то Греческая Церковь воспѣла: Взбранной воеводѣ побѣдительная....

Неудалось дерзкое предпріятіе, дорого заплатили безстрашные витязи за свои сладкія мечтанія; суда ихъ разметало бурею, большая часть вѣрныхъ товарищей нашла себѣ смерть въ волнахъ Чернаго моря, но имя Руси огласилось въ мірѣ: «начаша прозывати Русска земля. О семъ бо увѣдахомъ», говоритъ лѣтописецъ, «яко при семъ Цари (Михаилѣ) приходиша Русь на Царьградъ, яко же пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмъ».

Неудалось дерзкое предпріятіе: ни золота, ни серебра, ни драгоцѣнныхъ камней, ни паволокъ, не привезли домой удалые Варяги, но они привезли сокровище драгоцѣннѣе золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и паволокъ; они привезли сѣмя Христіанской вѣры для будущаго Государства, котораго начало началось въ Новѣгородѣ съ прибытіемъ перваго князя Рюрика, какъ родоначальника Русскихъ Государей.

Патріархъ Фотій свидѣтельствуетъ объ ихъ обращеніи въ слѣдующихъ словахъ грамоты, писанной имъ къ Восточ-

нымъ Епископамъ въ 866 году: «Россы, славные жестокостію, побѣдители народовъ сосѣдственныхъ, и въ гордости своей дерзнувшіе воевать съ Имперіею Римскою, уже оставили суевѣріе, исповѣдуютъ Христа, и суть друзья наши, бывъ еще недавно злѣйшими врагами. Они уже приняли отъ насъ Епископа и священника, имѣя живое усердіе къ богослуженію Христіанскому».

И Священное писаніе со всѣми богослужебными книгами, къ счастію новыхъ Христіанъ, было только что переведено тогда на Славянскій языкъ для сосѣдней Болгаріи, двумя братьями, жителями Селунскими, Кирилломъ и Меѳодіемъ. Проповѣдники Болгарскіе могли принесть намъ Божественное слово на родномъ нарѣчіи, въ основаніе Русскаго духовнаго просвѣщенія.

А что происходило между тѣмъ на Сѣверѣ? Неужели Рюрикъ оставался, сложа руки, въ Новѣгородѣ? Можетъ быть онъ принималъ участіе въ Норманскихъ походахъ по Балтійскому и Нѣмецкому морямъ, въ Германіи, Франціи и Англіи, можетъ быть распространялъ предѣлы Новогородскаго владычества на востокѣ и югѣ, къ сторонѣ Уральскихъ горъ. Можетъ быть впродолженіи семнадцати лѣтъ онъ успѣлъ и тамъ и здѣсь поработать. Кіевская лѣтопись молчитъ объ этихъ дѣйствіяхъ, сообщая одно извѣстіе объ его кончинѣ, въ 879 году, предъ которою онъ отдалъ на руки только что родившагося сына Игоря, — (слѣдовательно онъ былъ еще тогда въ порѣ полнаго мужества),— родственнику своему Олегу, емуже предалъ и свое княженіе.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ОЛЕГЪ.

Олегъ, молодой, пылкій, дѣятельный, не долго усидѣлъ на мѣстѣ. Жажда ли дѣятельности, врожденная Норманну, желаніе найдти другое жилище удобнѣе и веселѣе низменныхъ болотъ сѣверныхъ, или распри съ строптивыми Новогородцами, были причиною, а онъ вскорѣ снарядился въ походъ. Народное преданіе придаетъ ему много воевъ: Варяговъ, Чудь, Словенъ, Мерю, Весь, Кривичей. Пошелъ онъ по тому обыкновенному пути, по которому издавна носились къ югу сѣверные скитальцы. Малолѣтнаго Игоря взялъ онъ съ собою, какъ будто рѣшаясь не возвращаться въ Новгородъ.

На Днѣпрѣ занялъ Олегъ Смоленскъ, городъ вольныхъ Кривичей, и посадилъ тамъ мужа своего; поплылъ далѣе внизъ, и взялъ Любечь, гдѣ посадилъ также своего мужа. Наконецъ представился ему Кіевъ, на которой зарился онъ можетъ быть и прежде издали. Надо взять и его?

Но городъ былъ крѣпокъ, утвержденный опытными Варягами. Осаждать его — понадобилось бы много времени; брать на щитъ успѣхъ сомнительный, или по крайней мѣрѣ неизвѣстный: у Аскольда и Дира была своя храбрая дружина, а уступить безъ бою они не могли такое завидное владѣніе, принадлежавшее имъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ.

Олегъ рѣшился на хитрость, къ которой въ нужныхъ случаяхъ любили прибѣгать его соотечественники: онъ оставилъ часть своихъ лодокъ позади, въ прочихъ схоронилъ воин, и приплылъ подъ Угорское. Такъ называлась ближайшая гора къ Кіеву, гдѣ недавно стояли вежами Угры, (Венгры), шедшіе въ Европу съ востока чрезъ горы великія.

Отсюда послалъ онъ къ Аскольду и Диру звать ихъ къ себѣ въ ладью, выдавая себя за проѣзжаго гостя, плывущаго въ Константинополь отъ князя Олега и княжича Игоря изъ Новагорода: «Пріидѣта къ намъ къ родомъ своимъ». Легковѣрные поддались на обманъ. Они вышли изъ своей крѣпости, съ немногими провожатыми, спустились съ горы, приблизились къ ладьямъ на берегъ. Вдругъ выскочили спрятанные воины и бросились на нихъ. Показался и самъ Олегъ. Вы не князья и не княжескаго рода, сказалъ имъ гордый Норманнъ, уважавшій больше всего благородство, а я князь, и вотъ сынъ Рюриковъ, прибавилъ онъ указавъ на вынесеннаго между тѣмъ ребенка Игоря. Несчастные пали въ тоже мгновеніе подъ мечами убійцъ. Тѣла ихъ отнесли на гору, и тамъ погребли. До сихъ поръ еще въ Кіевѣ указываютъ эти печальныя могилы. На мѣстѣ погребенія Аскольдова нѣкто Ольма построилъ впослѣдствіи церковь св. Николая, а Дирова могила находится за монастыремъ Св. Ирины, – какъ-будто въ память ихъ христіанства.

Смирные Поляне поддались спокойно новому пришлецу, какъ прежде Аскольду и Диру, и «сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ».

Онъ такъ полюбилъ доставшійся ему городъ, что рѣшился прекратить свой неопредѣленный путь, и водвориться здѣсь навсегда: «се буди мати градомъ Русскимъ», сказалъ Олегъ. «Бѣша у него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью».

Имя Руси сдѣлалось тогда принадлежностію Кіева, откуда начало расширяться далѣе и далѣе, не найдя еще своихъ предѣловъ....

Чтобъ утвердить свою власть Олегъ началъ ставить города въ новомъ княжествѣ, какъ ставилъ ихъ Рюрикъ съ

своими мужами на Сѣверѣ. Потомъ опредѣлилъ онъ дани Словенъ, Кривичей и Мери, то-есть раздѣлилъ землю на участки, (вѣроятно тысячи), и назначилъ, куда какой участокъ долженъ тянуть, къ какому городу, и сколько представлять дани. Сверхъ того указалъ онъ, чтобъ Новогородцы, оставшіеся безъ защиты, платили заморскимъ Варягамъ ежегодно триста гривенъ, или полтораста фунтовъ серебра, «мира дѣля».

Устроивъ такимъ образомъ домашнія дѣла, Олегъ, истый Норманъ, началъ свои военные поиски. Всякой годъ, лишь только вскрывался Днѣпръ, отправлялся онъ на добычу въ быстрыхъ ладьяхъ, по рѣкамъ въ него впадающимъ, справа и слѣва, и распространялъ предѣлы дани, заставляя мирныя и тихія племена Славянскія, одно за другимъ, признавать свою власть.

Въ 883 году, по Днѣпру, Припети и Ушѣ, онъ напалъ на Древлянъ, (жившихъ въ нынѣшней Волынской губерніи), и «примучивъ ихъ» опредѣлилъ давать по черной кунѣ.

Въ 884 году, по Деснѣ, ходилъ онъ на Сѣверянъ, (въ Черниговской губерніи), побѣдилъ ихъ, и возложилъ дань легкую, велѣвъ только отказаться отъ Козаръ. Олегъ сказалъ: я врагъ имъ, а не вамъ.

Въ 885 году, послалъ онъ спросить къ Радимичамъ, жившимъ по Сожѣ, (въ Могилевской губерніи): кому даете дань? Они отвѣчали: Козарамъ. Олегъ сказалъ: не давайте Козарамъ, а давайте мнѣ,—и Радимичи дали ему по щлягу, какъ платили прежде Козарамъ.

Всѣ эти племена, равно какъ и Дулебы, обитавшіе по Бугу, Хорваты, далѣе на западъ, къ горамъ Карпатскимъ, покорялись ему безъ сопротивленія, а съ Уличами и Тиверцами, жившими по Днѣстру, до моря, (въ Подольской губерніи), онъ долженъ былъ воевать.

Такъ далеко успѣлъ Олегъ въ короткое время разнести славу своего оружія, столько племенъ посчастливилось ему подчинить себѣ, но онъ не былъ доволенъ сими мирными завоеваніями. Чего же ему хотѣлося болѣе? Царьградъ, — вотъ куда устремлялись издавна жадные взоры и задушевныя мысли всѣхъ Варяговъ, вотъ гдѣ надѣялись они пріобрѣсти самую лестную для себя славу и самую богатую добычу, вотъ о какомъ походѣ думалъ и Олегъ.

Среди приготовленій, въ 903 году, женилъ онъ Игоря, вскормленика своего, бывшаго и по возрастѣ въ полномъ у него повиновеніи, приведя ему жену изъ Плескова, Варяжскаго рода, именемъ Ольгу. Древнее преданіе такъ разсказываетъ объ этой женитьбѣ: Игорь узналъ случайно свою суженую,—онъ охотился по лѣсамъ за звѣрями въ Псковской области, и ему понадобилось переправиться съ одного берега рѣки на другой; издали увидѣлъ онъ плывшую внизъ лодку, подозвалъ къ себѣ, и велѣлъ перевезти. Лодкою правила молодая Ольга, прекрасная собою. Князь прельстился ею, но не получилъ согласія: она осыпала его упреками и грозила даже броситься въ рѣку. «И абіе Игорь отложи юношеское мудрованіе свое», по свидѣтельству ея житія, «наипаче же со стыдѣніемъ и молчаніемъ преиде рѣку, внимая себѣ о таковыхъ (ея совѣтахъ) до времени, и оттолѣ паки иде въ Кіевъ.» Когда пришла пора ему жениться, онъ вспомнилъ объ этой встрѣчѣ, и Ольга приведена была ему изъ Плескова.

Греческій такъ называемый путь, равно какъ и Восточная Имперія, съ своими средствами защиты, становился въ Кіевѣ съ каждымъ годомъ извѣстнѣе. Гости и воины, дружинами и по одиначкѣ, плавали безпрестанно взадъ и впередъ, съ Сѣвера въ Константинополь, и изъ Константинополя на Сѣверъ, въ Новгородъ, Швецію, Данію и Норвегію, гдѣ до

сихъ поръ многочисленные руническіе камни съ ихъ именами свидѣтельствуютъ о количествѣ древнихъ путешественниковъ и живости сообщенія. Олегъ разсчелъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, припоминая вмѣстѣ и неудачу Аскольда и Дира, что съ двумя стами судовъ нельзя думать объ успѣшномъ нападеніи: двѣ тысячи ладей наготовили ему Кривичи и прочіе Славяне, которые, по свидѣтельству Греческаго Императора Константина Багрянороднаго, нарубавъ зимою по горамъ лѣсъ, строили ихъ обыкновенно у себя дома, и потомъ по вскрытіи воды сплавливали въ ближнія озера, а оттуда въ Днѣпръ, до Кіева; тамъ покупала ихъ Русь, снабжала веслами, уключинами и прочими снастями, собственнаго издѣлія, и снаряжала для плаванія.

Долго собирался Кіевскій князь съ силами, и уже въ 906 году, слѣдовательно чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ по водвореніи своемъ въ Кіевѣ, оставя Игоря въ Кіевѣ, «иде Олегъ на Грекы, пояже множество Варягъ, и Словенъ, и Чуди, и Кривичи, и Меро, и Поляны, и Сѣверо, и Древляны, и Радимичи, и Хорбаты, и Дулѣбы и Тиверцы».

Константинъ, почти современникъ, описалъ обыкновенное торговое плаваніе Руси подъ Константинополь, которое можетъ подать намъ понятіе о трудностяхъ, предлежавшихъ военному многочисленному нашествію. Вотъ собственныя его слова, живо изображающія удалыхъ Варяговъ съ ихъ пріемами, обычаями и даже языкомъ.

«Снарядивъ суда, Русь спускалась по Днѣпру до Витичева, «крѣпкаго мѣста при рѣкѣ, которое платило имъ дань. Здѣсь «оставались они дни два и три, пока всѣ суда соберутся, а «потомъ продолжали путь до Днѣпровскихъ пороговъ. «Первой порогъ называется *Ессупи*, что по Русски и по «Славянски толкуется *не спать*. Порогъ сей узокъ, .. «однако же въ срединѣ его есть утесистыя высокія скалы,

«имѣющія видъ островов. Вода доходитъ до нихъ подни-«мается и низвергается съ величайшимъ и ужаснымъ шу-«момъ. По сей причинѣ, Руссы не отваживаются проходить «чрезъ него, но приставъ вблизи къ берегу, высаживаютъ «людей, а прочія вещи оставляютъ въ судахъ. Такимъ обра-«зомъ, идутъ они нагіе въ водѣ, щупая ногами, чтобы не «наткнуться гдѣ нибудь на камень, а между тѣмъ другіе «подвигаютъ веслами носъ, иные середину, а иные корму «судовъ, и такимъ образомъ съ величайшею осторожностію «проходятъ сей первый порогъ въ углу онаго и у берега рѣки.

«Прошедъ порогъ, берутъ они остальныхъ людей съ «берега, и плывутъ далѣе ко второму порогу. по Русски «*Улворси*, по Славянски *Островуншпрагъ*, что значитъ *остро-«вовъ порога*; онъ также опасенъ и затруднителенъ для «прохода, и они опять высаживаютъ людей, и поступаютъ «съ судами, какъ прежде.

«Такимъ же образомъ переходятъ они и третій порогъ, «называющійся *Геландри*,... что по Славянски значитъ «*звукъ порога*.

«Послѣ приходятъ они къ четвертому и большему по-«рогу, который называется по Русски *Ейфаръ*, по Славян-«ски *Неаситъ*, отъ того, что въ скалахъ его водятся *пели-«каны*. Къ этому порогу всѣ суда пристаютъ переднею ча-«стію, также выходятъ всѣ люди, избираемые для содержа-«нія здѣсь стражи, и становятся на притинахъ. (Здѣсь «они содержатъ бдительную стражу отъ Печенѣговъ). «Прочіе же вынимаютъ изъ судовъ вещи, также скован-«ныхъ невольниковъ, и отводятъ ихъ на берегъ разстояніемъ «на 6000 шаговъ, пока не пройдутъ порога. Послѣ этого, «суда свои частію тащатъ, частію несутъ на плечахъ до «противоположной стороны порога. Тутъ опять спускаютъ «ихъ на воду, садятся въ нихъ со всѣмъ имуществомъ, и пла-«вутъ далѣе.

«Дошедъ до пятаго порога, называющагося по Русски «*Баруфоросъ*, по Славянски *Вулнипрагъ*, отъ того, что онъ «составляетъ *большое озеро*, переводятъ они опять свои суда «въ уголъ рѣки, какъ при первомъ и второмъ порогахъ, «и достигаютъ шестаго, который называется по Русски «*Леанти*, а по Славянски *Веруци*, т. е. *кипящіе жидкости*. «И сей порогъ проходятъ они такимъ же образомъ, и доплы- «ваютъ до седьмаго, по Русски *Струбунъ*, по Славянски «*Напрези*, что значитъ *малый порогъ*.

«И доходятъ до такъ называемаго *Крарійскаго перевоза*, «гдѣ перевозятся *Херсонцы* изъ Руси, и *Печенѣги* въ Хер- «сонъ. Перевозъ этотъ шириною съ *Гипподромъ*, а высота «(берега), усматриваемая глазомъ съ низу, такова, что стрѣла «пущенная изъ лука, оттуда прямо ея достигаетъ. (По сей «причинѣ приходятъ сюда Печенѣги для нападенія на Русь).

«Прошедъ это мѣсто, пристаютъ они къ острову, ко- «торый называется именемъ *св. Григорія*. Здѣсь приносятъ «они свою жертву потому, что тамъ стоитъ отмѣтной «величины дубъ. Они приносятъ въ жертву живыхъ «птицъ; ставятъ кругомъ стрѣлы, а иные кладутъ куски «хлѣба и мяса, и что у кого есть, какъ то у нихъ водится. «Также мечутъ жребій о птицахъ, убивать ли ихъ и ѣсть, «или оставлять въ живыхъ.

«Чрезъ четыре дня достигали они Днѣпровскаго устья, въ «которомъ лежалъ островъ Св. Ейферія (нынѣ Березань). «Здѣсь отдыхали они обыкновенно два и три дня, снабжая «свои суда потребными вещами, а именно парусами, «мачтами и руками, что все привозили съ собою. Потомъ «подавались къ Днѣстру, гдѣ еще отдыхали. Отсюда, если вѣ- «теръ былъ попутный, плыли на парусахъ къ рѣкѣ Бѣлой, «гдѣ оставались нѣсколько времени, и продолжали путь къ «Селинѣ, которая есть не что иное, какъ рукавъ рѣки Дуная. «Далѣе не было для нихъ уже никакой опасности».

Олегъ счастливо преодолѣлъ всѣ препятствія и явился подъ стѣнами Константинополя. Греки заградили пристань цѣпью отъ Акрополя до Галатской башни, а городъ заперли. Олегъ вышелъ на берегъ, и воины его, съ огнемъ и мечемъ, разсыпались по окрестностямъ, жгли церкви, разбивали палаты, а плѣнныхъ рубили, разстрѣливали, бросали въ море. По свидѣтельству Византійскихъ лѣтописателей, устрашенные Греки обратились съ просьбою о мирѣ къ Русскому Князю, на какихъ ему угодно условіяхъ, лишь бы только прекратить кровопролитіе и опустошеніе.

Олегъ отступилъ на нѣкоторое разстояніе отъ города, и послалъ къ Императорамъ Льву и Александру мужей своихъ—Карла, Фарлафа, Вельмуда, Рулава и Стемида, съ требованіемъ, чтобъ они обязались платить ему дань.

Греки спросили, сколько хотятъ они. Олегъ потребовалъ по 12 гривенъ на ключь или лодку, (что составило около трехсотъ пудъ серебра), укладовъ на всѣ Русскіе города, Кіевъ, Черниговъ, Переславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечь, и прочіе города, гдѣ сидѣли Князья подъ его рукою сущіе, то есть, на все племя Русское, все военное сословіе, по городамъ разселившееся. Потребовалъ, чтобъ Греки выдавали Русскимъ сламъ сольбное, всего, чего они ни пожелаютъ, чтобъ Русскихъ гостей довольствовали они въ Константинополѣ впродолженіи полугода мѣсячиною — хлѣбомъ, мясомъ, рыбой, виномъ, овощами, позволяли имъ ходить въ бани, сколько угодно. Потребовалъ, чтобъ Греки снабжали Русь для возвратнаго пути якорями, веревками (ужа), парусами (прѣ) и съѣстными припасами, сколько чего понадобится.

Греки соглашались на все. Императоры просили только, чтобъ Русь, приходящая безъ дѣла, не требовала мѣсячины, и чтобъ прочимъ Князь приказалъ словомъ своимъ не буй-

ствовать по селамъ. Они должны останавливаться въ предмѣстіи Св. Мамы за стѣною, гдѣ чиновники царскіе будутъ переписывать имена ихъ, и выдавать имъ ихъ мѣсячное, первое отъ Кіева, потомъ Чернигова, Переславля и отъ прочихъ городовъ. Они должны входить въ городъ въ сопровожденіи царскаго пристава, не болѣе какъ по пятидесяти человѣкъ, безъ оружія, и покупать что имъ вздумается, не платя ни за что мыта (пошлинъ).

Императоры, Левъ и Александръ, обязывались платить дань, присягнули въ соблюденіи договоровъ, и поцѣловали крестъ, а Олегъ и мужи его приведены были на роту (къ присягѣ) по Русскому закону: они клялись своимъ оружіемъ и Перуномъ, богомъ своимъ, также Волосомъ, скотіимъ богомъ. Такимъ образомъ миръ былъ утвержденъ. Олегъ повѣсилъ свой щитъ на вратахъ Царяграда, «показующе побѣду».

Такъ кончился этотъ знаменитый походъ. Счастіе благопріятствовало смѣлому Олегу, и онъ достигнулъ своей цѣли: заставилъ трепетать Константинополь; заставилъ Императоровъ просить униженно мира, исполнить всѣ его желанія, и платить ему дань; получилъ богатую добычу для себя, для своихъ мужей, воиновъ, и для всего своего племени, вытребовалъ важнѣйшія преимущества для Руси на будущее время при всѣхъ сношеніяхъ ея съ Греціей, государственныхъ и торговыхъ.

Весело отправилось торжествующее войско домой въ обратный путь, — «и приде Олегъ Кіеву, неся золото, и паволокы, и овощи, и вина, и всякое узорочье».

Подданные встрѣтили его съ радостію и прозвали вѣщимъ. Слава объ его подвигахъ пронеслась уже всюду. Дружина разсказывала чудеса. Жители съ удивленіемъ переда-

вали изъ уста въ уста эти разсказы, какъ Олегъ съ двумя тысячами лодокъ перебрался черезъ Днѣпровскіе пороги, какъ, явясь передъ Константинополемъ, велѣлъ онъ вытащить всѣ свои суда на берегъ, поставилъ на колеса, и вспявъ (распустивъ) паруса, при попутномъ вѣтрѣ, подкатился подъ городскія стѣны; какъ напугалъ Грековъ; какъ угадалъ отраву въ присланныхъ отъ нихъ брашнахъ; какъ представился имъ какимъ-то святымъ, посланнымъ отъ Бога съ того свѣта наказать ихъ за грѣхи; какъ повѣсилъ онъ свой щитъ на вратахъ Константинополя; какъ на возвратномъ пути велѣлъ онъ любезной своей Руси пошить парусы парчевыя (прѣ паволочитыя), а Словенамъ кропинныя, которые тотчасъ и разодрались вѣтромъ, и Словене говорили: «имемся своимъ толстинамъ, не даны суть Словеномъ прѣ кропинныя.»

Такіе разсказы сдѣлались народною собственностію; всякой передавалъ ихъ по своему, прибавляя и убавляя по усмотрѣнію; изъ нихъ безъ сомнѣнія сочинились пѣсни или саги по замышленіямъ боянимъ, которыя и дошли до перваго нашего лѣтописателя, передававшаго ихъ въ своей лѣтописи, съ простодушнымъ заключеніемъ: «бяху бо людіе погани и невѣгласи».

Чрезъ пять лѣтъ по возвращеніи Олега, вслѣдствіе умножившихся отношеній между Русью и Греками, оказалось нужнымъ для обѣихъ сторонъ постановить разныя правила. Кіевской Князь отправилъ «мужи свои построити мира, и положити ряды межи Греки и Русью, равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царяхъ Львѣ и Александрѣ».

Посольство заключило письменный договоръ, до насъ дошедшій, одинъ изъ древнѣйшихъ, драгоцѣннѣйшихъ документовъ Европейскихъ, и вмѣстѣ памятниковъ на-

шей письменности, подающій ясное понятіе о гражданскомъ устройствѣ молодаго государства,—такаго содержанія:

Посланные отъ Олега, Великаго Князя Русскаго, и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его свѣтлыхъ бояръ и великихъ князей, къ вамъ, Льву, Александру и Константину, Царямъ Греческимъ.

Первымъ словомъ, да умиримся съ вами, Греки, и недопустимъ никого изъ нашихъ свѣтлыхъ князей обижать васъ. Такъ и вы храните къ свѣтлымъ князьямъ нашимъ и ко всѣмъ, иже суть подъ рукою князя нашего, любовь непреложную.

Проказа (вредъ) доказывается свидѣтельствами; отвѣтчикъ клянется по вѣрѣ своей; за ложную клятву наказаніе.

Если убьетъ Христіанинъ Русина, или Русинъ Христіанина, да умретъ на мѣстѣ.

Если убійца убѣжитъ, то имущество его отдается ближнему убіеннаго, кромѣ женишной доли. Неимущій убійца остается подъ судомъ, (держится тяжи), пока найдется, и тогда умретъ.

Если ударитъ кто кого мечемъ, или ушибетъ какимъ-нибудь сосудомъ, то платитъ пять литръ серебра по закону Русскому; неимущій долженъ отдать все что имѣетъ, до послѣдняго платья, въ которомъ ходитъ, и поклясться, что заплатить за него некому; тѣмъ и кончится тяжа.

Если украдетъ что Русинъ у Христіанина, или Христіанинъ у Русина, и пойманный въ кражѣ окажетъ сопротивленіе, то обокраденный можетъ убить его и взять свое.

Если отдастъ украденное, и будетъ связанъ, долженъ воротить втрое.

Если Христіанинъ или Русинъ станетъ обыскивать насильно, и возметъ чужее, то долженъ отдать втрое.

Если выбросится Греческая ладья вѣтромъ великимъ на чужую землю, гдѣ случится быть Руси, и найдется кто снабдить ее съ рухломъ своимъ и отослать домой, то мы обязываемся проводить ее сквозь всякое страшное мѣсто до безстрашнаго.

Если за бурею, или земнымъ бороненіемъ боронима, она не можетъ дойдти до своихъ мѣстъ «спотружаемся гребцамъ мы Русь» и допроводимъ съ куплею поздорову, по близости отъ земли Греческой.

Если же случится проказа близь Русской земли, то должны мы проводить ее въ Русскую землю; и продать рухло, а придя къ вамъ съ куплею, или въ сольбу къ царю вашему, представить вырученное съ честію.

За покражу и убійство на такой ладьѣ, виноватые изъ насъ Руси отвѣчаютъ преждереченною эпитимьею.

Плѣнныхъ проданныхъ, гдѣ окажутся, выкупать Руси и Грекамъ, за что проданы, или по челядинной цѣнѣ, и возвращать коегождо въ свою страну.

Въ случаѣ войны, когда будетъ нужна помощь, желающіе почестить царя вашего, и остаться у него на службѣ, своею волею да будутъ.

Плѣнные выкупаются по 20 золотыхъ.

Украденный или бѣглый или купленный челядинъ возвращается въ Русь по жалобѣ; если у гостя пропадетъ челядинъ, то можетъ его отыскивать; кто противится обыску, тотъ погубитъ правду свою.

Послѣ Русина, умершаго въ Греціи на службѣ у царя, не урядивъ имѣнія своего, наслѣдство возвращается въ Русь къ милымъ ближнимъ; а уряженное отдается, кому писалъ, отъ Руси приходящей или удолжающей (то есть пребывающей въ Греціи).

Бѣглый злодѣй, по востребованіи, долженъ быть возвращенъ въ Русь, бывъ пойманъ, хотя-бъ и не желалъ того.

«Си же вся да творять Русь Грекомъ идѣже аще ключится таково. Мѣсяца Сентября во 2, въ недѣлю 15, въ лѣто созданья 6420» (912).

Царь Левъ одарилъ пословъ золотомъ, паволоками и фофудьями, и желая привлечь Русь къ Христіанской вѣрѣ, которую Греки всегда почитали вѣрнѣйшимъ средствомъ обуздывать дикіе народы, угрожавшіе ихъ царству, велѣлъ «показать имъ церковную красоту, и полаты златыя, и сущее въ нихъ богатство... и страсти Господни, и вѣнецъ, и гвоздіе, и хламиду багряную, и мощи святыхъ».—Путеводители толковали любопытной Руси все ею видимое и учили вѣрѣ своей. Послы по окончаніи всѣхъ дѣлъ отпущены были домой съ великою честію.

Послѣдніе годы своей жизни Олегъ провелъ въ покоѣ: « и живяше Олегъ миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, княжа въ Кіевѣ ».

О кончинѣ его ходило въ народѣ также чудесное преданіе, какъ и объ жизни: разсказывали, что онъ нѣкогда въ молодости спрашивалъ волхвовъ, кудесниковъ, отъ чего приключится ему смерть. Одинъ кудесникъ отвѣчалъ, что смерть ему приключится отъ любимаго коня. Такъ я не сяду же на него никогда, и удалю съ глазъ моихъ, подумалъ Олегъ, и велѣлъ кормить коня на своей конюшнѣ, но никогда не приводить къ себѣ. Прошло много времени. Олегъ ходилъ на Грековъ и воротился. На пятой годъ по возвращеніи въ Кіевъ вспомнилъ онъ о любимомъ своемъ конѣ, призвалъ старѣйшину конюхомъ и спросилъ: гдѣ конь мой, котораго велѣлъ я тебѣ кормить и блюсти? Тотъ отвѣчалъ, что конь давно умеръ. Тогда Олегъ разсмѣялся и укорилъ кудесника: не надо вѣрить волхвамъ, все то ложь, что говорятъ они, вотъ конь мой умеръ, а я живъ И захотѣлось ему видѣть кости его. Онъ поѣхалъ. Ему ука

зали голыя кости и голой лобъ. Олегъ слѣзъ съ коня и ступилъ ногою на черепъ примолвивъ: не отъ этого ли лба взять мнѣ смерть,—какъ вдругъ выпикнула оттуда змѣя, и укусила его въ ногу. Онъ разболѣлся и умеръ. «И плакашеся по немъ вси людіе плачемъ великимъ, и несоша и̇, и погребоша и̇ на горѣ, иже глаголеться Щековица. Есть же могила его до сего дня», говоритъ лѣтописатель Несторъ, «словеть могила Олгова» (912).

Олегу, кажется—бездѣтному, наслѣдовалъ сынъ Рюриковъ Игорь.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИГОРЬ.

Подданныя племена попытались было отложиться (913), привязанныя слабыми узами къ Кіеву, но Игорь сходилъ на Древлянъ (914), и возложилъ на нихъ дань больше Олеговой.

Новый Князь долженъ былъ отличиться какимъ нибудь необыкновеннымъ подвигомъ. Игорь вздумалъ идти въ дальнюю сторону, куда не ходили еще Варяги, на Востокъ, познакомиться съ другимъ моремъ, еще не извѣстнымъ, Каспійскимъ, и провѣдать, что обрѣтается на его берегахъ. Восточныя страны были давно извѣстны въ Кіевѣ: «Тѣмъ же изъ Руси можеть ити въ Болгары и въ Хвалисы, на востокъ доити въ жребій Симовъ», свидѣтельствуетъ Несторъ лѣтописатель о древнѣйшемъ времени. Молва о Востокѣ могла доноситься до Кіева и чрезъ Русскихъ купцевъ, торговавшихъ съ Козарами въ Итилѣ, на устьѣ Волги, какъ другіе торговали въ Константинополѣ и на Сѣверѣ.

Игорева Русь поплыла на пяти стахъ судахъ по Днѣпру въ Черное море, изъ Чернаго моря поворотили они

не на право, какъ обыкновенно дѣлали въ походахъ на Грецію, а на лѣво, вверхъ, въ Азовское море, чрезъ Босфоръ Киммерійскій, а потомъ поднялись вверхъ по Дону до пограничной крѣпости Саркела или Бѣлой вѣжи, построенной для Козаровъ Греческими мастерами. Отъ Саркела послали они просить Кагана, чтобъ онъ позволилъ имъ пройти чрезъ его владѣнія, и рѣкою Волгою спуститься въ море Каспійское, обѣщая ему половину добычи, что возмутъ съ прибрежныхъ странъ.

Каганъ позволилъ. Русь добралась волокомъ до Волги, а Волгой, не то что Днѣпромъ, было ей съ пола-горя прокатиться до желаннаго раздолья морскаго.

Здѣсь, по извѣстію современныхъ Арабскихъ писателей, разсыпались они ватагами во всѣ стороны, и выходили на берегъ толпами въ Джилѣ (Гиланѣ), Дейлемѣ, Табарестанѣ, Абискунѣ и Нефтяной землѣ, до самой области Адербейджанской. Вездѣ проливали они кровь, захватывали въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, грабили, предавая остальное огню и мечу.

Возстенали всѣ народы, обитавшіе около этого моря, говоритъ современный Арабскій писатель Массуди, и возопили о помощи: съ незапамятныхъ временъ не видывали они никакаго врага, который нападалъ бы на нихъ съ моря, гдѣ доселѣ плавали только суда купцовъ и рыболововъ.

Обитатели Гилана и Дейлема вооружились. Къ нимъ присоединились прибрежные жители Джорджана. Подошли вои изъ Берды, Аррана, Бейлекана и Адербейджана. Русь билась со всѣми, одолѣвала всѣхъ, напирала впередъ, и достигла Баку.

Возвращаясь на суда послѣ своихъ набѣговъ, онѣ искали обыкновенно убѣжища на островахъ, противъ

Нефтяной земли, гдѣ было устроено у нихъ складочное мѣсто добычи. Государемъ Ширванскимъ былъ тогда Али, сынъ Гайсемовъ.

Снарядилось наконецъ общее ополченіе, и отправилось противъ нихъ къ островамъ, на лодкахъ и купеческихъ судахъ. Русь ударила въ противниковъ, и разбила. Нѣсколько тысячъ Мусульманъ пало въ битвѣ или потонуло въ волнахъ. Съ тѣхъ поръ нѣсколько мѣсяцевъ хозяйничала Русь спокойно на Каспійскомъ морѣ, и ни одинъ изъ окрестныхъ народовъ немогъ предпринять ничего противъ нихъ. Все приморское населеніе стояло только на стражѣ, опасаясь ежечасно ихъ нападенія.

Награбясь до избытка, со множествомъ плѣнницъ, Русь отправилась обратно къ устью Волги, и послала впередъ къ Кагану Козарскому условную часть добычи.

Аларесія (его гвардія) и другіе Мусульмане, жившіе въ странѣ Козарской, узнавъ по слуху о неистовствахъ Руси, приступили къ Кагану; позволь намъ, говорили они, отомстить этому племени. Они вторглись въ земли братьевъ нашихъ Мусульманъ, пролили кровь ихъ, поплѣнили женъ и дѣтей.

Царь не въ силахъ былъ удержать раздраженное населеніе, и только предъувѣдомилъ Русь о враждебныхъ намѣреніяхъ Мусульманъ. Сіи послѣдніе, собравъ войско, потянулись внизъ по рѣкѣ, ища встрѣтить непріятеля. Многіе Христіане изъ Итиля къ нимъ присоединились.

Завидѣвъ ихъ Русь сошла съ судовъ, и выстроилась въ боевой порядокъ на берегу. Число противниковъ простиралось до пятнадцати тысячъ вооруженныхъ и конныхъ. Бой длился три дня и наконецъ Мусульмане побѣдили. Русь была побита мечемъ, другіе, спасаясь на суда, потонули. Только

три тысячи спаслось, переправясь на другую сторону рѣки, смежную съ землею Буртасовъ (нынѣшнихъ Чувашей). Здѣсь они вышли на берегъ и были истреблены Буртасами, а отчасти Булгарами Мусульманами, въ странѣ которыхъ искали себѣ убѣжища. Вся ихъ добыча, плоды тяжелыхъ трудовъ, достались въ чужіе руки. Избѣгли меча только немногіе.

Силы Кіевской Руси разстроились совершенно вслѣдствіе этого пораженія, и вотъ почему, вѣроятно, лѣтопись наша молчитъ двадцать пять лѣтъ объ ея дѣйствіяхъ, извѣщая только о краткой войнѣ съ Печенѣгами.

Это кочевое Турецкое племя, подвинувшись изъ-за восточныхъ низовей Волги, заняло въ то время южное перепутье всѣхъ своихъ предшественниковъ—Гунновъ, Угровъ, Аваровъ, нынѣшнія Новороссійскія степи, и съ 915 года начало набѣгами своими тревожить Русскія владѣнія, хотя Игорь, бывъ съ ними сначала въ мирѣ, и указывалъ имъ путь къ Дунаю, гдѣ, по лѣвому берегу, господствовали уже ихъ соотечественники.

Торговыя сношенія Руси съ прочими Восточными племенами не прерывались, не смотря на это несчастное событіе, и вотъ что разсказываетъ намъ объ нихъ Арабскій географъ XIII вѣка Якутъ, въ дополненіе нашихъ свѣдѣній объ этомъ племени, вошедшемъ въ составъ нашего государства:

«Ахмедъ, сынъ Фодлана, посланный (въ 922 году) Ка-«лифомъ Муктедиромъ изъ Багдада къ Царю Болгаровъ, «описалъ видѣнное имъ на пути; я читалъ его записки, и «сообщаю оныя здѣсь не безъ удивленія.

«Я видѣлъ Русскихъ купцевъ, — говоритъ онъ, — «въ «пристани рѣки Итиля (Волги). Росту они высокаго и

«стройны какъ пальма; тѣло у нихъ красное. Они не по-«сятъ ни кафтановъ, ни камзоловъ: мужчина накидываетъ «на себя съ боку грубую одежду, такъ, что одна рука «остается свободною. У всякаго топоръ, большой ножъ и «мечь. Никогда не ходятъ они безъ оружія. Мечи ихъ «широки и работы Франкской, съ насѣчкою. У всякой «женщины привязана на груди маленькая коробочка, же-«лѣзная, мѣдная, серебренная или золотая, соразмѣрно съ «достаткомъ ея мужа. На коробочкѣ кольцо; къ кольцу «привязанъ ножъ. На шеѣ цѣпи золотыя и серебряныя. «Мужъ, имѣющій десять тысячь драхмъ, заказываетъ для «жены цѣпь золотыхъ дѣлъ мастеру; пріобрѣтая еще «десять тысячь даетъ ей вторую, и такъ далѣе. Посему «богатыя Русскія жены носятъ множество цѣпей. Глав-«нымъ ихъ украшеніемъ считается зеленой бисеръ. Мужья «платятъ по цѣлой драхмѣ за бисерину для женскаго «ожерелья.

«Приплывая изъ своей земли, бросаютъ якорь на ши-«рокой рѣкѣ Итилѣ; выходятъ изъ судовъ и строятъ себѣ «большіе деревянные шалаши на обѣихъ ея сторонахъ. Въ «каждомъ живетъ человѣкъ 10 и 20. У всякаго длинная, «широкая лавка, на коей онъ сидитъ съ своею женою и «съ продажными невольницами... Всякое утро женщина «приноситъ господину чашу съ водою: онъ моетъ себѣ «лицо, руки, волосы; а она чешетъ ему голову гребнемъ.

«Вонедни въ пристань, каждый идетъ въ свой ша-«лашъ, имѣя при себѣ хлѣбъ, мясо, лукъ, молоко и «вино; потомъ идетъ къ высокому деревянному болвану, «окруженному маленькими; падаетъ ницъ и говоритъ: о «Владыко! я пріѣхалъ издалека съ такимъ-то числомъ «невольницъ, соболей, и шкуръ... вотъ тебѣ даръ мой! «Кладетъ все передъ болваномъ, говоря: пошли мнѣ «добраго купца съ серебряными и золотыми деньгами!

«Уходитъ; но въ случаѣ худаго торга опять идетъ къ бол-«вану съ дарами; приноситъ оные и маленькимъ болванамъ, «моля ихъ о заступленіи, и кланяясь имъ смиренно. Когда «же выгодно сбываетъ все съ рукъ, тогда говоритъ: вла-«дыка помогъ мнѣ; теперь я долженъ платить ему. Уби-«ваетъ нѣсколько быковъ, овецъ; раздаетъ мясо бѣднымъ, «кладетъ остатокъ передъ большимъ и маленькими исту-«канами; вѣшаетъ на первомъ головы убитой скотины—и «когда собаки ночью съѣдятъ все мясо, всѣ головы, ку-«нецъ говоритъ: владыка благоволитъ ко мнѣ: онъ ску-«шалъ даръ мой.

«Кто изъ нихъ занеможетъ, для того разбиваютъ вдали «шатеръ, переносятъ его въ оный, оставляютъ тамъ хлѣбъ «съ водою, не подходятъ къ больному близко, и не гово-«рятъ съ нимъ, но ежедневно посѣщаютъ его, особенно «бѣднаго или раба. Выздоровѣвъ, онъ возвращается къ сво-«имъ; если же умретъ, то свободнаго предаютъ огню, а раба «оставляютъ въ снѣдь псамъ и хищнымъ птицамъ.

«На вора или разбойника надѣваютъ петлю, вѣшаютъ «его на высокомъ деревѣ, и такъ оставляютъ, пока отъ «вѣтра и дождя истлѣетъ.

«Слыша, что они сжигаютъ своихъ умершихъ началь-«никовъ съ обрядами весьма странными, я ждалъ случая «видѣть оные—и видѣлъ собственными глазами. Умершаго «опустили въ могилу и десять дней надъ нимъ сѣтовали, «пока скроили и сшили ему одежду.

«Бѣднаго обыкновенно кладутъ въ новую маленькую «ладью и сжигаютъ въ ней; имѣніе же богатаго, собравъ, «дѣлятъ на три части: одну даютъ родственникамъ; на «другую шьютъ ему платье; на третью покупаютъ меду, «чтобы пить его въ тотъ день, къ который жена покой-«ника убиваетъ себя и вмѣстѣ съ господиномъ своимъ «сожигается. Вино пьютъ они день и ночь, такъ, что

«нѣкоторые держа чашу въ рукѣ, умираютъ. По смерти «знатнаго мужа родные спрашиваютъ у его женщинъ «и отроковъ: кто изъ васъ хочетъ умереть съ нимъ? «Одинъ изъ нихъ отвѣтствуетъ: я! Послѣ чего спра- «шиваютъ у женщинъ: кто изъ васъ желаетъ умереть съ «нимъ? Одна говоритъ: я! Тогда приставляютъ къ ней «двухъ женщинъ, чтобы всюду ходить за нею и даже мыть «ей ноги; а родные начинаютъ кроить платье умершему и «все нужное готовить. Между тѣмъ женщина всякой день «пьетъ, поетъ и веселится.

«Когда насталъ день сожженія, я пошелъ на рѣку, «къ ладьѣ умершаго; но ладья уже стояла на берегу, «на четырехъ деревянныхъ столбахъ, окруженныхъ боль- «шими деревянными же болванами. Люди ходили взадъ «и впередъ, произнося слова, для меня не вразумитель- «ныя. Мертвый лежалъ вдали, въ своей могилѣ. При- «несли скамью на ладью съ стегаными покрывалами, Гре- «ческою парчею и подушками изъ такой же парчи. Пришла «старуха, именуемая у нихъ Ангеломъ смерти, и разо- «стлала всѣ вещи на упомянутой скамьѣ. Сія-то женщина «занимается шитьемъ платья и всѣми приготовленіями; она «же убиваетъ и женщину.... Пришедъ къ могилѣ, отрыли «землю, приподняли доску и вынули мертваго изъ мо- «гилы: онъ былъ въ полотняной одеждѣ, въ коей умеръ. «Отъ жестокаго холода сей земли трупъ весь почер- «нѣлъ. Въ могилѣ съ мертвымъ стоялъ медъ, лежали «плоды и лютня: ихъ также вынули. Умершій, кромѣ «цвѣта, не измѣнился ни въ чемъ. Надѣли на него «исподнее платье, сапоги, поясъ, камзолъ, кафтанъ «парчевой съ золотыми пуговицами и соболью шапку, «отнесли его въ ладью, положили на стеганое покрывало, «обложили подушками; принесли медъ, плоды, благо- «вонныя травы, хлѣбъ, мясо, лукъ, и все поставили не-

«редъ нимъ или возлѣ; положили съ боку оружіе умер-
«шаго. Привели собаку, разрѣзали ее на двѣ части и бро-
«сили оныя въ ладью; привели двухъ коней, которыхъ
«гоняли кругомъ до поту, двухъ воловъ, изрубили ихъ
«мечами и бросили мясо въ ладью; принесли еще пѣтуха
«съ курицею, зарѣзали и бросили туда же.

«Между тѣмъ женщина, коей надлежало умереть, хо-
«дила съ мѣста на мѣсто, и вошла въ одинъ изъ шатровъ,
«гдѣ легъ къ ней другъ или родственникъ господина ея,
«и сказалъ: скажи господину своему, что ты сдѣлала это
«изъ любви къ нему... Это было въ пятницу послѣ обѣда.
«Женщину подвели къ чему-то сдѣланному ими наподобіе
«колодезнаго сруба: она стала на руки мужчинъ, заглянула
«въ срубъ и произнесла какія-то слова. Ее спустили съ
«рукъ и снова подняли, въ другой и въ третій разъ. Ей
«подали пѣтуха: отрѣзавъ ему голову, она кинула; а его
«другіе взяли и бросили въ ладью. Я требовалъ объясненія.
«Въ первой разъ,—отвѣтствовалъ мнѣ переводчикъ,—жен-
«щина сказала: вижу здѣсь отца и мать свою. Въ другой
«разъ: теперь вижу всѣхъ моихъ умершихъ родственни-
«ковъ. Въ третій разъ: тамъ господинъ мой: онъ сидитъ
«въ раю, прекрасномъ, зеленомъ. Съ нимъ мужи и юноши.
«Онъ зоветъ меня: пустите меня къ нему! — Ее повели
«на ладью. Она сняла съ себя запястье и отдала старухѣ,
«называемой Ангеломъ смерти; снявъ кольцы съ ногъ, от-
«дала ихъ двумъ служащимъ женщинамъ, коихъ называютъ
«дочерями Ангела смерти. Послѣ сего взнесли женщину
«на ладью, но не впустили въ каюту. Пришли мущины
«съ щитами и палицами, и дали ей стаканъ меду. Она
«взяла его, запѣла и выпила. Переводчикъ сказалъ мнѣ:
«это въ знакъ прощанія съ ея милыми. Ей дали другой
«стаканъ: она, взявъ его, запѣла длинную пѣсню. По ста-
«руха велѣла ей скорѣе выпить и войти въ каюту, гдѣ

«лежалъ господинъ ея. Женщина была какъ бы поражена, «и не хотѣла итти туда, засунувъ голову между каютою «и ладью. Старуха схватила ее за голову, втащила въ ка«юту и сама вошла съ нею. Мужчины начали бить пали«цами въ щиты, чтобы другія женщины не слыхали ея «крика, и не устрашились бы также умереть нѣкогда вмѣстѣ «со своими господами. Послѣ того вошли въ каюту 6 муж«чинъ... Наконецъ положили женщину возлѣ умершаго го«сподина. Двое взяли ее за ноги, двое за руки; а старуха, «Ангелъ смерти, надѣла ей петлю на шею и подала ве«ревку двумъ остальнымъ мужчинамъ, чтобы тянуть за «оную; взяла широкой ножъ, и вонзивъ его въ бокъ ей «между ребрами, извлекла оный; а мужчины тянули за ве«ревку, пока женщина испустила духъ.

«Тогда явился ближайшій изъ родственниковъ, нагой; «взялъ въ одну руку полѣно, зажегъ его, пошелъ задомъ «къ ладьѣ, держась другою рукою за т. у., и зажегъ де«рево подъ ладьею. Другіе пришли также съ пылающими «отрубками и бросили ихъ на костеръ. Скоро все запылало: «костеръ, ладья, комната, тѣло господина и женщина, и «все бывшее въ ладьѣ. Въ ту же минуту вздулъ сильной «вѣтеръ и пламя разширилось.

«Подлѣ меня стоялъ одинъ Русской, разговаривая съ «моимъ переводчикомъ. Я спросилъ у переводчика, что «говоритъ ему Русской? Вотъ что, отвѣчалъ онъ: — Вы «Аравитяне очень глупы: человѣка, которой былъ вамъ «милѣе всѣхъ, зарываете въ землю, гдѣ служитъ онъ пищею «червямъ; но мы въ минуту сожигаемъ его, чтобы онъ «вдругъ перешелъ въ рай. Тутъ Русской захохоталъ во «все горло и сказалъ: Владыка въ знакъ любви къ умер«шему послалъ вѣтеръ, чтобы онъ скорѣе обратился въ «пепелъ.

«Въ самомъ дѣлѣ менѣе, нежели въ часъ, сгорѣла вся «ладья съ трупами.

«На берегу, гдѣ стояла ладья, они сдѣлали нѣчто подо-«бное круглому холму, поставили въ срединѣ онаго столбъ «и написали на немъ имена умершаго и Князя Русскаго. «Послѣ чего разошлись по домамъ.

«Цари Русскіе обыкновенно держатъ при себѣ, въ «своемъ замкѣ или городкѣ, 400 храбрѣйшихъ воиновъ «(дружину). Нѣкоторые изъ нихъ умираютъ съ ними, или «жертвуютъ имъ своею жизнію. Каждый (воинъ) имѣетъ «жену, которая служитъ ему, моетъ голову, готовитъ «пищу; а другая бываетъ его наложницею. Сіи 400 сидятъ «у подножія престола царскаго, украшеннаго драгоцѣн-«ными каменьями. Съ Царемъ сидятъ на престолѣ 40 жен-«щинъ или наложницъ. Онъ не стыдится ласкать ихъ въ «присутствіи своей дружины. Когда ему надобно ѣхать «верхомъ, то лошадь подводятъ для него къ престолу, съ «коего онъ на нее садится; а съ лошади сходитъ также «прямо на престолъ.

«У него (Царя или Князя) есть Намѣстникъ, который «предводительствуетъ войскомъ, воюетъ съ непріятелями «и заступаетъ его мѣсто для подданныхъ.

«Вотъ извѣстія, слово въ слово выписанныя мною изъ «сочиненія сына Фодланова; за ихъ достовѣрность от-«вѣтствуетъ онъ. Но Богъ знаетъ истину лучше всѣхъ «другихъ! Что касается до нашего времени, то Русскіе уже «Христіане, какъ извѣстно».

Такъ заключаетъ Якутъ свое извлеченіе изъ книги Калифскаго посланника, присовокупляя отъ себя слѣдующія свѣдѣнія о Русскихъ:

«Русь или Росъ есть народъ, страна котораго лежитъ «между Славянъ и Турокъ. У нихъ собственный языкъ, «особая религія и законъ, которыми они отличаются отъ «другихъ народовъ. Считаютъ ихъ до ста тысячъ. Они «постоянно враждуютъ со Славянами.

«Всякому новорожденному сыну отецъ подаетъ мечь и «говоритъ: твое единственно то, чего добудешь мечемъ. «Если тяжущіеся недовольны судомъ Князя, той сей гово«ритъ имъ: судитесь мечемъ. У кого мечь острѣе, тотъ и «побѣдитель».

Въ 941 году собрался Игорь съ силами для бо́льшаго похода. Цѣлію его на этотъ разъ была Греція. Многочисленныя суда Русскія покрыли Черное море, и Болгары послали вѣсть Императору, что идетъ Русь, въ десяти тысячахъ судовъ, на Константинополь. Но они оборотились къ Азіатскимъ берегамъ Чернаго моря, гдѣ еще не бывали прежде ихъ удалые товарищи—опустошили Виѳинію, Пафлагонію, Никомидію, Понтъ, и пожгли всѣ берега Босфорскіе. Неистовствамъ ихъ Греки не находятъ выраженій: они распинали плѣнниковъ, ставили цѣлію и стрѣляли въ нихъ изъ луковъ, сажали на колъ, связывали руки, вколачивали въ голову желѣзные гвозди. Множество церквей, монастырей и селеній было предано пламени. Императоръ Романъ Лакапинъ, государь слабый, провелъ нѣсколько ночей безъ сна, изыскивая средства защититься, въ напрасномъ ожиданіи своего войска, посланнаго противъ Сарацынъ. Наконецъ снарядили Греки нѣсколько хеландій, и пустили ихъ въ море съ Греческимъ огнемъ, замѣнявшимъ въ то время порохъ. Игорь стоялъ противъ маяка, готовый къ сраженію. Онъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ, что не велѣлъ убивать Грековъ, а брать только въ плѣнъ. Но надежда его обманула. Ужасный Греческій огонь, пускаемый трубами, произвелъ смятеніе и совершенное разстройство въ Русскомъ ополченіи. Объятые ужасомъ, при видѣ своихъ лодокъ, внезапно загоравшихся, они бросались въ воду, напрасно боролись съ волнами и утонали. Не осталось другаго спасенія кромѣ бѣгства.

Часть Руси поворотила было опять къ Малой Азіи и высадилась въ Виѳиніи. Но тамошнія войска находились теперь уже въ сборѣ. Они встрѣтили Русь въ свою очередь подъ начальствомъ патрикія Варды Фоки и доместика Іоанна съ силами, несравненно многочисленнѣйшими, и пришельцы были разбиты, многіе взяты въ плѣнъ, остальные побѣжали къ судамъ, и не осмѣлились выходить болѣе на берегъ. Голодъ началъ одолѣвать ихъ, и они ночью снявшись съ якорей отплыли къ сторонѣ Ѳракіи. Ѳеофанъ стоялъ на стражѣ: свѣдавъ объ ихъ намѣреніи онъ отрядилъ противъ нихъ часть своихъ судовъ. Надо было сражаться, но сраженіе нельзя было выиграть не смотря ни на какую храбрость. Спаслись не многіе, и долго разсказывали дома объ ужасномъ своемъ положеніи во время этого трехмѣсячнаго несчастнаго похода: точно молнія, что на небесахъ, была въ рукахъ у Грековъ, и они пускали ее на насъ и сожигали! И видѣть такое чудо было страшно! Вотъ почему мы не могли одолѣть ихъ. «Бысть видѣти страшно чудо, яко же молонья, яже на небесѣхъ, Греци имутъ у собе, и сіо пущающе жежаху насъ; сего ради не одолѣхомъ ихъ.»

Плѣненная Русь была отведена въ Константинополь, и торжественно казнена. Гугоновъ посолъ видѣлъ это собственными глазами, и разсказывалъ своему пасынку, историку Ліутпранду, Кремонскому Епископу, который сохранилъ для насъ это извѣстіе, вмѣстѣ съ прочими, въ своей лѣтописи.

Но Игорь не унылъ. Ему хотѣлось во что-бы-то ни стало, загладить стыдъ своихъ пораженій и отомстить Грекамъ.

Онъ послалъ за море звать своихъ родичей Норманновъ въ походъ на Грецію. Тамъ всегда находились охотники служить кому угодно, а на Константинополь, съ своими, и по́давно! Толпы повалили съ Сѣвера въ Кіевъ.

Три года продолжался сборъ. Наконецъ Игорь изготовился, нанялъ еще Печенѣговъ, взялъ у нихъ талей (или заложниковъ), и отправился въ путь.

Корсуняне, поселенцы Греческіе на берегу Чернаго моря, извѣстили Константинополь: се идутъ Русь безъ числа корабль, покрыли море кораблями.

Вслѣдъ за ними прислали извѣстіе и Болгаре: идутъ Русь и наняли себѣ Печенѣговъ.

Императоръ не разсудилъ за благо вступать съ Русью въ новую прю, не смотря на свои прежнія побѣды. Политика его состояла въ стараніи сохранять дружбу съ варварами, которые со всѣхъ сторонъ устремлялись на слабѣющую Имперію. Онъ послалъ первыхъ своихъ бояръ къ Игорю сказать ему: не ходи на насъ, но возми дань, что бралъ Олегъ, мы придадимъ къ ней и еще. Къ Печенѣгамъ также отправили Греки богатые дары.

Игорь былъ тогда на Дунаѣ. Онъ созвалъ дружину на совѣтъ, и передалъ имъ рѣчь цареву. Чего же лучше, отвѣчала дружина, не бившись получить золото, серебро и паволоки, если такъ предлагаетъ Царь. Какъ знать, кто одолѣетъ, мы ли, они ли. Съ моремъ ни кто не совѣтенъ. Мы ходимъ не по землѣ, а по глубинѣ морской. Смерть грозитъ всѣмъ одна.

Игорь послушался, указалъ Печенѣгамъ идти на Болгарскую землю, а самъ взялъ у Грековъ золото, серебро, паволоки, на себя и на всѣхъ воевъ, и возвратился въ Кіевъ.

Къ этому же году Арабскіе лѣтописатели причисляютъ нападеніе Руси на знатный городъ Берду, за Кавказомъ.

Вѣроятно часть ополченія, ходившаго подъ Царьградъ, отряжена была въ эту сторону за неимѣніемъ дѣла въ Греціи, чтобъ не даромъ остался тяжелый подъемъ. Только путь

выбрала Русь другой, не по Волгѣ, оставившей такія прискорбныя между ними воспоминанія. Изъ Чернаго моря они перешли волокомъ чрезъ Кавказскій перешеекъ, по предгорью, но не могли пробиться чрезъ Дербентъ, а сѣли на суда въ Каспійскомъ морѣ, проплыли до устья Куры, поднялись вверхъ по Курѣ, и явились наконецъ предъ этой богатою столицей Аррана. Градоначальникъ выступилъ противъ нихъ съ отрядомъ войска, числомъ болѣе пяти тысячъ, но Русь разбила ихъ въ одно мгновеніе; Дейлемиты были переколоты, а бѣжавшіе съ поля сраженія преслѣдованы до самаго города, изъ котораго съ другой стороны спѣшили спасаться всѣ, кто могъ только достать вьючнаго скота. Вступивъ въ городъ, Русь объявила, вѣроятно опасаясь прежнихъ послѣдствій, что жизнь обитателей будетъ пощажена, и держала свое слово.

Между тѣмъ войска мусульманскія собирались со всѣхъ сторонъ. Русь вышла имъ на встрѣчу и принудила разбѣжаться. Во время сраженія городская чернь дѣйствовала противъ нея, и бросала каменьями, не смотря не увѣщанія. Русь, вышедъ изъ терпѣнія, объявила, чтобъ всѣ жители выходили изъ города. Многіе выѣхали, но многіе еще остались. Русь предала ихъ мечу, и девятнадцать тысячъ забрала въ плѣнъ, мущинъ, женщинъ и дѣтей. Съ остальныхъ, собранныхъ въ мечеть, требовала выкупа. Одни Христіане начали договариваться, и согласились по двадцати драхмъ за голову, но многіе изъ заключенныхъ не хотѣли платить, и были умерщвлены. Городъ былъ разграбленъ.

Мусульмане изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ, разтревоженные участію Берды, собрали новое ополченіе изъ тридцати тысячъ, но были опять разбиты.

Послѣ этой побѣды Русь долго оставалась покойно въ Бердѣ, сдѣлавъ одинъ только набѣгъ на Мерагу, пила, ѣла

и проклажалась; но излишнее употребленіе плодовъ произвело между ними заразительную болѣзнь, отъ которой ихъ погибло множество.

Мусульмане собрались тогда съ свѣжими силами и оступили городъ. Нѣсколько приступовъ должна была выдержать Русь, и наконецъ напираемая безпрестанно, принуждена была запереться въ крѣпости Берды, Шегристанѣ. Ночью она вышла изъ крѣпости, унося на плечахъ лучшее имущество. Достигнувъ берега рѣки Куры, безъ всякой помѣхи со стороны осаждавшихъ, которые не смѣли ее преслѣдовать, она сѣла на свои суда и отправилась восвояси.

Ибнъ-Гаукалъ, Арабскій путешественникъ, былъ въ Бердѣ черезъ четыре года послѣ Русскаго погрома. Городъ этотъ, говоритъ онъ, находится на почвѣ, самой плодородной, и производитъ большую торговлю шелкомъ, плодами и другими произведеніями земли. Теперь находится онъ не въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, однако жъ все еще заключаетъ въ себѣ много рынковъ, караванъ-сераевъ и общественныхъ бань, не смотря на все претерпѣнное имъ отъ Руси.

Въ слѣдующемъ году Императоры Константинопольскіе и Великій Князь Русскій обослались между собою посольствами, и заключили договоръ на слѣдующихъ условіяхъ, менѣе выгодныхъ для Руси, чѣмъ Олеговы:

Мы отъ рода Русскаго, послы и гости, Иворъ, солъ Игоревъ, Великаго Князя Русскаго, и общіе слы: Вусфастъ Святославль, сына Игорева, Искусевъ Ольги Княгини, Слудъ нетія (племянника) Игорева, Улѣбъ Володиславль, Канцаръ Переславинъ, Шигберинъ Сфанды, жены Улѣбовой, Прастѣнъ Турдовъ, Либіаръ Фастовъ, Гримъ Сфирковъ, Прастѣнъ Акунь, нетія Игорева, Каръ Тудковъ, Карнѣевъ, Турдовъ, Егріевлисковъ, Войковъ, Истръ

Амидовъ, Прастѣнъ Берновъ, Аттягъ Гунаревъ, Шибридъ Алдань, Колклековъ, Стегістоновъ Сфирка, Алвадъ Гудовъ, Фрудъ Туадовъ, Мутуръ Утинъ, Купецъ Адунъ, Адулбъ, Иггивладъ, Олѣбъ, Фрутанъ, Гомолъ, Куцъ, Емигъ, Турбридъ, Фурстенъ, Брунъ, Роалдъ, Свѣнъ, Стиръ, Алданъ, Тиленъ, Апубкаръ, Вузлѣвъ, Сиико Боричь, посланные отъ Игоря, Великаго Князя Рускаго, и отъ всякаго Княжья, и отъ всѣхъ людей Русской земли.

Великій Князь нашъ Игорь, и бояре его, и люди всѣ Русскіе, послали насъ къ Роману, Стефану и Константину, Великимъ Царямъ Греческимъ, сотворити любовь со всѣмъ боярствомъ, и со всѣми людьми Греческими, на всѣ лѣта, дондѣже солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ. Если кто изъ Русскихъ окрестившихся помыслитъ разрушить эту любовь, то да будетъ наказанъ отъ Бога Вседержителя въ семъ вѣкѣ и будущемъ; а не крещенные да не имѣютъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щитами своими, да посѣкутся мечами своими, погибнутъ отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего, да будутъ рабами въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.

Великій Князь и бояре его да отправляютъ корабли въ Грецію съ послами и гостями, сколько угодно, какъ уставлено прежде. Вмѣсто печатей золотыхъ послы, и серебреныхъ гости, должны отнынѣ привозить грамоту отъ Русскихъ Князей съ означеніемъ числа кораблей, въ свидѣтельство, что они приходятъ съ миромъ. Приходящихъ безъ грамоты Греки задерживаютъ до извѣстія отъ Князя Русскаго.

Если руку не дадутъ и возпротивятся, да будутъ убіены, и смерть ихъ не изыщется отъ Князя вашего.

Если уйдутъ въ Русь, то Князь поступай съ ними, какъ ему любо.

Русь не можетъ покупать паволокъ дороже 50 золотниковъ. По покупкѣ должно предъявлять ихъ цареву мужу, для приложенія печати.

Если ускочитъ челядинъ изъ Руси или отъ гостей у Св. Мамы, то Русь, поймавъ, можетъ взять его къ себѣ обратно; не найдя, послѣ клятвы по закону, взимается отъ Грековъ по двѣ паволоки за челядина, какъ установлено прежде. Наши бѣглецы должны быть выдаваемы, за два золотника вознагражденія.

За краденное возвращается вдвое, а виновный наказывается по закону Греческому или Русскому.

За Греческаго плѣнника, приведеннаго Русью, платится: за юношу и дѣвицу добрую 10 золотниковъ, за средовича 8, за стараго и малаго 5. Русинъ выкупается у Грековъ по 10 золотниковъ, или за данную цѣну.

Корсунской страны Русь не должна искать. Воюя въ сосѣдствѣ она можетъ, въ случаѣ нужды, получить по просьбѣ помощь отъ Грековъ.

Русь должна препятствовать Чернымъ Болгарамъ воевать страну Корсунскую.

Русь не должна мѣшать Корсунянамъ, ловящимъ рыбу въ устьѣ Днѣпровскомъ. Зимовать тамъ Русь не должна, въ Бѣлобережьѣ или у Св. Ейферія, но осенью должна возвращаться домой въ Русь.

Грека виноватаго не должно наказывать Руси, а представить, куда слѣдуетъ.

Если Греческому Царю понадобится помощь на супротивныхъ, то да пишетъ о томъ къ Великому Князю нашему, и онъ пришлетъ ему, сколько нужно. чтобъ увидѣли прочія страны, какую любовь имѣютъ Греки съ Русью. (Прочія статьи о мѣстѣ пребыванія пословъ и гостей Русскихъ въ Греціи, о мѣсячинѣ, о бѣглыхъ, о побояхъ, остаются въ прежнемъ видѣ, какъ были поставлены въ Олеговомъ договорѣ).

Мы написали это совѣщаніе на двухъ хартіяхъ. Одна останется у царства нашего, на ней же есть крестъ и гдѣ написаны наши имена, а другую, гдѣ ваши слы и гости, пусть отнесутъ они къ Великому Князю Русскому и къ людямъ его: да идутъ на роту хранить истину, какъ написано.

Послы Греческіе отправились въ Кіевъ вмѣстѣ съ Русскими. Великій Князь, призвавъ, спросилъ ихъ: скажите, что велѣлъ вамъ Царь. Они отвѣчали: Царь нашъ радъ миру, и хочетъ имѣть любовь съ Княземъ Русскимъ. Твои слы видѣли его роты, и онъ послалъ насъ привести также ротѣ тебя и мужей твоихъ». Игорь обѣщался все исполнить, и на другой день, поутру пришелъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ, съ своими боярами. Всѣ они положили свое оружіе, щиты и золото, и поклялись, сколько ихъ было не крещеныхъ, а крещеная Русь присягнула въ церкви Святаго Ілїи, надъ ручьемъ, въ концѣ улицъ Казарской и Пасынчей бесѣды.

Игорь, утвердивъ миръ, отпустилъ пословъ, одаренныхъ скорою, воскомъ и челядью, произведеніями, коими особенно была богата страна наша и торговала.

Кончину свою Игорь нашелъ въ слѣдующемъ году (945), у сосѣдняго съ Кіевымъ племени Древлянъ, съ которыхъ хотѣлъ онъ взять лишнюю дань, и вотъ какимъ образомъ:

Подъ конецъ жизни, бывъ уже лѣтъ семидесяти, онъ не ходилъ въ дань по своимъ волостямъ, и препоручалъ это полюдье боярину Свѣнельду, что̀ было не выгодно для собственной его дружины, которая и приступила къ нему съ жалобами: «отроки Свѣнельжи, разбогатѣли оружьемъ и платьемъ, а мы наги. Пойдемъ Князь въ дань, чтобъ ты добылъ, и мы.»

Свѣнельдъ воевалъ предъ тѣмъ Угличей, и послѣ трехлѣтней осады взялъ городъ ихъ Пересѣчень, за что получилъ отъ Игоря всю Углицкую дань).

Игорь послушался дружины, и пошелъ къ Древлянамъ, племени наименѣе покорному. Онъ потребовалъ съ нихъ лишнее, и производилъ насиліе, равно какъ и мужи его. По собраніи дани, на возвратномъ пути въ Кіевъ, вздумалось ему воротиться опять къ Древлянамъ, «желая больше имѣнья». Онъ отпустилъ дружину, сказавъ: идите съ данью домой, а я хочу походить еще. Древляне, услышавъ, что Игорь возвращается къ нимъ опять, посовѣтовались съ Княземъ своимъ Маломъ, и рѣшились ему воспротивиться: если волкъ повадится въ стадо, то вынесетъ все, пока не убьютъ его. Таковъ и Игорь: онъ погубитъ насъ всѣхъ, если мы не убьемъ его.

Однакожъ они послали ему сказать: зачѣмъ ты идешь, вѣдь ты получилъ всю дань. Но Игорь ихъ не послушался. Тогда Древляне, вышедъ изъ Коростеня, (близь Овруча, въ Волынской губерніи), перебили всю дружину Игореву, (она была очень малочисленна), а самаго привязали живаго къ двумъ деревьямъ, нагнувъ ихъ верхи, которые потомъ пустили, такъ что старый Князь Кіевскій живой разорванъ былъ на части.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА.

Древляне, убивъ Игоря, испугались послѣдствій. Въ избѣжаніе мести, они рѣшились звать вдову его Ольгу въ супружество за Князя своего Мала,—а съ Святославомъ мы сдѣлаемъ тогда, что хотимъ, думали они, — и отправили въ ладьѣ посольство въ Кіевъ, но напрасно: мужественная Княгиня Русская наказала ихъ жестоко, судя по *преданію*, которое сохранилось въ народѣ объ ея дѣйствіяхъ. Когда послы пристали къ Боричеву взвозу, она пригласила ихъ къ себѣ. Добрые гости пожаловали, привѣтствовала она ихъ, что вамъ угодно? Тѣ отвѣчали: насъ прислала Деревская земля объявить тебѣ: мы убили твоего мужа; мужъ твой былъ какъ волкъ, восхищая и грабя, а наши Князи добры: распасли свою землю. Выдь за нашего Князя Мала. Ольга сказала: люба мнѣ рѣчь ваша, потому что мужа мнѣ невоскресить, — и я хочу почтить васъ передъ здѣшними людьми. Ступайте теперь въ свою ладью; завтра я пришлю за вами, а вы говорите посламъ: не хотимъ ѣхать на коняхъ, ни пѣши идти, понесите насъ въ ладьѣ. Между тѣмъ Ольга велѣла выкопать на теремномъ дворѣ, за оградою, большую и глубокую яму. Поутру, сидя въ теремѣ, послала она за гостями своихъ людей, звать ихъ на великую честь. Тѣ отвѣчали: не ѣдимъ на коняхъ, ни на возахъ, понесите насъ въ ладьѣ. Кіевляне понесли ихъ въ ладьѣ, примолвивъ: «намъ неволя; Князь нашъ убитъ, а Княгиня хочетъ идти за вашего Князя! Послы сидѣли и величались. Но ихъ принесли на дворъ Ольгинъ и бросили въ яму съ ладьею. Ольга, смотря на нихъ, закричала имъ изъ окошка: добра ли честь вамъ?

Лютье Игоревой смерти, стенали несчастные. Она велѣла засыпать ихъ живыхъ землею, и потомъ послала сказать Древлянамъ: Если вы въ самомъ дѣлѣ меня просите, такъ пришлите за мной пословъ нарочитыхъ, чтобъ я въ великой чести пришла за вашего Князя, а то не отпустятъ меня люди Кіевскіе.

Древляне собрали лучшихъ мужей, державшихъ ихъ землю и послали въ Кіевъ. Ольга велѣла истопить для нихъ баню: когда они вошли въ истопку, Княгиня велѣла запереть двери и зажечь строеніе; они всѣ сгорѣли. Тогда послала она опять сказать Древлянамъ: я уже иду къ вамъ, пристройте меды многіе въ городѣ, гдѣ убили моего мужа, да поплачусь надъ гробомъ его и сотворю ему тризну. Древляне свезли меды многіе и заварили. Ольга съ небольшею дружиною пришла ко гробу Игоря, плакалась по мужѣ своемъ, и велѣла людямъ своимъ насыпать могилу высокую; когда насыпали ее, велѣла творить тризну. Древляне сѣли пить, а отроки Ольгины имъ служили, по ея приказанію. Гдѣ наши послы, спрашивали они Ольгу, которыхъ мы посылали за тобою? Идутъ за мною, съ дружиною мужа моего, отвѣчала она. Когда упились Древляне, Ольга велѣла дружинѣ сѣчи ихъ, и было посѣчено ихъ пять тысячь. Княгиня возвратилась въ Кіевъ, размѣстивъ вои по остальному населенію.

Но месть ея тѣмъ не кончилась. Въ слѣдующемъ году, собрала она многочисленное войско, и пошла на Деревскую землю, взявъ съ собою сына своего Святослава, еще дѣтеска. Древляне хотѣли защищаться. Сшедшимся полкамъ, Святославъ, едва держась на конѣ, сунулъ копьемъ, но копье, едва пронесясь черезъ уши коня, упало ему въ ноги. Князь началъ, вскрикнули Асмудъ, кормилецъ его, и воевода Игоревъ Свѣнельдъ, ударимъ по Князѣ! Дру-

жина ударила, и Древляне были разбиты. бѣжали и заперлися по городамъ. Ольга устремилась къ Коростену. Жители боролись отчаянно, потому что они убили Игоря, и знали, чего имъ ожидать надо. Цѣлое лѣто стояла Ольга, и, не могши взять города оружіемъ, придумала взять хитростію. Она послала сказать гражданамъ: до чего хотите вы досидѣться? Всѣ города ваши дались мнѣ подъ дань, и дѣлаютъ спокойно нивы свои, а вы умрете съ голода, если не предадитесь. Древляне отвѣчали: мы рады были бы даться подъ дань, но ты хочешь мстить за мужа своего. Нѣтъ, отвѣчала Ольга, я отомстила уже обиду мужа моего, когда вы присылали пословъ своихъ въ Кіевъ, и во второй разъ, и въ третій, творя ему тризну. Больше мстить я не хочу, а буду довольна малою съ васъ данью, и уйду. Чего ты хочешь отъ насъ, спросили Древляне, мы рады давать медомъ и мѣхами. Меду теперь у васъ нѣтъ, отвѣчала Ольга, ни мѣховъ; я нехочу налагать на васъ дани тяжкой, какъ мой мужъ; я спрошу у васъ мало, потому что вы изнемогли въ осадѣ: дайте мнѣ съ двора по три голубя и по три воробья». Древляне были очень рады, собрали птицъ и прислали Ольгѣ съ поклономъ. Ольга приняла и отпустила посланныхъ съ словами: ну вотъ вы и покорились мнѣ и моему дитяти, идите въ градъ свой, а я отправлюсь въ Кіевъ. Древляне возвратились въ Коростенъ, разсказали слышанное, и всѣ люди въ городѣ обрадовались. А что сдѣлала Ольга! Она раздала голубей и воробьевъ воинамъ, велѣла имъ привязать къ каждой птицѣ горящую цѣрь, и, лишь только смеркнется, пустить ихъ на волю. Приказаніе исполнено, и выпущенныя птицы полетѣли въ гнѣзда свои, подъ стрѣхи, въ голубятни,—и вдругъ все загорѣлось въ городѣ: клѣти, вежи, одрины; небыло ни одного двора, который бы не пылалъ, а гасить было нельзя, потому что всѣ дворы заго-

рѣлись вдругъ. Жители побѣжали вонъ изъ города, и попались прямо въ руки воиновъ Ольгиныхъ, которымъ приказано было ловить ихъ. Ольга взяла городъ, сожгла его, плѣнила старѣйшинъ и всѣхъ жителей: однихъ избила, другихъ предала работѣ къ мужамъ своимъ, а на прочихъ наложила тяжелую дань, коей двѣ части шли на Кіевъ, а одна на Вышгородъ, собственный ея удѣлъ.

Потомъ пошла Ольга по всей Деревской землѣ съ сыномъ и съ дружиною, уставила уставы и уроки.

На слѣдующій годъ ходила она къ Новугороду, и опредѣлила дани по Мстѣ и Лугѣ.

Становища и ловища ея были извѣстны до позднѣйшаго времени. Такъ точно и перевѣсища по Днѣпру и по Деснѣ. Село ея Ольжичи сохранило до сихъ поръ это имя. Сани ея были цѣлы въ Псковѣ, даже въ Несторово время, то есть чрезъ 250 лѣтъ послѣ ея смерти; Ольгина гора, Ольгинъ крестъ, Ольгины слуды, оставались тамъ долго въ памяти народной.

Изрядивши все, она воротилась въ Кіевъ, и жила спокойно, пребывая въ любви съ сыномъ своимъ.

Въ 957 году Ольга, пылкая, любопытная, дѣятельная, отправилась въ Константинополь съ многочисленнымъ пышнымъ поѣздомъ увидѣть городъ, получить дары, принять тамъ святое крещеніе, пріобщаяся вѣрѣ, издавна уже извѣстной въ Кіевѣ между ея единоплеменниками, и поразившей, видно, ея пылкое сердце.

Это случилось въ царствованіе Императора Константина Багрянороднаго, который самъ описалъ для насъ ея пребываніе въ своей столицѣ со многими занимательными подробностями.

Сентября 9 дня, въ середу, приготовлено было во дворцѣ великолѣпное торжество для принятія.... Ольга вошла первая, за нею слѣдовали Княжескія особы, ея родственницы, потомъ знатнѣйшія придворныя госпожи, одна за другою. Великая Княгиня остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно, именемъ царскимъ, логоѳетъ или канцлеръ спрашиваетъ иностранныхъ посланниковъ. Шествіе заключали посланники Русскіе и купцы, которые стали нѣсколько ниже рѣшетки.

Логоѳетъ повелъ Княгиню въ пріемную палату, гдѣ Императоръ, сидѣлъ на золотомъ сѣдалищѣ, окруженный знатнѣйшими царедворцами, со всѣми знаками ихъ высокаго достоинства. Поговоривъ нѣсколько съ Императоромъ, она удалилась въ ближніе покои, гдѣ и сѣла.

Роскошный обѣдъ происходилъ въ палатѣ Юстиніановой. Императрица сидѣла на высокомъ престолѣ Ѳеофила, со снохою подлѣ. Русская Княгиня стояла въ сторонѣ до тѣхъ поръ, пока прочія княжескія особы не введены были стольникомъ. Всѣ онѣ поклонились Императрицѣ въ землю, а гордая Ольга слегка только наклонила голову, какъ замѣтилъ Императоръ, и сѣла на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла, за столъ, за которымъ сидѣли знатнѣйшія придворныя госпожи. Во время обѣда пѣвчіе пѣли стихи въ честь царскаго дома, а послѣ представлялись разныя игры.

Въ золотой палатѣ происходилъ другой столъ, къ которому были приглашены всѣ посланники Русскихъ Князей,—знатнѣйшіе Ольгины служители, также и купцы Русскіе.

Послѣ обѣда гости были одарены подарками: племянникъ Княгини получилъ 30 миліарисій или сребренниковъ, (цѣною почти въ рубль), 8 знатнѣйшихъ служителей по 20,

двадцать пословъ по 12, сорокъ три купца по 12; воины Святославовой дружины по 5, шесть служителей при посланникахъ по 3, а переводчикъ Княгини 15 миліарисій.

Когда Императоръ всталъ изъ-за стола, началось угощеніе сластями на осыпанныхъ драгоцѣнными каменьями блюдахъ, коими уставленъ былъ золотой столъ въ пріемной палатѣ. За него сѣли Константинъ и сынъ его Романъ съ своими дѣтьми, Царева невѣстка и Великая Княгиня Ольга. Ей подарено было еще 500 миліарисій на богатомъ блюдѣ, шести родственникамъ по 20, а осьмнадцати приспѣшникамъ по 8.

Святое крещеніе приняла Ольга отъ Патріарха, а воспріемникомъ отъ купели былъ самъ Императоръ Константинъ. Имя наречено ей Елена, въ память древней Царицы, матери равноапостольнаго Царя Константина.

Патріархъ поучалъ ее въ новой вѣрѣ, заповѣдалъ ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и постѣ, о милостыни, о воздержаніи тѣла чиста. Наклонивъ голову, внимала она его ученію, «стоявше аки губа напаяема».

Ольга прожила въ Царѣградѣ около двухъ мѣсяцевъ. 18 Декабря въ воскресенье былъ опять обѣдъ во дворцѣ за двумя столами: въ золотой палатѣ обѣдали Русскіе, въ присутствіи Императора, а въ палатѣ Св. Павла кушала Великая Княгиня съ Императрицей, Царевой невѣсткой и дѣтьми. Ольга получила въ даръ 200 миліарисій, посланники ея по 20, священникъ Григорій 8, шестнадцать ея родственниковъ по 12, осьмнадцать приспѣшниковъ по 6, двадцать два посланника по 12, сорокъ четыре купца по 6, и 2 переводчика по 12 миліарисій.

Собравшись въ возвратный путь, Ольга пришла къ Патріарху, прося у него благословенія: люди мои поганы, и сынъ мой также. Помолись о мнѣ владыко, чтобъ Богъ

сохранилъ меня отъ всякаго зла. Патріархъ старался убѣдить ее въ помощи Божіей и милости, и отпустилъ въ отечество.

Императоръ одарилъ ее снова, и простился съ нею, называя ее своей дочерью, — но Ольга была недовольна Константинопольскимъ пріемомъ, вѣроятно наскучивъ множествомъ мѣлочныхъ обрядовъ, которымъ, вольная и гордая, она должна была подчиняться при Греческомъ дворѣ, или оскорбившись ничтожностію даровъ, полученныхъ ею отъ Императора.

Греческое путешествіе облеклось тотчасъ на Руси баснословной одеждой, и подало поводъ ко многимъ разсказамъ, свидѣтельствующимъ то высокое мнѣніе, какое имѣлъ народъ объ умѣ своей Княгини. Говорили, что Императоръ, увидѣвъ ее, прельстился ея красотою и достоинствами, и хотѣлъ на ней жениться. Крести меня, требовала Ольга, а если ты нехочешь крестить, то я не крещуся. Царь исполнилъ ея желаніе, и когда хотѣлъ приступить къ своему, то она возразила ему: какъ можешь ты жениться на мнѣ, послѣ того какъ самъ крестилъ меня и нарекъ своей дочерью! Переклокала меня еси Ольга, (т. е. перехитрила), долженъ былъ онъ сознаться удивленный, и оставилъ ее въ покоѣ.

Вскорѣ по возвращеніи Ольги въ Кіевъ, Константинъ прислалъ къ ней посольство съ напоминаніемъ объ ея обѣщаніи доставить ему воевъ на помощь, челядь, воскъ, и скору, въ знакъ благодарности за его дары. Скажите ему, отвѣчала Ольга — если онъ постоитъ у меня столько въ Почайнѣ, сколько я стояла у него въ гавани, тогда я пришлю ему, что обѣщала.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВЪ.

Великая Княгиня Ольга, принявъ къ сердцу новое ученіе, обѣщавшее ей вѣчныя радости, пожелала, разумѣется, больше всего сдѣлать участникомъ ихъ своего милаго, единственнаго сына, и начала тотчасъ убѣждать его, чтобъ онъ принялъ святое крещеніе,—но Святославъ не хотѣлъ ее и слушать. И въ самомъ дѣлѣ, ему ли, пылкому юношѣ, воспитанному въ бранныхъ Норманскихъ обычаяхъ, могли понравиться святыя истины Вѣры Христовой: онъ отвѣдалъ ужъ жизни и ея сладостей, душа и тѣло его алкали тревогъ и дѣятельности, онъ мечталъ только о кровавыхъ сѣчахъ или пирахъ за столомъ Одиновымъ, въ чертогахъ Валгаллы, гдѣ ожидаютъ храбрыхъ прекрасныя дѣвы. Законъ мира, терпѣнія, воздержанія, былъ противенъ Святославу, также какъ и буйнымъ его товарищамъ, которые видѣли въ немъ осужденіе всего, чѣмъ мила и дорога имъ была жизнь, и потому ругались всегда надъ тѣми, кто оставлялъ вѣру отцевъ своихъ. Напрасно твердила ему Ольга: сынъ мой, я познала Бога и радуюсь; и ты будешь радоваться, если познаешь Бога. Дружина будетъ смѣяться надо мною, прерывалъ ее нетерпѣливый Святославъ, какъ мнѣ принять законъ одному? Всѣ окрестятся, лишь бы ты началъ, возражала съ неудовольствіемъ Ольга, — но юноша отворачивался отъ нея съ досадою, сердился, и продолжалъ творить «норовы поганскіе», для него любезные.

Тяжело было матери, любившей горячо сына, видѣть, какъ мало онъ обращалъ вниманія на ея увѣщанія и просьбы; страшно было ей думать, что ожидаетъ его въ

будущемъ свѣтѣ, теперь передъ ея глазами открывшемся, за такое слѣпое упорство; но дѣлать было нечего. Затаивъ грусть въ сердцѣ, она умолкала, печальная, и возлагала всю надежду на Бога: если Богъ хочетъ помиловать родъ мой и землю Русскую, то возложитъ имъ на сердце — обратиться къ нему, какъ возложилъ и мнѣ: такъ думала Ольга, и молилась за сына «по вся дни и нощи», говоритъ лѣтописецъ, «кормящи сына до мужества его и до возраста его».

А онъ, возросшій и возмужавшій, позабылъ вовсе объ ея противныхъ наставленіяхъ: онъ думалъ только о битвахъ, и тотчасъ началъ «собирать вои многи и храбры, легко ходя, аки пардусъ», посылая сказать племенамъ, на кого собирался: «хочу на васъ ити».

Станъ его не походилъ на прежніе: обоза за нимъ не слѣдовало, шатровъ не имѣлъ онъ никогда, а спалъ на голой землѣ, положивъ подъ себя войлокъ, съ сѣдломъ въ головахъ. Котловъ съ нимъ не бывало, и мясо не варилось: на угляхъ пекъ онъ, что ему попадалось—конину, звѣрину или говядину, и ѣлъ «потонку изрѣзавъ». Такъ жилъ онъ, такъ жили и всѣ его воины.

Съ какой же страны начать ему свои бранные поиски? Куда идти? Въ знакомыя мѣста, гдѣ ужъ воевали его удалые соотечественники, ему не хотѣлось: что взять на Сѣверѣ! Трудно ли справляться съ смирными Славянскими племенами на Западѣ! На Югъ, подъ Царьградъ, дорога была слишкомъ извѣстна. И Святославъ рѣшился идти на дальній Востокъ, — къ Волгѣ, туда, гдѣ погибли такъ ужасно Игоревы вои, и гдѣ тлѣвшія кости ихъ давно призывали себѣ мстителей.

По степямъ, по рѣкамъ, чрезъ дремучіе лѣса, путями непроходимыми, пришелъ онъ изъ Кіева наконецъ на Оку;

тамъ живо суровое племя Вятичей. Кому дань даете, спросилъ Святославъ. Даемъ по шлягу отъ рала Козарамъ, отвѣчали они. Русскій Князь обложилъ ихъ своею данію, и пошелъ далѣе.

Сперва плылъ онъ Окою, изъ Оки переправился въ Волгу, пустился внизъ по этой широкой рѣкѣ, и увидѣлъ наконецъ за нынѣшней Казанью богатый городъ Булгаръ, производившій издревле обширную торговлю съ Арабами, Козарами, Весью, Пермью, и самою Русью, и бывшій складочнымъ мѣстомъ товаровъ Востока и Сѣвера.

Чего желать лучше молодому Князю? Можно ли ему упустить изъ рукъ такую привлекательную добычу? Святославъ напалъ на Булгаръ съ удалой своей дружиною, взялъ, ограбилъ, и разорилъ такъ, что этотъ знаменитый городъ долго не могъ подняться послѣ и достигнуть прежней степени величія.

Поплывъ ниже, Святославъ покорилъ Буртасовъ, которыхъ страна простиралась отъ лѣваго берега Волги далеко вглубь Азіи.

За Буртасами встрѣтилось съ нимъ войско Козарское, вышедшее съ самимъ Каганомъ, защищать предѣлы своей земли. Но могло ль оно остановить рьяной потокъ гордаго побѣдителя! Произошло сраженіе, и Козары были разбиты на голову, заплативъ дорого за истребленіе Руси въ 913 году.

Уничтоживъ войско, Святославъ не находилъ уже болѣе никакихъ препятствій. Несчастные жители бросались съ дороги, искали себѣ спасенія въ сосѣднихъ странахъ, надѣясь послѣ перваго погрома заключить договоръ съ Русью, и опять поселиться на своей родинѣ въ ихъ подданствѣ. Святославъ достигъ благополучно устья Волги,

гдѣ процвѣталъ издавна по обѣимъ берегамъ ея знаменитый Итиль, еще болѣе богатый, чѣмъ Булгаръ, столица Козарскихъ Кагановъ, славная на всемъ Востокѣ, долговременное пребываніе народа, значительно образованнаго, и сборное мѣсто многихъ Азіатскихъ торговцевъ. Городъ былъ уже пустъ. Жители разбѣжались; одни на ближнемъ островѣ готовились къ оборонѣ, другіе удалились на островъ Дербентскій, и со страхомъ ожидали рѣшенія своей участи. Святославъ взялъ городъ, и нашелъ здѣсь еще болѣе добычи, чѣмъ въ Булгарѣ; воины его разграбили и опустошили все.

И вотъ предъ ними необозримое Хвалисское море. Могли ль внуки Норманновъ преодолѣть искушеніе разгуляться по широкому его раздолью, поиграть съ его вѣтрами и волнами, поспорить съ бурями, и наконецъ посмотрѣть тѣхъ плодоносныхъ береговъ, гдѣ уже были ихъ отцы, и такъ легко разнесли славу ужаснаго Русскаго имени!

Русь пустилась по Каспійскому морю, и дня черезъ четыре или пять высадилась уже на берегахъ Дагестана. Тамъ красовался Семендеръ, (между Итилемъ и Дербентомъ, близь Тарху), съ своими мечетями, синагогами, церквами, окруженный садами и виноградниками, въ которыхъ считалось до сорока тысячъ лозъ. Онъ имѣлъ участь Булгара и Итиля.

Святославъ у подошвы Кавказа! Онъ побѣдилъ здѣсь Ясовъ, обитавшихъ на предѣлахъ Грузіи, и Касоговъ, сосѣднихъ съ Азовскимъ моремъ. Тогда жъ вѣроятно занятъ былъ Русью и островъ Тамань, образуемый двумя устьями Кубани.

Здѣсь, въ виду любезнаго Руси Чернаго моря, на крѣпкомъ островѣ, по любимому обычаю Норманновъ, могъ

онъ отдохнуть послѣ долгихъ утомительныхъ походовъ, и сохранить безъ опасности добычу, коею былъ обремененъ; послѣ онъ кажется и оставилъ здѣсь нѣсколько воевъ, чтобъ удержать за собою это важное мѣсто, при двухъ моряхъ, ключь къ странамъ Кавказскимъ, съ которыми теперь онъ только что познакомился,—основаніе княжества Тмутораканскаго, на развалинахъ Таматархи или Фанагоріи, принадлежавшей древнему Воспорскому царству.

Отсюда Святославъ могъ идти вверхъ по Дону; онъ взялъ Козарскую крѣпость на берегахъ этой рѣки, верстахъ въ семидесяти, отъ устья, Саркелъ или Бѣлую Вѣжу, построенную для Козаровъ Греческими мастерами отъ набѣговъ Печенѣжскихъ, передъ тѣмъ лѣтъ за сто; поднимаясь еще выше, напалъ на Вятичей, обложилъ ихъ данью, и воротился въ Кіевъ по старой дорогѣ, коею вышелъ оттуда.

Три года продолжались бранные набѣги молодаго Князя. Слава объ его подвигахъ пронеслась повсюду. Обитатели Джордшана, еще полные страха, разсказывали Ибн-Гаукалу, Арабскому путешественнику, около 969 года, о губительномъ нападеніи Руси, которое осталось надолго и послѣ въ памяти приморскихъ Каспійскихъ областей, и попало во всѣ современныя лѣтописи.

Страны, прилежащія къ Черному и Азовскому морю, услышали также съ трепетомъ новое имя, грозившее затмить всѣ прежнія. Калокиръ, сынъ Херсонскаго начальника, извѣстилъ объ немъ, вѣроятно, Императора Никифора Фоку, и получилъ порученіе пригласить могучаго витязя Русскаго на помощь Имперіи.

Неуспѣлъ отдохнуть Святославъ въ Кіевѣ, какъ и явилось къ нему это посольство. Греки просили Святослава наказать Болгаръ, навлекшихъ на себя гнѣвъ Никифора, за

то ли, что они не мѣшали Уграмъ переправляться чрезъ Дунай, и тревожить предѣлы Имперіи, или за то, что требовали отъ него дани.

Святослава зовутъ на войну! Онъ ли откажется? Какой пиръ для него веселѣе войны? А Греки предлагаютъ ему еще тридцать пудъ золота, кромѣ будущей добычи.

Съ восторгомъ услышалъ онъ предложеніе, думалъ не долго, и кликнулъ кличь по всей странѣ своей, возбуждая особенно молодежь, которая, только что наслышась о блистательныхъ его подвигахъ на Окѣ, Волгѣ, Каспійскомъ морѣ, Кавказѣ, рвалась и безъ того дѣлить съ нимъ труды, опасности, добычу и славу.

Собралось многочисленное воинство, до шестидесяти тысячъ человѣкъ, по извѣстію Грековъ, и легкія ладьи понеслись по знакомому пути Днѣпровскому, явились скоро на Черномъ морѣ, и влетѣли въ устье Дуная.

Встревоженные Болгаре, собравъ, что могли, силой хотѣли возпрепятствовать высадкѣ. Напрасно. Удалые Варяги выскочили быстро изъ своихъ судовъ, подняли передъ собою длинные щиты, обнажили мечи, и начали рубить на повалъ во всѣ стороны. Болгаре не выдержали стремительнаго удара, смѣшались, бѣжали и принуждены были запереться въ Дористолѣ (что нынѣ Силистрія). Царь ихъ Петръ тутъ же умеръ, пораженный отъ горести внезапнымъ ударомъ. Святославъ пустился по Дунаю взялъ семдесятъ городовъ, и водворился въ Переяславцѣ.

Тогда-то хитрый Грекъ, который находился безпрестанно при немъ, вкрался ему въ душу, и сдѣлался почти братомъ,—сообщилъ ему тайныя свои намѣренія, внушенныя вѣроятно его же доблестью, коей, на его глазахъ, ни что немогло противиться. Калокиръ хотѣлъ овладѣть Византійскимъ престоломъ, переходившимъ тогда изъ рукъ

въ руки, и за помощь Святослава обѣщалъ оставить ему навсегда Болгарію, а дань платить больше прежней.

Искатель приключеній, съ пылкимъ воображеніемъ, Святославъ радъ былъ случаю пуститься на новыя опасности, помѣриться съ другими сильнѣйшими противниками, и получить въ свои руки распоряженіе престоломъ Имперіи. Условіе заключено.

Вѣсть объ немъ должна была скоро дойдти до Константинополя: Императоръ поздно увидѣлъ свою ошибку, пригласивъ такого помощника, который дѣлался стократъ опаснѣе врага.

Надо было принимать скорыя мѣры. Ожидая къ себѣ подъ стѣны съ часу на часъ двухъ молодыхъ честолюбцевъ, связанныхъ узами дружбы и выгодъ, онъ началъ снаряжать пѣхотное войско, вооружалъ сотни, ставилъ въ строй конную фалангу, одѣвалъ всадниковъ въ желѣзныя латы, приготовлялъ метательныя оружія, и разставлялъ ихъ на городскихъ стѣнахъ. Къ башнѣ Кентинаріи велѣлъ онъ прикрѣпить тяжелую желѣзную цѣпь, и по высокимъ столбамъ протянуть ее чрезъ Воспоръ до Галатской крѣпости, на Азіатскомъ берегу. Сколько мѣръ, заботъ, трудовъ и приготовленій! Такой страхъ возбуждало въ столицѣ Имперіи одно имя нашего Святослава!

Никифоръ рѣшился также примириться и съ прежними своими противниками, Болгарами, на которыхъ самъ вызывалъ Святослава, надѣясь теперь, посредствомъ ихъ, затруднить сколько нибудь его и Калокировы дѣйствія. Онъ послалъ къ нимъ довѣренныхъ людей предложить миръ, напомнить объ единовѣріи, и просить даже Княженъ въ замужство сынамъ Романа, ближайшаго наслѣдника Имперіи. Ничто не казалось ему дорогимъ и невозможнымъ, въ сравненіи съ грозившей опасностію!

Болгаре, съ своей стороны, рады были примириться, и обѣщали помощь, лишь бы Императоръ отвратилъ сѣкиру, висѣвшую надъ ихъ главами. Сѣкира была отвращена, хоть только на время,—но вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ Святославовыхъ.

Печенѣги видѣли, какъ онъ мимо ихъ пронесся по Днѣпру со всѣми своими воями. Хищные, они вознамѣрились воспользоваться его отсутствіемъ и ограбить его богатую столицу; остановить ихъ было некому, оборонительныхъ мѣръ не принято нигдѣ, по крайней мѣрѣ достаточныхъ: можно ли было думать, чтобъ кто нибудь осмѣлился потревожить стольный городъ Русскихъ, которые уже сто лѣтъ властвовали безспорно во всѣхъ этихъ странахъ. Печенѣги подошли наконецъ подъ самый Кіевъ, гдѣ Великая Княгиня Ольга принуждена была запереться съ молодыми своими внучатами. Непріятели обступили городъ со всѣхъ сторонъ. Не было ни входа, ни выхода. Нѣсколько воевъ собрались-было въ лодкахъ, изъ-за Днѣпра, и остановились у другаго берега, но не могли ничего предпринять въ пользу осажденныхъ. Кіевляне томились долго въ осадѣ; голодъ и жажда начали уже грозить имъ гибелью; и они рѣшились сдаться, если еще день не получатъ помощи. Одинъ смѣлый отрокъ взялся сообщить это рѣшеніе за-днѣпровской дружинѣ, и счастливо исполнилъ мудреное порученіе.

Надо спасать Княгиню и Княжичей, во что бы то ни стало, сказалъ воевода Претичь, услышавъ о намѣреніи Кіевлянъ, а не то Святославъ насъ погубитъ. Переправимся въ лодкахъ, достанемъ ихъ какъ нибудь изъ города, и умчимъ на нашу сторону.

Заутра, до свѣту, переплыли они Днѣпръ, бросились стремительно на гору, закричали, затрубили въ трубы,—

Печенѣги въ недоумѣніи дали имъ путь,—Кіевляне откликнулись. Ольга со внуками и людьми вышла на встрѣчу своимъ избавителямъ, и благополучно достигла лодей.

Князь Печенѣжскій вступилъ въ переговоры съ Претичемъ, который обманулъ его, выдавъ себя за предводителя передовой дружины княжеской. Они заключили миръ, подали другъ другу руки, и въ знакъ дружества обмѣнялись оружіемъ. Печенѣжинъ далъ Претичу коня, саблю и стрѣлы. Претичь ему броню, щитъ и мечь. Печенѣги отступили. Такъ разсказываетъ лѣтописецъ.

Кіевляне, избавясь нечаянно отъ угрожавшей имъ опасности, послали тотчасъ гонца къ Святославу звать его домой: Ты ищешь, Князь, и блюдешь чужую землю, а объ своей не думаешь; насъ едва не взяли Печенѣги съ матерью и дѣтьми твоими. Если не воротишься и не обороннишь насъ, такъ они придутъ опять. Иль тебѣ не жаль ни отчины своей, ни матери, на старости ея лѣтъ, ни дѣтей своихъ?

«То слышавъ Святославъ», лѣтописецъ, «вборьзѣ всѣдѣ на конѣ съ дружиною своею, и приде Кіеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя».

Раздраженный, онъ не могъ оставить Печенѣговъ безъ наказанія, собралъ вои, и угналъ дерзкихъ хищниковъ далеко въ поле.

Но не долго прожилъ онъ въ отечествѣ: ему соскучилось по любезной своей Болгаріи. Нѣтъ, сказалъ онъ матери и боярамъ, не любо мнѣ жить въ Кіевѣ; я хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, — тамъ средина земли моей; туда вся благая сходятся: отъ Грековъ золото, паволоки, вина, овощи; изъ Чехъ и Угоръ серебро и кони; изъ Руси мѣха, медъ, воскъ, челядь.

Ольга была уже очень слаба и больна. Ты видишь, какова я, возражала она безпокойному своему сыну, какъ же ты хочешь оставить меня. Погреби меня, а послѣ иди куда тебѣ угодно.

Въ самомъ дѣлѣ она скончалась чрезъ три дня, — и плакалъ по ней сынъ ея и внуки и люди всѣ плачемъ великимъ. Священникъ, бывшій при ней, похоронилъ ее, а тризны надъ собою отправлять она заповѣдала.

Ольга, говоритъ лѣтописецъ, предтекла въ нашей землѣ какъ утренняя звѣзда солнцу, какъ заря, свѣту и сіяла какъ луна въ нощи. Она была начаткомъ примиренію; она первая вошла въ Царство Небесное изъ Руси, и молитъ Бога по смерти за Русь. Ее должны славить Рустіи сынове, какъ свою начальницу. Возопіемъ же къ ней: Радуйся Русское познанье къ Богу.

Въ слѣдующемъ году Святославъ рѣшился исполнить любимое свое желаніе, и вмѣсто себя посадилъ старшаго сына Ярополка въ Кіевѣ, а втораго, Олега, въ землѣ Древлянской.

Тогда же пришли къ нему Новогородцы просить себѣ Князя. Если вы непойдете къ намъ, говорили они, то мы найдемъ себѣ Князя и въ другомъ мѣстѣ. Но кто къ вамъ пойдетъ, отвѣчалъ Святославъ. Ярополкъ и Олегъ отперлись; тогда Добрыня научилъ ихъ просить Володимера, племянника его, отъ сестры Малуши, ключницы Ольгиной. Новогородцы сказали: дай намъ Володимера. Пожалуй, возмите его, отвѣчалъ Святославъ, и Новогородцы повели къ себѣ Володимера, вмѣстѣ съ Добрынею.

Устроивъ такъ дѣла, Святославъ отправился, и оставилъ нашу землю на произволъ обстоятельствъ, думая основать новое государство въ Болгаріи на Дунаѣ; — но судьба того еще не хотѣла.

Болгаре, ободренные союзомъ съ Греками, рѣшились не пускать его къ себѣ. Вои, оставленные имъ, были истреблены, вѣроятно, во время его отсутствія. Надо было покорять вновь всю страну, какъ будтобъ она и не была покорена прежде. Но Святослава ли удержатъ препятствія? Онъ устремился на приступъ къ Переяславцу. Собравшись со всѣми своими силами Болгаре вышли къ нему на встрѣчу изъ города. Началась ужаснѣйшая сѣча, и побѣда склонялась уже на сторону непріятелей. Братья и дружина, воскликнулъ Святославъ, пасть приходится намъ здѣсь, ударимъ мужски. Сѣча возобновилась съ новымъ ожесточеніемъ, и къ вечеру одолѣлъ Святославъ; взялъ городъ копьемъ и плѣнилъ тамъ двухъ сыновъ покойнаго Царя. Потомъ прошелъ онъ съ огнемъ и мечемъ по всей Болгаріи, мстя за неожиданную, враждебную встрѣчу. Говорили, что онъ въ Филиппополѣ пересажалъ на колъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и такимъ образомъ, разсѣя всюду страхъ и ужасъ, заставилъ всѣхъ покориться себѣ снова.

Между тѣмъ въ Византіи произошла новая перемѣна Іоаннъ Цимискій, знаменитый полководецъ Греческій, свойственникъ царскій, умертвилъ несчастнаго Никифора, въ заговорѣ съ его супругою, и взошелъ на окровавленный престолъ. Столь же дѣятельный, благоразумный, и еще болѣе можетъ быть храбрый, нежели его предшественникъ, онъ раздѣлялъ его мнѣніе, сколь опасно для Греціи сосѣдство Святославово,—но на первое время у него было слишкомъ много заботъ. Голодъ въ Имперіи, нападеніе Аравитянъ на Антіохію, заговоры родственниковъ убіеннаго, связывали ему руки. Съ Святославомъ онъ желалъ обойтись пока безъ войны: отправилъ къ нему посольство вручить богатые дары, и объявить, чтобъ онъ, исполнивъ желаніе Императора Никифора и получивъ условную

награду, оставилъ Болгарію, принадлежащую Имперіи, и возвращался благополучно въ свое отечество.

Выкупите у меня прежде всѣ взятые мною города, отвѣчалъ Святославъ, надменный побѣдами и завоеваніями, выкупите вашихъ плѣнниковъ, заплатите золотомъ за Болгарію, и я оставлю ее, а если не хотите, то нѣтъ вамъ мира.

Греки напоминали ему судьбу отца его Игоря, который за нарушеніе договора былъ разбитъ на Черномъ морѣ, такъ что вмѣсто десяти тысячъ судовъ, съ коими пришелъ, долженъ былъ уйдти только на десяти, съ извѣстіемъ о собственномъ пораженіи, и наконецъ погибъ ужасною смертію отъ Древлянъ въ наказаніе за свою алчность. Такая же участь грозитъ и тебѣ, сказали они въ заключеніе, если все Греческое войско двинется противъ тебя изъ Константинополя.

Мы сами придемъ къ вамъ прежде вашего, отвѣчалъ Святославъ, раскинемъ шатры свои предъ вратами вашей столицы, обнесемъ городъ крѣпкимъ валомъ, — и тогда выходите на битву. Мы покажемъ, что мы не малыя дѣти, которыхъ можно напугать угрозами, и увидимъ, кому достанется побѣда.

И немедленно, умноживъ свое войско Болгарами и Уграми, Святославъ двинулся впередъ, и перешелъ Балканскія горы. Отряды его разсыпались повсюду и опустошили Македонію, Ѳракію, до Адріанополя, хотя нѣкоторые иногда и претерпѣвали пораженіе.

Цимискій, желавшій прежде переговорами только выиграть время, встрѣтилъ здѣсь Святослава съ многочисленнымъ, въ нѣсколько кратъ большимъ, войскомъ. Русскіе вои изумились такому неожиданному множеству непрія-

телей и устрашились. Святославъ сказалъ: намъ не куда дѣться! Волею и неволею мы должны сразиться. Не посрамимъ земли Русской и ляжемъ здѣсь костьми. Мертвымъ срама нѣтъ, а если побѣжимъ, то не спасемся, а срамъ примемъ. Станемъ же крѣпко. Я пойду впереди! Если голова моя упадетъ, то промышляйте о себѣ. Воины воскликнули въ отвѣтъ: гдѣ твоя голова упадетъ тамъ и наши, и бросились всѣ на непріятеля съ отчаяніемъ. Произошла ужаснѣйшая битва, длилась долго, и Святославъ побѣдилъ. Греки бѣжали.

Упоенный побѣдой онъ пошелъ впередъ «воюя и грады разбивая», и уже «за маломъ бѣ не дошелъ Царягорода».

Цимискій не могъ противиться болѣе: ему надо было, во что бы то ни стало, не допускать Святослава до столицы. Онъ просилъ мира, осыпалъ его дарами, соглашался на всѣ его требованія, давалъ дань на все войско. Святославъ съ своей стороны могъ также желать скораго мира, потому что потери его были значительны, и у него не доставало уже силъ для продолженія своихъ завоеваній, покоренія или удержанія столицы. Онъ принялъ предложеніе. Сколько у тебя воевъ, спросили Греки, на которыхъ мы должны принести дань? Двадцать тысячъ, отвѣчалъ Святославъ, хотя у него было только десять: «и приреченъ десять тысящъ». Сверхъ того взялъ онъ дань и на убіенныхъ, въ пользу ихъ родственниковъ, и обольщенный, усыпленный врагами, возвратился въ Переяславецъ «съ похвалою великою», въ полномъ убѣжденіи, что отъ Грековъ опасаться ему нечего.

Но не думалъ Цимискій мириться съ Святославомъ. Въ плодовитомъ умѣ своемъ онъ рѣшилъ уже гибель Русскаго Князя, который понадѣялся слишкомъ много на свою храбрость и на свое счастье, не оставлявшее его доселѣ,

ослѣпился успѣхами, и предался неосторожности, свойственной его племени.

Лишь только удалился Святославъ, какъ и началъ Императоръ дѣлать приготовленія къ новому рѣшительному походу. Всю зиму продолжались они съ величайшей дѣятельностію. Онъ призвалъ всѣ Греческія войска, бывшія въ Азіи, снарядилъ флотъ, собралъ множество запасовъ, и съ наступленіемъ весны при первой возможности отправилъ триста судовъ въ устье Дуная, для содѣйствія сухопутному его войску, которое двинулось немедленно къ Балканскимъ тѣснинамъ, оставленнымъ неосторожнымъ Святославомъ, безъ всякой засады. Полководцы Цимискія боялись этого пути, на которомъ погибло столько войскъ Греческихъ, среди войнъ ихъ съ Болгарами. Но Цимискій, узнавшій чрезъ лазутчиковъ о малочисленности дружины Святославовой, настоялъ на своемъ намѣреніи; онъ опасался, чтобъ Русскіе, узнавъ объ его походѣ, не заняли выгодныхъ ущелій, и искалъ успѣха въ скорости.

Греки прошли Балканы безъ всякаго препятствія, и внезапно явились у Переяславца. Русь упражнялась передъ городомъ въ воинскихъ движеніяхъ. Хоть изумленные такимъ нечаяннымъ нападеніемъ, но схватились они за оружіе, и бросились на Грековъ. Изъ города подана имъ была помощь, и побѣда долго оставалась нерѣшенною, какъ Цимискій пустилъ на нихъ отборную свою конницу, состоявшую изъ такъ называемыхъ безсмертныхъ латниковъ, и привелъ ихъ въ совершенное замѣшательство, тѣмъ болѣе, что они сражаясь всегда пѣши, непривыкли къ дѣйствіямъ съ конницей. Они должны были уступить и запереться въ городѣ. Калокиръ, бывшій въ Переяславцѣ, бѣжалъ ночью къ Святославу, стоявшему въ Силистріи, извѣстить его о новой войнѣ.

На другой день неутомимый Императоръ приступилъ снова. Русь ожидала его на стѣнахъ. Всѣми силами старались они защититься; бросали копья, стрѣлы, камни. Греки, ободряемые примѣрами храбраго своего вождя, успѣли наконецъ приставить лѣстницы, взобрались на стѣны, и принялись колоть Русскихъ, которые принуждены были искать спасенія на царскомъ дворѣ, обнесенномъ оградою, гдѣ хранилась обыкновенно казна, но неуспѣли затворить однихъ воротъ. Греки вбѣжали за ними. Произошла новая битва, и враги были наконецъ отражены съ значительною потерей. Цимискій велѣлъ зажечь зданіе. Когда пламя распространилось повсюду, и держаться не оставалось возможности, Русскіе выскочили, выстроились на открытомъ мѣстѣ, и хотѣли еще сражаться.... Они всѣ были переколоты, кромѣ предводителя своего, храбраго Свѣнельда, который спасся съ немногими товарищами къ Святославу.

Цимискій, недавая опомниться, пошелъ впередъ.

Тяжело было Святославу слышать о взятіи Переяславца, а за нимъ и другихъ Болгарскихъ городовъ, сдававшихся Грекамъ, но онъ не думалъ смиряться, онъ надѣялся еще разъ побѣдить Грековъ, и вышелъ на встрѣчу Цимискію. А въ наказаніе измѣны Болгаръ, онъ собралъ до трехъ сотъ лучшихъ гражданъ, и приказалъ отрубить имъ головы; многіе, окованные, были заключены въ темницы.

Недалеко отъ Силистріи сошлись уже соперники, и началось сраженіе. Русь дралась отчаянно. Какъ бѣшеные бросались они на Грековъ, но Греки неуступали. Побѣда долго оставалась сомнительною, пока наконецъ стремительный ударъ конницы не рѣшилъ опять дѣла, и Русь возвратилась въ городъ.

Всю ночь слышенъ былъ стонъ въ Силистріи: Русскіе оплакивали своихъ товарищей, павшихъ въ бою, и дикіе вопли ихъ разносились далеко по окрестностямъ, какъ слышали Греки, и свидѣтельствуютъ очевидцы между ихъ лѣтописателями.

Цимискій расположилъ станъ по близости, укрѣпившись рвомъ и валомъ. На другой день повелъ онъ войско свое на крѣпость. Русскіе отразили приступъ,—еще болѣе,— къ вечеру они сдѣлали вылазку на коняхъ, но не умѣя управляться съ ними въ сраженіи, были опрокинуты, и воротились въ городъ безъ значительнаго успѣха.

Между тѣмъ на Дунаѣ показались огненныя суда Греческія, о коихъ на Руси хранилось такое страшное преданіе. Въ страхѣ потерять утлые челны свои порознь, Русскіе собрали тотчасъ ихъ вмѣстѣ, и поставили въ рядъ подъ стѣною, омываемою Дунаемъ.

Нѣсколько разъ пытались они дѣлать вылазки, иногда уступали, но не показывали никакой робости, и нещадили никакихъ трудовъ, оставаясь иногда по цѣлымъ днямъ и ночамъ на полѣ сраженія. Даже женщины, такъ называемыя щитоносицы у Норманновъ, сражались въ ихъ рядахъ, столь же храбро какъ и мужчины, и тѣла ихъ часто находимы были между убитыми. Въ плѣнъ Русскіе никогда не отдавались, и въ минуту опасности поражали себя сами мечемъ, избѣгая рабства на томъ свѣтѣ, ибо, по ихъ мнѣнію, всякій плѣнникъ долженъ тамъ служить своему господину.

Однажды удалось имъ убить у Грековъ одного знаменитаго вождя, котораго они, по блистательнымъ доспѣхамъ, сочли было за самого Императора. Возвратясь въ крѣпость, они воизили отрубленную голову на копье, и выставили на башнѣ, смѣясь надъ Греками. Больше всего

хотѣлось имъ истребить стѣнобитныя орудія, причинявшія имъ много вреда, но тщетно: Греки охраняли ихъ мужественно.

Около двухъ мѣсяцевъ продолжалась осада. Утомленный Святославъ окопался рвомъ, и заперся наконецъ совершенно въ городѣ. Вылазки прекратились. Императоръ, не могшій справиться съ Русью въ открытомъ бою, не смотря на превосходство силъ, рѣшился смирить ихъ голодомъ. Съ сею цѣлію велѣлъ онъ перекопать всѣ пути, ведущіе къ Силистрія, разставилъ вездѣ стражу, приказалъ строго судамъ наблюдать за сообщеніями, и не пускать никого ни въ городъ, ни изъ города, за запасами, и расположился жить покойно въ своемъ станѣ.

Эти мѣры оказали скоро свое дѣйствіе. Войско Святославово терпѣло крайній недостатокъ во всякомъ продовольствіи, между тѣмъ какъ Греческое жило въ изобиліи. Никакъ нельзя было выдти изъ города, и всякое сообщеніе прервалось.

Однажды только, въ глухую, темную ночь, во время страшной бури съ дождемъ и громомъ, удалось Святославу выслать на ладьяхъ двѣ тысячи воиновъ для собранія припасовъ въ окрестностяхъ; они воротились съ богатой добычею, успѣвъ даже разбить одинъ Греческій отрядъ.

Императоръ пригрозилъ смертію корабельнымъ начальникамъ, если они опять пропустятъ Русь, и тѣ умножили еще болѣе свою бдительность.

Собранные припасы истощились, а достать вновь не было уже никакой возможности. 20 Іюня Русскіе рѣшились сдѣлать вылазку, подъ предводительствомъ Икмора, воина, славнаго между ними своею храбростію. Напавъ стремительно, начали было они тѣснить Грековъ, какъ

вдругъ одинъ изъ тѣлохранителей императорскихъ, по имени Анемасъ, успѣлъ подскочить къ нему на рьяномъ конѣ своемъ, и нанесъ столь сильной ударъ въ лѣвое плечо, что голова его вмѣстѣ съ правой рукой отлетѣла и покатилась на землю. Все поле огласилось громомъ,— Греки воскликнули, торжествуя побѣду; Русскіе, увидя паденіе Икмора, испустили отъ горести ужасный крикъ, смѣшанный съ воплемъ, — немогли сражаться болѣе, и, закинувъ щиты за спину, оставили поспѣшно битву.

Какъ скоро наступила ночь, и полный мѣсяцъ явился на небѣ, вышли они на поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ, и сожгли на разложенныхъ кострахъ, заколовъ надъ ними множество плѣнниковъ и женщинъ. Принеся сію кровавую жертву, они погрузили въ Дунайскія струи нѣсколько младенцевъ и пѣтуховъ, и потомъ задушили.

Осажденные были доведены наконецъ до крайности. Святославъ созвалъ совѣтъ и спрашивалъ мнѣнія дружины, что должно дѣлать въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Одни говорили, что должно, выбравъ какую нибудь темную ночь, тихо сѣсть на суда, и спасаться бѣгствомъ. Другіе желали испытать мирныхъ переговоровъ съ Греками, ибо уплыть въ виду сторожевыхъ судовъ казалось невозможнымъ.

Сразимся въ послѣдній разъ, заключилъ Святославъ.

На другой день, предъ захожденіемъ солнца, Русскіе вышли изъ города. Построившись плотной стѣною, неся предъ собою копья, двинулись они на непріятелей, которые ожидали ихъ, также въ боевомъ порядкѣ. Какъ лютые звѣри напали они на Грековъ, кололи копьями, поражали стрѣлами и сбивали всадниковъ на землю. Святославъ былъ вездѣ впереди. Съ яростію бросался онъ на Грековъ, и ободрялъ полки свои. Анемасъ, поразившій

накануне Икмора, осмѣлился напасть и на самого Святослава. Завидя его издали, онъ понесся прямо къ нему, ударилъ въ самую ключевую кость и повергнулъ ницъ на землю. Только кольчужная броня и щитъ спасли его отъ смерти. Русскіе, увидѣвъ опасность своего Князя, налетѣли со всѣхъ сторонъ къ нему на помощь, другіе обратились къ дерзкому Греку.... конь его убитъ, и самъ онъ тотчасъ палъ, изъязвленный копьями и стрѣлами. Русскіе, ободренные его паденіемъ, начали напирать съ большимъ ожесточеніемъ, и Греки должны были удалиться. Насилу удержалъ ихъ самъ Цимискій, не уступавшій сопернику своему въ мужествѣ. Къ несчастію Руси поднялась ужасная буря съ вѣтромъ, дувшимъ прямо въ лице имъ. Отъ пыли слипались у нихъ глаза. Страшная конница греческая явилась. Русь побѣгла. Самъ Святославъ, весь израненный и истекающій кровью, не остался бы живъ, если бы наступившая темнота не развела сражавшихся.

Всю ночь стеналъ Святославъ о побіеніи своей храброй рати, скорбѣлъ, предавался гнѣву. Мало уже оставалось у него воевъ; множество погибло на полку. Онъ увидѣлъ, что Греки могутъ погубить его съ остальными, и рѣшился.... Святославъ рѣшился просить мира.

Цимискій, съ своей стороны, радъ былъ кончить войну, которая, не смотря на побѣды, стоила ему дорого, а силы и время все еще были ему нужны для другихъ дѣлъ, не менѣе важныхъ. Онъ принялъ предложеніе Святослава, налагая на него обязательства: Не помышлять никогда на царство Греческое, не собирать воевъ, не подсылать соглядатаевъ, не наводить другихъ враговъ, ни на страну Греческую, ни на страны ей подвластныя, страну Корсунскую и города ея, и страну Болгарскую. Если другой какой непріятель явится противъ Грековъ, то Русскій Князь обязанъ помогать имъ.

Какъ ни тягостны были условія, но Святославъ долженъ былъ согласиться на все, и объявилъ о томъ дружинѣ. Насъ мало, а Русская земля далече, а Печенѣги съ нами ратны; помочь намъ некому. Сотворимъ миръ съ Царемъ; если же онъ не будетъ впередъ управлять дани, такъ мы, набравъ воевъ на Руси, придемъ опять подъ Царьгородъ.

Люба была эта рѣчь дружинѣ, изнуренной битвами и трудами. Немедленно лѣпшіе мужи отправились въ станъ Царя Греческаго, и тамъ, отъ имени своего Князя, обѣщались исполнить всѣ требованія царскія, которыя и были торжественно записаны: Если мы не исполнимъ сихъ условій—Князь, и всѣ, иже съ нимъ и подъ нимъ, да будемъ прокляты отъ Бога, въ котораго вѣруемъ, и отъ Волоса, скотья бога, станемъ желты какъ золото, и изсѣчемся собственнымъ своимъ оружіемъ. Такъ было сказано въ заключеніи договора.

Императоръ велѣлъ отпустить хлѣба для Русскихъ воиновъ, томившихся отъ голода, на каждаго по двѣ мѣры.

Святославу захотѣлось еще увидѣть своего сильнаго врага, который остановилъ его на пути побѣдъ, заставилъ испытать много нужды и горя, и наконецъ уступить.... Императоръ Цимискій согласился, и въ позлащенныхъ доспѣхахъ пріѣхалъ на берегъ Дуная, сопровождаемый многочисленнымъ отрядомъ всадниковъ, въ блестящемъ вооруженіи. Святославъ приплылъ къ нему по рѣкѣ въ простой лодкѣ, гребя весломъ наровнѣ съ прочими гребцами.

Греки описали намъ наружность своего страшнаго врага: росту онъ былъ средняго, собою строенъ, съ голубыми глазами, носомъ плоскимъ, бороду онъ брилъ, усы лежали на верхней губѣ длинными прядями. Голова у него была почти голая, и только на одной сторонѣ висѣлъ

пукъ волосъ, означавшій благородство. Шея толстая, плеча широкія. Въ одномъ ухѣ висѣла у него золотая серга, украшенная двумя жемчужинами, съ рубиномъ по срединѣ. Одежда на немъ была бѣлая, и почти не отличалась отъ другихъ кромѣ чистоты. Сидя на лавкѣ въ ладьѣ, мрачный и угрюмый, говорилъ онъ съ Императоромъ. Свиданіе продолжалось недолго, и они разстались.

Немедля, выдалъ Святославъ Грекамъ плѣнныхъ, очистилъ Силистріо, и отправился съ печалію въ сердцѣ на родину, которую хотѣлъ было оставить навсегда,—и Русское царство на берегахъ Дуная не основалось: зерно его понеслось назадъ, къ сѣверу, въ родимую почву.

Опытный Свѣнельдъ совѣтовалъ Князю возвращаться сухимъ путемъ. Святославъ не послушался, пустился въ ладьяхъ по Днѣпру, а Печенѣги дожидались уже его у пороговъ, предупрежденные Болгарами, или самими Греками, объ его возвращеніи съ богатою добычею и малою дружиною. Святославу нельзя было пробиваться, и онъ воротился зимовать въ Бѣлбережьѣ, терпя съ своими воями во всемъ великую нужду, такъ что голова конячья стоила у нихъ полфунта серебра.

Весною, пустился онъ опять по Днѣпру, нетерпѣливый достигнуть скорѣе Кіева, приплылъ благополучно къ порогамъ.... враговъ ни гдѣ не встрѣчалось, опасностей кажется нѣтъ не грозило никакихъ, ничего не было слышно,.... съ надеждой вошелъ онъ въ пороги.... но Печенѣги вскорѣ его встрѣтили. Князь ихъ Куря напалъ на малочисленную дружину, разбилъ ее, и самъ Святославъ погибъ. Тамъ, въ порогахъ, гдѣ быстрый Днѣпръ могучей волною бьетъ въ каменныя гряды Карпатскихъ горъ, преграждающія ему путь, и потомъ низвергается съ нихъ въ глубокое свое русло шумными водопадами,—тамъ, среди степей

необозримыхъ по обѣ стороны рѣки, сложилъ свою буйную голову, во цвѣтѣ лѣтъ, удалой нашъ Святославъ, самый бранный изъ всѣхъ бранныхъ Князей древности, не понимавшій, что такое опасность, незнавшій, что такое страхъ, приведшій въ трепетъ всѣ окружныя земли. Печенѣги взяли его голову, оковали черепъ, и сдѣлали чашу, изъ которой пили, поминая храбраго врага. Вѣрные бояре и отроки, оставшіеся въ живыхъ послѣ греческихъ пораженій, пали всѣ кругомъ любимаго вождя. Одинъ старый Свѣнельдъ пришелъ въ Кіевъ съ немногими воинами — извѣстить осиротѣлую Русь о несчастной смерти ея славнаго Князя, погибели всего войска и потери завоеванной Болгаріи.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛКЪ.

Трое молодыхъ сыновей Святослава владѣли на Руси. Старшій, Ярополкъ, принявшій теперь достоинство Великаго Князя, въ Кіевѣ; вторый, Олегъ, у Древлянъ; младшій, Володимеръ, въ Новѣгородѣ. Мудрено имъ было не поссориться, когда страсти кипѣли въ груди у всѣхъ одинаково, руки порывались на битву, всѣ хотѣли повелѣвать, и никто не думалъ повиноваться. И потому мирно между собою прожили они только четыре года. Война началась между старшими, вотъ по какому случаю: сынъ Свѣнельдовъ, Лютъ, «гна по звѣри въ лѣсу», былъ убитъ Олегомъ Древлянскимъ, который также «ловы дѣя». Отецъ озлобился на убійцу, и съ тѣхъ поръ безпрестанно приставалъ къ своему Князю: поди на брата и прими волость его.

И Ярополкъ пошелъ на него чрезъ два года. Сраженіе случилось подъ Овручемъ,—первое междоусобное на Руси. Олегъ былъ разбитъ и принужденъ бѣжать.

Побѣдитель вслѣдъ за нимъ вошелъ въ городъ, и послалъ искать брата, но его никакъ не могли найдти, пока одинъ Древлянинъ не сказалъ, что видѣлъ наканунѣ, какъ онъ притѣсненный толпою на мосту, упалъ въ гробло (ровъ). Начали вытаскивать трупье изъ гробли, и уже около полудѣнъ, въ неподи, нашли тѣло Олегово, принесли къ Ярополку и положили на разостланномъ коврѣ. Ярополкъ, увидѣвъ его, заплакалъ и сказалъ Свѣнельду: ну вотъ чего ты хотѣлъ! Олега погребли за городомъ, и насыпали надъ нимъ могилу, которая была цѣла еще въ Несторово время.

Володимеръ, третій братъ, услышавъ объ его смерти, испугался и бѣжалъ за море, къ вѣрному пристанищу у единокровныхъ Нормановъ, а Ярополкъ прислалъ своихъ посадниковъ въ Новгородъ, «и бѣ единъ володѣя въ Руси».

Долго жилъ Володимеръ у Норманновъ, собирая себѣ вспомогательную рать, и уже на четвертый годъ воротился въ Русь, сопровождаемый полками. Онъ выслалъ посадниковъ Ярополковыхъ изъ Новагорода, и велѣлъ имъ сказать своему государю: Володимеръ идетъ на тебя, пристроивайся биться. Прежде однакожъ онъ пошелъ на Рогвольда, владѣвшаго въ Полоцкѣ, чья дочь оскорбила его отказомъ выйдти за него за мужъ. Этотъ Рогвольдъ, Норманскій конунгъ, пришелъ изъ-за моря Двиною въ Полоцкъ, и тамъ водворился, (а товарищъ его Туръ поселился у Дреговичей, въ городѣ, который прозвался по немъ Туровымъ, а жители Туровцами). Добрыня, дядя Володимера, посылалъ къ нему отроковъ просить его дочери въ супружество за своего племянника. Гордая Норманка

отвѣчала: «не хочу разуть робичича (сына рабыни); я хочу Ярополка. Посланные принесли въ Новгородъ этотъ унизительный отвѣтъ; Володимеръ, и еще болѣе Добрыня, воспылали гнѣвомъ. Съ готовыми воями пошли они теперь въ Полоцкъ, въ то время какъ Рогнѣду хотѣли уже вести за Ярополка,—Рогвольдъ былъ побѣжденъ и плѣненъ вмѣстѣ съ женою, сыновьями и дочерью.

Робичица, закричалъ ей, ругаясь, Добрыня, какъ увидѣлъ ее, и велѣлъ Володимеру быть съ нею предъ отцемъ и матерью. Отца, мать и братьевъ Володимеръ убилъ потомъ, а ее взялъ женою, и была прозвана она Гориславою.

Изъ Полоцка Володимеръ пошелъ къ Кіеву. Братъ не могъ стать противу, и заперся въ городѣ. Володимеръ обрылся между Дорогожичемъ и Канничемъ, (этотъ ровъ былъ цѣлъ до Нестора), и послалъ къ Блуду, воеводѣ Ярополкову, склонять его на свою сторону: не я, говорилъ Володимеръ, началъ избивать братію, а онъ; я пришелъ на него, опасаясь смерти. Поприяй мнѣ! Если я убью брата, то ты будешь мнѣ отцемъ, и примешь отъ меня великую честь. Блудъ согласился, и началъ искать случая самъ убить своего Князя, веля Володимеру медлить приступомъ; однакожъ увидѣлъ, что это невозможно, предъ воями, и убѣдилъ своего Князя оставить Кіевъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Кіевляне пересылаются будто съ Володимеромъ, зовутъ его къ себѣ и хотятъ предать своего Князя. Ярополкъ ушелъ на устье Рси, въ городъ Родню, а Володимеръ занялъ Кіевъ, и вои его осадили брата въ Роднѣ. Осажденные скоро были доведены до крайности, и долго на Руси слышалась пословица: бѣда какъ въ Роднѣ. Тогда Блудъ сказалъ Ярополку: видишь, сколько воевъ у брата, намъ ихъ не перебороть, твори скорѣе

миръ съ нимъ. Володимера же послалъ онъ предупредить, что ведетъ къ нему Ярополка, и чтобъ тотъ приготавливался убить его.

Володимеръ съ дружиною ожидалъ брата на отнемъ дворѣ теремномъ. Иди теперь, посылалъ его Блудъ, и скажи ему, что ты будешь доволенъ всѣмъ, чтобы онъ ни далъ тебѣ. Не ходи Князь, удерживалъ его вѣрный слуга Варяжко, убьютъ тебя. Бѣги лучше въ Печенѣги, и приведи воевъ. Ярополкъ не послушалъ его, и—лишь только отворилъ дверь, которую Блудъ тотчасъ затворилъ, не пуская за нимъ его воиновъ, какъ два Варяга подняли его мечами подъ пазухи, и убили. Варяжко бѣжалъ къ Печенѣгамъ, и долго воевалъ на Володимера, мстя за своего Князя....

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВОЛОДИМЕРЪ.

Володимеръ сдѣлался единымъ государемъ. Наемные Норманны, помогшіе ему достигнуть цѣли, начали просить у него заслуженной платы: городъ нашъ, говорили они, мы взяли его для тебя, дай же намъ теперь окунъ по двѣ гривны на человѣка. Володимеръ отвѣчалъ: подождите, пока соберутъ куны (деньги). Норманы ждали мѣсяцъ, и все-таки неполучали ничего. Ты обманулъ насъ, сказали они Князю, «пусти насъ по крайней мѣрѣ къ Грекамъ. Онъ выбралъ изъ нихъ нѣсколько мужей храбрыхъ и смышленыхъ, а всѣ прочіе отправились въ Царьградъ. Володимеръ, опасаясь вѣроятно ихъ мести, послалъ предупредить Императора: вотъ идутъ къ тебѣ Варяги, не

моги держать ихъ въ городѣ, а то надѣлаютъ они тебѣ хлопотъ, какъ и здѣсь; разошли ихъ по мѣстамъ, и сюда не пускай ни одного.

Оставленнымъ мужамъ Володимеръ роздалъ нѣкоторые города, а Добрынѣ, своему дядѣ, неизмѣнному совѣтнику и помощнику, отдалъ Новгородъ.

Утвердившись на столѣ Кіевскомъ, Володимеръ началъ ходить ежегодно на войну, подобно своимъ предшественникамъ. На первый годъ (981) пошелъ онъ къ Западу, только далѣе, чѣмъ ходилъ Олегъ, за Хорватовъ и Дулебовъ, къ Ляхамъ, и взялъ города Перемышль и Червень, «иже суть и до сего дне подъ Русью», сказалъ Несторъ. Въ томъ же году ходилъ онъ на Вятичей, и наложилъ на нихъ дань отъ плуга, какъ бралъ его отецъ.

На второй годъ (982) воевалъ онъ снова съ Вятичами, которые заратились, и побѣдилъ ихъ опять.

На третій годъ (983) овладѣлъ онъ отдаленной землею Ятвяговъ, потомковъ Сарматскихъ, между Литвою и Польшею. Тогда же, вѣроятно, покорилъ онъ и страны прибалтійскія, куда, по извѣстіямъ сѣверныхъ лѣтописателей, мужи его ходили собирать дань.

Столько успѣшныхъ походовъ и побѣдъ требовали благодарности и жертвы богамъ. Еще въ первые лѣта своего княженія, поставилъ онъ въ Кіевѣ (а Добрыня въ Новѣгородѣ) кумиры ихъ на холму, за дворомъ теремнымъ: Перуна деревяннаго съ головою серебряною и усомъ золотымъ, Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша, предъ которыми приводились юноши и дѣвы, закалались жертвы, и осквернялась кровью и требами земля Русская, какъ воспоминалъ послѣ съ негодованіемъ набожный лѣтописатель.

Бояре и старцы сказали теперь: мечемъ жребій на отрока и дѣвицу; на кого падетъ онъ, того и зарѣжемъ богамъ. Жребій палъ на одного молодаго Варяга, прекраснаго лицемъ и душею. Отецъ его пришелъ съ нимъ изъ Греціи, и исповѣдывалъ вѣру Христіанскую. Посланные объявили отцу, что сына его боги требуютъ себѣ въ жертву. Не боги они, отвѣчалъ старый Варягъ, а дерево; нынѣ есть, а завтра сгніютъ. Богъ единъ, тотъ, которому покланяются Греки, иже сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, солнце и человѣка, и далъ ему жить на землѣ, а эти боги что сдѣлали? Сами они сдѣланы руками изъ дерева. Не дамъ своего сына для бѣсовъ. Всѣ люди взволновались, услышавъ отъ посланныхъ такой отвѣтъ, схватили оружіе, и побѣжали къ дому Варягову. Онъ стоялъ съ сыномъ на сѣняхъ. Отдай сына, кричали ему люди, мы должны заколоть его богамъ. Если они боги, отвѣчалъ старикъ, пусть его возмутъ сами, а вы чего хотите? Всѣ завопили, бросились, подсѣкли сѣни подъ несчастными,—они упали, и были убиты разъяренной толпою—первые и послѣдніе мученики въ Кіевѣ, Ѳеодоръ и Іоаннъ.

Володимеръ ходилъ еще (984) на Радимичей, которыхъ побѣдилъ на рѣкѣ Пищанѣ посланный имъ впередъ воевода, прозваніемъ Волчій хвостъ, почему Русь всегда и смѣялась надъ ними говоря: Пищанцы Волчьяго хвоста бѣгаютъ. Радимичи принуждены были возить повозъ въ Кіевъ и возили его еще при Несторѣ.

Потомъ ходилъ онъ (985) въ лодьяхъ вмѣстѣ съ дядею своимъ Добрыней, на Болгаръ, отдохнувшихъ послѣ разгрома Святославова, во время войнъ его на Дунаѣ и усобицы между его сыновьями. Хотя онъ побѣдилъ Болгаръ, но заключилъ съ ними миръ, по совѣту Добрыни, который,

увидѣвъ колодниковъ въ сапогахъ, сказалъ своему племяннику: пойдемъ лучше искать лапотниковъ. Болгаре ходили ротѣ (клялись) въ сохраненіи договора, чтобъ продолжался онъ, пока камень не будетъ плавать, а хмѣль тонуть.

Послѣ всякаго такого похода возвращался Володимеръ въ Кіевъ, обремененный добычею, и начиналось у него пированье съ удалой дружиною. Онъ былъ тогда преданъ удовольствіямъ чувственнымъ: любилъ воевать, любилъ и гулять, ѣсть и пить, тѣшиться и проклажаться. До нашего времени дошли пѣсни, кои складывались долго въ народѣ о пирахъ Володимеровыхъ.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова Князя Володимера,
А и было пированье, почетной пиръ,
Было столованье, почетный столъ,
Много на пиру было Князей, Бояръ,
И Русскихъ богатырей могучіихъ;
А и будетъ день въ половина дня,
Княженецкой столъ въ полу-столѣ,
Володимеръ Князь распотѣшился,
По свѣтлой гридѣ похаживаетъ,
Черныя кудри разчесываетъ.

На пирахъ Володимеровыхъ раздавались веселыя пѣсни, играли гусли, органы; турій рогъ, наполненный виномъ, обходилъ гостей; вѣщіе бояны возлагали руки на живыя струны, и струны сами славу Князьямъ рокотали,—Олегу и Игорю, Ольгѣ и Святославу, и самому ласковому Князю Володимеру.

И Несторъ разсказываетъ объ его обѣдахъ, обильныхъ винами, медами, и мясами, отъ скота и звѣрины. Воины разхмѣлѣвъ однажды, возропгали: зло нашимъ голо-

вамъ—даютъ намъ ѣсть ложками деревянными, а не серебренными. Володимеръ, услышавъ, тотчасъ велѣлъ исковать ложки серебряныя, и сказалъ: серебромъ и золотомъ я не найду дружины, а дружиной найду серебро и золото, какъ отецъ мой и дѣдъ.

Могучіе витязи его также живутъ до сихъ поръ въ памяти народной: Илья Муромецъ, Алеша Поповичъ, Чурила Пленковичъ, Добрыня Никитичъ и прочіе.

Но еще больше вина, пировъ, веселья и войны любилъ Володимеръ женщинъ: онъ побѣженъ былъ похотью женскою, говоритъ лѣтописецъ, и бѣша ему водимыя: Рогнѣда, отъ которой онъ имѣлъ четырехъ сыновъ—Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двухъ дочерей; онъ посадилъ ее на Лыбеди, гдѣ въ Несторово время находилось сельцо Предславино.

Гордая и страстная, истая Норманка, она возревновала послѣ своимъ счастливымъ соперницамъ, а можетъ быть питала и тайную месть къ убійцѣ своего отца, матери и братьевъ. Однажды какъ онъ пріѣхалъ къ ней на Лыбедь, и уснулъ въ ея ложницѣ, она рѣшилась зарѣзать его ножемъ, занесла уже руку.... Но Володимеръ проснулся случайно и удержалъ ее. Я полюбила тебя, сказала Рогнѣда, хоть ты убилъ отца моего и мать и братьевъ, и полонилъ землю ихъ для меня, но теперь ты охладѣлъ ко мнѣ и младенцу моему!... Володимеръ велѣлъ облечись ей въ царскую одежду, какъ была онъ въ первый день своего соединенія съ нимъ, сѣсть на постель въ храминѣ свѣтлой, и ожидать его. Трепещущая, Рогнѣда исполнила повелѣніе. Володимеръ приходитъ поразить ее, какъ вдругъ выбѣгаетъ, съ обнаженнымъ мечемъ, сынъ его младенецъ Изяславъ, полученный матерью, и говоритъ ему: отецъ, ты здѣсь не одинъ! Володимеръ бро-

силъ свой мечь и сказалъ: я не думалъ, что ты здѣсь, —унесъ, созвалъ Бояръ, и разсказалъ имъ все, что случилось. Бояре подали совѣтъ: не убивай ее ради дитяти сего, но воздвигни отчину отца ея, и отдай ей съ сыномъ твоимъ. Володимеръ послушалъ ихъ, велѣлъ построить городъ, названный Изяславлемъ, и отпустилъ туда мать и сына.

Другая жена его была Болгарыня, отъ которой имѣлъ онъ Бориса и Глѣба. Одна Чехиня родила ему Вышеслава, другая Святослава и Мстислава. Жена Ярополкова, Грекиня, приведенная его брату еще отцемъ Святославомъ, ради красоты лица ея, взята имъ была къ себѣ беременная, и родила Святополка. «Отъ грѣховнаго бо корени», замѣчаетъ Несторъ, «золъ плодъ бываетъ». Наложницъ было у него двѣсти въ Вышегородѣ, триста въ Бѣлѣгородѣ, и двѣсти на Берестовѣ, гдѣ послѣ было сельце Берестовое: «и бѣ не сытъ блуда», заключаетъ Несторъ, «женолюбецъ, яко же и Соломонъ. Но Соломонъ мудръ бѣ, и наконецъ погибе; се же бѣ невѣголосъ, а наконецъ обрѣте спасеніе».

Лѣтописатель обращаетъ сими словами вниманіе на принятіе Володимеромъ Христіанской вѣры, о чемъ предано имъ (986) слѣдующее повѣствованіе:

Сосѣдніе народы, которымъ Русскій Князь сдѣлался еще страшнѣе своихъ предшественниковъ побѣдами, завоеваніями, счастьемъ, старались привлечь его на свою сторону, и войти съ нимъ въ союзъ. Вѣра казалась, и очень справедливо, лучшимъ для того средствомъ. Случилось, что у всѣхъ были вѣры различныя, позднѣе или ранѣе ими принятыя: у Козаръ господствовалъ законъ Моисѣевъ; Волжскіе Болгаре были Магометане; Греки

хотѣли обратить его къ Христіанству Восточной церкви. Нѣмцы, къ которымъ посылала посольства Ольга и даже Ярополкъ, предлагали исповѣданіе Римское.

Прежде всѣхъ пришли Болгаре, только, что заключившіе договоръ. Ты Князь мудрый и смышленный, сказали они, а закона не знаешь. Прими законъ нашъ, и поклонись Бохмиту. Володимеръ спросилъ: въ чемъ состоитъ законъ вашъ? Вѣровать въ Бога, — и еще учитъ насъ Бохмитъ обрѣзаться, свинины не ѣсть, вина не пить; за то по смерти дастъ онъ всякому правовѣрному по семидесяти женъ красныхъ, и на одну изъ нихъ возложитъ красоту всѣхъ семидесяти, и та будетъ ему женою. — Володимеръ слушалъ это съ большимъ удовольствіемъ, потому что любилъ женъ, но обрѣзаніе было ему противно, отверженіе мясъ свиныхъ также не нравилось, а всего болѣе запрещеніе вина. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, Руси есть веселіе—пити; мы не можемъ быть безъ него.

Посланные отъ Папы Нѣмцы говорили: «земля твоя, какъ и земля наша, а вѣра твоя не какъ вѣра наша. Наша вѣра свѣтъ есть. Мы кланяемся Богу, иже сотворилъ небо и землю, и всякое дыханье, а ваши боги древо. Володимеръ спросилъ: какая же ваша заповѣдь?—Поститься по силѣ, отвѣчали они, кто ѣстъ и піетъ, все во славу Божью... Нѣтъ, прервалъ Володимеръ, возвращайтесь домой: отцы наши не знались съ вами.

Пришли Жиды Козарскіе и сказали; мы слышали, что были у тебя Болгаре и Христіане учить тебя вѣрѣ своей —мы распяли того, кому Христіане вѣруютъ, а мы знаемъ единаго Бога Авраамова, Исаакова, Іаковля. Какой законъ у васъ? спросилъ Володимеръ. Обрѣзаться, свинины не ѣсть, субботу хранить. Гдѣ земля ваша? Въ Ерусалимѣ. Но Богъ разгнѣвался на насъ за грѣхи наши, и расточилъ по странамъ чуждымъ. — Такъ какъ же

беретесь вы учить другихъ, сами отверженные Богомъ и расточенные? Еслибъ Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, такъ не расточилъ бы васъ по странамъ чуждымъ. Хотите вы, чтобъ и съ нами было то же?

Наконецъ Греки прислали къ Володимеру своего учителя, который растолковалъ ему, въ чемъ состоятъ заблужденія всѣхъ этихъ исповѣданій. Вѣра Бохмитова, сказалъ онъ, «оскверняетъ небо и землю — исповѣдники ея проклятъ паче всѣхъ человѣкъ. Вотъ напримѣръ какія скверны дѣлаютъ они, мужья и жены, поминая Бохмита... Володимеръ плюнулъ и сказалъ: нечисто есть дѣло. Мы слышали, продолжалъ учитель, что приходили къ вамъ и Римляне. Ихъ вѣра малымъ развращена съ нами: но они служатъ опрѣсноками, то есть облатками, а Господь, пріемъ хлѣбъ, предалъ Апостоламъ: сіе есть тѣло мое, за вы ломимое, потомъ *взялъ чашу* и сказалъ: се есть кровь моя Новаго Завѣта. Римляне служатъ не такъ, и слѣдовательно не исправили вѣры.

Володимеръ спросилъ: Жиды говорятъ, что они распяли того, кому вы съ Нѣмцами вѣруете. Учитель отвѣчалъ: правда — Жиды распяли нашего Спасителя, но за то и пріяли наказаніе; грады ихъ разбиты, они расточены и работаютъ иноплеменникамъ; мы вѣруемъ Ему: ибо Его предрекали Пророки, яко Богу родитися, распяту быти и погребену и въ третій день воскреснути, и взыти на небо.

Но за чѣмъ же Богъ сходилъ на землю, спросилъ Володимеръ, и принималъ такія страсти?

Если ты хочешь слушать, отвѣчалъ учитель, то я объясню тебѣ.

Я радъ слушать, сказалъ любопытный Володимеръ.

И учитель началъ объяснять ему преданіе Моисея о созданіи міра, о паденіи ангеловъ, о твореніи человѣка,

о первородномъ грѣхѣ, о патріархахъ, о потопѣ и столпотвореніи, о вѣрѣ Авраамовой и обѣтованіяхъ ему Божіихъ, о переселеніи Израильтянъ въ Египетъ, о изведеніи ихъ Моисеемъ въ землю обѣтованную, о судіяхъ и царяхъ, о Давидѣ и Соломонѣ, о явленіи Пророковъ, которыхъ старался представить ему какъ можно разительнѣе. Онъ передалъ сначала пророчества о наказаніи Израиля.

Первый началъ пророчествовать Осія: тако глаголетъ Господь — преставлю царство дому Израилева, сокрушу лукъ Израилевъ.... отвергнуся ихъ и будутъ блудящи во языцѣхъ. Іезекіиль сказалъ: разсѣю вы вся останки ваши во вся вѣтры. Потомъ предрекали Пророки призваніе народовъ иныхъ къ принятію благословенія Господня. Исаія сказалъ: откроетъ Господь мышцу свою предъ всѣми языки, и узрятъ всѣ концы земли спасенье отъ Бога нашего. Давидъ воспѣвалъ: хвалите Господа вси языки и похвалите его вси людіе.

Наконецъ возвѣстили они явленіе Бога во плоти. Давидъ возгласилъ имъ: рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножію ногама твоима. Исаія: Се Дѣва во утробѣ зачнетъ и родитъ сына, и назовутъ имя ему Еммануилъ. Ездра: благословенъ Господь, руцѣ разпростеръ свои, спасъ Ерусалима.

Предречено было и воскресеніе. Давидъ пѣлъ: Воскресни Господи Боже мой, и да вознесется рука твоя.

Володимеръ слушалъ рѣчь учителя съ глубокимъ вниманіемъ и спросилъ: сбылось ужъ это все, или еще теперь сбывается?

Сбылось все, отвѣчалъ учитель. Въ лѣто 5500 отъ сотворенія міра посланъ бысть Архангелъ Гавріилъ въ Назаретъ, къ Дѣвѣ Маріи, отъ колѣна Давидова, рѣщи ей:

радуйся, обрадованная, Господь съ тобою. И при семъ глаголѣ зачатъ она слово Божіе во утробѣ, и породи сына, нарече имя ему Іисусъ. Волхвы отъ востока пришли поклониться ему, а Иродъ Царь хотѣлъ умертвить его. По гласу Божіему отроча спасено было бѣгствомъ въ Египетъ, но по смерти Ирода святое семейство возвратилось въ Назаретъ. Возрастшу Іисусу и бывшу лѣтъ тридесяти, крестился онъ въ Іорданѣ отъ Іоанна Предтечи.... и се отверзошася небеса, и Духъ сходящъ зракомъ голубинымъ нань, и гласъ услышанъ: Сей есть сынъ мой возлюбленый, о немъ же благоволихъ. Іисусъ началъ проповѣдывать слово Божіе, творя чудеса: хромые ходили, слѣпые прозирали, прокаженные очищались, мертвые воскресали по слову его. Архіереи и книжники исполнились къ нему зависти, и обвинили въ богохульствѣ. Онъ былъ распятъ въ Іерусалимѣ на Голгоѳѣ,—и бысть тьма по всей земли отъ шестаго часа и до девятаго, завѣса церковная раздралася, и многіе мертвые возстали. Въ девятомъ же часу испустилъ онъ духъ, а на третій день воскресъ.

Но для чего ему было родиться отъ жены, спросилъ Володимеръ, удивляясь болѣе и болѣе словамъ Грека, для чего былъ онъ распятъ на древѣ, для чего крестился водою?

Для того отъ жены, толковалъ учитель, что исперва родъ человѣческій согрѣшилъ женою, когда діаволъ прельстивъ Еву и Адамъ испаде изъ рая. Теперь Богъ воплотившись отъ жены открылъ путь человѣку въ рай. На древѣ онъ распятъ былъ для того, что исперва человѣкъ погибъ вкусивъ отъ древа, а теперь когда Богъ пріялъ смерть на древѣ, древомъ побѣженъ діаволъ. Обновленіе водою, для того, что водою было и первое

наказаніе. Сего ради рече Богъ: понеже погубихъ водою человѣка грѣхъ ихъ ради, нынѣ же паки водою очищу грѣхи человѣкамъ. Слушай далѣе:

По воскресеніи Іисусъ Христосъ явился ученикамъ своимъ, и послалъ ихъ во вся языки, научать ихъ крестяще во имя Отца и Сына и Святаго Духа. На пятидесятый день снизшелъ по обѣтованію Духъ Святый на Апостоловъ, и они разошлись по вселенной.... проповѣдывать и учить народы, отъ нихъ научились и мы Греки.

Христосъ грядетъ паки съ небеси судити живымъ и мертвымъ, и воздать каждому по дѣламъ его—праведникамъ даруетъ онъ царство небесное, красоту неизреченную, веселье безъ конца, и неумирать во вѣки; грѣшникамъ, невѣрующимъ во имя его, страданія огненная, и червь неусыпаяй, и мукѣ не будетъ конца.

Сказавъ это учитель развернулъ предъ Володимеромъ картину, изображающую страшный судъ, и указалъ ему одесную праведниковъ, идущихъ въ рай, и на другой сторонѣ, ошуюю, грѣшниковъ, посланныхъ въ адъ.

Съ тяжелымъ вздохомъ, въ глубокомъ размышленіи, сказалъ Володимеръ разсматривая картину: Счастливы тѣ — одесную, горе симъ ошуюю. — Крестись, прервалъ учитель, если хочешь стать одесную съ праведными. Володимеръ отвѣчалъ: дай мнѣ время,—и осыпавъ Грека дарами отпустилъ съ честію.

Причина медленности его была слѣдующая: онъ долженъ былъ знать мнѣніе своей дружины, бояръ и старцевъ, безъ которыхъ немогъ рѣшать ничего. Онъ созвалъ ихъ, и сообщилъ предложенія Болгаръ, Жидовъ и Нѣмцевъ, которые всѣ хвалили законы свои. Греки же хулятъ ихъ, а превозносятъ только свой. Много толковалъ учитель ихъ о началѣ всего міра, хитро сказующе, и чудно его

ступати, и любо. Онъ говоритъ, что есть еще другой свѣтъ, и если кто вступитъ въ ихъ вѣру, то умерши оживетъ, и не умретъ послѣ вовѣкъ, а кто послушается другаго закона, тотъ будетъ горѣть на томъ свѣтѣ. Вотъ что я услышалъ.... какъ вы разсудите?

Бояре и старцы отвѣчали: ты знаешь, Князь, что своего никто хулить не станетъ, но хвалить всегда. Если хочешь узнать истину, то—у тебя есть мужи, — пошли испытать гораздо, какъ кто служитъ Богу. И этотъ совѣтъ понравился Князю и всѣмъ людямъ.

Избранные мужи, добрые и смысленные, числомъ десять, обошли всѣ страны, были у Болгаръ, потомъ у Нѣмцевъ, и наконецъ пришли къ Грекамъ.

Императоръ, узнавъ о цѣли ихъ прибытія въ Константинополь, повелѣлъ явить богослуженіе во всей лѣпотѣ. Патріархъ облачился въ святительскія ризы; свѣтильники пылали во храмѣ святыя Софіи. Кадила благовонныя дымились, согласные лики славословили Господа. Пословъ поставили на возвышенномъ мѣстѣ, показывали имъ всю красоту церковную, и объясняли значеніе всѣхъ дѣйствій. Они были въ изумленіи, дивились и не находили словъ для выраженія своихъ чувствованій.

Когда они возвратились въ Кіевъ, Володимеръ велѣлъ имъ разсказать о видѣнномъ передъ дружиною, боярами и старцами. Они начали: у Болгаръ законъ нехорошъ. Въ ропатѣ они стоятъ безъ поясовъ. Поклонившись садятся, и поворачиваются по сторонамъ какъ бѣшеные. Веселья нѣтъ никакого, а развѣ печаль. Нѣмцы служатъ въ храмахъ долго, но безъ красоты. А когда Греки привели насъ туда, гдѣ они покланяются своему Богу, то мы не узнали, на землѣ-ль мы были или на небѣ. Нигдѣ нѣтъ такого вида, и такой красоты, которыхъ разсказать мы не умѣемъ; увѣрены только, что здѣсь пребываетъ

Богъ съ людьми, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Всякой человѣкъ, вкусивъ сладкое, неприметъ горечи, такъ и мы....

Бояре, выслушавъ повѣствованіе, сказали: въ самомъ дѣлѣ, еслибы Греческій законъ не былъ лучше всѣхъ, то бабка твоя Олега неприняла бы его: она была вѣдь мудрѣе всѣхъ людей.

Гдѣ же намъ креститься? спросилъ Володимеръ. Гдѣ тебѣ угодно, отвѣчала дружина.

Въ слѣдующемъ году Володимеръ пошелъ на Корсунь, Греческій городъ, и осадилъ его, ставъ съ ладьями своими въ Лимени. Корсунцы защищались храбро, и Русскій Князь велѣлъ присыпу сыпати ко граду. Жители, подрывшись подъ стѣною, уносили землю ночью въ городъ, и работа не имѣла успѣха, какъ вдругъ одинъ измѣнникъ, по имени Анастасъ, далъ знать оттуда съ пущенною стрѣлою, чтобъ Русскіе перекопали колодцы, изъ которыхъ трубами проведена вода въ городъ. Совѣтъ исполненъ, и люди, томимые жаждой, сдались.

Взявъ городъ, Володимеръ тотчасъ послалъ пословъ къ Греческимъ Императорамъ, Василью и Константину, требовать сестры ихъ, царевны Анны, себѣ въ супружество, грозя въ случаѣ отказа взять Константинополь, какъ теперь взялъ Корсунь. Императоръ изъявилъ свое согласіе съ условіемъ, чтобъ онъ принялъ Христіанскую вѣру: иначе Христіанкѣ нельзя сопрягаться узами брака съ язычникомъ. Крестись, велѣли они сказать ему, и получишь сестру нашу и царство небесное. Я готовъ креститься, отвѣчалъ Володимеръ, потому что люба мнѣ вѣра ваша, и посланные мои, испытавъ, одобрили ее, присылайте сестру вашу съ людьми, которые окрестятъ меня.

Но Царевна отказывалась: лучше мнѣ умереть здѣсь, говорила она, чѣмъ идти въ этотъ плѣнъ. Братья старались убѣдить ее святостію подвига, если она всю землю Русскую приведетъ къ Богу, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавитъ свое отечество отъ лютыя рати, отъ всѣхъ бѣдствій, кои причиняла ему Русь, и грозитъ нанести впередъ.

Плача и рыдая прощалась юная царевна съ своими родственниками, и сѣла горестная въ кувару, уносившую ее изъ прекрасной родины, по волнамъ Чернаго моря, во власть какаго-то неизвѣстнаго страшнаго витязя, въ страну суровую, къ народу необразованному....

Корсунцы встрѣтили Анну и сопровождавшихъ ея священниковъ и вельможъ съ поклонами и великою честію, ввели въ городъ, и проводили въ приготовленную палату.

Епископъ Корсунскій съ священниками, прибывшими съ Царевною изъ Константинополя, огласивъ Володимера, и предавъ ему символъ вѣры, совершилъ надъ нимъ таинство святаго крещенія, въ церкви святаго Василія, стоявшей среди торговой площади. Говорили, что Володимеръ, заболѣвшій передъ тѣмъ глазами, прозрѣлъ въ самую минуту крещенія, и, изумленный, сказалъ; теперь то узналъ я Бога истиннаго. Многіе изъ дружины его, совершенно свободные въ образѣ своихъ дѣйствій, почтя чудомъ его внезапное исцѣленіе, тутъ же крестились.

Во время Нестора ходили уже разные толки о мѣстѣ крещенія Володимерова: одни говорили, что онъ крестился въ Кіевѣ, другіе въ Василевѣ, но Печерскій инокъ рѣшительно утверждаетъ, что это было въ Корсунѣ, гдѣ при немъ еще были цѣлы палаты Володимера и Царевны.

По совершеніи крещенія совершенъ былъ бракъ.

Скоро Володимеръ съ новобрачной «царицей» оставилъ Корсунь, возвращенный Грекамъ за вѣно. Съ собою взялъ

онъ Анастаса, помогшаго ему взять городъ, нѣсколько поповъ, мощи св Климента и Ѳива, ученика его, иконы на благословенье себѣ, сосуды церковные, два мѣдяныя капища и четырехъ коней мѣдяныхъ. Въ Корсунѣ велѣлъ онъ поставить церковь на горѣ, которую сыпали жители землею, упошенной изъ его вала.

Лишь только возвратился Володимеръ въ Кіевъ, какъ и велѣлъ низпровергнуть кумиры, одни сжечь, другіе истребить, а главнаго, Перуна, привязать къ конскому хвосту, и волочить съ горы по Боричеву взвозу на ручай, съ ручая же въ Днѣпръ. Невѣрные люди плакали провожая кумиръ, пущенный по рѣкѣ. Князь приставилъ двѣнадцать человѣкъ отрѣвать его отъ берега, пока непройдетъ пороги. За порогами выбросило кумиръ на берегъ, и то песчаное мѣсто долго называлось въ народѣ Перуновой рѣлью.

На другой день велѣлъ Володимеръ сзывать жителей всего города къ рѣкѣ, говоря: если кто не окажется на рѣкѣ, богатый или убогій, нищій, работникъ, тотъ будетъ мнѣ противенъ. Люди, собрались съ радостію толкуя про себя: еслибъ это было не хорошо, то Князь и бояре не сдѣлали бъ того.

Поутру вышелъ Володимеръ на Днѣпръ съ попами Царицынымн и Корсунскими, съ сыновьями и боярами. Народу множество, безъ числа, толпилось на берегу, — и начался торжественный обрядъ крещенія. Священники читали молитвы, лики пѣли: во Христа крещаются, во Христа облекаются — всѣ люди, мужчины и женщины, старые и молодые, бросились въ воду, и стали кто по шею, кто по грудь, дѣти близь береговъ, младенцы на рукахъ у матерей. Великій Князь, поднявъ глаза къ небу, воскликнулъ: Господи Боже, сотворивый небо и землю!

Призри на новыхъ людей твоихъ, и дай имъ увѣдѣти тебя, Бога истиннаго, какъ увѣдали прочіе народы христіанскіе, и помоги мнѣ на супротивнаго врага, да побѣжу козни его.

Вотъ была радость, на небеси и на землѣ, говоритъ съ восторгомъ благочестивый лѣтописецъ, видѣть столько душъ спасаемыхъ! «Благъ Господь и во вѣки милость его....: Рече Господь, яко радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся: се же не единъ, ни два, но безчисленное множество къ Богу приступиша, избавлени отъ прелести діавола. И погибе память его съ шумомъ, а Господь пребываетъ во вѣки, хвалимъ отъ Русскихъ сыновъ — новіи люди Хрестьянстіи, избранніи Богомъ!»

Володимеръ велѣлъ строить церкви по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ стояли идолы. На Перуновомъ холму, куда приходили Князь и люди творитъ требы богамъ, поставленъ былъ храмъ Святаго Василія, коего имя получилъ онъ при крещеніи. Тогда же и по прочимъ городамъ и селамъ начали приводить людей на крещеніе и ставить церкви; разсылались священники, дѣти у нарочитой чади отдавались въ ученье книжное.

Исполнилось пророчество въ Русской земли: въ оны дни услышатъ глусіи словеса книжная, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ.

Такъ крестился Володимеръ, и сыны его, и вся почти земля Русская, мирно, безпрекословно, въ духѣ кротости и послушанія, не пріявъ въ душу сѣменъ воздѣйствія.

Володимеръ, поживъ нѣсколько времени въ законѣ Христіанскомъ, пожелалъ создать великолѣпную церковь, подобную той, какую видѣлъ въ Корсунѣ. Мѣсто было избрано окропленное кровію мучениковъ. Шесть лѣтъ ма-

стерами Греческими строилась церковь, которой основаніе, сокрытое въ землѣ, удивляетъ до сихъ поръ своимъ пространствомъ и соразмѣрностью. Володимеръ отдалъ въ нее все, что привезъ изъ Курсуна—иконы, сосуды, кресты, и поручилъ ее Анастасу Корсунянину, приставивъ поповъ Корсунскихъ, опредѣлилъ ей десятую часть отъ всего имѣнія и всѣхъ городовъ своихъ. Освященіе церкви было совершенно съ великимъ торжествомъ. Для бояръ и старцевъ людскихъ устроено было въ тотъ день великое пиршество, а нищимъ раздана богатая милостыня.

Греція, и еще болѣе, сосѣдняя, единоплеменная Болгарія, уже давно просвѣщенная Христіанскимъ ученіемъ, имѣвшая многихъ знаменитыхъ учителей, преемниковъ святыхъ Кирилла и Меѳодія, доставляли намъ первыхъ священниковъ, пылавшихъ огнемъ обращенія, какъ бывало вездѣ съ первыми христіанами. Они принесли съ собою священныя книги, Евангеліе, Апостолъ, литургію, писанія отцевъ церкви — на родномъ языкѣ, посредствомъ коего какъ бы нѣкимъ чудомъ раскрылся вдругъ предъ очами новообращенныхъ христіянъ Русскихъ новый, прекрасный, удивительный міръ любви, премудрости, святыни,—и души простыя, добрыя, смиренныя, уготованныя, приняли божественное сѣмя, со страхомъ и вѣрою, и оно дало имъ плодъ сторичный.

Таковъ былъ изъ первыхъ самъ Володимеръ, который вдругъ какъ будто переродился, и началъ иную жизнь. Жестокосердый, сладострастный, кровожадный, преданный піанству, онъ сдѣлался умѣренъ, воздерженъ, кротокъ, человѣколюбивъ. Всякое слово, имъ слышанное въ церкви, проникало ему въ сердце, и оказывалось чудодѣйственнымъ. Слышалъ ли онъ въ Евангеліи: не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже тля тлитъ и татіе

подкапываютъ, но скрывайте себѣ сокровище на небесахъ, идѣже ни тля тлитъ, ни татіе подкапываютъ, — и онъ приказывалъ всѣмъ нищимъ и убогимъ приходить на дворъ Княжій, и брать себѣ все что нужно, пищу и питье, одежду и куны изъ скотницъ. Распорядясь такъ, онъ все еще былъ недоволенъ, ибо больные и немощные не могутъ, говорилъ онъ, дойдти до моего двора. Что же онъ сдѣлалъ? Онъ велѣлъ пристроить воза̀, накладывать на нихъ хлѣба, мяса, рыбы, всякаго овощу, квасу и меду въ боченкахъ, и возить по городу. Изъ улицы въ улицу разъѣзжали его хлѣбодары и спрашивали; гдѣ больные и нищіе, немогіе ходити, и раздавали всѣмъ, кому что надо.

Точно также получивъ понятіе изъ Священнаго Писанія о драгоцѣнности человѣческой жизни, онъ не хотѣлъ казнить смертію даже разбойниковъ. Сами Епископы насилу могли убѣдить его, чтобъ усугубилъ строгость, ибо вслѣдствіе послабы умножились разбои. Боюсь грѣха, отвѣчалъ онъ имъ. Ты поставленъ отъ Бога, объясняли духовные, на казнь злымъ, а добрымъ на милованье. Наказывать разбойника можно, только съ испытомъ,—и Володимеръ едва уступилъ ихъ доказательствамъ.

И бранный духъ Володимеровъ кажется угасъ. Впродолженіи двадцати пяти лѣтъ остальной его жизни лѣтопись упоминаетъ въ двухъ словахъ объ одномъ походѣ его на Хорватовъ, (въ 993 году), вѣроятно по какой будь особой причинѣ; онъ жилъ въ мирѣ со всѣми сосѣдними государями: съ Болеславомъ, Королемъ Лядьскимъ, Андреемъ Чешскимъ, Стефаномъ Угорскимъ.

Только съ Печенѣгами была рать безъ перестани. Эти варвары размножились въ привольныхъ степяхъ Черноморскихъ, принимали къ себѣ единоплеменниковъ изъ

внутренней Азіи, и безпрестанно нападали на Русскія владѣнія изъ за Днѣпра, Десны и Сулы.

Володимеръ, лишь только водворился въ Кіевѣ, какъ началъ брать противъ нихъ мѣры, и поставилъ множество городовъ по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, населилъ ихъ мужами лучшими отъ Словенъ, Кривичей, Чуди и Вятичей, чтобъ преграждать ихъ набѣги до Кіева; иногда принужденъ онъ бывалъ ходить въ Новгородъ, чтобъ нанимать оттуда верховныхъ воевъ, то есть Норманновъ.

О войнахъ Печенѣжскихъ ходили въ народѣ разныя повѣсти; одна (993) кончилась по преданію поединкомъ, предложеннымъ отъ Печенѣговъ. Володимеръ послалъ бирючей по своимъ товарамъ (стану), вызывать охотниковъ, но никто не являлся, что его весьма огорчало. Наконецъ уже пришелъ одинъ старикъ, который разсказывалъ, что у него остался дома сынъ, меньшой, раздирающій воловью кожу руками, и никогда никѣмъ не осиленный. Князь велѣлъ привести его, и спросилъ, можетъ ли онъ побороться съ Печенѣжиномъ. Я не знаю, Князь, могу ли, отвѣчалъ молодой человѣкъ, испытайте! и просилъ выпустить на него сильнаго быка, разъяривши его каленымъ желѣзомъ. Такъ было исполнено. Силачь схватилъ его на бѣгу рукою за тѣло, и вырвалъ кусокъ мяса съ кожею «елико рука зая». Опытъ ободрилъ Русь. Въ назначенный день Печенѣжинъ явился, и посмѣялся, увидя предъ собою малорослаго соперника: «бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ». Размѣрено мѣсто между полками. Бойцы сошлись и схватились крѣпко другъ за друга. Русинъ удавилъ Печенѣжина «въ руку до смерти», и потомъ ударилъ оземь. Наши крикнули и бросились на Печенѣговъ, которые обратились въ бѣгство. Володимеръ заложилъ городъ на бродѣ томъ, и назвалъ его Перея-

славлемъ, потому что юноша переялъ здѣсь славу, а его, равно какъ и отца, «сотвори мужемъ великимъ».

По прошествіи трехъ лѣтъ Печенѣги напали вновь на Русь, при чемъ самъ Володимеръ едва избѣгнулъ опасности: онъ вышелъ было противъ нихъ съ маломъ дружины изъ Василева города, не за долго имъ основаннаго на рѣкѣ Стугнѣ, и не могъ выдержать ихъ натиска, бѣжалъ, и едва успѣлъ скрыться подъ мостомъ. Трепеща за свою жизнь, онъ обѣщался поставить церковь Святаго Преображенія въ Василевѣ, (это было въ день Преображенія), если Богъ избавитъ его отъ гибели. Печенѣги проскакали мимо, и Володимеръ спасся; онъ сотворилъ праздникъ великъ для бояръ, посадниковъ, старѣйшинъ и многихъ людей, на которомъ выпито триста проваръ меду, и роздано убогимъ полтораста фунтовъ серебра. Пиръ продолжался восемь дней, послѣ коихъ къ Успенью Князь воротился въ Кіевъ, гдѣ начались новыя празднества для безчисленнаго множества народа. Церковь во славу Преображенія Господня построена немедленно въ Василевѣ. Такъ онъ былъ радъ своему нечаянному избавленію!

О послѣднемъ набѣгѣ Печенѣговъ сохранилось преданіе, совершенно баснословное. Володимеръ уѣхалъ въ Новгородъ нанимать Норманновъ; Печенѣги, провѣдавъ объ его отсутствіи, осадили Бѣлгородъ. Голодъ началъ стѣснять осажденныхъ. Созвано было вѣче, на которомъ положено сдаться. Одинъ старикъ, не бывшій на вѣчѣ, узнавъ объ этомъ рѣшеніи, упросилъ старѣйшинъ подождать еще три дня, и исполнить между тѣмъ, что̀ онъ имъ скажетъ. Тѣ согласились. Старикъ велѣлъ выкопать два колодца, потомъ снесть къ нимъ по горсти овса, пшеницы и отрубей, изъ чего женщины должны были сдѣлать цѣжь, и опустить въ кадкѣ, въ одинъ колодецъ; въ другой коло-

дець поставить кадку съ сытою, взявъ меду изъ княжей медуши,—и потомъ звать Печенѣговъ, чтобъ они пришли посмотрѣть, что дѣлается въ городѣ. Печенѣги подумали, что граждане хотятъ сдаваться, оставили у себя заложниковъ, и пошли вдесятеромъ. Ихъ привели къ колодцамъ. Посмотрите, сказали Бѣлогородцы, какое у насъ обиліе въ городѣ; хотя больше десяти лѣтъ простоите вы подъ стѣнами, вы намъ ничего не сдѣлаете. Мы имѣемъ кормло изъ земли. Съ сими словами зачерпнули они цѣжи ведромъ, налили въ лотки, и сварили кисель. Потомъ привели къ другому колодцу, и почерпнувъ сыты, начали ѣсть сами и подчивать Печенѣговъ. Тѣ отвѣдали, удивились и сказали, что Князья имъ не повѣрятъ. Бѣлогородцы почерпнули еще, налили корчагу цѣжи и сыты, и послали Князьямъ. Князья сварили, съѣли, и рѣшили, что стоять имъ подъ городомъ безполезно, сняли осаду, размѣняли талей и ушли.

Послѣ этой войны семнадцать лѣтъ жизни Володимера у Нестора не описано. Вѣроятно «ничто же бысть». Замѣчена только кончина какой-то Малфриды, (вѣроятно одной изъ прежнихъ женъ Володимеровыхъ), знаменитой Рогнѣды (997), сына ея Изяслава (998), внука Всеслава (999), и наконецъ Царицы Володимеровой Анны (1011).

Сыновья его княжили въ удѣлахъ, розданныхъ имъ очень рано, подъ наблюденіемъ кормильцевъ, и платили урочную дань отцу: Ярославъ въ Новѣгородѣ, куда перешелъ онъ изъ Ростова, по кончинѣ старшаго брата Вышеслава, Святополкъ въ Туровѣ, Борисъ въ Ростовѣ послѣ Ярослава, Глѣбъ въ Муромѣ, Святославъ въ Деревахъ, Всеволодъ въ Владимирѣ, Мстиславъ въ Тмутаракни...

Въ послѣдній годъ своей жизни (1015) Володимеръ былъ огорченъ ослушаніемъ сына Ярослава, который

попадѣясь на силу Новогородскую и помощь Варяговъ, или на старость отца и свое отдаленіе отъ него, не хотѣлъ платить двухъ тысячь гривенъ, что Новогородскіе посадники платили урокомъ Кіевскому Князю, раздавая тысячу гридямъ въ Новѣгородѣ. Володимеръ разсердился. Теребите путь, мостите мосты, воскликнулъ старой Князь, сбираясь самъ идти на войну, какъ будто закипѣла въ немъ прежняя кровь, вспомнилось передъ смертью давнопротекшее время, и ему вдругъ захотѣлось потѣшиться въ бранномъ полѣ,—но силы ему измѣнили, онъ занемогъ. Между тѣмъ пришло извѣстіе съ другой стороны, что идутъ Печенѣги. Володимеръ долженъ былъ пока оставить безъ наказанія дерзкаго сына, звавшаго между тѣмъ Норманновъ, и послать свою дружину противъ Печенѣговъ, съ любимымъ сыномъ Борисомъ, который находился тогда въ Кіевѣ; — онъ не могъ уже дождаться ихъ возвращенія: 15 Іюля, 1015 года, онъ скончался въ любимомъ селцѣ своемъ Берестовомъ, лѣтъ шестидесяти отъ рожденія.

Бояре хотѣли скрыть его смерть, потому, что Святополкъ Туровскій случился на ту пору въ Кіевѣ, а они ожидали Бориса, желая его посадить на престолъ: ночью, обвертѣвъ тѣло покойника въ коверъ, спустили его по веревкамъ сквозь проманный накатъ, и отвезли на саняхъ въ Соборъ Пресвятой Богородицы, имъ созданный. Но народъ поутру же провѣдалъ о кончинѣ: безчисленное множество собралось въ церковь; бояре плакали о Володимерѣ, какъ защитникѣ своей земли; бѣдные какъ о своемъ кормильцѣ и заступникѣ. Тѣло его положено въ мраморный гробъ, отпѣто и погребено съ плачемъ великимъ.

Се есть новый Константинъ великаго Рима, восклицаетъ лѣтописатель, заключая его жизнеописаніе. Хоть

онъ и желалъ прежде на скверную похоть, но послѣ прилѣпился покаянію; согрѣшенія, содѣланныя въ невѣжествѣ, разсыпались милостынями, и тамъ преизобиловала благодать, гдѣ умножился грѣхъ. Дивно есть, сколько добра сотворилъ онъ Русской землѣ, крестивъ ее. Вѣчную память сохранятъ о тебѣ Рустіи сынове, поминая святое крещеніе!

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛКЪ.

Во время кончины Великаго Князя Володимера, Святополку, его усыновленному племяннику, случилось быть въ Кіевѣ. Имѣвъ право на столъ великокняжескій, какъ сынъ старшаго брата Володимерова, Ярополка, онъ остался въ Кіевѣ, созвалъ Кіянъ и началъ одѣлять ихъ дарами. Тѣ принимали дары неохотно: сердце ихъ было съ братьями въ дружинѣ Борисовой. Святополкъ долженъ былъ опасаться, чтобъ этотъ любимый Князь, имѣя съ собою сильную рать, не лишилъ его отчины, согласно съ желаніемъ людей и бояръ, даже скрывавшихъ долго отъ Святополка кончину Великаго Князя. Можетъ быть—говорилъ въ немъ и тайный голосъ мести за отца Ярополка, убитаго Володимеромъ. Какъ бы то ни было, онъ рѣшился погубить Бориса измѣною. Ночью, отай, ушелъ онъ въ Вышгородъ, и призвалъ Путшу съ Вышегородскими боярцами. Преданы ли вы мнѣ всѣмъ сердцемъ? спросилъ ихъ Святополкъ. Готовы умереть за тебя, отвѣчали они. Ступайте жъ въ станъ Борисовъ и убейте его. Тѣ обѣщали.

Борисъ, не найдя нигдѣ Печенѣговъ, возвращался съ своими воями, какъ пришла къ нему вѣсть о смерти отца.

Онъ плакалъ горько, потому что отецъ любилъ его больше всѣхъ братьевъ,—и остановился на Альтѣ (близъ Переяславля). Воины приступили къ нему: спѣши въ Кіевъ и садись на столѣ отнемъ.—Нѣтъ, не могу я поднять руки на брата старѣйшаго, отвѣчалъ Борисъ. Онъ долженъ быть мнѣ въ отца мѣсто. Такой смиренный отвѣтъ не могъ нравиться дружинѣ, любившей власть, богатство и войну. Отъ робкаго всѣ ушли къ смѣлому, и Борисъ остался съ одними отроками.

Приходитъ другое извѣстіе: хотятъ погубить тебя. Борисъ, вѣроятно христіанинъ съ младенчества, воспитанный въ правилахъ Евангельскаго ученія матерію Болгарыней, не думалъ о сопротивленіи,—которое, за отбытіемъ дружины, становилось даже безполезнымъ, — а только о пріуготовленіи къ христіанской кончинѣ. Вѣнецъ мученическій былъ ему всего вожделеннѣе. Услышавъ смертную вѣсть, провелъ онъ всю ночь въ священныхъ пѣснопѣніяхъ. Кончивъ оксансальму, онъ воспѣлъ канунъ, и смотря на образъ Распятія, висѣвшій въ его шатрѣ, произнесъ молитву: Господи Іисусе Христе, благоволивый принять вольную страсть грѣхъ ради нашихъ, сподоби и меня принять смерть отъ руки брата моего, и не сотвори ему въ томъ грѣха. Помолясь, онъ легъ на одръ. Убійцы, какъ дикіе звѣри, ворвались въ шатеръ, и пронзили копьями его, и любимаго отрока Георгія, родомъ Угрина, котораго Борисъ имѣлъ всегда при себѣ, и возложилъ на шею золотую гривну. Не могши снять ее съ шеи, они отрубили ему голову, и потомъ избили многихъ другихъ отроковъ. Бориса, еще дышущаго, обвертѣли въ шатеръ, положили на кола, и повезли къ Вышгороду. Святополкъ, узнавъ, что онъ дышетъ, выслалъ двухъ Варяговъ «прикончать» его. Одинъ изъ нихъ поразилъ его мечемъ въ сердце. Тѣло Борисово похоронили тайно

при церкви Святаго Василія въ Вышгородѣ. Имена убійцъ лѣтописатель предалъ проклятію: Путша, Талецъ, Еловецъ, Ляшко.

Святополкъ могъ ожидать мести отъ роднаго Борисова брата, по отцу и матери, Глѣба, Князя Муромскаго. Надо было извести и его, для предупрежденія опасности. Онъ послалъ звать Глѣба, яко бы къ отцу, занемогшему. Глѣбъ, «сѣдъ вборзѣ на коня», пошелъ съ малою дружиною, «бѣ бо послушливъ отцю». На дорогѣ изъ Мурома близъ Волги споткнулся у него конь, и онъ наломилъ себѣ ногу, однако же поѣхалъ далѣе, достигъ Смоленска, который былъ тогда перепутьемъ между городами Русскими, сѣверными, южными и восточными. Оттуда поплылъ онъ, какъ обыкновенно, водою, и остановился на Смядинѣ въ насадѣ, въ виду еще отъ города. Здѣсь дошло до него извѣстіе отъ Ярослава, увѣдомленнаго сестрою Предславою, изъ Новаггрода, что отецъ ихъ умеръ, что братъ Борисъ убитъ Святополкомъ, и что онъ не долженъ идти въ Кіевъ. Глѣбъ облился горячими слезами, и по отцѣ, и особенно по братѣ, съ которымъ связанъ былъ узами крови, и отъ котораго, по старшинству, получалъ продолженіе материнскихъ наставленій о высокой христіанской добродѣтели. Увы мнѣ, Господи, говорилъ онъ, какъ передаетъ лѣтописецъ, — лучше умереть мнѣ съ братомъ любимымъ, нежели остаться одному на этомъ суетномъ свѣтѣ. Гдѣ слова его, кои говорилъ онъ мнѣ? Я не услышу уже его сладкаго наказанія. О братъ мой! если получилъ ты дерзновеніе у Бога, умоли, чтобъ и мнѣ принять такую же мученическую смерть!

Она была уже близка! Посланцы Святополковы плыли по Днѣпру, окружили кораблецъ Глѣбовъ и обнажили мечи. Отроки его оробѣли. Начальникъ убійцъ Горясѣръ закричалъ имъ, чтобъ они убили своего Князя. Поваръ

Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вынулъ тотчасъ ножъ и зарѣзалъ его. Тѣло брошено на берегу между двумя колодами, а потомъ, чудесно узнанное, отвезено къ братнему въ Вышгородъ—два христіанина, принявшихъ новое ученіе къ сердцу, приложившихъ слово къ жизни, и запечатлѣвшихъ кровію преданность святому закону.

Святополкъ послалъ убить еще третьяго брата, Святослава Древлянскаго, который бѣжалъ было въ Угры, но былъ настигнутъ въ горахъ,—и началъ княжить въ Кіевѣ, раздавая людямъ корзна, куны и всякое богатство.

Между тѣмъ какъ эти происшествія слѣдовали одно за другимъ въ Кіевѣ, въ Новѣгородѣ Ярославъ, находившійся въ короткихъ связяхъ съ Норманами, и желавшій утвердить оныя еще болѣе, вступилъ въ супружество съ Ингигердою, дочерью Олава, Короля Шведскаго. Долго длились переговоры. Отецъ далъ согласіе первому посольству Ярославову; но невѣста, по свидѣтельству Норманскихъ лѣтописей, предъявляла одни условія за другими: сперва потребовала она себѣ за вѣно городъ Альдей-габоргъ съ принадлежащею къ нему областію. Послы Гольмгарда, (такъ назывался у Норманновъ Новгородъ) обѣщали ей именемъ своего князя. Тогда она потребовала, чтобы ей позволено было выбрать въ Швеціи знаменитаго мужа, который поѣхалъ бы съ нею, и получилъ на Руси тотъ же санъ и силу, какую имѣлъ на родинѣ. Послы и князь согласились. Она назначила въ спутники себѣ родственника Рагвальда, чего весьма не хотѣлось ея отцу, но она настояла на своемъ требованіи: Рагвальдъ былъ отпущенъ и получилъ Ладогу, которую долго держалъ съ честію, плативъ дань Ярославу.

Норманны, призванные Ярославомъ на помощь противъ отца, наглые и буйные, оставшись у него на службѣ, причи-

няли насиліе Новогородцамъ и женамъ ихъ. Тѣ не могли долго сносить обидъ, встали и избили ихъ на дворѣ Парамонѣ. Ярославъ озлобился: онъ чаялъ спасенія только отъ своихъ воинственныхъ наемниковъ, и долженъ былъ даже отвѣчать нѣкоторымъ образомъ за ихъ гибель, предъ всѣми ихъ единоплеменниками. Тая гнѣвъ, онъ уѣхалъ на Ракому, въ загородное свое село, на берегу Волхова, и лестно призвалъ къ себѣ главныхъ Новогородцевъ, которые изсѣкли Норманновъ, притворяясь забывшимъ ихъ самоуправство: мнѣ не воскресить уже тѣхъ, кто погибъ, говорилъ онъ. Новогородцы пришли, и были всѣ преданы смерти.

Въ эту самую ночь получаетъ онъ извѣстіе отъ сестры Передславы изъ Кіева: отецъ нашъ умеръ, Святополкъ занялъ его столъ, велѣлъ убить Бориса, и послалъ на Глѣба; блюдись его и ты повелику!

Что было дѣлать Ярославу! Безъ Новогородцевъ онъ не могъ теперь успѣть ни въ чемъ, а надѣяться на нихъ было нельзя, послѣ такой вѣроломной надъ ними казни. Дорого бы онъ далъ, чтобъ не поспѣшить своей местно. Скрѣпя сердце, поутру онъ созвалъ остальныхъ Новогородцевъ, и плачущій сказалъ имъ: о люба моя дружина, что вчера избилъ я, а нынѣ надобѣ. Ты избилъ нашу братью, отвѣчали они, но мы поможемъ тебѣ. Вѣроятно, они надѣялись добра отъ Святополка еще менѣе, чѣмъ отъ Ярослава.

Ярославъ собралъ рать, въ коей было Варяговъ тысяча. Отличались между ними два знаменитыхъ Норманскихъ витязя—Эймундъ и Рагнаръ. Они оставили свое отечество, обиженные конунгомъ Олавомъ, и, собравъ дружину изъ шестидесяти человѣкъ, рѣшились искать счастія въ Гольмгардѣ, и наняться у кого-нибудь изъ

Русскихъ князей, кто дастъ больше, Ярослава, Святополка или Брячислава, которые были въ раздорѣ между собою, какъ дошли до нихъ слухи. Ярославъ удержалъ ихъ у себя, договорясь платить сверхъ содержанія по унціи серебра на всякаго воина, и кромѣ того по полунціи на всякаго начальника ладьи,—серебромъ или мѣхами, бобрами и соболями.

Святополкъ выступилъ на встрѣчу къ Новогородскому Князю съ Русью и Печенѣгами. Противники сошлись на Днѣпрѣ у Любеча, и остановились на берегахъ другъ противъ друга. Долго не рѣшался начать никто. Воевода Святополковъ, ѣздя по берегу, ругалъ Новогородцевъ: ну вы, плотники, зачѣмъ пришли сюда съ своимъ хромцемъ? Мы приставимъ васъ рубить намъ хоромы. Новогородцевъ это взорвало. Они сказали Ярославу: перевеземся завтра; кто не пойдетъ, того убьемъ. Ярославъ и самъ думалъ о сраженіи. Онъ посылалъ отрока къ одному мужу въ станѣ Святополковомъ, ему благопріятствовавшему, спросить: что велишь творить? меду мало наварено, а дружины много. Тотъ отвѣчалъ: даче меду мало, а дружины много, да къ вечеру вдати, т. е. нападай. Между тѣмъ Днѣпръ началъ замерзать. Весь вечеръ прошелъ въ приготовленіяхъ у Ярослава. Дружинѣ велѣлъ онъ знаменаться и повить головы убрусами, чтобъ въ темнотѣ можно было узнать своихъ.

А Святополкъ, стоявшій на берегу между двумя озерами, не думая вовсе о сраженіи, пилъ съ своей дружиною. Передъ свѣтомъ Ярославъ исполчилъ полки и переправился. Вышедъ на берегъ, Новогородцы оттолкнули лодки, чтобъ нельзя было воротиться. Сѣча злая началася. Печенѣгамъ нельзя было изъ-за озера помочь Святополку. Его прижерли къ озеру съ дружиною. Всѣ они бросились на

ледъ,—вода только что подмерзла,—и ледъ обломился. Эймундъ и Рагнаръ дѣйствовали сильнѣе всѣхъ. Ярославъ началъ одолѣвать,—и Святополкъ бѣжалъ къ Ляхамъ, къ тестю своему, Болеславу Храброму, Королю Польскому, съ которымъ еще при жизни Володимеровой были у него переговоры о подданствѣ съ сосѣднею областію, а Ярославъ занялъ Кіевъ и сѣлъ на столѣ отчемъ и дѣдиемъ, наградивъ своихъ помощниковъ, отъ десяти гривенъ до гривны серебра, коемуждо по заслугѣ.

Болеславъ, Король Польскій, справедливо прозванный Храбрымъ, ужасъ своихъ сосѣдей, воевалъ тогда съ Нѣмецкимъ Императоромъ Генрихомъ II, который, по свидѣтельству Епископа Мерзебургскаго Дитмара, вошелъ было въ сношенія съ Ярославомъ противъ общаго врага; но, получивъ отъ него малую помощь, принужденъ былъ примириться на тягостныхъ для себя условіяхъ. Тогда Болеславъ взялся за отмщеніе своего зятя, ненавидѣвъ и самъ Ярослава, за отказъ сестры. Приговоривъ помощниковъ изъ Угровъ, Печенѣговъ, Нѣмцевъ, пошелъ онъ въ слѣдующемъ году на Кіевскаго Князя, который, не ожидая вовсе никакой войны, ловилъ спокойно рыбу въ Днѣпрѣ, какъ вдругъ принесено ему было извѣстіе, что многочисленное войско идетъ противъ него, подъ предводительствомъ Болеслава, помогающаго Святополку. Онъ бросилъ уду, сказавъ: «нечего теперь удой рыбу ловить; какъ бы самимъ не попасться на уду»,—и началъ приготовляться къ отпору. Вышелъ изъ Кіева и встрѣтилъ Болеслава на Бугѣ. Оба войска остановились и простояли нѣсколько дней въ бездѣйствіи. Воевода Ярославовъ Будый насмѣхался надъ Польскимъ Королемъ: что же онъ не переѣзжаетъ къ намъ, мы проткнемъ ему, кабану, толстое брюхо копьемъ. «Бѣ бо великъ и

тяжекъ». Болеславъ не вытерпѣлъ, сѣлъ на коня, хотя едва могъ держаться на немъ по причинѣ тучности, бросился въ рѣку вбродъ, и звалъ за собою своихъ воиновъ отмстить за ругательство. Кабанъ перевѣдается съ собаками, кричалъ онъ. Ярославъ не изготавливался его встрѣтить на тотъ разъ, былъ разбитъ совершенно, лишился даже всякой надежды бороться, и бѣжалъ въ Новгородъ.

Онъ не хотѣлъ было оставаться и тамъ, а думалъ прямо искать убѣжища за моремъ у Норманновъ, но Новогородцы его не пустили. Съ посадникомъ Коснятинымъ, сыномъ Добрыни, они изрубили Ярославовы ладьи, и сказали, что хотятъ еще биться съ Святополкомъ и Болеславомъ. Начали собирать серебро, отъ мужа по 4 куны, отъ старостъ по 10 гривенъ, отъ бояръ по 18 гривенъ, и послали нанимать Норманновъ. Тѣ пришли на корабляхъ. Новогородцы выдали имъ серебро, за ихъ помощь, и собрались въ походъ,—но самъ Святополкъ помогъ Ярославу еще лучше наемныхъ Норманновъ.

Король Польскій, располагался, повидимому, оставаться въ Кіевѣ дольше, чѣмъ желалъ Святополкъ; можетъ быть, онъ думалъ даже имѣть въ зятѣ подвластнаго себѣ данника, и покорить Кіевъ владычеству Польши. Святополку не хотѣлось уступить власти кому бы то ни было: онъ велѣлъ жителямъ убивать тайно воиновъ Польскихъ, разведенныхъ по городамъ на кормъ. Ляховъ избили много, такъ что Болеславъ долженъ былъ опасаться и за себя. Оставаться долѣе въ враждебной землѣ ему было нельзя; онъ поспѣшилъ удалиться, захвативъ дочерей Володимеровыхъ, (изъ которыхъ за Предславу онъ сватался прежде и получилъ отказъ, а теперь положилъ къ себѣ на ложе) плѣнилъ многихъ бояръ, значительное количество людей

множество имѣнія, приставя къ храненію Анастаса, Десятиннаго, измѣнившаго второму своему отечеству, также какъ и первому. По пути занялъ онъ города Червенскіе, покоренные прежде Володимеромъ.

Этимъ Болеславовымъ походомъ хвалятся Польскіе лѣтописатели: они разсказываютъ, что Болеславъ разрубилъ мечемъ, полученнымъ отъ ангела, Золотыя ворота въ Кіевѣ, отъ чего на лезвеѣ произошла щербина, что Болеславъ, предъ выступленіемъ изъ Кіева, въ знакъ своего владычества надъ Русскими, и слѣдуя примѣру Геркулеса, поставилъ столпы желѣзные на Днѣпрѣ, гдѣ впадаетъ въ него Сула, а въ рѣку велѣлъ положить мѣдныя трубы, которыя отъ теченія воды издаютъ звуки и произносятъ имя Болеслава... Какъ бы то ни было, Болеславъ ушелъ изъ Кіева.

Святополкъ успѣлъ освободиться отъ нечаяннаго своего врага-благодѣтеля, но другой шелъ уже на него. Не съ чѣмъ было встрѣчать ему Ярослава, и онъ бѣжалъ къ Печенѣгамъ, а Князь Новогородскій занялъ отъ Кіевъ.

На другой годъ уже, (1019), собравъ многочисленное войско, въ силѣ тяжцѣ, явился Святополкъ съ наемными Печенѣгами. На рѣкѣ Альтѣ, тамъ, гдѣ погибъ несчастный Борисъ, сошлись супротивники. Все поле было покрыто воями. Господи, воскликнулъ Ярославъ, неповинная кровь вопіетъ къ тебѣ, отомсти! А вы, братья, помогайте мнѣ! Лишь только взошло солнце, началась битва, какой еще не бывало на Руси: воины, схватясь за руки, сѣклись мечами, кололись копьями, такъ что кровь текла по удольямъ потоками. Три раза сступались противники, наконецъ къ вечеру одолѣлъ Ярославъ. Святополкъ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ, но онъ

не могъ сидѣть на конѣ, отъ разслабленія силъ. Его положили на носилкахъ, и понесли. Ему все казалось, что за нимъ гонятся, и онъ безпрестанно оборачивался назадъ, понуждая своихъ воиновъ. Лишь только тѣ останавливались гдѣ-нибудь, какъ онъ высылалъ ихъ освѣдомляться: «посмотрите, не гонятся ли за нами». Отроки возвращались съ отвѣтомъ, что погони никакой не было, но больной вскакивалъ, и кричалъ опять: «гонятся, побѣжимъ»! — и воины должны были съ нимъ спѣшить дальше и дальше. Такъ достигли они Бреста, города Туровскаго княжества. Святополкъ все не успокоивался, и никакъ не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ. Ему все чудилась погоня. «Несите дальше, дальше»! Они пробѣжали Лядскую землю, говоритъ Несторъ, и тамъ, гдѣ-то, за нею, Святополкъ «злѣ изверже животъ свой».

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ.

1019 — 1054.

Ярославъ мстилъ Святополку смерть своихъ братьевъ, но было что мстить и ему. Полоцкій Князь Брячиславъ, сынъ Изяславовъ, внукъ славной Рогнѣды, наслѣдовалъ ея кровную ненависть къ потомству разлюбившаго ее мужа. Брячиславу, въ войнѣ съ Ярославомъ, помогали много, по разсказамъ Норманскихъ странниковъ, его прежніе сотрудники, Эймундъ и Рагнаръ, что̀ мы узнаемъ изъ Эймундовой саги: служивъ Кіевскому Князю нѣсколько лѣтъ, сребролюбивые Норманны были недовольны его скупостію; онъ задерживалъ всегда договорное жалованье, а наконецъ, утвердясь на столѣ Кіевскомъ, началъ при-

жимать ихъ такъ, что тѣ рѣшились оставить его совершенно. — Ну такъ что же вы будете дѣлать, спросилъ ихъ Ярославъ на разставаньѣ. — Чего тебѣ хочется всего меньше, отвѣчали они: мы пойдемъ къ Брячиславу, — и съ сими словами отправились они къ своимъ ладьямъ. Ярославу было очень непріятно лишиться такихъ сподвижниковъ, а еще менѣе получить въ нихъ враговъ. Жена его Ингигерда, которая принимала дѣятельное участіе во всѣхъ рядахъ, по обычаю женъ Норманскихъ, какъ Ольга, какъ Рогнѣда, пошла вслѣдъ за ними съ Ярломъ Рагнвалдомъ и нѣсколькими мужами. Всѣ Эймундовы люди стояли на берегу и готовились отплыть. Они доложили своему Князю, который сѣлъ уже въ лодку, что Княгиня хочетъ съ нимъ видѣться. Я не вѣрю ей, молвилъ Эймундъ, она похитрѣе будетъ своего мужа, но уклоняться отъ бесѣды негодится. Рагнаръ хотѣлъ было проводить своего товарища, но тотъ остановилъ его, сказавъ: вѣдь мы не на войну выходимъ. Онъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ дожидалась его Княгиня съ своими. Всѣ они сѣли на холму. На Эдмундѣ былъ коцъ съ завязанными тесемками; подъ полою спрятанъ былъ мечь. Княгиня и Рагнвальдъ, говоря, подвигались къ нему ближе и ближе, такъ что прикасалися платья. Не хорошо, сказала Ингигерда, что вы такъ разстаетеся съ Княземъ; мнѣ хотѣлось бы уладить дѣло. Между тѣмъ ни у нея, ни у Эймунда, руки не оставались въ покоѣ: Эймундъ развязывалъ тесемки, Ингигерда спускала рукавъ. Онъ уже догадался, что здѣсь не безъ козни, — и въ самомъ дѣлѣ, лишь только Княгиня, высвободивъ руку, подняла ее къ верху, какъ ея люди бросились на Эймунда, но онъ успѣлъ отскочить, сбросивъ съ себя развязанный коцъ, а Рагнаръ, наблюдавшій за бесѣдою изъ лодки, бѣжалъ уже на помощь съ товарищами, которые бросились

съ яростью на людей Княгининыхъ и хотѣли ихъ перебить... Эймундъ удержалъ: не надо, пусть идутъ они въ покоѣ домой, — я не хочу ссориться съ Конунгомъ. Ингигерда, смѣясь надъ своей неудачей, разумѣется-принужденно, удалилась къ себѣ, а Эймундъ съ Рагнаромъ поплыли въ Полоцкъ.

Брячиславъ напалъ на Новгородъ, плѣнилъ многихъ жителей, и захватилъ богатую добычу. Ярославъ догналъ Полоцкаго Князя на возвратномъ его пути около рѣки Судомы, и побѣдилъ, — однако-жъ далъ ему въ придачу къ прежней волости Витебскъ и Усвятъ. Норманны разсказывали, что Эдмундъ и Рагнаръ успѣли захватить здѣсь въ плѣнъ Ингигерду, ѣхавшую къ мужу, выждавъ ее въ засадѣ, чѣмъ и содѣйствовали къ заключенію мира между Князьями. Первый получилъ себѣ въ управленіе Сѣверозападную область съ обязанностію охранять предѣлы Русской земли съ этой стороны.

Вскорѣ за этой войной, Ярославъ долженъ былъ защищаться отъ брата своего Мстислава, Князя Тмутораканскаго, который, одинъ изъ всѣхъ сыновъ Володимеровыхъ, оставался еще въ живыхъ, кромѣ Судислава, заключеннаго въ Псковѣ, по клеветѣ, еще въ 1036 году.

Мстиславъ, истинный витязь въ Норманскомъ духѣ, сдѣлался ужасомъ всѣхъ своихъ сосѣдей около Чернаго моря. Прежде всего, онъ помогъ Грекамъ уничтожить Козарскую державу въ Тавридѣ. Потомъ ходилъ онъ на сосѣднихъ съ Тмутораканью Касоговъ. Зачѣмъ губить намъ воевъ, предложилъ ему Косожскій Князь Редедя, сразимся лучше мы двое, и не оружіемъ, а борьбою. Одолѣешь ты—и возмешь мое имѣніе, мою землю, жену и дѣтей; а если я одолѣю, то возму все твое. Мстиславъ

согласился. Они схватились, боролись долго и крѣпко. Тмутораканскій Князь началъ изнемогать. Мать Пречистая Богородица, воскликнулъ онъ, помоги, я выстрою тебѣ церковь, и, напрягши всѣ мышцы, стиснулъ Редедю и ударилъ о земь, вынулъ ножь и зарѣзалъ. Потомъ овладѣлъ всею землей его, взялъ его имѣнье, жену и дѣтей, сдѣлавшихся родоначальниками нѣкоторыхъ нынѣшнихъ дворянскихъ фамилій, обложилъ жителей данью и потомъ возвратился въ Тмуторакань, гдѣ и заложилъ церковь Св. Богородицы, которая стояла тамъ еще при жизни лѣтописателя.

Но Мстиславу хотѣлось больше владѣнья изъ отцовскаго наслѣдства. Онъ пошелъ на Кіевъ, взявъ съ собою Козарскіе и Косожскіе вои. Кіевляне не пустили его однакожъ къ себѣ, хотя Ярослава не было тогда дома: онъ уѣзжалъ въ Новгородъ, а оттуда долженъ былъ отправиться въ Суздальскую землю, гдѣ взмялся народъ вслѣдствіе голода: волхвы пустили молву, что старыя бабы держатъ гобино. Народъ принялся ихъ избивать, и насилу Ярославъ успокоилъ людей Божіимъ страхомъ. Казнилъ однихъ волхвовъ, а другихъ расточилъ. За житомъ послали Волгою купцевъ въ Болгарію, которые привезли всего вдоволь, и народъ ожилъ.

Чтобъ отбиться отъ новаго своего врага, Ярославъ долженъ былъ воротиться въ Новгородъ, и искать помощи тамъ, гдѣ находилъ ее отецъ его и прочіе Князья, во всякомъ случаѣ нужды,—у Норманновъ. Ждать долго они себя не заставляли, было-бъ готово золото, серебро и паволоки за ихъ бранную службу. И приплылъ скоро къ Ярославу Якунъ слѣпой въ золотой лудѣ съ своею дружиной. Снарядясь, пошли они на Мстислава, который встрѣтилъ ихъ у Листвена, недалеко отъ Чернигова.

Съ вечера исполчилъ онъ дружину, поставивъ Сѣверянъ въ срединѣ противъ Варяговъ, а самъ съ нею по крыльямъ. Ночью вдругъ поднялась гроза и пролился дождь. Пойдемъ на нихъ, закричалъ удалый Князь, и подъ ударами грома, при блескѣ молніи, сразился воп. Чело Сѣверянъ ступилось съ Варягами, но гдѣ же было имъ устоять противъ опытной въ бояхъ руки Норманскаго племени! Мстиславовы Варяги одолѣли, — и трудишася, сѣкуще Сѣверъ, говоритъ лѣтописецъ, — какъ подоспѣлъ самъ Мстиславъ съ дружиной своей, наперъ на Варяговъ и сломилъ ихъ полкъ. А между тѣмъ буря продолжалась, оружіе блистало, освѣщавшееся вдругъ молніей, громъ гремѣлъ, и сѣча была сильна и страшна. Ярославъ увидѣлъ, что беретъ не его, и бѣжалъ вмѣстѣ съ Якуномъ, который оставилъ на мѣстѣ сраженія свою златотканную одежду. На разсвѣтѣ Мстиславъ, осматривая поле, усыпанное трупами, сказалъ: какъ мнѣ не радоваться? здѣсь лежитъ Сѣверянинъ, здѣсь Варягъ, а дружина моя цѣла.

Однако-жъ онъ не хотѣлъ низложить Ярослава совершенно: онъ послалъ звать его, какъ старшаго брата, въ Кіевъ, «а мнѣ буди сія сторона». Но Ярославъ не смѣлъ ему вѣрить, и прислалъ въ Кіевъ только мужей своихъ, а самъ, уже черезъ три года, со вновь набранными воями, явился въ своей столицѣ. Подъ Городцемъ братья раздѣлили Русскую землю, назначивъ границею между собою Днѣпръ — «и начаста жити мирно, въ братолюбствѣ, и уста усобица и мятежъ, и бысть тишина велика въ земли года три».

На четвертый—Ярославъ, вѣрный Норманиской природѣ, съ коею имѣлъ случай сродниться, началъ продолженіе походовъ на сосѣднія племена, началъ воевать дальше и дальше.

Въ 1030 году ходилъ онъ и взялъ Бельзъ; потомъ далѣе на Чудь, обложилъ ее данью, и поставилъ городъ Юрьевъ (Дерптъ), куда должна была собираться дань съ окружнаго поморья.

Въ 1031 году ходилъ онъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ на Польшу, которая только что лишилась своего славнаго Болеслава, и раздиралась междоусобіями. Воспользуясь ими, братья заняли опять города Червенскіе, воевали долго Лядскую землю, и привели много плѣнниковъ, которыхъ раздѣлили между собою. Доставшихся на свою долю Ярославъ посадилъ близъ Кіева по рѣкѣ Рси, поставивъ на ней нѣсколько городовъ.

Этотъ походъ былъ послѣднимъ для храбраго Мстислава. Вышедъ на ловы, онъ разнемогся и умеръ, вскорѣ послѣ единственнаго своего сына Евстафія, и власть его вся досталась Ярославу, который сдѣлался, какъ Володимеръ, самовластцемъ всей почти Русской земли.

Новгородъ отдалъ онъ тогда сыну Володимеру, которому исполнилось 16 лѣтъ, а Епископомъ назначилъ Луку Жидяту, для чего нарочно туда и ѣздилъ. Тогда же вѣроятно роздалъ онъ города и прочимъ сыновьямъ.

Въ отсутствіе его Печенѣги набѣжали опять на Кіевъ. При первомъ извѣстіи Ярославъ собралъ воевъ, Словенъ и Варяговъ, и поплылъ на помощь къ своей столицѣ. Печенѣговъ было безъ числа. Ярославъ исполчилъ дружину, поставя въ срединѣ Норманновъ, на правомъ крылѣ Кіевлянъ, на лѣвомъ Новогородцевъ. Загородомъ произошло сраженіе кровопролитное, и едва къ вечеру одолѣлъ Кіевскій Князь. Печенѣги разбѣжались во всѣ стороны, и многіе потонули въ Сѣтомли и другихъ рѣкахъ.

На мѣстѣ сраженія, въ слѣдующемъ году, заложилъ Ярославъ великую церковь Святой Софіи, наподобіе Константинопольской, а Кіевъ обвелъ великою стѣною, въ защиту отъ вражескихъ набѣговъ, съ Золотыми воротами, которыхъ ветхіе останки видимъ еще теперь.

Отразивъ на долго дикарей, Ярославъ принялся опять ходить на Норманскій промыселъ, раздвигая болѣе и болѣе предѣлы Русской земли.

Въ 1038 г. на Ятвяговъ,

въ 1040 на Литву,

въ 1041 на Мазовшанъ въ ладьяхъ,

въ 1042 старшій сынъ его Володимеръ ходилъ изъ Новагорода на Ямь, Чудское племя, на югѣ нынѣшней Финляндіи.

Въ 1043 году отправилъ онъ сына, снарядивъ многочисленное войско, на Царьградъ, къ старинной любимой цѣли Русскихъ Князей, оставленной въ покоѣ послѣ принятія Христіанской вѣры и начавшагося родства съ Греческими Императорами. Молодому Володимеру, пылкому и храброму юношѣ, захотѣлось видно отличиться въ предпріятіи великомъ, на войнѣ опасной и выгодной, со врагами знаменитыми, — и онъ выпросилъ у отца его могучую, испытанную дружину, чтобъ вмѣстѣ съ нею добыть славы и богатства.

Предлогомъ послужила обида, причиненная въ Константинополѣ Русскимъ купцамъ, среди коей убитъ одинъ знатный Русинъ. Норманны изъ-за моря явились вѣрными помощниками. Съ полуночныхъ странъ Океана, говорятъ Греки, прибыло въ Кіевъ множество воевъ. Воеводство поручилъ Ярославъ Вышатѣ. Въ легкихъ однодеревкахъ поплыли витязи подъ Царьградъ по знакомому

пути. Императоръ Мономахъ, узнавъ о несущейся на него грозѣ, послалъ тотчасъ пословъ на встрѣчу Володимеру, просить, чтобъ онъ отложилъ оружіе, и, изъ пустой причины, не нарушалъ долговременнаго мира. Володимеръ, которому хотѣлось войны, во что бы то ни стало, осрамилъ пословъ и отпустилъ назадъ съ высокомѣрнымъ отвѣтомъ. Константинъ долженъ былъ приготовляться къ оборонѣ. Всѣхъ Русскихъ купцевъ, равно какъ и единоплеменныхъ съ ними воиновъ, которые служили искони въ его варангіи между тѣлохранителями, онъ выслалъ изъ столицы во внутреннія области, и самъ со всѣмъ Греческимъ корабельнымъ полкомъ двинулся въ море; конница пошла берегомъ. Русь подплыла уже къ самому проливу и остановилась у Фара. Противники выстроились, но никто не хотѣлъ начинать сраженія. Императоръ передъ вечеромъ отправилъ вторичное посольство съ предложеніемъ о мирѣ. Володимеръ принялъ опять пословъ съ презрѣніемъ, и потребовалъ по три фунта золота на всякаго своего воина, чего и въ половину не получалъ самъ вѣщій Олегъ. Такого нелѣпаго требованія Греки, разумѣется, исполнить не могли, и рѣшились сразиться. На другой день отправили они три галеры ударить на непріятеля и вызвать его въ открытое море. Начальнику ихъ удалось проникнуть въ средину Русскихъ судовъ и пустить Греческій огонь; семь лодей онъ сжегъ, одну полонилъ, одну зотопилъ. Русь снялась съ якорей, выплыла на просторъ, какъ вдругъ, ей на бѣду, подулъ ужасный восточный вѣтеръ. Поднялась буря. Море взволновалось, и всѣ лодьи Русскія размѣтало: однѣ опрокинутыя, пошли ко дну, другія выброшены на берегъ, иныя унесены въ открытое море. Княжескій корабль разбитъ былъ вѣтромъ, такъ что Володимера едва спасъ Ярославовъ воевода Иванъ Твори-

миричь, принявъ его къ себѣ на корабль. На берегу собралось Руси до шести тысячь, которымъ ничего не оставалось дѣлать, какъ возвращаться сухимъ путемъ. Изъ Княжеской дружины никто не хотѣлъ имъ сопутствовать. Я иду, сказалъ Вышата, жить ли, умереть ли съ товарищами, и покинулъ свой корабль.

Императоръ, довольный успѣхомъ, удалился въ городъ, оставивъ у Фара суда для преслѣдованія непріятеля. Русь послѣ бури собралась въ пристани, образуемой двумя мысами. Греки проплыли мимо, и Володимеръ, увидѣвъ ихъ малое число, выслалъ нѣсколько людей, чтобъ пресѣчь имъ возвратный путь. Гребя изъ всѣхъ силъ, другіе Русскіе пловцы успѣли окружить ихъ со всѣхъ сторонъ. Грекамъ надо было сразиться, и Володимеръ разбилъ ихъ совершенно, въ утѣшеніе себѣ за вчерашнюю бѣду. Четыре судна взялъ онъ въ плѣнъ, и даже то, на которомъ находился начальникъ ополченія. Прочія суда Греческія сѣли на мѣль или разбились о подводные камни. Однако же Володимеръ, потерявъ много судовъ и людей на канунѣ, не могъ исполнить своего намѣренія — напасть на Константинополь, и долженъ былъ удалиться, хотя съ многими плѣнными. Сухопутный отрядъ былъ несчастнѣе: Греки напали на Русь близь Варны, захватили и привели плѣнными въ Царьградъ, гдѣ многіе изъ нихъ были ослѣплены. Вышата черезъ три года, по заключеніи мира, былъ отпущенъ къ Ярославу.

Это былъ послѣдній Греческій походъ Норманскихъ Русскихъ витязей, которые, впродолженіи двухъ-сотъ лѣтъ, чудесами своей отважности, предпріимчивости и храбрости приводили въ трепетъ знаменитую столицу Восточной Имперіи, подъ старыми стѣнами ея, и рас-

пространяли славу своего имени, обогащаясь серебромъ, золотомъ и паволоками.

Послѣ Греческаго похода Ярославъ ходилъ только на Мазовшанъ (1046), подавая помощь зятю Польскому Королю Казимиру, за котораго отдалъ предъ тѣмъ сестру, и получилъ за вѣно восемь сотъ человѣкъ, плѣненныхъ Болеславомъ. Онъ убилъ мятежника Моислава и покорилъ его подданныхъ Казимиру.

Съ каждымъ годомъ усиливался и прославлялся Ярославъ болѣе и болѣе. Подъ конецъ его жизни, предѣлы наслѣдованной имъ отъ отцевъ Руси распространились даже до Чернаго и Балтійскаго морей, до Уральскихъ, Карпатскихъ и Кавказскихъ горъ, до внутренней Польши. Вотъ какъ широко и далеко очертилась Норманнами окружность Русскаго государства!

Пятерыхъ сыновъ своихъ, нароженныхъ ему шведской Ингигердою, Ярославъ разсажалъ по главнымъ городамъ собранныхъ въ руку его племенъ славянскихъ.

Старшему Володимеру, (род. въ 1020 г.) шестнадцатилѣтнему, онъ далъ Новгородъ съ его волостями еще въ въ 1036 году.

Слѣдовавшему за нимъ Изяславу, (род. въ 1024 г.) важнѣйшее изъ Норманскихъ поселеній Туровъ, на рѣкѣ Припети между Дреговичами.

Святославу, (род. въ 1026 г.) — Черниговъ на рѣкѣ Деснѣ съ Тмутораканью, на черноморскомъ островѣ Таманѣ, и всѣми землями по Окѣ, — Сѣверою, Вятичами, Муромомъ и Рязанью.

Всеволоду, (род. въ 1029 г.)—Переяславль, на Сулѣ, съ Поволожьемъ, землею Бѣлозерскою и Суздальскою.

Вячеславу, (род. въ 1036 г.)—Смоленскъ, на Днѣпрѣ, и меньшему Игорю Владимиръ Волынскій.

Всѣхъ сыновъ своихъ Ярославъ переженилъ на иностранныхъ княжнахъ, а дочерей выдалъ за мужъ за королей и принцевъ, и вступилъ въ родство со многими европейскими государями.

Старшій сынъ Володимеръ былъ женатъ на какой-то сѣверной принцессѣ, которую тамошніе лѣтописатели считаютъ дочерью Англійскаго короля Гаральда.

Изяславъ на дочери короля Польскаго Мечислава II, сестрѣ Казимировой.

Всеволодъ на Греческой царевнѣ.

Вячеславъ и Игорь на нѣмецкихъ принцессахъ.

Дочь Анна отдана за короля Французскаго Генриха I.

Анастасія, за короля Венгерскаго Андрея.

Елизавета, за князя Норвежскаго Гаральда.

Гаральдъ былъ славнѣйшій витязь своего времени, по разсказамъ сѣверныхъ сагъ. Пятнадцати лѣтъ онъ уже снискалъ себѣ имя на сраженіи. Вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ онъ долженъ былъ оставить родину, и искать убѣжища на Руси. Ему поручено было начальство надъ дружиною, охранявшею сѣверные предѣлы ея. Тогда-то вѣроятно присватался онъ къ дочери Великаго Князя Кіевскаго, но получилъ отъ нея отказъ, какой дала ея бабка Рогнѣда Володимеру. Гаральдъ уѣхалъ въ Грецію, и воевалъ долго на Средиземномъ морѣ, по берегамъ Африки, чтобъ добыть себѣ славы и богатства. Нахватанныя сокровища, чрезъ вѣрныхъ людей, онъ пересылалъ для сохраненія въ Кіевъ, къ Ярославу и Ингигердѣ, а о подвигахъ сложилъ слѣдующую пѣсню, имѣвшую цѣлію привлечь сердце гордой дѣвицы Русской:

«Мы сразились съ Трандами, но они многочисленностію одержали верхъ; сѣча наша была злая и упорная; юноша я былъ отлученъ отъ молодаго князя, который палъ

на сраженіи; но дѣва, живущая въ Гардахъ, украшенная золотою гривной, пренебрегаетъ мною.»

«Шестнадцать насъ мы вычерпали однажды воду, о женщина, изъ четырехъ ладей, во время бури; нагруженный корабль былъ орошенъ морскими волнами; вѣрно всякой слабодушный не поплыветъ туда, но дѣва, живущая въ Гардахъ, украшенная золотою гривной, пренебрегаетъ мною.»

«Я знаю восемь искусствъ, умѣю слагать пѣсни, искусенъ въ верховой ѣздѣ, иногда упражнялся въ плаваніи, могу опираться на шестъ, я ловокъ метать копье, править весломъ, но дѣва, живущая въ Гардахъ, украшенная золотою гривной, пренебрегаетъ мною.»

«Ни женщина, ни юная дѣва, не будутъ спорить, что поутру мы были въ южномъ городѣ, гдѣ потряса-ли мечами, и вторгались съ железомъ и оружіемъ: тамъ есть свидѣтельство совершенныхъ подвиговъ. Но дѣва, живущая въ Гардахъ, украшенная золотою гривной, пренебрегаетъ мною.»

«Я родился тамъ, гдѣ Упланды натягиваютъ лукъ. Теперь военные корабли, ненавистные поселянамъ, посылаю я подплывать къ скаламъ. Лишь только спустится корабль, носомъ его мы разсѣкаемъ волны, но дѣва, живущая въ Гардахъ, украшенная золотою гривной, пренебрегаетъ мною.»

Наконецъ Гаральдъ возвратился въ Кіевъ, богатый и славный, и получилъ руку любезной ему Елизаветы, вмѣстѣ со всѣми сохраненными сокровищами.

Можно вообразить себѣ, какая сыграна была свадьба въ стольномъ городѣ во Кіевѣ, во свѣтломъ терему великокняжескомъ, подъ пѣсни бояновъ.

Слава Ярославля пошла уже, видно, ко всѣмъ странамъ дальнимъ, «рекуще ко Грекомъ, и Угромъ, и Ляхомъ, и

Чехомъ, дондеже и до Рима пройде,» и Кіевъ сдѣлался тогда пристанищемъ многихъ королей и князей иностранныхъ, премущественно Скандинавскихъ, точно какъ и наши князья всегда находили себѣ помощь и спасеніе на сѣверѣ.

Олавъ святый, король Норвежскій, изгнанный изъ своихъ владѣній Канутомъ, королемъ Датскимъ, искалъ убѣжища съ сыномъ Магнусомъ у Ярослава, и былъ принятъ съ честію и радушіемъ. Ярославъ и Ингигерда убѣдительно совѣтовали ему остаться въ Гардарикѣ, и давали ему область «Вулгарію». Однако онъ, чрезъ нѣсколько времени, обольщенный надеждою возвратить себѣ престолъ, оставилъ Кіевъ, и, получивъ съ своими спутниками помощь отъ Ярослава, снабженный всѣми средствами, отправился въ отечество.

Магнусъ, сынъ его, жилъ въ Россіи очень долго. Друзья его отца, погибшаго на сраженіи, чрезъ нѣсколько времени, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, прислали къ нему въ Россію мужа звать на отцовъ престолъ. Ярославъ и Ингигерда потребовали торжественнаго посольства, и приняли всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для успѣха.

Эдвинъ и Эдуардъ, сыновья короля Англійскаго Эдмунда, изгнанные Канутомъ, искали безопасности при дворѣ Ярослава.

Якунъ слѣпой, знаменитый витязь Скандинавскій, по мнѣнію Байера, сынъ Шведскаго короля Олофа и шуринъ Ярославовъ, приходилъ къ нему на помощь противъ брата Мстислава, и на сраженіи Лиственскомъ оставилъ луду свою.

Симонъ, племянникъ Якуна слѣпаго, изгнанный дядею, принятъ также Ярославомъ съ своими единоземцами.

Сыновья Рогвольда, пришедшаго съ Ингигердою, оставались въ Россіи: Эйлифъ служилъ вмѣстѣ съ Гаральдомъ, а Ульфъ есть вѣроятно тотъ Улебъ, который ходилъ въ 1032 году изъ Новагорода на Желѣзныя ворота въ Заволочье.

Венгерскіе принцы, Андрей и Леванта, дѣти Ладислава плѣшиваго и какой-то безъименной русской, жили долго на Руси, гдѣ Андрей и узналъ о своемъ избраніи на престолъ.

Ярославъ пировалъ, воевалъ съ сосѣдями, плѣнилъ и убивалъ,—и въ тоже время строилъ церкви, учреждалъ монастыри, покровительствовалъ черноризцамъ, любилъ читать и слушать душеспасительныя книги.

Въ 1020 году поставилъ онъ церковь св. Бориса и Глѣба.

Въ 1037 году воздвигъ храмъ св. Софіи на подобіе Цареградскаго, и украсилъ его золотомъ и серебромъ, мусіей и стѣнною иконописью. (Этотъ знаменитый храмъ, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ, былъ образцовымъ для всей Руси, сохранился до нашего времени въ цѣлости, и нынѣ вполнѣ возстановленъ.)

Въ 1039 году была освящена вновь Володимерова церковь святыя Богородицы, поврежденная пожаромъ 1017 года.

Потомъ основалъ Ярославъ мужской монастырь святаго Георгія, въ честь своего ангела, и женскій монастырь святой Ирины, въ честь ангела свой супруги.

На Золотыхъ воротахъ заложилъ онъ церковь св. Благовѣщенія. Строеніе подвигалось медленно. Князь спросилъ своего тіуна о причинѣ. Тотъ отвѣчалъ, что мало на работу является поденщиковъ, которые боятся лишиться найма въ дѣлѣ властельскомъ. Ярославъ велѣлъ

привозить купы на телѣгахъ въ комары золотыхъ воротъ, и объявить людямъ на торгу, что за день будутъ получать они по ногатѣ — работниковъ собралось множество, и церковь вскорѣ была отстроена.

Въ 1043 году сынъ Ярослава Володимеръ заложилъ великолѣпную церковь святой Софіи въ Новѣгородѣ, столько знаменитую въ Исторіи Новагорода.

И по другимъ мѣстамъ поставлено было много новыхъ церквей. Увеличилось число чернорнзцевъ, которыхъ Ярославъ любилъ въ особенности, равно какъ и священниковъ. Вообще вѣра христіанская при немъ начала плодиться и размножаться.

До такой степени преданъ былъ Ярославъ христіанской вѣрѣ, особенно подъ старость, что велѣлъ выкопать изъ земли кости своихъ дядей, умершихъ въ язычествѣ, Ярополка и Олега, и окрестить ихъ. Онѣ были схоронены вновь въ церкви святыя Богородицы.

Съ особеннымъ удовольствіемъ прилежалъ онъ къ духовнымъ книгамъ, читалъ ихъ, свидѣтельствуетъ Несторъ, днемъ и ночью, даже самъ списывалъ и клалъ на сохраненіе въ основанной имъ церкви св. Софіи.

Кромѣ писаній, переведенныхъ первоучителями и ихъ учениками, Ярославъ собралъ переводчиковъ и велѣлъ имъ переводить книги съ Греческаго языка на Славянскій. Множество списковъ было изготовлено, коими вѣрные люди могли поучаться и просвѣщаться, и кои сдѣлались подлинниками для новыхъ списковъ, разсѣянныхъ по монастырямъ и церквамъ. До насъ дошли, напримѣръ, списки съ толкованія пророчествъ, писанныхъ въ Новѣгородѣ для князя Володимера попомъ Упиремъ лихимъ. Священнослужителямъ назначенъ урокъ отъ княжихъ имуществъ, и велѣно было имъ учить людей

и привлекать ихъ къ церкви и богослуженію. Введено демественное или уставное пѣніе.

Ярославу принадлежитъ первое оглашеніе Русскихъ законовъ, которое онъ «списавъ» далъ первоначально Новогородцамъ, отпуская ихъ съ благодарностію изъ-подъ Кіева, ихъ помощію пріобрѣтеннаго: по сей грамотѣ ходите, якоже писахъ вамъ, тако же держите. Эта Русская прада распространилась и по всей его державѣ. Норманская въ своемъ существѣ, она подверглась впродолженіи двухъ сотъ лѣтъ до Ярослава вліянію Славянскому, и потомъ нѣсколько Христіанскому. Вотъ ея главныя основанія:

1. Убьеть мужъ мужа, то мьститьб рату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови. Аже не будеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову: аще будеть Русинъ, любо гридинъ, любо купчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аже изгои будеть, любо Словенинъ, то 40 гривенъ положити зань.

2. Или будеть кровавъ или синь надраженъ, то не искати ему видока человѣку тому; аже не будеть нанемъ знаменія никотораго же, то-ли пріидетъ видокъ; аще ли не можеть, то тому конецъ. Ожели себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривнѣ, а летцю мзда.

3. Аже ли кто кого ударить батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылесніо, то 12 гривнѣ; аще сего не постигнуть, то платити ему; то ту конець.

4. Аже утнеть мечемъ, а не вынемъ его, любо рукоятью, то 12 гривнѣ за обиду.

5. Оже ли утнеть руку, и отпадеть рука, любо усохнеть, то 40 гривнѣ; аще будеть нога цѣла, или начьнеть храмати, тогда чада смирять.

6. Аже ли перстъ утнеть которыи либо, 3 гривны за обиду.

7. А во усѣ 12 гривнѣ, а въ бородѣ 12 гривнѣ.

8. Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть, то тъй гривну положить.

9. Оже ли ринеть мужь мужа, любо отъ собе, любо къ собѣ, 3 гривнѣ, а видока два выведеть, или будеть Варягъ или Колбягъ, то на роту.

10. Аже ли челядинъ сокрыется, любо у Варяга, любо у Кольбяга, а его за три дни не выведуть, а познають и въ третіи день: то изымати ему свои челядинъ, а 3 гривнѣ за обиду.

11. Аже кто поѣдеть на чюжемъ конѣ, не прошавъ его, то положити 3 гривнѣ.

12. Аже поиметь кто чюжъ конь, любо оружіе, любо портъ, а познаеть въ своемъ миру, то взяти ему свое, а 3 гривнѣ за обиду.

13. Аже познаеть кто, не емлеть его, то не рци ему: мое, нъ рци ему тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ; или не поидеть, то поручника за пять дніи.

14. Аже гдѣ възыщеть на друзѣ проче, а онъ ся запирати почнеть, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка, да аже будеть обидя не вдалъ будеть достойно ему свои скотъ, а за обиду 3 гривнѣ.

15. Аже кто челядинъ пояти хощеть, понавъ свои, то къ оному вести, у кого то будеть купилъ, а тои ся ведеть другому, даже доидеть о третьего, то рци третьему: вдаи ты мнѣ свой челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ.

16. Или холопъ ударить свободна мужа, а бѣжить въ хоромъ, а господинъ начнеть не дати его: то холопа поати, да платить господинъ зань 12 гривнъ, а за тымъ где его налѣзуть ударенын тои мужъ, да бьють его.

17. А иже изломить копье, любо щитъ, любо портъ, а начнеть хотѣти его держати у себе, то пріати скота у него; а иже есть изломилъ, анце ли начнетъ примѣтати, то скотомъ ему заплатити, колько далъ будеть на немъ.

Вотъ законы Русской правды, — весь кругъ первоначальныхъ отношеній между русскими людьми ея времени: убійство и право мести за оное, побои и пеня, укрывательство холопей, кража, порча оружія, —съ свидѣтелями, поручителями и судомъ 12 цѣловальниковъ.

Для церковныхъ дѣлъ Ярославъ издалъ также особой уставъ. Во Володимеровомъ уставѣ «сообразно съ греческими Номаканонами, отчуждены отъ мірскаго вѣдомства монахи и церковники, богодельни, гостинницы, дома страннопріимства, лекари и всѣ люди увѣчные. Дѣла ихъ были подсудны однимъ епископамъ: также вѣсы и мѣрила городскіе, распри и невѣрность супруговъ, браки незаконные, волшебство, отравы, идолопоклонство, непристойная брань, злодѣйства дѣтей въ отношеніи къ отцу и матери, тяжбы родныхъ, оскверненіе храмовъ, церковная татьба, снятіе одежды съ мертвеца, и проч. и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что духовенство россійское въ первыя времена христіанства рѣшало не только церковныя, но и многія гражданскія дѣла, которыя относились къ совѣсти и нравственнымъ правиламъ новой вѣры.

Ярославовъ такъ называемый уставъ «даетъ епископамъ исключительное право судить оскорбленіе женскаго цѣломудрія, всякія обиды, дѣлаемыя слабому полу, разводъ,

кровосмѣшеніе, ссоры дѣтей съ родителями, зажигательство, воровство, драки, и проч.

Ярославъ, въ маститой старости, на осьмомъ десяткѣ, дождавшись до многихъ внуковъ, между которыми послѣднимъ былъ Мономахъ, сынъ Всеволодовъ отъ Греческой царевны, скончался въ Кіевѣ, на Ѳедорову субботу, Февраля 19 числа 1054 года. Изъ дѣтей его былъ при немъ только одинъ, его любимецъ Всеволодъ, (старшіе—Изяславъ находился на ту пору въ Новѣгородѣ, а Святославъ во Владимирѣ). Лѣтописатель передаетъ намъ наставленіе Ярослава дѣтямъ, при надѣленіи ихъ областями: «Живите мирно, и тогда Богъ покоритъ вамъ противныхъ; если же будете ссориться, то погибнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣтей, которую пріобрѣли трудомъ своимъ великимъ. Слушайте старшаго брата, которому поручаю столъ на свое мѣсто. Онъ будемъ вамъ вмѣсто отца и не дастъ никого въ обиду».

Тѣло Ярославово положено въ ракѣ мраморной, цѣлой до нашего времени, и погребено въ Софійскомъ соборѣ, имъ основанномъ, съ плачемъ Всеволода и всего народа.

Усилія Ярослава распространить христіанское просвѣщеніе, вмѣстѣ съ благочестивыми подвигами его отца, святаго Володимера, начали приносить свой плодъ. Въ избранныхъ душахъ божественный свѣтъ проникалъ глубоко и озарялъ все ихъ естество. Благочестивый современникъ такъ опредѣлилъ дѣланіе Ярославово: «отецъ его Володимеръ взора̀ и умягчи, сей же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ ученье пріемлюще книжное.» Число такихъ просвѣщенныхъ высшимъ свѣтомъ христіанской вѣры, и проникавшихся ея духомъ, умножалось болѣе и болѣе. Послѣ приснопамятныхъ Варяговъ Ѳеодора и Іоанна, принесшихъ ей въ

жертву свою жизнь, послѣ равноапостольнаго князя Володимера, совершенно преображеннаго въ существѣ своемъ по принятіи крещенія, святыхъ Бориса и Глѣба, пріявшихъ съ такою радостію мученическіе вѣнцы, должно наименовать здѣсь въ особенности митрополита Иларіона, преподобныхъ Антонія, Никона и Ѳеодосія.

Иларіонъ, служившій сначала священникомъ въ селѣ Берестовомъ, которое особенно любилъ Ярославъ, равно какъ и отецъ его Владиміръ, былъ мужъ благъ, книженъ и постникъ. Онъ часто ходилъ изъ Берестова тайно на холмъ Днѣпровскій, покрытый дремучимъ лѣсомъ. Здѣсь ископалъ онъ пещеру малую, двусаженную, гдѣ молился Богу. Ярославъ услышалъ объ его подвигахъ, и предалъ ему духовное начальство надъ юною русскою церковію, получавшею дотолѣ пастырей изъ Греціи, о которыхъ впрочемъ не сохранилось вѣрныхъ и положительныхъ свѣдѣній. Иларіонъ былъ поставленъ Русскими епископами въ соборѣ святой Софіи.

Этотъ Иларіонъ написалъ похвалу в. к. Владиміру и исповѣданіе православныя вѣры. Предлагаемъ отрывки собственными его словами:

О христіанствѣ: Единъ сый отъ Троица, въ двѣ естьствѣ, Божество и человѣчество: исполнь человѣкъ, по въчеловѣченію, а не привидѣніемъ; по исполнь Богъ, по Божеству, а не простъ человѣкъ. Показаа на земли Божескаа и человѣческаа: яко человѣкъ, во утробѣ матерни растяаше, и яко Богъ, изыдѣ, дѣвьства не врежде; яко человѣкъ, матерне млеко пріятъ, и яко Богъ, пристави Ангелы съ пастухи пѣти: слава въ вышнихъ Богу; яко человѣкъ, повився въ пелены, и яко Богъ звѣздою влъхвы вождааше; яко человѣкъ въ яслехъ възлеже, и яко Богъ, отъ влъхвъ дары и поклоненіе пріятъ; яко человѣкъ, бѣжаше въ Египетъ, и яко Богу рукотвореннаа

Египетская поклонишася; яко человѣкъ пріиде на крещеніе, и яко Бога устрашився, Іорданъ възвратися: яко человѣкъ, обнажився внидѣ въ воды, и яко Богъ, отъ Отца послушество пріятъ: съ есть Сынъ мой возлюбленный....

Пріиде бо Спасъ, и не пріятъ бысть отъ Израиля, по евангельскому слову въ своя пріиде, и свои Его не приняшя, — отъ языкъ же пріятъ бысть, якоже рече Іаковъ: и тъ чаяніе языкомъ. Ибо и въ рожденіи Его влъсви отъ языкъ прежде поклонишася Ему, а Іудеи искаху Его убити, егоже ради и младенца избиша. И сбысться слово Спасово, яко мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ, и възлягутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ, Іаковомъ въ царьствіи небеснѣмъ, а сынове царствіа изъгнани будутъ въ тму кромѣшнюю. И пакы, яко отъимется отъ васъ царство Божіе, и дасться странамъ, творящымъ плоды его, кимъ же посла ученикы своя глаголя: шедше въ миръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари, да иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ: и шедше научите вся языкы, крестяще я въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще я блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ. Лѣпо бо бѣ благодати и истинѣ на новыя люди въсіяти: не вливаютъ бо, по словѣси Господню, вина новаго, ученіа благодатна, въ мѣхы вѣтхы обетшавшаа въ Іудействѣ, аще ли то, просядутся мѣси и вино проліется. Не могше бо закона стѣнь удержати, но многажды идоломъ ея поклонявше, како истинныя благодати удержатъ ученіе? Но ново ученіе, новы мѣхы новы языкы, и обое соблюдется.

Якоже и есть: Вѣра бо благодатнаа по всей земли распростреся, и до нашего языка Русскаго дойде, и законное езеро пресыше, евангельскый же источникъ наводнився и всю землю покрывъ, и до насъ проліявся..

Изъ похвальнаго слова св. Владиміру:

Добръ послухъ благовѣрію твоему, о блаженниче, святаа церкви святыа Богородица Маріа, юже созда на правовѣрнѣй основѣ, идѣже и мужьственное твое тѣло нынѣ лежитъ, ожыдаа—трубы Архангеловы.

Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твой Георгій, егожь створи Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаща твоихъ уставъ, нъ утверждающа, ни умаляюща твоему благовѣрію положенія, но паче прилагающа, не казяща, нъ учиняюща, иже недокончаная твоа докончa, якы Соломонъ Давыдова, иже домъ Божій великый святый Его Премудрости създа, на святость и освященіе граду твоему, юже съ всякою красотою украси златомъ и сребромъ и каменіемъ драгымъ, и сьсуды честными, яже церкви дивна и славна всѣмъ окрутнымъ странамъ, якоже она не обрящется въ всемъ полунощи земнѣмъ, отъ востока дъ запада, и славный градъ твой Кыевъ величьствомъ, яко вѣнцемъ обложилъ, предалъ люди твоя и градъ святѣй, всеславнѣй, скорѣй на помощь христіаномъ Святѣй Богородици, ейже и церковь на великыихъ вратѣхъ създа во имя первааго Господскааго праздника, Святааго Благовѣщенія.

Встани, о честнаа главо, отъ гроба твоего, встани, отряси сонъ! Неси бо умерлъ, но спиши до общаго всѣмъ встаніа. Встани, нѣси умерлъ, нѣсть бо ти лѣпо умрети, вѣровавшу въ Христа, живота всему міру. Отряси сонъ, възведи очи, да видиши, какоя тя чьсти Господь тамо сподобивъ, и на земли не безнамятна оставилъ сыномъ твоимъ. Встани, виждь чадо свое Георгіа, виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь, егоже Господь изведе отъ чреслъ твоихъ; виждь красящааго столъ земля твоей, и возрадуйся, възвеселися. Къ сему же виждь и благо-

вѣрную сноху твою Ерину; виждь вънукы твоа и правнукы, како живуть, како храними суть Господемъ, како благовѣріе держать по преданію твоему, како въ святыа церкви чистять, како славять Христа, како покланяются имени Его. Виждь же и градъ величьствомъ сіяющь, виждь церкви цвѣтущи, виждь христіанство растуще, виждь градъ иконами святыихъ освѣщаемь и блистающеся, и тиміаномъ объухаемь, и хвалами и божествеными пѣніи святыими оглашаемь.

И си вся видѣвъ, възрадуйся и взвеселися и похвали благого Бога, всѣмъ симъ Строителя; — видѣ же аще и не тѣломъ, но духомъ. Показаеть ти Господь вся си, о нихже радуйся и веселися, яко твое вѣрное въсіаніе не исушено бысть зноемъ невѣріа, но дождемъ Божіа поспѣшеніа распложена бысть многоплоднѣ. . . . Радуйся учителю вашъ и наставниче благовѣрію!

Святый *Антоній*, житель города Любеча, воспламенившись новымъ ученіемъ, пожелалъ увидѣть Святую землю, и отправился въ путь далекій и трудный. Онъ посѣтилъ мѣста проповѣди, чудесъ и страданій Спасителя, обошелъ всѣ монастыри въ Палестинѣ и наконецъ увидѣлъ Аѳонъ. Святая гора съ сонмомъ спасающихся иноковъ поразила его воображеніе. Онъ нашелъ наслажденіе въ тамошнемъ иноческомъ житіи, и упросилъ одного игумена возложить на него монашескій образъ. Тотъ постригъ его, нарекъ Антоніемъ, и научилъ уставу. Ступай въ Русь, сказалъ святый старецъ новому иноку, и будь надъ тобой благословеніе Святой горы; многіе черицы имуть отъ тебя быти. Антоній повиновался. На Руси не пожелалъ онъ водвориться ни въ одномъ изъ новооснованныхъ монастырей. Онъ началъ ходить по горамъ и дебрямъ — и полюбилась ему гора, въ коей Иларіонъ

ископалъ печеру. Онъ помолился со слезами: Господи! утверди меня здѣсь, и да приложится къ этому мѣсту благословеніе Святыя горы и игумена, что меня постригъ. Онъ поселился тамъ моляся Богу, ядый сухій хлѣбъ, пія одну воду, и то мѣрою черезъ день или два, иногда по недѣлямъ копая печеру, не давая себѣ покоя ни днемъ, ни ночью, пребывая всегда въ трудахъ, молитвахъ, бдѣніи. Добрые люди провѣдали объ отшельникѣ, и стали носить все нужное, приходя къ нему за благословеніемъ. Другіе захотѣли жить и трудиться съ нимъ вмѣстѣ.

Изъ нихъ примѣчательнѣйшіе были: Никонъ и Ѳеодосій.

Св. Ѳеодосій родился въ Василевѣ, въ 35 верстахъ отъ Кіева. Отецъ его, принадлежавшій, вѣроятно, къ военному сословію, вскорѣ переведенъ былъ Княземъ на жительство въ Курскъ. Въ этомъ городѣ Ѳеодосій провелъ свое дѣтство и юность.

Съ малыхъ лѣтъ полюбилъ онъ ходить въ церковь и слушать божественную службу. Рано началъ онъ учиться грамотѣ, и въ короткое время выучился читать и писать такъ, что всѣ дивились его понятливости, не меньше какъ и благонравію: особенно отличался онъ покорностію, не только предъ учителемъ, но и предъ товарищами; въ дѣтскихъ играхъ не принималъ никогда никакого участія, терпѣть не могъ нарядныхъ одеждъ, и всего болѣе занимался чтеніемъ Священнаго Писанія. Съ лѣтами увеличивалась въ немъ набожность: онъ посѣщалъ каждодневно церковь, и думалъ только о томъ, какъ спасти душу свою, подражая въ жизни святымъ угодникамъ Божіимъ. Когда ему исполнилось 13 лѣтъ, отецъ его умеръ. Молодой человѣкъ началъ ходить на поле, и тамъ,

въ рубищѣ, работать вмѣстѣ съ рабами, не смотря на запрещенія матери. Но больше всего занимала его мысль побывать въ Святой землѣ, и поклониться мѣстамъ, прославленнымъ подвигами и страданіями Спасителя.

Шли паломники. Ѳеодосій упросилъ ихъ взять его съ собою въ Палестину. Тѣ обѣщались, и, оставляя Курскъ, дали ему знать о томъ на канунѣ. Ночью, когда всѣ въ домѣ спали, Ѳеодосій собрался, вышелъ изъ города, и вскорѣ присоединился къ богомольному обществу. Мать, проснувшись, была внѣ себя отъ гнѣва, поспѣшила вслѣдъ за бѣглецомъ, и вскорѣ его настигла. Избивъ его, привела назадъ связаннаго и заперла въ клѣти. Юноша радовался своему униженію. Чрезъ два дня мать выпустила его изъ клѣти, но заковала ноги въ желѣза, въ предупрежденіе новаго бѣгства. Впрочемъ, не смотря на свою жестокость, она любила его больше всѣхъ дѣтей своихъ, и чрезъ нѣсколько дней сняла оковы, прося убѣдительно, со слезами, чтобъ онъ не оставлялъ ея болѣе.

Ѳеодосій находилъ себѣ одно утѣшеніе въ церкви. Литургія не совершалась иногда за неимѣніемъ просфоръ. Молодой человѣкъ выучился самъ печь просфоры, покупалъ жита, мололъ своими руками, и приносилъ просфоры въ церковь. Сверстники смѣялись надъ такимъ занятіемъ, мать запрещала, но онъ привелъ ее въ удивленіе, какъ замѣчаетъ жизнеописатель, премудростію своего отвѣта, сказавъ: по слову Христа Спасителя, сіе есть тѣло Его, за ны ломимое, — мнѣ ли не радоваться, сподобясь приготовлять хлѣбъ, претворяемый въ святую плоть Христову.

Мать однако же мѣшала ему безпрестанно, такъ или иначе, слѣдовать внушенію своего сердца, и онъ рѣшился уйдти отъ нея; скрылся было въ сосѣднемъ городѣ у

священника, но опять былъ найденъ и возвращенъ въ Курскъ.

Посадникъ полюбилъ его за смиреніе, и велѣлъ ему жить при своей церкви; велѣлъ надѣть на него чистую одежду, но Ѳеодосій тотчасъ отдалъ ее нищимъ, другую — также, что повторилось нѣсколько разъ. Случился праздникъ. У посадника обѣдали городскія почетныя лица. Матери хотѣлось, чтобъ ея сынъ показался въ людяхъ прилично, она пришла одѣть его сама, и увидѣла сорочку его всю въ крови: благочестивый юноша носилъ вериги. Мать насильно сняла съ него желѣзную цѣпь, которая вгрызлась въ тѣло его и причиняла язвы, изъ коихъ точилась кровь.

Чтобъ положить навсегда конецъ тягостной борьбѣ, Ѳеодосій рѣшился постричься. Однажды, какъ мать отъѣхала на село, онъ выбѣжалъ изъ дома, прямо за городъ, чтобъ идти въ Кіевъ и водвориться въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Но онъ не зналъ дороги. Къ счастію случилось идти обозу съ купцами туда же. Провѣдавъ это, онъ пошелъ вслѣдъ за ними издали, и останавливался близъ ихъ ночлеговъ; но наученный прежними неудачными опытами, онъ не открылъ никому цѣли своего путешествія. Такъ достигнулъ онъ благополучно Кіева, куда издавна рвалась душа его.

Новое затрудненіе! Ни въ одномъ монастырѣ не хотѣли принять его: гдѣ по молодости, гдѣ по бѣдности, гдѣ по разнымъ другимъ причинамъ.

Онъ явился наконецъ къ св. Антонію, и просилъ оставить при себѣ. Ты молодъ, сказалъ ему старецъ, а здѣсь мѣсто тѣсно, пещера скорбна, перенесешь ли ты всѣ лишенія? Ѳеодосій отвѣчалъ со смиреніемъ: Богъ привелъ меня къ твоей святости, спастися тобою веля, отче святый? Что повелишь мнѣ сотворити, то и сотворю.

И Антоній, прозрѣвъ въ немъ будущаго славнаго подвижника и создателя святыя церкви Печерскія, приказалъ великому Никону принять Ѳеодосія и облечь его въ святой мнишескій образъ.

И юноша, достигнувъ цѣли своихъ желаній, въ тишинѣ и уединеніи, вдали отъ міра, на свободѣ, предался, съ восторгомъ сердечнымъ, благочестивымъ упражненіямъ и подвигамъ, проводя ночи въ бдѣніи и прославленіи Бога, препобѣждая сонную тягость, трудясь плотію, воздерживаясь отъ богопротивныхъ помысловъ, устремляя мысленно взоры въ небо, и занимаясь чтеніемъ Священнаго Писанія. Самъ святый Антоній и великій Никонъ дивились его трудамъ въ такой юности, и прославляли о немъ Бога.

Но мать нашла его и здѣсь. Искавъ долго по всѣмъ сосѣднимъ мѣстамъ, и обѣщавъ большую награду тому, кто извѣститъ ее о пребываніи ея сына, она провѣдала наконецъ, что Ѳеодосій, года еще за четыре, ходилъ по монастырямъ кіевскимъ, и просилъ о постриженіи; тотчасъ отправилась она въ Кіевъ, обошла всѣ монастыри, разспрашивала — но напрасно: его не было нигдѣ. Наконецъ, по долгихъ тщетныхъ исканіяхъ, узнала она, что сынъ ея укрывается въ пещерѣ Антоніевой. Какъ достать его оттуда? Лестію послала она просить старца, чтобъ онъ сподобилъ благословить ее: я хочу только поклониться ему и насладиться его бесѣдою. Антоній вышелъ. Жена говорила много, и наконецъ обратилась къ настоящей причинѣ своего посѣщенія: молю тя, отче, повѣдай мнѣ, гдѣ сынъ мой; я мучуся неизвѣстностію. Старецъ, простъ бывъ умомъ, не разумѣлъ лести ея, и отвѣчалъ, что сынъ ея живъ, и что ей печалиться объ немъ нечего. — Такъ я хочу видѣть его, отче, воскли-

кнула хитрая жена. Столько прогнала я пути; неужели же я ворочусь домой, не увидѣвъ его? — Приди завтра, успокоилъ ее добродушный пустынникъ. Сынъ твой не хочетъ никого видѣть, но я упрошу его выйдти къ тебѣ по утру.

Антоній передалъ свой разговоръ блаженному Ѳеодосію, которому было очень прискорбно узнать, что онъ не могъ утаиться отъ поисковъ. Старецъ убѣждалъ его увидѣться на другой день съ матерью, но Ѳеодосій объявилъ рѣшительно, что къ ней не выйдетъ. Наставникъ долженъ былъ сообщить матери объ его отказѣ. Та не могла болѣе притворяться, и перемѣнивъ рѣчь, не съ смиреніемъ, а съ гнѣвомъ начала упрекать старца: «ты взялъ моего сына, и укрылъ въ своей пещерѣ. Выведи мнѣ его. Я умру, если не увижу его; покажи мнѣ его, не то я погублю себя передъ вашими дверями».

Антоній въ великой горести отошелъ къ Ѳеодосію, и молилъ его показаться. Тому тяжело было ослушаться долѣе старца, и онъ вышелъ къ несчастной. Но кого она увидала! Прежній-ли это былъ прекрасный юноша? Гдѣ свѣтлыя очи, гдѣ алыя ланиты, гдѣ длинныя шелковыя кудри, гдѣ бѣлое тѣло, гдѣ красота? Блѣдный, худой, истомленный, съ поникшей головою, съ тусклыми очами, безъ кровинки въ лицѣ, — однѣ кости, обтянутыя кожею, — вотъ въ какомъ жалостномъ видѣ, непаглядный сынъ явился передъ нетерпѣливою матерью. Она бросилась къ нему на шею, сжала его въ своихъ горячихъ объятіяхъ, и долго не выпускала, обливаясь горькими слезами, не въ силахъ произнесть ни слова. Пойдемъ домой, сынъ мой, наконецъ, опомнившись, начала она увѣщавать юношу. Ты будешь жить, какъ тебѣ угодно для спасенія души твоей, только чтобъ былъ ты

на глазахъ моихъ: не могу вынести разлуки съ тобою. А когда я умру, тогда ты похоронишь мое тѣло и воротишься въ свою пещеру.

Если ты хочешь всегда видѣть меня, постригись въ какомъ-нибудь Кіевскомъ монастырѣ, сказалъ ей Ѳеодосій, тогда найдешь ты и меня, и царствіе небесное. Мать не соглашалась. Нѣсколько дней сряду уговаривали онѣ другъ друга, безъ успѣха. Ѳеодосій, оставаясь одинъ, укрывался въ пещеру, и молился Богу неотступно о спасеніи души матери своей — и Богъ услышалъ теплую молитву праведника.

Мать пришла къ нему и наконецъ объявила: будь по твоему желанію, я рѣшилась. Ѳеодосій обрадовался, сообщилъ свою радость Антонію, и оба вмѣстѣ прославили Бога, обращающаго сердца къ покаянію. Старецъ преподалъ наставленіе новой послушницѣ, — извѣстилъ объ ея желаніи княгинѣ, — и мать Ѳеодосія постриглась въ женскомъ монастырѣ св. Николая. Сама она пересказала всѣ сіи подробности брату, именемъ Ѳеодору, который былъ келаремъ при Ѳеодосіѣ, и сообщилъ ихъ жизнеописателю святаго Ѳеодосія, Нестору.

Послѣдняя мірская печаль у Ѳеодосія миновалась, и онъ устремился еще съ больше ревностію на своемъ тѣсномъ пути, прилагая труды къ трудамъ и подвиги къ подвигамъ. Число братій около преподобнаго Антонія возрасло между тѣмъ до 15. Они ископали пещеру обширную въ крутомъ Днѣпровскомъ берегу, и устроили въ ней церковь и кельи, которыя цѣлы до нашего времени и привлекаютъ къ себѣ богомольцевъ со всей Россіи. Ѳеодосій наложилъ на себя новое послушаніе: служить всѣмъ безъ исключенія; крѣпкій и сильный, онъ работалъ, не зная отдыха, кололъ дрова, носилъ воду,

мололъ муку. Всякому иноку выдавалось съ вечера жито для помолу на завтрашнюю пищу. Ѳеодосій ночью, когда братія предавалися сну, собиралъ всѣ доли, и измоловъ собственными руками, клалъ каждому его часть въ извѣстное мѣсто. Остальное время ночи проводилъ въ славословіи. Спалъ онъ очень мало, и никто не видалъ его лежавшаго на ребрахъ. Когда одолѣвала его усталость, онъ прислонялся къ столу, и, подремавъ мало, принимался опять за свои занятія. Иногда выходилъ изъ пещеры, стоялъ на полѣ, раздѣваясь до пояса и открывая свое свое тѣло комарамъ и оводамъ, которые летали въ лѣсу надъ рѣкою тучами. Злыя насѣкомыя терзали его, кровь текла ручьями, а онъ, неподвижный прялъ волну и пѣлъ псалмы, пока не ударятъ въ било: тогда первый приходилъ въ церковь и становился на свое мѣсто, а выходилъ изъ нея послѣдній. На тѣло свое сверху для прикрытія накидывалъ онъ ветхую шерстяную свиту, и подъ исподомъ всегда носилъ власяницу, свитую изъ самыхъ жесткихъ щетинныхъ волосъ, коими безпрестанно уязвлялся. Такъ изнурялъ онъ плоть свою и такъ боролся съ ея требованіями. Всѣ иноки, даже самые старые и строгіе, удивлялись терпѣнію и твердости.

За всѣ сіи подвиги Антоній удостоилъ его пресвитерскаго сана.

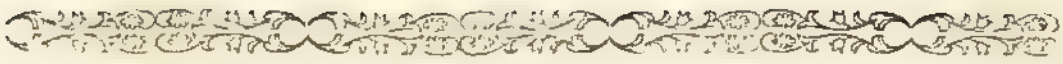
Никонъ еще очень рано подвигами святости заслужилъ имя великаго. Онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ Антонія, который поручалъ ему постригать вновь приходящихъ. Дальнѣйшая дѣятельность его и Ѳеодосіева принадлежитъ къ слѣдующему времени.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ОБРАЗОВАНІЕ ГОСУДАРСТВА.

(ФОРМАЦІЯ).



И государства, какъ всѣ существа въ мірѣ, начинаются непримѣтными точками. Долго, долго, въ сильное увеличительное стекло, надо смотрѣть на безъобразную, разнородную кучу земли, людей и ихъ дѣйствій, на этотъ человѣческій хаосъ, чтобъ наконецъ поймать въ немъ трепещущую точку, punctum saliens, по выраженію анатомиковъ, поймать, вонзиться взорами, и уже не выпускать потомъ ни на минуту изъ виду, съ напряженнымъ вниманіемъ подмѣчать ея тихое, медленное, постепенное увеличеніе, всѣ эпохи или лучше моменты развитія, пока наконецъ, черезъ много, много лѣтъ, точка эта обозначится, забьется жизнію, установится на своемъ мѣстѣ, приметъ лице, одѣнется плотію, укрѣпится костьми, и начнетъ дѣйствовать.

Рюрикъ призванъ былъ Новогородцами.

Это произшествіе принадлежитъ одному Новугороду, и то не надолго: послѣ того какъ преемникъ Рюриковъ оставилъ Новгородъ, оно оторвалось, если можно такъ

выразиться, отъ послѣдующей Исторіи; всѣ дѣла пришли въ первобытное положеніе, то есть Новогородцы стали жить сами по себѣ, и платить дань заморскимъ Варягамъ, какъ прежде, и ушедшимъ Варягамъ-Руси, которымъ посчастливилось утвердиться въ Кіевѣ. Кромѣ сей дани Новгородъ не соединенъ уже былъ никакими узами съ Кіевомъ, и слѣдовательно съ текущей рѣкою Русской Исторіи, а напротивъ составилъ особое цѣлое, какъ то мы видимъ ясно при Святославѣ, который отказался отъ него за себя и сыновей. Въ Новѣгородѣ мы усматриваемъ только новое гражданское, то есть Норманское начало при Рюрикѣ, которое вскорѣ подверглось вліянію древняго Славянскаго, блеснуло и угасло.

Слѣдовательно такое совершенно отдѣльное произшествіе нельзя назвать безусловно *началомъ Русскаго Государства*, еще менѣе нежели современное утвержденіе Аскольда и Дира въ Кіевѣ. Это только прибытіе, начало водворенія Норманновъ между нашими Славянскими племенами, временный военный постой въ одномъ городѣ.

Почему же этимъ произшествіемъ начинаютъ Русскую Исторію? Не имѣетъ ли она покрайней мѣрѣ какой-нибудь доли въ основаніи Государства? Не соединяется ли чѣмъ нибудь съ послѣдующими произшествіями? Нѣтъ ли какого перешейка, моста, между этимъ островомъ и твердою землей?

Главное, существенное въ этомъ произшествіи, относительно къ происхожденію Русскаго Государства, есть не Новгородъ, а лице Рюрика, какъ *родоначальника династіи*, хотя онъ, подобно Ромулу, не имѣлъ можетъ быть никакого понятія о своемъ будущемъ значеніи, Рюрика, который пришелъ съ чувствами дружелюбными къ племени, призывавшему его по доброй волѣ. Нача-

лось преемство, стало за кѣмъ слѣдовать, хотя еще и въ пустомъ пространствѣ. Вотъ почему это произшествіе безсмертно въ Русской Исторіи! Воздадимъ честь и Новугороду, старшему сыну Россіи, (рожденному впрочемъ прежде матери), за призваніе Князя, котораго роду предназначено было основать впослѣдствіи величайшее Государство въ мірѣ.

Младенецъ Рюриковъ, Игорь, съ его дружиною, есть единственный результатъ Норманнскаго призванія въ Новгородъ, единственный ингредіентъ въ составленіи Государства, тонкая нить, которою оно соединяется съ послѣдующими произшествіями. Все прочее прешло, не оставивъ слѣда. Еслибъ не было Игоря, то объ этомъ сѣверномъ Новогородскомъ эпизодѣ почти не пришлось бы, можетъ быть, говорить въ Русской Исторіи, или только мимоходомъ.

Такимъ непримѣтнымъ атомомъ, относительно къ формаціи, началось Государство, зародышемъ, который именно едва поймать можно микроскопомъ историческихъ соображеній. Это, употребимъ сравненіе, корень безсмысленный слова, первый элементъ звука.

Олегъ, удалый Норманнъ, соскучился въ Новѣгородѣ, или принужденъ былъ оставить его; пошелъ, съ младенцемъ Игоремъ, куда глаза глядятъ. Случай, прихоть, нужда! Онъ пошелъ точно, куда глаза глядятъ, ибо поселиться въ Кіевѣ онъ сначала не могъ думать навѣрное: тамъ жили его земляки, Аскольдъ и Диръ, и жили уже 20 лѣтъ, обострожились и утвердились; ему нельзя было предполагать, чтобъ эти бранные, какъ онъ, витязи согласились уступить ему добровольно богатое мѣсто? И въ самомъ дѣлѣ, онъ побоялся борьбы сомнительной, и послѣ, достигнувъ Кіева, пошелъ на нихъ

не съ открытою силою, а съ хитростію, которая могла удасться и нѣтъ.

Или — Олегъ могъ отправиться съ своей дружиной мимо Кіева, на службу въ Грецію, и пропасть тамъ вмѣстѣ съ Игоремъ, не оставивъ слѣда, подобно сотнямъ своихъ единоплеменниковъ, и тогда другой видъ Исторіи, другія лица и другія имена!

А какъ сомнительна судьба Игоря, младенца, только что рожденнаго, младенца, на которомъ однакожъ лежитъ судьба отечества, который остался связать всю послѣдующую Исторію съ Новогородскимъ призваніемъ Норманновъ, который долженъ утвердить еще за отцемъ своимъ мѣсто въ главѣ Русской Исторіи.

Кромѣ тѣхъ опасностей, кои раздѣлялъ онъ съ Олегомъ, онъ имѣлъ другія: Олегъ могъ имѣть дѣтей, которые отняли бы власть у него, то есть предводительство, начальство надъ дружиною, легко могшее достаться болѣе рѣшительному, храброму, искусному.

Вотъ какимъ случайностямъ подвергался Олегъ, и при немъ Игорь, и зародышь Русскаго Рюрикова Государства!

Но не слишкомъ ли еще много видѣть здѣсь зародышь Государства? Точно, это менѣе чѣмъ зародышь, это математическая точка, почти идея.

Оставляя Новгородъ, Олегъ дѣлался странствующимъ рыцаремъ съ своей дружиною, лишался мѣста. Въ эту минуту какъ будто пропало, скрылось изъ виду зачавшееся Государство. Минута неизвѣстности! Сѣмя предано произволу вѣтровъ!

Не должны ли мы трепетать за него? Что съ нимъ будетъ? Куда понесется оно? Гдѣ найдетъ себѣ родимую почву?

Успокоимся! Благопромыслительной Десницею несется оно именно въ Кіевъ, гдѣ ему приготовлено лоно, гдѣ Государству поставлена цѣль. Мнимою прихотью Олега выражается воля Провидѣнія! Династія, оставшись въ Новѣгородѣ, повела бы дѣла по необходимости иначе. Изъ Новагорода должна бы утвердиться у насъ связь не только государственная, но и духовная, съ Западомъ, Латинствомъ, Папою, а видно было надо, по высшему предначертанію, чтобъ Европа состояла пока изъ двухъ половинъ, чтобъ разпадавшейся въ то время Религіи пріуготовилась особая Церковь на Востокѣ, чтобъ тамъ когда-то, чрезъ тысячу лѣтъ, среди Славянскихъ племенъ, народилось Государство-наслѣдникъ Римскому Востоку, Греческой Имперіи, Константинополю, какъ Римскій Западъ достался въ наслѣдство, съ землею, жителями, религіей и образованіемъ, Нѣмецкому народу.

Олегъ пошелъ, точка двинулась, это правда, точка, не болѣе, но выйдетъ линія, и какая линія? Полъ-экватора, треть-меридіана.

Олегу посчастливилось овладѣть Кіевомъ. Онъ умертвилъ владѣльцевъ Кіевскихъ, а мирные жители приняли его безъ сопротивленія. Онъ остановился здѣсь, и потомъ рѣшился, кажется, остаться, покрайней мѣрѣ съ своей стороны, въ этомъ городѣ, обильномъ естественными произведеніями, на большой рѣкѣ, — откуда такъ легко можно было набѣгать на всѣ стороны, особенно на приманчивый Царьградъ, — гдѣ такъ хорошо было, впродолженіи двадцати лѣтъ, его единоплеменникамъ, Аскольду и Диру. Впрочемъ гдѣ нибудь надо жить, лишь бы жить, и всякая минута могла перемѣнить намѣреніе. Поселеніе Олега въ Кіевѣ было также мирно, какъ и Рюриково въ Новѣгородѣ, чѣмъ и опредѣлялся характеръ ихъ взаимныхъ отношеній къ жителямъ.

Владѣя Кіевомъ и его областію, Олегъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ удержалъ право Рюриковыхъ даней, и распространилъ оныя, обложивъ новыя племена. За данью однакожь надо было всегда ходить нарочно — оброкъ непостоянный, первая легкая форма подданства. Племена не входили еще въ составъ Государства, почти точно какъ платя дань прежде за море въ 859 г., а только подготовлялись. Кое-гдѣ были оставлены мужи, которые вѣрно отлучались часто, ходя на войну. Смерть застала Олега въ Кіевѣ.

Кіевъ, съ выраженіемъ Олега: се буди мати градомъ Русскимъ, и временная дань съ нѣкоторыхъ племенъ, — вотъ состояніе зародыша, форма Государства, оставленнаго преемникомъ Рюрика.

Лѣнивый Игорь потерялъ-было дани, переставъ ходить за ними, и племена, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, отлагались. Покрайней мѣрѣ всю свою жизнь онъ прожилъ въ Кіевѣ, и привычка, которую называютъ второю природою, привычка дружины и города, къ Князю и его роду, а Князя къ дружинѣ и народу, привычка къ осѣдлости и какому-то порядку вещей, укоренялась. Таково было при Игорѣ пріобрѣтеніе, почти невещественное къ родительскому наслѣдству. Сѣмя не развилося, но нѣсколько укрѣпилось, приготовилось для развитія. Подъ конецъ своей жизни Игорь захотѣлъ было притѣснить сосѣднихъ Древлянъ, и погибъ за то отъ руки ихъ. Новая опасность, покрайней мѣрѣ опасность Рюрикову роду: ближнее племя возстало, и рѣшилось на такое отважное дѣйствіе — убить Князя: что же сдѣлаютъ дальнія! Что будетъ съ самою дружиною? Какъ легко кажется какому нибудь смѣльчаку захватить начальство, и увести ее на промыселъ, или самому сѣсть на престолъ!

Къ счастію, вдова Игорева, Ольга, имѣла характеръ мужескій: она устроила всѣ дѣла, и мстя за смерть Игоря, опустошила землю Древлянскую, привела ее въ бо́льшую зависимость; она же установила нѣкоторыя дани на сѣверѣ.

У Игоря былъ также одинъ сынъ, какъ у Рюрика, Святославъ, къ счастію молодой Руси, которой необходимо было разпространиться прежде нежели раздѣлится, которой необходимо было разкинуться, хоть слегка, изъ однаго центра, а не многихъ; одно сѣмя должно было пока развиваться, одно Государство рости, а не многія равносильныя возникнуть вдругъ. Рано было начинаться удѣльнымъ Княжествамъ: еслибъ у первыхъ Князей было по многу дѣтей, то они поссорясь тотчасъ между собою, (неизбѣжный случай), возпрепятствовалибъ развитію, не укрѣпясь ослаблибъ, и не успѣлибъ захватить столько постороннихъ земель, кои могли отойти въ составъ другихъ государствъ. Тяжело дѣтямъ остаться сиротами, пока отецъ не устроитъ хозяйства. Силѣ предлежало еще поприще внѣ, а не внутри.

Святославъ, храбрый, твердый, воинственный, возмужавъ, взялъ, и слѣдовательно сталъ брать, дань съ новыхъ племенъ, и смирилъ прежнія, которыя безпрестанно пытались откладываться. Но все онъ владѣлъ собственно однимъ Кіевомъ. Такъ и думалъ, если о чемъ-нибудь думалъ. Еще болѣе — самый Кіевъ онъ считалъ постоемъ, и рѣшился оставить его такъ, какъ Олегъ оставилъ Новгородъ. Ему мало стало скудной дани по какой-нибудь веверицѣ съ дыма, когда Греція предлагала ему пуды золота, и онъ рѣшился не перенесть столицу, (это невѣрное выраженіе), а, говоря просто, переѣхать на другую квартиру, переселиться къ другому Славян-

скому племени, въ страну имъ покоренную, въ Болгарію, и перенести сѣмя въ другую почву! Оно такъ слабо привязано было къ нашей землѣ, хотя и пустило уже ростокъ, такой слабый корень имѣло, что не стоило ни малѣйшаго труда оторвать его. Зародышь выкинутъ. Болгаріи выпадалъ жребій сдѣлаться Русью, Нормандіей. Наша почва оставалась для другаго сѣмени, и всего прежняго какъ будто не бывало. Ясное ли доказательство, что понятіе объ осѣдлости, наслѣдственности, поземельной собственности, было еще ничтожно, и одной черты въ Норманскомъ характерѣ Святослава достаточно было, чтобъ уничтожить, изгладить слабые плоды ста лѣтъ. Святославъ пошелъ, и сѣмя опять предано произволу вѣтровъ. Передъ отбытіемъ Святославъ отдалъ старшему сыну Ярополку свой Кіевъ, а втораго послалъ княжить на Волынь. Святославъ не раздѣлилъ, какъ говорятъ у насъ обыкновенно, свои владѣнія, но другаго сына послалъ въ дикое поле. Древлянъ, племя самое близкое къ Кіеву, разоренное Ольгою, обложенною двойною данію, и потому тѣснѣе связанное съ Кіевомъ, легче было держать въ повиновеніи. Вотъ главная причина, почему Святославъ послалъ туда сына.

Третьяго сына, Володимера, вытребовали себѣ сами Новогородцы, почти противъ воли Святослава, который говорилъ имъ даже: кто къ вамъ пойдетъ?

Слѣдовательно, Святославъ все-таки владѣлъ однимъ Кіевомъ, *гдѣ жилъ*, гдѣ жилъ и отецъ его; здѣсь нечего говорить о дѣленіи, ибо дѣлятъ цѣлое, дѣлятъ свое владѣніе, а Святославъ не владѣлъ Древлянами, которые платили ему только дань. Тѣмъ болѣе должно сказать это о прочихъ дальнихъ племенахъ, и, всего вѣрнѣе и точнѣе, о Новогородцахъ. Но еслибъ даже и владѣлъ—

все только Кіевомъ и ближнею Волынью. Вотъ что отдалъ онъ двумъ сыновьямъ своимъ.

Не было дѣленія, и еще менѣе пагубнаго примѣра! Дѣленіе было общее во всей Европѣ, необходимая принадлежность, степень гражданскаго общества, а не частная ошибка. Но у насъ, повторю, не было ни дѣленія, ни частной ошибки, ни примѣра.

Святославъ пошелъ въ Болгарію. Дѣти его могли слѣдовать за нимъ туда же — по его смерти, въ помощь, для участія въ его походахъ и предпріятіяхъ, а какая приманка для корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ Норманновъ богатый Константинополь и малая Азія! И между Славянскими племенами возникли бъ опять прежнія отношенія, и надлежалобъ ожидать новыхъ обстоятельствъ, новыхъ Государей, для готовыхъ элементовъ Государства.

Какъ все зыбко!

Случился же именно въ это время въ Греціи такой Государь, какъ Іоаннъ Цимискій, одинъ изъ самыхъ воинственныхъ Государей въ цѣломъ ряду Византійскихъ Императоровъ, впродолженіи долговременнаго періода. Онъ заставилъ Святослава удалиться изъ любезной Болгаріи, который на возвратномъ пути и сложилъ буйную свою голову, съ остальными мужами. Сыновья его лишены были средствъ идти въ Болгарію, отнятую Греками, не могли переселиться туда, еслибъ и хотѣли. Они остались у насъ, владѣя порознь Кіевомъ, Волынью и Новгородомъ.

Сѣмя переслано опять къ намъ, или лучше, укрѣпилось, глубже опустилось въ нашей землѣ. Опасностей стало меньше, покрайней мѣрѣ дома.

До сихъ поръ было по одному Князю, и у этого одного Князя бывало всегда во владѣніи по одному городу, изъ котораго уже онъ ходилъ, по своему усмотрѣнію, брать дань съ разныхъ племенъ, ближнихъ и дальныхъ. Теперь являются три Князя, три брата, сыновья Святослава.

Олегъ такъ княжилъ на Волыни, а Володимеръ въ Новѣгородѣ, какъ Ярополкъ въ Кіевѣ.

Еще два племени стали приготовляться къ составу будущаго Государства, хотя и порознь; не цѣлое раздѣлилось на части, какъ мы видѣли, но части возникли, кои послѣ составятъ цѣлое. Прибавимъ Полоцкъ съ Рогвольдомъ, и Туровъ съ Туромъ.

Были-ль раздѣлены дани между братьями? Вѣроятно, сначала каждому предоставлялось ходить въ свою сторону, какъ далеко сможетъ. Но у нихъ не было и времени ходить за данью по племенамъ, ибо братья тотчасъ перессорились между собою, сперва Ярополкъ съ Олегомъ, потомъ Володимеръ съ Ярополкомъ, и возникла мысль объ единомъ владѣніи: одинъ хотѣлъ завладѣть, чѣмъ владѣли трое.

Ярополкъ одолѣлъ Олега, а Володимеръ испугавшись бѣжалъ за море, »и бѣ Ярополкъ владѣя единъ въ Руси,« посадивъ посадниковъ на Волыни и въ Новѣгородѣ. Вотъ уже новое явленіе! Ярополкъ, какъ прежде Рюрикъ, схватившись, такъ сказать, за оставшіеся концы, удержалъ власть братьевъ во всей полнотѣ ея, и слѣдовательно получилъ ея больше всѣхъ своихъ предшественниковъ. Пребываніемъ Князя въ городѣ, какъ будто узаконивалась принадлежность его наслѣднику. Всѣ три области, Кіевъ, Волынь и Новгородъ, составили одно владѣніе. Ярополкъ одинъ владѣлъ изъ Кіева Волынью и Новгородомъ, чрезъ своихъ посадниковъ, чего прежде не бывало.

Всѣ три племени достались точно также Володимеру.

Володимеръ, живя почти чрезъ сто лѣтъ послѣ Рюрика, а время имѣетъ свою силу, особую отъ происшествій и лицъ, Володимеръ, очень богатый, ибо ему достались добычи ста лѣтъ, добычи Рюрика, Олега, Игоря, Святослава, съ сильнымъ характеромъ и браннымъ духомъ, Володимеръ, который, кромѣ своего Новагорода, отнялъ три владѣнія, (Полоцкъ, Древлянъ и Кіевъ), и умертвилъ двухъ владѣтелей, (Рогвольда съ сыновьями и Ярополка), Володимеръ сдѣлался первый Княземъ-Государемъ въ настоящемъ значеніи этого слова, хотя все еще слабо, то есть только владѣтелемъ.

Ему не была уже нужна помощь чуждая Варяжская, и онъ спровадилъ отъ себя главную ватагу: такъ былъ онъ силенъ своими собственными домашними силами.

Онъ ходилъ за данью гораздо дальше прежнихъ Князей, даже за Карпаты, вѣроятно опредѣляя оную (Новогородцы), а съ другой стороны за Волгу. Нѣкоторыя племена привозили дань ему даже сами, въ Кіевъ.

Онъ жилъ въ своемъ владѣніи не думая о переѣздѣ, какъ еще его отецъ, такъ сказать-водворился, установился, а духъ Норманскій, духъ движенія, чрезъ 120 лѣтъ, въ 4 колѣнѣ, родившемся на Руси стихнулъ и самъ по себѣ.

У Володимера было 12 сыновъ, (самое прежнее многоженство его имѣетъ здѣсь свою историческую важность и значеніе), и онъ разослалъ ихъ по племенамъ, удѣливъ каждому часть своей дружины, которая была у него многочисленнѣе по его связямъ и богатству, чѣмъ у его предковъ, и совершенно отъ него зависѣла. Вотъ когда собственно племена начали входить въ составъ Государства, или приготовлять будущее Государство, образовываясь въ гражданскомъ отношеніи отдѣльно,

порознь. Вмѣсто двѣнадцати прежнихъ племенъ, двѣнадцати даней, мы видимъ теперь 12 особливыхъ владѣній, Княжествъ, подъ владычествомъ отца, Великаго Князя Кіевскаго.

Супруга Володимера Анна, дочь и сестра Вазантійскихъ Императоровъ, съ коею вступивъ въ супружество онъ принялъ Христіанскую вѣру, содѣйствовала еще болѣе къ утвержденію этой мысли о постоянномъ мѣстопребываніи, сохраненіи владѣнія, и оставленіи въ наслѣдство дѣтямъ (Точно какъ послѣ другая Греческая Царевна, Софія, утвердила идею Царя при Іоаннѣ III, и устроила Дворъ).

Прибавьте долгую жизнь, тридцать пять лѣтъ княженія, участіе Духовенства, которое у насъ, какъ вездѣ, приложило, разумѣется особое стараніе о смягченіи нравовъ, и слѣдовательно о мирной осѣдлой жизни.

Такимъ образомъ политическое соединилось съ религіознымъ, и первый Христіанскій Князь былъ вмѣстѣ и первымъ Государемъ-Владѣтелемъ, чуть ли и не Правителемъ, потому что въ его время мы видимъ слѣды положительнаго, письменнаго законодательства, вѣроятно по примѣру Церкви, — сперва разумѣется по Норманскимъ обычаямъ для дружины, а потомъ и для народа со вліяніемъ Греческихъ и туземныхъ обычаевъ.

Каждый сынъ Володимеровъ княжилъ такъ въ своемъ городѣ, какъ отецъ въ Кіевѣ, средоточіи, матери всѣхъ городовъ Русскихъ, по выраженію Олега. Живя по срединѣ племенъ Князья могли легче содержать ихъ въ полномъ подданствѣ, нежели прежде одинъ Князь изъ дальняго Кіева, и пріучать къ повиновенію. Всѣ они были однакожь слабѣе своего отца, которому платили урочную дань, не смѣя ему противиться, кромѣ подъ конецъ одного Ярослава, который былъ дальнѣе всѣхъ, и могъ надѣяться на чуждую помощь.

Сыновья и отецъ должны были считать города уже своею собственностію, и даже какъ средствомъ для прокормленія, содержанія. Понятіе о наслѣдствѣ стало прикладываться къ землѣ, приготовилось понятіе о поземельной собственности у Князей, которые, разумѣется, начали принимать участіе и въ правленіи по примѣру отца. Намѣчены будущіе удѣлы по племенамъ.

Но всѣ эти Князья жили не долго. Одни перемерли (при немъ и послѣ, Вышеславъ, Изяславъ, и проч.), другіе погибли вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ (при Святополкѣ — Борисъ, Глѣбъ, Святославъ, и потомъ самъ онъ, Святополкъ); третьи (Судиславъ) не могли ничего сдѣлать противъ Ярослава, который остался одинъ, и послѣ нѣсколькихъ междоусобныхъ войнъ, (со Святополкомъ, Брячиславомъ, Мстиславомъ), и смерти братьевъ, получилъ почти всѣ ихъ Княжества.

Онѣ достались ему уже *съ такою* зависимостію, въ какой, привыкнувшіе, находились отъ его братьевъ, принадлежали ему еще крѣпче, разумѣется, нежели Володимеру, и были управляемы по заведенному порядку, чрезъ намѣстниковъ, ему подчиненныхъ.

Ярославу принадлежали Кіевъ, Волынь, Подолія, Галиція, Литва, Балтійское поморье, Новгородъ, Двинская область, Поволожье, Сѣверская страна.

Всѣ сіи страны принадлежали точно, ибо города ихъ мы находимъ немедленно въ удѣлахъ сыновъ и внуковъ, какъ ихъ отчины, и на оборотъ — при сихъ послѣднихъ они не могли быть завоеваны, потому что всѣ дѣйствія ихъ извѣстны намъ по лѣтописямъ.

Границами Ярославовыхъ владѣній были: Балтійское море, нынѣшняя Пруссія, Царство Польское, Карпаты, Новороссійскія степи, Волга, отдаленное Заволочье.

Такъ удалые Норманны, въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ, раскинули планъ будущаго Государства, намѣтили его предѣлы, нарѣзали ему земли безъ циркуля, безъ линѣйки, безъ астролябіи, съ плеча, куда хватила размашистая рука. . .

Всѣ племена и города находились въ подданствѣ у одного Князя, (а потомъ одного рода), были одного происхожденія, говорили однимъ языкомъ, хотя и разными нарѣчіями, исповѣдывали одну вѣру,—словомъ это было Государство въ нѣкоторомъ смыслѣ, цѣлое, хотя и смётанное на живую нитку. Шлецеръ, заключу мое разсужденіе словами великаго учителя, назвалъ удачно этотъ періодъ Russia nascens.

И такъ двѣсти лѣтъ раждалась Россія. . . .

Симеонъ Полоцкій молился Богу, говоритъ преданіе, чтобъ муки Царицы Натальи Кириловны продолжились болѣе, дабы новорождаемый младенецъ Петръ воспользовался должайшею жизнію. Можетъ быть двухсотлѣтнему рожденію и младенчеству Русскаго Государства, еще долговременнѣйшему юношеству, будетъ соотвѣтствовать въ соразмѣрности настоящее доблестное мужество и будущая мудрая старость.

II.

СОСТОЯНІЕ ОБЩЕСТВА.

СОСТОЯНІЕ ОБЩЕСТВА.

Преданіе, донесшееся изъ глубины вѣковъ, до нашихъ лѣтописателей, указываетъ племенамъ Словенскимъ первоначальное жилище на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ, — Дунаѣ, который до сихъ поръ еще слышится у насъ повсюду въ народныхъ пѣсняхъ.

„По многѣхъ временѣхъ (по потопѣ) сѣли суть Словѣне по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска.“

Отсюда, вслѣдствіе естественнаго размноженія и другихъ побудительныхъ обстоятельствъ, выселялись они по временамъ, за долго до Рождества Христова, — и заняли наконецъ почти всю среднюю Европу.

Наша страна получила себѣ обитателей, по случаю нашествія съ запада Кельтовъ или Волоховъ, которые, разтревоживъ Словенъ въ ихъ пригрѣтомъ гнѣздѣ, заставили многихъ искать себѣ новыхъ жилищъ.

Одни изъ нихъ, племена Ляшскія, приняли направленіе съ Дуная къ сѣверо-западу; другія, наши, къ сѣверовостоку.

Передовымъ изъ послѣднихъ были собственно такъ называемые Словене. Напираемые сзади свѣжими толпами, они должны были спѣшно и усильно прокладывать себѣ дорогу, шли-шли, и достигли наконецъ озера Ильмеря, раздвинувъ обитавшую въ этихъ мѣстахъ Чудь. Здѣсь только могли они остановиться и построили себѣ Новгородъ.

„Словени же сѣдоша около озера Ильмеря, прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новгородъ.“

Словенскій конецъ, улица Славно, ручей Словенскій, указываютъ, можетъ быть, своими именами, на мѣста перваго поселенія.

Соплеменники, слѣдовавшіе по ихъ стопамъ, остановились также по пути, когда натискъ съ юга утихнулъ, гдѣ кому случилося, на Двинѣ, Припети, Сожѣ, — Кривичи, Дреговичи.

Другіе, еще прежде поворотившіе на право, разселились по Днѣстру, Бугу, Днѣпру, и ихъ притокамъ, — Тиверцы, Хорваты, Сѣверяне, Поляне.

Всѣ они не составляли сплошнаго народонаселенія, раздѣляясь между собою рѣками, лѣсами, горами, болотами и степями.

Болотистая и лѣсистая, бѣдная дарами природы страна, досталась на долю Словенамъ, которые, опознавшись, должны были подумать о средствахъ снискивать гдѣ себѣ пропитаніе.

Къ счастію недостатки ихъ вознаграждались удобствами водяныхъ сообщеній, не только съ ближними, но и самыми отдаленными землями.

Вскорѣ познакомились они съ своими приморскими сосѣдями, — это были родственныя племена, выселившіяся прежде ихъ съ Дуная, потомъ Норманны, самый дѣятельный и удалой народъ въ Европѣ того времени, которые уже хозяйничали на всѣхъ моряхъ, и имѣли сообщенія по всѣмъ берегамъ, наконецъ, ближайшіе, Финны-Чудь.

Чудью, состоявшею изъ множества племенъ, заселенъ былъ, по другую сторону за Новогородцами, и весь востокъ, отъ сѣвернаго моря до Каспійскаго.

Смышленные пришельцы провѣдали, гдѣ водятся въ особенности естественныя произведенія, въ коихъ они наиболѣе имѣли нужды, и что могутъ они предлагать въ замѣну Перми, Булгарамъ, Козарамъ, Югрѣ. Имъ удалось даже стать твердой ногою впослѣдствіи на самыхъ выгодныхъ для себя въ этомъ отношеніи точкахъ, откуда они могли основать свою власть надъ окружными странами. Такъ произошли новыя поселенія, оказавшіяся вскорѣ для нихъ необходимыми — Торжекъ, Бѣлозерскъ, Ростовъ, Муромъ, Бѣжецкъ, Волокъ Ламскій.

Въ торговлѣ Новогородской приняли участіе и Норманны, нигдѣ не упускавшіе случая заводить свои связи, и разселявшіеся повсемѣстно; они распространили Новогородскую торговлю еще далѣе, до самаго устья Волги, куда, съ противоположной стороны, чрезъ Каспійское море, изъ внутренней Азіи, проникло съ одинакою цѣлію другое бодрое, живое и вмѣстѣ образованное племя того времени — Арабы.

Арабы привозили въ Итиль или нынѣшнюю Астрахань, къ Козарамъ, ароматы, южные плоды, шерстяныя ткани, драгоцѣнные каменья, которые до сихъ поръ удерживаютъ у насъ свои восточныя наименованія: изумрудъ, яхонтъ, бирюзу, жемчугъ.

Чудскія племена доставляли мѣха, рыбу, хлѣбъ, металлы, юфть.

Изъ низовыхъ южныхъ Славянскихъ поселеній получался хлѣбъ, медъ, воскъ.

Изъ Греціи наволоки, золото, вино.

Норманны торговали мечами Франкской работы, янтаремъ, пухомъ, невольниками.

Очень рано между всѣми сими народами началась взаимная мѣна, изъ коей мало по малу, по мѣрѣ рас-

пространенія сообщеній, образовалась правильная обширная торговля съ опредѣленными путями.

Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ по Днѣпру, и вверхъ Днѣпра волокъ до Ловати, по Ловати внити въ Ильмеръ озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ и втечетъ въ озеро великое Нево, того озера устье внидеть въ море Варяжское.

Тѣмъ же изъ Руси можетьити въ Болгары и въ Хвалисы... Потече Волга на востокъ, и втечеть семидесятью жерелъ въ море Хвалисское (Каспійское).

Огромное количество монетъ Арабскихъ (диргемовъ), седьмаго, осьмаго и слѣдующаго вѣковъ, равно какъ и Византійскихъ, Норманскихъ, находимыхъ безпрестанно по всему этому пространству, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ живаго сообщенія между племенами, здѣсь обитавшими, съ отдаленной древности.

Смышленные Словене умѣли воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ, на перепутьѣ Норманновъ въ Грецію и къ Финскимъ племенамъ, передавали товары изъ рукъ въ руки, и богатѣли. Городъ ихъ сдѣлался въ нѣкоторомъ смыслѣ складочнымъ мѣстомъ на Сѣверѣ. Слава о Новѣгородѣ распространилась по всему Варяжскому или Балтійскому поморію, и Исландскія саги наполнились сказаніями о богатствѣ и могуществѣ великаго Гольмгарда. Точно такое значеніе получилъ на югѣ Кіевъ, принадлежавшій другому Славянскому племени—Полянамъ.

Новгородъ подвергся нападенію Норманновъ, Кіевъ со всѣми южными племенами—Козаровъ, которыхъ главная сила сосредоточивалась въ Итилѣ, нынѣшней Астрахани, въ устьѣ Волги.

Норманны, утвердились впослѣдствіи въ Новѣгородѣ званые, а потомъ въ Кіевѣ не званые, и подчинили себѣ, впродолженіи двухъ сотъ лѣтъ, волею и неволею, племена Славянскія и Финскія, одно за другимъ.

Первою заботою ихъ было здѣсь, какъ и въ прочихъ странахъ Европы, утвердить власть за собою, для чего, на удобныхъ мѣстахъ, строили они свои новые *города* и занимали нужнѣйшіе изъ прежнихъ.

И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а первіи насельници: въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома.

Рюрикъ раздая мужемъ грады, ... и *городы* рубити.

Олегъ (поселясь въ Кіевѣ) нача *городы* ставити.

И рече Володимеръ: се не добро еже малъ городъ около Кіева. И нача ставити *городы* по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и поча нарубати мужѣ лучшіѣ отъ Словѣнъ, и отъ Кривичь, и отъ Чюди, и отъ Вятичь, и отъ сихъ насели грады.

Володимеръ заложи *градъ* Бѣлгородъ, и наруби въ не отъ иныхъ городовъ, и много людей сведе въ онь.

Ярославъ поча ставити *городы* по Реи.

Ставъ твердою ногою на всѣхъ важнѣйшихъ точкахъ, они принялись межевать землю по своему обычаю для опредѣленія даней. Веревка, упоминаемая въ лѣтописяхъ Нормандіи, употреблялась здѣсь безъ сомнѣнія точно также, и слѣды ея остаются долго въ названіи участковъ, на кои раздѣлена была земля, *верви*, и въ глаголѣ *тянуть*, которымъ до сихъ поръ означается принадлежность.

Подчиненныя племена обложены были *данью* отъ дыма или отъ рала, отъ плуга, по бѣлкѣ, по куницѣ, медомъ, скорою, и другими естественными произведеніями, а нѣкоторыя платили по щлягу, вѣроятно по какой-нибудь иностранной серебряной монетѣ, Арабской, Греческой, Норманнской, пріобрѣтенной торговлею. Количество дани составляло цѣну и значеніе волости.

Олегъ... устави *дани* Словѣномъ, Кривичемъ и Мери.

Иде Вольга по Деревьстѣй земли съ сыномъ своимъ и дружиною, уставляюще уставы и *уроки,* суть становища ся и ловища.

Иде Вольга Новугороду, и устави по Мстѣ погосты и *дани,* и по Лугѣ оброки и *дани,* и есть село ся, Ольжичи.

Поималъ еси всю *дань,* говорятъ Древляне Игорю.

Радимичи, обложенные Володимеромъ, *повозъ везутъ* и до сего дне, говоритъ Несторъ.

Новогородцы платили двѣ тысячи гривенъ Кіевскому князю, а тысячу раздавали у себя гридямъ.

Возложи нань (Ольга на Древлянъ) дань тяжку, двѣ части дани идета Кіеву, а третья Вышегороду къ Ольгѣ: бѣ бо Вышгородъ городъ Вользинъ. (Ольга) пристрои вои на прокъ ихъ (Древлянъ).

Вновь образовавшееся общество составляли: князь, дружина, вои, смерды, въ Новѣгородѣ огнищане.

Князь держалъ землю, охранялъ безопасность, налагалъ дань, раздавалъ волости, ходилъ на войну, заключалъ договоры, творилъ судъ и правду, пользуясь за то извѣстными податями.

Сидѣть, держать, ходить, водить, рядить — вотъ какими словами можно опредѣлить нѣкоторымъ образомъ кругъ княжескихъ дѣйствій, покрайней мѣрѣ домашнихъ: *сидѣть* — владѣть, *сажать,* давать власть, *держать* — управлять, *ходить* — собирать дань, *водить*—назначать, *рядить* — распоряжаться.

За данью князь ходилъ самъ или посылалъ своихъ мужей по извѣстнымъ опредѣленнымъ путямъ. Вмѣстѣ съ собираньемъ дани князь занимался и *судомъ.* Такіе объѣзды получили впослѣдствіи названіе полюдьевъ, а *путь* сдѣлался однозначительнымъ съ данью.

Рѣша сами въ себѣ (Словене и проч.) поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ *по праву.*

Поча Олегъ *воевати* Деревляны... Иде Олегъ на Сѣверяны... Посла Олегъ къ Радимичамъ... Иде Олегъ на Греки.

Посла Олегъ мужи свои построити *мира* и положити ряды межи Греки и Русью.

Какъ скоро наступитъ Ноябрь мѣсяцъ, то Россійскіе князья, говоритъ И. Константинъ Багрянородный, оставивъ со всѣмъ своимъ народомъ Кіевъ, разъѣзжались по другимъ городамъ, которые у нихъ назывались гирами, или отправлялись въ земли Вервянъ (Древлянъ), Друговичей (Дреговичей), Кривичей, Сервянъ (Сѣверянъ) и другихъ Руссамъ подчиненныхъ Славянъ.

Дружина составляла драгоцѣнное сокровище князя, ходила съ нимъ на войну, призывалась на совѣтъ, пировала вмѣстѣ.

Игорь дошедъ Дуная, созвалъ дружину и нача *думати* (т. е. разсуждать)... Повѣда имъ рѣчь цареву. Рѣша дружина: что хочемъ болѣ того, небившеся имати злато и сребро и паволоки... Послуша ихъ Игорь...

Святославъ, прія дары, и нача *думати* съ дружиною своею.

Бѣ Володимеръ любя дружину, и съ ними *думая* о строеніи земленѣмъ, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ.

Сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, (говорилъ онъ), а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра.

Мстиславъ (братъ Ярослава) любяше дружину повелику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше.

Находясь всегда при князѣ, обновляясь часто новыми пришельцами, вслѣдствіе убыли при безпрерывныхъ походахъ, особенно съ Святославомъ, Володимеромъ и Ярославомъ, дружина не могла пустить глубоко корней въ землѣ, она не получила поземельной собственности, которою, по причинѣ малозначительности, не дорожила, довольствуясь участіемъ въ добычѣ и дани.

И заповѣда Олегъ дати восмъ на 2 тысячи кораблей... и потомъ даяти уклады на Русскіе городы: первое на Кіевъ, тоже и на Черни-

говъ, и на Переяславъ, и на Полтескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы, по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще.

Это преимущество движимаго имущества предъ недвижимымъ дало особый характеръ древней русской исторіи, а по ней и времени послѣдовавшему.

Дружина раздѣлялась на старшую и младшую, бояръ и отроковъ или дѣтскихъ (упоминаются еще между ними гриди и гости, безъ опредѣленнаго значенія).

Званія эти были наслѣдственны.

Нѣкоторые изъ нихъ получали волости и города въ управленіе, гдѣ замѣняли князя, посылались также собирать дань.

Прія власть Рюрикъ и *раздая* мужемъ своимъ грады.

Олегъ приде къ Смоленску, прія градъ, и *посади* мужъ свой... взя Любець и посади мужь свой.

Володимеръ избра (отъ Варягъ) мужи добры, смыслены и храбры, и *раздая* имъ грады.

Ингигерда требовала дядѣ своему Рогнвальду Ладогу, съ данями и сборами.

Бояре имѣли своихъ отроковъ (отроци Свѣнелжи).

Остальные Норманны разселились по городамъ и составили главную часть ихъ населенія, военное сословіе. Они содержались на счетъ тянувшихъ къ нимъ судомъ и данью волостей, созываемые ходило на войну, и также получали долю въ добычѣ. Дѣла свои рѣшали они въ общихъ собраніяхъ или *вѣчахъ*, въ которыхъ принимали, разумѣется, и туземные обитатели.

Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу на *вѣча* сходится, на что же старѣшіи сдумають, на томъ же пригороди станутъ.

Бѣлогородци (при Володимерѣ) створиша *вѣче* въ городѣ, и рѣша: се уже хочемъ померети отъ глада, а отъ князя помочи нѣту, да луче ли ны померети, вдаимыся Печенѣгомъ... и тако совѣтъ сотвориша. Бѣже единъ старець не былъ на *вѣчи* томъ, и впраша: что ради *вѣче* было? и проч.

И утре слезъ, и рече на *вѣчи* (Ярославъ Новогородцамъ, сообщая извѣстіе о кончинѣ отца и гибели братьевъ)...

Городъ раздѣлялся на внутренній и внѣшній, внѣшній — острогъ, внутренній—дѣтинецъ (послѣ кремль), получившій имя вѣроятно отъ дѣтскихъ, его занимавшихъ.

Въ городахъ были посадники, собственно правители, тысяцкіе—начальники надъ воями, тіуны—надъ сборами. Подъ ними были сотскіе и десятскіе. При судѣ встрѣчаются имена ябедника и метельника съ неопредѣленными занятіями. Отроки были ихъ помощниками.

Туземное Славянское населеніе называлось на языкѣ господствовавшаго племени *смердами*. Оно жило по волостямъ и городамъ, владѣло землею, производило по мѣстамъ торговлю, тянуло данью къ судамъ и городамъ, а во всѣхъ прочихъ дѣлахъ управлялось само собою.

Поселяне шли, кажется, охотно по найму въ *закупы*, преимущественно *ролейные*, обработывать землю и исправлять другія службы и распоряженія господина, за извѣстное жалованье, надѣясь жить спокойнѣе подъ его защитою, и имѣя свободу переходить куда угодно.

Много искони было и *холоповъ*, добытыхъ войною, на сторонѣ и дома, вслѣдствіе вины и сопротивленія, какъ Древлянъ во время Ольги. Холопами или невольниками производилась даже значительная торговля внѣшняя.

Холопству подвергались и свободные, за извѣстныя вины, за неплатежъ долга, за женитьбу на рабѣ.

Торговлею занимались Норманны и Словене, всѣ сословія безъ различія, и даже сами князья, по Днѣпру съ

Греціей, по Волгѣ съ Востокомъ, по Двинѣ съ Пермью, по Невѣ и Двинѣ съ Балтійскимъ моремъ.

Серебро цѣнилось на вѣсъ: гривна (марка, литра), означала фунтъ. Въ гривнѣ считалось 20 ногатъ, а въ ногатѣ двѣ съ половиною рѣзани Кунъ въ гривнѣ 25. Кунами назывались деньги, другое слово для денегъ—скотъ.

Языкъ употреблялся различный. Пришлое племя употребляло свой языкъ сѣверный, Norrena, котораго слѣды мы встрѣчаемъ въ именахъ собственныхъ: Рюрикъ, Труворъ, Аскольдъ, Диръ, Олегъ, Игорь, Свѣнельдъ, Руалдъ, Торбернъ, Иваръ, Гримъ, Колскегъ, Фроде, Адунъ и проч.; въ именахъ Днѣпровскихъ пороговъ: ессупи (ei-sofa неспи), ульворси (holmfors островной прагъ), геландри (гіалланди, звенящій), варуфоросъ (barufors. волнистой порогъ), въ именахъ, относящихся къ гражданскомъ устройству и управленію: бояре, тіуны, гридни, гости, смерды, люди, ябедники, верви, дума, губа, вира, рядъ, скотъ, гривна, стяги.

Въ мужахъ княжихъ, отрокахъ и дѣтскихъ, добрыхъ людяхъ, дружинѣ, робичичѣ, слышится переводъ

Туземцы говорили своими Словенскими нарѣчіями, въ въ коихъ мало по малу потерялся языкъ сѣверныхъ пришельцевъ.

Точно тоже должно сказать и о *вѣрѣ*. Норманнское ученіе видно по договорамъ съ Греками, — въ ихъ клятвахъ, знаменующихъ вѣру въ безсмертіе души; по сказаніямъ Несторовымъ, въ ихъ жертвоприношеніяхъ, и именахъ боговъ: Перуна и Волоса; по извѣстіямъ Арабскимъ — въ ихъ обрядахъ.

Постави кумиры (Володимеръ) на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хорса, Дажбога и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь, жреху имъ, наричюще я богы, привожаху сыны своя и дщери, и жряху бѣсомъ, осквернияху землю теребами своими, и осквернися кровьми земля Руска и холмъ отъ.

Славянское ученіе должно быть возстановлено изъ языка, извѣстныхъ и уцѣлѣвшихъ обычаевъ и обрядовъ, повѣрьевъ и пѣсенъ.

Стрибогъ и Дажбогъ, въ числѣ кумировъ, поставленныхъ Володимеромъ, принадлежали безъ сомнѣнія Славянамъ.

Волхвамъ приписывалось знакомство съ тайными силами природы и ихъ употребленіемъ.

Норманнскія и Славянскія вѣрованія уступили святому ученію Христову, котораго первыя сѣмена принесены Аскольдомъ и Дпромъ, одновременно почти съ основаніемъ государства въ Новѣгородѣ; плоды его мы видимъ уже въ дружинѣ Игоревой, и наконецъ особенно въ жизни В. К. Ольги и Володимера. Греческіе духовные, а за ними и Болгарскіе, явились въ Кіевѣ, и завели живую связь съ Византіей, умственную и духовную.

Священное писаніе, переведенное тогдаже на близкое родственное Славянское нарѣчіе, если не тождественное, понятное всему народу, разнесло повсемѣстно новыя правила, взгляды, мысли.

Принятіемъ христіанской вѣры Володимеромъ произошелъ переворотъ въ избранныхъ душахъ, основались многіе монастыри мужскіе и женскіе, гдѣ новые люди устремились искать спасенія. Другіе пустились на Востокъ въ странствіе ко святымъ мѣстамъ.

Способность, съ коей принято было и выразумлено многими святое ученіе, указываетъ на готовность и значительную степень житейскаго развитія племенъ.

Въ дальнихъ областяхъ и глухихъ мѣстахъ, впрочемъ, долго держалось язычество, и нѣкоторые обряды его уцѣлѣли до нашего времени.

Вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою начинается у насъ письменность и *грамотность*: кромѣ священнаго писанія

Русскіе христіане получили книги нужныя для богослуженія, кормчія правила, сочиненія нѣкоторыхъ отцевъ церкви, хронографы, которые послужили образцами туземнымъ грамотѣямъ: изъ числа ихъ, въ концѣ этого періода, мы имѣемъ Кіевскаго митрополита Иларіона, Новогородскаго епископа Луку Жидяту, Печерскаго игумена Ѳеодосія, Кіевскаго лѣтописателя.

Народная поэзія Норманская жила въ *сагахъ*, въ коихъ воспѣвались удалые подвиги князей, удивительный походъ Олеговъ по суху, аки по морю, подъ Константинополь, погибель Игоря, месть Ольги надъ убійцами ея мужа, путешествіе въ Грецію чудеса храбрости Святослава, сватовство Володимера дядей Добрынею, и совокупные ихъ походы. Пѣсни о богатыряхъ Володимеровыхъ поются до сихъ поръ въ Великой Россіи.

Начатиже ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть бо первыхъ временъ усобицѣ. Тогда пущашеть десять соколовъ на стадо лебедей: которой дотечаше, та преди пѣснь пояше: старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ полкы Касожьскими... Боянъ же братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше, но своя вѣщія персты на живыя струны воскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Съ христіанствомъ характеръ поэзіи перемѣнился, и цвѣтомъ ея покрылось сказаніе о принятіи вѣры, житіе Володимера, житіе Бориса и Глѣба, сказаніе объ основаніи церквей.

Народная поэзія Словенская жила въ пѣсняхъ обрядныхъ, праздничныхъ, плясовыхъ, семейныхъ, въ коихъ воспѣвается преимущественно свободная, беззаботная жизнь дѣвичья, горькая доля замужства отъ притѣсненій

свекра и свекрови, измѣна полюбовника, несчастная судьба вдовья. Русская пѣсня ожидаетъ разработки, коею дополнится Исторія.

Законы явствуютъ изъ договоровъ Русскихъ князей съ Греками. Первое, оглашенное, собраніе, принадлежащее Ярославу, извѣстно подъ именемъ Русской Правды. Ими опредѣляется кровная месть за убійство, денежная пеня или вора за раны и поврежденія, а также и за покражу, указываются средства для возвращенія собственности. Двѣнадцать избранныхъ судей, впослѣдствіи цѣловальниковъ, указываютъ на нѣчто въ родѣ суда присяжныхъ.

Въ темныхъ и сомнительныхъ случаяхъ производилось *испытаніе желѣзомъ*, и рѣшалось дѣло судебными поединками, кои назывались, покрайней мѣрѣ вскорѣ, *полемъ*.

О частной, домашней жизни господствующаго племени извѣстно слѣдующее;

Норманны любили пировать.

Руси есть веселіе пити, сказалъ Володимеръ.

Се же пакы творяше людемъ своимъ по вся недѣля, устави на дворѣ въ гридницѣ пиръ творити, и приходити бояромъ, и гридемъ, и съцьскымъ, и десяцьскымъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя: бываше множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: „зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревяными льжицами, а не сребряными.“ Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ.

На пирахъ пилось за здравіе, какъ видно изъ ближайшаго къ этому времени извѣстія о пирѣ подъ г. 1065.

Преподобный Несторъ сообщаетъ свѣденіе о пирахъ одного изъ сыновъ Ярославовыхъ, Святослава.

И единъ отъ дни шедшу, къ тому, благому богоносному отцю нашему Феодосью, яко вниде въ храмъ, идѣ же бѣ Князь сѣде, и се видѣ многія играюща пред нимъ: овы гусленыя гласы испускающи, другія же органныя гласы поющи, инѣмъ замарныя писки гласящимъ; и тако всѣмъ играющимъ и веселящимся, якоже обычай есть предъ Княземъ....

На этихъ-то пирахъ и раздавались пѣсни Бояновъ.

Въ походахъ образъ жизни былъ другой:

Ходя (Святославъ) возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше. но подъ кладъ постлавъ и сѣдло въ головахъ; такоже и прочіи вои его вся бяху.

Охота и рыбная ловля были любимыми занятіями Русскихъ князей:

Ловища ея (Ольги) суть по всей землѣ.

Свѣнельдичь былъ убитъ, поссорясь съ Олегомъ, на охотѣ въ Древлянахъ.

Мстиславъ Тмутораканскій изыде на ловы разболѣся и умре.

Ярослава застало за удою извѣстіе о нападеніи Святополковомъ.

Изъ Славянскихъ туземныхъ обычаевъ древнѣйшее извѣстіе о баняхъ:

Дивно видѣти Словѣньскую землю, идучи ми сѣмо, говоритъ по преданію св. Апостолъ Андрей, видѣхъ бани древены, и пережьгуть е рамяно, совлокуться и будуть нази, и облѣются квасомъ усніянымъ, и возмутъ на ся прутье младое, бьються сами и того ся добьють, егда влѣзуть, ли живи, и обльются водою студеною, тако оживуть; и то творять по вся дни не мучими никимъже, но сами ся мучять, и то творять не мовенье собѣ, а мученье.

Несторъ такъ описываетъ обычаи Славянскіе:

Имяху бо обычаи свои, и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ, и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачныи обычаи имяху: не хожаху зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней, что вдадуче. А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живущи скотьски: убиваху

другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху; живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и посемъ творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу мертвеца, сожьжаху, а посемъ собравше кости, вложаху въ судину малу, и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи, прочіи поганіи. не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ.

Сватовство Норманиское видно изъ описанія брака Володимерова.

И сѣде (Володимеръ) въ Новѣгородѣ, и посла ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: „хочу пояти дъчерь твою собѣ жену.“ Онъ же рече дъчери своей: „хочеши ли за Володимера?“ Она же рече: „не хочю розути робичича, но Ярополка хочю.“

И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину. Въ сеже время хотяху Рогънѣдь *вести* за Ярополка.

Многоженство допускалось:

Бѣже Володимеръ побѣженъ похотью женьскою, и быша ему водимыя: Рогънѣдь, юже посади на Лыбеди, идѣже нынѣ стоить сельце Предславино, отъ нея же роди 4 сыны, а 2 дчери, отъ Грекинѣ... отъ Чехинѣ.... а отъ другоѣ, а отъ Болгарыни... а наложьниць бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 въ Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовѣ въ сельци.

Мужъ давалъ за жену выкупъ, вѣно.

Вдасть (Володимеръ) за вѣно (Грекомъ) Корсунь.

Дасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людій 800.

Красота уважалась:

Вдаю ю (Грекиню) за Ярополка (Святославъ) красоты ради лица ея.

Дѣти отдавались на воспитаніе:

У Святослава былъ кормилецъ Асмудъ, у Ярослава Будый.

Молодые князья очень рано разсылались на княженіе, какъ сыны Володимеровы, и съ самыхъ молодыхъ лѣтъ принимали участіе въ войнахъ: Святославъ началъ сраженіе, не имѣя еще силы пустить далеко копье.

Надъ покойниками насыпались курганы.

Ольга, пришедши къ гробу Игореву, велѣла насыпать могилу великую.

Совершались тризны:

Се иду къ вамъ, говоритъ Ольга Древлянамъ... да пристроите меды многи в градѣ, идѣже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему... Яко соспоша (могилу), и повелѣ трызну творити.

И бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имуще презвутеръ; сей похорони блаженную Ольгу.

Князь жилъ въ теремѣ каменномъ, при которомъ былъ обширный дворъ. У князей были загородные дворы: у Володимера въ Кіевѣ сельце Берестовое, у Ярослава въ Новѣгородѣ Ракома.

Туземныя слова для означенія жилищъ: хоромы, клѣти, истобки или истбы. Сѣнями называлась, кажется, верхняя часть дома. Одрины — горница, гдѣ стоялъ одръ, постель; столъ — сѣдалище, стулъ; стрѣхи—навѣсы на дворѣ.

Въ полѣ употреблялись шатры или вежи.

Одежда называлась портами. Корзно — родъ спанчи. Луда—плащъ шерстяной. Платки, убрусы, сапоги, лапти, ковры, поясы. Для ѣзды: воза, кола, сани, сѣдла, узды.

Въ *пищу* употреблялось мясо отъ скота и звѣрины, также и конское, рыба, овощи, медъ, сыта, кисель, хлѣбъ. Мясо варилось и пеклось. Были повара. Кадь, лукно, ведро, латки, лжицы, ножи — вотъ слова, встрѣчающіяся въ памятникахъ о мѣрѣ и вѣсѣ. *Питье*—медъ, вино, квасъ, олуй.

Характеръ народный виденъ въ дѣйствіяхъ.

Война была любимое занятіе Норманновъ. *Оружіе* ихъ: мечи, щиты, копья, сабли, стрѣлы, ножи, брони. Сраженія обращались въ рукопашныя схватки. Войско, раздѣленное на крылья, выстраивалось. Станы или товары, укрѣплялись окопами, города осаждались, брались копьемъ. Употреблялись засады. Предъ воями носились стяги или знамена.

На войнѣ искали Русскіе славы и корысти. Гордость, жестокость, мстительность, къ коей обязывались они и по закону, хитрость, сладострастіе — ихъ пороки. Добродѣтели открыло христіанство, а въ язычествѣ отличались они только доблестями, каковы храбрость, смѣлость, неустрашимость, терпѣніе. Женщины не уступали мущинамъ: примѣры Ольги, Рогнѣды, Ингигерды достаточно свидѣтельствуютъ это.

Касательно *тѣлосложенія* отличались ростомъ и стройностію. Вотъ изображеніе Святослава у Льва Діакона:

„Росту средняго, ни слишкомъ высокъ, ни слишкомъ малъ, съ густыми бровями, голубыми глазами, съ плоскимъ носомъ, съ бритою бородою и съ густыми длинными висящими на верхней губѣ волосами. Голова у него была совсѣмъ голая, но только на одной ея сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ, означающій знатность рода; шея толстая, плеча широкія, и весь станъ довольно стройный.

Памятники Норманнскаго періода письменные:

Договоръ Олеговъ 911 года.

Договоръ Игоревъ 944 года.

Договоръ Святославовъ 971 года — въ лѣтописи.

Эти договоры, сочиненные сначала, по всѣмъ вѣроятностямъ, на Греческомъ языкѣ, переведены были Болгарскими грамотѣями, которые жили въ Константино-

полѣ, или Кіевѣ, подобно двумъ переводчикамъ В. К. Ольги, пріѣзжавшимъ въ Константинополь съ ея свитой, по свидѣтельству П. Константина.

Церковный уставъ Владимировъ.

Церковный уставъ Ярославовъ.

Самы же примѣчательный для насъ по всѣмъ отношеніямъ памятникъ есть:

Русская Правда В. К. Ярослава, въ коей сохранилось преимущественно туземное нарѣчіе.

Тоже должно сказать и объ уставѣ о мостовыхъ В. К. Ярослава.

Льготныя грамоты Ярославовы пропали.

Памятники Норманнскаго періода вещественные:

Могилы Аскольдова и Олегова.

Основаніе десятинной церкви, сооруженной Володимеромъ Святымъ.

Нѣсколько буквъ изъ надписей.

Храмъ Св. Софіи въ Кіевѣ, основанный Ярославомъ, съ современной мозаикой и живописью 1031 года.

Храмъ Св. Софіи въ Новѣгородѣ, основанный сыномъ его Володимеромъ въ Новѣгородѣ въ 1045 году.

Основаніе церкви Св. Ирины.

Развалины Золотыхъ воротъ Ярославовыхъ 1031 года.

Пещеры Варяжскія.

Пещеры Антоніевы и Ѳеодосіевы.

Изображенія Св. Ольги, Володимера, Бориса и Глѣба на образахъ и житіяхъ въ лицахъ.

Гробница Ярославова.

Монеты Володимерова и Ярославова.

Основаніе Русской Исторіи заключается въ древнѣйшей лѣтописи, монаха Кіевопечерскаго Нестора, жившаго во второй половинѣ XI вѣка.

III.

ПАРАЛЛЕЛЬ РУССКОЙ ИСТОРІИ

СЪ

ИСТОРІЕЙ ЗАПАДНЫХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ,

ОТНОСИТЕЛЬНО НАЧАЛА.

III.

ПАРАЛЛЕЛЬ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ ИСТОРІЕЙ ЗАПАДНЫХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ, ОТНОСИТЕЛЬНО НАЧАЛА.

Западныя Европейскія Государства обязаны происхожденіемъ своимъ *завоеванію*, которое опредѣлило и всю послѣдующую ихъ Исторію, даже до настоящаго времени.

«Основаніе новыхъ большихъ государствъ,» говоритъ Тьери, одинъ изъ представителей Западной Исторіи въ наше время, «было преимущественно дѣйствіемъ силы; новыя общества устроились изъ обломковъ обществъ древнихъ, разрушенныхъ насильственно; и въ этомъ процессѣ возсозданія многочисленныя племена лишились, не безъ страданій, своей свободы, и даже имени, замѣненнаго именемъ чуждымъ» (*).

«Сословія высшія и низшія, кои нынѣ наблюдаютъ себя съ недовѣрчивостію, или борются за образъ мыслей и правленія, суть ничто иное, во многихъ странахъ, какъ племена завоеванныя и порабощенныя временъ прежнихъ. Такимъ образомъ мечь завоеванія возобновилъ лице Европы, и, размѣстивъ ея жителей, оставилъ свою древнюю

(*) Thiery, Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, Paris, 1830. XV.

печать на каждомъ народѣ, составившемся изъ смѣси многоразличныхъ племенъ. Племя воинственныхъ пришельцевъ сдѣлалось классомъ привилегированнымъ, переставъ быть особливымъ племенемъ. Изъ него произошло воинское дворянство, которое, принимая въ нѣдра свои все, что было честолюбиваго, буйнаго, бродяжнаго, въ низшихъ сословіяхъ, для того чтобъ не перевестись, возобладало надъ населеніемъ трудолюбивымъ и мирнымъ, впродолженіи военнаго правительства, происшедшаго отъ завоеванія. Племя побѣжденное, лишенное поземельной собственности, власти и свободы, живя не оружіемъ, но работою, обитая не въ крѣпкихъ замкахъ, а въ городахъ, образовало общество, какъ бы отдѣльное отъ военнаго союза завоевателей. Этотъ классъ поднялся по мѣрѣ того, какъ ослабѣвала феодальная организація дворянства, произшедшаго отъ древнихъ завоевателей, естественно или политически, — можетъ быть потому, что сохранилъ въ стѣнахъ своихъ остатки Римской гражданственности, и съ этой слабою помощію началъ новую цивилизацію» (*).

Вотъ что видятъ Французы и Англичане въ Исторіи своихъ земель, — и это очень вѣрно.

Предлагаю вкратцѣ Исторію Западныхъ государствъ.

Къ одному племени приходитъ другое (къ Галламъ Франки, къ Бриттамъ Норманны, къ Испанцамъ Вестготы, къ Италіанцамъ Лонгобарды и проч.). Пришельцы побѣждаютъ туземцевъ, и поселяются между ними. Предводитель дѣлитъ землю между своими сподвижниками, которые, (феодалы), въ крѣпкихъ замкахъ, становятся господами, угнетаютъ народъ, отдѣляютъ его отъ Государя, — и живутъ на счетъ племени побѣжденнаго. Воз-

(*) Тамъ же. с. IX.

никаетъ непримиримая ненависть между сими племенами, которая усиливается тѣмъ болѣе, чѣмъ долѣе должна бываетъ таиться. Только въ городахъ укрываются немногіе жители, кои въ теченіи вѣковъ, послѣ многихъ тщетныхъ усилій и жертвъ, мало по малу, съ величайшимъ трудомъ освобождаются отъ ихъ вліянія, и успѣваютъ пріобрѣсти себѣ независимость, при помощи Королей, которымъ феодалы были также тяжелы. Въ городахъ образуется среднее сословіе, а при дворѣ аристократія, происходящая отъ феодаловъ, которые переходятъ туда изъ замковъ, присвоиваютъ себѣ всѣ привилегіи, и начинаютъ угнетать народъ подъ другою формою. Среднее сословіе послѣ оборонительной войны предпринимаетъ наступательную, стремясь уравниваться мало по малу съ привилегированной аристократіей. Она не уступаетъ, и борьба сихъ двухъ сословій оканчивается революціей, которой исторію Наполеонъ выразилъ въ четырехъ словахъ: Галлы свергли иго Франковъ (*).

Въ наше время низшіе классы, вслѣдъ за среднимъ, являются на сцену, и точно какъ въ революціи среднее сословіе боролось съ высшимъ, такъ теперь низшее готовится на Западѣ къ борьбѣ съ среднимъ и высшимъ вмѣстѣ. Предтечей этой борьбы уже мы видимъ: сенсимонисты, соціалисты, коммунисты, соотвѣтствуютъ энциклопедистамъ, представившимъ прологъ къ Французской революціи. Горе, если среднія сословія не образумятся тамъ заблаговременно, и не сдѣлаютъ уступокъ. Имъ дается теперь на рѣшеніе задача такого же рода, какъ Нотаблямъ въ 1789 году: тѣ не поняли своего положенія, и навлекли на свое отечество тучу бѣдствій. Не понимаютъ, кажется, и наши знаменитые современники,

(*) См. Ласъ Казаса.

судя напримѣръ по просьбамъ Манчестерскихъ фабрикантовъ и рѣчамъ Грагама и Пиля, которые съ такимъ ожесточеніемъ не хотятъ уступить одного часа изъ двѣнадцати, въ облегченіе несчастныхъ работниковъ, и вѣшаютъ равнодушно на аптекарскихъ вѣсахъ капли ихъ пота и крови, въ гордой надеждѣ распутать Гордіевъ узелъ, который лишь только затягивается крѣпче на Западѣ.

Всѣ эти происшествія, прошедшія, настоящія и будущія, имѣютъ тѣсную связь между собою, составляютъ одну цѣпь, и ведутъ свой родъ совершенно генеалогически отъ завоеванія, т. е. отъ начала Западныхъ Государствъ.

Завоеваніе, раздѣленіе, феодализмъ, города съ среднимъ сословіемъ, ненависть, борьба, освобожденіе городовъ, — это первая трагедія Европейской трилогіи.

Единодержавіе, аристократія, борьба средняго сословія, революція, — это вторая.

Уложенія, борьба низшихъ классовъ... будущее въ руцѣ Божіей.

Исторіи Западныхъ Государствъ, повторю, представляютъ однѣ и тѣ же явленія только съ немногими отличіями, смотря по количеству, качеству, соразмѣрности и прочимъ отношеніямъ ингредіентовъ начала (*).

(*) Древняя политическая Исторія Европы, т. е. Греческая и Римская, представляютъ совершенное подобіе съ новыми въ этомъ отношеніи. Вся Исторія Рима отъ Ромула до Цезаря есть ни что иное, какъ борьба Патриціевъ съ Плебеями, которые уравнялись, увы, уже подъ военнымъ диктаторствомъ Цезаря. У Грековъ тѣ же отношенія выразились въ соперничествѣ Аѳинъ и Спарты, въ войнѣ Пелопонесской, пока Филиппъ и Александръ не положили имъ также конца; Цезарь и Александръ совершенно соотвѣтствуютъ Наполеону, а Исторія Французской революціи есть кровавая миніатюра всѣхъ Западныхъ Исторій. (См. мои Историческіе афоризмы. 1835.)

Обратимся теперь къ Русской Исторіи, и посмотримъ, представляетъ ли она эти главныя, характеристическія явленія Западныхъ Исторій.

Съ перваго взгляда мы примѣчаемъ, что у насъ, въ началѣ ея, нѣтъ рѣшительно ни одного, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ: нѣтъ ни раздѣленія, ни феодализма, ни убѣжищныхъ городовъ, ни средняго сословія, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы. . .

Отъ чего такое различіе?

Западныя явленія, какъ мы видѣли, тѣсно связаны съ своимъ началомъ, изъ котораго онѣ непосредственно проистекаютъ: такъ точно и наши явленія, наша Исторія, должны быть связаны съ нашимъ началомъ. Если слѣдствія различны, то и начала различны.

Дѣйствительно, мы имѣемъ положительное сказаніе Лѣтописи, что наше Государство началось не вслѣдствіе завоеванія, а вслѣдствіе призванія. Вотъ источникъ различій! Какъ на Западѣ все произошло отъ завоеванія, такъ у насъ происходитъ отъ призванія, безпрекословнаго занятія, и полюбовной сдѣлки.

Призваніе и завоеваніе были въ то грубое, дикое время, положимъ, очень близки, сходны между собою, раздѣлялись очень тонкою чертою, — но раздѣлялись!

Взгляните на два зерна: онѣ почти одинаковы; развѣ вооруженнымъ глазомъ можно подмѣтить ихъ тонкое различіе, — но дайте срокъ, дайте время этимъ сѣменамъ развиться, вырости, и вы увидите, что изъ одного возникнетъ дубъ, а изъ другаго пальма, или какое нибудь нѣжное, благоухающее растеніе, и тонкое различіе зеренъ обнаружится разительно въ цвѣтахъ и плодахъ.

Вотъ два шара, употреблю другое сравненіе, совершенно равные. Положите ихъ на одно мѣсто рядомъ, ударьте ихъ съ одинакою силою, — но случись одной линіи, какому нибудь легкому непримѣтному склоненію, раздѣлить толчекъ, — шары понеслись въ разныя стороны, и чрезъ нѣсколько времени вы видите ихъ въ безпредѣльномъ между собою разстояніи. Ничтожная разница въ первомъ толчкѣ, измѣняя направленіе, рѣшаетъ ихъ судьбу, и переноситъ на противоположныя точки.

Такъ и въ Исторіи Государствъ: малѣйшее различіе въ началѣ производитъ огромное различіе въ послѣдствіяхъ.

Разсмотримъ теперь политическія явленія, сопровождавшія наше начало, сравнительно съ Западными, коихъ генеологія выше объяснена.

Составныя части, элементы Государства, въ первый періодъ его происхожденія, суть: государь, народъ, раздѣляющійся на сословія (*) — высшее (дворянство), среднее (собственно такъ называемое, промышленное, городовое), низшее (сельское), и земля.

Будемъ говорить о каждомъ элементѣ порознь.

ГОСУДАРЬ,

САМЪ ПО СЕБѢ.

Первый нашъ Князь — Рюрикъ призванъ былъ добровольно въ Новгородъ, Олегъ принятъ въ Кіевъ безъ сопротивленія. Тотъ и другой не имѣлъ, слѣдовательно, и даже не могъ имѣть враждебныхъ чувствъ побѣдителя,

(*) По принятой номенклатурѣ, коей одобрить нельзя.

завоевателя, какія питали Западные Государи; тотъ и другой не могъ смотрѣть на свое владѣніе, какъ на добычу, взятую съ бою, приступомъ; не имѣлъ никакихъ внутреннихъ враговъ, ни внѣшнихъ соперниковъ, въ своемъ, хотя и ничтожномъ, въ сравненіи съ Западными королевствами, владѣніи. Нашъ Государь былъ званымъ мирнымъ гостемъ, желаннымъ *защитникомъ*, а Западный Государь былъ ненавистнымъ пришельцемъ, главнымъ *врагомъ*, отъ котораго народъ напрасно искалъ защиты.

И отношенія его были совершенно другія, чѣмъ на Западѣ, — къ Боярамъ, городамъ, народу.

КЪ БОЯРАМЪ.

На Западѣ Король былъ *обязанъ* своимъ сподвижникамъ, (Герцоги, Дюки), помогавшимъ ему покорить землю, а нашъ Князь не имѣлъ *никакихъ обязанностей* къ Боярамъ, большею частію его родственникамъ, которые сопровождали его безъ всякой со стороны его нужды; не имѣли случая оказать ему никакихъ важныхъ необходимыхъ услугъ — и въ случаѣ неудовольствія могли только оставить его.

КЪ НАРОДУ.

Съ народомъ у насъ Князь имѣлъ дѣло *лицемъ къ лицу*, какъ его защитникъ и судья, въ случаяхъ впрочемъ очень рѣдкихъ, за что и получалъ опредѣленную дань, — вотъ въ чемъ состояло его отношеніе, — а Западный Государь *отдѣленъ* былъ совершенно своими вассалами.

Переходимъ къ Боярамъ.

БОЯРЕ,

САМИ ПО СЕБѢ.

Бояръ и мужей, соотвѣтствующихъ западнымъ воеводамъ, у насъ было гораздо *меньше*, чѣмъ на Западѣ (въ Галліи, Британіи, Испаніи, Италіи), куда пришли огромныя войска-племена со множествомъ предводителей. Потому-то они не составили у насъ особаго класса, многочисленнаго сословія, сильнаго элемента, а были только переднимъ рядомъ Княжеской свиты, гвардіи, дружины.

ОТНОШЕНІЯ БОЯРЪ КЪ КНЯЗЮ.

Воеводы Западные почитали себя *почти равными* Королю, который безъ нихъ ничего не значилъ, не могъ владѣть государствомъ, не могъ дѣйствовать, всего менѣе повелѣвать ими, а наши находились въ *полномъ* распоряженіи Князя, — ближайшіе исполнители его приказаній, — его родственники, слуги, наемники, безъ которыхъ онъ могъ обойтись всегда. Они зависѣли отъ Князя, а на Западѣ Князь зависѣлъ отъ нихъ. Тѣ дѣлали, что хотѣли, а наши, что приказывалъ имъ Князь.

КЪ ЗЕМЛѢ.

Феодалы западные отняли у туземцевъ, *раздѣлили* между собою, какъ добычу, землю, которую покорили подъ предводительствомъ Короля, а наши не прикоснулись къ землѣ, а получали иногда отъ Князя, временно, въ родѣ жалованья, или по договору за свою службу, часть *дани*, доходовъ, съ того или другаго города,— какъ его намѣстники, прикащики или откупщики, которыхъ онъ могъ всегда смѣнить, безъ малѣйшаго для себя вреда и неудобства.

Феодалы *разсѣялись* по всему пространству покоренной земли, а наши не имѣли *постояннаго* пребыванія, и жили тамъ, гдѣ назначалъ имъ Князь, — преимущественно при немъ, участвуя въ его походахъ военныхъ и мирныхъ.

КЪ НАРОДУ.

Феодалы Западные, отнявъ землю и заставивъ *работать* на себя ея обитателей, съ самаго начала поставили себя въ враждебное отношеніе къ нимъ, а наши Бояре, не имѣя никакого дѣла до народа, кромѣ сбора дани и суда, жили большею частію въ добромъ согласіи съ ними.

КЪ ГОСУДАРСТВУ.

Феодалы Западные основали многія владѣнія, малыя Государства, изъ коихъ отвлеченно состояло одно большое, а у насъ было *одно* малое Государство. Западное Государство можно выразить такою дробью $\frac{1}{10}$, а наше десятичною.

НАРОДЪ И ЗЕМЛЯ.

Земля на Западѣ досталась сполна *пришельцамъ*, а у насъ осталась какъ прежде въ общемъ *владѣніи народа*, подъ верховною, (отвлеченною), властію Князя, который о ней не думалъ, потому что не имѣлъ никакой нужды. *Народъ* на Западѣ, побѣжденный и покоренный, былъ обращенъ въ *рабство*, а у насъ остался *свободнымъ*, какъ былъ, потому что не былъ покоренъ. Вся перемѣна состояла только въ дани, которую онъ началъ платить Князю или его прикащикамъ, дани естественными произведеніями, въ коихъ былъ у него излишекъ, и коихъ дѣвать было некуда — слѣдовательно не отяготительной.

Однимъ словомъ — нашъ народъ былъ посаженъ на легкій оброкъ, а западный осужденъ на тяжелую барщину. Оброкъ и барщина, сами по себѣ, составляютъ теперь еще важное различіе для поселянина, уже смиреннаго, ручнаго, а что сказать о тяжеломъ оброкѣ и легкой барщинѣ въ первое время гражданскихъ обществъ, близкое къ природѣ и естественной свободѣ?

ГОРОДА.

Города на Западѣ съ остатками Римской образованности и гражданственности, сдѣлались пребываніемъ людей особаго званія, занятыхъ промышленностію, а наши города были тѣже села съ одинакими жителями и занятіями, и названы городами потому только, что Князья избрали ихъ мѣстами пребыванія для себя или для своихъ мужей и воевъ, и огородили. По этой причинѣ они не могли сдѣлаться особливымъ элементомъ Государства. Промышленность городская, ограниченная удовлетвореніемъ первыхъ потребностей этого рода, оставалась, какъ прежде, занятіемъ поселянъ.

СОСЛОВІЯ.

Побѣдители и побѣжденные, покорители и покоренные, дали происхожденіе двумъ классамъ на Западѣ, дворянству и рабамъ, — а у насъ не было ни побѣды, ни покоренія, и не началось ни какого различія въ правахъ между пришельцами и туземцами, гостями и хозяевами, не началось ни дворянства, ни рабства.

Не отъ кого было откупаться, не куда было скрываться, и не произошло убѣжищныхъ городовъ, не зародилось и третьяго, то есть средняго сословія.

Всѣ жители различались только по своимъ занятіямъ, равно доступнымъ для всякаго, а въ политическомъ, гражданскомъ отношеніи, были равны между собою и передъ Княземъ.

Надѣюсь, — читатели видятъ теперь ясно происхожденіе, послѣдовательность, связь начальныхъ государственныхъ явленій на нашемъ Востокѣ, — и противоположность ихъ отъ перваго момента съ Исторіей Запада.

Эта противоположность усилилась и утвердилась въ теченіи послѣдующихъ двухъ сотъ лѣтъ, кои служатъ у насъ продолженіемъ перваго момента, и составляютъ съ нимъ нераздѣльное цѣлое, заключаютъ одно происшествіе, начало Государства, чего опять не представляетъ Западъ:

Кловисъ, Вильгельмъ Завоеватель, Албонинъ и прочіе, покорили Галліо, Англіо, Ломбардіо, однимъ разомъ, съ твердымъ намѣреніемъ поселиться, и тотчасъ зачали, основали Государства, коихъ окружность ими уже была очерчена. Такое дѣйствіе требовало большихъ усилій, особеннаго напряженія, а сохраненіе пріобрѣтеннаго въ своемъ владѣніи — еще болѣе, чѣмъ и назначались, какъ мы видѣли, всѣ ихъ гражданскія отношенія, опредѣлилась вся Западная исторія. Тамъ Государства родились въ одночасье, а наше рождалось двѣсти лѣтъ.

Разсмотримъ теперь вліяніе этой долговременности на первоначальныя отношенія, нами выше объясненныя.

Первые Князья владѣли у насъ по одному городу, въ коемъ жили, или, лучше сказать, остановились постоемъ, ибо не имѣли мысли о постоянномъ пребываніи; они не боялись потерять ничего, тѣмъ болѣе, что ничѣмъ не

дорожили, слѣдовательно — какъ сначала имъ ненужны были помощники для водворенія, такъ естественно и теперь были не нужны для того, чтобъ сохранять владѣнія.

Пользуясь благопріятными обстоятельствами, они начинаютъ ходить въ походы съ своею дружиною по разнымъ сторонамъ и распространять предѣлы своей *дани*, все еще не думая о прочномъ владѣніи. Если у нихъ недоставало собственныхъ средствъ, они нанимали себѣ войско у бранныхъ единоплеменниковъ. Всего чаще цѣлію ихъ были богатые сосѣди, особенно Греція, вознаграждавшая сторицею ихъ труды.

Такимъ образомъ Князья постепенно богатѣли, распространяли свои владѣнія, усиливались и утверждали еще болѣе первоначальную самобытность—къ тому времени, когда духъ движенія успокоился, пути всѣ преградились, и привычка къ давнишнему мѣсту жительства взяла свою силу. Это было уже при Володимерѣ и Ярославѣ, которые покончили очертаніе окружности, положили по послѣднему камню основанія, чрезъ двѣсти лѣтъ почти послѣ перваго прибытія Варяговъ.

Вотъ какъ первоначальное отличіе Русскаго Князя отъ Западнаго Короля, утвердилось окончательно.

Точно такое же дѣйствіе долговременнымъ основаніемъ Государства произведено и на Бояръ сравнительно съ Западомъ: первыя поколѣнія ихъ не имѣли большаго значенія, а послѣднія, Володимеровы, Ярославовы, почти никакого. Спутники Рюриковы и Олеговы, какъ товарищи, могли еще, можетъ быть, предъявлять какое нибудь право, но роды ихъ пресѣклись едвали не впродолженіе несчастныхъ походовъ Святославовыхъ, и Володимеръ привелъ себѣ новыхъ мужей, нанятыхъ имъ на Сѣверѣ

для войны съ Ярополкомъ; кончивъ войну, однихъ по выбору онъ оставилъ у себя, для службы, а другихъ выпроводилъ въ Грецію. Ярославъ поступалъ одинаково.

Наши мужи по городамъ получали отъ Князя воиновъ, которые помогали имъ исправлять ихъ должность, между тѣмъ какъ Феодалы западные, получивъ землю, обязаны были ставить Королю воиновъ, которые и составляли единственное его войско. Такимъ образомъ наши Бояре по необходимости были подчинены Князю, и Боярство въ Западномъ смыслѣ рѣшительно отстранилось.

Самая дружина, вслѣдствіе безпрерывныхъ многолѣтнихъ войнъ, нѣсколько разъ переводилась и возобновлялась сполна, и слѣдовательно не могла пустить глубокихъ корней, усилиться на счетъ Князя, а находилась въ совершенной отъ него зависимости.

Племена Славянскія обкладывались одно за другимъ данью, на томъ же основаніи, какъ первыя, — оставаясь свободными, владѣя по прежнему землею, и не питая никакой ненависти къ пришельцамъ. Предѣлы Государства распространились, слѣдовательно, изподоволь, безъ усилій со стороны Князя, безъ непосредственнаго участія Бояръ, безъ отягощенія народа.

Число городовъ увеличивалось, только какъ жилищъ для княжескихъ намѣстниковъ и сборщиковъ дани.

Тьери, желая итогомъ изобразить состояніе Франціи, въ эпоху основанія Государства, приводитъ мѣста изъ законовъ Салическихъ:

«Если свободный человѣкъ убьетъ Франка или варвара или человѣка, живущаго подъ закономъ Салическимъ, то повиненъ заплатить пеню въ *двѣсти* су. Если Римлянинъ

владѣлецъ, то есть имѣющій поземельную собственность въ области, гдѣ живетъ, будетъ убитъ, то уличенный въ убійствѣ долженъ заплатить *сто* су. (*)

«Кто убьетъ Франка или варвара на службѣ Короля (truste), тотъ долженъ заплатить *шестьсотъ* су. Если Римлянинъ, гость Короля, былъ убитъ, то пеня въ *триста* су. (**)

«Если кто, собравши войско, нападетъ на человѣка свободнаго, (Франка или варвара), въ его домѣ и убьетъ, то будетъ осужденъ на *шестьсотъ* су. Но если простолюдинъ или Римлянинъ будетъ убитъ такою толпою, то будетъ выплаченъ только *половиною* этой пени. (***)

«Если Римлянинъ наложитъ узы на Франка, безъ законной причины, то повиненъ заплатить *тридцать* су. Но если Франкъ свяжетъ Римлянина безъ причины, то повиненъ заплатить *15* с. (****)

«Если Римлянинъ ограбитъ Франка, то повиненъ заплатить *72* су. Если Франкъ ограбитъ Римлянина, то повиненъ заплатить *30* су» и проч. (*****)

Вотъ, говоритъ Тьери, какимъ образомъ законъ Салическій отвѣчаетъ на вопросъ, столь часто подвергаемый разсужденіямъ, о первоначальномъ различіи гражданскомъ между Франками и Галлами.

Развернемъ Русскую Правду, писанную во время Ярославово, въ эпоху окончательнаго основанія Государства,—

(*) Lex Salica. tit. XLIV. § 1 и 15; apud Script. rerum francic. t. IV, p. 147. На нынѣшнія деньги, эти пени простирались, первая до 3000 фр., а вторая до 1500 фр.

(**) Lex Salica. tit XLIV. § 4 и 6 (9000 фр. и 4500).

(***) Ibid. tit. XLV, § 1 и 3 (9000 фр. и 4500).

(****) Ibid. tit. XXXV § 3 4. (450 и 225 фр).

(*****) Lex salica ex MS. codice regio a Joanne Schiltero, tit. XV; apud Script rerum francic. T. IV p, 188, (930 и 450 фр.) Lettres sur l' Histoire de France. Brux. c. 443.

представитъ ли она такую противоположность съ закономъ Салическимъ, какую противоположность мы видѣли въ основаніи Русскаго Государства съ основаніемъ западныхъ Государствъ. Гдѣ искать лучше повѣрки?

«Ажь убьеть мужь мужа, то мстити брату брата, любо отцю, любо сыну, браточаду, любо братню сынови; ожели не будетъ кто его мьстя, то положити за голову.... ачели будетъ *Русинъ*, любо гридь, любо купецъ, любо тивунъ бояренъ, любо мечникъ, любо изгои, любо *Словенинъ*, то 40 гривенъ положити зань». (*)

За Русина и Словенина совершено одна пеня! Они слѣдовательно имѣли одинакія права.

Какъ разительно этотъ законъ Русской Правды, замѣчанный Карамзинымъ, противоположенъ съ Салическимъ, и какъ ясно подтверждается имъ различіе въ началѣ государствъ Западныхъ съ Русскимъ! Въ основаніе государства у насъ была положена пріязнь, а на западѣ ненависть. (**)

Къ историческимъ, бытейскимъ (фактическимъ), отличіямъ присоединились, что очень удивительно для мыслящаго наблюдателя, совершенно соотвѣтственныя отличія физическія и нравственныя.

Физическія: пространство, народочисліе, населенность, почва, климатъ, положеніе, система рѣкъ.

(*) Русскія достопамятности I. стр. 28.

(**) Въ этомъ признаются многіе изъ западныхъ писателей: сенсимонисты даже выходятъ изъ того начала, что вся общественная жизнь у нихъ составлена на началѣ оппозиціи, то есть вражды, слѣдовательно должна быть преобразована!

Нравственныя: народный характеръ, религія, образованіе.

Разсмотримъ, какъ эти отличія содѣйствовали къ произведенію одинакихъ явленій и слѣдствій съ историческими, вышеисчисленными.

I. *Пространство.* Такая обширная страна, какъ Россія Ярославова, (между Балтійскимъ моремъ, Польшею, Карпатскими горами, Новороссійскими степями, Волгою и дальнымъ Сѣверомъ), страна въ нѣсколько разъ болѣе Франціи, Англіи, Ломбардіи, Ирландіи, не могла быть вдругъ, подобно имъ, завоевана; пройти это пространство взадъ и впередъ, вдоль и поперегъ — не достанетъ жизни одного поколѣнія, а покорить, содержать въ повиновеніи, кольми паче. Такъ и было. Монголы послѣ прошли ее, правда, (и то въ немногихъ направленіяхъ), но Монголы ходили многочисленнымъ войскомъ, цѣлымъ почти народомъ, а Норманны могли набѣгать только артелями, съ которыхъ было довольно временной дани.

Итакъ пространство представило невозможность быстраго завоеванія, а другое слѣдствіе отъ этой причины было слѣдующее: земли пустопорожней было много, не такъ какъ на Западѣ, и никто не дорожилъ ею, ни Князь, ни Бояре, ни туземцы. Бери всякій, сколько хочешь, — на что же было отъимать, насиловать? За что враждовать? Обстоятельство весьма важное!

II. Народъ туземный (Славянскій) былъ очень *многочисленъ* и единъ по своемъ происхожденію, чего также не представитъ ни одна страна того времени, Галлія, Британія, Италія, заселенныя раньше, получившія много разнородныхъ обитателей. Это единство сообщало ему твердость, доставляло вліяніе, коему невольно подчини-

лись малочисленные пришельцы. Норманны разошлись въ Славянскомъ населеніи, подобно каплѣ вина въ водѣ, такъ что ихъ стало невидно, лишь только прекратились сѣверные выселки, и они остались одни, т. е., послѣ Ярослава. А на Западѣ наоборотъ: тамъ взяли преимущество пришельцы, и наложили свою печать на туземцевъ. Тамъ Галлы, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, стали Франками, а у насъ Варяги-Русь Славянами.

Надобно впрочемъ прибавить, что Славяне, воспріявъ въ нѣдра свои Норманновъ, удержали при себѣ доставленные ими дары, гражданство и Христіанство.

Замѣтимъ еще вотъ что: многочисленность внушаетъ всегда уваженіе къ себѣ. Князья, и особенно ихъ мужи, находясь часто съ немногими помощниками, вдали отъ своихъ жилищъ, среди многочисленныхъ обществъ, въ невыгодной для себя пропорціи, должны были естественно, изъ опасенія, воздерживаться отъ лишнихъ притѣсненій, еслибъ даже когда и представлялся имъ поводъ или случай, — что и содѣйствовало къ поддержанію добраго согласія и пріязни между пришельцами и туземцами.

III. *Заселеніе* не сплошное, но раздѣленное лѣсами, степями, болотами, рѣками, безъ большихъ дорогъ, при трудныхъ сообщеніяхъ, препятствовало въ 9-мъ столѣтіи всякому потоку завоеванія, и также воздерживало завоевателей. Нельзя было вдругъ идти далѣе, не осмотрѣвшись на мѣстѣ, а это требуетъ времени. Всѣ походы производились по рѣкамъ, а страны, лежавшія вдали отъ оныхъ въ глуши, по сторонамъ, въ заволочьяхъ, оставались долго въ покоѣ, пока Князья распространились по всѣмъ городамъ, откуда уже могли, на досугѣ, ходить направо и на лѣво.

IV. Земля *бѣдная*, обильная только главными естественными произведеніями, удовлетворяющими первымъ нуждамъ, голоду и жаждѣ, и то за трудъ, съ потомъ и кровью, земля, недоставлявшая никакой пищи роскоши, не привлекала завоевателей. Что взять было Князьямъ, Боярамъ, отъ бѣдныхъ жителей ея? Они спѣшили на промыслъ въ другія богатыя мѣста, подъ Царьградъ, къ берегамъ Чернаго и Каспійскаго морей. Уже только тогда, какъ пути были преграждены, ни домой на Сѣверъ, ни въ Грецію на Югъ, и дѣваться было некуда, они, между тѣмъ привыкнувъ къ землѣ и жителямъ, остались жить на неблагодарной почвѣ. Совсѣмъ не то на Западѣ, гдѣ пришельцы нашли себѣ рай земной, въ сравненіи съ ихъ отчизной, изъ коего некуда имъ было желать болѣе.

V. *Климатъ* суровый, холодный, заставлялъ обитателей жить дома, около очаговъ, среди семействъ и не заботиться о дѣлахъ общественныхъ, дѣлахъ площади, куда выходили они только въ крайней нуждѣ, предоставляя всѣ съ охотою Князю и его Боярамъ, чѣмъ отстранялось всякое столкновеніе и раздоры.

VI. *Положеніе* равное, безъ горъ, одинакое, содѣйствовало одинаковости отношеній, гражданскому равенству — вездѣ однѣ и тѣже выгоды и невыгоды. Некому и нечѣмъ было воспользоваться. Феодалу негдѣ было бы выстроить себѣ замка, онъ не нашелъ бы себѣ неприступной горы, — да и камня нѣтъ на строеніе, а только сгараемый лѣсъ.

VII. *Система рѣкъ*, текущихъ внутри земли, странное отдѣленіе отъ всѣхъ морей (Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго и Каспійскаго), вслѣдствіе принадлежности устьевъ иноплеменникамъ, мѣшали туземцамъ приходить въ соприкосновеніе съ другими народами, получать новыя понятія, узнавать чужія выгоды и невыгоды, и судить о своихъ.

Мы оставались одни, и шли своей дорогою, или, лучше, сидѣли дома, въ мирѣ и покоѣ, и подчинялись спокойно первому пришедшему.

Различія нравственныя:

VIII. *Характеръ* Славянскій. Нѣтъ нужды входить здѣсь въ доказательства, что однѣ свойства имѣетъ сѣверный человѣкъ, другія южный, западный, восточный; что кровь у одного обращается быстрѣе, чѣм у другаго; что каждый народъ имѣетъ свой характеръ, свои добродѣтели и свои пороки. Славяне были и есть народъ тихій, спокойный, терпѣливый. Всѣ древніе писатели утверждаютъ это о своихъ Славянахъ, то есть западныхъ. Наши имѣли и имѣютъ эти качества еще въ высшей степени. Потому они и приняли чуждыхъ господъ безъ всякаго сопротивленія, исполняли всякое требованіе ихъ съ готовностію, не раздражали ничѣмъ,—и всегда были довольны своею участію. Поляне платили дань Козарамъ, пришелъ Аскольдъ — стали платить ему, пришелъ Олегъ — точно также. Кому вы даете дань, спрашиваетъ Олегъ Сѣверянъ. Козарамъ. Не давайте Козарамъ, а давайте мнѣ,— и Сѣверяне начали давать ему.

Такая безусловная покорность, равнодушіе, противоположныя западной раздражительности, содѣйствовали къ сохраненію добраго согласія между двумя народами (*)

IX. *Религія*. Варяги язычники встрѣтились у насъ съ Словенами-язычниками, и оставляли одни другихъ въ покоѣ. А западные завоеватели встрѣтились съ Христіанами,

---

(*) Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ они стояли за себя: такъ Древляне убили Игоря, такъ Словене раздѣлались съ буйной дружиной Ярослава. Пришельцы понимали это, и не доводили до крайностей.

и начали дѣйствовать другъ противъ друга, — новый источникъ ненависти, котораго у насъ не было.

Впослѣдствіи Варяги приняли Христіанскую вѣру, и распространили ее между Славянами, принявшими ее также по своему характеру, безъ сопротивленія, а на Западѣ на оборотъ. У насъ пришельцы сообщили Религію туземцамъ, а тамъ туземцы пришельцамъ.

И вѣра принята у насъ Восточная, во многомъ противоположная Западной. Тѣ получили ее изъ Рима, а мы изъ Константинополя. Не мѣсто входить здѣсь въ показаніе отличій между обѣими церквами; мы укажемъ только на тѣ, кои соотвѣтствуютъ вышеописаннымъ политическимъ отличіямъ: западная болѣе стремится внѣ, восточная углубляется внутрь; у нихъ пропаганда, у насъ сохраненіе; у нихъ движеніе, у насъ спокойствіе; у нихъ инквизиція, у насъ терпимость. Дѣйствуя внѣ—западная церковь вошла по необходимости въ соприкосновеніе съ свѣтскою властію, и получила на время преимущество надъ ней, а наша, углубляясь внутрь, оставила свѣтскую власть дѣйствовать, какъ ей угодно.

X. *Образованіе.* У западныхъ племенъ, къ коимъ пришли завоеватели, было уже образованіе,—и гражданское, и умственное,—кромѣ религіознаго, о коемъ мы сейчасъ говорили. Каково же было имъ разстаться съ этими сокровищами въ жертву варварамъ! А у насъ гражданскаго образованія не было никакого, а только семейное, домашнее, до коего пришельцы некоснулись. Но вое гражданское образованіе привито у насъ къ дереву свѣжему, дикому, а тамъ къ старому и гнилому. Ихъ зданіе выстроено на развалинахъ, а наше на нови. Мы получили гражданское образованіе отъ пришельцевъ, а западные племена дали имъ.

Столько различій положено въ основаніе Русскаго Государства сравнительно съ Западными! Незнаешь, которыя сильнѣе: историческія, физическія или нравственныя! Каковы же онѣ вмѣстѣ, дѣйствуя одно на другое, укрѣпляя себя взаимно, приводя къ одному концу!

Эти различія развивались впослѣдствіи, и представляли изъ Русской Исторіи, при общемъ (родовомъ) ея подобіи, при единствѣ цѣли, совершенную противоположность съ Исторіею Западныхъ государствъ, что касается до ея путей, средствъ, обстоятельствъ, формы происшествій,— противоположность, которую представляетъ наша жизнь и теперь, не смотря на всѣ усилія, преобразованія, перевороты, время. . .

Вотъ что надо имѣть непремѣнно въ виду разсуждая о Русской Исторіи, въ какомъ бы то ни было ея періодѣ, произнося приговоръ ея событіямъ, разбирая ея достоинства и недостатки, хваля и порицая дѣйствующія лица, изъявляя желанія или опасенія для будущаго времени. Иначе мы будемъ впадать въ дѣтскія ошибки, то есть искать такихъ плодовъ, для которыхъ не было сѣмянъ, и оставлять безъ вниманія другія, можетъ быть, драгоцѣннѣйшія, потому что ихъ нѣтъ нидѣ.

Предложу для ясности простое сравненіе: хорошолибъ мы поступили, еслибъ бросили рожь—нашу кормилицу, и принялись вездѣ сѣять мансъ, обольщенные разсказами объ его сладости и вкусѣ? Мы должныбъ скоро умереть съ голоду, потому что не наготовились бы мансу на цѣлое народонаселеніе, хоть бы вздумали строить вездѣ оранжереи.

Происшествія не имѣютъ такой очевидности и осязательности, какъ естественныя произведенія, и много времени

проходитъ иногда, много употребляется труда, пока откроется удивленному взору внутреннее значеніе того или другаго; но смѣло можно сказать даже судя по одному, разобранному нами теперь, началу, что мы должны отказаться отъ своего прошедшаго существованія, т. е. своей Исторіи, (что впрочемъ и дѣлаютъ нѣкоторые), должны необходимо допустить нелѣпое заключеніе, что нынѣшняя Россія произошла изъ ничего, если будемъ прикладывать западной масштабъ къ Русской исторической жизни. Нѣтъ! Западу на Востокѣ быть нельзя, и солнце не можетъ закатываться тамъ, гдѣ оно восходитъ.

IV.

ПЕРЕВОДЪ ОТРЫВКОВЪ ИЗЪ ПИСАНІЙ ИЛАРІОНОВЫХЪ.

см. выше с. 122.

Единъ сый отъ Троицы—въ двухъ естествахъ: Божескомъ и человѣческомъ; совершенный человѣкъ по вочеловѣченію, а не въ привидѣніи, и совершенный Богъ по Божеству, а не простой человѣкъ. На землѣ Онъ явилъ (свойства и дѣла) Божескія и человѣческія: какъ человѣкъ, возрасталъ во утробѣ матерней, и какъ Богъ, исшелъ не рушивъ дѣвства; какъ человѣкъ, питался матернимъ млекомъ, и какъ Богъ, повелѣлъ Ангеламъ съ пастырями воспѣвать: *слава въ вышнихъ Богу;* какъ человѣкъ, повитъ былъ пеленами, и какъ Богъ, путеводствовалъ волхвовъ звѣздою; какъ человѣкъ, возлегъ въ ясляхъ, и какъ Богъ, принялъ отъ волхвовъ дары и поклоненіе; какъ человѣкъ, бѣжалъ во Египетъ, но какъ Богу поклонились Ему *рукотворенная египетская* (Ис. 19, 1.); какъ человѣкъ, пришелъ креститься, но какъ Бога, убоявшись Іорданъ возвратился вспять; какъ человѣкъ, обнажившись вошелъ въ воду, и какъ Богъ, принялъ свидѣтельство отъ Отца: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный...*

.... Спаситель пришелъ, но Израилемъ не былъ принятъ, какъ говоритъ Евангеліе: *во своя пріиде и свои Его не пріяша* (Іоан. I. 11) а язычниками принятъ, какъ предрекъ Іаковъ: *и той чаяніе языкъ* (Быт. 49, 10). Ибо, при самомъ рожденіи Его, волхвы изъ язычниковъ первые поклонились Ему: а Іудеи искали убить Его и за Него избили младенцевъ. Исполнилось слово Спасителя: *яко мнози отъ вос-*

токъ и западъ пріидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, и Исаакомъ, и Іаковомъ, во царствіи небесномъ. Сынове же царствія изгнани будутъ во тму кромешную. (Мат. 8, 11, 12). И опять: *яко отъимется отъ васъ царствіе Божіе, и дастся языку, творящему плоды его* (21, 43). Къ язычникамъ послалъ Онъ учениковъ своихъ, говоря: *шедше въ міръ весь, проповѣдайте Евангеліе всей твари. Иже вѣру иметъ, и крестится, спасенъ будетъ* (Марк. 16, 15. 16.). И: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мат. 28, 19. 20.). И прилично было благодати и истинѣ возсіять наде новыми людьми. Ибо, по слову Господню, *не вливаютъ вина новаго,* то есть ученія благодатнаго, *въ мѣхи ветхи,* обветшавшіе въ Іудействѣ: *аще ли же ни, то просадятся мѣси, и вино проліется* (9, 17) Когда не могли Іудеи сохранять закона образнаго, по многократно покланялись идоламъ: то какъ могли бы сохранить ученіе благодати истинной? Для новаго ученія нужны новые мѣхи, новые народы, и *обое соблюдется.*

Такъ и было. Вѣра благодатная распространилась по всей землѣ, дошла и до нашего народа Русскаго. Воды закона изсохли, а источникъ Евангелія наполнился воды, — покрылъ всю землю, разлился и до насъ....

... Добрымъ свидѣтелемъ твоего благовѣрія, о блаженный, служитъ святая церковь Пресвятой Богородицы Маріи, которую создалъ ты на основаніи правовѣрія, въ которой лежитъ нынѣ и мужественное тѣло твое, ожидая трубы Архангельской. Весьма добрымъ и вѣрнымъ свидѣтелемъ служитъ сынъ твой Георгій, котораго сотворилъ Господь преемникомъ по тебѣ на престолѣ: онъ не нарушаетъ твоихъ уставовъ, но утверждаетъ; не уменьшаетъ учрежденій твоего благовѣрія, но еще распространяетъ; не искажаетъ, но приводитъ въ порядокъ. Онъ недоконченное тобою окончилъ, какъ Соломонъ предпріятія Давидовы; создалъ домъ Божій великій и святый, въ честь Его Премудрости, на освященіе твоему граду, и украсилъ его всякими украшеніями: золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями, дорогими сосудами, такъ что церковь сія заслужила удивленіе и славу у всѣхъ окружныхъ наро-

довъ, и не найдется подобной ей во всей полунощной странѣ отъ востока до запада. Онъ и славный городъ твой Кіевъ обложилъ величіемъ, какъ вѣнцемъ, и предалъ народъ твой и городъ святой, всеславной, скорой помощницѣ Христіанъ, Богородицѣ, которой создалъ и церковь на великихъ вратахъ, въ честь перваго праздника Господня, Святаго Благовѣщенія, такъ что привѣтствіе Архангела Дѣвѣ можно приложить и къ сему городу. Дѣвѣ сказано было: *радуйся, благодатная, Господь съ тобою* (Лук, 1, 28)! А граду можно сказать: радуйся благовѣрный граде; Господь съ тобою!..

...Встань отъ гроба твоего, *честная главо!* Встань, отряси сонъ! Ты не умеръ, но спишь до общаго всѣмъ возстанія. Встань! ты не умеръ. Не свойственно умереть тебѣ, когда увѣровалъ ты во Христа, жизнь всего міра. Отряси сонъ, возведи очи и посмотри, какъ Господь, сподобивъ тебя почестей небесныхъ, не оставилъ тебя безъ памяти и на землѣ, въ сынѣ твоемъ. Встань, посмотри на сына своего Георгія, посмотри на кровнаго своего, посмотри на возлюбленнаго своего, посмотри на того, котораго извелъ Господь отъ чреслъ твоихъ, посмотри на украшающаго престолъ земли твоей,— и возрадуйся, возвеселись! Посмотри и на благовѣрную сноху твою Ирину; посмотри и на внуковъ и правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ, какъ Господь хранитъ ихъ; какъ содержатъ они благовѣріе, тобою преданное, какъ часто посѣщаютъ святые храмы, какъ славятъ Христа, какъ покланяются Его имени Посмотри и на городъ, сіяющій величіемъ, посмотри на процвѣтающія церкви, посмотри на возрастающее Христіанство; посмотри на городъ, освящаемый и блистающій иконами Святыхъ, благоухающій ѳиміамомъ и оглашаемый хвалами святыми и божественными пѣснопѣніями. И видѣвъ все сіе, возрадуйся, возвеселись, и восхвали благаго Бога, строющаго все сіе.

Но ты уже и видишь, хотя не тѣломъ, но духомъ. Господь дастъ тебѣ видѣть все сіе.—И такъ, радуйся и веселись, что сѣмена вѣры, тобою посѣянныя, не изсушены зноемъ невѣрія, но, орошенныя дождемъ Божія благопоспѣшенія, расплодились изобильно.... Радуйся учитель нашъ и наставникъ благовѣрія!

V.

ПЕРЕВОДЪ ПРАВДЫ РУССКОЙ,

ПО ЭВЕРСУ.

см. выше с. 118.

1. Если мужъ убьетъ мужа, то мстить за брата брату, за отца сыну, за сына отцу, или сыну братнину, или сыну сестрину. Если не будетъ мстителей, то съ убійцы взыскать 40 гривенъ; будетъ ли убитый Русинъ или гриденъ, или купецъ, или ябетникъ, или меченосецъ. Если то будетъ и Изгой или Словенинъ, также полагается 40 гривенъ.

2. Или если кто будетъ избитъ до крови или синихъ пятенъ, то такому человѣку не искать очевидцевъ. Если же на немъ не будетъ никакихъ знаковъ, то онъ обязанъ представить свидѣтелей: и буде не можетъ того сдѣлать, то и конецъ дѣлу. Если кто не въ состояніи мстить за себя, то взять ему 3 гривны, да лѣкарю плата.

3. Если кто кого ударитъ палкою, или жердью, или пястью, или чашею, или рогомъ, или тупой стороною меча, тотъ платитъ 10 гривенъ. Если бы его и не настигли, то все онъ платитъ 10 гривенъ битому, чѣмъ и кончится дѣло.

4. Если кто кого ударитъ мечемъ или его рукояткою, съ того взыскать 12 гривенъ за обиду.

5. Но если кто кого ударитъ по рукѣ, и рука отвалится или отсохнетъ, то платитъ 40 гривенъ. Если нога останется цѣла или жъ только начнетъ хромать, то дѣтямъ раненаго смирять дерзкаго.

6. Если кто отсѣчетъ у кого какой нибудь палецъ, тотъ платитъ за обиду 3 гривны.

7. За выдернутый усъ 12 гривенъ; за клокъ бороды тоже.

8. Если кто вынетъ мечъ, и однакожъ не ударитъ, тотъ платитъ гривну.

9. Если мужъ толкнетъ мужа отъ себя или къ себѣ, то платитъ 3 гривны; только обиженный долженъ представить двухъ свидѣтелей; если же это будетъ Варягъ или Колбягъ, то онъ дастъ только присягу.

10. Если рабъ укроется или у Варяга, или у Колбяга, и если они послѣ трехъ дней не выведутъ его,а господинъ между тѣмъ спознаетъ его въ третій день: то хозяину взять своего раба, да 3 гривны за обиду.

11. Кто безъ спросу поѣдетъ на чужой лошади, тотъ платитъ хозяину 3 гривны,

12. Если кто возметъ чужую лошадь, или оружіе, или одежду, и хозяинъ спознаетъ ихъ у кого нибудь въ своей округѣ, то онъ имѣетъ право взять свою собственность и взыскать за обиду 3 гривны.

13. Но если хозяинъ спознаетъ свою вещь, однакожъ не получитъ ея, то онъ не вправѣ сказать тому, въ чьихъ рукахъ та вещь остается: это мое, но долженъ сказать ему такъ: пойдемъ со мною на сводъ; отыщемъ, у кого ты взялъ это. Если тотъ не пойдетъ, то обязанъ представить двухъ порукъ на 5 дней.

14. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, если кто станетъ искать чего-нибудь на другомъ, а сей начнетъ запираться, то истецъ долженъ идти съ нимъ на изводъ передъ 12 гражданъ. И если по изслѣдованію окажется, что отвѣтчикъ поступилъ не право, не давая требуемой вещи, то истецъ въ правѣ взыскать съ него свой скотъ, да за обиду 3 гривны.

15. Если кто, спознавъ своего раба, захочетъ взять его; то отвѣтчикъ долженъ вести господина къ тому, у кого онъ купилъ спознаннаго раба, а сей обращается ко второму, второй къ третьему; здѣсь господинъ долженъ сказать третьему: ты мнѣ отдай твоего раба, а свой скотъ отыскивай при очевидцѣ.

16. Если холопъ ударитъ свободнаго человѣка и скроется въ домѣ, а господинъ не захочетъ выдать его, то платитъ господинъ за него 13 гривенъ. Послѣ, ударенный имъ человѣкъ, если встрѣтитъ его гдѣ-нибудь, имѣетъ право бить его.

17. Если кто испортитъ у кого копье, или щитъ, или одежду, и пожелаетъ испорченное оставить за собою, то хозяину взять за то съ него скота. Но если бы онъ испорченнаго не захотѣлъ удержать за собою, то платитъ ему скота столько, сколько бы онъ самъ заплатилъ за тѣ вещи.

VI.

ЦЕРКОВНЫЙ УСТАВЪ ВЛАДИМИРА СВЯТАГО.

см. выше с. 120.

(Списокъ краткой редакціи. См. у Пр. Макарія въ Исторіи Русской Церкви, и въ собраніи Лазаревскаго и Утина с. 393).

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ Князь Великій Василей, нарицаемый Володимиръ, сынъ Святославль, внукъ Игоревъ, блаженныя Ольги, усприялъ есмь крещеніе святое отъ Греческихъ царей Константина и Василья, и Фотѣя Патріарха, узяхъ перваго Митрополита Михаила на Кіевъ и на всю Русь, иже крести всю землю Рускую. И по томъ лѣтомъ минувшимъ създахъ церковь святую Богородицу, и дахъ десятину къ ней по всей земли Руской Княженія отъ всего суда 10-ый грошъ и на торгу 10-ую недилю. Изъ домовъ на всякое лѣто 10-ое всякаго стада і всякаго живота, чюдной Матери Божіи и чюдному Спасу. І потомъ воззрѣхъ въ Греческій Номоканунъ и обрѣтохъ въ немъ, яже не подобаетъ мнѣ тяжъ и судовъ судити князю, ни бояромъ, ни судьямъ его, и згадавъ азъ с своею княгиною Анною и с своими дѣтми, далъ есмь святой Богородицы и Митрополиту и всѣмъ Епископомъ, а ты не втупаютъ ни дѣти мои, ни унуци мои, ни родъ мой, въ люди церковныя і во всѣ суды, і по всѣмъ городомъ далъ есмь і по погостомъ и по свободамъ, гдѣ крестьяне суть, а кто уступитъ на мое даніе судъ мнѣ съ тѣмъ передъ Богомъ; далъ есмь роспуты, смилное, заставаніе, умыканіе, пошибаніе помежи мужемъ и женою, о животѣ или о племени или о сватовствѣ поимутся, вѣдство, урѣканіе, узлы, зелье, еретичество, зубоядѣніе, иже отца и матерь бьютъ, или сынъ и дочи бьется, иже истяжутся о задницы. Митрополичи люди церковны, игуменъ, игуменія, поповичеве, чернецъ, черница, дьяконъ, дьяконовая, проскурница, пономарь, вдовица, калика, сторонникъ, задшный человѣкъ, прикладникъ, хромецъ, слѣпецъ, дьякъ, и вси причетницы церковныи, аще кто ихъ видетъ в вину, судити тѣхъ Митрополиту и Епископомъ, опрочини мірянъ.

VII.

ЦЕРКОВНЫЙ УСТАВЪ ЯРОСЛАВА.

(См. Карамзина т. II. пр. 108).

Се азъ Князь Великій Ярославъ, сынъ Володимерь, по данью отца своего сгадалъ есми съ Митрополитомъ съ Ларіономъ, сложилъ есми со Греческимъ Номоканономъ, аже не подобаеть сихъ тяжь судити Князю и Бояромъ. Далъ есмь Митрополитомъ и Епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ, въ Номоканонѣ, по всѣмъ городамъ и по всей области, гдѣ Крестьянство есть. Аже кто умчить (уведетъ или похититъ) дѣвку или насилить, аже Боярская дчи (дочь) за соромъ (срамъ) ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а *меньшихъ* Бояръ гривна золота, а Епископу гривна золота. Добрыхъ людей (ихъ дочери) за соромъ 5 гривенъ серебра, а на умычницѣхъ (съ похитителей) по гривнѣ серебра Епископу; а Князь казнить. Аже кто пошибаеть (ударитъ) Боярскую дщерь или Боярскую жену, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а меньшихъ Бояръ гривна золота, а Епископу гривна золота, а нарочитыхъ людей (именитыхъ гражданъ) 3 *рубли*, а простой чади (за дочь простаго гражданина) 15 гривенъ, а Епископу 15 гривенъ, а Князь казнить. — Аже пустить Боярин *великъ* жену безъ вины, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а нарочитыхъ людей 3 рубли, а Епископу 3 рубли, а простой чади 15 гривенъ, а Епископу 15 гривенъ; а Князь казнить. Аже у отца и у матери дщи дѣвкою дитяти добудеть (родитъ) обличивъ ю поити въ домъ церковный, а чимъ ю родъ окупить (т. е. родные должны выкупить преступницу). Аже дѣвку умолвить (пригласитъ) кто къ себѣ и дастъ въ толоку — (позволитъ кому наглымъ поступ-

омъ оскорбить ея цѣломудріе) — на умолвицѣ (съ того, кто звалъ ее къ себѣ) Епископу 3 гривны серебра, а дѣвицѣ за соромъ 3 гривны серебра, а на толочныхъ (съ обидчиковъ) по рублю, а Князь казнить. Аже мужъ отъ жены блядеть, Епископу въ винѣ (виноватъ предъ Епископомъ) а Князь казнить. Аже мужъ оженится иною женою, съ старою не распустився, мужъ Епископу въ винѣ, а молодую въ домъ церковный — (чтобы родные выкупили ее) — а съ старою жити. Аже женѣ лихій недугъ болить, или слѣпота, или долгая болѣзнь, про то ее не пустити (не разводиться съ нею) такоже и женѣ не лзѣ пустити мужа. Аже кумъ съ кумою створить блудъ, Епископу гривна золота, и въ епитемьи. Аже кто *зажжетъ дворъ или гумно* или что иное, Епископу 100 гривенъ, а Князь казнить. Аже кто съ сестрою согрѣшить, Епископу 100 гривенъ, а въ епитимьи и въ казни по закону. Аже ближній родъ (ближняя родня) поймется, Епископу 80 гривенъ, а ихъ разлучить, а епитимью да примуть. Аже двѣ жены кто *водить* — (возметъ, и потому Несторъ называетъ Владиміровыхъ женъ *водимыми*) — Епископу 40 гривенъ, а которая подлегла (то есть по слѣдняя), та поняти въ домъ церковный, а первую держати по закону; а иметь лихо водити ю — (если будетъ не хорошо обходиться съ нею) — казнью казнить его. Аже мужъ съ женою по своей воли распуститься, Епископу 12 гривенъ; а *буде не вѣнчался*, Епископу гривенъ. Аже кто сблудитъ съ черницею, Епископу сто гривенъ, а съ животною 12 гривенъ, а въ епитимью вложить. Аже свекоръ съ снохою сблудить, Епископу 100 гривенъ, а епитимья по закону. Аже кто съ двумя сестрами падется (попадется), Епископу 30 гривенъ. Аже кто съ мачихою сблудеть, Епископу 40 гривенъ. Аже два брата будутъ со единою женою, Епископу 100 гривенъ, а женка въ домъ церковный. Аже дѣвка не всхощеть замужъ, а отецъ и мати силою дадуть, а что створить (дѣвка) надъ собою, отецъ и мати Епископу въ винѣ, а исторъ (проторь) имъ платити; тако же и отрокъ (т. е. они виноваты, если и сына женятъ насильно). Аже кто зоветь чужу жену блядью Великихъ Бояръ (т. е. ихъ жену) за соромъ ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а казнить; а будеть (жена) меньшихъ Бояръ, за соромъ ей 3 гривны а Епископу 3 гривны золота; а будеть (жена) городскихъ людей, за соромъ 3 гривны серебра, а Епископу 3 гривны серебра; а сель-

скихъ людей за соромъ гривна серебра, а Епископу гривна серебра. Аже пострижеть голову или *бороду*, Епископу 12 гривенъ, а Князь казнить. Аже мужъ иметь красти коноплю или ленъ и всякое жито, Епископу въ винѣ со Княземъ наполы; тако же и женка, иже иметь красти (если и женщина украдетъ). Аже мужъ крадеть бѣлые порты или полотна, портищи и поневы (понявы) тако же и жники, Епископу въ винѣ со Княземъ наполы. Свадебное и сговорное, бой, убійство и душегубство аже что чинится, платять виру Князю наполы со Владыкою. Аже мужа два бьеться, одинъ другаго укусить или ѳдереть, Епископу 3 гривны. Аже мужъ бьеть чюжу жену, за соромъ ей по закону, а Епископу 6 гривенъ. Аже сынъ бьеть отца или матерь, да казнять его волостельскою (гражданскою) казнію, а Епископу въ винѣ. — Аже Чернець, или Черница, или Попъ, или Попадья, или проскурница (просвирница) впадутъ въ блудъ, тѣхъ судити Епископу оприсень (опричь) мірянъ, и во что ихъ осудить воленъ. Аже Попъ или Чернецъ упьются безъ времени (не вовремя) Епископу въ винѣ. Аще Чернецъ или Черница разстрижеться, Епископу въ винѣ, во что ихъ обрядить (осудить). А что дѣется въ домовныхъ людехъ и въ церковныхъ и въ монастырехъ, а не вступаються Княжи волостели въ то, а то вѣдають Епископли волостели, и *безатщина* ихъ — (думаю, *беззадщина*, имѣніе человѣка умершаго, который не оставилъ наслѣдниковъ) — Епископу идеть. — А кто уставленіе мое порушить (нарушитъ) или сынове мои, или внуци мои, или правнуци мои, или отъ рода моего кто, или отъ Бояръ, а порушить рядъ мой и вступиться въ суды Митрополичи, что есми далъ Митрополиту и Епископомъ по всѣмъ городомъ, по правиломъ Святыхъ Отецъ судивше казнити по закону, а кто иметься въ тѣ суды въ церковныя вступати, Крестьянско (Христіанское) имя не наречеться на томъ, а отъ Святыхъ да будетъ проклятъ.

VIII.

ПѢСНЬ ГАРАЛЬДОВА.

см. выше с. 113.

(Anti quitates Rossicae, II. c. 57).

Ita cum Trandis congressi sumus,
ut illi numero prævaluerint;
erat profecto, quod conseruimus,
pertinax et atrox prælium;
juvenis ab juvene rege, qui
prælio cecidit, disjunctus sum;
tamen puella, Gardis quæ est,
annulo aureo ornata, me fastidit:

Nos una sedecim o femina,
in quatuor interscalmiis
sentinam exhausimus, invalescente
æstu; navis onerata salo adspersa est;
opinor, desidiosum quemquam
multo minus eo navigaturum;
tamen puella, Gardis quae est,
annulo aureo ornata, me fastidit.

Octo artes calleo:
carmen facere possum,
equitandi bene sum peritus,
subinde nando me exercui,

cursorii perticis labi didici,
non imperitus jaculandi et remigandi;
tamen puella, Gardis quæe est,
annulo aureo ornata, me fastidit.

Præterea neque femina, neque
juvenis virgo infitias ibit,
nos mane in oppido australi
fuisse, ubi enses vibravimus,
ferroque et armis grassati sumus,
ibi rerum gestarum indicia sunt;
tamen puella, Gardis quæ est,
annulo aureo ornata, me fastidit.

Ego natus sum, ubi
Upplandi arcus torserunt,
nunc naves bellicas, rusticis
invisas, facio ad scopulos natare;
multis locis, ex quo deduximus
navem, prora ruimus undas;
tamen puella, Gardis quæ est,
annulo aureo ornata, me fastidit.

Основанія предложеннаго повѣствованія заключаются въ семи томахъ Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій о Русской Исторіи 1846—1856. Томы 8 и 9 поступятъ вскорѣ въ печать.

ДРУЖЕСКІЯ ПИСЬМА

ГРАФА М. М. СПЕРАНСКАГО

КЪ

П. Г. МАСАЛЬСКОМУ,

ПИСАННЫЯ СЪ **1798** ПО **1819** ГОДЪ,

СЪ

ИСТОРИЧЕСКИМИ ПОЯСНЕНІЯМИ,

СОСТАВЛЕННЫМИ К. МАСАЛЬСКИМЪ,

И

НѢКОТОРЫЯ СОЧИНЕНІЯ ПЕРВОЙ МОЛОДОСТИ

Графа М. М. Сперанскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

Печатано съ Высочайшаго соизволенія.

Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Вся Россія знаетъ имя Сперанскаго; за границей оно давно произносится съ уваженіемъ, но до послѣдняго времени,—до появленія въ свѣтъ книги барона М. А. Корфа, ни у насъ, ни за границей, не было полной и вѣрной его біографіи. Почему же это? Почему истинной заслугѣ люди всегда какъ-то медлятъ отдать справедливость, даже загробную? Потому что чистую правду говорить и писать часто трудно и неудобно, то по такимъ, то по другимъ причинамъ, а между тѣмъ всѣ люди, по крайней мѣрѣ на словахъ, такіе жаркіе поборники правды, что просто удивляешься, какимъ образомъ она не вытѣснила до сихъ поръ съ бѣла-свѣта лжи, притворства, пристрастія, лести, зависти, вражды и, словомъ сказать, всего того, что противно правдѣ.

Смотря на это неутѣшительное явленіе, подумаешь: да есть ли, полно, чистая, истинная правда на бѣломъ свѣтѣ? Не выдумали-ли правду одни ученые? Не существуетъ ли она только въ ихъ воображеніи, въ ихъ лекціяхъ и диссертаціяхъ?

По нашему мнѣнію, человѣкъ можетъ только стремиться приближаться къ истинѣ, или правдѣ. Даже математика, эта наука, называемая точною, все измѣряющая, все исчисляющая, не становится ли и не теряется ли въ неисходной безднѣ, когда доходитъ до безконечно-великихъ и до безконечно-малыхъ величинъ?

Впрочемъ этого мнѣнія нашего мы не выдаемъ за аксіому, то есть, неоспоримую истину. Сколько людей существуетъ на свѣтѣ, столько существуетъ и мнѣній, которыя,

по видимому, хотя и сходны иногда между собою, но все таки между ними вы найдете нѣкоторые оттѣнки и различіе. Такъ на огромномъ деревѣ вы никакъ не отыщете двухъ листовъ, во всемъ похожихъ другъ на друга. Между тѣмъ каждый въ мнѣніе свое влюбленъ, какъ Донъ-Кихотъ въ фантастическую Дульсинею, и готовъ сражаться съ противниками своими до послѣдней крайности.

Мы, однакожъ, не намѣрены ни съ кѣмъ сражаться и тѣмъ менѣе читать лекцію о безусловной истинѣ. Сообщимъ только нашимъ читателямъ вѣрно и добросовѣстно все, что намъ близко извѣстно о томъ великомъ человѣкѣ, о которомъ мы начали рѣчь (*). Михаилъ Михайловичъ Сперанскій родился 1-го января 1772 года, въ селѣ Черкутинѣ, которое находится въ уѣздѣ губернскаго города Владиміра. Думалъ ли недостаточный сельскій священникъ, что его новорожденный сынъ Михаилъ сдѣлается любимцемъ такихъ двухъ Государей, какими были Александръ и Николай, и заслужитъ, подъ ихъ великодушною эгидою, безсмертную славу, какъ законодатель своего

(*) Въ настоящее время имя графа Сперанскаго принадлежитъ исторіи. Подробности его біографіи уже извѣстны читателямъ изъ только что появившагося сочиненія барона М. А. Корфа.—Почтенный авторъ, бывшій долгое время съ покойнымъ графомъ въ личныхъ сношеніяхъ, имѣлъ возможность пользоваться для своего труда оффиціальными источниками, для немногихъ доступными. Не довольствуясь этими матеріалами, баронъ Корфъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ собиралъ всѣ свѣдѣнія, сохранившіяся о покойномъ графѣ въ частныхъ рукахъ, подвергая ихъ тщательной критической обработкѣ. Всѣ эти качества, вмѣстѣ съ рѣдкимъ талантомъ автора, дѣлаютъ изъ его сочиненія книгу, которую съ жадностію прочтетъ всякій русскій и которую переведутъ на языки всѣхъ образованныхъ народовъ. Но, не смотря на это, я полагалъ, что публикація предлагаемыхъ писемъ не будетъ безполезна, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ помѣщены въ сочиненіи барона Корфа сокращенно, а нѣкоторыя другія сведены въ немъ вмѣстѣ, какъ то соотвѣтствовало содержанію книги.

отечества? Родоваго прозванія родители его не имѣли, а фамилію Сперанскаго получилъ онъ при поступленіи во Владимірскую семинарію, въ которой получилъ первое образованіе. Блестящіе успѣхи въ наукахъ проложили ему путь въ Санктпетербургскую Александро-Невскую семинарію (*), гдѣ преподавались высшія науки и гдѣ онъ такъ ревностно продолжалъ свое ученіе, что на двадцать первомъ году удостоенъ былъ званія магистра и самъ уже сдѣлался префектомъ и учителемъ физики, математики и краснорѣчія. Меньшой братъ нашего знаменитаго дипломата князя Александра Борисовича Куракина, бывшаго посломъ въ Парижѣ при Наполеонѣ I, тайный совѣтникъ и камергеръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, еще въ царствованіе Императрицы Екатерины II, опредѣлилъ Сперанскаго при себѣ домашнимъ секретаремъ. Вскорѣ по восшествіи на престолъ Императора Павла, князь Алексѣй Борисовичъ назначенъ былъ, 4-го декабря 1796 года, генералъ-прокуроромъ и началъ довѣрять Сперанскому не только свои домашнія, но и важныя государственныя дѣла. Извѣстно, что тогда званіе генералъ-прокурора равнялось званію перваго министра. Сочиняемыя Сперанскимъ бумаги своею ясностью, необыкновенною силою и чистотою слога обратили на себя вниманіе Императора Павла, который спросилъ однажды у князя: «кто это у тебя такъ прекрасно сочиняетъ бумаги?» Князь назвалъ Сперанскаго и доложилъ притомъ, что онъ очень желалъ бы перевести его изъ духовнаго вѣдомства въ свою канцелярію, но что это выходитъ изъ обыкновеннаго порядка, и что митрополитъ, дорожа Сперанскимъ, не хочетъ его уступить (**).

«А желаетъ къ тебѣ перейти на службу Сперанскій?»

(*) Эта семинарія въ 1797 году была преобразована въ духовную академію.

(**) Анекдотъ этотъ, еще ребенкомъ, я часто слышалъ отъ отца моего.

спросилъ Императоръ. — «Очень желаетъ!» отвѣчалъ князь.—«Такъ я объяснюсь съ митрополитомъ, и все это дѣло улажу къ общему удовольствію и къ пользѣ общей.» Черезъ нѣсколько дней магистръ Сперанскій, 2-го января 1797 года, былъ переименованъ въ титулярные совѣтники и опредѣленъ въ канцелярію генералъ-прокурора. Не смотря на то, что князя Куракина замѣнилъ въ этой должности князь Лопухинъ, потомъ Беклешовъ, а послѣ Обольяниновъ, Сперанскій сохранилъ все прежнее свое вліяніе на государственныя дѣла, и въ два года своей службы въ канцеляріи генералъ-прокурора, за необыкновенные труды и заслуги свои, достигъ чина статскаго совѣтника въ началѣ 1799 года. Въ 1801 году Сперанскій былъ опредѣленъ директоромъ при министрѣ удѣловъ Трощинскомъ, пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и причисленъ, въ званіи статсъ-секретаря, къ государственному совѣту. Въ 1803 году министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, испросилъ его къ себѣ въ директоры, съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря. Въ 1808 году Сперанскій былъ назначенъ директоромъ коммиссіи составленія законовъ, и въ томъ же году Высочайше утверждено составленное имъ образованіе духовныхъ училищъ.

При назначеніи его товарищемъ министра юстиціи, было поручено ему въ 1809 году все управленіе новопріобрѣтенною Финляндіею и главное начальство надъ Абоскимъ университетомъ. Улучшеніе способа преподаванія въ Россіи, приращеніе училищныхъ капиталовъ, введеніе новой финансовой системы, новое образованіе государственнаго совѣта и новое учрежденіе для всѣхъ министерствъ, установленіе бюджета государственныхъ доходовъ и расходовъ, учрежденіе капитала погашенія долговъ, исправленіе законодательства и стремленіе къ утвержденію тверда-

го, законнаго порядка вмѣсто произвола и злоупотребленій,—все это составляетъ историческіе труды Сперанскаго, которыхъ мы и половины не исчислили.

Императоръ Александръ I такъ оцѣнилъ и полюбилъ Сперанскаго, что проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ искренней бесѣдѣ о мѣрахъ, нужныхъ для блага Россіи.

Въ 1808 онъ взялъ его съ собою въ Эрфуртъ, гдѣ было назначено свиданіе и совѣщаніе съ Наполеономъ I о дѣлахъ Европы. Совѣщанія эти, на которыхъ участвовали короли Саксонскій, Баварскій, Вестфальскій, Виртембергскій и другіе, длились съ 27-го сентября по 14-е октября по новому стилю. Наполеонъ былъ восхищенъ умомъ Сперанскаго и, по окончаніи совѣщаній, подарилъ ему табакерку съ своимъ портретомъ, осыпанную брилліантами, а король Прусскій пожаловалъ ему орденъ краснаго орла первой степени. Сперанскій привезъ изъ Эрфурта портретъ Наполеона во весь ростъ, въ мундирѣ того времени, гравированный Фридрихомъ Арнольдомъ и раскрашенный, и подарилъ отцу моему. Этотъ портретъ, по словамъ М. М. Сперанскаго, былъ очень похожъ. Рѣдкость эта донынѣ хранится въ моемъ кабинетѣ.

Въ 1809 году Сперанскій былъ награжденъ чиномъ тайнаго совѣтника, и когда государственный совѣтъ получилъ въ 1810 году, по проекту Сперанскаго, новое образованіе,—онъ, 1-го января 1810 года, былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ. Всѣ дѣла, которыя разсматривались и рѣшались въ Совѣтѣ, были лично докладываемы Сперанскимъ Императору. Такимъ образомъ пріобрѣлъ онъ огромное вліяніе на всѣ министерства, изъ которыхъ всѣ важныя дѣла вносились въ совѣтъ, а не прямо къ Государю, какъ до того времени было. Очевидно, что такой новый порядокъ вещей не могъ нравиться тогдашнимъ министрамъ. Всякая мѣра, представленная министер-

ствомъ и въ совѣтѣ не одобренная или измѣненная, по естественному порядку вещей оскорбляла самолюбіе людей сильныхъ, которые прежде не подвергали своихъ мыслей и предположеній ни чьему разбору, и представляли ихъ прямо Государю. Легко понять, что отъ этого Сперанскій пріобрѣлъ много тайныхъ и явныхъ враговъ, которые желали и старались всѣми мѣрами поколебать силу его и съ каждымъ днемъ возраставшее довѣріе къ нему Императора. Ропотъ и пересуды всѣхъ дѣйствій Сперанскаго распространялись болѣе и болѣе въ высшемъ кругу, и тѣмъ сильнѣе, что ему не могли простить незнатное его происхожденіе и его мнимую гордость. Въ послѣднемъ порокѣ обвиняли его потому, что онъ съ утра до ночи, то занимаясь государственными дѣлами, то слѣдя за успѣхами наукъ, отказывался часто отъ самыхъ блестящихъ, званыхъ обѣдовъ, баловъ и вечеринокъ. Всякая новая мѣра правительства, даже самая благодѣтельная и необходимая, была перетолковываема въ дурную сторону и приписываема Сперанскому. Отъ высшаго круга ропотъ и неудовольствіе противъ него распространились въ кругу среднемъ и даже въ народѣ.

Хотя я былъ ребенкомъ, но очень живо помню, какой гвалдъ и шумъ поднялся между всѣми коллежскими и титулярными совѣтниками всей Россійской Имперіи, когда состоялся указъ 6-го августа 1809 года о неповышеніи въ чинъ коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника безъ аттестата высшаго учебнаго заведенія, или установленнаго экзамена въ наукахъ. Ропотъ былъ такой, особенно между необразованными подъячими, родственниками и пріятелями ихъ, какъ будто бы грозила гибель отечеству, въ родѣ новаго нашествія Батыя. Сатиры, каррикатуры, эпиграммы сыпались на Сперанскаго, какъ изъ мѣшка, или миѳологическаго рога изобилія. На одномъ публичномъ

маскарадѣ, бывшемъ въ то время, одна маска произвела общій хохотъ и вмѣстѣ негодованіе на Сперанскаго, что было предметомъ шума и городскихъ сплетней на цѣлую недѣлю и даже больше. Какой-то острякъ, безъ сомнѣнія, какъ Кутейкинъ фонъ-Визина, убоявшійся бездны премудрости и потерявшій всякую надежду выдержать экзаменъ въ какой либо наукѣ, кромѣ чиноманіи и взяткологіи, нарядился въ старинный, фантастическій, каррикатурный мундиръ, и, на подобіе извощика, прицѣпилъ къ воротнику, на спинѣ своей, четвероугольный картонъ, на которомъ крупнѣйшими буквами было написано слѣдующее:

№ 1,200,301.

Вѣчнаго цеха

титулярный совѣтникъ.

Замѣтивъ необыкновенное волненіе публики, полиція учтиво попросила этого господина снять со спины свою остроту.

Еще болѣе произвелъ волненія и неудовольствія, но только не въ публичномъ маскарадѣ, а въ высшемъ кругу общества и особенно въ дамскихъ гостиныхъ обѣихъ столицъ, Высочайшій указъ, данный сенату 3-го апрѣля того же 1809 года. Въ началѣ этого закона было сказано:

«Поощреніе къ службѣ и возбужденіе всѣхъ силъ и способностей къ труду и дѣятельности на пользу общую, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ попеченій правительства. Сему существенному и необходимому правилу настоящее положеніе чиновъ при Дворѣ Нашемъ въ званіи камергеровъ и камеръ-юнкеровъ не соотвѣтствуетъ. Неудобства, отъ сего происходящія, тѣмъ болѣе ощутительны, что молодые люди, въ сіи званія опредѣляемые, большею частію принадлежа къ знатнѣйшимъ домамъ россійскаго дворянства, рожденіемъ, воспитаніемъ, способами имущества предопредѣлены быть надеждою отечества, наслѣд-

ствомъ тѣхъ заслугъ и личныхъ достоинствъ, коими предки ихъ, стяжавъ славу своего имени, предали имъ ее въ залогъ сохраненія и умноженія, завѣщали имъ искать почестей въ дѣлахъ, а не въ званіяхъ, и, въ подвигѣ отечественныхъ пользъ, предшествовать всѣмъ другимъ состояніямъ.»

На основаніи этихъ уваженій предписано было всѣхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, прежде означеннаго указа пожалованныхъ и не состоящихъ ни въ военной, ни въ гражданской службѣ, оставить при прежнихъ правахъ ихъ, предоставивъ имъ избрать родъ дѣйствительной службы, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Вновь же пожалованные камергеры и камеръ-юнкеры по тому же указу обязывались проходить службу военную или гражданскую съ первоначальныхъ чиновъ, наравнѣ съ прочими дворянами.

Можно вообразить, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ указъ на всѣхъ тѣхъ, которые въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, при первомъ желаніи перейти изъ придворной въ другую службу, имѣли право получать прямо чины 5-го и 4-го класса. Можно понять все негодованіе ихъ нѣжныхъ матушекъ, тетушекъ и бабушекъ до седьмой степени родства включительно.

Сперанскій, видя опасность своего положенія, откровенно изъяснилъ ее въ февралѣ 1811 года при отчетѣ Императору за 1810 годъ о дѣлахъ государственнаго совѣта, и просилъ уволить его отъ должности государственнаго секретаря. Государь не согласился на увольненіе и успокоилъ Сперанскаго, а 1-го января 1812 года пожаловалъ его кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго.

Между тѣмъ вражда и зависть не дремали. Россіи грозило тогда вторженіе Наполеона со всѣми силами Европы.

Всѣ умы были взволнованы. Легко понять, какая бездна

заботъ и тревогъ обременяла тогда Государя. Лига, составившаяся противъ Сперанскаго, воспользовалась этимъ смутнымъ временемъ и успѣла наконецъ поколебать довѣріе Императора и возбудить противъ Сперанскаго важныя и сильныя подозрѣнія. Онъ совершенно неожиданно былъ приглашенъ вечеромъ, въ воскресенье, 17-го марта, въ зимній дворецъ, гдѣ Государь объявилъ ему одно за другимъ всѣ возникшія на него обвиненія. Сперанскій оправдывался и просилъ Государя о повелѣніи произвести строжайшее изслѣдованіе, которое обличило бы клевету и доказало его невинность. Государь объяснилъ, что тогдашнія обстоятельства Россіи представляли къ такому изслѣдованію неодолимыя препятствія, и что на время онъ долженъ удалиться въ Нижній-Новгородъ. Разговоръ этотъ длился около двухъ часовъ. Между тѣмъ министръ полиціи—одинъ изъ главныхъ недоброжелателей Сперанскаго—опечаталъ всѣ государственныя и прочія бумаги въ его кабинетѣ. Государь, объяснивъ Сперанскому невозможность дать ему въ то время способы къ оправданію, обѣщалъ самъ заняться изслѣдованіемъ его дѣла и, со слезами на глазахъ, простился съ нимъ. Онъ проводилъ Сперанскаго до порога въ другую комнату, гдѣ былъ князь Голицынъ, и, молча, съ печальнымъ лицомъ удалился.

Сперанскій почти въ безпамятствѣ сѣлъ въ свою карету и поѣхалъ домой; тамъ ждалъ его министръ полиціи. Этотъ небольшой домъ великаго человѣка былъ каменный, двухъ-этажный, на самомъ концѣ лѣвой стороны Сергіевской улицы, и выходилъ однимъ фасомъ на эту улицу, а другимъ на улицу, идущую мимо Таврическаго сада. Вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, я еще ребенкомъ бывалъ въ этомъ домѣ, и до сихъ поръ живо его помню.

Наступала ночь. Министръ, избѣгая огласки, распорядился, чтобы Сперанскій выѣхалъ изъ Петербурга ночью.

Домъ былъ, по его распоряженію, окруженъ въ извѣстномъ разстояніи полицейскими драгунами. Кибитка, запряженная тройкою, была уже готова, и частный приставъ, которому министръ поручилъ проводить Сперанскаго до Нижняго-Новгорода, былъ уже на лицо. Въ глубокую ночь Сперанскій выѣхалъ изъ Петербурга. Такъ какъ онъ вовсе не предполагалъ отправиться въ дальнюю дорогу, то у него не оказалось теплой шапки, которая была очень необходима по случаю довольно сильнаго мороза. Крѣпостной его камердинеръ Лаврентій, о которомъ будетъ говорено ниже, одолжилъ своему господину собственную, теплую шапку, которую онъ только что купилъ.

Разсказъ нашъ дополнитъ письмо очевидца—свидѣтеля этого происшествія—покойнаго отца моего (*)—къ М. М. Сперанскому изъ Петербурга въ Нижній-Новгородъ, отправленное въ 1812 году не черезъ почту, а особымъ, тайнымъ путемъ, ибо за всею перепискою со Сперанскимъ имѣлъ тогда надзоръ министръ полиціи.

Вотъ это письмо:

«Пользуясь сею вѣрною оказіею, я не буду описывать вамъ, мой премилосердый отецъ Михаилъ Михайловичъ, ни той сердечной скорби, какою поразило меня случившееся съ вами несчастіе, ни тѣхъ домашнихъ моихъ безпокойствъ, кои были слѣдствіемъ толь необычайнаго съ вами происшествія; но считаю лишь нужнымъ дать вамъ отчетъ

(*) Петръ Григорьевичъ Масальскій изъ всѣхъ близкихъ Сперанскому людей едвали не былъ его преданнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ. Любовь его къ Сперанскому, доходившая до обожанія, не знала предѣловъ. П. Г. не жалѣлъ, ни денегъ, ни трудовъ, чтобъ сдѣлать М. М. пріятное или полезное, и въ письмахъ своихъ, особенно въ первое время послѣ удаленія Сперанскаго, не находя словъ, чтобъ выразить ему всю свою любовь и преданность, придумалъ по ярославскому старинному обычаю называть его *премилосердымъ отцомъ своимъ*.

въ томъ только, что до сего времени относительно къ вамъ здѣсь происходило.

О несчастіи вашемъ я узналъ ввечеру 17-го марта отъ М. Л. М. (*), который въ то время, какъ министръ полиціи пріѣхалъ къ нему съ объявленіемъ Высочайшей воли, прислалъ за мною, по согласію на то министра полиціи. Причина, побудившая его къ тому, была та, что онъ,— не имѣя у себя денегъ не только на прожитокъ свой въ Вологдѣ, но даже на пополненіе казенной суммы въ коммиссію военныхъ уставовъ, которую онъ позаимствовалъ,—просилъ меня, чтобъ я заплатилъ за него черезъ двѣ недѣли 7 тысячъ руб. министру полиціи и 5 тысячъ въ коммиссію военныхъ уставовъ. Поелику М. П. помянутою семитысячною суммою одолжалъ М. Л. на дорогу, другихъ же денегъ онъ никакихъ не имѣлъ, то я, убѣждаясь таковымъ критическимъ его положеніемъ, принужденъ былъ отозваться М. П., что я, если получу ожидаемыя мною деньги, то не премину заплатить ему помянутыя 7 тысячъ рублей. Что же касается до казенныхъ денегъ, М. Л. для заплаты ихъ обѣщалъ доставить ко мнѣ изъ Вологды вѣрющее письмо на продажу новгородскихъ его земель, которое я отъ него нынѣ и получилъ, и буду всѣми мѣрами стараться, чтобы помянутый долгъ былъ заплаченъ въ коммиссію, какъ возможно скорѣе. М. П., обезпечивъ вышеписаннымъ образомъ данную имъ М. Л. сумму, и послѣ того, оставя при немъ полицейскаго чиновника, самъ распрощался съ М. Л. дружескимъ образомъ. Я вслѣдъ за нимъ стремглавъ бросился въ вашъ домъ; но по

(*) Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Леонтьевича Магницкаго, который былъ подъ начальствомъ Сперанскаго, статсъ-секретаремъ въ государственной канцеляріи. Онъ былъ удаленъ въ Вологду въ тоже время, когда Сперанскому повелѣно было ѣхать въ Нижній-Новгородъ.

пріѣздѣ найдя М. П. у васъ и узнавъ отъ Лав. (*), что вы изъ дворца еще не возвращались, я поѣхалъ искать васъ тамъ; но къ несчастію вы оттолѣ уже уѣхали. Послѣ сего возвратясь къ дому вашему, я нѣсколько разъ покушался взойти къ вамъ въ то время, какъ вы были съ М. П., но ужаса, который тогда мною овладѣлъ, я, никакъ преодолѣть не могъ, и потому, ходя около дома вашего до двухъ часовъ за полночь, я, при малѣйшемъ даже движеніи полицейскихъ драгуновъ, представлялъ совершенно трусливаго зайца. Такимъ образомъ, лишась послѣдней отрады видѣть васъ, моего премилосердаго отца, при отъѣздѣ вашемъ, и, возвратясь домой съ стѣсненнымъ горестью сердцемъ, я, на другой послѣ отъѣзда вашего день, весьма рано увѣдомилъ о случившемся съ вами несчастіи какъ гр. В. П. К. (**), такъ и гр. И. А. Ш. (***), и просилъ ихъ, чтобы они употребили всѣ средства, дабы противъ всякой на васъ клеветы истребовано было отъ васъ письменное объясненіе. Гр. Ш. принялъ въ вашемъ положеніи истинное участіе и поручилъ мнѣ васъ увѣдомить, что ежели вамъ нужно будетъ подать чрезъ него Государю письмо, то онъ тотчасъ сіе исполнитъ, но гр. К. (****) большою своею осторожностью удивилъ меня. Онъ сперва спрашивалъ меня о причинахъ вашего несчастія, но когда я ему отозвался, что я ничего не знаю, и что жизнью можно отвѣчать, что вы ни въ чемъ не виновны; то обратился къ другому вопросу, а именно: великое ли вы имѣете богатство? Я увѣрялъ его, что все, что вы имѣете, состоитъ лишь въ жалованьѣ, которое получалъ я за прошедшее время по носимымъ

(*) Лаврентій, крѣпостной человѣкъ и камердинеръ Сперанскаго.

(**) Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей.

(***) Генералъ-адъютанта графа Павла Андреевича Шувалова.

(****) Графъ Кочубей.

вами званіямъ, и въ деньгахъ, сбереженныхъ вами отъ продажи всемилостивѣйше пожалованныхъ вамъ саратовскихъ земель, и заключается въ 55 т. асс., если только въ теченіе прошедшаго года изъ онаго числа вы не прожили, и что счеты мои, кои въ кабинетѣ вашемъ должны храниться съ 1798 года, откроютъ и недостатки ваши, и крайне умѣренную вашу жизнь; но увѣренія сіи любопытства гр. К. не прекратили. Онъ заключилъ оное такимъ вопросомъ, который привелъ меня даже въ досаду..... и гр. К., какъ казалось мнѣ, почувствовавъ странность своего вопроса, перемѣнилъ свой разговоръ и, спрашивая меня: не нужны ли деньги на отправленіе Ел. М.? (*)—предлагалъ мнѣ, чтобъ я взялъ у него, сколько бы ни понадобились, но я отъ такого пособія вовсе отказался. Кончивъ такимъ образомъ свиданіе мое съ гр. К. и желая дойти до истинныхъ причинъ вашего несчастія, а сверхъ того и охранить дѣла малолѣтныхъ дѣтей гр. Ш. отъ разстройки, я присовѣтовалъ графинѣ Ш., чтобъ она упросила М. В. Д. (**) вступиться въ ея горе, и убѣждалъ ее, что если О. П. (***) будетъ считать по дѣламъ ея меня излишнимъ, то чтобъ она меня отъ нихъ тотчасъ освободила. Графиня совѣтъ мой исполнила, но О. П., вразсужденіи меня отозвавшись, что я крайне нуженъ, поручилъ ей 20-го марта привесть меня къ нему обѣдать. Не могши отказаться отъ такого приглашенія, признаюсь, что обѣдъ сей стоилъ мнѣ большаго мученія. Я представлялъ весьма трудную ролю и едва могъ ее выдержать. Наконецъ все сіе кончилось пріѣздомъ Р.... (****), съ которымъ О. П. тотчасъ заперся въ кабинетѣ своемъ, приказавъ между

(*) Елисаветы Михайловны, единственной дочери Сперанскаго.

(**) Министра внутреннихъ дѣлъ.

(***) Осипъ Петровичъ Козодавлевъ.

(****) Розенкампфъ.

тѣмъ приготовить мнѣ отъ гр. Ш. къ нему письмо объ опредѣленіи въ опекуны вмѣсто васъ брата ея, а его зятя, К. Щ. (*). Исполнивъ его приказаніе, я на другой день представилъ ему отъ графини Ш. помянутое письмо; но онъ приказалъ включить также въ опекуны и Р. Переписавъ письмо и снова оное къ нему доставя, я между тѣмъ искуснымъ образомъ узналъ отъ графини Ш. странныя на счетъ чести вашей нелѣпости. Она открыла мнѣ, что о васъ твердятъ, что будто бы вы намѣрены были измѣнить отечеству и налогами сдѣлать въ народѣ сильное возмущеніе; что перехвачены ваши письма къ Б. (**); что у В. М. (***) украдена портфель съ военными планами, и планы сіи посланы также къ Б.; что наконецъ вы, хотя и старались оправдаться передъ Государемъ, но помянутыя письма васъ обличили и сдѣлали васъ безотвѣтнымъ, и когда Государь предложилъ вамъ, что за лучшее для себя признаете: судъ или ссылку въ Нижній-Новгородъ, то вы, лишась надежды оправдаться, и рѣшились избрать послѣднее. Всѣ сіи нелѣпости, еслибъ выдумываемы были одною глупою чернью, то конечно не было бы причинъ много безпокоиться; но тутъ вездѣ было намѣреніе людей устремившихся на вашу погибель, которые звѣрскимъ образомъ силились растерзать доброе ваше имя, и все вышеписанное составляло малую только часть того, что о васъ здѣсь по городу разносили. Я не буду распространяться въ изложеніи всего того потому, что все, что могъ я узнать относительнаго къ вамъ, я для лучшаго соображенія пересказывалъ А. А. и Ф. И. (****), яко главнымъ

(*) Князя Щербатова.

(**) Бонапарте.

(***) Военнаго Министра.

(****) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей Андреевичъ Жерве и статскій совѣтникъ Францъ Ивановичъ Цейеръ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

СВЯЩЕННОЙ ИСТОРІИ

И

УЧЕНІЯ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ.

СОЧИНЕНІЕ

ГРАФА М. М. СПЕРАНСКАГО.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Ноября 2-го дня 1861 года.

Цензоръ Архимандритъ *Макарій*.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Изображеніе природы.

Естьли вы возрите на міръ васъ окружающій—вы въ немъ увидите необъятное множество существъ или вещей разнаго рода.

Вы въ немъ видите существа имѣющія жизнь и чувствіе.

Вы въ немъ видите существа неодушевленныя, которыя не имѣютъ сами чувствія, устроены однако же для пользы.

Вы видите перемѣны и движенія.

Не взирая однакожъ на сіи перемѣны въ частяхъ, вселенная сохраняется чрезъ нѣсколько тысячь лѣтъ въ удивительномъ порядкѣ.

День и ночь смѣняются всегда постоянно.

Времена года слѣдуютъ одно за другимъ, не прерывая своего порядка, и приводятъ съ собою тѣже удовольствія для существъ живущихъ.

Солнце освѣщаетъ, согрѣваетъ и оплодотворяетъ землю, земля питаетъ безчисленное множество обитателей.

Земля рождаетъ всякой годъ безконечное множество произведеній, кои будучи всѣ различны, всѣ однако полезны, каждое въ своемъ родѣ.

Сіи произведенія питаютъ неизчислимое множество существъ живущихъ, удовлетворяя нуждамъ каждаго.

Сіи живущія существа различно устроены, имѣютъ разныя склонности, вкусы и навыки.

Всякое животное, великое и малое, имѣетъ органы свойственные образу его бытія.

Всякое животное поставлено въ такомъ мѣстѣ и въ такихъ обстоятельствахъ, что оно можетъ доставать себѣ пищу.

Нѣсколько тысячь лѣтъ животныя существуютъ и умножаются одинакимъ образомъ.

Человѣкъ, будучи подобенъ животнымъ по строенію своего тѣла, живетъ и питается такъ, какъ они, произведеніями земли.

Человѣкъ вообще имѣетъ такіе же органы какъ и животныя. Его тѣло столь же превосходно устроено; по образу его бытія человѣкъ даже превосходитъ нѣкоторыхъ животныхъ въ совершенствѣ своихъ органовъ.

Но еще болѣе превосходитъ онъ ихъ по своему понятію и разуму.

По разуму человѣкъ удовлетворяетъ своимъ нуждамъ, доставляетъ себѣ удовольствія, коихъ животныя не имѣютъ.

Разумомъ человѣкъ становится обладателемъ почти всея природы.

Разумомъ онъ управляетъ свои дѣянія, разсуждаетъ о самомъ себѣ, помнитъ о прошедшемъ, размышляетъ въ настоящемъ и ищетъ открыть будущее.

Разумомъ своимъ человѣкъ можетъ размышлять о томъ, что онъ есть, откуда онъ, и что онъ будетъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Сотвореніе міра.

Ничто не можетъ быть изъ ничего.

Человѣкъ съ разсужденіемъ вопрошаетъ себя: откуда онъ? Откуда все, что его окружаетъ? Кто постановилъ сей

удивительный порядокъ и кто украсилъ природу? Кто содержитъ и хранитъ сей порядокъ? Какая сила соблюдаетъ и поддерживаетъ все?

Отсюда понятіе первой вины или Творца всего.

Свойства Божества суть могущество, мудрость и благость безконечныя.

Сотвореніе міра.

Сокращеніе Бытій Моисеевыхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Предметъ или конецъ творенія.

Богъ не остановился на томъ, чтобъ создать міръ неодушевленный.

Онъ не ограничилъ себя и тѣмъ, чтобъ произвесть существа живущія безъ понятія и разума.

Онъ восхотѣлъ сотворить существа, кои бы были устроены по образу его, кои бы подобны были ему по разуму и по желанію добра.

Богъ одарилъ человѣка способностями физическими или тѣлесными, чтобъ могъ онъ жить и наслаждаться всѣмъ добрымъ на земли, его жилищѣ.

Онъ одарилъ его разумомъ, чтобъ онъ искалъ во всемъ совершенства.

Онъ одарилъ его наипаче чувствіемъ добра и зла.

Богъ хотѣлъ, чтобъ человѣкъ разумомъ позналъ своего Творца, чтобъ онъ былъ признателенъ къ его благодѣяніямъ, и чтобъ повиновался его повелѣніямъ.

Понеже люди должны размножаться на земли, Богъ хотѣлъ, чтобъ они были правдивы, чтобъ они любили и помогали другъ другу.

Но Богъ, сотворивъ человѣка, не опредѣлилъ ему вѣчно жить на сей землѣ.

Онъ предуставилъ его къ другой жизни совершеннѣйшей послѣ настоящей, въ коей онъ долженъ былъ усовершать себя болѣе и болѣе и тѣмъ ближе подходить къ его образу.

Богъ хотѣлъ, чтобы человѣкъ заслужилъ сію другую жизнь своими добродѣтелями, и она должна быть несравненно превосходнѣе и счастливѣе, нежели жизнь настоящая.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Паденіе человѣка.

Внимая чувствію добра и зла, праваго и неправаго, и располагая по немъ свои дѣла, человѣкъ могъ достигнуть совершенства, и быть не только счастливымъ въ настоящей жизни, но и достойнымъ будущей.

Но первой человѣкъ и первая жена, не внявъ сему внутреннему чувствію добра и зла и преступивъ заповѣдь данную имъ Богомъ, измѣнили своему предустановленію.

Сокращенное повѣствованіе паденія нашихъ прародителей.

Послѣдствія сего преступленія были пагубны какъ имъ, такъ и ихъ потомкамъ.

Человѣкъ по предустановленію своему безсмертный, сдѣлался смертенъ.

Человѣкъ по предустановленію своему долженъ былъ жить и наслаждаться въ покоѣ благами земли, осужденъ былъ снискивать содержаніе себѣ великими трудами и въ потѣ лица.

Жена, предуставленная дѣлить съ мужемъ счастіе, осуждена дѣлить съ нимъ его горести.

Она предуставлена была раждать дѣтей безъ болѣзни, и осуждена родить въ болѣзняхъ.

Потомки ихъ должны были наслѣдовать ихъ горести.

Человѣкъ, предуставленный вести жизнь непорочную предъ Богомъ, его Отцемъ, быть праведнымъ, и имѣть всѣ добродѣтели въ обществѣ, человѣкъ упалъ съ верьху своего достоинства и потерялъ подобіе Божіе.

Съ тѣхъ поръ тѣло его стало жертвою болѣзней, разумъ его ослабѣлъ, понятія его возмутились, чувствія добра и зла въ немъ ослабѣли.

Съ тѣхъ поръ имъ овладѣли жестокія страсти, ненависть, зависть, сребролюбіе, гордость.

Съ тѣхъ поръ человѣкъ сталъ забывать своего Творца, не думая, что Онъ еще его любитъ. Онъ Ему не повинуется, онъ разрушаетъ часто творенія Его, дѣлая зло подобнымъ себѣ.

Съ тѣхъ поръ человѣкъ началъ жить не иначе, какъ бы онъ долженъ былъ жить единственно на земли; онъ забылъ предопредѣленіе свое къ будущей жизни.

Съ тѣхъ поръ человѣкъ пересталъ стараться заслуживать жизнь будущую, и слѣдовательно никогда не достигнетъ онъ того счастія и совершенства, которое Богъ ему обѣщалъ, и такимъ образомъ онъ сталъ достоинъ быть оставленнымъ отъ Бога и наказаннымъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Развращеніе рода человѣческаго.

Прародители наши имѣли дѣтей, которыя наслѣдовали

отъ нихъ расположеніе сердца ихъ къ грѣху, и сіе расположеніе къ грѣху называется *грѣхомъ первороднымъ*.

Каинъ, старѣйшій сынъ перваго человѣка, убилъ брата своего Авеля.

Міръ наполнился въ нѣсколько лѣтъ обитателями; ибо люди тогда жили очень долго.

Но большая часть людей развратилась, а особливо потомки Каина.

Они забыли своего Творца и искали удовольствій и забавъ чувственныхъ; они предавались насилію, несправедливости къ своимъ ближнимъ, и всѣмъ порокамъ.

Богъ воззывалъ ихъ къ воздержанію и добродѣтели, угрожая имъ всеобщимъ разрушеніемъ.

Но люди не внимали гласу Божію.

Наконецъ Богъ совершилъ надъ ними казнь, коею онъ имъ угрожалъ, и потопомъ наводнивъ землю истребилъ всѣхъ ея жителей, выключая Ноя съ его семействомъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Возобновленіе рода человѣческаго.

Дѣти и потомки Ноевы вновь населили міръ въ нѣсколько вѣковъ, разсѣявшись по всѣмъ сторонамъ свѣта.

Познаніе Бога и исполненіе добродѣтелей простыхъ нѣсколько времени продолжалось между Ноевыми потомками.

Но нечувствительно люди опять предались влеченію своихъ страстей.

Въ гордости своей они предпріяли воздвигнуть столбъ или памятникъ, возвышающійся до небесъ.

Но Богъ разсыпалъ ихъ твореніе смѣсивъ языки ихъ, и съ сего времени они разсѣялись по всей земли.

Мало по малу познаніе Бога Творца и Сохранителя всѣхъ тварей потерялось между большею частію людей.

Суевѣріе и поклоненіе богамъ ложнымъ заняли мѣсто истиннаго богопочитанія.

Небольшое число добродѣтельныхъ людей сохранили еще понятіе истиннаго Бога. Таковъ былъ Авраамъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Установленіе Божіе для сохраненія въ людяхъ понятія о высочайшемъ существѣ.

Авраамъ, человѣкъ добродѣтельный, сохранившій понятія о Богѣ и съ коимъ Богъ вступилъ въ общеніе, Авраамъ получилъ отъ Него обѣщаніе, что его потомки составятъ многочисленный народъ.

Сей народъ, называемый народомъ израилевымъ и потомъ народомъ іудейскимъ, былъ избранъ Богомъ къ тому, чтобъ сохранить познаніе и почитаніе истиннаго Бога.

Потомки Авраамовы перешли обитать въ плодоносной землѣ Египетской и размножились въ ней необъятно.

Цари Египетскіе, изъ зависти къ сему столь многочисленному и чужестранному народу, силились ихъ притѣснять всѣми способами.

Между прочимъ они дали повелѣніе, чтобъ всѣ младенцы іудейскіе мужескаго пола были избиваемы.

Одинъ изъ сихъ младенцевъ былъ спасенъ Фараоновою дщерію. Онъ назывался Моисеемъ и получилъ отличное воспитаніе.

Моисея въ послѣдствіи избралъ Богъ законодателемъ из-

раильскаго народа, и повелѣлъ ему вывесть его изъ земли Египетской въ другую страну.

Израильтяне вышли изъ Египта посредствомъ чудесъ, кои Богъ для нихъ явилъ чрезъ Моисея.

Прежде, нежели вступили они въ землю имъ обѣтованную, они жили въ степяхъ Аравіи каменистой сорокъ лѣтъ.

Въ теченіи сихъ сорока лѣтъ Моисей по повелѣнію Божію установилъ правленіе, въ коемъ самъ Богъ былъ главнымъ начальникомъ.

Моисей далъ такъ же израильтянамъ законы нравственные, извѣстные подъ именемъ десяти заповѣдей.

Послѣ 40 лѣтъ народъ израильской занялъ страну Хананскую и установилъ въ ней свое правленіе.

Доколѣ народъ сей повиновался повелѣніямъ Божіимъ, онъ былъ счастливъ.

Но онъ часто забывалъ своего благодѣтеля, и тогда Богъ наказывалъ различными бѣдами или казнями.

Онъ постановилъ въ послѣдствіи у себя царей, изъ коихъ нѣкоторые были угодны Богу, а другіе отъ него удалялись.

Чтобъ сохранить познаніе истиннаго Бога и истинное богопочитаніе, Богъ отъ времени до времени посылалъ людей мудрыхъ называемыхъ пророками, которые увѣщевали израильтянъ быть вѣрными Богу и хранить Его заповѣди.

Не смотря однакожъ на всѣ сіи предосторожности израильтяне сохранили отъ своей религіи одни только наружные обряды, забывъ служить Богу въ правотѣ сердца и добродѣтели.

Всѣ другіе народы сего времени были погружены въ глубочайшемъ невѣжествѣ истиннаго Бога, всѣ были идолопоклонники и предавались самымъ нелѣпымъ суевѣріямъ.

Тогда царствовала на земли неправда и утѣсненіе.

Тогда человѣкъ забылъ, что онъ предоставленъ къ другой жизни, которая должна быть наградою добродѣтелей и непорочныхъ нравовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

Іисусъ Христосъ.

Понеже Законъ Божій былъ незнаемъ всѣмъ народамъ и худо наблюдаемъ израильтянами, Богъ восхотѣлъ еще разъ научить людей давъ имъ на мѣсто Закона Моисеева совершеннѣйшую Религію.

Для сего то Богъ послалъ Сына своего въ міръ, чтобъ дать ему познать его Бога и открыть Его волю, чтобъ научить и показать людямъ истинныя средства Ему угодить и достигнуть блаженства будущей жизни.

Сынъ Божій, будучи самъ Богъ, родился отъ Св. Дѣвы Маріи непостижимымъ образомъ. Онъ родился въ странѣ іудейской отъ матери израильтянки.

Онъ названъ былъ Іисусомъ Христомъ.

Содѣлавшись и будучи человѣкомъ, Онъ жилъ между человѣками; но Его жизнь была образомъ всѣхъ добродѣтелей; тихъ, сострадателенъ и другъ человѣковъ, Онъ искалъ только дѣлать имъ добро.

Рожденъ въ бѣдности, Онъ не искалъ возвыситься и обогатиться.

Никогда ни малѣйшее поношеніе не выходило изъ Его устъ. Его слова были слова мира. Онъ прощалъ всѣмъ, кои Его оскорбляли. Онъ дѣлалъ добро тѣмъ, кои желали Ему сдѣлать зло.

Онъ возобновлялъ въ людяхъ понятія объ ихъ Творцѣ.

Онъ изображалъ Его имя, какъ отца ихъ любящаго и вмѣстѣ какъ судію, наказующаго или награждающаго людей по ихъ достоинству.

Онъ воззывалъ людей къ сему внутреннему чувствію добра и зла, коему прародители наши не вняли.

Онъ проповѣдалъ людямъ справедливость, любовь къ ближнимъ, благотворительность, единеніе и миръ.

Онъ соединилъ внѣшнее богопочитаніе съ исполненіемъ добродѣтелей и далъ самъ первый сему примѣръ.

Главное Его правило было:

> Возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего и отъ всей души твоей, и ближняго твоего яко же самъ себя.

Онъ научалъ всѣхъ людей безъ различія; Онъ показывалъ каждому, какъ онъ долженъ вести себя въ своемъ состояніи, быть добрымъ отцомъ, послушнымъ сыномъ, покорнымъ подданнымъ, справедливымъ, добрымъ господиномъ, вѣрнымъ и повиннымъ слугою.

Онъ далъ людямъ торжественное увѣреніе въ будущей жизни, показавъ имъ въ то же время, какимъ образомъ они должны ее заслужить.

Религія Его есть лучшее наставленіе людямъ къ спасенію ихъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IX.

Іисусъ Христосъ, гонимый и распятый своими соотечественниками.

Іисусъ Христосъ удостовѣрилъ свое ученіе многими чудесами.

Многіе изъ соотечественниковъ Его вѣрили, что Онъ

былъ величайшій пророкъ, что Онъ посланникъ и Сынъ Божій.

Но большая часть не соглашались ни признать Его въ семъ качествѣ, ни принять Его ученія, которымъ воззывалъ Онъ ихъ отъ порока къ добродѣтели.

Онъ былъ гонимъ не взирая на добро, которое Онъ дѣлалъ, и наконецъ, хотя изъятъ отъ всякаго преступленія, праведникъ былъ умерщвленъ людьми неблагодарными.

Онъ былъ всенародно осужденъ своими судьями и былъ распятъ по опредѣленію ихъ на крестѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ X.

Таинства, установленныя Іисусомъ Христомъ.

Іисусъ Христосъ прежде смерти своей увѣрилъ въ ясныхъ выраженіяхъ, что онъ умретъ за грѣхъ человѣческій, и что во уваженіе сей жертвы Богъ проститъ намъ наши преступленія, естьли мы въ нихъ раскаемся и исправимся, и въ семъ то отношеніи Онъ называется нашимъ *Искупителемъ и Спасителемъ*.

Въ продолженіи своего ученія Христосъ установилъ нѣкоторыя особенныя постановленія и обряды, въ коихъ понеже благодать Его и сила невидимымъ образомъ присутствуетъ и непостижимо для насъ дѣйствуетъ, Церковь Греко-Россійская называетъ ихъ *Таинствами*.

Сихъ Таинствъ считается семь:

1) Крещеніе, 2) Мѵропомазаніе, 3) Бракъ, 4) Елеосвященіе, 5) Священство, 6) Покаяніе, 7) Причащеніе.

Вы приступаете теперь къ двумъ послѣднимъ, и потому нужно ихъ изъяснить:

1) Покаяніе есть Таинство, въ коемъ кающійся отъ чис-

таго сердца получаетъ отъ Бога, невидимо въ семъ дѣйствіи присутствующаго, прощеніе въ своихъ грѣхахъ и даетъ Ему чрезъ Священника твердое обѣщаніе вновь въ нихъ не впадать.

И такъ при покаяніи должно себѣ представлять, что мы каемся въ нашихъ преступленіяхъ самому Богу, и что Священникъ есть только словъ нашихъ свидѣтель.

Прежде нежели приступимъ мы къ сему дѣйствію, должно, по внутреннему чувствію добра и зла, испытать намъ свою жизнь, замѣтить всѣ пороки и слабости, всѣ оскорбленія и несправедливости, которыя мы другимъ учинили, и въ нихъ сердечно раскаяться. Очистивъ себя такимъ образомъ должно приступить къ Причащенію.

2) Причащеніе есть Таинство, въ которомъ вѣрующій подъ видомъ хлѣба и вина пріобщается истиннаго тѣла и крови Христовой и связуется съ Христомъ неразрывно благодатію.

Наконецъ Онъ научилъ насъ, какимъ образомъ мы должны молиться Богу. Сія молитва съ славянскаго языка на русскомъ выражена можетъ быть слѣдующимъ образомъ:

Отецъ нашъ, Ты который владѣешь и небомъ и землею! да будетъ священно и прославлено имя Твое во всѣхъ, да царствуешь Ты въ сердцахъ, да исполняется вездѣ воля Твоя; хлѣбъ, нужный намъ для подкрѣпленія тѣла Ты намъ пошли и прости намъ оскорбленія, кои мы Тебѣ наносимъ, такъ какъ мы прощаемъ ихъ нашимъ ближнимъ; отдали отъ насъ случаи ко грѣху и уклони отъ насъ все душѣ нашей опасное.

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

Воскресеніе Іисуса Христа.

Іисусъ Христосъ въ самомъ дѣлѣ умеръ на крестѣ и тѣло его положено было во гробъ.

Но Богъ не хотѣлъ, чтобъ Онъ остался въ мертвыхъ. Іисусъ Христосъ воскресъ въ третій день.

Онъ былъ видимъ своими учениками или Апостолами, коихъ Онъ называлъ своими друзьями.

Онъ пребылъ еще съ ними 40 дней и разсуждалъ съ ними о способахъ распространить свое ученіе по всей земли и сдѣлать всѣхъ людей безъ различія участниками въ благотвореніяхъ, какія ученіе Его и смерть доставили.

Послѣ сорока дней по своемъ воскресеніи, Онъ вознесся на небо въ присутствіи своихъ учениковъ, обѣщавъ имъ послать Св. Духа, Духа Божія, который есть самъ Богъ, какъ Отецъ и Сынъ.

Сей образъ исповѣданія Бога какъ Отца, Сына и Св. Духа, называется ученіемъ о Св. Троицѣ; сіе ученіе есть Тайна непостижимая для человѣковъ.

Наконецъ, вскорѣ по вознесеніи Іисуса Христа на небо, Духъ Святый сошелъ на Апостоловъ, и съ сего времени они получили даръ говорить всѣми языками и творить чудеса.

ОТДѢЛЕНІЕ XII.

Установленіе Христіанства.

Апостолы, вдохновенные Духомъ Святымъ, старались распространить спасительное ученіе Іисуса Христа во всѣхъ народахъ.

Они путешествовали по разнымъ странамъ, возвѣщали Религію Спасителя, убѣждали смертныхъ пріять Его ученія, и оставить всѣ суевѣрія и пороки, и обратиться къ добродѣтели и правотѣ.

Они составили многія сочиненія, содержащія въ себѣ исторію жизни и смерти и воскресенія Іисуса Христа, собственныхъ ихъ дѣяній и правила Религіи.

Тѣ, кои принимали Христіанскую вѣру, были крещаемы во имя Отца и Сына и Св. Духа по заповѣди Іисуса Христа, и потомъ допущаемы къ Св. Причащенію.

Для отличія христіанъ отъ прочихъ народовъ составленъ Символъ (отличительной знакъ) или сокращенное ученіе о Вѣрѣ, по коему христіанинъ долженъ вѣрить.

Такимъ-то образомъ Богъ, любя человѣковъ, сдѣлалъ все, чтобъ воззвать ихъ къ добродѣтели отъ порока.

Но благодѣянія Религіи Іисуса Христа потеряны для тѣхъ, кои не хотятъ слѣдовать ея правиламъ.

членамъ нашего несчастнаго комитета, и—думаю—они обо всемъ къ вамъ писали. Нужнымъ же считаю довести до вашего свѣдѣнія только то, что когда начали кричать, что у васъ нѣсколько милліоновъ хранится въ англійскомъ банкѣ, что 700 т. серебромъ отправлены были вами въ Кіевъ на контракты, и что я и М. В. (*) были орудіями корыстолюбиваго вашего поведенія, и за сіе насъ пошлютъ въ ссылку: то я, убѣдясь опаснымъ положеніемъ жены моей, которая, по неосторожности моего свояка, узнавъ о всѣхъ вышеписанныхъ бредняхъ, на третій день послѣ вашего отсюда отъѣзда была такъ потревожена, что докторъ едва могъ спасти ее, просилъ графиню Ш., чтобъ она разсказала все то О. П. и открыла бы, что я, будучи совершенно невиненъ, того только желаю, чтобъ поведеніе мое строжайшимъ образомъ было изслѣдовано, и что счеты мои, кои найдены будутъ у васъ въ кабинетѣ, легко могутъ доказать не только невинность мою, но также и то, что вы не имѣете никакого у себя богатства. Графиня все сіе исполнила и привезла мнѣ увѣреніе, какъ отъ О. П., такъ и отъ супруги его, что они меня не выдадутъ; когда же я явился самъ къ нимъ, то О. П. спрашивалъ меня: неужели въ самомъ дѣлѣ вы не имѣете никакого состоянія? Я отвѣтствовалъ ему тоже, что и графу К.; но когда онъ мнѣ сказалъ, что я, можетъ быть, всего не знаю, и что деньги отданы кому нибудь взаймы, то я увѣрилъ его, что всѣ денежныя дѣла шли черезъ мои руки, и что вы, въ прошломъ году, отъѣзжая въ новгородскую М. А. деревню, оставляли у меня все свое богатство; но въ немъ не заключалось ничего болѣе вышеписанной суммы; публика же, хотя и насчитываетъ у васъ милліоны, но вздоръ сей разрѣшается однимъ тѣмъ, что ежели бы въ самомъ

(*) Д. ст. совѣтникъ Матвѣй Васильевичъ Могилянскій.

дѣлѣ вы имѣли большое состояніе, то, заботясь о сбереженіи нѣсколькихъ тысячъ, конечно болѣе бы заботились о милліонахъ. Кончивъ такимъ образомъ разговоръ съ О. П., я послѣ сего времени болѣе уже не слыхалъ отъ него на счетъ васъ никакого любопытства, кромѣ того только, что, когда обрадованъ я былъ полученіемъ отъ васъ письма, съ частнымъ (*) вами посланнаго, и когда онъ отъ графини узналъ, что и вы ей совѣтуете просить его въ опекуны, то изъявилъ желаніе видѣть ваше письмо, и я принужденъ былъ оное ему показать. На сіе рѣшился я не только потому, что письмо не содержало въ себѣ ничего важнаго, но что оно и отдано мнѣ было отъ М. П. (**) распечатанное, съ такимъ объясненіемъ, что оное, какъ равно и письмо къ Е. А. (***) читано было Государемъ, и велѣно отдать ихъ мнѣ. При семъ случаѣ М. П. объявилъ мнѣ, что если буду я писать къ вамъ, то письма доставлялъ бы къ нему; но чтобъ лишняго въ нихъ я ничего не писалъ. Я отозвался ему, что кромѣ домашнихъ вашихъ дѣлъ писать мнѣ не о чемъ. При отъѣздѣ же своемъ въ Вильно, когда я принесъ къ нему деньги за М. Л. (****), онъ еще подтвердилъ мнѣ тоже самое и велѣлъ, что если письмо у меня готово, то принесъ бы къ нему, а если его уже не застану, то представилъ бы оное къ С. К. В. (*****). Не зная къ чему отнести таковое М. П. настояніе, я рѣшился напередъ испросить на сіе вашего наставленія, и потому на-

---

(*) Частнымъ приставомъ, который провожалъ Сперанскаго до Нижняго-Новгорода.

(**) Министра полиціи.

(***) Елисавета Андреевна Стифенсъ, мать покойной супруги Сперанскаго.

(****) Михаила Леонтьевича Магницкаго.

(*****) Сергій Козьмичъ Вязмитиновъ, с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ.

мѣренъ былъ, описавши всѣ вздорные и неправдоподобные разсказы, послать къ вамъ нарочно вручителя сего—дядю моего П. П. П. (*), вами довольно облагодѣтельствованнаго и питающаго къ вамъ истинную благодарность; но Ф. П. (**) отъ того меня удержалъ, представя мнѣ, что таковая посылка, по нерозысканію вѣрныхъ причинъ вашего несчастія, будетъ болѣе вредна, нежели полезна, и что онъ надѣется самъ скоро къ вамъ отправиться, поелику С. К. В. обнадежилъ отпустить его, коль скоро кабинетъ вашъ будетъ распечатанъ. Узнавъ о семъ и желая ускорить отъѣздъ отсюда Ф. П., я счелъ нужнымъ по часту являться къ Сергію Козьмичу и просить его о распечатаніи кабинета вашего, представляя, что мнѣ нужны нѣкоторыя бумаги, къ домашнимъ вашимъ дѣламъ принадлежащія и въ кабинетѣ вашемъ хранящіяся, но наконецъ, хотя я и успѣлъ въ томъ и кабинетъ вашъ хотя и сдали мнѣ 3-го мая; но Ф. П. и до сихъ поръ не отпускаютъ, подъ предлогомъ, будто бы снова писано о немъ Государю. Въ бумагахъ, мнѣ сданныхъ, я получилъ одинъ конвертъ запечатанный и для отправленія къ вамъ вручилъ его Ф. П., прочія же бумаги, какъ то: патенты, рескрипты, планы съ межевыми книгами на новгородскую деревню и нѣсколько моихъ счетовъ оставилъ до приказанія вашего у себя. Между тѣмъ считаю непремѣнною обязанностію васъ увѣдомить, что Л. (***) вашъ есть не что другое, какъ шпіонъ. Это достовѣрно кажется потому, что онъ подкупалъ гр. К. людей и сулилъ имъ сто рублей, за то, чтобы они открыли ему, куда графъ по вечерамъ ѣздитъ. Между прочимъ сказывалъ онъ имъ, что будтобы вы отдали въ заемъ вдругъ 400 т. руб. Сверхъ того шпіонство его доказывается и

(*) Петра Петровича Попова.

(**) Цейеръ.

(***) Лаврентій, камердинеръ Сперанскаго.

тѣмъ, что М. П. призывалъ Баташева и, показавъ ему двѣ записки, писанныя къ вамъ не задолго до несчастія вашего о 175 т., которыя должно Баташеву адмиралтейство, и кои онъ намъ отдавалъ подъ залогъ Парголова, требовалъ отъ него поясненія тѣмъ запискамъ. Баташевъ словесно объяснилъ всю истину и указалъ даже на закладную нашу, которая за мѣсяцъ до несчастія вашего въ гражданской палатѣ была написана. Онъ въ тѣхъ запискахъ ругалъ между прочимъ Кнауфа и одного изъ прежнихъ своихъ приказчиковъ Ярцова, и просилъ васъ записки сіи изорвать, и притомъ помнитъ, что записки сіи сынъ его именно отдалъ Лаврушкѣ. Я подозрѣваю его въ шпіонствѣ и по ядовитому смѣху его, который я замѣтилъ въ то время, когда М. Л. у васъ находился въ послѣдній передъ несчастіемъ вашимъ вечеръ. Сверхъ того намъ извѣстно сдѣлалось, что у М. Л. и управитель и двое изъ лакеевъ также были шпіоны. Доводя все сіе до свѣдѣнія вашего, я также поспѣшаю васъ увѣдомить, что черезъ Шкафтъ (*) посылать письма я считаю не очень вѣрнымъ способомъ, потому что тамъ теперь опредѣленъ графомъ въ управители одинъ знакомый О. П. К., итальянецъ Пріори. Я даже сомнѣваюсь, что письмо ваше, кое вы черезъ него изволили послать, не гуляло ли также, какъ и другія ваши письма, поелику я получилъ оное отъ Пріори при письмѣ отъ 12-го мая, а вами оно послано 12-го апрѣля. Развѣ не удержалъ ли его долго Ар. А. (**)? Ежели нужно дѣлать какія либо особенныя порученія, то я честь имѣю представить для сего показаннаго дядю моего, яко человѣка вамъ всей душею преданнаго и повер-

(*) Названіе завода графа Ш.

(**) Сенаторъ Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ, который былъ преданъ Сперанскому.

гающаго себя въ совершенное ваше распоряженіе, съ коимъ и деньги 20 т. руб., полученныя мною по билетамъ вашимъ, честь имѣю препроводить. Проценты же 935 руб. отправлю вслѣдъ за симъ мелкими ассигнаціями вмѣстѣ съ вещами, коихъ вы изволите требовать.

Въ разсужденіи новгородской вашей деревни я честь имѣю васъ удостовѣрить, что я по экономіи не упущу никакихъ вашихъ выгодъ. Между тѣмъ, доводя до свѣдѣнія вашего о ветхости кровли на домѣ, я хотя и предполагаю нынѣ же приступить къ исправленію всего того, но напередъ испрашиваю разрѣшенія вашего: не изволите-ли приказать покрыть домъ вашъ желѣзомъ? Я на будущей недѣлѣ отправлюсь въ деревню и донесу вамъ обо всемъ обстоятельнѣе. Я по назначенію вашему хотя и вступилъ въ переписку съ новгородскимъ вице-губернаторомъ, но онъ на письмо мое къ нему не удостоилъ меня даже отвѣтомъ своимъ, и я утруждать его болѣе считаю совершенно излишнимъ.

Всепокорнѣйше прошу дать мнѣ наставленіе: въ отвѣтѣ на письма ваши не нужно ли мнѣ приличнымъ образомъ выказать ваше состояніе, дабы Государь могъ это увидѣть. М. П. вѣрно не представилъ ему о томъ. И не прикажете ли помѣстить въ отвѣтѣ моемъ еще что нибудь, чрезъ что бы вы имѣли случай написать сюда то, что для васъ нужно. Я все то, премилосердый отецъ, исполню. Сыновняя моя къ вамъ преданность не имѣетъ предѣловъ, и я весь вашъ. Мнѣ нетерпѣливо хочется отправиться къ вамъ самому, но дѣла меня здѣсь задерживаютъ. Не смотря однакоже на все сіе, я прилечу къ вамъ, если пріѣздъ мой нуженъ».

Прежде, чѣмъ Сперанскій получилъ вышеприведенное письмо покойнаго отца моего, онъ написалъ къ нему изъ Нижняго-Новгорода слѣдующее:

Нижній. 22-го марта 1812 г.

«Я просилъ министра полиціи вручить вамъ, любезный Петръ Григорьевичъ, всѣ бумаги, къ домашнимъ моимъ дѣламъ относящіяся. Принявъ ихъ и разобравъ, прошу сдѣлать слѣдующія распоряженія:

1) Разчесться съ жалованьемъ, на что вслѣдъ за симъ пришлю я вамъ вѣрющее письмо.

2) Войти въ переписку съ новгородскимъ вице-губернаторомъ о деревнѣ (*) и принять дѣла въ ваше управленіе, посредствомъ опредѣленнаго тамъ на мѣстѣ управителя.

3) Получить деньги съ аренды, на что также пришлю я вамъ вѣрющее письмо.

4) Изготовить и прислать ко мнѣ прошеніе объ увольненіи меня отъ всѣхъ опекъ. Графинѣ Ш. нѣтъ другаго спасенія, какъ просить, чтобы О. П. Козодавлевъ занялъ мое мѣсто.

Простите! Я такъ много писалъ, что рука болѣе не пишетъ. Пишите ко мнѣ сюда, сколь можно чаще. Вѣрьте истинной моей дружбѣ. Душевно васъ обнимаю.»

Вслѣдъ затѣмъ мать покойной супруги Сперанскаго, г-жа Стифенсъ, передала покойному отцу моему письмо Михайла Михайловича, ею отъ него полученное. Вотъ это письмо:

Ce 27 Mars 1812.

«Me voici tout-à fait établi à Nijni et parfaitement tranquille sur mon sort; je ne soupire qu'après le moment de nous voir réunis. J'ai pris possession de la petite maison que

(*) Сельцо Великополье, близъ Новгорода, принадлежавшее дочери Сперанскаго.

je vous ai annoncée; en verité elle est bien jolie et commode; je suis sûr qu'elle vous plaira, ma chère et bonne maman; il y a un jardin isolé de toute autre habitation, de sorte que vous pouvez y descendre sans vous gêner le moins du monde.

Je vous ai déjà marqué la route qui vous serait la plus convenable à prendre; tout ce que j'ai appris depuis me confirme dans la même idée. Mais au nom du ciel, n'ayez aucun égard à mon impatience de vous voir ici, voyagez tranquillement et commodément. Je suppose que vous ne partirez qu'au commencement du mois de Mai, lorsque les rivières rentreront déjà dans leurs lits; vous passerez par conséquent les Pâques à Pétersbourg. Je défends à ma chère et bonne Lise de ternir cette fête par le moindre chagrin et je la prie de la passer avec ses amies aussi gaiement qu'il lui sera possible. J'attends vos lettres, ma chère maman, avec beaucoup d'impatience, et si quelque chose est capable de m'inquiéter, c'est l'incertitude où je suis sur vorte santé. Je vous écrirai constamment une fois par semaine; faites en autant, ma chère maman. Vous avez encore l'avantage de m'écrire deux fois dans huit jours, quoique je ne recevrai de vos lettres qu'une seule fois. Quoique je n'ai pas besoin pour le moment des pillulles de M-r Harbaur, j'aurais desiré cependant d'en avoir la recette par précaution. Voulez-vous bien lui en parler. Aux articles, que j'avais designé dans ma lettre précedente pour être envoyés ici, je vous prie d'ajouter des tapis. Tout ce que nous avons dans ce genre sera expedié par eau sur le même transport que les vins et la bière. M-r. Massalsky vous rendra compte de mes intentions pour la terre de Novgorod. Je ne voudrais pas la vendre, et vous approuverez certainement mes raisons, quand je vous les aurai exposées de vive-voix. Si cette terre ne nous rapporte que 3.000 r. par an, je considère encore que le capital est mieux placé qu'il ne saurait l'être d'aucune autre manière.

Adieu, ma chère et bonne maman, je vous baise les deux mains et j'embrasse bien tendrement ma bonne Lise-Lise.»

Нижній. 29-го мая 1812 г.

«Изъ разныхъ писемъ моихъ, любезный Петръ Григорьичъ, два только могли къ вамъ дойти: одно чрезъ офицера меня провожавшаго, другое чрезъ Шкафты. Отъ васъ не получалъ я ни одного, хотя и увѣренъ, что вы ко мнѣ писали. Теперь есть вѣрный случай писать съ симъ подателемъ.—Вѣрющихъ писемъ присылать къ вамъ не хочу, чтобъ не нанесть вамъ хлопотъ, а съ другой стороны и деньги не пропадутъ. Объ одномъ васъ прошу: обратить вниманіе ваше на новгородскую деревню. Я хочу сохранить ее непремѣнно.—Вы располагались побывать на казанскихъ вашихъ заводахъ, весьма бы хорошо сдѣлали; путь вашъ лежитъ чрезъ Нижній. Не думайте, чтобъ меня здѣсь нельзя было видѣть съ совершенною безопасностію. Слава Богу, на святой руси, какъ дома. Множество вещей мы могли бы здѣсь распорядить и учредить; а въ Казани братъ мой, и губернаторъ истинный и непремѣняемый мой пріятель вамъ во всемъ пособитъ.—Не слыхали ли чего нибудь о Магницкомъ? — Если нужны ему деньги, прошу перевесть на мой счетъ. Кстати о деньгахъ: я всѣ мои банковые билеты успѣлъ захватить, и съ сей стороны нѣтъ ни малѣйшей заботы. Прощайте, пишите ко мнѣ обо всемъ и сколько можно подробнѣе съ симъ же подателемъ. Душевно васъ и вашихъ обнимаю (*).»

(*) Въ сочиненіи барона Корфа нѣкоторыя изъ приведенныхъ писемъ помѣщены сокращенно, а нѣкоторыя другія сведены вмѣстѣ, какъ то соотвѣтствовало содержанію его книги. Настоящій сборникъ имѣетъ другую цѣль, и потому въ немъ эти письма перепечатываются вполнѣ.

Отъ 10-го апрѣля 1812 года Сперанскій, увѣдомляя отца моего о неожиданномъ пріѣздѣ къ нему, въ Нижній Новгородъ, дочери его, между прочимъ писалъ: «Мнѣ сказывали, что вы безмѣрно печалитесь. Развѣ вы не вѣрите провидѣнію? сколько разъ я твердилъ вамъ, что вѣра состоитъ не въ словахъ, а въ дѣлѣ».

На письмо отца моего, помѣщенное выше, Сперанскій отвѣчалъ слѣдующее:

Нижній. 14-го августа 1812 г.

«Письма ваши, любезный мой Петръ Григорьевичъ, съ Петромъ Петровичемъ, съ симъ подателемъ и наконецъ съ Данковымъ, пріѣзжавшимъ отъ Злобина, я въ свое время получилъ; получилъ также одно письмо ваше и черезъ почту вмѣстѣ съ другими. Благодарить васъ не могу и не стану; сами вы въ собственномъ вашемъ сердцѣ найдете всѣ выраженія моей признательности. Лимоны, апельсины, портеръ—все въ свое время и исправно получено, и за здравіе ваше потребляется; обращаюсь къ дѣлу:

1) *О перепискѣ*. Я не вижу никакой надобности переписываться по почтѣ. Что̀ бы мы ни написали, ничему не повѣрятъ. Къ чему же намъ тѣшить нашихъ непріятелей. Путь теперь проложенъ; лучшее—черезъ него сноситься. Выказывать мое состояніе не худо; но къ сему довольно словесныхъ, гдѣ нужно, изъясненій. Говоря о семъ съ графомъ Кочубеемъ, вы забыли, что денегъ въ долгъ не отдаютъ безъ векселей или закладныхъ. Гдѣ же они? пусть найдутъ ихъ въ бумагахъ—я дарю все находчикамъ. Вы напрасно усомнились въ письмѣ черезъ Шкафтъ (*). Оно поздно было отдано отъ Аркадія Алексѣевича. Въ прочемъ и сей путь совершенно не нуженъ. Письма къ графинѣ Головкиной я написать теперь не успѣю; да и не думаю,

(*) Заводъ графа Шувалова.

чтобъ можно было теперь успѣть съ кѣмъ и какъ его послать? Лучше отложить до окончанія войны: тогда все прояснится.

2) *О денежныхъ дѣлахъ*. Слѣдуя моей системѣ, я сбылъ здѣсь съ рукъ мои банковые билеты. Осталось десять тысячъ съ процентами, кои съ симъ къ вамъ посылаю, прося васъ покорнѣйше, *какъ можно скорѣе* ихъ размѣнять, достать *голландскихъ*, *добрыхъ* червонцевъ, хотя бы то было и въ 13 р. 50 к., и запечатавъ доставить *все* съ вручителемъ сего, г-мъ Швылевымъ (*), который обѣщался скоро сюда возвратиться. Сіе тѣмъ болѣе нужно, что съ нимъ я буду ожидать отъ всѣхъ моихъ пріятелей писемъ; а потому и прошу васъ объ отъѣздѣ его кому слѣдуетъ сказать. Онъ такъ же вручитъ вамъ извѣстный графа Кочубея вексель. Срокъ въ сентябрѣ. Побывайте сами у графа и, представивъ ему разстроенное мое состояніе, убѣдите заплатить, и тогда, обративъ и сіи деньги въ золото, ко мнѣ такъ же доставить. Изъ всей суммы сей мнѣ нужно только 5.000 р. ас. на прожитокъ. Если бы, паче чаянія, графъ затруднился недостаткомъ наличныхъ: тогда пріищите ему заемъ, а послѣднее средство предложите ему: написать сюда къ управляющему здѣсь деревнями его, моему пріятелю Лукѣ Ивановичу Серебряникову, чтобъ онъ заплатилъ изъ доходовъ его 15.000 р. тому, отъ кого вексель на сію сумму будетъ къ нему предъявленъ, не именуя хоть меня, и письмо сіе черезъ васъ вмѣстѣ съ векселемъ ко мнѣ доставить. Но сіе средство есть послѣднее, ибо оно для меня не безъ затрудненія. Какъ бы то ни было дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ вексель сколь можно скорѣе заплаченъ былъ и червонцы лежали бы у моей Елисаветы въ изголовьи. Всѣ сіи попеченія я для нея

(*) Ярославскій купецъ Петръ Ивановичъ Швылевъ.

дѣлаю, готовясь самъ на всѣ происшествія. Изъ сего вы изволите понять, сколь мнѣ желательно все сіе окончить. Цейеру, если ему понадобится, давать на мой счетъ сколько ему нужно.

3) *О деревнѣ.* За всѣ распоряженія ваши весьма благодаренъ; ради Бога, съѣздите туда сами и посмотрите, и дайте мнѣ хоть краткое понятіе: будетъ ли и какой именно доходъ, и когда ожидать его можно. Шутка ли: другой годъ все идетъ даромъ. Вы знаете, что я выдалъ обязательства. Дому перекрывать не нужно, а починить, чтобъ не было течи, и въ прочемъ все поддерживать, какъ было.

4) *О жалованьѣ.* Нельзя ли выправиться, въ какомъ положеніи мое жалованье? Не ужели за сіе повѣсятъ?—Вы знакомы съ Лубьяновичемъ, и даже канцелярскій чиновникъ можетъ знать, ассигнуются ли мнѣ деньги, и не было ли особеннаго указа все остановить. Мнѣ даже и неприлично не требовать жалованья, и если паче чаянія оно есть или по крайней мѣрѣ не запрещено выдать то, что по 17-е марта причитается: тогда я напишу по почтѣ къ министру финансовъ, чтобъ ассигновалъ мнѣ сіи деньги въ здѣшней казенной палатѣ.

5) *О книгахъ.* Я не вижу никакой нужды ихъ складывать или пересылать. Здѣсь ихъ у меня довольно.

6) Я съ охотою перемѣнилъ бы и Лаврентія и Карпѣя, не потому, что они подозрительны, но потому, что избалованы; но кѣмъ прикажете?—Здѣсь нѣтъ живаго человѣка, а съ однимъ Васильемъ остаться невозможно. Впрочемъ здѣсь имъ надзирать нечего; а если ихъ купили, то и другихъ еще скорѣе купятъ, чему однакожъ я совсѣмъ не вѣрю.

Прощайте, мой любезный! Еще разъ душевно благодарю и обнимаю.

P. S. Письма я всѣ жгу и истребляю безъ пощады.»

Около того времени, когда войска Наполеона въ началѣ сентября 1812 года заняли Москву, Сперанскому повелѣно было удалиться въ Пермь. Двѣнадцатилѣтняя дочь его и теща, г-жа Стифенсъ, возвратились изъ Нижняго въ Петербургъ, а оттуда отправились въ сельцо Сперанскаго, Великополье, верстахъ въ десяти отъ Новгорода, чтобы тамъ поселиться. Съ ярославскимъ купцомъ Швылевымъ, на вѣрность котораго отецъ мой полагался, послалъ онъ въ Пермь весною 1813 года письмо о разныхъ мѣрахъ, принятыхъ отцомъ моимъ по домашнимъ дѣламъ Сперанскаго, и между прочимъ написалъ: «Къ крайнему нашему прискорбію узнали мы, что вы изъ Нижняго удалены въ Пермь. Одни утверждали, что васъ удалили въ Пермь за то, что вы будтобы при случившемся у нижегородскаго преосвященнаго, въ присутствіи многихъ особъ, разговорѣ объ опасностяхъ отъ врага Нижнему Новгороду, отозвались преосвященному, что лично ему не можетъ быть никакой опасности, потому, что Наполеонъ духовныхъ особъ уважаетъ. А другіе удаленіе сіе относили представленію графа Толстаго, который будтобы доносилъ, что чернь противъ васъ толпою наполнена злобою, что если вы долѣе будете оставаться въ Нижнемъ, то онъ не отвѣчаетъ даже за жизнь вашу».

Съ тѣмъ же купцомъ Швылевымъ Сперанскій прислалъ отцу моему слѣдующія письма:

«Пермь. 6-го іюля (*) 1813.

«Посланный вашъ, любезный мой Петръ Григорьевичъ, явился здѣсь, какъ ангелъ съ неба: столь мало я его ожи-

(*) Въ книгѣ барона Корфа это письмо отнесено вѣроятно по ошибкѣ въ доставленной ему копіи къ ноябрю 1812 года

далъ. Вы безконечно меня симъ обрадовали; но опечалили вашими изъясненіями о моихъ сомнѣніяхъ въ вашей дружбѣ.—Послѣднее чувство, которое во мнѣ угаснетъ, это будетъ довѣріе къ людямъ и въ особенности къ друзьямъ моимъ.

Покорнѣйше прошу исполнить слѣдующія просьбы (*):

1) Передать все управленіе деревни и дому Елисаветѣ Андреевнѣ и съ доходами, какіе отъ деревни быть могутъ—не отказывая однакоже въ дружеской, гдѣ нужно, помощи.

2) Изъ 25.000 р., въ послѣдній разъ отправленныхъ и состоящихъ въ 10.000 билетѣ и 15.000 векселѣ, 20.000 руб. золотомъ отдать Елисаветѣ Андреевнѣ; изъ остальныхъ же 5000 р.: 1) разчесться съ Михаиломъ Васильичемъ въ издержкахъ; 2) удовлетворить людей моихъ по билетамъ, кои отъ меня имъ выданы. Это долгъ священный, потому что они меня здѣсь кормили своими деньгами. У меня не было ни полушки, и я принужденъ былъ закладывать кресты и табакерки; 3) остальное за тѣмъ отдать Елисаветѣ Андреевнѣ. Одно изъ самыхъ большихъ огорченій для меня будетъ узнать, что сіе не кончено. Если, паче чаянія, вексель еще не заплаченъ: то 1) усовѣстить векселедавца положеніемъ и нуждами моей дочери; 2) постращать мимоходомъ, чтобъ я не написалъ о семъ прямо къ нему съ почтою. Между тѣмъ вексель протестовать и привесть въ порядокъ.

3) Въ случаѣ неудачи и недостатка покорнѣйше прошу снабжать Елисавету Андреевну деньгами въ заемъ по возможности.

4) Министръ полиціи извѣстилъ меня, что мнѣ назначе-

(*) Это письмо вѣроятно было написано прежде пріѣзда купца Швылева въ Пермь и приложено къ письму отъ 6-го іюля.

но въ содержаніе 6.000 рублей. Мѣсяцъ прошелъ, а никакого назначенія сюда не сдѣлано. Посему полагая, что деньги сіи будутъ выдаваемы въ Петербургѣ, съ прошедшею почтою послалъ я къ министру полиціи на ваше имя довѣренность, предоставляя ему впрочемъ вручить вамъ сію бумагу или же прямо ассигновать деньги сюда. Я не думаю, любезный мой Петръ Григорьичъ, чтобъ вы симъ обременились. Сокрыть нашего знакомства и дружбы уже невозможно, а опасности для васъ я тутъ не вижу.—Если довѣренность сія къ вамъ дойдетъ: то прошу каждые два мѣсяца присылать мнѣ по 500 руб., а достальныя 500 р. отдавать Елисаветѣ Андреевнѣ на прожитокъ.

5) Нельзя ли какъ нибудь черезъ нѣмцевъ развѣдать о моей арендѣ и возстановить доходъ ея. Если дѣло состоитъ только въ уполномочіи: то я не вижу, для чего бы вамъ не принимать сего на себя. По первому извѣщенію о семъ, я прислалъ бы вамъ довѣренность.

6) Повару Александру и Карнѣю я прошу выдать увольнительные виды на годъ. Обоимъ имъ сіе непремѣнно обѣщано.

Весьма радъ и доволенъ всѣми вашими распоряженіями по дѣламъ моимъ. Не сомнѣваюсь, что и доходъ съ аренды вы возстановите: тогда состояніе мое будетъ преизрядное и по крайней мѣрѣ беззаботное потому, что большаго я никогда не желалъ.

Денегъ сюда ко мнѣ прошу не высылать. Я забралъ здѣсь все, что взять было можно, то есть, за прошедшій годъ и за пять мѣсяцевъ настоящаго. Деньги, взятыя вами изъ казначейства, должно будетъ возвратить.—Удивляюсь податливости министра финансовъ и пріемлю ее съ благодарностію. По мѣрѣ полученія мѣсячнаго моего содержанія прошу отдавать его Елисаветѣ Андреевнѣ на прожитокъ.—Здѣсь я не имѣю ни въ чемъ нужды, и если бы и

желалъ, то никакъ не могу прожить болѣе двухъ тысячъ рублей въ годъ (*). Съ братомъ пришлю къ вамъ лишнія мои деньги 8 тысячъ рублей, чтобъ сдѣлать изъ нихъ такое же, какъ и прежде, употребленіе. Поздравляю съ домомъ. Богатѣйте, мой другъ; вамъ и дѣтямъ вашимъ сіе нужно, и никто, зная васъ, сему не позавидуетъ, но всякій еще порадоваться долженъ, что достается въ добрыя руки.

Подробности моего здѣсь пребыванія и моихъ надеждъ перескажетъ вамъ Цейеръ изъ письма, которое къ нему пишу.—Я такъ много писалъ, что рукой не владѣю. Прощайте, душевно васъ обнимаю.»

Помѣщенныя въ концѣ этого письма слова: «подробности моего здѣсь пребыванія и моихъ надеждъ» относились къ тому обстоятельству, что въ январѣ 1813 года Сперанскій написалъ оправдательное письмо къ Императору Александру I, которое поручилъ дочери своей отдать въ собственныя руки Государя. Въ публикѣ обращается много списковъ съ этого письма, но со многими ошибками и невѣрностями, изъ которыхъ многія могутъ возбуждать превратные и неосновательные толки. Списокъ, который мы сообщимъ ниже нашимъ читателямъ, снятъ съ черновой копіи, которую самъ Сперанскій довѣрилъ покойному отцу моему. Чтеніе этого, можно сказать, историческаго акта, безъ сомнѣнія, возбудитъ въ каждомъ читателѣ усладительную мысль, что великъ тотъ Монархъ, которому подданный такъ смѣло и благородно могъ говорить истину (**).

(*) Счетъ тогда былъ на ассигнаціи.

(**) Письмо это съ приложенной къ нему запиской въ книгѣ барона Корфа размѣщено частями по принадлежности предметовъ; здѣсь же оно помѣщается въ послѣдовательной его связи.

Списокъ съ письма тайнаго совѣтника Сперанскаго къ Государю Императору.

Въ январѣ 1813 года изъ Перми.

«Всемилостивѣйшій Государь!

«При отлученіи меня, Ваше Императорское Величество между прочими знаками милостиваго вниманія сказали мнѣ: «что во всякомъ другомъ положеніи дѣлъ, менѣе настоятельномъ, Вы употребили-бы годъ или два, чтобъ точнѣе разсмотрѣть и повѣрить свѣдѣнія, къ Вамъ о мнѣ дошедшія». Изъ сего долженъ я заключить, что мнѣніе Ваше о мнѣ не рѣшено еще невозвратно. Въ послѣдствіи назначеніе денежнаго мнѣ пособія и невидимая, но мнѣ примѣтная, защита Ваша, утвердили еще болѣе сію надежду.

«Среди дѣлъ столь высокой важности мнѣ казалось непристойнымъ развлекать собою Ваше вниманіе. Теперь, когда дѣла сіи пріемлютъ видъ окончательный, могу ли я ласкаться, что Ваше Величество удостоите исполнить то, что прежде признавали справедливымъ. Представляю сіе письмо посредствомъ моей дочери потому, что всякій другой путь откровеннаго изъясненія мнѣ пресѣченъ, и не знаю еще, какъ и сіе дойдетъ непосредственно до рукъ Вашихъ.

«Удостойте, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего вниманія объясненія, присемъ прилагаемыя, не столько изъ снисхожденія къ моей судьбѣ, какъ по уваженію ихъ предмета. Судьба моя и безъ нихъ, по единому движенію справедливости и благости Вашей, могла бы рѣшиться. Но Государи всегда имѣютъ личную и прямую пользу внимать истинѣ, особливо когда она касается до важныхъ дѣлъ государственныхъ.

«Есмь съ благоговѣніемъ, и проч.

«Въ самомъ началѣ царствованія Ваше Императорское Величество постановили себѣ правиломъ, послѣ толикихъ колебаній нашего правительства, составить наконецъ твердое и на законахъ основанное положеніе, сообразное духу времени и степени просвѣщенія, и слѣдовать ему неуклонно.

«Отъ сего единаго начала постепенно возникли всѣ главныя учрежденія Ваши, учрежденія, кои по важности и пространству своему могли бы прославить самое долголѣтнее и дѣятельное царствованіе, если бы, или люди были справедливѣе, или обстоятельства счастливѣе.

«Исполнители, коихъ Ваше Величество употребляли въ семъ дѣлѣ, каждый попеременно въ свою очередь, были предметомъ зависти, клеветы и злословія въ большей или меньшей степени. Сему и быть надлежало, когда Ваше Величество и сами не рѣдко встрѣчались съ такъ называемымъ общимъ мнѣніемъ, коего привычки и страсти не терпѣли перемѣнъ въ настоящемъ и страшились ихъ еще болѣе въ будущемъ.

«Не взирая на сіе, чрезъ двѣнадцать лѣтъ Ваше Величество постоянно слѣдовали симъ путемъ. Мѣнялись люди, измѣнялись планы; но главная мысль и намѣренія оставались непремѣнными.

«До 1808 года я былъ почти только зрителемъ и удаленнымъ исполнителемъ сихъ преобразованій; но мысли мои и сердце всегда слѣдовали за ними. Когда въ 1803 году Вашему Величеству угодно было поручить мнѣ, чрезъ графа Кочубея, въ начальствѣ коего я тогда служилъ, составить планъ образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ Имперіи, я принялъ сіе порученіе съ радостію и исполнилъ его съ усердіемъ.

«Въ концѣ 1808 года, послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ, Ваше Величество начали занимать меня постояннѣе пред-

метами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ Вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги, прежде къ Вамъ дошедшія, и не рѣдко удостоивая провождать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся.

«Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій Вашего Величества, надлежало наконецъ составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія.

«Въ существѣ своемъ онъ не содержитъ ничего новаго; по идеямъ, съ 1801 года занимавшимъ Ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе.

«Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобъ посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ, и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сея власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы.

«Въ теченіи слишкомъ двухъ мѣсяцовъ занимаясь почти ежедневно разсмотрѣніемъ его, послѣ многихъ перемѣнъ, дополненій и поправленій, Ваше Величество положили наконецъ приводить его въ дѣйствіе.

«Полезнѣе, можетъ быть, было бы всѣ установленія сего плана, пріуготовивъ вдругъ, открыть единовременно: тогда они явились-бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности, и не произвели-бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. Но Ваше Величество признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе ни было основательно, но въ послѣдствіи оно содѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана Правительства, судили намѣренія его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали,

и не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, страшились вредныхъ уновленій.

«Пройду кратко всѣ установленія, отъ плана сего возникшія, дабы означить, какъ вмѣстѣ съ ними возникала и расширялась клевета и ненависть, всегда ихъ преслѣдовавшія.

«*I. Совѣтъ.* Учрежденіе его, за мѣсяцъ прежде открытія, сообщено было графу Николаю Ивановичу Заводовскому и князю Лопухину. Словесно и письменно они его одобрили, всѣ послѣдствія его оправдали. Но одни видѣли въ семъ установленіи подражаніе французскому, хотя кромѣ раздѣленія дѣлъ ничего они не имѣютъ общаго. Другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія стѣсняетъ власть Государеву. Гдѣ и какимъ образомъ? Не по Государеву-ли повелѣнію дѣла вносятся въ Совѣтъ? Не единымъ ли словомъ Его рѣшатся? Но зависть и клевета лучше желаютъ казаться слѣпыми, нежели быть безгласными.

«*II. Министерства.* Въ манифестѣ 1802 года обѣщаны были подробныя учрежденія или инструкціи министрамъ, но до 1810 года ихъ не было. Безпорядокъ и смѣшеніе при личныхъ, взаимныхъ недоразумѣніяхъ, доходили до крайности. Ваше Величество, стоя въ средоточіи дѣлъ, въ собственной работѣ Вашей съ министрами, болѣе всѣхъ сіе чувствовали и почти ежедневно напоминали мнѣ о необходимости сего учрежденія. По мыслямъ Вашего Величества составленъ былъ планъ, внесенъ на разсмотрѣніе предсѣдателей Совѣта, всѣми единогласно одобренъ и потомъ принятъ въ Совѣтѣ. На семъ основанъ былъ манифестъ о раздѣленіи министерствъ и составленъ общій уставъ.

«Въ раздѣленіи министерствъ допущена нѣкоторая отъ прежняго перемѣна въ размѣщеніи или, такъ сказать, въ рамахъ дѣлъ; но рамы сіи никогда не могли быть неподвижны, и на будущее время нѣсколько разъ еще измѣ-

ниться могутъ. Изъ сей перемѣны возникли два новыя министерства: полиціи и контроля; но первое учреждено по собственному и личному убѣжденію Вашего Величества въ его необходимости, а второе основано на порядкѣ счетовъ неоспоримомъ и очевидномъ.

«*Общій уставъ* постановилъ самые точные и ясные предѣлы отношеніямъ и власти министровъ. Смѣю утверждать съ достовѣрностію, что ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и твердымъ. Оно лежитъ теперь покрыто пылью и прахомъ; но время и опытъ возстановятъ его и оправдаютъ.

«Надлежало приступить къ частнымъ уставамъ. Возложено было на самихъ министровъ составить проекты, дабы послѣ пересмотрѣть ихъ и привесть въ единство.

«Здѣсь каждый министръ, считая ввѣренное ему министерство за пожалованную деревню, старался наполнить ее и людьми и деньгами. Тотъ, кто прикасался къ сей собственности, былъ явный иллюминатъ и предатель государства, и это былъ я. Мнѣ одному противъ осьми сильныхъ надлежало вести сію тяжбу. У одного министра финансовъ, не говоря о другихъ, убавлены цѣлые два департамента и сверхъ того нѣсколько отдѣленій, и такимъ образомъ уменьшены штаты, ежегодно болѣе ста тысячъ рублей. Въ самыхъ правилахъ наказа надлежало сдѣлать важныя перемѣны, отсѣчь притязанія власти, привести ее въ предѣлы, преградить насильныя завладѣнія одной части надъ другою и, словомъ, всѣ сіи наказы вовсе передѣлать. Можно ли было сего достигнуть, не прослывъ рушителемъ всего добра, человѣкомъ опаснымъ и злонамѣреннымъ?

«Другіе, можетъ быть, меня счастливѣе, совершатъ сію работу, но совершить ее необходимо: ибо какъ скоро одно

министерство движется по данному направленію, то вмѣстѣ съ нимъ должны идти и другіе; иначе они станутъ затруднять другъ друга какъ то опытъ уже доказалъ, и доказывать будетъ.

«Между-тѣмъ, какъ занимались сею работою, Ваше Величество подтверждали мнѣ многократно о образованіи сената.

«*III. Сенатъ.* Образованіе сената было въ необходимой связи съ учрежденіемъ министерствъ. Не могутъ два сіи установленія идти на двухъ началахъ, совершенно противоположныхъ.

«Проектъ сего образованія прежде всего сообщенъ былъ графу Заводовскому, князю Лопухину и графу Кочубею. Письменные ихъ отзывы находятся при самыхъ бумагахъ. Послѣ сего онъ разсмотрѣнъ въ собраніи предсѣдателей, напечатанъ, внесенъ въ Совѣтъ; мѣсяцъ времени опредѣленъ былъ для того, чтобъ каждый у себя дома могъ его обдумать.

«Изъ хода сего дѣла всякъ легко могъ усмотрѣть, что не желали тутъ ни исторгнуть согласія, ни предвосхитить его смятеніемъ и поспѣшностію.

«Не взирая на сіе, возстали укоризны. Не буду упоминать о томъ, что въ нихъ было жестокаго и терзавшаго мою личность. Обращусь къ самому источнику тѣхъ только возраженій, кои имѣли видъ безпристрастія. Возраженія сіи большею частію происходили отъ того, что элементы правительства нашего не довольно еще образованы и разумъ людей, его составляющихъ, недовольно еще пораженъ несообразностями настоящаго вещей порядка, чтобъ признать благотворныя Ваши перемѣны необходимыми. И, слѣдовательно, надлежало дать время, должно было еще потерпѣть, еще попустить безпорядокъ и злоупотребленія, чтобъ наконецъ ихъ ощутили, и тогда вмѣсто того, чтобъ

затруднять намѣренія Ваши, сами-бы пожелали ихъ совершенія.

«Между-тѣмъ мнѣнія въ пользу проекта были и многочисленны и уважительны. Съ твердостью и чистотою намѣреній Ваше Величество не рѣшались еще остановить исполненія; двумя записками, въ разное время отъ меня поднесенными, представлялъ я, сколь неудобно было-бы при такомъ расположеніи умовъ продолжать сіе дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастающіе слухи о войнѣ рѣшили наконецъ Ваше Величество отложить его до времени.

«Дай Богъ, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ время сіе настало. Проектъ можетъ быть перемѣненъ, исправленъ—или и совсѣмъ передѣланъ людьми болѣе меня свѣдущими; но я твердо увѣренъ, что безъ устройства сената *сообразнаго* устройству министерствъ, безъ средоточія и твердой связи дѣлъ, министерства всегда будутъ наносить болѣе вреда и Вамъ заботы, нежели пользы и достоинства.

«*IV. Законы.* Есть люди, кои и коммиссію законовъ считаютъ вреднымъ уновленіемъ, хотя она учреждена еще при Петрѣ Великомъ и съ того времени почти непрерывно существовала.

«Развлеченный множествомъ дѣлъ, я не могъ сей части дать того ходу, какого бы желалъ, но смѣю сказать, что и въ ней сдѣлано въ теченіи двухъ лѣтъ болѣе, нежели во все предъидущее время. Цѣлое почти столѣтіе протекло въ однихъ только несвязныхъ планахъ и обѣщаніяхъ; въ мое время не только составлены твердые планы на важнѣйшія части, но составлены, изданы и въ Совѣтѣ разсмотрѣны двѣ труднѣйшія части гражданскаго уложенія; третья и послѣдняя требовала только отдѣлки.

«Со всѣмъ тѣмъ никогда не хвалился я сими работами, и охотно, и въ свѣтѣ, и передъ Вашимъ Величествомъ,

раздѣлялъ честь ихъ съ коммиссіею; но несправедливости людей принуждаютъ меня наконецъ быть любочестивымъ. Пусть сличатъ безобразныя компиляціи, представленныя мнѣ отъ коммиссіи, то есть, отъ г. Розенкампфа, и если найдутъ во стѣ два параграфа, коими бы я воспользовался: я уступлю имъ всю честь сего произведенія.

«Другіе искали доказать, что уложеніе, мною внесенное, есть переводъ съ французскаго, или близкое подражаніе—ложь или незнаніе, кои изобличить тоже не трудно; ибо то и другое напечатано. Въ источникѣ своемъ, т. е. въ римскомъ правѣ, всѣ уложенія всегда будутъ сходны; но съ здравымъ смысломъ, съ знаніемъ сихъ источниковъ и кореннаго ихъ языка можно почерпать прямо изъ нихъ, не подражая никому и не учась ни въ нѣмецкихъ, ни во французскихъ университетахъ.

«*V. Финансы.* Въ исходѣ 1809 года, тогда, какъ Ваше Величество занимали меня планомъ общаго образованія, предсталъ вопросъ, дѣлу сему посторонній, но по важности своей привлекшій на себя все Ваше вниманіе. Ваше Величество съ справедливымъ безпокойствомъ взирали на постепенный упадокъ ассигнацій, и не могли съ равнодушіемъ видѣть, что средства къ наполненію недостатковъ, Вамъ представляемыя, состояли въ умноженіи тѣхъ же ассигнацій. Безпокойство сіе возрасло до высшей степени, когда въ смѣтѣ на 1810 годъ, заранѣе представленной, открытъ былъ ужасный недостатокъ 105 милліоновъ рублей, а способовъ къ замѣнѣ его въ виду не было.

«Вступало къ Вамъ множество проектовъ, но всѣ они представляли минутныя и вредныя облегченія. Ваше Величество желали открыть корень зла и пресѣчь его, доколѣ была еще возможность. Сею одною рѣшительностію,—смѣло могу утвердить,—Ваше Величество спасли тогда государство отъ банкротства.

«Послѣ многократныхъ о семъ разсужденій составленъ былъ планъ финансовъ и внесенъ въ Комитетъ, который тогда въ домѣ г. Гурьева собирался; по двунедѣльномъ, предварительномъ разсмотрѣніи онъ признанъ былъ необходимымъ и представленъ Совѣту. Были споры, но самое важное большинство его одобрило;—принялись за исполненіе.

«Здѣсь тѣже члены правительства, кои планъ одобрили, вмѣсто того, чтобъ единодушно способствовать его исполненію, начали всемѣрно затруднять его, и тотъ, кто долженъ главнымъ быть его исполнителемъ,—министръ финансовъ,—не отрекаясь отъ него на словахъ, сталъ первымъ его противникомъ на дѣлѣ.

«Откуда сіе противорѣчіе? Оно изъясняется слѣдующимъ: весьма легко сказать: *прекратить выпускъ ассигнацій;* но надобно было чѣмъ нибудь ихъ замѣнить; для сего надлежало:

«1) Сократить и привести въ порядокъ издержки, а здѣсь то и неудобства, и роптаніе. Вмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ почерпать свободно изъ такъ-называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ надлежало все вносить въ годовую смѣту, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ Совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе, а въ концѣ всего еще ожидать ревизіи контролера. Самъ министръ финансовъ подвергся тому же правилу. Могъ-ли кому нравиться сей вещей порядокъ?

«2) Надлежало возвысить налоги. Слишкомъ двадцать лѣтъ Россія сего не знала. Каждый членъ правительства хотѣлъ сложить съ себя бремя сей укоризны; надлежало однакожъ, чтобъ кто нибудь ее понесъ. Судьба и несправедливость людей меня избрали на сію жертву; меня осыпали эпиграммами, ругательствами и проч. и проч., а другіе были въ сторонѣ.

«Были попытки и тогда уже окружить Ваше Величество страхами народнаго неудовольствія и подозрѣніями ко мнѣ. Отчетъ, который за 1810 годъ имѣлъ я счастіе представить въ февралѣ послѣдующаго года, изображалъ во всей ихъ силѣ мои опасенія. Я предвидѣлъ не безъ страха всѣ личныя слѣдствія, и тогда же просилъ уволить меня отъ званія государственнаго секретаря. Ваше Величество самымъ милостивымъ образомъ опровергли и мои страхи, и мои желанія.

«Такъ прошелъ 1810 годъ.

«1811 годъ представилъ совсѣмъ противныя явленія. Тутъ министръ финансовъ предлагалъ налоги, а Совѣтъ отвергалъ ихъ, яко неблаговременные. Онъ, министръ, доказывалъ, что въ половинѣ года все станетъ; прошелъ цѣлый годъ—ничто не остановилось, и передержка была малозначуща. Тѣмъ не менѣе я и въ семъ году былъ рушителемъ порядка и человѣкомъ опаснымъ.

«Насталъ 1812 годъ. Недостатокъ весьма важный и сверхъ того близкая война. Министръ финансовъ представилъ систему налоговъ, чрезмѣрно крутую и тягостную. Часть ихъ принята, другая замѣнена налогами легчайшими. Сіе смягченіе и сіи перемѣны, умноживъ раздраженіе, послужили послѣ министру финансовъ и обширному кругу друзей его весьма выгоднымъ предлогомъ отречься отъ всѣхъ мѣръ новаго положенія, сложить съ себя отвѣтственность, и по примѣру 1810 года, но уже съ большею силою, на меня одного обратить всѣ неудовольствія.

«Еслибы въ сіе время можно было напечатать всѣ представленія сего министра, тогда всѣ нареканія съ меня обратились бы на него; но его бумаги лежали спокойно въ дѣлахъ Совѣта, а манифестъ съ примѣчаніями, московскими вѣстями и ложными страхами, ходилъ по рукамъ.

«Я мнилъ, что спокойный взглядъ и терпѣніе двухъ или трехъ мѣсяцевъ разсѣетъ сію бурю. Въ самомъ дѣлѣ она начала утихать. Налоги приняли свою силу и пошли своимъ чередомъ (*).

«Но между тѣмъ, какъ я былъ спокоенъ, властолюбивая зависть (**) не дремала и воспользовалась сопряженіемъ обстоятельствъ.

«Приступаю къ подробностямъ, весьма для меня горестнымъ.

«Я не знаю съ точностію, въ чемъ состояли секретные доносы, на меня взведенные. Изъ словъ, кои при отлученіи меня Ваше Величество сказать мнѣ изволили, могу только заключить, что были три главные пункта обвиненія: 1) Что финансовыми дѣлами я старался разстроить государство; 2) Привести налогами въ ненависть правительство; 3) Отзывы о правительствѣ.

«1) *О финансахъ.* Къ 1810 году доходы государственные составляли около 125 милліоновъ, къ 1812 году они доведены были до 300 милліоновъ. Приращеніе въ два года—175 милліоновъ.

«Слова можно прикрасить, исказить и перетолковать, а дѣлъ, на простомъ счетѣ основанныхъ, перемѣнить нельзя.

«Смѣло могу утвердить, что, перемѣнивъ систему финансовъ, Ваше Величество спасли государство отъ банкротства. Придетъ время, Всемилостивѣйшій Государь, когда благія учрежденія Ваши, оправдавшись опытомъ, привлекутъ на себя благословеніе людей благомыслящихъ.

(*) Большая ихъ часть и теперь еще существуетъ. *Примѣчаніе Сперанскаго.*

(**) Разумѣю моихъ доносителей. Имена ихъ Вашему Величеству извѣстны. *Примѣчаніе Сперанскаго.*

Тогда, смѣю думать, и мое имя, и мои бѣдствія вспомнятъ не безъ сожалѣнія.

«Планъ финансовъ и всѣ операціи, на немъ основанные, всегда выдержатъ съ честью самое строгое изслѣдованіе всѣхъ истинныхъ государственныхъ людей не только у насъ, но и во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ. Не словами, но математическимъ счетомъ можно доказать, что еслибы въ свое время онъ не былъ принятъ, то не только вести настоящую войну, но и встрѣтить ее было бы не съ чѣмъ. И тотъ же планъ, въ обширныхъ его примѣненіяхъ, можетъ еще доставить важныя пособія въ тѣхъ затрудненіяхъ, кои обыкновенно открываются послѣ войны.

«Но отъ чего же столько ропоту? Отъ того, что ни въ какой землѣ не перемѣняли финансовой системы безъ неудовольствія.

«Отъ чего же, еще вопрошаютъ, понизились еще болѣе ассигнаціи со времени введенія плана? Это есть секретъ правительства: онъ состоитъ въ томъ: 1) что въ тоже самое время, какъ перемѣняли систему, принуждены были выпустить около 46 милліоновъ новыхъ ассигнацій; 2) въ томъ, что отъ прежняго казначейства, безъ умысла, единственно по незнанію, представленъ былъ неправильный счетъ той массы, которая была въ обращеніи, и на семъ счетѣ, коего неправильности тогда узнать никакъ было невозможно, основаны были первыя операціи. Но со всѣмъ тѣмъ, унизясь въ первый годъ, ассигнаціи потомъ такъ твердо установились, что въ теченіи трехъ послѣдующихъ лѣтъ онѣ сохранили постоянно свое достоинство, и теперь еще, послѣ всѣхъ бѣдствій войны, онѣ свободнѣе по цѣнѣ ихъ принимаются въ народѣ, нежели самое серебро. Сіе ли называется разрушеніемъ государственнаго кредита?

«2) *О ропотѣ отъ налоговъ.* Какое странное притязаніе желать, чтобъ народъ кланялся и благодарилъ, когда облагаютъ его налогами? Естественно, сперва поговорятъ, побранятъ, потомъ перестанутъ, а современемъ, когда образумятся, то и благодарить будутъ. Гдѣ же не бранили за налоги? Но можно ли сіе минутное неудовольствіе признавать опаснымъ ропотомъ? Если налоги въ половинѣ февраля произвели опасный ропотъ, то куда дѣвалась сія опасность въ мартѣ, въ маѣ, въ іюнѣ? Гдѣ слѣды сего общаго неудовольствія? Какимъ же волшебствомъ тотъ же народъ, тоже дворянство, коего ропотомъ въ февралѣ стращали, въ маѣ и іюнѣ готовы были всѣмъ жертвовать? Откуда сія перемѣна? Налоги не были сложены; напротивъ, во многихъ мѣстахъ усилены. Слѣдовательно, опасный ропотъ сей былъ—басня, выдуманная людьми легкомысленными, кои, проживъ весь вѣкъ свой въ женскихъ сплетняхъ, по тѣмъ же самымъ сплетнямъ и московскимъ вѣстямъ, судятъ и о дѣлахъ государственныхъ, и даже (горько помыслить) мнятъ управлять ими.

«Не попустите, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ система ложныхъ страховъ и подозрѣній—система, коею, какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе Вашего Величества,—чтобъ система сія, всегда приводившая Государей къ безславію, а Государства къ бѣдствіямъ, превозмогла надъ достоинствомъ моральнаго Вашего характера, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего правительства, доселѣ составлялъ отраду народа и надежду всѣхъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ. Одни мечтатели, или люди коварные и властолюбивые, могутъ видѣть въ народѣ самомъ кроткомъ и добродушномъ, въ подданныхъ, привыкшихъ повиноваться самой малѣйшей власти, и Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, дѣйствительно и лично преданныхъ, могутъ въ семъ

народѣ, въ мнѣніяхъ его и въ пустыхъ толкахъ неразумія или легкомыслія, видѣть ропоты, опасности, причины важныхъ подозрѣній. Ужасъ поражаетъ мое воображеніе, когда я помыслю о слѣдствіяхъ сихъ внушеній. Смѣло могу назвать ихъ, если они существуютъ, преступленіемъ противъ самаго Величества. Но Богъ, проведшій Васъ сквозь толикое множество трудныхъ происшествій, и сохранившій для благоденствія Россіи, безъ сомнѣнія сохранитъ и отъ сихъ опасныхъ сѣтей, скрытыхъ подъ видомъ личной преданности и какой-то привязанности къ старымъ русскимъ правиламъ. Истинныя русскія правила суть взаимная любовь и довѣріе между Государемъ и подданными, точное отношеніе отца къ дѣтямъ; а совѣты, основанные на страхѣ и угодливости мнимому общему мнѣнію, когда оно несправедливо и пользамъ государственнымъ противно, суть совѣты не русскіе, но совѣты или малодушные, или злые и во всѣхъ отношеніяхъ Васъ недостойные. Сіе мнимое общее мнѣніе слабо и ничтожно, когда его презираютъ, напротивъ строптиво и ужасно, когда его слушаютъ. Простите, Всемилостивѣйшій Государь, сіе невольное сердца моего изліяніе. Враги мои могли очернить меня передъ Вами, но никогда не отъучатъ сердца моего желать Вашей славы, сохраненія Вашего достоинства и кроткаго правленія.

«3) *Объ отзывахъ.* Третій пунктъ обвиненія, сколько могъ я выразумѣть, состоитъ въ томъ, что я отзывался худо о правительствѣ.

«Если доносители подъ именемъ правительства разумѣютъ тѣ элементы, изъ коихъ оно слагается, то-есть, разныя установленія, то правда, что я не скрывался и въ послѣднее время съ горестію многимъ повторялъ, что они, состоя изъ старыхъ и новыхъ, весьма худы и несообразны. Но сіе было мнѣніе всѣхъ людей благомыслящихъ и,

смѣю сказать, мнѣніе Вашего Величества; скрывать же сего я не имѣлъ никакой нужды.

«Если разумѣютъ подъ именемъ правительства людей, его составляющихъ, то и въ семъ я также признаюсь. Горесть видѣть все искаженнымъ, все перетолкованнымъ, всѣ труды покрытыми самою ѣдкою желчью, и при покорности намѣреніямъ Вашимъ на словахъ, видѣть совершенную противоположность имъ на дѣлѣ, горесть, снѣдавшая мое сердце и часто доводившая до отчаянія имѣть при сихъ элементахъ и людяхъ какой либо въ дѣлахъ успѣхъ, не взирая на всѣ Ваши желанія, горесть сія часто и особливо въ послѣднее время, по случаю сенатскихъ и финансовыхъ споровъ, вырывалась у меня невольнымъ образомъ изъ сердца. Но, Всемилостивѣйшій Государь! измученъ, дѣйствительно измученъ множествомъ дѣлъ и ежедневно еще терзаемъ самыми жестокими укоризнами, могъ ли я быть всегда равнодушнымъ? И въ прочемъ, сіи самые члены правительства, коихъ чувствительность отзывомъ симъ толико оскорбилась, не воздавали ли мнѣ за сіе сторицею?

«Но чтобъ я могъ подъ именемъ правительства разумѣть особу Вашего Величества—душа моя возмущается при размышленіи, что я доведенъ до того, чтобъ опровергать сію гнусную клевету иначе, какъ презрѣніемъ. Съ 1801 года, чрезъ двѣнадцать лѣтъ, въ разныхъ разстояніяхъ отъ Вашего лица, я неуклонно слѣдовалъ сердцемъ и душою за всѣми Вашими намѣреніями, и въ послѣдніе два года былъ близкимъ ихъ исполнителемъ. Во всѣхъ представленіяхъ моихъ я имѣлъ дѣло съ однимъ Вашимъ разумомъ, и никогда не хотѣлъ обольщать Вашего сердца. Вашъ разумъ и строгая съ моей стороны логика были одни мои орудія; въ нихъ состояла вся тайна моихъ работъ и успѣховъ. Никогда и ни въ чемъ важномъ не желалъ, да

и не могъ я получить Вашего согласія иначе, какъ посредствомъ самыхъ точныхъ доказательствъ и разсужденій. Для сего сочиняемы были мною не докладныя записки, но, можно сказать, цѣлыя книги. Въ истинѣ всего сего смѣю сослаться на собственныя Ваши воспоминанія, на всѣ докладныя бумаги, кои я Вамъ подносилъ. Какимъ же образомъ, съ какою уродливою лживостію, противъ ежедневнаго моего опыта, вздумалъ я порицать и злословить въ послѣднее время то, что очевидно чтилъ и уважалъ въ теченіи толь многихъ лѣтъ?—Для чего? Какую цѣль могла имѣть сія лживость? Возбудить неудовольствія? Но въ комъ? И на какой же конецъ? Въ дѣлахъ двадцатилѣтней службы, во всѣхъ бумагахъ, въ двугодичномъ моемъ удаленіи, во всѣхъ надзорахъ и изысканіяхъ, тогда какъ сердца и уши открыты слушать обо мнѣ всякую клевету и нелѣпость, открылъ ли кто одинъ слѣдъ, одну тѣнь какой либо связи подозрительной.

«Здѣсь одна горестная мысль раздираетъ мое сердце: непріятели мои могли сомнѣваться въ политическихъ моихъ правилахъ, могли думать о привязанности моей къ французской системѣ; но Ваше Величество, зная мои по сей части работы, не могли колебаться. Поведеніе мое столь было ясно, что еслибъ бумаги и дѣла мои можно было напечатать, тогда сами непріятели мои устыдились бы своихъ предположеній. Не я ли былъ одинъ изъ первыхъ, который обращалъ вниманіе Вашего Величества на предстоявшую войну и на всѣ козни, ей предшествовавшія. Ссылаюсь на подробныя записки, многократно, въ разныхъ эпохахъ и за долгое время поднесенныя. Онѣ всѣ находятся въ моихъ бумагахъ. Смѣю себѣ присвоить, что никто, можетъ быть, по крайней мѣрѣ случайно, столько не содѣйствовалъ, чтобъ заранѣе освѣтить истинныя намѣренія Франціи, какъ я. Когда отправляли въ Парижъ графа

Нессельроде на краткое время съ порученіемъ финансовымъ по займу, тогда предположенному, и совсѣмъ безъ видовъ дипломатическихъ, не я ли представлялъ Вашему Величеству открыть съ нимъ переписку, которая впослѣдствіи содѣлалась однимъ изъ главныхъ источниковъ свѣдѣній вѣрнѣйшихъ и полезнѣйшихъ. И впрочемъ, если бы и не могъ я привести сихъ и симъ подобныхъ подробностей и доводовъ, какъ можно вообще согласить слѣдующія противорѣчія: быть преданнымъ Франціи и лишить ее всей торговли въ Россіи введеніемъ новаго тарифа; желать разрушенія порядка и въ то же время всемѣрно содѣйствовать его устроенію; желать ослабить правительство и вмѣстѣ возвышать его доходы, быть глубокимъ честолюбцемъ и имѣть вокругъ себя однихъ враговъ, желать привести у народа въ ненависть правительство и себя перваго и прежде всего подвергать неминуемо сей самой ненависти. Пусть согласятъ все сіе мои доносители; мнѣ и писать и мыслить о семъ уже омерзительно.

«Между тѣмъ однако-же сіе жестокое предубѣжденіе о связяхъ моихъ съ Франціею, бывъ поддержано эпохою моего удаленія (*), составляетъ теперь самое важное и, могу сказать, *единственное пятно* моего въ народѣ обвиненія.

«Вамъ единственно, Всемилостивѣйшій Государь! Вашей справедливости принадлежитъ его изгладить. Смѣю утвердительно сказать: въ вѣчной правдѣ передъ Богомъ Вы обязаны, Государь, сіе сдѣлать. Финансы, налоги, новыя установленія, всѣ дѣла публичныя, въ коихъ я имѣлъ счастіе быть Вашимъ исполнителемъ, все оправдается временемъ; но здѣсь чѣмъ я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною!

(*) А паче въ Пермь. *Замѣчаніе Сперанскаго.*

«Обращаясь еще разъ къ личнымъ отзывамъ, отъ чего, спросятъ, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти? Отъ того, что сіи разныя лица составляли одно тѣло, *а душа сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему касался и теперь кажется постороннимъ.*

«Если бы въ правотѣ моей совѣсти и дѣлъ нужно мнѣ было писпускаться къ симъ потаеннымъ сплетнямъ, на коихъ основаны мои обвиненія, я легко могъ бы показать и начало ихъ, и происхожденіе, открыть и воздушныя ихъ финансовыя системы, и личные, корыстолюбивые ихъ разсчеты, указать всѣ лица, запечатлѣть каждое изъ нихъ своею печатью, обличить ложь въ самомъ ея средоточіи и представить на все то столь ясные доводы, что они сами бы, можетъ быть, онѣмѣли. Но къ чему всѣ сіи улики? Онѣ будутъ теперь имѣть видъ *рекриминацій*, всегда ненавистныхъ. И сверхъ того, враги мои, можетъ быть и въ сію минуту, стоятъ предъ Вашимъ Величествомъ, а я за двѣ тысячи верстъ и весь почти совершенно въ ихъ власти (*).

«Мнѣ остается пояснить одно обстоятельство, которое, бывъ обвиненію постороннимъ, чрезмѣрно однако же обрадовало моихъ непріятелей, давъ имъ случай всю громаду ихъ лжи прикрыть нѣкоторою истиною.

«Ваше Величество припомнить безъ сомнѣнія изволите, какъ въ одно время я докладывалъ, что Бекъ приходилъ ко мнѣ и просилъ исходатайствовать ему у Васъ минуту вниманія. «На что?» изволили Вы спросить.—«Онъ что-то нашелъ въ перлюстраціи, чего не хочетъ казать канцлеру, не представивъ прежде Вамъ.» Ваше Величество сказали мнѣ, что позовете его чрезъ Геслера, что̀ дѣйствительно и

(*) Это не фраза, а сущая истина. *Примѣчаніе Сперанскаго.*

исполнили, и, давъ ему Ваши наставленія, дозволили и впередъ въ подобныхъ случаяхъ также къ себѣ относиться. Бекъ, благодаря меня за сей случай, предложилъ, что когда встрѣтится въ дѣлѣ его что либо достойное вниманія особеннаго, онъ будетъ меня извѣщать. Онъ могъ сіе сдѣлать въ чистотѣ совѣсти, не считая меня чуждымъ правительству и его тайнамъ. Съ вѣдома ли его или нѣтъ, но чрезъ третье лицо, въ самомъ дѣлѣ, изрѣдка и безъ связи, получилъ я нѣсколько сихъ листовъ. Что они въ себѣ содержали? Пустыя вѣсти о войнѣ, свѣдѣнія и разсужденія, кои, стоя въ средоточіи дѣлъ, имѣя всегда и по симъ предметамъ доступъ къ Вашему Величеству, я въ тысячу разъ лучше и подробнѣе всегда зналъ, нежели они. Что могли мнѣ новаго сказать какой нибудь г-нъ Бушъ и ему подобные жалкіе дипломаты?—Слѣдовательно, допустивъ входить къ себѣ сіи бумаги даже въ видахъ любопытства, не могъ я назначать имъ высокой важности. Одинъ взглядъ на содержаніе ихъ (*) удостовѣритъ Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, въ маловажности ихъ; числа ихъ докажутъ, что они вошли ко мнѣ безъ связи, а все вмѣстѣ можетъ увѣрить, что тутъ могло быть легкомысліе, но никто, никогда, не въ силахъ превратить сего въ государственное преступленіе.

«Со всѣмъ тѣмъ и прежде и теперь я повергаю себя единственно въ Ваше великодушіе и желаю еще лучше быть прощеннымъ, нежели во всемъ правымъ.

«Нужно-ли, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ я оправдывалъ себя и противъ тѣхъ обвиненій, кои разсѣеваемы были моими врагами о нравственныхъ моихъ правилахъ и о связяхъ съ мартинистами, иллюминатами и проч.

(*) При удаленіи я доставилъ ихъ къ Вашему Величеству. *Примѣчаніе Сперанскаго.*

«Бумаги мои ясно доказываютъ, что никогда и никакихъ связей я не имѣлъ. Вообще о всѣхъ вещахъ я старался имѣть собственныя мои мнѣнія и никогда не вѣрилъ слѣпо чужимъ.

«Во все время, какъ я пользовался Вашимъ довѣріемъ, кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ, или кому старался повредить въ глазахъ Вашихъ? На кого навелъ я какую-либо тѣнь подозрѣнія? Напротивъ, я всегда желалъ и при всѣхъ случаяхъ старался питать и возвышать въ душѣ Вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту кротость и снисхожденіе, коими Богъ и природа въ благости своей Васъ одарили.

«Всемилостивѣйшій Государь! въ невидимомъ присутствіи Бога сердцевѣдца смѣю здѣсь вопросить: такъ-ли поступаетъ, совѣтуетъ, дѣйствуетъ и говоритъ мрачный честолюбецъ, ненавидящій своего Государя и желающій привесть его въ ненависть!

«Простите, Всемилостивѣйшій Государь, пространство сихъ изъясненій. Въ теченіи двухъ почти лѣтъ враги мои говорили одни. Мнѣ оставалось страдать и молчать.

«Въ награду всѣхъ горестей, мною претерпѣнныхъ, въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ, въ угожденіе Вамъ, къ славѣ Вашей и къ благу государства подъятыхъ, въ признаніе чистоты и непорочности всего поведенія моего въ службѣ и наконецъ въ воспоминаніе тѣхъ милостивыхъ и лестныхъ мнѣ, частныхъ сношеній, въ коихъ одинъ Богъ былъ и будетъ свидѣтелемъ между Вами и мною,—прошу единой милости: дозволить мнѣ съ семействомъ моимъ, въ маленькой моей деревнѣ, провести остатокъ жизни, по истинѣ одними трудами и горестями преизобильной.

«Если въ семъ уединеніи угодно будетъ поручить мнѣ

окончить какую либо часть публичныхъ законовъ, разумѣя гражданскую, уголовную или судебную: я приму сіе личное отъ Вашего Величества порученіе съ радостію и исполню его безъ всякой помощи съ усердіемъ, не ища другой награды, какъ только: *свободы и забвенія*.

«Богъ, общій Отецъ и Судія Государей и ихъ подданныхъ, да благословитъ благія намѣренія Вашего Величества на пользу государства; да ниспошлетъ Вамъ исполнителей кроткихъ безъ малодушія, и усердныхъ безъ властолюбія. Сіе будетъ навсегда предметомъ желаній человѣка, коего многіе въ службѣ могутъ быть счастливѣе, но никто не можетъ быть лично Вамъ преданнѣе».

—

Извѣстно, что Императоръ Александръ I, весь 1813 годъ и въ теченіи половины 1814 года былъ за границею. Послѣ достославнаго вступленія Русскихъ въ Парижъ и умиротворенія Европы, Государь возвратился въ Петербургъ не прежде 13-го іюля 1814 года. По этой причинѣ приведенное выше оправдательное письмо Сперанскаго, писанное въ январѣ 1813, не могло быть вручено его дочерью Государю Императору ранѣе, какъ въ іюлѣ или августѣ 1814 года.

Въ томъ же августѣ 7 числа скончался въ Царскомъ Селѣ графъ Армфельдтъ,—человѣкъ великаго ума и характера, но одинъ изъ сильнѣйшихъ враговъ Сперанскаго.

Это обстоятельство и приведенное выше *оправдательное письмо* имѣли послѣдствіемъ то, что Сперанскому было разрѣшено изъ Перми переселиться въ свое сельцо Великополье, находившееся верстахъ въ десяти отъ Новгорода. Здѣсь, посреди семейства своего, мирно и уединенно жилъ онъ, слѣдя за всѣми современными успѣхами наукъ, за

всѣми новыми, замѣчательными произведеніями европейской и отечественной литературы; здѣсь умножилъ онъ и безъ того богатый запасъ свой по части языкознанія; здѣсь перевелъ онъ съ латинскаго знаменитое твореніе приписываемое Ѳомѣ Кемпійскому: «О подражаніи Іисусу Христу».

Отецъ мой въ ноябрѣ 1814 года ѣздилъ изъ Петербурга въ сельцо Великополье, для свиданія со Сперанскимъ и совѣщанія съ нимъ о дѣлахъ его. Отъ 19-го того же ноября отецъ мой писалъ къ нему между прочимъ слѣдующее: «По возвращеніи моемъ отъ васъ я представилъ письмо ваше къ здѣшнему главнокомандующему (*), на другой день послѣ моего пріѣзда, и, примѣтивъ въ немъ нѣкоторое затрудненіе въ удовлетвореніи просьбы вашей объ арендѣ. счелъ нужнымъ для раскрытія положенія вашего спросить его: въ случаѣ надобностей моихъ писать къ вамъ, могу ли я обыкновеннымъ образомъ отправлять къ вамъ мои письма, или долженъ по-прежнему къ нему представлять? Онъ, рѣшивъ меня на послѣднее, чрезъ два послѣ того дня призвалъ меня къ себѣ снова и, объявляя мнѣ, чтобъ я въ разсужденіи арендныхъ денегъ взялъ терпѣніе до того времени, доколѣ онъ не пришлетъ за мною, на счетъ отправленія писемъ еще подтвердилъ мнѣ, чтобъ я непремѣнно исполнялъ помянутое его приказаніе, поелику письма къ вамъ должны быть доставляемы чрезъ губернатора. Сколько ни исполненъ я душевнымъ уваженіемъ къ его высокопревосходительству; но поелику помянутое приказаніе его касается лично до васъ, и притомъ не объявлено мнѣ въ разсужденіи исполненія онаго никакой Высочайшей воли; то, относя все сіе одной лишь его высокопревосходи-

(*) Сергію Козмичу Вязмитинову.

тельства опытной осторожности, я всепокорнѣйше прошу разрѣшить меня: какимъ образомъ мнѣ учредиться въ перепискѣ моей съ вами? Пріѣздъ вашъ въ новгородскую деревню здѣсь весьма многихъ занимаетъ. Между прочимъ сказывалъ мнѣ графъ Кочубей, что и Дм. П. Трощинскій весьма дурно къ вамъ расположенъ. Графъ это замѣтилъ изъ отзыва его, который онъ сдѣлалъ на счетъ проектируемаго указа объ отмѣнѣ экзаменовъ. Дм. П. сужденіе о семъ указѣ заключилъ съ примѣтною досадою слѣдующими словами: «Тотъ, который причиною указа объ экзаменахъ, пріѣхалъ уже въ Новгородъ, а можетъ быть скоро будетъ и здѣсь» (*).

Еще писалъ отецъ мой, что домъ Сперанскаго въ Петербургѣ торговалъ г. Модерахъ; что назначенная отцомъ моимъ цѣна, 80 тысячъ рублей асс., показалась ему высокою, и что графъ Кочубей совѣтовалъ помѣстить о продажѣ дома статью въ газетахъ.

На это письмо отца моего Сперанскій отвѣчалъ:

Великополье 3-го декабря 1814.

«Пріемъ Сергѣя Козмича я нахожу весьма естественнымъ и въ тоже время изъ самаго сего пріема заключаю, что онъ дѣйствовалъ въ семъ по собственному его благоразумію, не имѣя никакихъ точныхъ приказаній. Два другія

(*) Не могу при этомъ умолчать, что лѣтъ черезъ двадцать слишкомъ послѣ того, а именно въ 1835 году, однажды покойный графъ Михаилъ Михайловичъ, разговаривая со мною, сказалъ между прочимъ: «Смѣшно подумать! какъ сердились на меня за указъ объ экзаменахъ 1809 года, а между тѣмъ мысль этого указа не моя, а графа Завадовскаго».

обстоятельства имѣю я, что приказаній сихъ дѣйствительно не было: 1) Я положительно удостовѣрился, что сюда ничего совершенно о мнѣ и сношеніяхъ моихъ не предписано. 2) Даже на почтѣ никакого здѣсь не учреждено надзора, и на сихъ дняхъ получилъ я два письма изъ Нижняго (пустыя), совершенно и по числамъ и по печати цѣлыя. Сіе не должно однакоже насъ ободрять къ уменьшенію осторожностей. Я живу по-прежнему, не принимаю никого, хотя многіе вызывались, и самъ вице-губернаторъ чрезъ племянника вашего дѣлалъ мнѣ предложеніе посѣтить меня здѣсь; но я уклонился до времени. Изъ сего вы можете судить, какую тревогу произведетъ здѣсь первое письмо, которое велѣно будетъ отправить ко мнѣ чрезъ губернское начальство: родятся подозрѣнія; найдутъ нужнымъ присматривать, для выслуги, а потомъ и доносить всякую ложь, по усердію. Я знаю сіе по опытамъ, и такъ прошу васъ, мой любезный, никакъ не писать ко мнѣ чрезъ начальство.

Возвѣщеніе о продажѣ дома не считаю я также удобнымъ. Это привлечетъ только вниманіе, а для меня вся сила въ томъ, чтобъ забыли о бытіи моемъ на семъ свѣтѣ. Цѣна, назначенная вами Модераху, невысока, и съ мебелями ниже сего отдать я по истинѣ сомнѣваюсь. Вѣрьте, что цѣны домовъ всюду растутъ чрезмѣрно».

22-го декабря 1814.

«На сихъ дняхъ былъ у меня вице-губернаторъ Муравьевъ, человѣкъ отлично добрый и любезный. Онъ вручилъ мнѣ письмо отъ С. К. Вязмитинова со вложеніемъ отъ рижскаго губернатора Дюгамеля. Еще отъ 30-го мая сего года сей послѣдній писалъ ко мнѣ, что настоящій управитель моей мызы, венденскій ордиунгсрихтеръ С. Га-

гемейстеръ, не зная, гдѣ я нахожусь, представилъ собранные на то число доходы 14.052 руб. въ венденскій ландгерихтъ. Губернаторъ, извѣщая меня, проситъ: кому назначу я переслать сіи деньги и впредь пересылать поступающіе доходы? Письмо сіе странною ошибкою онъ отправилъ въ Вологду, откуда оно опять возвращено въ Ригу, и не знаю уже, какимъ образомъ перешло къ Вязмитинову и нынѣ наконецъ дошло ко мнѣ. Видя изъ самой его присылки, что Сергѣй Козмичъ открываетъ мнѣ симъ способомъ окончить сіе дѣло самымъ удачнымъ образомъ (иначе не для чего бы письма сего и присылать ко мнѣ), я отвѣчалъ г. Дюгамелю, чтобъ деньги отправилъ Гагемейстеръ къ вамъ и впредь пересылалъ бы къ вамъ же; я далъ ему и надпись дома, гдѣ вы живете; письмо сіе отправилъ я къ Сергѣю Козмичу чрезъ здѣшняго вице-губернатора. Такимъ образомъ я имѣю надежду, что дѣло сіе скоро кончится; не нужно будетъ ни вѣрющаго письма, никакихъ переписокъ. Когда вы получите деньги: то прошу васъ сдѣлать отъ себя обыкновенный отвѣтъ о полученіи и попросить г. Гагемейстера, чтобъ онъ и впредь въ положенные полугодовые сроки ихъ къ вамъ доставлялъ.

«Начиная входить въ экономію, прошу покорно меня, какъ новичка, надѣлить книгами, какія вы по сей части сами признаете нужнѣйшими и полезнѣйшими; я знаю, что ихъ на нашемъ языкѣ много, но ни объ одной не имѣю понятія. Страсть ваша къ архитектурѣ ручается мнѣ, что не забудете плана моей лѣстницы. Весьма нужно бы мнѣ было имѣть сверхъ того планъ птичьяго двора и молочной. Не худо также, если бы вы меня снабдили лечебникомъ Бухановымъ послѣдняго изданія, съ примѣчаніями какого-то нашего русскаго доктора.

«Въ послѣднее время я еще болѣе и положительно удо-

стовѣрился, что за мною ни на почтѣ, ни по губерніи никакого надзора нѣтъ; сіе однакоже не должно произвесть никакой перемѣны въ образѣ нашихъ сношеній.—Иванъ Ивановичъ перескажетъ вамъ, какъ мы съ нимъ условились о газетахъ (петербургскихъ вѣдомостяхъ и французскомъ журналѣ Conservateur impartial). Способъ сей есть самый удобнѣйшій. Книги (въ томъ числѣ и два календаря простыхъ) можно присылать со всею безопасностію на имя *Его Высокоблагородія Адама Лаврентьича Кронека, новгородскаго оберъ-форштмейстера*, надписывая внутри, просто, безъ имени: *въ сельцо Великополье*».

По случаю новаго 1815 года и дня рожденія Сперанскаго 1-го января, отецъ мой послалъ въ Великополье нѣсколько подарковъ, по старому русскому обычаю, съ новгородскимъ купцомъ Барановымъ, съ которымъ отецъ мой и отставной полковникъ Петрово-Соловово, старый аристократъ, получавшій съ своихъ имѣній до 200 тысячъ руб. асс. годоваго дохода, вступили въ компанію, заключивъ условіе съ казною на четыре года, для поставки матеріаловъ и устройства пролагавшагося тогда московскаго шоссе. Покойный отецъ мой 31-го декабря 1814 года въ письмѣ, отправленномъ съ Барановымъ къ Сперанскому, между прочимъ, писалъ: «Мое намѣреніе въ семъ предпріятіи состоитъ наиболѣе въ томъ, чтобы раскрыть вкравшіяся по сей части злоупотребленія, и если будетъ возможно, то казну предохранить отъ тѣхъ великихъ убытковъ, кои до сего времени прежніе подрядчики ей причиняли. Наше вступленіе въ сіе дѣло хотя и принесло казнѣ выгодъ около трехъ милліоновъ въ четыре года, но при всемъ томъ, однакоже, по поверхностному обозрѣнію, останется намъ за усердіе наше весьма достаточная награда».

Сперанскій изъ Великополья отъ 6-го января 1815 года отвѣчалъ:

«Вы меня балуете, любезный мой Петръ Григорьевичъ, петербургскими вашими лакомствами. Прекрасныя ваши вина хороши съ друзьями; потому отвѣдавъ, и отложилъ я ихъ на случай посѣщеній, самъ же довольствуюсь портвейномъ.—За книги весьма благодаренъ, но не за бархатъ; право, это слишкомъ великолѣпно. Лиза (*) должна привыкать къ большей простотѣ и умѣренности. Что принадлежитъ до другаго подарка, я прошу васъ сего не дѣлать: это и не нужно и безполезно. Бархатъ и цвѣтомъ и добротою прекрасный. Лиза веселится имъ и смотритъ на него пять разъ на день. На сихъ дняхъ она была больна; но теперь, слава Богу, все проходитъ.

«Цѣлымъ годомъ вы сдѣлали меня моложе, назначивъ мнѣ 44-й годъ тогда, какъ я полагалъ себѣ уже 45-й (**). Такъ-то, мой любезный, течетъ время и все сближается къ вѣчности. Мысль сія должна быть главнымъ нашимъ (взаимнымъ) поздравленіемъ при вступленіи въ новый годъ: ибо никогда не должно забывать, что мы всѣ въ дорогѣ и возвращаемся въ наше отечество, кто съ котомкою на плечахъ, кто на рѣзвой четвернѣ; но всѣ войдемъ въ однѣ ворота.

«Прежде вашего извѣстія, я слышалъ здѣсь о вашемъ дорожномъ предпріятіи. Все, что объяснилъ мнѣ Барановъ, убѣждаетъ меня вѣрить, что дѣло соображено хорошо и, по всей вѣроятности, будетъ успѣшно.

(*) Единственная дочь Сперанскаго, которой былъ тогда пятнадцатый годъ отъ роду.

(**) Отецъ мой былъ правъ: Сперанскій родился 1-го января 1772 года.

«Когда получите портвейнъ: то прошу его отправить, весьма бы было кстати, вмѣстѣ съ обозомъ, изъ книгъ и другихъ вещей состоящимъ. Я не знаю, для чего Бергинъ (*) слишкомъ разборчивъ. Мнѣ нуженъ портвейнъ добрый, но обыкновенный, коего, какъ я слышалъ, есть довольно въ Петербургѣ. Присланный имъ есть чрезвычайный.

«Отвѣтовъ о воспитаніи сына вашего ожидаю съ вашимъ племянникомъ; но предупреждаю васъ, что меня трудно будетъ отклонить отъ моего мнѣнія: ибо вы знаете, что я всегда былъ упрямъ въ мнѣніяхъ (**).

«Я не хотѣлъ васъ среди вашихъ дѣлъ затруднять моими бездѣлицами о лампахъ и поручилъ дѣло сіе особенно Ивану Ивановичу (***); но понеже оно до васъ уже дошло: то прошу его окончить, то есть, приказавъ вычинить тѣ лампы, которыя у васъ есть, снабдить ихъ, какъ стеклами, такъ и свѣтильнями, и, если можно, особеннымъ инструментомъ для чистки ихъ, который продается тамъ же, гдѣ они дѣлаются. Мысль сія мнѣ пришла отъ излишней, можетъ быть, экономіи. У меня такой расходъ сальныхъ свѣчъ и такъ они дороги, что не успѣешь покупать; а лампа одна замѣняетъ ихъ десятокъ.

«Съ новаго года принимаюсь я поближе за здѣшнюю экономію и учусь ей съ удовольствіемъ. Вы увидите, что черезъ годъ я буду говорить о ней съ вами, какъ профессоръ.

«Къ свѣдѣнію вашему не излишнимъ считаю довести, что на сихъ дняхъ получилъ я съ почтою изъ Петербурга

(*) Извѣстный петербургскій негоціантъ.

(**) Отецъ мой совѣтовался тогда со Сперанскимъ о планѣ моего воспитанія.

(***) Племяннику отца моего, Ив. Ив. Масальскому, который по его порученіямъ часто ѣздилъ въ Новгородъ и въ Великополье.

письмо (совершенно не тронутое) отъ профессора Іакоби съ книжкою. Сіе доказываетъ, что и въ Петербургѣ на почтѣ, какъ и здѣсь, нѣтъ никакого запретительнаго приказанія. Но сіе не перемѣнитъ нашихъ сношеній.

«Прощайте, мой любезный. Душевно васъ и все ваше семейство обнимаю.

«P. S. Я не помню, говорили ли мы съ вами о ярославскомъ полотнѣ, широкомъ, для простынь. Два куска, нѣкогда мнѣ вами доставленные, издержаны для Лизы; а я безъ простынь. Не можно ли выписать такого же или подобнаго. Время еще терпитъ».

Сообщаемъ еще письма, полученныя отцомъ моимъ отъ Сперанскаго изъ Великополья, въ 1815 и 1816 годахъ.

Письмо безъ числа, относящееся вѣроятно къ началу 1815 года.

«Поздно, любезный мой, было бы благодарить васъ за всѣ хлопоты въ домашнихъ моихъ порученіяхъ: вы меня совершенно и надолго присылкою ихъ успокоили. Недостаетъ одного, счету, который вы мнѣ обѣщали. Взявъ меня на свое содержаніе, скажите мнѣ по крайней мѣрѣ, сколько я долженъ. Изъ всѣхъ людей на землѣ мнѣ всего легче быть вамъ должнымъ; но надобно же однако когда нибудь остановиться: ибо и вы не милліонщикъ, и я не знаю, чего и сколько могу у васъ просить. Напримѣръ, мнѣ бы весьма хотѣлось имѣть небольшой запасъ на зиму портвейну, т. е. полпипы, что составляетъ до 300 бутылокъ, но я право совѣщусь васъ просить. Изъ 50 бут. вина сего рода, вами привезеннаго, остается уже около 20 бутылокъ; не сдѣлаетъ ли мнѣ Бергинъ кредиту въ сей полпипѣ, и въ семъ случаѣ покорнѣйше прошу отправить

его, на имя вашего племянника, въ Новгородъ. Если же сего не возможно: то прошу доставить бутылокъ 50, впредь до устройства, и сколько можно поскорѣе: ибо и гости мои настоящіе и ожидаемые (Кремеръ съ женою) другаго вина не пьютъ.—Если можно будетъ достать полпипы: тогда отправленіе весьма удобно было бы распорядить съ прочими вещами, кои по запискѣ прислать вы предполагаете; если же отправить ихъ скоро будетъ невозможно, какъ то и весьма вѣроятно по настоящей распутицѣ: то прошу вино отправить одно.

«Сейчасъ племянникъ вашъ, возвратясь изъ города, сдѣлалъ мнѣ отъ васъ предложеніе о деньгахъ. Это весьма кстати: ибо у меня остается только двѣ тысячи рублей, а я люблю жить съ запасомъ; но не иначе я могу у него взять двѣ тысячи рублей, какъ вручивъ ему 500 р. серебромъ, кои онъ вамъ и доставитъ.

«Мысли мои о воспитаніи вашего сына при семъ прилагаю (*), и вѣрьте мнѣ, любезный другъ, что они столько же истекли изъ моего сердца, какъ изъ головы.

«По настоящему ходу дѣлъ, сынъ вашъ непремѣнно долженъ совершить свои науки въ университетѣ. Если бы настоящія правила о производствѣ въ чины и перемѣнились, чему однакоже я никакъ не вѣрю: то и въ семъ случаѣ необходимо будетъ должно со временемъ провести его чрезъ университетъ. Это есть очевидное и принятое во всей Европѣ свидѣтельство классическаго ученія, безъ коего свидѣтельства и ученымъ и умнымъ быть можно, но слыть таковымъ нельзя; а въ свѣтѣ не только должно быть, но и слыть.

(*) Покойный отецъ мой, какъ выше сказано, просилъ совѣтовъ Сперанскаго на счетъ моего воспитанія. Мнѣ было тогда 12 лѣтъ отъ-роду. *Примѣчаніе автора.*

«Посему вопросъ состоитъ въ томъ, гдѣ лучше можетъ быть онъ пріуготовленъ къ ученію университетскому: дома или въ училищѣ?

«Два предмета собственно къ сему необходимы: 1) Языки. 2) Математика. Исторію и географію я не считаю въ числѣ наукъ: это забава, которую равно имѣть можно въ училищѣ и дома.

«Какимъ образомъ можетъ учитель выучить языкамъ на дому, я сего не понимаю; правда, что французъ или нѣмецъ можетъ научить болтать, да и то въ такомъ домѣ, гдѣ всѣ почти говорятъ по французски или по нѣмецки; но чтобъ домашнимъ ученіемъ могъ кто нибудь достигнуть основательнаго познанія языковъ, а особливо латинскаго, я не видалъ еще сему примѣровъ.—Въ училищѣ, напротивъ, гдѣ двадцать или тридцать дѣтей говорятъ на языкахъ и учатся вмѣстѣ, познаніе ихъ пріобрѣтается почти непримѣтно и всегда почти вѣрно. О математикѣ ни слова; ей конечно можно выучиться и дома; но несравненно труднѣе.

«Къ симъ главнымъ выгодамъ совокупляется другая, не менѣе важная.

«Примѣчено не только у насъ, но и во всей почти Европѣ, что въ домашнемъ воспитаніи никакъ нельзя, даже и въ самомъ большомъ свѣтѣ, дать молодому человѣку той общежительности, той развязности и ловкости, которая пріобрѣтается не иначе, какъ обращеніемъ съ людьми съ ребячества и треніемъ страстей, желаній и мыслей. Отсюда происходитъ, что юноша, получившій публичное воспитаніе, скорѣе знакомится съ людьми и приспособляется къ дѣламъ, нежели тотъ, кто имѣлъ три или четыре года дѣло съ однимъ своимъ учителемъ и, слѣдовательно, ознакомился съ однимъ образомъ мыслей, привыкъ къ одному роду вкусовъ, принялъ одинъ оборотъ чувствъ и дви-

женій. Люди сего послѣдняго рода обыкновенно долго, а часто и на всю жизнь остаются застѣнчивы, связаны и, зная иногда много, не умѣютъ употребить своего знанія ни въ пользу себѣ, ни къ выгодѣ другихъ. Я видалъ сему множество примѣровъ въ самыхъ высшихъ состояніяхъ, или, лучше сказать, я не видалъ сему правилу исключенія.

«При всѣхъ сихъ выгодахъ публичнаго воспитанія, я бы не совѣтовалъ отдавать въ обыкновенные пансіоны, каковые у насъ до сего были; лучше дѣйствительно выучить чему нибудь основательно дома, нежели попустить шарлатанство и пустословіе. Но училища, каковы суть Коллинсово и Мюральтово, не должно смѣшивать съ пансіонами: это суть настоящія публичныя и основательныя училища. Я вѣрю, что и они со временемъ упадутъ; но не простительно ими не пользоваться, доколѣ они въ цвѣтѣ, а первый курсъ со всею вѣроятностію они совершатъ съ успѣхомъ.

«Планъ, вамъ представленный (*), имѣетъ конечно свои достоинства; но если онъ будетъ принятъ: то я бы желалъ, чтобъ исключили изъ него и филологію, и философію, и дипломатику, и юриспруденцію, а учили бы просто тремъ предметамъ: 1) Языкамъ, т. е. латинскому, французскому и нѣмецкому, не украшая ихъ именемъ *филологіи*, которое болѣе прилагается къ языкамъ древнимъ и которое часто подъ пышнымъ и ученымъ названіемъ скрываетъ не болѣе, какъ то, что мы въ старину называли грамматикою. Поставь ученика, чтобъ онъ разумѣлъ читать хорошія книги, читай ихъ съ нимъ и требуй у него отчета въ его чтеніи, вотъ тебѣ вся риторика, эстетика и филологія. 2) Гео-

(*) Онъ былъ написанъ очень достойнымъ и ученымъ французомъ.

графіи и исторіи. 3) Математикѣ. Сіи три предмета, выученные основательно, поставятъ ученика въ совершенной возможности со временемъ, когда разумъ его съ лѣтами образуется, выучиться и философіи, и дипломатикѣ, и юриспруденціи, ученіе совершенно зависящее отъ чтенія и собственнаго упражненія. Нѣсколько уроковъ въ университетѣ къ сему будутъ достаточны. Но учить юношу симъ предметамъ прежде, нежели онъ будетъ знать языки, или вмѣстѣ съ исторіею и географіею, прежде т. е., нежели понятія его сими предварительными науками будутъ образованы, есть одно пустословіе и потеря времени. Вредъ отъ сего моднаго ученія есть тотъ, что оно надуваетъ молодаго человѣка одними словами безъ понятій и вводитъ его въ то опасное заблужденіе, что ему кажется, что онъ знаетъ все, тогда какъ не знаетъ ничего. Отсюда привычка къ поверхностному вещей обозрѣнію, пища самолюбію и наконецъ отвращеніе отъ основательнаго труда и размышленія.

«Въ заключеніе всего еще повторю, что несравненно выгоднѣе сыну вашему быть въ публичномъ училищѣ (я бы предпочелъ Коллинсово), нежели дома. Нѣкогда и васъ и меня благодарить онъ за сіе будетъ».

4-го февраля 1815.

«Мнѣ, видно, суждено, любезный мой Петръ Григорьичъ, всѣ письма мои къ вамъ начинать благодарностію; всѣ вещи, вами присланныя, точно таковы, какъ могъ я ихъ желать, и хоть преступили вы мою заповѣдь левантиномъ; но и за то вамъ благодаренъ; а она была въ восхищеніи (*).

(*) Дочь Сперанскаго.

«Лицей безъ сомнѣнія должно предпочесть всѣмъ заведеніямъ для вашего сына: съ Богомъ! тутъ и думать нечего (*). Я потому только о немъ не говорилъ, что считалъ невозможнымъ по ограниченности комплекта и по множеству желающихъ. Съ Богомъ, еще повторяю, и ни мало не колеблясь. Училище сіе образовано и уставъ его написанъ мною, хотя и присвоили себѣ работу сію другіе; но безъ самолюбія скажу, что оно соединяетъ въ себѣ несравненно болѣе видовъ, нежели всѣ наши университеты.— Воспитаніе вашего сына будетъ тутъ единственною моею личною наградою.

«Дай Богъ, чтобъ дорожное ваше дѣло продолжалось съ успѣхомъ; но, ради Бога, открывая злоупотребленія, сколь можно менѣе входите въ состязаніе съ начальствомъ сея части. Опытъ доказалъ, что споры сіи всегда кончатся бѣдою. Я легко себѣ представляю, что, основывая сіе дѣло, вы весьма были и еще будете заняты. Пожалуйте, отложите мои мелочи до удобнаго и свободнаго вамъ времени, чтобъ за бездѣлицами не упустить вамъ чего нибудь важнаго; а ваши упущенія суть какъ бы собственно мои. Притомъ же все нужное здѣсь я имѣю; а полезное и пріятное не уйдетъ. Изъ сего исключаю однакоже вино, какъ статью здѣсь необходимую. То, которое вы прислали мнѣ на пробу, очень хорошо, и если вы со мною подѣлитесь, приславъ мнѣ полпипы: то на цѣлый годъ о семъ уже ни слова.

«Удивляюсь, что аренда моя молчитъ; если не было намѣренія доставить мнѣ деньги: то на что же было присылать ко мнѣ и письмо губернатора? Не понимаю.—Между тѣмъ не знаю, не затрудню ли я вашихъ дѣлъ, взявъ здѣсь

(*) Послѣ двухлѣтняго пребыванія моего въ пансіонѣ французскаго учителя Дюбоа, при петропавловскомъ училищѣ, я въ 1817 году поступилъ въ благ. пансіонъ с.-пб. университета.

у Ивана Ивановича 4.000 р., что съ прежними, отъ бронницкаго купца полученными, составитъ на сей годъ 5.000 р. Скажите мнѣ искренно: ибо можно сіе поправить промѣномъ завѣтнаго приданаго Лизы. Впрочемъ запасомъ симъ я буду доволенъ и беззаботенъ, по крайней мѣрѣ, мѣсяцевъ на шесть. Я ничего еще не получалъ изъ доходовъ съ здѣшней деревни, и во всѣхъ случаяхъ за необходимыми починками и содержаніемъ не могу на сей годъ получить болѣе 3.000 р. Впередъ дѣло другое; ибо я все веду въ прокъ.

«Если Швылевъ боленъ: то не можно-ли отправить какъ нибудь иначе: я боюсь, чтобъ нечаянный возвратъ (*) не заставилъ насъ сожалѣть о времени, и чтобъ пріятель нашъ съ отчаянія не запалилъ еще какой нибудь грамоты, коею повредитъ себѣ, а можетъ быть и мнѣ (**).

«Моя Елисавета весьма благодаритъ за конфекты: вы, право, ее балуете. Прощайте. Душевно васъ и все ваше семейство обнимаю».

«Великополье 14-го марта 1815.

«Благодарю васъ, любезный Петръ Григорьичъ, за портвейнъ и за всѣ прочія отправленія; все пришло и цѣло, и кстати.

«Возвращая письмо Гагемейстера, прилагаю двѣ довѣренности: одну на аренду, другую на продажу дома. Первая такъ написана, что можно войти по ней и въ полное управленіе, если вы признаете за благо. Не понимаю, почему впутался тутъ Гагемейстеръ и сиротскій судъ; у ме-

(*) Государя Императора изъ-за границы.

(**) Дѣло здѣсь идетъ о письмѣ Сперанскаго, которое онъ просилъ отца моего отправить въ Вологду, къ Магницкому.

ня съ нимъ не было ни контракта, ни довѣренности. Еслибъ вы могли чрезъ Перетца или иначе устроить содержаніе сей аренды на послѣднее четырехлѣтіе: то весьма много и себя и меня бы успокоили. Я увѣренъ, что доходъ можно было бы увеличить по общему на все возвышенію, и если безъ призора получаемъ мы по 6 или по 7 тысячъ въ годъ; то вѣроятно съ распорядкомъ можно бы было получать и до 10, или по крайней мѣрѣ удостовѣрить доходъ настоящій. Подумайте о семъ, Бога ради. Пошлины, о коихъ говоритъ Гагемейстеръ, можно отложить на послѣднюю половину; но и сей половинѣ срокъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, слѣд. при полученіи денегъ собранныхъ, съ нимъ же нужно окончить и сію половину.

«Распорядить сіи богатства не трудно. Оставивъ у себя полученныя мною отъ васъ въ теченіе сего года 5 т. р. (понеже не хотите вы слушать меня о прежнихъ), изъ остальныхъ прошу перевесть въ Вологду къ сострадальцу моему (который, я чаю, нуждается) тысячу рублей (*). Сіе можно сдѣлать безъ всякаго письма чрезъ кого нибудь, хотя бы онъ и не зналъ, отъ кого идутъ деньги. За тѣмъ остатокъ доставить сюда. Я торгую здѣсь двѣ семьи людей, и сверхъ того лѣтомъ необходимо нужно многое деревянное поправить, ибо все почти валится.

«По второй довѣренности о домѣ вы знаете уже цѣну; но до весны все еще торопиться не нужно. При продажѣ я желаю исключить нѣкоторыя маловажныя мебели, но какія именно, не упомню; для сего и пишу теперь къ Матвѣю Васильичу, чтобъ, отправивъ нѣкоторыя изъ нихъ зимнимъ путемъ, о другихъ прислалъ мнѣ опись, по коей отобравъ что мнѣ нужно, сообщу вамъ, для отправленія ихъ вмѣстѣ съ старыми моими винами и бергинскимъ портвейномъ во-

(*) Рѣчь идетъ здѣсь о Магницкомъ.

дою. Матвѣй Васильичъ взялъ также на себя отправить и мою остальную библіотеку и разныя бездѣлки.

«Г-нъ Бергинъ очень забавенъ съ своими счетами; я долженъ ему отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ за сахаръ и кофе, но и тѣхъ скоро не отдамъ, если онъ не повинится предомною въ своихъ начетахъ; впрочемъ тутъ довольно только смолчать.

«Когда о домѣ представится что нибудь положительное къ продажѣ: то нельзя ли предварительно меня извѣстить, что́ можно сдѣлать и чрезъ почту, надписавъ Е. В. Адаму Лаврентьичу Кронеку оберъ-форштмейстеру въ Новѣгородѣ, а на внутреннемъ конвертѣ надписавъ на имя Елисаветы Михайловны Сперанской, въ сельцо Великополье.

«Здѣсь конецъ моимъ докукамъ; начнемъ что нибудь по пріятнѣе.

«Мнѣ хочется ввести васъ въ благочестивую издержку. По газетамъ я вспомнилъ о книгѣ: Библіотека для христіанъ въ 8. 22 тома, 50 руб. Это есть собраніе лучшихъ твореній въ семъ родѣ, на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ изданныхъ; переводъ изрядный. Я давно сію книгу знаю, и вамъ душевно ее рекомендую; а за рекомендацію сію буду васъ просить въ чтеніи ея со мною подѣлиться, доставляя мнѣ постепенно по 3 или по 4 тома; каждый томъ составляетъ особенное сочиненіе, а иногда и въ одномъ два и три. Такимъ образомъ вы одинъ заплатите деньги, а мы оба будемъ пользоваться. Это книга, право, необыкновенная; она должна переходить отъ родителей къ дѣтямъ, какъ лучшее ихъ наслѣдство.

«За симъ прощайте, мой любезный, васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю.

«P. S. Забылъ было весьма важное. Не понимаю, какимъ образомъ вы можете желать, чтобъ дорожное ваше дѣло расширено было на 4 года. Какія бы цѣны ни были,

но какъ пуститься въ сію дальнюю игру при непостоянствѣ правилъ, при упадкѣ денегъ, при безмѣрномъ возвышеніи всѣхъ цѣнъ, коихъ никакое предусмотрѣніе угадать не можетъ. Подрядчики могутъ сего желать. Но вы отваживаете все противъ правительства; а они противъ васъ не отваживаютъ ничего. Тише, тише, мой другъ, ѣдешь, далѣе будешь. Хотѣть съ боку исправить злоупотребленія есть не знать своихъ силъ. Ради Бога, не входите въ сію петлю, или успокойте меня, растолковавъ мнѣ, на какой арифметикѣ разсчитывать вы будете цѣны, коихъ чрезъ два года впередъ (въ настоящемъ положеніи вещей) никто разсчислить не можетъ».

«Великополье 26-го марта 1815.

«При самомъ отъѣздѣ г-на Гудимы получилъ я мои книги и нѣкоторыя мебели, отправленныя Матвѣемъ Васильевичемъ. Я ничего еще не успѣлъ разобрать, но полагаю, что все дошло цѣло.

«Въ уединеніи моемъ часто занимаясь вами, любезный мой Петръ Григорьичъ, не могу скрыть отъ васъ, что столь же часто и безпокоюсь я вашими обширными дѣлами, особливо дорожными. Послѣдніе слухи о войнѣ, по мнѣнію моему, и на сіи дѣла будутъ имѣть вліяніе. Столько-то справедливо, что вамъ не должно завязывать себя въ нихъ на четыре года. Вѣрьте мнѣ, успѣхи даютъ нѣкоторую ложную смѣлость и предпріимчивость, ослѣпляющую лучшіе умы. Не ввергните себя и вы въ сію предпріимчивость. Ваша разстройка будетъ для меня новымъ ударомъ, а вы знаете, что и безъ того перенесъ я ихъ довольно. Много бы могъ я къ сему прибавить, но г. Гудимъ спѣшитъ, и на распутицѣ остановить его не смѣю. Прощайте, до первой бесѣды. Душевно васъ и всѣхъ вашихъ обнимаю».

«Великополье 11-го мая 1815.

«Письмо сіе получите вы, любезный мой Петръ Григорьевичъ, чрезъ Матвѣя Васильича, который прислалъ ко мнѣ нарочнаго съ вопросомъ о продажѣ дома. Нѣкто Кирѣевскій даетъ 75 т. р. съ тѣмъ, чтобъ деньги чрезъ годъ по 10 проц. на закладную 500 душъ. Дѣло вѣрное. Но что я буду дѣлать съ закладною при настоящемъ положеніи курса?—Наличныя я могъ бы еще теперь же обратить на покупку деревни; на закладную же кто нынѣ продастъ, а чрезъ годъ, что будутъ значить 75 т. рублей? Богъ знаетъ. И теперь уже даже здѣсь цѣны на все удивительно возвышаются.—Такимъ образомъ я отказался. Если Матвѣй Васильичъ оставитъ Петербургъ, о чемъ онъ ко мнѣ пишетъ, то прошу домъ принять въ непосредственное ваше попеченіе; я вслѣдъ за симъ пришлю списокъ мебелямъ, кои изъ него должно будетъ выбрать; съ остальными же можно будетъ отдать его и въ постой, если до того времени онъ не будетъ проданъ.—Кстати о покупкѣ деревни не забудьте о предложеніи Гудимы; оно кажется очень выгодно.—По всему вижу, что въ арендныхъ деньгахъ встрѣтились новыя затрудненія. Нельзя ли, посовѣтовавшись съ Перетцомъ, послать туда нарочнаго; издержка 1.000 или 2.000 руб. была бы присемъ сносною. Иначе я принужденъ буду, къ крайнему сожалѣнію, размѣнивать здѣсь серебро.—Начавъ починки, мнѣ никакъ нельзя остановиться и одна влечетъ другую: ибо все валится, къ чему ни прикоснешься; ни слова о прихотяхъ; но все деревянное крайне обветшало: полы, печи, заборы и все чрезмѣрно дорого.

«Возвышеніе цѣнъ на рабочихъ людей безпокоитъ меня и на счетъ вашихъ предпріятій; недавно чрезъ одного вѣрнаго проѣзжаго узналъ я, что де-Волантъ (*) вами дово-

(*) Главный начальникъ дорожной части.

ленъ; но тутъ еще не все: вы довольны ли ими. Здѣсь всѣ предвѣщаютъ крайнюю дороговизну въ хлѣбѣ, по чрезмѣрному мелководію. Я доселѣ ничего еще не продавалъ: ибо во первыхъ хочу болѣе посѣять, нежели прежде; а во вторыхъ боюсь ошибиться и въ цѣнѣ, непрестанно возрастающей.

«Не забудьте, ради Бога, вологодскаго страдальца; я достовѣрно знаю, что онъ крайне нуждается въ деньгахъ. Какъ скоро дойдутъ мои арендные деньги, то прошу васъ къ нему отправить по прежнему назначенію 1.000 руб., по крайней мѣрѣ на первыя нужды.

«Хотите-ли вы знать мое мнѣніе, для соображенія по дѣламъ вашимъ, о курсѣ?—Не считайте сего происшествія минутнымъ и единственно отъ предстоящей войны происходящимъ. Война только разбудила или означила слабость нашего курса; но слабость сія естественна, и по окончаніи войны она продолжится. Чудо не то, что курсъ упадаетъ; но то, что онъ послѣ столь важныхъ издержекъ, столь долго въ одной порѣ держался.

«Прощайте, мой любезный, васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю».

«Сельцо Великополье 30-го мая 1815.

«Сколько вдругъ прекрасныхъ новостей привезла намъ съ собою Марья Карловна! Пріятнѣйшая для меня изъ нихъ безъ сомнѣнія есть та, что Богъ благословилъ васъ сыномъ. Воспріемлю его въ духѣ, бывъ удостовѣренъ, что вы дадите ему христіанское воспитаніе, и въ семъ чаяніи испрашиваю ему отъ Небеснаго Отца духовнаго благословенія, а любезную мою кумушку отъ души и сердца симъ поздравляю. Пусть послужитъ онъ вамъ обоимъ новымъ залогомъ благости Божіей и новымъ возбужденіемъ къ благодарности.

«Я никогда не удивлялся худымъ поступкамъ людей; но всякое добро отъ нихъ для меня неожиданно. Обѣщаніе А. А. Баташева о займѣ превзошло всѣ мои ожиданія: условія самыя великодушныя. Старикъ всегда меня любилъ; но безъ вашихъ внушеній не скоро бы подвинулся. Вы не можете себѣ представить, какъ заемъ сей всѣ дѣла мои разрѣшаетъ и устроиваетъ. Изъ всѣхъ вещей заботливость денежная есть для меня несноснѣйшая; а симъ оборотомъ и покупкою деревни я ставлю себя внѣ всякой заботы. Вѣрющее письмо присемъ прилагаю; а благодарное въ особенной формѣ, боязливости старика свойственной, присемъ же найдете и сами ему вручите.

«Въ арендныхъ деньгахъ меня то особенно утѣшаетъ, что на будущее время вы будете, я надѣюсь, получать ихъ по срокамъ исправно и безъ дальнихъ переписокъ, о чемъ и прошу васъ въ отвѣтѣ вашемъ г-ну Гагемейстеру подтвердить и съ нимъ условиться.—Письмо къ губернатору присемъ прилагаю. Не понимаю, по чему сей человѣкъ столько имѣлъ ко мнѣ вниманія и честности, что искалъ меня письмами своими по всей Россіи въ такое время, когда писать ко мнѣ было не безопасно.

«Какъ бы желалъ я васъ видѣть; весьма обрадовали бы меня. Между тѣмъ симъ знакомлю васъ съ здѣшнимъ г-номъ оберъ-форштмейстеромъ Адамомъ Лаврентьичемъ Кронекъ, человѣкомъ добрымъ и весьма надежнымъ. Не разсудите ли вы съ нимъ покороче и о вашемъ дѣлѣ побесѣдовать. Онъ скажетъ вамъ разныя подробности о Барановѣ можетъ быть вамъ неизвѣстныя, если приведете его къ откровенности: такъ наприм. онъ сказывалъ мнѣ, что при заготовленіи лѣсу вмѣсто десяти деревъ, означенныхъ въ билетѣ, часто ставили по 30 и 40; а въ вашихъ счетахъ можетъ быть за все сполна означены поденныя деньги.

«Весьма радъ порученію вашему о книгахъ, на досугѣ выберу, замѣчу и пришлю.

«Прощайте, мой любезный, душевно васъ и всѣхъ вашихъ обнимаю».

«Великополье 19-го іюля 1815.

«Никогда можетъ быть столь кстати, любезный мой Петръ Григорьевичъ, не приходили ко мнѣ ваши письма и отправленія, какъ настоящія. Сверхъ того, что я нуждался въ деньгахъ для расплаты съ работниками, слѣдующее важное обстоятельство требовало благовременнаго рѣшенія. Вамъ извѣстно, что я давно желалъ разстаться съ Елисаветою Андреевною. Послѣ многихъ усилій успѣлъ я наконецъ дѣло сіе привесть къ концу. Послѣ завтра она отправляется, и навсегда, уже въ Кіевъ. Съ недѣлю уже у насъ все уложено и экипажи стоятъ на мази. Дѣло медлилось только за деньгами. Теперь все кончено, и она ѣдетъ положительно въ среду (сегодня понедѣльникъ). Я даю ей порядочное содержаніе, то есть, на первый годъ наличными впередъ 5 т. р., а въ послѣдующіе *потомъ годы* буду ей доставлять отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ рублей. Отправляю ее на собственныхъ моихъ лошадяхъ и съ моими людьми, которые однакоже всѣ безъ изъятія должны, отвезя ее, возвратиться. Никакія жертвы для меня тутъ *не дороги;* я увѣренъ, что и вы тѣхъ же мыслей. Такимъ образомъ вы найдете здѣсь одну хозяйку Лизу, и эта хозяйка рада вамъ будетъ душевно: ибо никогда она не раздѣляла ни чувствъ, ни нравовъ первой. Мы ожидаемъ васъ съ нетерпѣніемъ: ибо независимо отъ удовольствія васъ видѣть, есть множество вещей, въ коихъ мнѣ нужно съ вами посовѣтоваться и учредиться, чего чрезъ письма сдѣлать почти не возможно.

«Вы, кажется, человѣкъ не молодой, а пустились на необъѣзжанныхъ лошадяхъ; вы мнѣ, кажется, молодѣете, не взирая на сѣдые волосы. Я сначала испугался сему повѣствованію; но по счастію дальнѣйшія изъясненія Швылева меня успокоили.

«Весьма благоразумно, что билетъ не размѣняли: ибо здѣсь на билетъ деньги достать всегда можно. Обстоятельства покупки моей и условія объясню вамъ подробно при свиданіи, въ которомъ на сей разъ я совершенно удостовѣренъ.

«Прощайте, мой любезный, васъ и всѣхъ вашихъ отъ души и сердца обнимаю».

«Великополье 1-го января 1816.

«Поздравляю васъ, любезный мой Петръ Григорьевичъ, съ новымъ годомъ, желая искренно, чтобъ Господь обновлялъ васъ ежедневно въ познаніи Его и служеніи Ему. Сіе есть главное: все прочее приложится вамъ и семейству вашему.

«Здѣсь явился Карнѣй. Симъ положилъ онъ конецъ всѣмъ своимъ проказамъ и моему терпѣнію; я возвращу его къ вамъ чрезъ пересылку земской полиціи на сихъ дняхъ, прося васъ сперва отдать его въ рабочій домъ, а потомъ, пріуготовивъ бумаги, отдать въ рекруты; но такъ, чтобъ квитанція могла быть или продана, или зачтена по здѣшней деревнѣ; да не можно ли отправить тѣмъ же путемъ и Виктора, чтобъ разъ навсегда уже отдѣлаться отъ сихъ негодяевъ, съ коими бились мы столько лѣтъ.

«Долгомъ истины поставляю сказать вамъ, что въ Иванѣ Ивановичѣ (*) вы имѣете такого коммисіонера какого ни за

(*) Покойный двоюродный братъ мой, Иванъ Ивановичъ Масальскій, которому отецъ мой поручалъ нѣкоторыя дѣла свои.

десять тысячъ не могли бы вы достать. О семъ мнѣ вчера и прежде еще сказывали самые вѣрные, здѣшніе люди, и особенно изъ конторы Перетца.

«Они знаютъ совершенно ходъ здѣшнихъ дѣлъ, и всѣ удивляются его успѣхамъ, полагая впрочемъ, что все сіе ему весьма дорого стоитъ. Вы, петербургскіе жители, не имѣете понятія о провинціи.

«Прощайте, мой любезный, душевно васъ и всѣхъ вашихъ обнимаю».

«Великополье 13-го февраля 1816.

«Послѣдній зимній путь, дешевизна провоза и трудность лѣтнихъ доставленій заставляютъ меня думать, любезный мой Петръ Григорьевичъ, о разныхъ заготовленіяхъ на весь текущій годъ. Я вручилъ Степану Мелетьичу (*) реестръ, сдѣлавъ ему на нѣкоторыя статьи словесныя примѣчанія, о коихъ вкратцѣ и здѣсь упомяну.

«Архитекторъ Лукинъ (**), бывши здѣсь, вызвался выбрать для дома камины и печки изразцовыя; я далъ ему и записку; но послѣ при подробнѣйшемъ разсмотрѣніи я нашелъ возможнымъ уменьшить число каминовъ и сдѣлать нѣкоторую перемѣну въ печкахъ, т. е. вмѣсто четырехъ бѣлыхъ назначить двѣ бѣлыхъ; а другія двѣ также угольныя, но простыя подъ краску.

«Опытъ прошедшаго года показалъ мнѣ сколь убыточно здѣсь покупать канаты для перевозовъ, а потому и желалъ бы ихъ имѣть смоленые и подержаные.

«Въ реестрѣ вы найдете цѣлую статью церковныхъ книгъ, и нѣкоторую утварь. Я положилъ твердое намѣреніе

(*) Родственникъ отца моего.

(**) Короткій пріятель моего отца.

возобновить здѣсь церковь и привести въ порядокъ службу, а служить безъ книгъ не возможно. Мы и за васъ будемъ молиться Богу.

«Все сіе собравъ и уложивъ, прошу васъ, мой любезный, отправить зимнимъ путемъ. Если бы по дѣламъ вашимъ затруднились вы въ деньгахъ: то по первому назначенію я вамъ пришлю; только прошу снабдить меня счетомъ, чтобъ мнѣ можно было знать свои издержки: ибо нынѣ я сталъ весьма точенъ.

«Не помню, писалъ ли я вамъ о Ефимѣ (*). Весьма вамъ буду благодаренъ, если устроите судьбу его по вашему назначенію. Онъ, право, малой добрый. О людяхъ, я надѣюсь, здѣсь все такъ устроить, чтобъ они были крѣпки здѣшнему имѣнію. Прошу только имѣть ихъ въ виду, чтобъ послѣ ревизіи можно было ихъ сыскать и отдать по прежнему назначенію.

«Прощайте, мой любезный, васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю».

«Великополье 24-го февраля 1816.

«Не пускаясь въ большія боярскія затѣи, вмѣсто оранжерей, я желаю устроить у себя порядочный огородъ. Петръ Петровичъ Поповъ, съ коимъ вы получите сіе письмо, взялся мнѣ пріискать добраго ростовца и сюда отправить; но для сего нужно ваше пособіе. Нужно также, чтобъ онъ снабженъ былъ всѣми возможными овощными сѣменами отъ арбузовъ и дынь (ибо у меня есть старые парники) даже до самыхъ простыхъ. Онъ долженъ быть нанятъ съ половины марта по ноябрь. Прошу покорнѣйше и о семъ похлопотать.

(*) Крѣпостной человѣкъ Сперанскаго.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ отправленіемъ, которое по послѣднему пути было предназначено, прошу доставить еще: 1) Десять печныхъ чугунныхъ дверецъ съ ихъ рамами и затворками, т. е. дверцами для трубъ. 2) Два боченка хорошихъ сельдей. 3) Приказать посмотрѣть, нѣтъ ли въ домѣ оставшихся ключей: многіе столы и мебели, сюда доставленные, не отпираются. 4) Отправить одинъ изъ стульевъ краснаго дерева, обитыхъ *зеленою* шелковою матеріею, что̀ стояли во второй комнатѣ подлѣ кабинета, вверху. Здѣшній столяръ берется мнѣ сдѣлать точно такіе же изъ здѣшней березы и очень дешево; а сей послужитъ образцомъ.

«Прощайте, мой любезный, васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю.

«P. S. Не будете ли вы смѣяться, если я васъ попрошу, по прилагаемому при семъ газетному извѣщенію, справиться объ условіяхъ продаваемой въ Саратовѣ деревни. Я вспомнилъ по имени ея, что молодой Злобинъ, бывъ въ Перми, мнѣ много ее хвалилъ и даже тогда хотѣлъ ее для меня купить: ибо тогда былъ уже слухъ, что ее намѣрены продать.—Она должна быть недалеко отъ Волжска. Что̀ если цѣна будетъ сходна?—Попытка не шутка, а спросъ не бѣда. Вотъ годъ, какъ я непрестанно торгую, и ничего не покупаю и не продаю.

«Вторая повѣстка сбыточнѣе первой. Вы обѣщались приторговать линейку, не худо бы было имѣть и дрожки, если они не великолѣпныя и не щегольскія.

«Великополье 4-го апрѣля 1816.

«Нѣтъ сомнѣнія, любезный мой Петръ Григорьевичъ, что вашъ планъ (*) несравненно лучше здѣшняго; но, Бо-

(*) Церкви сельца Великополья.

га самаго ради, поспѣшите его представить на утвержденіе и потомъ доставить сюда съ почтою къ Фоминой недѣлѣ. По множеству причинъ сіе необходимо нужно. Вы можете просить митрополита, чтобъ онъ дозволилъ вамъ сдѣлать сіе отправленіе непосредственно, а я здѣсь уже представлю въ консисторію резолюцію, которую вѣроятно онъ положитъ на самомъ прошеніи. Не забудьте, что при новомъ вашемъ планѣ должно приложить и старый планъ, и все такъ пріуготовить, чтобъ ему оставалось только подписать. Присемъ не излишне будетъ, если вы митрополиту изъявите отъ меня усерднѣйшую благодарность за его о мнѣ воспоминанія, коихъ опыты видѣлъ я не только здѣсь, но и въ Нижнемъ, и въ Перми въ такое время, когда не всѣ помнить о мнѣ смѣли.—Внѣшнихъ украшеній т. е. образовъ никакихъ совсѣмъ не нужно. Ради Бога, поспѣшите. По опытамъ самымъ достовѣрнымъ можно писать ко мнѣ безъ малѣйшаго препятствія по почтѣ.

«Если отправленіе на фабрику будетъ въ первыхъ дняхъ по вскрытіи водъ: то конечно и лучше и дешевле сдѣлать его предлагаемымъ вами образомъ.

«Спѣша возвратить вамъ планъ и артельщика, отлагаю до будущаго случая разныя подробности. Но не могу не изъявить вамъ моей радости о наймѣ дома. Это самое прекрасное дѣло.—Теперь даже и продавать его—нѣтъ нужды спѣшить, то есть можно по крайней мѣрѣ съ меньшею заботою выжидать доброй цѣны.—На счеты я успѣлъ только взглянуть. Кажется все точно такъ, какъ желать можно. Я увѣренъ, что тутъ въ расходахъ много кой-чего пропущено: но тѣмъ хуже для васъ: видно не научить мнѣ васъ никогда экономіи. Къ сему Францъ Ивановичъ мнѣ разсказывалъ и о пособіяхъ вашихъ М. (*). Вамъ самъ

(*) Магницкому.

Богъ за сіе воздастъ. Будьте здоровы, мой любезный. Съ наступающимъ свѣтлымъ праздникомъ васъ и всѣхъ вашихъ душевно поздравляю и заочно цѣлую христіанскимъ цѣлованіемъ. Лиза за поспѣшностію не отвѣчаетъ Ольгѣ Петровнѣ (*), отлагая до перваго случая. Между тѣмъ душевно благодаритъ васъ за гостинцы. Прощайте.»

«P. S. Книгу о *добротолюбіи* неотступно прошу найти. Ее можно выписать изъ Москвы, гдѣ въ синодальной типографіи она въ 1793 году была печатана, и не можетъ быть, чтобъ все изданіе разошлось. Не худо бы ее имѣть и въ листахъ, и въ переплетѣ. Это неоцѣненное сокровище. Прошу васъ всемѣрно постараться и написать въ Москву.

«P. S. Линейка по самому вашему описанію для меня имѣетъ прелести. Я прошу неотступно ее купить и, сколь можно скорѣе, сухимъ путемъ доставить (разумѣется, по минованіи распутицы). Намъ, право, и въ церковь выѣхать не въ чемъ.

«P. S. Весьма радъ, мой любезный, что вы развязались съ дорожнымъ вашимъ дѣломъ. Хотя дѣятельность для васъ нужна; но вѣрьте мнѣ, что непрерывная, утомительная заботливость разстроиваетъ и мысли и здоровье, и, пріучая умъ къ развлеченію, истощаетъ наконецъ чувство и способность обращаться и знакомиться съ Богомъ и съ собою, а безъ сего что и въ богатствѣ?»

«Великополье 21-го апрѣля 1816.

«Не удивили, но весьма обрадовали вы меня, любезный мой Петръ Григорьевичъ, присылкою плана. Безъ лести онъ прекрасенъ. Я боялся, что вы позабыли о неподвиж-

(*) Покойная сестра моя.

ности престола; но теперь вижу, что и сіе соображено. Перестройка дѣйствительно будетъ не дороже. Радостная также вѣсть и о прибытіи сюда г. Руско (*). Совѣты его мнѣ весьма нужны: ибо здѣшній землемѣръ и глупъ и пьянъ. Я совершенно съ нимъ развязался.

«Митрополитъ присылалъ даже и здѣсь архимандрита поздравить меня съ праздникомъ. Не понимаю столько милостей.

«Прощайте, мой любезный, васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю.

«P. S. У меня были въ домѣ бронзовыя часы, которыя назначалъ я въ продажу. Не разсудите ли доставить ихъ къ Дазеру въ лавку, гдѣ они скорѣе продадутся. Цейеръ къ нему о семъ пишетъ. Оставляю впрочемъ сіе на вашу волю. Но прошу не забыть продать кареты.—Была у меня машина для очищенія воды; если она цѣла, и если отправленіе на здѣшнюю фабрику еще не сдѣлано: то нельзя ли и ее тутъ же уложить.

«Садовникъ сюда явился и принялся за дѣло. Хоть дорогъ, но, кажется, знающъ. Нынѣшній годъ для меня будетъ тяжелъ, но за то всѣ послѣдующіе, надѣюсь, будутъ уже не безъ прибыли».

«Великополье 7-го мая 1816.

«Вы не могли, мой любезный Петръ Григорьевичъ, сообщить лучшей вѣсти, какъ вѣсть о займѣ, вами предполагаемомъ. Дай Богъ, чтобъ онъ совершился. И мнѣ кажется, совершится. Когда увижу я васъ внѣ хлопотъ, коими вы заняты? Когда, приведя дѣла ваши изъ сложности столь заботливой, къ простому и ясному порядку, начнете вы

(*) Близко знакомый отцу моему, извѣстный архитекторъ.

жить? Ибо доселѣ вы не жили, а только хлопотали. Хотя силы ваши теперь вамъ еще и служатъ, но, вѣрьте мнѣ, образъ жизни столь безпокойный и утомительный готовитъ вамъ болѣзненную старость. Не ропщите на меня за сіе выраженіе: оно точно идетъ отъ сердца. И по привычкѣ, и по чувству благодарности за все то, что вы въ теченіи сихъ четырехъ лѣтъ столь постоянно дѣлали и дѣлаете лично для меня и для моего семейства, никто не имѣетъ права и обязанности принимать въ васъ столько участія, какъ я, и говорить вамъ всю правду. Когда распродадите вы всѣ ваши хлопотливые домы, купите порядочную деревню и будете жить небольшими, но вѣрными и простыми доходами, занимая дѣятельность вашу безъ усталости предметами полезными? Это, можетъ быть, химеры, но примите ихъ выраженіемъ моего сердечнаго желанія видѣть васъ успокоеннымъ и счастливымъ.

«Не извиняйтесь никогда предо мною, мой любезный, медленностію или отлагательствомъ въ мелкихъ моихъ порученіяхъ. Одни неопытные и не знающіе заботъ житейскихъ люди могутъ быть взыскательны. Разъ навсегда я знаю, что все возможное для меня вы сдѣлаете, какъ и доселѣ вы дѣлали; разчесть же всего впередъ не возможно, особливо времени. За то не пеняйте и на меня, что я сто разъ одно и тоже въ письмахъ моихъ твержу; это не отъ нетерпѣнія, а единственно потому, что всѣхъ докукъ моихъ нельзя вамъ непрестанно содержать въ памяти; мнѣ же здѣсь на досугѣ. Впрочемъ изъ всѣхъ порученій моихъ за вами остались только два: 1) отправить вещи водою по реестру, который для памяти вамъ присемъ прилагаю; 2) кончить съ крѣпостными людьми.

«Къ симъ двумъ прежнимъ просьбамъ здѣсь присоединяю двѣ, впрочемъ вамъ уже извѣстныя: 1) *О желѣзѣ* для церкви. Я не знаю, почему вамъ сіе пришло на мысль;

но если вы это дѣлаете *именно для церкви*, то не могу вамъ отсовѣтовать. Руско вамъ уже сказывалъ, что это будетъ стоить около 600 руб. Желѣзо можно и здѣсь достать; во всѣхъ случаяхъ оно должно быть готово не позже, какъ къ первымъ числамъ іюня; срокъ сей есть послѣдній. Вы знаете, что безъ кровли церковь стоять долго не можетъ и нельзя въ ней никакихъ производить работъ внутреннихъ. 2) *О деньгахъ*. Къ 1-му августа мнѣ необходимо имѣть должно пять тысячъ рублей. Я надѣюсь, что вы уже имѣете или къ тому времени вы будете имѣть арендныя за минувшее полгода по апрѣль, и слѣдовательно сумма сія не сдѣлаетъ вамъ затрудненія; для меня же необходима она потому, что я началъ разныя работы не только по строенію, но и по чисткѣ лѣса, осушенію болотистыхъ мѣстъ, удобренію пашни и проч. и проч. Все сіе, не бойтесь, подъ руководствомъ добраго и опытнаго здѣшняго отца Строителя (*).—Съ самаго пріѣзда моего сюда, я не получалъ съ деревни еще никакого дохода, но надѣюсь, что съ будущаго года получать буду доходъ порядочный. *О лѣстницѣ* въ домѣ моемъ прошу и не думать; я пріискалъ здѣсь даже и тѣ четыре ступени, коихъ не доставало, и все дѣло будетъ слажено, какъ скоро Руско подрядчику моему укажетъ; лишь бы г. Руско меня полюбилъ, а мнѣ онъ очень нравится. *Планъ дома*, посланный съ Руско, прошу мнѣ возвратить съ нимъ же. Великая милость ваша была бы приказать между тѣмъ его снять на бѣло; но безъ всякой перемѣны. Фасадомъ прошу не заниматься: онъ весьма уродливъ; но издерживать деньги на пустыя прикрасы я никакъ не намѣренъ, и оставляю его такъ, какъ онъ теперь есть.

(*) Монастыря Саввы Вишерскаго, находящагося близъ мызы Сперанскаго.

«Благодарить ли васъ за все то, что вы дѣлаете для брата?—Но положеніе его таково, что безъ помощи и призрѣнія дружескаго вашего, онъ почти всѣми—былъ бы оставленъ.—Если бы могли вы пріютить его у себя на дачѣ, на лѣто: сіе сблизило бы его съ Бушемъ (*) и доставило бы ему по крайней мѣрѣ утѣшеніе подышать воздухомъ—чуть было не написалъ *чистымъ воздухомъ*, но смѣшно показалось говорить о чистомъ воздухѣ на Карповкѣ».

Великополье 30-го мая 1816.

«Сегодня получилъ я ваше письмо, любезный мой Петръ Григорьичъ, отъ г. Руско, и сегодня же съ нимъ спѣшу отвѣтомъ. За разлитіемъ водъ онъ вчера не могъ ко мнѣ попасть и письмо вручилъ моему посланному. Увижусь ли съ нимъ сегодня, еще не знаю.—Весьма благодаренъ вамъ за *Добротолюбіе*.

«Ничѣмъ не могли вы меня столько обрадовать, какъ извѣстіемъ объ устройствѣ дѣлъ вашихъ.—Встрѣтясь съ моимъ совѣтомъ, вы утвердили меня самого въ моихъ мысляхъ. Держитесь только одного главнаго правила, что сохранить пріобрѣтенное столько же трудно, какъ и пріобрѣсть съ честію: и тогда дѣла ваши мало по малу придутъ къ развязкѣ.

«Вы оживили мои надежды о братѣ, сказавъ, что онъ у васъ на дачѣ и на рукахъ Вельтцина. Я никогда не ожидалъ ничего чудеснаго отъ Рейманна; братъ самъ вспомнитъ, что я ему и здѣсь говорилъ. Никогда не поддавался я моднымъ и общимъ мнѣніямъ и потому весьма согласенъ вѣрить настоящему вашему выбору. Дай Богъ, чтобъ и онъ имѣлъ къ нему такую же довѣренность. Я не пишу

(*) Извѣстный докторъ.

къ нему особенно по скорости: вы будете для него живою моею грамотою.

«О присылкѣ денегъ я держусь прежняго назначенія, не предвидя нужды имѣть ихъ ни болѣе, ни ранѣе. Не худо, если пришлете намъ и апельсиновъ и лимоновъ—мы еще ихъ здѣсь не видали, то есть, они такъ дороги, что мы и не прикасались.—Для водянаго отправленія есть два довольно удобныя средства: 1) Съ старорусскими лодками часто сюда возвращающимися. 2) Съ отправленіемъ на фабрику, которое каждый мѣсяцъ бываетъ, но сіе зависитъ отъ вашего усмотрѣнія; я не знаю, до какой степени можно на то или другое положиться.

«Обращаюсь къ послѣдней статьѣ вашего письма. Отчего такое множество у васъ больныхъ? Положеніе Ольги Петровны (*) особенно меня озабочиваетъ. Какъ бы желалъ я ее имѣть здѣсь, на чистомъ нашемъ великопольскомъ воздухѣ деревенскомъ. Увѣряю васъ, что въ мѣсяцъ она запаслась бы здѣсь здоровьемъ на цѣлый годъ.

«Прощайте, мой любезный. Васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю.

«P. S. Двѣ бездѣлки: 1) Разсужденіе о сходствѣ санскритскаго языка съ россійскимъ 1 р. 50 к. въ домѣ Росс. академіи на васильевскомъ острову въ 1-й линіи. 2) У меня есть книга весьма мелкой печати, которую я долженъ часто читать. Нельзя ли достать простое увеличительное стекло рублей въ пять или въ десять; это тоже, что и зажигательное, коимъ раскуриваютъ трубки.

«P. S. О молотильной машинѣ я пересталъ и думать, и пишу о семъ къ Аркадію Алексѣичу.

«P. S. Лиза проситъ васъ прислать съ портнымъ аршинъ

(*) Сестра моя, которая тогда была слаба послѣ первической горячки.

сорокъ или пятьдесятъ серпянки простой, бѣлой: это родъ толстой, нитяной кисеи русской, въ три четверти аршина шириною, изъ которой дѣлаются занавѣсы отъ комаровъ, коихъ здѣсь у насъ по почамъ очень много. Я думаю, что она не дороже 50 к. аршинъ.—Присемъ прошу не забыть и того клетчатаго, голубаго тику, коего приложилъ я въ предъидущемъ письмѣ образчикъ.»

Великополье 21-го іюля 1816.

«Благодаримъ васъ, любезный Петръ Григорьичъ, за отправленіе. Мнѣ приходила такая нужда въ деньгахъ, что я началъ уже занимать здѣсь въ монастырѣ (*). Всѣ работы мои идутъ несравненно скорѣе, нежели я думалъ, и притомъ несравненно дороже. Даю честное слово себѣ и вамъ, никогда не строиться. Я никогда не представлялъ себѣ столько досадъ и безпокойствъ.—Не мое дѣло благодарить васъ за желѣзо—ищите и ожидайте воздаянія отъ святаго Николы (**). Ради Бога, отправьте мнѣ вино и потомъ, при первомъ возможномъ случаѣ, еще пять тысячъ рублей денегъ: мнѣ онѣ совершенно необходимы; получивъ ихъ, я уже долго и по крайней мѣрѣ до новаго года не буду васъ безпокоить.

«Но есть просьба еще важнѣе. Дѣла, порученныя мною Францу Ивановичу, суть такого рода, что они требуютъ или могутъ потребовать скорости и точности въ отправленіи. Вы знаете, что въ бездѣлицахъ я не настоятеленъ; но здѣсь прошу васъ явить вашу неутомимую, дружескую дѣятельность.

(*) Монастырь Саввы Вишерскаго, близъ Великополья.

(**) Отецъ мой пожертвовалъ желѣзо на церковь Великополья.

«Видѣться съ вами я болѣе еще васъ желаю; но приближая дѣла къ развязкѣ, думаю, должно отложить сіе на двѣ или на три недѣли; тогда напишу къ вамъ по предположенію.

«Прощайте, мой любезный. Вино и деньги—худое прощаніе! Васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю.

«P. S. Лиза и мы всѣ усердно благодаримъ васъ за новыя лакомства; но это безмѣрно много.

«P. S. Ради Бога, окончите съ людьми. Я боюсь въ сентябрѣ набора и сверхъ того безмѣрно желаю съ ними развязаться.

«Тяжбу вашу читалъ я со вниманіемъ. Удивляюсь вашей твердости и безстыдству вашихъ противниковъ».

Въ день тезоименитства, 30-го августа 1816 года, Императора Александра I данъ былъ сенату Высочайшій указъ о назначеніи Сперанскаго гражданскимъ губернаторомъ пензенской губерніи. Въ этомъ указѣ между прочимъ было сказано:

«Предъ начатіемъ войны 1812 года, при самомъ отправленіи моемъ въ армію, доведены были до свѣдѣнія моего обстоятельства, важность коихъ принудила меня удалить отъ службы тайнаго совѣтника Сперанскаго, къ чему во всякое другое время не приступилъ бы я безъ точнаго изслѣдованія, которое въ тогдашнихъ обстоятельствахъ дѣлалось невозможнымъ. По возвращеніи моемъ приступилъ я ко внимательному и строгому разсмотрѣнію поступковъ его, и не нашелъ убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ».

Сперанскій, обрадованный и осчастливленный этими милостивыми царскими словами, которыя снимали съ него и тѣнь тяготѣвшихъ надъ нимъ до тѣхъ поръ подозрѣній, писалъ къ отцу моему.

Великополье 6-го сентября 1816.

«Я получилъ указъ, любезный мой Петръ Григорьичъ, прямо изъ Москвы и съ тѣмъ самымъ курьеромъ, который съ нимъ отправленъ былъ въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ и весьма благосклонное письмо отъ графа Аракчеева. Какъ бы ни судили въ Петербургѣ, но я душевно радъ и совершенно доволенъ. Для перваго шагу это болѣе, нежели я когда нибудь ожидалъ. Вы увидите, и я имѣю на это доказательства, что все прочее пойдетъ, какъ по маслу (*).

«Двѣ вещи для меня теперь важны: 1) свиданіе съ вами; 2) деньги. Я отправлюсь отсюда не прежде 6-го октября. Надѣюсь, что къ тому времени Богъ дастъ вамъ здоровья (**). Но свиданіе наше необходимо. Я не могу оставить васъ въ ссорѣ съ графомъ Шуваловымъ и вмѣстѣ въ хлопотахъ съ Дарбиньи, и, мнѣ кажется, я нашелъ способъ то и другое кончить. Къ первому нынѣ же дѣлаю первый шагъ письмомъ, которое вручитъ графу Шувалову Аркадій Алексѣевичъ (***). Есть тысячи вещей, кои я долженъ вамъ сообщить и для меня и для васъ, и никакъ нельзя сего сдѣлать на бумагѣ. Чтобъ отклонить пустые страхи (****), пріѣзжайте съ Аркадіемъ Алексѣичемъ, или съ братомъ, или всѣ трое вмѣстѣ. Сверхъ сего и Марья Карловна къ намъ будетъ съ дочерью, слѣдовательно вы составите цѣлый обозъ.—Мнѣ предстоятъ слѣдующія издержки: расплата съ работниками, коимъ всѣмъ, по на-

(*) Въ предупрежденіе нескромности въ письмѣ къ брату я даю другой толкъ моимъ ожиданіямъ. *Примѣчаніе* Сперанскаго.

(**) Отецъ мой оправлялся тогда отъ болѣзни.

(***) Сенаторъ Столыпинъ.

(****) Тогда носились слухи о грабежахъ по дорогѣ изъ Петербурга къ Новгороду. Эти слухи наводили опасенія на покойную мою мать.

стоящему моему положенію, я долженъ заплатить сполна, не отлагая до будущаго году: ибо сіе уже невозможно; отправленіе Лизы въ Петербургъ, гдѣ она останется на рукахъ Марьи Карловны; собственныя мои издержки дорожныя, экипажъ, мундиры и проч. и проч.; проѣздъ необходимый чрезъ Владиміръ, гдѣ облѣпитъ меня цѣлое облако бѣдныхъ родственниковъ, и наконецъ появленіе мое въ Пензѣ, гдѣ занимать и не у кого, и не прилично, и не возможно.—Сдѣлавъ всѣмъ симъ издержкамъ самый умѣренный счетъ, мнѣ нельзя отсюда двинуться безъ 20.000 рублей; и сіи двадцать тысячъ рублей я прошу васъ, чего бы то ни стоило, достать и мнѣ доставить: истинно я не сталъ бы васъ вводить въ сіи хлопоты безъ крайней необходимости. Лизу отправлю я отсюда съ Марьею Карловною одну, съ горничною. Нельзя выбрать лучше подарка для Лизы, какъ вы сдѣлали; но я все буду твердить, что это слишкомъ великолѣпно (*). Мелкія покупки, которыя для дороги мнѣ нужны, какъ-то: мундиры и тому подобное, взялъ на себя Аркадій Алексѣевичъ, къ коему прошу васъ письмо и пакетъ доставить. Прощайте, мой любезный, до свиданія.

«P. S. Къ статьѣ о деньгахъ считаю не излишнимъ примѣтить, что не пожалѣлъ бы я въ настоящемъ положеніи занять и изъ приданаго Лизы; но, не предвидя настоятельной нужды, я такъ распорядилъ, уже тому мѣсяцевъ шесть, сіи деньги, что до іюля будущаго года ни копѣйки достать изъ нихъ не могу.

«Весьма бы обязали, еслибы привезли съ собою хоть самый краткій счетъ настоящаго моего съ вами положенія денежнаго.»

(*) 5-го сентября былъ день имянинъ дочери Сперанскаго, и отецъ мой послалъ ей подарокъ.

Великополье 28-го сентября 1816.

«Если бы я менѣе привыкъ сносить огорченія: то мысль разлучиться съ вами, любезный мой и предобрѣйшій Петръ Григорьичъ, была бы для меня весьма мучительна. Богъ знаетъ, когда мы съ вами увидимся—можетъ быть, въ общемъ нашемъ, горнемъ отечествѣ.

«Умнымъ и дѣйствительно вамъ однимъ свойственнымъ распоряженіемъ вы поставили меня, мой любезный, внѣ всякихъ нуждъ. Будутъ, вѣрно, и остатки, но теперь не могу еще совершенно ихъ разчислить. Для брата, Франциса (*) и Беллы (**) составляю я особенное хозяйство въ Петербургѣ подъ управленіемъ Марьи Карловны, которая взялась ихъ содержать за 500 р. въ мѣсяцъ и получила и деньги за шесть мѣсяцевъ впередъ. Лиза снабжена также достаточно; посему прошу васъ, если бы кто нибудь и покусился еще у васъ на мой счетъ дѣлать требованія, всѣмъ отказывать. Здѣшнее мое хозяйство такъ же совершенно обезпечено. Остается одинъ вопросъ о домѣ. Вступите съ Кирѣевскимъ въ переговоры. За прежнюю цѣну, за 75.000, отдать нынѣ было бы несходно: онъ самъ сіе признаетъ. Просите смѣло 100.000; увидите, что онъ отвѣчать будетъ. Между тѣмъ и Аркадій Алексѣевичъ въ семъ вамъ пособитъ, то есть, чтобы приподнять цѣну.

«Счетъ вашъ слишкомъ исправенъ. Статьи процентовъ за суммы, въ распоряженіи вашемъ бывшія, я никакъ не приму и ставлю ихъ обратно на себя. Думаю, что тысячъ пять, въ томъ числѣ и сіи, возвращу вамъ изъ Пензы. Я получилъ вмѣстѣ съ опредѣленіемъ моимъ на путевыя издержки при весьма благосклонномъ письмѣ 6.000 р.

(*) Родственникъ покойной супруги Сперанскаго.

(**) Англичанка, жившая при дочери Сперанскаго.

Посмотрю, какое опредѣлятъ мнѣ жалованье, и удерживаюсь возвратомъ къ вамъ части займа единственно изъ боязни, чтобъ не оставили меня на одномъ губернаторскомъ окладѣ. Дормезъ оставляю за собою, ибо къ веснѣ братъ отправится въ немъ на кавказскія воды. Лиза лично благодарить васъ будетъ за виноградъ. Я отъѣзжаю отсюда непремѣнно черезъ день, въ субботу въ ночь, или рано въ воскресенье. Лиза же явится черезъ недѣлю послѣ меня.

«Поговоримъ о вашемъ здоровьѣ. Я и прежде къ вамъ писалъ, что вы крайне себя изнуряете. Изъ частыхъ вашихъ припадковъ вы сами сіе замѣтить можете. Вѣрьте мнѣ, что вы грѣшите противъ себя и дѣтей вашихъ, продолжая сей образъ жизни. Богъ да сохранитъ васъ: Его единой благости васъ оставляю; ибо вокругъ васъ нѣтъ никого, ктобы умѣлъ дать вамъ добрый совѣтъ. Аркадій Алексѣичъ васъ искренно любитъ (*).

«Не изъ трусости забочусь я о дѣлахъ вашихъ съ Дарбиньи; но единственно изъ совершеннаго моего убѣжденія, что вамъ, сколь можно скорѣе, должно успокоиться (**).

«Какъ трудно мнѣ теперь сказать вамъ: прощайте, мой любезный. Вы не найдете сердца теплѣе и друга вѣрнѣе, какъ я къ вамъ всегда былъ и буду. Поручаю васъ промыслу Божію. Васъ и всѣхъ вашихъ душевно и въ послѣдній разъ здѣсь обнимаю.»

Пенза 31-го октября 1816.

«Съ прошедшею почтою не успѣлъ я къ вамъ писать, любезный мой Петръ Григорьичъ, единственно по недосу-

(*) Такъ какъ и всѣ наши. *Примѣчаніе* Сперанскаго.

(**) Отецъ мой велъ тяжбу съ отставнымъ ротмистромъ французской службы Дарбиньи и возвратилъ во владѣніе малолѣтныхъ графовъ Шуваловыхъ, присвоенное имъ несправедливо, имѣніе въ 500 душъ крестьянъ.

гамъ, коимъ вы легко повѣрите, представивъ меня здѣсь среди дѣлъ, для меня новыхъ, и людей незнакомыхъ. Слава Богу однако же, все, кажется, идетъ весьма удачно:— дѣла проясняются, люди знакомятся. По счастію я не нашелъ здѣсь никакихъ противъ себя предубѣжденій; напротивъ, всѣ причины имѣю заключить, что меня полюбятъ.

«Какая земля, какое обиліе, какая губернія! Признаюсь вамъ, что новгородскія наши болота отсюда мнѣ кажутся еще скуднѣе, еще печальнѣе, нежели они суть въ самомъ дѣлѣ.

«Подробности моего путешествія разскажетъ вамъ Аркадій Алексѣевичъ. Въ Москвѣ видѣлся съ графомъ Шуваловымъ. Краткость времени не дозволила мнѣ войти въ подробныя съ нимъ изъясненія; но успѣлъ однакоже я ему столько о васъ сказать, чтобъ изгладить по крайней мѣрѣ самыя рѣзкія черты его предубѣжденія.

«Хотите ли знать образъ моей жизни. Утро—въ губернскомъ правленіи. Обѣдаю каждый день на большомъ званомъ обѣдѣ, у здѣшнихъ весьма избыточныхъ дворянъ. Вечеръ—дѣла уголовныя. Сплю прекрасно и давно уже не бывалъ такъ бодръ и здоровъ. Со временемъ надѣюсь быть свободнѣе, когда очищу губернское правленіе и земскіе суды отъ множества запущенныхъ дѣлъ. Жаль, что не имѣю удобнаго помѣщенія; домъ большой, но крайне разстроенъ.—Пишу съ сею почтою къ О. П. Козодавлеву объ отпускѣ небольшой суммы на поправку.

«Прощайте, мой любезный, душевно васъ и всѣхъ вашихъ обнимаю. Пишите ко мнѣ, сколь можно чаще. Не можетъ быть препятствія писать съ почтою.»

Пенза 14-го ноября 1816.

«Вы думаете, любезный мой Петръ Григорьичъ, что

сжили меня совершенно съ рукъ: весьма ошибаетесь; я думаю, что доколѣ я буду живъ, всегда будутъ у меня къ вамъ просьбы. Знаете ли, что я намѣренъ здѣсь купить небольшое имѣніе. У насъ не имѣютъ понятія о здѣшнихъ доходахъ. Пятнадцать процентовъ есть доходъ обыкновеннаго хлѣбопашества, безъ всякихъ заведеній. Мнѣ представляется покупка весьма выгодная: 350 душъ, съ большимъ количествомъ земли. Всѣ обстоятельства сему благопріятствуютъ; дѣло состоитъ только въ томъ, какъ достать 50.000 рублей, кои должно заплатить при купчей; прочія частію идутъ въ банкъ, частію же въ сроки; но съ залогомъ самаго имѣнія. Умудритесь, мой любезный, послѣ всѣхъ вашихъ мудростей, столько мнѣ благотворныхъ, занять мнѣ на годъ сію сумму къ 1-му января. Я говорю на годъ, потому, что по всѣмъ моимъ разсчетамъ я въ состояніи буду къ тому сроку заплатить сію сумму (*). Изъ 20.000 рублей, при отъѣздѣ мною занятыхъ, у меня остается еще 10.000 рублей; но сіи деньги будутъ мнѣ нужны, какъ на прожитокъ, такъ и на совершеніе купчей. Обезпечить новый заемъ, мнѣ кажется, можно тѣмъ же самымъ домомъ, который заложенъ уже въ 50.000 рубляхъ.—Если же продажа дома вами начата и близка къ совершенію: то и новаго займа дѣлать будетъ не нужно или по крайней мѣрѣ уменьшится онъ значительною суммою; ибо я предполагаю, что г-жа Баташева согласится перевесть долгъ на покупщика и, слѣдовательно, не затруднительно ему будетъ остальныя заплатить наличными.—О переводѣ сей суммы сюда я буду писать послѣ; къ сему быть могутъ разные способы. Но сдѣлайте милость, пишите ко мнѣ съ первою почтою: уважьте, что при всей скорости я не

(*) Въ іюлѣ мѣсяцѣ наступающаго года у меня будетъ въ рукахъ приданое Лизы чистыхъ 80.000 р.—*Примѣчаніе* Сперанскаго.

могу получить вашего отвѣта прежде трехъ или четырехъ недѣль, считая отъ настоящаго дня. Вообще я уже съ нѣкоторою нетерпѣливостію ожидаю вашихъ писемъ. Прощайте, мой любезный; васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю.

«P. S. Въ ласковомъ письмѣ отъ О. П. Козодавлева, здѣсь мною полученномъ, онъ увѣряетъ меня, что онъ васъ искренно любитъ. Считаю нужнымъ довести сіе до вашего свѣдѣнія.»

Пенза 28-го ноября 1816.

«Продолженіе моей аренды заставляетъ меня обратиться къ вамъ, любезный мой Петръ Григорьичъ, съ новою просьбою устроить отдачу ея на четыре года, сколь можно благовременно. Иванъ Федоровичъ Журавлевъ писалъ ко мнѣ, что по оцѣнкѣ казеннаго дохода (почти въ 2.000 руб. серебромъ) доходъ, который я доселѣ получалъ, весьма низокъ; я просилъ его войти въ сіе дѣло и пособить вамъ его устроить. Онъ имѣетъ къ сему множество средствъ, и я прошу васъ съ нимъ снестися; паче же всего устроить его благовременно и не позже, напримѣръ, какъ къ январю мѣсяцу.

«Безъ нетерпѣнія, но, признаюсь, съ сильнымъ желаніемъ ожидаю отвѣта вашего о займѣ. Дѣло сіе приближается къ концу и каждый день становится для меня привлекательнѣе. Продолженіе аренды и жалованья еще болѣе развязываетъ мнѣ руки и заставляетъ пренебречь всѣ сомнѣнія о разглашеніяхъ. Пусть говорятъ, что хотятъ. Мнѣ пора уже къ сему привыкнуть. Не надобно ли мнѣ самому писать къ Баташевой и благодарить ее; въ семъ случаѣ прошу сказать мнѣ ея имя.

«Я знаю, какъ вы заняты; но все же не престаю желать

и надѣяться, что вы меня и здѣсь не забудете, когда и далѣе помнили. Прощайте; душевно васъ и всѣхъ вашихъ обнимаю».

Пенза 19-го декабря 1816.

«Сейчасъ получивъ ваше письмо, любезный мой Петръ Григорьевичъ, отъ 8-го декабря, спѣшу вамъ сказать въ отвѣтъ, сколько можетъ дозволить отходящая почта. Покупку деревни я почти сладилъ и въ задатокъ 15.000 р. далъ. Столь много надѣялся я на вашу дѣятельную и неутомимую мнѣ помощь! Первый платежъ 50.000 р. назначенъ къ 1-му февраля; но я надѣюсь протянуть до послѣднихъ чиселъ; а въ январѣ условлюсь съ вами, куда и какимъ образомъ деньги сіи перевесть. Деревня чрезмѣрно выгодна; 20.000 руб. оброчнаго, вѣрнаго дохода на 150.000 рублей капитала, а при устройствѣ запашки можно довесть и до 30.000. Домъ мнѣ весьма хочется продать; растолкуйте Тухочевскому выгоды покупки: 1) Баташева согласится отсрочить ему 50.000 р. за 5 процентовъ. 2) Я соглашусь принять обязательство Кирѣевскаго въ годъ на 25.000 р. по 5-ти же процентовъ. 3) Ему останется наличными заплатить только 25.000 р.—Обязательство Кирѣевскаго меня не затруднитъ: ибо по твердому и богатому его имуществу я легко могу здѣсь превратить его въ наличныя деньги.—Впрочемъ отъ васъ зависитъ унизить цѣну и до 90.000 р., но болѣе сего уступить, кажется, не можно. Въ семъ предположеніи домъ стоитъ ему будетъ наличными только 15.000 р.—Я даже могу и всѣ 50.000 р., если онъ дастъ 100.000, принять обязательствомъ, разумѣется, отъ крѣпостныхъ дѣлъ; сіе обязательство должно быть на мое имя.—Впрочемъ, если уже сіе не удастся: то должно будетъ оставить у него домъ въ наймѣ, по вашему

усмотрѣнію. Письмо ваше съ прокуроромъ я получилъ. Рѣшитесь, ради Бога, о домѣ. Прощайте; васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю.»

Пенза 1-го января 1817.

«Отъ сердца и души поздравляю васъ, любезный мой Петръ Григорьичъ, съ новымъ годомъ. Желаю искренно, чтобъ Богъ въ теченіи сего года пособилъ вамъ распутать дѣла ваши и привести ихъ къ той простотѣ, въ коей они быть должны.

2-го января.

«Письмо ваше отъ 22-го декабря, сегодня полученное, весьма меня опечалило. Если тѣмъ или другимъ образомъ не достанемъ мы денегъ: то я найдусь здѣсь въ великихъ затрудненіяхъ. Запись моя совершена; я вошелъ уже и въ управленіе деревни, и къ 15-му февраля долженъ непремѣнно имѣть деньги—все что можно, это есть протянуть до послѣднихъ дней того мѣсяца. Вы пріучили меня требовать и надѣяться почти невозможнаго. Если заемъ не удастся, то нельзя ли подвинуть круче продажу дома. Пишу къ Аркадію Алексѣичу; онъ вамъ пособитъ: ибо Тухочевскій, т. е. Кирѣевскій—здѣшній помѣщикъ. Я охотно приму векселей его на 30.000 р. въ годъ по 5 процентовъ, только бы вся сумма раздѣлена была на 5 частей, чтобъ здѣсь удобнѣе мнѣ было передать ихъ въ разныя руки. Такимъ образомъ съ переводомъ баташевскаго долгу они будутъ имѣть домъ, не заплативъ ни одной копѣйки наличныхъ. Между тѣмъ прилагаю письмо и къ Баташевой. Само собою разумѣется, что если заемъ удастся: то нѣтъ причины круто вести продажу дома, хотя во всѣхъ случаяхъ продать его должно, и я совершенно уже рѣшился.

«Объ арендѣ трудно рѣшиться на 12 лѣтъ. Развѣ согласятся на серебро по 3.000 р. въ годъ. Тогда не будетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и имъ и мнѣ безъ грѣха и безъ опасности. На ассигнаціи же далѣе четырехъ лѣтъ я не пойду и лучше соглашаюсь на 4 года отдать по 10.000 р.

«Прощайте; душевно васъ и всѣхъ вашихъ обнимаю.»

Пенза 30-го января 1817.

«Тогда, какъ я началъ уже было отчаяваться въ успѣхѣ займа у г. Баташевой, удивили и обрадовали вы меня письмомъ вашимъ.—Еслибъ я имѣлъ власть, я сдѣлалъ бы васъ государственнымъ банкиромъ: такъ умѣете вы доставать деньги; но еслибъ я имѣлъ сто языковъ, не могъ бы никогда возблагодарить васъ за всѣ знаки вашей дружбы.—Заемное письмо присемъ возвращаю. Изъ 50.000 р. прошу вручить 5.000 р. Аркадію Алексѣевичу на заготовленіе экипажей, которое онъ на себя принялъ. Сверхъ того прошу вручить Марьѣ Карловнѣ 5.000 р. для водворенія Франциса у одной англичанки и для необходимыхъ издержекъ для Лизы (*). У васъ въ сборѣ моихъ денегъ должно быть до 5.000 р.; но если нѣтъ ихъ на лицо или издержаны: то прошу, какъ первую, такъ и послѣднюю сумму взять изъ 50.000 р. и сколь можно скорѣе, особливо Марьѣ Карловнѣ, которая о семъ ко мнѣ пишетъ, вручить; достальные же 40.000 отправить сюда съ обыкновенною почтою, при письмѣ на имя *Его Высокоблагородія Григорья Даниловича Столыпина въ Пензѣ*. Онъ уже будетъ знать, кому ихъ доставить. Отчаявшись въ первой попыткѣ, я на-

(*) Независимо отъ того, что по сіе время вы могли ей дать.—*Примѣчаніе* Сперанскаго.

чалъ другую и выхлопоталъ чрезъ А. А. Жерве (*) другой заемъ 50.000 р. у Краузе. Второе однакоже не мѣшаетъ первому; ибо чѣмъ скорѣе уплачу я деньги за деревню, тѣмъ скорѣе получу купчую.

«Въ претензіяхъ Гагемейстера по арендѣ есть большое смѣшеніе, и я жалѣю, что въ свое время васъ не предварилъ. Я заключилъ контрактъ не съ Гагемейстеромъ, коего и не знаю, но съ покойнымъ барономъ Менгденомъ на 4 года по 1813 годъ. Онъ умеръ въ 1810 или 1811 году; братъ его, баронъ Густавъ Менгденъ, просилъ меня дозволить ему въ пользу сиротъ содержать аренду и продолжить.

«Я отвѣчалъ ему партикулярнымъ письмомъ въ трехъ строкахъ и далъ мое согласіе на довершеніе срока. Какимъ же образомъ по окончаніи онаго дошла аренда къ Гагемейстеру—я совершенно не знаю. Прилагаемое присемъ письмо отъ барона Густава Менгдена, вчера мною полученное, докажетъ вамъ, сколь слабы основанія, на коихъ они владѣли. Молчаніе мое нельзя принять согласіемъ: ибо у меня скованъ былъ ротъ, и ни въ какомъ судѣ не поставятъ мнѣ сего въ вину.—Впрочемъ, безъ всякаго лицепріятія, прошу отдать тому, кто дастъ больше, и слѣдовать въ семъ случаѣ совѣтамъ Ивана Федоровича (**), который въ семъ дѣлѣ знатокъ. Прощайте, мой любезный, васъ и всѣхъ вашихъ душевно обнимаю.

«P. S. Прилагаю письмо, и отъ рижскаго губернатора полученное. Я ему сегодня отвѣчалъ, что во всемъ на васъ полагаюсь. Ради Бога, не пропустите времени. Я сего только боюсь. Апрѣль на дворѣ.»

(*) Д. ст. совѣтникъ Жерве—давній знакомецъ Сперанскаго.

(**) Д. ст. совѣтникъ Журавлевъ, впослѣдствіи сенаторъ.

Пенза 13-го марта 1817.

«Еще почта, а денегъ нѣтъ, какъ нѣтъ.—Богъ вамъ судья во всѣхъ хлопотахъ и затрудненіяхъ, кои вы мнѣ надѣлали. Разрѣшенія изъ опекунскаго совѣта получены;—люди для совершенія купчей прибыли. Одинъ изъ помѣщиковъ Ханеневыхъ остался дома и опасно боленъ. Симъ образомъ можно потерять все дѣло. Еслибъ вы мнѣ искренно напередъ сказали, что вамъ 25.000 р. нужны, я бы здѣсь иначе распорядился, упросилъ бы, взялъ бы другіе сроки. Но неискренность ваша (кажется, для меня бы можно было сдѣлать изъятіе, потому что я съ вами всегда былъ искрененъ) ввела меня въ такое положеніе, изъ коего нельзя или по крайней мѣрѣ трудно мнѣ будетъ выйти.

«Братъ, пріѣхавъ сюда безъ денегъ и безъ экипажа (потому что вы изъ 10.000 р., ему принадлежащихъ, ничего, ни процентовъ, ни капитала ему не удѣлили),—такъ же требуетъ отъ меня значительной помощи: ибо путешествіе на Кавказъ не бездѣлица. Между прочимъ я долженъ отдать ему и карету, и остаться самъ совершенно безъ экипажа. Между тѣмъ мои двѣ кареты у васъ пятый годъ гніютъ или уже и сгнили. Покорнѣйше и убѣдительнѣйше васъ прошу, если онѣ еще живы, прислать ихъ сюда по первому лѣтнему пути. Всѣ издержки починки ихъ, которая никакъ не можетъ быть очень важна, такъ какъ и издержки доставленія ихъ, я принимаю на себя, и если нѣтъ у васъ по обѣщанному вами разсчету моихъ денегъ, то Аркадій Алексѣевичъ выдастъ, сколько на сіе нужно, изъ другихъ моихъ денегъ. За провозъ же остальныя я здѣсь заплачу. Ихъ надобно только перекрасить.

«Не теряйте, Петръ Григорьичъ, друзей вашихъ; у васъ ихъ немного, и ни въ какомъ случаѣ не должно быть

расточительнымъ. Прощайте, желаю чтобъ вы и всѣ ваши были здоровы» (*).

Пенза 27-го марта 1817.

«Наконецъ получены и деньги, и мнѣ остается только жалѣть и раскаяваться, любезный мой Петръ Григорьичъ, что написалъ къ вамъ предъидущее письмо мое. Я солгалъ вамъ на самого себя, на весь образъ мыслей моихъ и поведенія, когда представилъ себѣ возможнымъ просить съ вами разводу. Вѣрно, намъ вѣкъ такъ прожить, какъ мы доселѣ жили, то есть, вамъ отлагать и послѣ дѣлать вдвое лучше, а мнѣ сердиться и послѣ раскаяваться, что могъ осердиться. Но не худо, еслибы мы оба исправились: вы въ отлагательствѣ, а я въ нѣкоторой нетерпѣливости и особливо въ количествѣ моихъ къ вамъ докукъ тогда, какъ вы и собственными вашими дѣлами довольно озабочены. На сей по крайней мѣрѣ разъ не будетъ новой просьбы. Христосъ воскресе, и да расточатся вси врази его. Прощайте, душевно васъ обнимаю.»

Пенза 3-го апрѣля 1817.

«Мнѣ пришла мысль, любезный мой Петръ Григорьевичъ, которую предлагаю вамъ на уваженіе и исполненіе, если найдете ее возможною. Не возьметъ ли Баташева дому моего за долгъ; я уступлю его ей за 75.000 р. и сверхъ того прежде еще срока заплачу ей наличными 25.000 р., такъ что останусь ей должнымъ всего только 20.000 рублями. Сіи 25.000 р., наличными назначаемые, возьму я

(*) Письмо это было слѣдствіемъ наговоровъ брата Сперанскаго, съ которымъ отецъ мой былъ вынужденъ поссориться.

изъ продажи Великополья, о чемъ идетъ теперь у меня переписка и, кажется, скоро кончится.—Я знаю, что она можетъ мнѣ и отсрочить, *но во первыхъ* нѣтъ для меня счету платить ей проценты; *во вторыхъ* домъ ветшаетъ; *въ третьихъ* я желаю, какъ можно скорѣе, всѣ долги очистить и не имѣть никакой заботы. Если бы она на сіе подалась: тогда можно бы постращать и Тухачевскою продажею и побудить ее, скорѣе и лучше кончить. Лѣтнее время для продажи сего дома есть самое благопріятное.

«Кстати о Великопольѣ: прошу сказать мнѣ, *съ первою почтою*, сколько по сему имѣнію долженъ я въ банкъ и въ чемъ состоитъ ежегодный платежъ. Не забудьте между тѣмъ внести; кажется, срокъ въ апрѣлѣ.

«Прощайте, душевно васъ обнимаю.

«P. S. Не забудьте о каретахъ и о счетахъ».

Пенза 22-го мая 1817.

«Письмо ваше, любезный мой Петръ Григорьевичъ, отъ 4-го мая, по всей вѣроятности отправленное 11-го, сегодня я получилъ. Вы пространно въ немъ отвѣчаете мнѣ на такое письмо, о коемъ я уже позабылъ и о коемъ, недѣлю спустя послѣ его отправленія, я самъ сожалѣлъ и изъявилъ вамъ мое сожалѣніе. Послѣдующія мои письма удостовѣрили васъ, что это было одно минутное сомнѣніе и, если хотите, заблужденіе. Ни Козьма (*), ни собесѣдникъ его не могутъ меня сбить: ибо вы знаете, что я упрямъ и въ мнѣніяхъ моихъ довольно независимъ. Оставимъ сіи скучныя подробности и примемся за дѣло.

«Весьма благодаренъ вамъ за попеченія ваши о продажѣ дома. Ради Бога, не оставляйте сіе дѣло преслѣдовать;

(*) Братъ Сперанскаго.

я увѣренъ, что вы его совершите. Вы не можете себѣ представить, какъ по разнымъ соображеніямъ сіе для меня нужно.

«Прошу васъ, мой любезный Петръ Григорьевичъ, наблюсти самую большую точность въ платежѣ процентовъ Баташевой: ибо это есть единое средство возблагодарить ей и поощрить къ отсрочкѣ. Скажите мнѣ предварительно, не затруднится ли она сею отсрочкою, если, паче чаянія, продажа дома не совершится.

«Весьма благодаренъ за обѣщаніе ваше прислать мнѣ сюда кареты. Я разумѣю, что онѣ будутъ нѣсколько починены и поправлены. Пришлите съ ними и Ивана и Карнѣя. Здѣсь я легко съ ними управлюсь.

«Но вотъ просьба совсѣмъ новаго рода. Я расположился продать Великополье.—Ничто, самое министерство юстиціи, коимъ мнѣ грозятъ или ласкаютъ (*), намѣренія сего перемѣнить не можетъ. На покупку сію прежде всѣхъ вызвался А. А. Жерве. Я предложилъ ему условіе и не имѣю еще отвѣта. Между тѣмъ въ перепискѣ моей, довольно частой съ графомъ А. А. Аракчеевымъ, упоминалъ и ему слегка о моемъ намѣреніи. Нынѣ получилъ отъ него письмо, въ коемъ предлагаетъ онъ уступить сіе имѣніе генералъ-маіору *Федору Астафьичу Бухмейеру*, истинному его пріятелю. Для Жерве—имѣніе сіе не можетъ быть выгодно: ибо онъ не въ силахъ имъ управлять; а для Бухмейера по разнымъ соображеніямъ это будетъ золотое дно. Я самъ писалъ къ Жерве со всею искренностію и почти увѣренъ, что онъ откажется (**). Слѣдовательно, должно войти

(*) Тогда носился слухъ о назначеніи Сперанскаго министромъ юстиціи.

(**) Само собой разумѣется, что догадку сію должно повѣрить; ибо никакихъ Бухмейеровъ не сравню я съ Жерве, если онъ того пожелаетъ.— *Примѣчаніе* Сперанскаго.

въ переговоры съ симъ послѣднимъ. Кому, скажите, могу я поручить сіе, какъ не вамъ. Съ сею почтою я пишу въ семъ смыслѣ къ графу Аракчееву и влагаю письмо мое къ Аркадію Алексѣичу, прося его или самому вручить его, или передать вамъ, какъ вы оба признаете удобнѣе. Но если вы примете сіе на себя: то прошу отдать не замедливъ и, судя по отвѣту, увидѣться съ Бухмейеромъ. На первый разъ достаточно ему будетъ вручить записку, при семъ прилагаемую. Какъ скоро получу я бумаги чрезъ Лизу, то составлю здѣсь полное описаніе и чрезъ васъ къ нему пришлю. Цѣну назначить трудно. На первый разъ отъ себя вы можете предъявить до 150.000 р.; разумѣется, что можно будетъ сойтись и дешевле. Одно обстоятельство тутъ важно. Бухмейеръ безъ сомнѣнія пожелаетъ осмотрѣть имѣніе. Вамъ отлучиться, думаю, не будетъ времени или домашняго удобства; безъ васъ же или кого-либо довѣреннаго осмотръ сей будетъ весьма невыгоденъ: 1) Староста, не желая быть проданнымъ, будетъ все уменьшать и охуждать. 2) Крестьяне, узнавъ что они продаются, сдѣлаются еще лѣнивѣе и непослушнѣе. 3) По неурожаю прошедшаго года крестьяне нуждаются, и по привычкѣ къ жалобамъ не оставятъ нуждъ своихъ увеличить. Все сіе преградилось бы, если бы вы сами могли отлучиться; но это не возможно и потому остается удалять сей осмотръ, сколь можно, до самыхъ послѣднихъ условій; а тогда пусть онъ смотритъ: надобно только вызвать старосту къ себѣ и дать ему надлежащее на сей случай поощреніе, обнадеживъ его, сколь можно болѣе.

«Прощайте, мой любезный; не лѣнитесь писать ко мнѣ и вѣрьте, что никакія сплетни не могутъ перемѣнить моего къ вамъ сердечнаго расположенія.

«P. S. Все таки вы бы хорошо сдѣлали, давъ мнѣ понятіе, въ какомъ счетѣ я съ вами; никакихъ подробностей;

одну перечневую сумму.—Сколько процентовъ платится Баташевой?»

Пенза 28-го мая 1817.

«Жерве рѣшительно отъ покупки Великополья отказался; слѣдовательно, осталась надежда на Бухмейера. Вамъ, любезный мой Петръ Григорьевичъ, обязанъ я буду совершенно рѣшеніемъ сего дѣла. Продавъ домъ и сію деревню, я поставленъ буду въ такое покойное положеніе, въ какомъ никогда еще я не бывалъ. И симъ спокойствіемъ обязанъ буду единственно вашей дружбѣ. Употребите всѣ способы изобрѣтательнаго вашего ума и все остающееся у васъ отъ дѣлъ время. Устроивъ мое положеніе, вы не будете уже съ сей стороны имѣть никакихъ заботъ; а въ случаѣ нужды, въ моихъ дѣлахъ и вашимъ найдете твердую опору. Цѣна имѣнію, между нами, можетъ быть унижена до 100.000 р. Я говорю унижена потому, что къ рукамъ оно дѣйствительно стоитъ по крайней мѣрѣ до 150.000 р., а нѣмецъ въ два года доведетъ его до 200.000. Я знаю сіе опытомъ и, можетъ быть, самъ бы сіе сдѣлалъ, еслибъ года два въ немъ прожилъ. Но по разнымъ причинамъ никогда жалѣть о немъ не буду.

«Прощайте, мой любезный, душевно васъ обнимаю.

«P. S. Если дѣло о продажѣ Великополья пойдетъ: то не будетъ уже причины присылать сюда Карнѣя и Ивана. Перечисливъ ихъ сюда, должно будетъ три года сихъ негодяевъ держать на рукахъ; а за Великополье какая мнѣ нужда отдавать: пусть лучше они при немъ останутся и идутъ въ продажу. Во всѣхъ случаяхъ прошу ихъ остановить.»

Пенза 24-го іюля 1817.

«Не въ моей состоитъ волѣ, любезный Петръ Григорье-

вичъ, *изгладить васъ изъ памяти моей*, какъ вы того желаете, или по крайней мѣрѣ, какъ въ письмѣ вашемъ изъясняете. Въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ я видѣлъ отъ васъ столь много добра, скажу просто и откровенно, столь много благодѣяній, что какія бы ни были впослѣдствіи ваши ко мнѣ расположенія, не въ моихъ силахъ перестать быть вамъ благодарнымъ. Изъ того, что вы не можете вступить въ сношенія о продажѣ Великополья, никакъ не слѣдуетъ, что намъ должно другъ съ другомъ совсѣмъ разстаться. Когда въ первый разъ я поручалъ вамъ сіе дѣло, я предвидѣлъ уже и тогда всѣ его затрудненія и почти напередъ зналъ, что вы отъ него отречетесь. Одно слово: *мнѣ нельзя*, было бы достаточнымъ извиненіемъ; ибо я всегда зналъ, что собственныя дѣла ваши и множество другихъ соображеній не дозволятъ вамъ дѣлать путешествій. Мнѣ представлялось одно возможнымъ, чтобъ вы поручили дѣло сіе кому нибудь изъ людей, вамъ извѣстныхъ. Впрочемъ какая бѣда, если оно осталось и совсѣмъ безъ движенія? все тутъ нѣтъ предлога пожелать, чтобъ я совсѣмъ *изгладилъ васъ изъ своей памяти*.

«Изъ того, что дѣло объ арендѣ поручилъ я вмѣстѣ съ вами Ивану Федоровичу, не слѣдуетъ также, чтобъ я потерялъ къ вамъ довѣріе. Ни мало. Содѣйствіе сіе казалось мнѣ нужнымъ, какъ по занятіямъ вашимъ, такъ и потому, что толковать съ нѣмцами онъ, какъ чиновникъ, служащій въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ дѣла сіи стекаются, имѣлъ болѣе способовъ, нежели вы. Я могъ сдѣлать ошибку въ моемъ заключеніи; но относилъ ли я послѣдствія сей ошибки къ вамъ? Я ошибся, я и потерялъ, и потерю сію несу не только безъ ропота, но и безъ сожалѣнія.

«Если я дозволилъ себѣ сказать вамъ правду о разсѣянности вашей, я мнилъ имѣть на сіе право двадцатилѣтнею моею къ вамъ дружбою, и никакъ не относилъ сего къ лич-

нымъ моимъ дѣламъ; ибо въ дѣлахъ сихъ вы никакого и никогда не сдѣлали упущенія, и, слѣдовательно, говорилъ для васъ, а не для себя. Вы приняли сіе какою-то личною укоризною, которая никогда не входила мнѣ въ голову.

«Остается сказать нѣсколько словъ о письмѣ, признаюсь, довольно глупомъ, которое написалъ я къ вамъ съ нѣкоторою странною для меня вспыльчивостію, по случаю замедленія высылки послѣднихъ денегъ. Но почту спустя я просилъ уже у васъ прощенія, и, мнѣ казалось, заслужилъ его. Вотъ, мнѣ кажется, весь счетъ вашихъ противъ меня неудовольствій. Есть ли тутъ что нибудь стоющее того, чтобъ написать ко мнѣ письмо столь грозное?

«Въ заключеніе скажу вамъ просто и ясно: отъ васъ зависитъ прервать со мною всѣ сношенія. Рѣдкость вашихъ писемъ, кажется, приготовляетъ меня къ сему ожиданію. Разрывъ сей мнѣ будетъ и огорчителенъ и вреденъ. *Огорчителенъ* потому, что я не привыкъ перемѣнять моихъ привязанностей, и въ теченіи двадцати лѣтъ вы будете первый, который дастъ мнѣ отъ себя сію чистую отставку. Огорченіе сіе я однакоже перенесу, какъ переносилъ и другія. *Вреденъ* потому, что, зайдя въ долги, безъ помощи и содѣйствія вашего я не знаю, какъ изъ нихъ выйти. Безъ продажи дома и безъ разсрочекъ, кои вами единственно могутъ быть слажены, я найдусь въ самыхъ крайнихъ затрудненіяхъ. Послѣ сего вамъ остается рѣшить: хотите ли вы меня огорчить и разстроить; но надобно, чтобъ вы рѣшили сіе скорѣе и точнѣе. По крайней мѣрѣ не заслужилъ я того, чтобъ томить меня неизвѣстностію.— Одно положительное *да* или *нѣтъ* всё кончитъ.

«Но и тогда, какъ вы скажете послѣднее отъ меня отрицаніе, я не престану быть вамъ благодарнымъ; не престану мыслить, что мнѣ много еще остается и дѣлать и

желать, чтобъ поравняться съ вами въ одолженіяхъ. Прощайте, душевно васъ обнимаю.

«P. S. Вексель братъ увезъ съ собою; но сіе дѣло кончится совершенно, какъ вы пожелаете.

«P. S. Лиза наконецъ пріѣхала 22-го іюля, и я теперь совершенно спокоенъ. За все вниманіе ваше къ ней сердечно вамъ благодаренъ.»

Пенза 25-го сентября 1817.

«Весьма благодаренъ, любезный мой Петръ Григорьичъ, за письмо отъ 14-го сентября. О Поповѣ повторю только то, что прежде писалъ. Я его зналъ почти такъ же, какъ и вы; но мнѣ всегда казалось, что несчастіе и бѣдность если не все, то многое исправить могутъ. Ужасно думать, что человѣкъ не можетъ исправиться; дай Богъ не видать такихъ людей (*).

«Весьма кстати старыя мои кареты пріѣдутъ. Лизу отправили ко мнѣ въ такой великолѣпной каретѣ, что я и выѣхать здѣсь въ ней боюсь; это столярный ящикъ, который надобно держать въ кабинетѣ на показъ.

«Вчера возвратился я изъ губерніи. Сколько зла и сколь мало способовъ къ исправленію! Усталость и огорченіе были однимъ послѣдствіемъ моего путешествія.

«Я думаю, нужно будетъ переписать вексель Баташевой. Скажите срокъ, и по первому извѣщенію я вышлю новый вексель.

«Прощайте, мой любезный, душевно васъ обнимаю.»

(*) Чиновникъ Поповъ былъ долженъ отцу моему, который оказывалъ ему всякое снисхожденіе. Вмѣсто благодарности онъ, найдя какъ-то дорогу къ Сперанскому, пожаловался ему на отца моего.

Пенза 16-го октября 1817.

«Честь и слава попечительному отправленію каретъ. Дошли сюда исправно и къ назначенному сроку. Весьма много благодаренъ вамъ, любезный мой Петръ Григорьичъ, за ихъ отправленіе. Подивитесь: ни просьбы, ни другаго порученія, кромѣ, чтобъ вы любить меня по прежнему не переставали. Прощайте, душевно васъ обнимаю.»

Пенза 14-го ноября 1817.

«Всѣ вѣроятности, любезный мой Петръ Григорьичъ, сходятся къ тому, что Великополье и въ самомъ началѣ торговали не для Бухмейера, но для военнаго поселенія, въ коемъ сія дача занимаетъ самое средоточіе. Дачи Саблукова и Литвинова уже куплены и за такую цѣну, которая превышаетъ всякое вѣроятіе. Въ сравненіи съ ними мало взять за Великополье и 200.000 рублей. Вѣроятно и Бухмейеръ торговалъ съ тѣмъ, чтобъ послѣ продать въ казну.—Какъ бы то ни было, описаніе сего имѣнія потребовано губернаторомъ и на другой же день съ нарочнымъ отправлено въ Москву, къ графу А. А. Аракчееву. Съ сею почтою я пишу къ нему (графу) съ откровенностію, не уменьшая однакоже цѣны, выпрошенной Поповымъ. Бухмейеръ самъ ко мнѣ пишетъ, что онъ находитъ цѣну (*) *умѣренною*, но для него невозможною. Изъясненія ваши съ нимъ по счастью ничего не перемѣняютъ и напротивъ представляютъ еще ту выгоду, что если бы догадка моя о продажѣ въ казну была и несправедлива (хотя она ос-

(*) Это не тотъ Поповъ, который долженъ былъ отцу моему, а надв. сов. Поповъ, дядя отца моего, который поручилъ ему переговоры съ Бухмейеромъ.

нована на самыхъ положительныхъ соображеніяхъ и даже на отрывистомъ, но значительномъ отзывѣ губернатора), то во всѣхъ случаяхъ можно намъ упрочить себѣ Бухмейера. Такимъ образомъ пусть Поповъ твердитъ о 140.000 р.; вы же, если встрѣтитесь съ Бухмейеромъ, подавайте ему условную надежду къ пониженію, не опредѣляя однакоже съ точностію цѣны, чтобъ не остаться вамъ въ словѣ. Отвѣтъ графа Алексѣя Андреича все рѣшитъ, и я тотчасъ васъ увѣдомлю. Сто тысячъ есть цѣна добрая; сто десять тысячъ еще лучше; но 140.000 есть цѣна прелестная. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ, увлекаясь сею прелестію, не потерять первой, болѣе вѣрной, и въ этомъ-то будетъ состоять все ваше искусство. Не вопрошайте меня, почему графъ, желая мнѣ добра, ведетъ себя въ семъ дѣлѣ съ такими околичностями. Всякому свойственно пяньчить свое дитя; а пользы военнаго поселенія и сбереженіе издержекъ конечно и естественно для него милѣе, нежели я. Присоедините къ сему, что онъ опасается и укоризны какого либо мнѣ особеннаго благопріятства или пристрастія. Какъ бы дѣло сіе впрочемъ ни кончилось, благодаря ловкости, съ коею ухватили вы почти уже потерянную нить изъясненіемъ съ Бухмейеромъ, я предвижу ему скорую и во всѣхъ предположеніяхъ счастливую развязку.»

«Пенза 18-го января 1818.

«Мы остановились съ вами, любезный мой Петръ Григорьичъ, въ разсужденіи продажи Великополья, на томъ, чтобъ ожидать отвѣта отъ графа А. А. Аракчеева и потому рѣшиться на одно изъ двухъ предположеній. Отвѣта сего доселѣ не было. Хр. Як. Лазаревъ охотно на себя принимаетъ лично спросить у графа: да, или нѣтъ. Если да, то дѣло пойдетъ своимъ чередомъ; но если нѣтъ, то

должно, не теряя времени, рѣшиться уже съ Бухмейеромъ, и я бы желалъ, чтобъ рѣшились вы, а не кто либо другой. Это будетъ вѣнецъ всѣмъ вашимъ подвигамъ. Если Бухмейеръ давалъ уже 110.000 и если болѣе дать не согласится: то можно на семъ кончить и, положась съ нимъ на словѣ, увѣдомить меня, для высылки отсюда надлежащей довѣренности. Все дѣло начать тѣмъ, чтобъ узнать отъ Хр. Як. отвѣтъ графа Аракчеева и потомъ пойти къ цѣли съ Бухмейеромъ. Но идти должно скоро, чтобъ онъ не раздумалъ. Сдѣлавъ такъ много, довершите, мой любезный Петръ Григорьевичъ, и успокойте себя и меня.

«Съ новымъ годомъ васъ не поздравлялъ, считая излишнимъ увѣрять васъ въ томъ, въ чемъ должны быть увѣрены, то есть, въ искренней моей къ вамъ привязанности и въ желаніи всего лучшаго.

«Прощайте, душевно васъ обнимаю.»

Пенза 19-го марта 1818.

«Письмо ваше, любезный Петръ Григорьевичъ, отъ 6-го марта, со счетомъ я получилъ. Вексель, какъ скоро получу отъ брата, вамъ вышлю; остальныя же деньги не прежде сентября или октября могу къ вамъ доставить. Занимаюсь теперь выборомъ и продажею земель. Какой бы ни былъ успѣхъ по сему предмету, намѣреніе мое о продажѣ дома и Великополья остается непремѣннымъ. Я на васъ совершенно полагаюсь, не взирая на ваше молчаніе. О Великопольѣ нѣтъ причины останавливаться на отзывѣ графа А. А., ибо, мнѣ помнится, я увѣдомилъ уже васъ, что въ письмѣ его ко мнѣ онъ даетъ мнѣ одну только отдаленную надежду; а мнѣ нужно скорѣе кончить, хотя бы то было и съ потерею. По моему счету я теряю тутъ (въ деревнѣ и въ домѣ) ежегодно до 15.000 р., полагая, что то

и другое имѣніе продано бы было за 150.000 р. Потеря для меня важная, и сверхъ того неустройство и безпорядокъ отвратительный.

«Прощайте, душевно васъ обнимаю. Ради Бога, попекитесь о продажѣ дома и деревни. Это послѣдній трудъ, но самый обязательный.»

Пенза 21-го мая 1818.

«Я такъ давно къ вамъ не писалъ, любезный мой Петръ Григорьичъ, что вы, думаю, уже и руку мою позабыли. Оставляю васъ въ покоѣ не потому, чтобъ не имѣлъ къ вамъ нужды, но что дорожу вашимъ временемъ, которое, какъ я предполагаю, употребляете вы не безъ пользы на устроеніе участи дѣтей вашихъ. Между тѣмъ долгомъ совѣсти считаю довести до васъ слезное письмо, присемъ прилагаемое. Я не знаю Андрея Попова, но семейство его составляютъ добрые и честные люди. Бѣдность часто вводитъ въ заблужденіе. Если можно, любезный мой Петръ Григорьевичъ, то снизойдите еще разъ на его слезы. И остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Прощайте; душевно и по старинному васъ обнимаю.»

Пенза 2-го іюля 1818.

«Вы сдѣлали несравненно болѣе, любезный мой Петръ Григорьичъ, нежели я просилъ и ожидалъ по иску Попова. Участіе мое въ немъ возбуждено было однимъ слезнымъ письмомъ его и простиралось не далѣе, какъ только довести его до свѣдѣнія вашего, въ увѣренности, что и безъ просьбы моей вы сдѣлаете все, что можетъ быть сообразно съ снисходительными вашими свойствами.

«Довѣренность на продажу дома я обратно получилъ. Надѣюсь, что вы не огорчились, что я далъ другую г. Лазареву. Онъ самъ ее просилъ, и мнѣ казалось не излишнимъ преумножить симъ способы къ продажѣ.

«Я совсѣмъ забылъ, или, лучше сказать, и не зналъ съ точностію о срокѣ платежа Баташевой по закладной. Упросите ее отсрочить еще на годъ, хотя я увѣренъ, что въ сентябрѣ буду въ состояніи сдѣлать ей платежъ; но чтобъ не остаться въ словѣ, то лучше убѣдить ее на годъ. Вопросъ въ процентахъ. Управляющій здѣшнимъ имѣніемъ Кирѣевскаго сказывалъ мнѣ, что домъ его, т. е. люди и прочее, все осталось въ моемъ домѣ и, слѣдовательно, наемъ идетъ своимъ чередомъ. Нужно бы было выправиться, кому отъ него поручено платить сей наемъ.—Если же сіе свѣдѣніе неосновательно, и домъ совершенно пустъ: то въ семъ случаѣ я прошу васъ въ платежѣ процентовъ изворотиться другимъ образомъ и меня увѣдомить. Хоть съ трудомъ, но я здѣсь могу занять и выслать къ вамъ сіи проценты.—Вообще дѣла мои идутъ весьма хорошо; но не прежде, какъ къ 1819 году придутъ они къ развязкѣ.

«Прощайте, мой любезный, душевно васъ обнимаю.»

Пенза 23-го іюля 1818.

«Весьма обрадовали вы меня, любезный мой Петръ Григорьевичъ, письмомъ отъ 12-го іюля, сегодня полученнымъ, и свѣдѣніемъ, что дѣло о продажѣ Великополья наконецъ приходитъ въ движеніе. Видно, на роду мнѣ такъ написано, чтобъ всѣ дѣла полезныя устроивались для меня вашимъ посредствомъ. Ради Бога, преслѣдуйте сіе дѣло до самой крайней возможности. Стучитесь у всѣхъ дверей; просите всѣхъ, кто только пособить можетъ, и хотя по безпристрастію графа Алексѣя Андренча никто надъ нимъ

силы не имѣетъ, да и имѣть ее не нужно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ казна пріобрѣтаетъ, сверхъ земли и крестьянъ, по крайней мѣрѣ на сто тысячъ каменнаго строенія (сіе смѣло и предъ всѣми я могу утвердить), со всѣмъ тѣмъ весьма нехудо, если съ разныхъ сторонъ будутъ доходить къ графу одинакія извѣстія, чтобъ тѣмъ болѣе увѣрить его, что въ покупкѣ сей не можетъ быть ошибки. Къ свѣдѣніямъ, кои о семъ дѣлѣ вы имѣете, считаю нужнымъ присовокупить, что въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ графу я писалъ: 1) что имѣніе сіе весьма способно къ учрежденію въ немъ главнаго штаба военнаго поселенія, какъ по количеству каменнаго строенія, такъ и по мѣстному его положенію; 2) что цѣна ему 140.000 весьма умѣренна; 3) что впрочемъ частные люди не только не могутъ дать сей цѣны, но и совсѣмъ его не купятъ въ настоящемъ положеніи его окрестностей, занятыхъ военнымъ поселеніемъ, и 4) что посему я приму сущую себѣ милостію покупку сего имѣнія въ казну.—Изъ свѣдѣній отъ Х. Я. Лазарева видно, что графъ точно убѣжденъ въ необходимости сей покупки, и на вопросъ отвѣчалъ, что *нужно только нѣкоторое терпѣніе*.

«Прощайте; душевно васъ обнимаю и снова прошу употребить всю вашу дружескую дѣятельность въ окончаніи дѣла о Великопольѣ.»

Пенза 1-го августа 1818.

«Я столько увѣренъ, любезный мой Петръ Григорьевичъ, въ дружеской вашей дѣятельности, что Великополье считаю уже проданнымъ. Довѣренность, если прежняя не отыскана, посылаю съ симъ нарочнымъ къ Аркадію Алексѣичу. Но вамъ необходимо нужно вызвать къ окончательному совершенію г-на Попова: ибо ему извѣстны люди,

коихъ изъ купчей должно исключить, напримѣръ Лаврушку, человѣка братняго и тому подобное, въ маломъ впрочемъ числѣ. Онъ же сверхъ того долженъ и сдать все тому, кто къ пріему будетъ уполномоченъ.

«Прощайте, мой любезный; душевно васъ обнимаю».

«Пенза 21-го сентября 1818.

«Что мнѣ сказать вамъ, любезный мой Петръ Григорьичъ, о всѣхъ хлопотахъ, окружающихъ васъ по моему дому?—Старайтесь скорѣе продать его и не ссылайтесь на высокую цѣну (50000). Я даю вамъ полную волю опредѣлить ее и ниже, по собственному вашему усмотрѣнію, и вѣрьте, какъ бы вы его ни продали, сердечно вамъ буду благодаренъ. Симъ только образомъ можете вы выручить и у себя удержать всѣ издержки его содержанія; ибо искренно вамъ скажу: отправленіе Лизы такъ меня въ разсчетахъ моихъ затруднило, что не могу вамъ до января ничего заплатить, ни вамъ, ни г. Баташевой. Въ январѣ только поступятъ мои деревенскіе доходы, и тогда радъ и готовъ вамъ пособить—пособить въ собственныхъ вашихъ мнѣ одолженіяхъ.

«Что дѣлается съ Великопольемъ? Я писалъ къ новому статсъ-секретарю Муравьеву и просилъ его помощи. Постарайтесь съ нимъ увидѣться и спросить хоть словеснаго его отвѣта. Письмо мое вложено было къ Аркадію Алексѣевичу. Вы не можете себѣ представить, какъ тяготитъ и даже въ здѣшнихъ дѣлахъ моихъ связываетъ меня сія деревня. Не только нѣтъ ни полушки дохода; но боюсь, чтобъ, по недостатку сѣна, не переморить скотъ нынѣшнею зимою. Тамъ стояли воды до августа, и всѣ луга затопило. Половины почти собрать невозможно.—Сдѣлайте, ради Бога, что можно. Если причина медленности состоитъ

въ деньгахъ: то продайте хоть безъ денегъ, лишь бы казна *назначила сроки платежей*, и нынѣшней осенью сняли съ рукъ моихъ сію тяжесть. Я устроилъ бы уже платежи другимъ образомъ.

«Прощайте, мой любезный; душевно васъ обнимаю. Надѣюсь, что Лиза не будетъ и не должна безпокоить васъ деньгами: ибо она снабжена во всемъ достаточно».

Пенза 26-го ноября 1818.

«Весьма благодаренъ вамъ, любезный Петръ Григорьевичъ, за попеченіе ваше о продажѣ моего дома. На условія, Клопову предложенныя, я совершенно согласенъ; въ разсчетѣ же процентовъ на васъ въ полной довѣренности полагаюсь. Желаю только сколь можно скорѣе кончить. Видно, вамъ судьба устроивать дѣла мои; за то вѣрьте, что никогда ни на дѣлѣ, ни въ мысляхъ я не перемѣнялся.— Крайне сожалѣю, что М. Леонтьичъ (*) такъ рѣзко съ вами разошелся; но онъ такъ расходится и разойдется наконецъ и со всѣми. Со мною это давно уже кончено! Богъ съ нимъ!—Вы можете всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, сказывать, что онъ для меня человѣкъ совершенно посторонній, и симъ окажете мнѣ по нѣкоторымъ соображеніямъ не маловажную услугу. Вредить ему никогда не буду, и оборони Боже! но никакого участія въ судьбѣ его принимать я не могу; еслибы предсталъ къ тому случай, дѣлать всякое добро ему радъ, но не по особенному, а по общему чувству.

«Прощайте; отъ всего сердца желаю вамъ прежде всего здоровья и твердости духа, которая наконецъ все преодолѣваетъ».

(*) Магницкій, который долженъ былъ отцу моему до 60.000 р. асс.

Пенза 24-го декабря 1818.

«Весьма радъ, любезный мой Петръ Григорьевичъ, что письмомъ вашимъ отъ 13-го декабря доставили вы мнѣ случай объясниться о продажѣ дома и вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣять облачко, которое, кажется, опять между вами и мною собралось.

«Я дѣйствительно предлагалъ Христофору Якимовичу (*) взять за себя домъ, за какую бы то ни было цѣну. 25.000 тутъ не означало настоящей цѣны, но выраженіе, до какой степени мнѣ продать хочется. Это произошло не отъ вѣстей, какъ вы предполагаете (ибо съ Михайломъ Леонтьичемъ я не только не переписываюсь, но и разошелся съ нимъ, можетъ быть, далѣе, нежели вы), но отъ того, что я видѣлъ предъ собою однѣ издержки на починку и содержаніе, а продажѣ его и конца не могъ видѣть. Вы же нѣкогда ко мнѣ писали, что за назначаемую мною цѣну, за 50.000 р., продать мало или совсѣмъ нѣтъ надежды. Сообразивъ все сіе, меня взяло горе, и я рѣшился передать его Лазареву, зная, что онъ удобнѣе можетъ сдѣлать нужную издержку на поправки его, нежели вы и я. Правда, что я предполагалъ его въ безпорядкѣ; но сіе было естественнымъ слѣдствіемъ его положенія, и никакъ не могъ я ни требовать, ни ожидать, чтобъ вы, при хлопотахъ вашихъ, за нимъ на концѣ города смотрѣли. Я удивился, что Лиза нашла его въ противномъ положеніи, весьма радъ и много вамъ благодаренъ, но никакъ не огорчился бы на васъ, если бы онъ былъ и въ разстройствѣ.

Теперь, чтобъ приступить къ самому дѣлу, между нами: я мало вѣрю обѣщаніямъ Амбургера; но, чтобъ не упрекать себя въ какомъ либо упущеніи, пусть онъ отвѣдаетъ

(*) Лазареву.

пріискать лучшихъ покупщиковъ. Но присемъ справедливость требуетъ, чтобъ и г. Кокоревъ не ожидалъ безсрочно, а потому и писалъ я къ Лизѣ, что послѣдній срокъ исканіямъ Амбургера есть конецъ января и много что 15-ое февраля. Послѣ же сего срока, прошу васъ, не медля кончить съ Кокоревымъ и разчесться по закладной съ Баташевою. Въ семъ смыслѣ пишу я сегодня къ Клопову.

«Что принадлежитъ до разсказовъ Магницкаго: они вовсе не имѣютъ никакого основанія. Въ Москвѣ я за васъ съ нимъ поссорился; а здѣсь при свиданіи не помню даже, чтобъ какой либо былъ вопросъ. Онъ не солгалъ, но вѣроятно принялъ свои мысли и свои слова вмѣсто моихъ. Впрочемъ всѣ мои съ нимъ сношенія давно уже кончились, и даже, при свиданіи здѣсь, мы не болѣе двухъ часовъ были согласны. Неужели умъ и сердце старѣются съ лѣтами.—Видно, такъ.

«Прощайте, мой любезный; душевно васъ обнимаю и желаю вамъ храбрости въ вашихъ подвигахъ и терпѣнія въ трудахъ».

Предъ отъѣздомъ своимъ изъ Пензы въ Сибирь, куда Сперанскій Высочайше назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ, писалъ онъ къ отцу моему.

Пенза 15-го апрѣля 1819.

«Прощаясь съ вами, любезный Петръ Григорьевичъ, симъ письмомъ желалъ бы представить вамъ какія либо утѣшенія (*), но и самъ по истинѣ ихъ не имѣю; предаю

(*) Тогда отецъ мой былъ вовлеченъ въ трудную тяжбу съ сильными противниками, между которыми были и давніе враги Сперанскаго. Тяжба длилась около 10 лѣтъ, и отецъ мой рѣшеніемъ государственнаго совѣта былъ признанъ вполнѣ правымъ. Но тяжба эта разстроила и его здоровье, и его состояніе.

и васъ, какъ и себя, неисповѣдимому руководству Провидѣнія.

«Аркадій Алексѣевичъ сообщилъ вамъ распорядокъ, который назначилъ я для долговыхъ дѣлъ моихъ. Онъ очень простъ и состоитъ только въ томъ, чтобъ продать домъ Дубенскому съ переводомъ на него долгу Баташевой 75.000 р., потомъ дать ей вексель въ 25.000, а остальные 20.000 р., и что причтется процентовъ, заплатить ей наличными изъ суммъ, отъ продажи Великополья остающихся. Я увѣренъ, что по силѣ и возможности не отречетесь вы въ семъ ему содѣйствовать. Это послѣднія мои хлопоты, и болѣе никогда уже ихъ не будетъ. И дѣла мои и васъ самихъ препоручаю я Аркадію Алексѣевичу и увѣренъ, что онъ никогда отъ васъ не отступится. Я писалъ отсюда на заводъ къ Баташевой; нарочный мой еще не возвратился; надѣюсь, что она на предложеніе мое согласится, ибо ничего не теряетъ и во всемъ будетъ совершенно обезпечена.

«Писемъ вашихъ ожидать буду въ казани или въ Тобольскѣ. Писать къ вамъ буду рѣдко, но воспоминать буду часто. Прощайте, любезный Петръ Григорьевичъ. Поцѣлуйте за меня всѣхъ вашихъ дѣтей и вѣрьте, что расположеніе мое и чувства всегда будутъ неизмѣнны. Желаю вамъ милости Божіей и помощи свыше: ибо помощи человѣческой въ положеніи вашемъ нѣтъ. Впрочемъ, твердость духа и здоровье составляютъ главную вашу потребность. Прощайте».

Сперанскій обозрѣлъ всю Сибирь, спускался даже въ нерчинскіе рудники, чего ни одинъ генералъ-губернаторъ до него не дѣлалъ; по Высочайшему повелѣнію произвелъ изслѣдованіе о вкравшихся издавна по управленію Сибирью злоупотребленіяхъ, составилъ проектъ новаго учрежденія для управленія сибирскихъ губерній, а въ 1821 году возвратился въ Петербургъ. Тогоже 1821

года іюля 28-го послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи сибирскаго комитета, членами котораго были назначены: управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей; министръ финансовъ графъ Гурьевъ; генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ; министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь Голицынъ; сибирскій генералъ-губернаторъ Сперанскій и государственный контролеръ баронъ Кампенгаузенъ. Въ то же время Сперанскій назначенъ былъ и членомъ государственнаго совѣта.

Въ 1826 году 31-го января, бывшая до того коммисія составленія законовъ была упразднена, и вмѣсто нея учреждено было II отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, для совершенія уложенія отечественныхъ законовъ. Главное начальство надъ этимъ отдѣленіемъ было Высочайше поручено Сперанскому. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи 1830 года и Сводъ Законовъ, изданный при Высочайшемъ манифестѣ въ 1833 году, составляютъ такія событія, которыя никогда благодарною Россіею не забудутся. Послѣ рѣшенія въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, въ Высочайшемъ присутствіи, дѣла о введеніи Свода Законовъ въ дѣйствіе, Императоръ Николай I возложилъ собственную свою звѣзду ордена Святаго Апостола Андрея Первозваннаго на грудь избраннаго Его Величествомъ исполнителя великой мысли о сводѣ отечественныхъ законовъ. Эта мысль издавна занимала Сперанскаго, но едва онъ намекнулъ только на нее, въ первые дни царствованія Николая I-го, какъ Государь съ необыкновеннымъ одушевленіемъ сказалъ, что Сперанскій угадалъ его собственную мысль. Его Величество тотчасъ же поручилъ Сперанскому привести ее въ исполненіе, взявъ это великое, государственное дѣло подъ личное, непосредственное свое покровительство, и въ семь лѣтъ совер-

шено то, надъ чѣмъ трудились безуспѣшно болѣе столѣтія со временъ Петра Великаго.

Въ началѣ 1839 года Сперанскій былъ возведенъ въ графское достоинство и назначенъ предсѣдателемъ департамента законовъ государственнаго совѣта; но 11-го февраля того 1839 года Россія лишилась Сперанскаго. Наканунѣ своей кончины графъ призывалъ меня къ себѣ, разговаривалъ со мною, и я никакъ не думалъ, что вижу его въ послѣдній разъ.

Мнѣ остается объяснить, когда началась дружба Сперанскаго къ покойному отцу моему, и по какимъ причинамъ я самъ имѣлъ счастіе въ теченіе одиннадцати лѣтъ до самой кончины графа быть съ нимъ почти ежедневно въ личныхъ сношеніяхъ, то служебныхъ, то частныхъ.

Сперанскій, какъ выше сказано, съ 1793 года былъ магистромъ и учителемъ въ санктпетербургской духовной семинаріи. Одинъ изъ сослуживцевъ его, переведенный въ Петербургъ изъ Ярославля магистръ Сахаровъ, былъ очень дружески расположенъ къ отцу моему, служившему въ Ярославлѣ. Сахаровъ рекомендовалъ отца моего Сперанскому, и они такъ полюбили другъ друга съ перваго ихъ знакомства, что Сперанскій, опредѣленный въ началѣ 1797 года въ канцелярію генералъ-прокурора, писалъ изъ Петербурга къ отцу моему, въ Ярославль:

«Милостивый государь мой, Петръ Григорьичъ!

«Жалѣю крайне, что доселѣ не могъ вамъ доставить указа; причиною сему былъ тотъ разсчетъ, по коему хотѣлъ я, чтобъ вы имѣли годъ старшинства въ чинѣ, и потому просилъ ввести васъ въ общее производство, и послѣ сего естественно нельзя васъ было отвязать отъ другихъ и сдѣлать исполненіе по одному. Впрочемъ же я съ почты до

почты ожидаю возможности препроводить его къ вамъ. Между тѣмъ банкъ открылся; вы опредѣлены помощникомъ бухгалтера въ главномъ начальствѣ.—Прибывъ сюда, вы яснѣе узнаете, сколь выгодно сіе мѣсто; я увѣренъ, что по крайней мѣрѣ за сіе меня не побраните. Пріѣздъ вашъ сюда нуженъ скоро и непремѣнно. Я не могу понять, почему необходимо вамъ получить указъ въ Ярославлѣ. Какія бы сдѣлки и переводы ни были, ихъ можно произвесть отсюда. Можно выпросить письма къ лучшимъ людямъ, и, въ отсутствіи вашемъ, я увѣренъ, что дѣла ваши пойдутъ такъ же хорошо и можетъ быть лучше, какъ и въ присутствіи.—Послушайте моего дружескаго и самою необходимостію внушаемаго совѣта и вѣрьте, что я былъ и буду

вашимъ вѣрнымъ слугою и другомъ
Сперанскій.»

14-го марта
1798.

«Ожидаю васъ съ распростертыми и самыми теплыми объятіями. Пріѣзжайте, утвердивъ надежду вашу на Бога и связавъ ее съ надеждами моими, кои доселѣ еще меня не обманывали».

Вслѣдъ за этимъ Сперанскій написалъ къ отцу моему, въ Ярославль, другое письмо:

«За письмо ваше, другъ мой сердечный Петръ Григорьевичъ, покорнѣйше васъ благодарю, но больше бы еще былъ благодаренъ, если бы въ выраженіяхъ вашихъ больше находилъ дружбы, нежели учтивости. По связи моей съ вами, мнѣ кажется, вамъ бы можно себя уволить и меня освободить отъ благодарностей, увѣреній и признательности. Скажите, что вы меня любите, вотъ все, чего отъ васъ требую и имѣю право требовать. При семъ по-

сылаю копію съ опредѣленія и совершенно уже поздравляю васъ титулярнымъ совѣтникомъ.—Дай Богъ, чтобъ скоро увидѣть васъ статскимъ. На увольненіе ваше еще на 20 дней ожидаю вашей просьбы и аттестатовъ на болѣзнь.

«Моя жена супругѣ вашей свидѣтельствуетъ свое искреннее почтеніе и усердіе и очень много васъ бранитъ, что вы ее отъ себя отпустили и теперь по ярмаркамъ и по деревнямъ одни разъѣзжаете.

«Зная мою жизнь, вы конечно меня извините, если я не много пишу: право некогда. Впрочемъ со мной идетъ все хорошо и лучше, нежели я когда нибудь надѣялся.

«Съ будущею почтою еще къ вамъ писать буду, а между тѣмъ чрезъ васъ, принося супругѣ вашей, всѣмъ домашнимъ сродникамъ и друзьямъ усердный мой поклонъ, навсегда пребываю

вашимъ вѣрнымъ другомъ и слугою
Сперанскій.»

31-го марта
1798.

Въ 1798 году отецъ мой пріѣхалъ изъ Ярославля въ Петербургъ, былъ опредѣленъ помощникомъ бухгалтера въ банкъ, черезъ три мѣсяца опредѣленъ бухгалтеромъ, и 11-го іюля 1800 года произведенъ былъ въ коллежскіе ассесоры и опредѣленъ уѣзднымъ судьею въ Ярославль. Сперанскій женился, по любви, на дочери умершаго англійскаго пастора. Елисавета Андреевна—по словамъ покойнаго отца моего, стояла во всѣхъ отношеніяхъ выбора и предпочтенія Сперанскаго. Въ 1800 году, родивъ дочь, единственное дитя Сперанскаго, она отъ горячки умерла. Сперанскій былъ безутѣшенъ, и всю любовь свою, которой такъ много было въ его благородномъ сердцѣ, обратилъ на

малютку дочь свою, на родныхъ его покойной супруги и на друзей своихъ. Отъ 19-го января 1801 года онъ писалъ въ Ярославль къ отцу моему:

«Не подумайте, любезный другъ мой Петръ Григорьевичъ, что я васъ забылъ; вы знаете меня и образъ моей жизни и потому легко меня извините. Порученія ваши исполняю я, сколько могу, съ точностію. О Богоявленскомъ просилъ и, думаю, скоро сдѣлаютъ. Пишите мнѣ, любезный мой Петръ Григорьичъ, обо всемъ и всегда, когда только разсудите; письма ваши всегда мнѣ пріятны по искреннему участію, которое разъ навсегда я въ васъ принялъ и коего никогда не перемѣню. Можетъ быть, я холоденъ въ дружбѣ внѣшней, но за то я постояненъ и, полюбивъ разъ, не перемѣню своихъ правилъ. Любезной супругѣ вашей отъ меня душевное объявите почтеніе и благодарность за ея приписки. Маленькая моя вамъ кланяется; она живетъ теперь у меня, то есть въ одномъ домѣ со мною, съ пріѣхавшею ко мнѣ на сихъ дняхъ тещею и своячиною. Я живу по прежнему, то есть въ хлопотахъ, или въ скукѣ: два препровожденія обыкновенныя моего времени. Прощайте, мой любезный другъ, любите всегда

вамъ вѣрнаго друга и слугу
Сперанскаго.»

19-го января
1801.

Въ 1802 году, за успѣшное рѣшеніе дѣлъ, накопившихся при прежнихъ присутствующихъ въ ярославскомъ уѣздномъ судѣ, отецъ мой пожалованъ былъ въ надворные совѣтники и 17-го октября того же 1802 года опредѣленъ былъ въ департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, котораго Сперанскій былъ тогда директоромъ.

Самыя первыя, дѣтскія понятія мои слились съ понятіемъ о Сперанскомъ. Онъ часто посѣщалъ отца моего и однажды, за вечернимъ чаемъ, взялъ меня къ себѣ на руки. Мнѣ тогда было года четыре отъ-роду. Я началъ что-то болтать. Въ чемъ состоялъ этотъ первый докладъ мой Сперанскому?—рѣшительно забылъ. Живо еще помню минуту, когда Сперанскій прислалъ въ 1806 году, въ подарокъ отцу моему, медальонъ, въ которомъ съ одной стороны былъ портретъ его, а съ другой волосы его за стекломъ. Въ томъ же 1806 году Сперанскій уволенъ былъ въ отпускъ, въ Кіевъ. Отъ 21-го августа 1806 года онъ писалъ съ дороги къ отцу моему:

21-го августа.

«Хотя и безъ остановки, но не безъ труда добрался я сегодня до Великихъ-Лукъ, откуда и пишу къ вамъ, любезный Петръ Григорьичъ, чтобъ къ разнымъ просьбамъ моимъ присовокупить еще одну. При прощаніи я просилъ графа В. П. объ опредѣленіи извѣстнаго вамъ штабъ-лекаря Берсдорфа въ Кіевъ городовымъ лекаремъ, который по новому положенію о тамошнихъ городскихъ доходахъ и по штатамъ, при отъѣздѣ моемъ состоявшимся, вновь въ Кіевѣ при магистратѣ положенъ. Его сіятельство обѣщалъ скоро исполнить мою просьбу; а посему и нужно: 1) справиться у г-на управляющаго 3-й экспедиціи, былъ ли о семъ приказъ; если былъ, то попросить, чтобъ онъ поспѣшилъ сіе исполнить по прежнему прошенію, отъ Берсдорфа на сіе мѣсто къ графу поданному и въ экспедицію дошедшему; а въ случаѣ нужды можно истребовать отъ него и новое, для обряда, о чемъ вы съ нимъ отъ меня и переговорите. Если же приказу не было, то сіе такъ и оставить до моего возвращенія. 2) Если дѣло сіе исполнится, тогда

предложить отъ меня Бердорфу, для экипировки и для уплаты его долговъ, въ заемъ до того, какъ онъ разбогатѣетъ, до 500 рублей, сказавъ ему, что я не успѣлъ всего сего распорядить самъ по нечаянному моему отъѣзду.

«Прощайте, любезный Петръ Григорьичъ; время стоитъ прекрасное; я здоровъ, чего же лучше?—Васъ и всѣхъ моихъ любезныхъ провожатыхъ душевно обнимаю. Гатчинскій ихъ обѣдъ и теперь еще, кажется, у меня на языкѣ: а апельсины ваши составляютъ весь мой ужинъ.

Въ 1 часъ по полудни.»

Въ Кіевѣ 12-го сентября 1806.

«Письма ваши, любезный Петръ Григорьичъ, въ свое время я получилъ, и за всѣ увѣдомленія ваши покорнѣйше васъ, другъ мой, благодарю. Лизенька весьма усердно благодаритъ васъ за органъ и игрушки, которые весьма кстати пришли къ самымъ почти ея имянинамъ. Я здѣсь живу весьма весело и всѣмъ доволенъ, а особливо здоровьемъ. Боюсь только возвратиться къ вамъ, на новыя мученья; но что дѣлать! Пускаюсь отсюда 18-го сего мѣсяца чрезъ Москву и надѣюсь васъ обнять по крайней мѣрѣ 28-го, если не ранѣе. Дай Богъ застать васъ всѣхъ здоровыми. Дочь и всѣ мои вамъ и любезной моей кумушкѣ (*) свидѣтельствуютъ свое почтеніе. Прощайте, любезный Петръ Григорьичъ; душевно васъ обнимаю. Всѣмъ нашимъ мой поклонъ».

По представленію Сперанскаго отецъ мой 1-го января 1806 года былъ пожалованъ въ коллежскіе совѣтники; 31-го декабря 1808 года въ статскіе; въ 1810 году при-

(*) Моей покойной матери. Онъ былъ воспріемникомъ отъ купели родившихся послѣ меня сестеръ и братьевъ моихъ.

слана была ему подписанная Александромъ I грамота, до сихъ поръ у меня хранящаяся, о пожалованіи отца моего 11-го ноября 1810 года кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4-й степени, а 20-го того же ноября отецъ мой испросилъ увольненіе отъ службы, для поправленія домашнихъ дѣлъ своихъ.

Въ мартѣ 1812 года произошелъ въ судьбѣ Сперанскаго переворотъ, выше нами описанный.—Въ 1821 году, когда онъ возвратился въ Петербургъ и былъ опредѣленъ членомъ государственнаго совѣта и сибирскаго комитета, отецъ мой представилъ меня Сперанскому. Это было въ августѣ 1821 года, и я только-что кончилъ курсъ наукъ въ благородномъ пансіонѣ при с.-петербургскомъ университетѣ. Сперанскій (жившій тогда во флигелѣ царскосельскаго дворца) очень благосклонно разговаривалъ со мною, и я, по его рекомендаціи, былъ опредѣленъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Потомъ, по его же ходатайству, получилъ я 1-го марта 1828 года должность секретаря при предсѣдателѣ департамента законовъ государственнаго совѣта, въ которомъ Сперанскій былъ членомъ. Въ мартѣ 1832 года поступилъ я въ экспедиторы по этому же департаменту, и такимъ образомъ съ 1828 по самую кончину графа въ 1839 году, когда онъ уже былъ предсѣдателемъ департамента законовъ, находился я съ нимъ, въ постоянныхъ, то служебныхъ, то частныхъ, сношеніяхъ, по нѣскольку разъ въ недѣлю.

Кромѣ государственной дѣятельности графъ находилъ время заниматься науками, литературой и языкознаніемъ. Не говоря о русскомъ языкѣ, которому онъ оказалъ значительныя услуги, онъ зналъ основательно языки: французскій, англійскій, нѣмецкій, латинскій, греческій и еврейскій. Въ 1838 году, разговорившись со мной о испанскомъ языкѣ, онъ просилъ достать ему хорошую испанскую

грамматику, что я и исполнилъ. Въ то же время онъ подарилъ мнѣ двѣ тетрадки своихъ сочиненій: одну содержанія философскаго подъ названіемъ досуги, другую духовнаго содержанія.

Графъ сдѣлалъ привычку съ молодыхъ лѣтъ записывать свои соображенія и выводы и обладалъ рѣдкимъ даромъ краснорѣчія изустнаго и письменнаго. Я имѣлъ случай слышать его простую бесѣду въ обществѣ и произносимыя имъ рѣчи въ государственномъ совѣтѣ: вездѣ онъ увлекалъ за собою слушателей своей здравой логикой и обаяніемъ своего слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не разгорячаясь, онъ старался не давать замѣтить превосходства своего надъ другими, старался не затрогивать ничьего самолюбія, на сколько это было возможно.

Обращики его здравой логики и краснорѣчія письменнаго читатели могутъ видѣть въ прилагаемыхъ здѣсь сочиненіяхъ его, писанныхъ имъ еще на 25-мъ году его жизни, то есть, въ 1795 году.

1795. **ДОСУГИ.** Сентябрь.

Тотъ кто докажетъ, что сущность всѣхъ твореній состоитъ въ томъ, чтобы они раскрывались постепенно; что раскрытіе ихъ способностей требуетъ извѣстнаго и постояннаго времени; что наконецъ сіе раскрытіе не можетъ иначе совершиться, какъ собственнымъ и часто горестнымъ опытомъ: тотъ рѣшитъ всѣ споры нравственные и откроетъ цѣлую половину природы человѣка.

Чтобъ приступить къ сему великому вопросу съ нѣкоторымъ успѣхомъ, должно розыскать:

I. Начало творенія—предварительные вопросы, сюда входящіе, суть: a) истинное понятіе вѣчности; b) понятіе

начала и зависимости; c) понятіе основы существъ (substantia).

II. Отношеніе твореній къ творцу и существенную разность между ими.—Истинное понятіе о Богѣ.—Когда всѣ сіи изслѣдованія приведутъ насъ къ положительной сторонѣ проблемы: тогда должно будетъ розыскать:

III. Въ какой эпохѣ совершенства стоитъ родъ человѣческій на землѣ? Измѣрить разстояніе его отъ высшей точки совершенства—по тѣлесному устроенію, по страстямъ, разуму и проч.

IV. Изъ сего рѣшатся частные вопросы: о добродѣтели, объ удовольствіи, совершенствѣ, красотѣ, добротѣ характера, о счастіи, о законахъ и проч., въ двухъ смыслахъ: совершенномъ—въ разсужденіи вселенной, и относительномъ — въ разсужденіи того мѣста, на которомъ мы стоимъ.

Къ догадкамъ о истин. знаменов. чел. во вселенной.

Всякой судитъ о счастіи по своимъ понятіямъ. Понятія строятся опытомъ, временемъ, состояніемъ. Есть ли возможность понять будущее? Воображеніе самое сильное ничего не творитъ вновь, но все переливаетъ въ формы, прежде опытомъ и чувствами приготовленныя.—Отсюда безпрерывное сходство и единообразіе даже въ томъ, что называютъ оригинальнымъ.

—

Разность между чернію и философомъ въ семъ мірѣ состоитъ только въ томъ, что чернь дѣлаетъ глупости съ важностію, а философъ со смѣхомъ.

—

Кто пойметъ, какимъ образомъ дѣти, воспитанныя въ различныхъ обстоятельствахъ, съ разными, повидимому, дарованіями и характерами, въ совершенномъ возрастѣ

сходятся однакожъ на одной и той же чертѣ: тому не трудно будетъ уразумѣть, какимъ образомъ люди съ разнымъ расположеніемъ мыслей, съ разными родами ума, встрѣтятся наконецъ всѣ въ одномъ мѣстѣ и придутъ къ счастію въ одно время.

—

Какое зрѣлище для народа увидѣть въ первый разъ сіи могущественныя пружины, кои нѣсколько вѣковъ непостижимымъ для него образомъ двигали его волю! узрѣть сіе великое колесо правленія, что, обращаясь на таинственной оси, возвышало и низвергало съ собою счастіе милліоновъ! Если можно что-нибудь представить разительнѣе и великолѣпнѣе сего вида,—это есть, ставъ въ центрѣ міра, смотрѣть на всѣ силы двигнутой природы и видѣть ходъ вселенной!

—

О сердце! сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? То, что называютъ въ семъ случаѣ сердцемъ, есть нравственное чувство добра и зла, есть природа, есть привычка перваго воспитанія.—Сколько темныхъ и непонятныхъ словъ, чтобъ означить одну простую вещь! Когда говорятъ о человѣкѣ, что онъ дѣлаетъ добро *по чувству*, а не по размышленію; что онъ расположенъ къ добру *природою;* что онъ имѣетъ *доброе сердце*,—подъ всѣми сими выраженіями что разумѣютъ? Одно и тоже: разумѣютъ *добраго человѣка безъ началъ, безъ правилъ.*

Къ чему вводить новыя и химерическія способности въ природу человѣка?—Разумъ и самолюбіе все изъясняютъ. И сія нѣжная душа, поражающаяся первымъ взглядомъ несчастнаго, и сіе важное, размышляющее существо, взвѣшивающее обстоятельства и не прежде рѣшающееся на добродѣтель, какъ измѣривъ ее и приложивъ къ своимъ началамъ, движутся однимъ и тѣмъ же

разумомъ.—Все различіе состоитъ только въ томъ, что правила перваго механическимъ упражненіемъ превращены въ привычку, а правила втораго безпрерывнымъ дѣйствіемъ размышленія сохранили начальный свой видъ.—Первый рано началъ дѣлать добро, дѣлалъ его безъ размышленія, привыкъ къ нему, привыкъ быть чувствительнымъ и, не примѣтивъ, какимъ образомъ укрѣплялась въ немъ сія привычка, онъ не знаетъ ея рожденія, не знаетъ начальныхъ стихій, изъ коихъ она составилась, и почитаетъ особеннымъ свойствомъ души своей, называя ее то нѣжнымъ *чувствомъ*, то *добротою сердца*, то *природнымъ расположеніемъ къ добру*.—Второй, можетъ быть, столь же часто упражнялъ силы души своей въ добрѣ, сперва слѣпо и безъ познанія ихъ, потомъ съ размышленіемъ; отдѣлилъ чувствованія свои, нашелъ источникъ ихъ въ воображеніи и самолюбіи, открылъ таинственную игру сихъ способностей въ нашихъ впечатлѣніяхъ, подчинилъ ихъ разуму, постановилъ имъ правила и съ сей минуты началъ дѣлать добро *по началамъ*.—То, что называютъ *человѣкомъ чувствительнымъ*, есть родъ машины, не понимающей хода собственныхъ колесъ своихъ; но человѣкъ *добрый по началамъ* не только знаетъ, что́ онъ чувствуетъ, но знаетъ вмѣстѣ, что онъ долженъ чувствовать такъ, а не иначе, по природѣ своихъ способностей. Тотъ и другой равно могутъ быть добры; но первый можетъ обмануться въ природѣ своихъ чувствованій, ибо не знаетъ ихъ начала и не умѣетъ повѣрить ихъ истинными отношеніями души его къ предметамъ; а другой можетъ охладить чувствованія размышленіемъ и пропустить важную минуту, въ которую должно дѣйствовать.—Видали ли вы двухъ математиковъ, изъ коихъ одинъ дѣлаетъ выкладки по навыку, другой по правиламъ и размышленію?—Вотъ образъ человѣка чувствительнаго и человѣка съ началами.—

Повторимъ еще: человѣкъ чувствительный есть машина, заведенная воспитаніемъ, идущая по привычкѣ и безъ размышленія о причинахъ ее движущихъ.—Кто знаетъ: тѣ ли пружины напрягаютъ ея дѣйствія, которыя предуставлены къ сему концу, или вмѣсто ихъ дѣйствуютъ другія, кто это знаетъ?—А между тѣмъ la machine va, et l'horloge deraisonne quelquefois publiquement (*).

Тронуть сердце, возбудить чувство въ краснорѣчіи значитъ то же, что подвинуть страсти; но страсти основываются на чувствительности и воображеніи, и слѣдовательно на первыхъ привычкахъ воспитанія.—Такимъ образомъ всѣ выраженія сего рода можно привесть къ одному началу.

Сердце бьется въ движеніи страстей.—Это маятникъ чувственной нашей системы.—Отсюда должно изъяснять употребленіе столь обыкновенное *сердца* вмѣсто *чувства*, и чувства вмѣсто *страстей*.

—

Во всѣхъ системахъ счастія надобно выбирать между пустотою сердца и его спокойствіемъ. Человѣкъ, который никѣмъ не занимается, есть существо уединенное, оставленное въ бездѣйствіи, среди всеобщаго движенія вселенной; его покой есть дикое молчаніе пустыни. Съ другой стороны, сколько надобно дать сердцу толчковъ, чтобъ привесть къ нему минутное сопряженіе пріятныхъ потрясеній!

CANEVAS D'UN ROMAN A FAIRE:

LE PÈRE DE FAMILLE.

Un père a deux enfans, un fils et une fille. La fille aime secrètement un jeune homme qui demeure dans la maison.

(*) То есть: «Машина движется, и часы иногда говорятъ вздоръ публично».

Le fils est entêté d'une inconnue qu'il a vue dans son voisinage. Il a tâché de la corrompre, mais inutilement. Il s'est déguisé et établi à coté d'elle sous un nom et sous des habits empruntés. Il passe là pour un homme de peuple, attaché à quelque profession méchanique. Censé le jour à son travail il ne voit celle qu'il aime que le soir. Mais le père attentif à ce qui se passe dans la maison, apprend que son fils s'absente toutes les nuits. Cette conduite qui annonce le dérèglement, l'inquiète: il attend son fils.—C'est-là que la scène commence.—Mais on peut prendre les choses un peu plus haut et par des liaisons antérieures développer le caractère libertin du fils.

Caractères. Le père aura le caractère de son état. Il sera bon, vigilant, ferme et tendre. Placé dans la circonstance la plus difficile de sa vie, elle suffira pour déployer toute son âme.

Il faut que son fils soit violent.

Sa maîtresse ne sera jamais assez aimable. C'est une enfant innocente, honnête et sensible.

Le beau-frère, homme d'une tête étroite et à préjugés, sera dure, faible, méchant, importun, rusé, tracassier.

Germenil, c'est le fils d'un ami du pére de famille qui l'a pris chez lui et l'a fait élever comme son fils.

Cécile persuadée que son père ne lui accordera jamais cet homme pour époux le tiendra à une grande distance d'elle. Germenil sera donc d'un caractère ferme, tranquille, et un peu renfermé, et Cécile sera un composé de hauteur, de vivacité, de reserve et de sensibilité (*).

(*) Вотъ переводъ этого мѣста:

КАНВА ДЛЯ СОЧИНЕНІЯ РОМАНА:

ОТЕЦЪ СЕМЕЙСТВА.

У одного отца двое дѣтей, сынъ и дочь. Дочь тайно любитъ молодаго

*

Облетавъ мыслію и воображеніемъ всѣ въ свѣтѣ удовольствія, всегда надобно кончить тѣмъ, чтобъ вздохнуть, усмѣхнуться и быть добродѣтельнымъ.

Увѣрьтесь, друзья мои, что быть счастливымъ и быть добрымъ есть совершенно одно и то же.—Одно только злоупотребленіе словъ раздѣлило два сіи состоянія, по существу и началу своему соединенныя. Если бы языкъ образовали философы: блескъ, честь, богатство не носили бы на себѣ прелестнаго имени счастія, но назывались бы просто блескомъ, честію, богатствомъ, вещами средними, изъ коихъ и добро и зло равно могутъ родиться.

человѣка, который живетъ у нихъ въ домѣ. Сынъ сильно занятъ незнакомкой, которую узналъ въ сосѣдствѣ. Онъ старался ее обольстить, но тщетно. Переодѣвшись въ чужое платье, онъ поселился близъ нея подъ вымышленнымъ именемъ. Тамъ слыветъ онъ простолюдиномъ, который занимается ремесломъ. Днемъ сидя за работою, онъ только по вечерамъ видитъ ту, которую любитъ. Но отецъ, внимательный ко всему, что дѣлается у него въ домѣ, узнаетъ, что сынъ отлучается каждую ночь. Это дурное поведеніе безпокоитъ его. Онъ ожидаетъ сына.—Тутъ начинается сцена.—Но можно описать произшествія, прежде того бывшія, и прежними связями развить распутный характеръ сына.

Характеры. Отецъ будетъ имѣть характеръ своего состоянія. Онъ будетъ добръ, дѣятеленъ, твердъ и вѣженъ. Самое трудное обстоятельство въ его жизни подастъ достаточное средство выказать всю его душу. Надобно, чтобъ его сынъ былъ неукротимаго характера.

Дѣвушка, которую онъ любитъ, будетъ къ нему холодна. Это—невинное, добродѣтельное и чувствительное дитя.

Зять, человѣкъ съ ограниченнымъ умомъ и съ предразсудками, будетъ нечувствителенъ, слабъ, золъ, несносенъ, хитеръ, охотникъ мучить другихъ.

Жерменилъ, сынъ одного изъ друзей отца семейства, который взялъ его къ себѣ въ домъ и воспиталъ какъ своего собственнаго сына.

Сесилія, увѣренная, что отецъ ея никогда не согласится выдать ее за этого человѣка, будетъ обходиться съ нимъ очень осторожно и холодно.

Жерменилъ будетъ характера твердаго, спокойнаго и немного скрытнаго, а въ характерѣ *Сесиліи* будетъ смѣшеніе гордости и живости, холодности и чувствительности.

Одно и то же самолюбіе есть начало и добродѣтели и счастія.—Счастіе въ нашей системѣ міра есть перевѣсъ *ощущеній пріятныхъ* надъ *досадами*.—Добродѣтель есть тотъ же самый перевѣсъ *совершенствъ* надъ *недостатками*. Но *пріятное ощущеніе* всегда есть слѣдствіе внутренняго сознанія совершенства, и всегда досада предполагаетъ слабость, порокъ, недостатокъ. Раскроемъ нѣсколько сію важную истину.

Напрасно нравоучители стѣснили добродѣтель въ понятіе однихъ только совершенствъ нравственныхъ.

Счастіе есть связь пріятныхъ чувствованій и потому мѣра его не есть минутное ощущеніе удовольствій, но разсчетъ всѣхъ чувствованій, горестныхъ и пріятныхъ, отъ колыбели до гроба.

Говорятъ, что добродѣтель безъ удачнаго сопряженія обстоятельствъ быть счастливою не можетъ.—Но къ чему отдѣляютъ добродѣтель отъ благоразумія, рождающаго сіи удачные случаи или ими пользующагося.—Тотъ не добродѣтеленъ, кто несчастливъ по внѣшнему положенію.

Но часто сіе внѣшнее положеніе отъ насъ не зависитъ—1) не такъ часто, какъ вообще думаютъ; сей ударъ, которой называемъ мы роковымъ, можетъ быть, тому нѣсколько лѣтъ приготовленъ былъ собственною твоею неосторожностію: 2) кто увѣрилъ васъ, что счастіе въ вашей системѣ совершенно должно быть безъ страданій! Разочтитесь въ чувствованіяхъ цѣлой жизни, а не въ минутныхъ ощущеніяхъ, примите въ счетъ привычку, образъ взирать на вещи, внутреннее чувство невинности, если хотите знать перевѣсъ удовольствій надъ досадами.—Несовершенство счастія доказываетъ только несовершенство нашихъ добродѣтелей.

Почувствуйте нужду добродѣтели.

—

Qui pourra dire à lui-même: chaque jour j'achemine vers la perfection; chaque jour j'arrache quelque vice, quelque faiblesse de mon coeur!

J'ai trois ennemis à combattre: la paresse, la timidité, la vanité.... Mon Dieu! quels ennemis! il se liguèrent contre moi depuis mon enfance. Mon tempérament leur prête des armes toujours nouvelles. Qu' est ce que je puis faire, l'un contre trois! moi, pauvre et chétif mortel, avec ma brillante imagination et ma faible raison!

La paresse est un vice de ma constitution spirituelle. Avec une vaste et rapide imagination et un fond inépuisable de l'amour de soi-même on doit continuellement courir après les chimères de bonheur dont la production ne nous coûte rien. C'est une manière courte et délicieuse de s'occuper de soi-même et on la doit préférer naturellement à toute autre, comme la plus facile (*).

—

Мнѣ кажется, философы суть люди, брошенные на неизвѣстный берегъ и разсыпавшіеся въ разныя стороны для

(*) Кто можетъ сказать самому себѣ: каждый день я приближаюсь къ совершенству, каждый день я вырываю изъ сердца какой-нибудь порокъ, какую-нибудь слабость. Съ тремя врагами долженъ я бороться: съ *лѣностью, робостью и гордостью*. Боже мой! Какіе враги! Они соединились противъ меня съ дней моего дѣтства. Темпераментъ мой подаетъ имъ всегда новое оружіе, и что могу я сдѣлать одинъ противъ трехъ, я—бѣдный и слабый смертный, съ моимъ блестящимъ воображеніемъ и слабымъ разумомъ.

Лѣность есть порокъ моей души. Съ сильнымъ и быстрымъ воображеніемъ и съ неистощимымъ запасомъ самолюбія, должно постоянно гнаться за химерами счастія, которыхъ изобрѣтеніе ничего намъ не стоитъ. Это—удобное и прекрасное средство заниматься самимъ собою, и оно должно быть естественно предпочитаемо всѣмъ другимъ средствамъ, какъ наиболѣе легкое.

обозрѣнія страны.—Нѣсколько вѣковъ протекло, какъ они снимаютъ чертежи поверхностей; но никто еще не дерзнулъ изъ нихъ вскрыть черепъ и разсмотрѣть слой сего великаго материка. Самые остроумнѣйшіе изъ нихъ дѣлаютъ только догадки, и самые основательнѣйшіе собираютъ только опыты и явленія.

—

Міръ есть расположеніе стихій по извѣстному порядку.

То, что философовъ ввергло въ очевидныя заблужденія о началѣ міра, есть неосторожное и скороспѣшное допущеніе *силы*.

Сила естественно предполагаетъ три понятія; причину дѣйствующую, предметъ ея *дѣйствованія* (subjectum actionis) *и наконецъ произведеніе* (effectus). Назвавъ силу V, предметъ s, произведеніе e, всегда должно быть $V s = e$. Философы ошиблись, когда мѣрою силы приняли только одно произведеніе; ибо очевидно, что разность предмета вноситъ въ упражненіе ея иногда болѣе, иногда менѣе препятствій, и сила вообще всегда должна быть $V = \frac{e}{s}$ Когда въ математикѣ полагаютъ $V = e$, тогда или выпускаютъ изъ виду препятствія, или преодолѣніе ихъ сливаютъ съ самымъ произведеніемъ.—Положимъ, что сіи препятствія будутъ $-\infty$, понеже они находятся въ самомъ предметѣ дѣйствованія, то будетъ $s - \infty = \infty$ и слѣд. $e = 0$, хотя бы V было $= \infty$. И такъ философы забыли, что отъ 0 до 1 разстояніе безконечно, и что самая безконечная сила сблизить его не можетъ; ибо два безконечныя себя уничтожаютъ.

Если допустимъ мы физическое измѣреніе силъ такъ, какъ допустить его необходимо должно, то будетъ $V = mc$, и если $m = 0$, то и $V = 0$. Вообще въ измѣреніи силъ должно упражненіе ихъ раздѣлить на двѣ части, изъ коихъ одна есть ниспроверженіе препятствій, а другая самое про-

изведеніе. Чтобъ произведеніе было=1, надобно, чтобъ препятствія были=0. Сіи препятствія суть или внѣшнія или внутреннія.—При мірозданіи внѣшнихъ быть не могло, но внутреннія— ∞, ибо s=0. Если бы сіи препятствія были, то къ преодолѣнію ихъ не требовалось бы $V = \infty$.

И такъ всякая сила дѣйствуетъ по данной основѣ.

О ВРЕМЕНИ.

Время, по самому простому объ немъ понятію, есть разстояніе между началомъ и концемъ бытія; но понеже сіе разстояніе измѣряется нашими чувствами; понеже сія мѣра не есть истинная и совершенная, но только относительная; понеже, собственно говоря, вещи не рождаются и не исчезаютъ, но только являются и скрываются отъ взора, то, поставивъ на мѣстѣ слабаго нашего глаза, Око всевидящее, Око могущее преслѣдовать матерію во всѣхъ ея измѣненіяхъ, очевидно, что для него не будетъ ни начала, ни конца въ вещахъ, и слѣдовательно ни времени. Вселенная будетъ для него громада безпрерывно движущаяся и изъ одной системы переходящая въ другую; но какъ всѣ сіи системы безконечному разуму являются присущими, то нѣтъ для него ни прошедшаго, ни будущаго: все сливается въ одну точку.

И такъ для существа безконечнаго нѣтъ ни времени, ни вѣчности.

О ПРОСТРАНСТВѢ.

Время къ вѣчности такое же имѣетъ отношеніе, какое существуетъ между мѣстомъ и пространствомъ.

Мѣсто есть та часть пространства, которую занимаетъ тѣло въ извѣстной системѣ.—Но какъ одна только слабость зрѣнія нашего заставляетъ насъ дѣлить міръ на системы;

то совершенное мѣсто тѣла было бы та часть пространства, которую оно занимаетъ во вселенной.

Пространство есть разстояніе краевъ вселенныя.

Сіи края для Ока всевидящаго ни близки, ни далеки быть не могутъ; ибо близкими называемъ мы тѣ предметы, которые можемъ обнять однимъ ударомъ очей.—Чѣмъ болѣе будетъ число таковыхъ ударовъ между двумя предметами, тѣмъ будутъ они далѣе; но сіе число опредѣляется числомъ предметовъ привлекающихъ наше воззрѣніе. Отсюда происходитъ, что, не сближая и не раздѣляя двухъ предметовъ, можно перемѣнить ихъ разстояніе, вмѣстивъ между ими или отнявъ отъ нихъ группы тѣлъ. Разстояніе тѣлъ небесныхъ служитъ тому всегдашнимъ опытомъ и доводомъ. Луна, Солнце, Сиріусъ для насъ почти лежатъ въ одинакомъ отдаленіи. Воображательное увеличиваніе сихъ свѣтилъ на горизонтѣ изъясняется изъ сего же начала. Доказательство, что количество ударовъ глазъ входитъ въ количество разстоянія, есть то, что быстрое движеніе обыкновенно путь сокращаетъ, слѣдовательно разстояніе предметовъ основано на нашемъ воображеніи.

И такъ для разума безконечнаго нѣтъ ни разстоянія, ни пространства, ни мѣста. Вселенная предъ нимъ есть недѣлимая точка.

Слѣдовательно понятіе времени и разстоянія основаны только на нашемъ образѣ чувствовать и понимать вещи, на слабости и раздѣльномъ дѣйствованіи нашего ума.

О ПОРЯДКѢ.

Порядкомъ мы называемъ расположеніе существъ на мѣстахъ наиболѣе свойственныхъ ихъ природѣ и простотѣ той системы, въ которой они поставлены.

Но какъ ни мѣстъ, ни системы нѣтъ во вселенной, то и порядокъ есть понятіе относительное.

Первую мысль о порядкѣ, безъ сомнѣнія, люди получили отъ примѣчанія разныхъ положеній существъ въ отношеніи къ ихъ разуму или къ тому концу, которому они дѣйствіе сихъ существъ подчиняли. Отсюда происходитъ, что простота и конецъ составляютъ сущность всякаго порядка; но понеже сія сущность по степенямъ разума, по различнымъ намѣреніямъ его перемѣняется, то ясно, что она не можетъ быть истинною; она есть плодъ того слабаго и самолюбиваго ума, который методы упражненія своего, пріемы своей слабости, всегда вносилъ въ самую природу, всегда и примѣрялъ ее къ себѣ, вмѣсто того, чтобъ къ ней примѣряться. Порядокъ естественно предполагаетъ возможность смѣшенія и неустройства, ибо онъ есть состояніе. Но какъ для разума безконечнаго все просто и ничто не выходитъ изъ своего предустановленія, то тѣла не могутъ для него имѣть состоянія и слѣдовательно порядокъ для него есть или слово безъ знаменованія, или самая природа существъ; такъ какъ свѣтъ безъ тьмы не былъ бы состояніе тѣлъ, но самая ихъ природа.

Изъ сего видно, что разумъ безконечный не имѣетъ никакого понятія о порядкѣ нашемъ, или называетъ его всеобщимъ предустановленнымъ теченіемъ природы.

Тоже должно сказать о соразмѣрности.

И понеже на сихъ двухъ качествахъ лежитъ понятіе красоты, то ясно, что и сіе понятіе есть внѣ природы вещей.

Въ безчисленности видовъ природы человѣкъ встрѣтилъ образы наиболѣе сходствующіе съ его разумомъ; легкость, съ которою онъ открылъ ихъ отношенія, развилъ и распростеръ понятія въ нихъ сокрытыя,—все сіе ласкало его самолюбію; онъ замѣтилъ сіи предметы въ толпѣ его окружающей, съ удовольствіемъ занимался ими съ своего младен-

чества, пріучилъ умъ свой перебѣгать во мгновеніе ока сквозь ихъ отношенія, упустилъ наблюсть постепенное расширеніе сей привычки разума, назвалъ ее чувствомъ и подчинилъ суду его сей родъ предметовъ, который наименовалъ онъ красивыми; и понеже сіе понятіе виситъ по существу своему на его разумѣ, то естественно, что образъ его всегда колебался и выливался во всѣ формы привычекъ, воображеній, умовъ, темпераментовъ; принималъ на себя тысячу различныхъ видовъ, часто смѣшныхъ и противорѣчащихъ, и всегда плавающихъ, такъ сказать, на воздухѣ (*). Напротивъ, всѣ тѣ предметы, которые привычкамъ его ума не даютъ на себѣ упражненія, которыхъ отношеній онъ не открываетъ, представляя непреодолимыя трудности объему его понятія, которыя оскорбляютъ его самолюбіе, всѣ тѣ предметы назвалъ онъ *безобразными*. Но какъ они тѣмъ не менѣе имѣютъ свои отношенія, и понеже человѣкъ часто самъ себя обличалъ въ семъ заблужденіи и совершенно преобращалъ свои о нихъ понятія, открывая плѣняющія красоты тамъ, гдѣ прежде встрѣчалъ одно безобразіе, то ясно, что нѣтъ ничего во вселенной безобразнаго и слѣдовательно нѣтъ ничего красиваго.

—

О СЛОЖНОСТИ.

Вселенная, такъ какъ человѣкъ ее себѣ представляетъ, есть великій феноменъ, котораго всѣ части расположены по призраку висящему на его разумѣ (**) и видимы сквозь

(*) Высокое отъ красиваго различается только тѣмъ, что оно заключаетъ въ себѣ большое число понятій развивающихся съ большею удобностію; отсюда происходитъ, что высокое всѣхъ поражаетъ, хотя не равно, а красивое часто скользитъ по поверхности.

(**) Сей-то призракъ вселенной назовемъ мы въ послѣдствіи ея идеею.

грубую завѣсу чувствъ. Въ существѣ своемъ она должна совсѣмъ отличный имѣть видъ.

Понеже для разума безконечнаго она не имѣетъ пространства, длины и широты, *нѣтъ въ ней ничего ни простаго ни сложнаго*. Удивительно ли послѣ сего, что сіи понятія при всѣхъ усиліяхъ созерцателей доселѣ оставались безъ знаменованія: они не имѣли его въ природѣ.

Ключъ, откуда берутся всѣ сіи заблуженія, есть несовершенство языковъ человѣческихъ и то предубѣжденіе, въ которомъ люди не отличили истиннаго вида природы отъ того, въ коемъ представляютъ ее намъ чувства. Смотря сквозь волшебное стекло воображенія, они создали въ мозгу своемъ другой міръ и по сей ложной модели хотѣли судить о мірѣ вещественномъ.

Они непрестанно твердили, что надобно вопрошать природу, и истолкователями ея оракуловъ поставили чувства.—Замѣтивъ самые грубые ихъ обманы, они мнили тѣмъ предостеречь себя отъ ихъ лживости, или поправить ее разумомъ. Между тѣмъ они не познали природы сего разума и взяли мѣрою его простой *добрый смыслъ* (*). Но сія мѣра, всегда непостоянная и относительная, основывалась на тѣхъ же самыхъ чувствахъ, кои она измѣряла. Такимъ образомъ, люди непрестанно вращались въ одномъ кругѣ и дивились однако же, что, совершивъ нѣсколько оборотовъ, они приходили къ той же точкѣ, съ которой двинулись.

Одна слабость ума принудила людей раздробить тѣла на части, и мы уже примѣтили, что для Ока всеобъемлющаго нѣтъ ни времени, ни пространства, ни сложности.—Доводомъ на сію истину служитъ самое происхожденіе ихъ.—Слово *просто* долженствуетъ относиться къ разуму и зна-

(*) Онтологія ихъ есть собраніе истинъ простаго добраго смысла.

читъ тоже, что *удобно*, *не трудно*, что съ легкостью разумъ обнимаетъ. Но по обыкновенному преврату сужденій человѣческихъ люди не умедлили сіе состояніе разума отнести къ тѣламъ и назвали тѣ изъ нихъ *простыми*, которые скорѣе они обнимали, кои менѣе представляли на себѣ разностей (corpora homogena), и понеже по симъ разностямъ судили они о степеняхъ сложенія и ими замѣчали части, то естественно имъ было по количеству сихъ разностей заключить о количествѣ частей. Такимъ образомъ *простота* превратилась въ понятіе относительнаго количества частей.

2007044030